РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ.

Пров. 60
32611

1870

ОКТЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОХОДЫ И РАСХОДЫ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II. (1769—1780.) А. Н. Куломзина.

II. СЫЩИКИ. Историческая повѣсть изъ бироновскаго времени. Часть первая. Гл. I—XVII. Булкина.

III. ДВА ЭПИЗОДА ИЗЪ ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II. Эпизодъ второй. IV. Барона Ѳ. А. Бюлера.

IV. НА НОЖАХЪ. Романъ. Часть первая. Гл. I—VII. Н. С. Лѣскова. (Стебницкаго.)

V. БѢЛАЯ-КРИНИЦА ДО ПРІѢЗДА АМВРОСІЯ. Гл. I—III Н. И. Субботина.

VI. МУЖЪ И ЖЕНА. Романъ Вильки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. (Окончаніе.)

VII. МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ ЗА ГРАНИЦЕЙ И НА КАВКАЗѢ. С. А. Смирнова.

VIII. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. I. *Пѣсни собранныя И. В. Кирѣевскимъ*, изд. Обществомъ Любителей Россійской Словесности. II. *Сѣверъ Россіи*. Соч. М. Сидорова. П. Щ.

IX. ПРИЗРАКЪ ВОСТОЧНАГО ВОПРОСА. П. К. Щебальскаго.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧЪ ЛЬЁ ПОДЪ ВОДОЙ. Разказъ Жюля Верна. Часть вторая. (Окончаніе.)

О ПОДПИСКѢ

на

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1871 году будетъ стоить въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, безъ доставки, ТРИНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП., съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе могутъ подписываться также на полгода, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 7 р., съ доставкой на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 8 р., и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки, 3 р. 40 к., съ доставкой и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 4 р.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Большой Дмитровкѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ; въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

Иногородные адресуются ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ. Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву, либо Петербургъ, по слѣдующему разчету:

	Р.	К.
Въ государства Германскаго Почтоваго Союза	16	—
Въ Бельгію, Нидерланды и Швейцарію . . .	17	—
Въ Данію	18	50

Въ Англію,, Францію, Испанію, Португалію и Швецію . . . . . 20 —
Въ Италію . . . . . 24 —

Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Желающіе пріобрѣсти *Русскій Вѣстникъ*, за прежніе годы, могутъ покупать его въ конторѣ Университетской типографіи по слѣдующимъ уменьшеннымъ цѣнамъ:

Отдѣльно за каждый годъ.

	Съ пер.	Безъ пер.
За второе полугодіе 1857 года	12 книгъ 5 руб.	4 р. 25 коп.
„ 1858 годъ	24 книги 10 „	8 „ 50 „
„ 1859 „	24 „ 10 „	8 „ 50 „
„ 1860 „	24 „ 10 „	8 „ 50 „
„ 1861 „	12 книгъ 8 „	6 „ 50 „
„ 1862 „	12 „ 8 „	6 „ 50 „
„ 1863 „	12 „ 8 „	6 „ 50 „
„ 1864 „	12 „ 8 „	6 „ 50 „
„ 1865 „	12 „ 8 „	6 „ 50 „
„ 1866 „	12 „ 8 „	6 „ 50 „
„ 1867 „	12 „ 8 „	6 „ 50 „
„ 1868 „	12 „ 8 „	6 „ 50 „
„ 1869 „	12 „ 8 „	6 „ 50 „

За нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ.

	Съ пер.	Безъ пер.
За два года, какіе угодно	15 р.	12 р. — к.
„ три года	22 „	17 „ 50 „
„ четыре года	28 „	22 „ — „
„ пять лѣтъ	33 „	25 „ 50 „
„ шесть лѣтъ	37 „	28 „ — „
„ семь „	40 „	29 „ 50 „
„ восемь „	43 „	31 „ — „
„ девять „	46 „	32 „ 50 „
„ десять „	49 „	34 „ — „
„ одиннадцать лѣтъ	52 „	35 „ 50 „
„ двѣнадцать „	55 „	37 „ — „
„ двѣнадцать съ половиною лѣтъ . .	56 „ 50 к.	37 „ 75 „

Иногородные адресуютъ свои требованія въ редакцію *Русскаго Вѣстника*. Гг. книгопродавцамъ дѣлается уступка: съ пересылкой 5%, безъ пересылки 10%.

Тутъ же отпускаются и отдѣльныя книжки *Русскаго Вѣстника*, для пополненія разрозненныхъ годовыхъ экземпляровъ, за 1858, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67 и 68 годы по 50 коп. за книжку безъ пересылки, а съ пересылкою по 70 коп. За 1869 и текущій 1870 годъ отдѣльныя книжки отпускаются по 1 руб. 50 коп. за книжку.

Русский Вестник
1870. Октябрь
32611

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ
ДОХОДЫ И РАСХОДЫ
ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II
(1769—1780.)

I.

Состояніе финансовъ предъ началомъ Турецкой войны.—Увеличеніе податей по случаю войны.—Финансы во время войны и расходы на войну.

Созванная Екатериной коммиссія объ Уложеніи обратила вниманіе на необходимость приведенія въ извѣстность системы государственныхъ сборовъ и расходовъ. Вслѣдствіе этого „частная коммиссія объ образѣ сборовъ и объ образѣ расходовъ“ обратилась, въ мартѣ 1769 года, въ дирекціонную коммиссію* съ требованіемъ о доставленіи въ нее необходимыхъ ей свѣдѣній о государственныхъ расходахъ. При этомъ частная коммиссія увѣдомила что первую часть своего плана она расположила слѣдующимъ образомъ: государственные расходы предположено распредѣлить подъ слѣдующими рубриками:

1) О расходахъ потребныхъ на защищеніе государства.

2) О расходахъ на соблюденіе внутренняго порядка, спокойствія и безопасности всякаго особенно и всѣхъ вообще.

3) На предпріятія до пользы общей касающіяся.

4) На довольствіе и великолѣпіе престола.

Въ отвѣтъ на требованіе коммиссіи, ей была изъ сената сообщена краткая табель непремѣнныхъ и главныхъ государ-

* Изъ дѣлъ архива министерства юстиціи въ Москвѣ.

ственныхъ расходовъ. Изъ этого сообщенія видно что бюджетъ государственный въ нормальномъ своемъ видѣ, по раздѣленіи на главныя рубрики, согласно проекту коммиссіи, представлялъ слѣдующія цифры:

1) На защищеніе государства полагалось 9.277.093 р. 61¼ к. (въ томъ числѣ на армію 8.077.093 р. 61¼ к., на флотъ 1.200.000 р.)

2) На общественное спокойствіе и порядокъ, подъ которыми подразумѣвалась стоимость всего свѣтскаго и духовнаго управленія, 3.947.011 р. 74¾ к.

3) На предпріятія полезныя, то-есть: строенія, пути сообщенія и содержаніе разныхъ учебныхъ заведеній, 1.470.690 р. 88 к.

4) На довольствіе и великолѣпіе двора 3.269.231 р. 44 к. (въ томъ числѣ и содержаніе гвардіи).

5) Кромѣ того показывалось что по государству бываетъ временныхъ и экстраординарныхъ расходовъ и изъ собственныхъ доходовъ присутственныхъ мѣстъ, всего 3.299.115 р. 50 к.

Общій итогъ государственныхъ ежегодныхъ расходовъ въ эту эпоху составляетъ, такимъ образомъ, 21.263.143 р. 18 к. Цифру эту, весьма близко подходящую къ итогамъ государственныхъ расходовъ за года непосредственно предшествовавшіе 1769, можно, такимъ образомъ, признать выражающею нормальное состояніе этихъ расходовъ за время до начала Турецкой войны.

Въ такомъ почти положеніи и находилась государственная казна непосредственно предъ началомъ упомянутой войны. Подтвержденіемъ сему служитъ вѣдомость о государственныхъ расходахъ и доходахъ за 1768 годъ,* изъ которой видно что доходы за этотъ годъ предположены были въ размѣрѣ 21.683.178 р., а съ оборотными и недоимочными за прошлые года 25.231.384 р., расходы же по той же вѣдомости не превосходили 20.378.124 р., а съ оборотными и чрезвычайными 21.860.522 р.**

Между тѣмъ, возвѣщенная манифестомъ 18го ноября 1768 года война съ Турціей потребовала новыхъ и значительныхъ пожертвованій со стороны государственной казны, и на покрытіе чрезвычайныхъ, вызванныхъ ею, расходовъ было въ 1768 и въ началѣ 1769 годовъ установлено нѣсколько новыхъ податей и налоговъ.

* Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

** *Вѣдомости* и *Росписи*, напеч. въ V томѣ *Историч. Сборн.* Спб. 1870.

Прежде всего правительство обратилось къ увеличенію прямыхъ податей: указомъ 13го ноября 1768 года, * со всѣхъ въ казенномъ вѣдомствѣ состоявшихъ крестьянъ, въ томъ числѣ и съ экономическихъ и дворцовыхъ, повелѣно было собирать, кромѣ 70 к. подушной подати, по 2 р. оброку съ души, по послѣдней ревизіи, начиная съ 1го іюля 1769 года. Выставляя принципомъ государственнаго хозяйства что „по надобности государственныхъ расходовъ неминуемо должны быть размѣряемы и подати, наблюдая токмо чтобъ оныя происходили безъ отягощенія и отъ однихъ избытковъ“, указъ, въ оправданіе увеличенія прямыхъ податей, приводилъ что существовавшія подати были наложены въ прежнія времена, когда продукты крестьянскаго труда продавались по низшей цѣнѣ и когда работой труднѣе было добыть денегъ на уплату податей. Въ указѣ упоминается что цѣна на рабочій трудъ увеличилась вдвое противъ того времени когда установлены были существовавшія подати, а количество денегъ въ обращеніи увеличилось вчетверо, и наконецъ, что попеченіями и мудрыми распоряженіями доставлена народу возможность увеличить свои заработки, такъ что каждый противъ прежняго могъ зарабатывать не только вдвое, но и втрое и вчетверо.

Сенатскимъ указомъ 27го мая 1769 года, ** увеличеніе оброчной подати до двухъ рублей было распространено и на приписныхъ къ казеннымъ и партикулярнымъ заводамъ крестьянъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ возвышена платимая имъ заработная плата, за лѣтній конный день съ 10 до 12 коп., за пѣшій съ 5 до 6 коп., за зимній конный день съ 6 до 8 коп., и за пѣшій съ 4 до 5 коп., за проходъ же отъ жилищъ къ заводамъ положено по 3 коп. за день, считая по 25 верстъ въ день. Въ дальнѣйшее облегченіе заводскихъ крестьянъ, указомъ 30го августа 1770 года *** повелѣно имъ было изъ наложенныхъ на нихъ сборовъ, вмѣстѣ съ прежними, вносить деньгами 1 руб. съ души, а остальныя зарабатывать.

Вслѣдъ затѣмъ остзейскія провинціи были призваны къ „равномѣрному понесенію тягости“, и на все время веденія войны Лифляндская провинція съ островомъ Эзелемъ была обложена годовою податью во 100.000 альбертовыхъ талеровъ, ****

* *П. С. З.* № 13.194.

** *П. С. З.* № 13 303.

*** *П. С. З.* № 13.456.

**** Указъ 30го декабря 1768 г. *П. С. З.* № 13.222.

а Эстляндская провинція въ 50.000 талеровъ, * причемъ раскладка этой подати между жителями была предоставлена самой провинціи. Указомъ же 14го іюля 1769 года, ** соотвѣтственно тому, городъ Нарва былъ обложенъ 3.000 руб. ежегодной, въ теченіи войны, подати.

Всѣ эти накладныя по случаю войны подати велѣно было высылать въ штатсъ-контору, гдѣ хранить ихъ и не иначе расходовать какъ по особымъ именнымъ указамъ. ***

Еще въ манифестѣ 15го декабря 1763 года повелѣно было казенные амбары, кузницы, лавки и прочія оброчныя мѣста въ городахъ переоброчить, а съ частныхъ положить оброкъ въ казну на $^1/_{10}$ часть получаемаго съ нихъ владѣльцами дохода, но до сихъ поръ не сдѣлано было подробнаго росписанія съ какихъ лавокъ и мѣстъ сколько взыскивать и какія освободить вовсе. Въ настоящее время, въ виду государственныхъ нуждъ, правительство, въ январѣ 1769 года, **** издало подробное росписаніе о такихъ лавкахъ, которое само по себѣ содержитъ весьма полную номенклатуру разныхъ отраслей розничной торговой промышленности.

Согласно этому росписанію:

I. Десятинной подати съ наемной цѣны подвергались: всякія лавки, полулавки и погреба, какъ на рынкахъ и площадяхъ, такъ и въ домахъ, какими бы товарами въ нихъ ни торговали, кромѣ хлѣбныхъ, калачныхъ, пирожныхъ и блинныхъ. Тою же десятинною податью были обложены постоялые дворы, всякія кладовыя, наемныя (не собственныя) каретныя лавки, шорныя и сѣдельныя, саложныя, столярныя, мѣдныя и машинныя лавки.

II. По невозможности обложить нѣкоторые промыслы означенною податью, для нихъ принимались другіе способы обложенія.

Такимъ образомъ по пространству *занимаемыхъ нѣкоторыми торговцами мѣстъ облагались:*

1) *По полтора рубля съ квадратной сажени:* лари для продажи восковыхъ свѣчъ, толоконныя и тому подобныя лавки и шалаши, лари и шкафы съ мелкими вещами, прилавки и шалаши въ которыхъ продаются лакомства, табачныя лавки, лари и скамьи, сбитенныя скамьи, лавки и шала-

* То же. *П. С. З.* № 13.223.

** *П. С. З.* № 13.321.

*** Указъ 15го октября 1769 г. *П. С. З.* № 13.371.

**** *П. С. З.* № 13.247.

ши въ которыхъ производилась продажа живности и всякой дичи, а также съѣстныя лавки. Береговые рыбные садки длиною не менѣе 6 саженъ должны были платить 10 руб., а меньшаго размѣра по $1^1/_2$ руб. съ сажени длины.

По одному рублю съ квадратной сажени облагались: шалаши для продажи въ зимнее время изъ саней мерзлой рыбы, мѣста для продажи грибовъ, сѣна, овса и соломы.

По 10 коп. съ квадратной сажени были обложены лѣсные дворы въ городахъ и предмѣстьяхъ.

По 25 коп. съ квадратной сажени должны были платить точильни.

2) *Поштучно* были обложены медовыя кади по полтинѣ.

III. Затѣмъ *совершенно освобождены* были отъ всякаго оброка:

1) Разнощики торгующіе сальными и восковыми свѣчами.

2 Скупщики, пригоняющіе птицъ стадами и продающіе съ возовъ и корзинъ.

3) Разнощики продающіе грибы съ рукъ или съ возовъ.

4) Продавцы съ рукъ стараго платья, салоговъ, лоскутьевъ, ветоши.

5) Кади, изъ которыхъ продаются квасъ и кислыя щи.

6) Цирюльни.

7) Мучные лабазы, амбары, барки, но съ тѣмъ чтобы въ нихъ хлѣбъ не продавался въ количествахъ меньшихъ чѣмъ по 10 кулей заразъ.

8) Лѣсные плоты и дворы внѣ городовъ.

9) Всякія лавки и мѣста въ которыхъ продаются лишь одни хлѣбные съѣстные продукты, а также лукъ, чеснокъ, рѣдька, хрѣнъ сырой и сушеный, простой пивной уксусъ.

10) Харчевни, въ которыхъ продаются всякія яства для рабочихъ людей.

11) Дрова.

12) Обручники.

13) Разнощики всякихъ съѣстныхъ припасовъ, овощей и плодовъ.

14) Сады и огороды.

15) Крестьяне привозящіе для продажи произведенія сельскаго хозяйства, но лишь съ правомъ продажи ихъ возами, а не въ розницу, мѣрою или вѣсомъ.

Вовсе не было дозволено заводить особыя мѣста для продажи лаптей и всякихъ лычныхъ обувей и снастей и для продажи стараго платья, а лишь позволено было продавать ихъ изъ лавокъ съ платою десятичной подати.

Всѣхъ приведенныхъ нами мѣръ, однакоже, по мнѣнію генералъ-прокурора князя Вяземскаго, не было достаточно для обезпеченія необходимыхъ для веденія войны расходовъ. Вслѣдствіе сего генералъ-прокуроръ, еще въ апрѣлѣ 1769 года, * внесъ въ состоявшій при императрицѣ совѣтъ представленіе о томъ что на 1770 годъ предвидится недостатокъ въ 2.900.000 р. При этомъ предложено было увеличить подушный окладъ. Но,—сказано въ протоколѣ засѣданія,—на это ея величество изволила объявить „что она на сіе согласиться не можетъ и почитаетъ сіе за послѣдній рессурсъ, котораго безъ самой крайности употреблять не надлежитъ, а чтобы изыскать другія и для народа легчайшія средства". Наконецъ, по предложенію генералъ-прокурора, предоставлено ему было войти въ переговоры съ откупщиками объ увеличеніи цѣны вина до 3 руб., отъ чего предполагалось получить прибыли милліонъ рублей. Вслѣдъ затѣмъ, въ іюнѣ того же года, читанъ былъ докладъ тайныхъ совѣтниковъ Волкова и Теплова о наложеніи чрезвычайной подати на фабрики и заводы и купечество. Волковъ и Тепловъ предполагали обложить все положенное въ подушный окладъ купечество, кромѣ платимыхъ ими 1 р. 20 к. съ души, еще 1 р. 50 к. Совѣтъ однако предположилъ увеличить прежній окладъ только до 2 р., то-есть надбавку ограничить 80 к. съ души, „ибо"—какъ сказано въ протоколѣ совѣта — „купечество равно съ крестьянами тягость войны на себѣ несутъ, какъ рекрутами, такъ и работниками, да сверхъ того еще употребляются въ службу, какъ-то: къ вину и соли, къ чему оныхъ употребляется не малое число. И если каждаго употребленнаго въ службу положить на годъ по 30 руб., то сіе составитъ великую сумму, которую купечество ежегодно платитъ." Наконецъ, въ іюлѣ, князь Вяземскій представилъ совѣту что по исчисленію на 1770 годъ потребно чрезвычайныхъ для арміи расходовъ 7.254.825 руб.; что на удовлетвореніе ихъ можно изъ государственныхъ доходовъ назначить 4 милл. руб., что отъ надбавки на вино, если она состоится, получится 1 милл. руб. и что недостатокъ затѣмъ превосходитъ 2 милл. руб. Въ другомъ документѣ подъ заглавіемъ „Краткій счетъ о денежныхъ доходахъ 1770 года", подписанномъ тѣмъ же княземъ Вяземскимъ, ** потребность въ чрезвычайныхъ расходахъ на 1770 годъ исчисляется въ 7.777.679 р., причемъ

* *Архивъ государств. совѣта*, т. I, стр. 408 и слѣд.

** Въ дѣлахъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, книга вѣдомостей ІОЕЕ.

подробности этого счета даютъ возможность судить о томъ какимъ образомъ исчислена была упомянутая имѣвшаяся въ виду сумма 4 милл. руб. Въ упомянутомъ счетѣ князь Вяземскій исчисляетъ государственные обыкновенные доходы въ 21.695.438 р., расходы же обыкновенные штатные въ 19.997.721 руб., непредвидѣнные мелкіе въ 1.100.000 р.; такимъ образомъ оставалось на чрезвычайные военные расходы лишь не болѣе 600.000 р.; но князь Вяземскій полагалъ произвести уменьшеніе въ расходахъ на постройки на сумму 500.000 р., такъ что остатокъ на военные расходы увеличивался до 1.100.000 р., затѣмъ, отъ вновь наложенныхъ податей и налоговъ полагалось получить: съ черносошныхъ и экономическихъ крестьянъ до 1.700.000 р., съ дворцовыхъ и перчинскаго серебра до 300.000 р. и отъ дѣланія мѣдной монеты до 1.000.000 р. Такимъ образомъ, итогъ свободныхъ на военные расходы суммъ составлялся въ 4.100.000 р. Образовавшійся на покрытіе военныхъ потребностей дефицитъ слишкомъ въ 3.000.000 р. князь Вяземскій предлагалъ пополнить:

1) Накладкою на вино, отъ которой полагалъ онъ получить до 1 милл. руб.

2) Контрибуціею съ Польши въ видѣ доставки фуража и провіанта натурою, отъ чего онъ также расчитывалъ получить до 1 милл. руб.

3) Займомъ на 1 милл. руб.

Одновременно съ представленіемъ своимъ, генералъ-прокуроръ внесъ въ совѣтъ, какъ сказано въ протоколѣ отъ 13го іюля, — „вѣдомости о государственномъ приходѣ и расходѣ". По поднесеніи императрицѣ протоколовъ совѣта по всѣмъ изложеннымъ предположеніямъ, она приказала объявить что „она, прежде нежели оный докладъ конфирмуетъ, желаетъ чтобы совѣтъ разсмотрѣлъ поданныя генералъ-прокуроромъ вѣдомости о всѣхъ государственныхъ приходахъ и расходахъ, не можно ль чрезъ уменьшеніе иныхъ расходовъ нѣкоторую получить выгоду, дабы симъ способомъ облегчить народъ въ разсужденіи новой накладки и опую замѣнить; если же совѣтъ не найдетъ никакихъ другихъ способовъ къ изысканію сего, то въ такомъ случаѣ по необходимости представленный докладъ будетъ конфирмованъ; притомъ же надлежитъ точно знать расходъ учиненный нынѣшняго года на войну, и сколько въ остаткѣ будетъ изъ суммы опредѣленной на чрезвычайныя издержки, и отпускаемой на армію ежемѣсячно, и сколь великъ надобенъ расходъ на будущую кампанію; о всемъ

томъ составить вѣдомость и смѣты, въ которыя внесть и недостатки по адмиралтейской коллегіи.“ Совѣтъ, выслушавъ высочайшее повелѣніе, положилъ однако испросить высочайшую конфирмацію на свой докладъ, ибо,—сказано въ протоколѣ—„разсмотрѣніе вѣдомостей о приходахъ и расходахъ требуетъ времени, чтобы войтить въ подробность оныхъ, въ разсужденіи чего и почитаетъ оную накладку за необходимую, и въ настоящее военное время не признаетъ чтобъ оная могла служить къ большому отягощенію народа.“

Послѣдствіемъ сего было опубликованіе указовъ 13го и 30го октября 1769 года. * Первымъ объявлялось что „хотя нужда требовала бы, въ способствованіе общей обороны и безопасности, наложить на народъ особливую, сверхъ обыкновенныхъ поборовъ, подать, однакоже ея императорское величество, имѣя матернее о своемъ народѣ попеченіе, изыскиваетъ способы чтобъ и при сихъ обстоятельствахъ, поелику возможно, не отягощать вѣрноподданныхъ ея общенародными налогами, но замѣнять оные возвышеніемъ такихъ государственныхъ доходовъ которые не отяготительны“. Съ этою цѣлію повелѣно было: 1) вино во всемъ государствѣ продавать по 3 р. за ведро; 2) на пиво и медъ прибавить по 5 к. на ведро; 3) въ Иркутской и Тобольской губерніяхъ сдѣлать накладку на вино по 36 к. на ведро; и 4) такъ какъ означенною накладкою цѣна водки въ кабакахъ должна была возвыситься до 6 р. за ведро, то прибавить таможенной пошлины на французскія водки по 3 р. на ведро.

Второй указъ замѣчателенъ тѣмъ что въ немъ признается полезнымъ и справедливымъ чтобы отягощеніе, вызванное военными обстоятельствами, сколь возможно было уравнено на всѣхъ подданныхъ государства, а между тѣмъ купечество, фабриканты и заводчики, говорилось въ указѣ, по состоянію своихъ промысловъ не участвуютъ въ общихъ тягостяхъ, но „паче умножающимися, по причинѣ войны, подрядами и другими промыслами, получаютъ въ военное время новые способы къ умноженію своего имѣнія“. Вслѣдствіе того упомянутыя лица облагались на время войны, въ добавокъ къ прежде платимымъ, еще слѣдующими экстраординарными податями:

1) Купечество было обложено, сверхъ платившагося имъ сорокоалтыннаго оклада, еще по 80 к. съ души.

---

* П. С. З. № 13.369 и 13.375.

2) Фабрики производящія работы ткачествомъ, по 1 руб. съ каждаго стана.

3) Прочія фабрики по одному проценту съ цѣны выдѣлываемыхъ на нихъ ежегодно произведеній.

4) Желѣзные заводы, съ домны по 100 р. и съ выплавляемаго чугуна по 4 коп. съ луда.

5) Мѣдные заводы, съ печки по 5 руб. и натурою 10й пудъ съ выплавляемой ежегодно мѣди.

6) Минеральные заводы должны были платить одну десятую долю съ капитала.

7) Ручные горны, занимающіеся выдѣлкою желѣза и чугуна, по 3 руб. въ годъ (въ томъ числѣ и прежде собиравшіяся по *деньгѣ съ пуда*).

Всѣ вновь установленные сборы и подати принесли государственной казнѣ довольно значительныя суммы, хотя нѣкоторыя изъ этихъ податей по доходности своей не достигли ожидавшихся отъ установленія ихъ результатовъ. Хранящаяся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ вѣдомость о государственныхъ доходахъ и расходахъ на 1770 годъ, составленная 31го декабря того же года, даетъ возможность судить о результатахъ сборовъ наложенныхъ для покрытія военныхъ расходовъ. Изъ этой вѣдомости усматриваемъ что въ 1770 году сборы эти исчислялись въ слѣдующемъ количествѣ:

1) 2-рублеваго оброка съ крестьянъ черносошныхъ	1.233.260	р. 20	k.
2) съ дворцовыхъ	493.636	„ —	„
3) „ экономическихъ	506.968	„ 50	„
4) „ Остзейскихъ провинцій военныхъ податей.	170.469	„ 56¼	„
5) „ ингерманладскихъ обывателей	10.595	„ 60	„
6) „ частныхъ мѣдноплавильныхъ и чугунныхъ заводовъ	325.581	„ 13	„
7) съ купечества 80 k. съ души	182.692	„ —	„
8) „ фабрикъ	21.758	„ 32¾	„
9) винныхъ новоокладныхъ	817.993	„ 93¼	„
Итого	3.762.955	р. 25¼	k.

Такимъ образомъ, присоединяя къ полученнымъ съ военныхъ сборовъ 3.763.000 р. предположенные по разчету князя Вяземскаго: 1.100.000 р.—остаточныхъ отъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ и расходовъ, 1.000.000 р.—прибыльныхъ отъ чеканки мѣдной монеты и 1.000.000 р.—контрибуціи съ Польши, что составитъ въ совокупности до 6.700.000 р.,

оставалось, повидимому, непокрытымъ до 1.000.000 р., которые предположено было пріобрѣсти посредствомъ займа.

Къ сожалѣнію, я не встрѣчалъ подробныхъ разчетовъ за остальные года Турецкой войны. Нѣкоторыя однако указанія на предполагавшіеся военные расходы въ 1771 году и на имѣвшіеся для покрытія ихъ источники государственныхъ доходовъ представляютъ хранящіяся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ вѣдомости, подписанныя княземъ Вяземскимъ, о потребныхъ на слѣдующіе года чрезвычайныхъ расходахъ. Изъ вѣдомостей этихъ видно, что, съ одной стороны, чрезвычайные въ 1771 году расходы были разчитаны въ 6.589.640 р. 4½ к.; на покрытіе же ихъ предположены были къ поступленію слѣдующія, по различнымъ вѣдомствамъ завѣдывавшимъ государственными сборами, суммы:

1) По статсъ-конторѣ:		
остаточныхъ денегъ 882.303 р.	Новоположенныхъ съ крестьянъ	1.200.000 р.
	съ Остзейскихъ губерній	170.000 „
	съ купечества и становъ	204.000 „
2) По коллег. экономіи:		
остаточныхъ 800.000 р.	отъ чрезвычайн. сборовъ	900.000 „
3) По бергъ-коллегіи:		
остаточныхъ 120.444 р.	отъ сборовъ съ заводовъ	300.000 „
4) По камеръ-коллегіи:		
остаточныхъ 170.320 р.	прибыли отъ новаго откупа и новоположенныхъ на вино	1.754.222 „
5) По монетнымъ экспедиціямъ:		
остаточныхъ 517.214 р. 34¾ к.	отъ передѣла мѣдныхъ денегъ. .	1.000.000 „
6) По солян. конторѣ за испанск. соль 14.074 р. 91½ к.		
7) По банкамъ процен. 31.600 р. — к.		
8) По дворцовой канцеляріи:		
остаточныхъ 292.253 р. — к.		
Итого . . . 2.828.209 р. 26¼ к.	5.528.222 р.	1.000.000
	Изъ обыкновен. доход.	1.000.000

Общій итогъ этихъ суммъ составляетъ 9.356.431 р. 26¼ к.; между тѣмъ по другому акту,* объ отпущенныхъ изъ означенныхъ вѣдомствъ по 31е декабря 1771 года суммахъ на чрезвычайные расходы, видно что суммъ этихъ потребовалось до 7.991.907 р., включая сюда и находившіеся за границею фонды. Въ общей же сложности, какъ увидимъ ниже, расходы вызванные военными обстоятельствами въ 1771 году значительно превзошли послѣднюю сумму и почти достигали 9 милл. руб.

Изъ двухъ вѣдомостей за 1772 годъ,** подобныхъ приведеннымъ, видно что расходы чрезвычайные по военнымъ обстоятельствамъ за тотъ годъ были разчитаны въ 7.157.576 р.; рессурсы же имѣвшіеся въ виду для покрытія этихъ расходовъ распредѣлялись по различнымъ вѣдомствамъ въ слѣдующихъ цифрахъ:

1) По статсъ-конторѣ, съ остаточными отъ 1771 года, всего предполагалось	2.172.626 р.	3½ к.
2) По коллегіи экономіи	1.133.458 „	67 „
3) По бергъ-коллегіи	469.950 „	63 „
4) По камеръ-коллегіи	2.171.602 „	85½ „
5) По монетной экспедиціи	1.522.433 „	32¾ „
Итого	7.470.071 „	51¾ „

Уменьшеніе въ семъ году противъ предшествовавшаго свободныхъ по статсъ-конторѣ суммъ объясняется въ приведенной вѣдомости значительными, на сумму до 143.000 р., недоимками въ сборахъ съ фабрикъ, становъ, купечества и крестьянъ, происшедшихъ въ 1771 году и ожидаемыхъ въ 1772 году по тѣмъ же сборамъ въ количествѣ до 400.000 р. По откупнымъ сборамъ съ питей и по сборамъ съ бань и конскому, по случаю „нынѣшней разстройки", оказывалась недоимка за 1771 годъ въ 800.000 р. и такая же недоимка предполагалась и на 1772 годъ.

Что же касается *до дѣйствительнаго вступленія* упоминаемыхъ чрезвычайныхъ по военнымъ обстоятельствамъ наложенныхъ сборовъ, то необходимыя для сужденія о томъ данныя представляютъ окладныя книги за 1773 и 1776 годы.*** Выбравъ для большей ясности лишь цифры касающіяся во-

* Въ дѣлахъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

** Тамъ же.

*** С.-Петербургскій государственный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

енныхъ налоговъ за 1773 годъ (когда всѣ они были еще въ дѣйствіи), изъ окладной книги того года, мы получаемъ довольно полныя данныя касательно суммъ, какъ окладовъ тѣхъ сборовъ, такъ и недоимокъ, накопившихся по нимъ за прежніе, до 1773, года, съ начала ихъ существованія, и дѣйствительныхъ въ помянутомъ году вступленій.

Данныя эти представляются въ слѣдующемъ видѣ:

	Окладъ 1773 года.	Недоимки прошлыхъ лѣтъ.	Сумма поступлен. въ течен. года.
1) Прибавочныхъ съ государственныхъ крестьянъ, по указу 1768 года, въ 2-рублев. окладъ.	1.388.605 р.	529.984 р.	1.335.440 р.
2) Съ экономическихъ крестьянъ, по тому же указу.....	2.076.409 „	606.220 „	2.023.819 „
3) Прибавочныхъ съ купцовъ и цеховыхъ по 80 к. съ души, по указу 1769, сентября 10го. .	187.519 „	46.571 „	182.531 „
4) Контрибуціи съ Рижской и Ревельской губерній, по указу 30го декабря 1768 года.....	—	27.084 „	189.536 „
5) Накладныхъ съ желѣзныхъ заводовъ.....	8.424 „	4.902 „	6.785 „
6) „ съ мѣдноплавильныхъ печей.....	1.500 „	930 „	1.317 „
7) „ съ чугуна.. .. .	212.328 „	71.029 „	113.232 „
8) „ съ мѣди.	—	110.798 „	66.853 „
9) „ съ минеральныхъ заводовъ.....	272 „	66 „	272 „
10) „ съ фабричныхъ становъ..... .	9.865 „	1.915 „	9.085 „
11) „ съ фабричныхъ капиталовъ.....	8.433 „	847 „	8.469 „
12) „ съ горновъ.....	1.375 „	2.093 „	2.107 „
13) Съ домовыхъ становъ..	4.370 „	99 „	4.456 „
14) Накладныхъ на нихъ....	4.370 „	21 „	4.372 „
Итого....	3.903.470 р.	1.402.559 р.	3.948.274 р.

Кромѣ того:

На содержаніе почтъ, по указамъ 1769—72 годовъ.....	86.854 р.	119 р.	80.255 р.
Съ Жидовъ по 1 р. съ головы, по указу 1772 года.....	—	—	12.509 „

Сравнивая выведенный итогъ съ вѣдомостями государственныхъ доходовъ и расходовъ за то же время, оказывается что въ числѣ показанныхъ по окладной книгѣ 2 милл. р. 2хъ-рублеваго оклада съ экономическихъ крестьянъ находится до $1^1/_2$ милл. р., которые собирались съ нихъ еще до начала войны. Напротивъ того недостаетъ 500.000 р. прибавленныхъ на дворцовыхъ крестьянъ и надбавочнаго на вино налога, вошедшаго уже въ составъ общей откупной суммы и составляющаго по вѣдомости 1770 года 817.993 р. Исправивъ на основаніи сихъ данныхъ приведенный итогъ, получимъ *общую сумму 3.859.031 р. чрезвычайныхъ доходовъ, дѣйствительно полученныхъ путемъ увеличенія податей и налоговъ.* Такимъ образомъ, если принять въ соображеніе что сумма поступленій отъ обыкновенныхъ податей и налоговъ въ мирное время составляла въ 1768 году немного болѣе $21^1/_2$ милл. руб., то оказывается что правительство на 20% увеличило подати для немедленнаго покрытія военныхъ расходовъ.

Наконецъ, одинъ изъ сохранившихся документовъ даетъ возможность судить о дѣйствительно произведенныхъ за военное время чрезвычайныхъ расходахъ. Документъ этотъ — вселодданнѣйшій докладъ, представленный императрицѣ генералъ-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ въ ноябрѣ 1774 года, о всѣхъ военныхъ расходахъ за все время продолженія войны.* При докладѣ этомъ приложено 8 отдѣльныхъ вѣдомостей: 1) о суммахъ на содержаніе сухопутнаго войска; 2) о суммахъ на флотъ, въ Средиземномъ морѣ находившійся; 3) на артиллерію и крѣпости; 4) о расходахъ чрезвычайныхъ по адмиралтейству и выданныхъ вице-адмиралу Сенявину; 5) о суммахъ на расходы министерскіе (по коллегіи иностранныхъ дѣлъ, на посланниковъ, курьеровъ и проч.); 6) о чрезычайныхъ расходахъ по военнымъ обстоятельствамъ внутри Имперіи; 7) о суммахъ употребляемыхъ на покупку товаровъ для перевода за границу и, наконецъ, 8) общее обозрѣніе симъ расходамъ, по каждой вѣдомости показаннымъ. Выбравъ изъ этихъ вѣдомостей цифры расходовъ по отдѣльнымъ изъ показанныхъ предметовъ, по каждому изъ годовъ въ теченіе которыхъ продолжалась война и которые вошли въ настоящій докладъ, мы можемъ составить слѣдующее полное обозрѣніе военнымъ расходамъ за семь лѣтъ:

---

* Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Изъ дѣлъ по сношеніямъ генералъ-прокурора съ сенатомъ.

Чрезвычайныя издержки.	Въ 1768.	1769.	1770.	1771.	1772.	1773.	1774.	Итого.
На содержаніе войскъ .	1.250.000	3.887.007	4.081.139	3.930.439	3.564.458	3.064.379	2.967.150	22.744.575
На флотъ	—	983.352	1.738.661	2.227.975	1.732.319	1.142.868	1.644.580	9.469.758
На артиллерію и крѣпости	55.000	986.012	473.140	561.172	227.631	436.493	743.015	3.482.495
На адмиралтейскую коллегію (большею частію на построеніе и вооруженіе судовъ)	—	200.000	350.915	342.728	692.201	754.539	689.175	3.029.564
На вѣдомство иностранныхъ дѣлъ	20.000	515.000	32.301	132.418	208.701	161.062	191.521	1.261.005
На внутренніе расходы .	—	217.685	713.598	413.712	631.720	1.072.782	651.201	3.700.702
(Въ томъ числѣ на уплату процентовъ по внѣшнимъ займамъ)	—	—	89.000	150.000	176.000	233.000	239.000	—
Употреблено на покупку товаровъ для перевода ихъ за границу и выдачи на тѣ суммы кредитивовъ . . .	—	50.000	471.550	1.352.500	723.829	726.280	500.000	3.824.159
Итого . . .	1.325.000	6 839.086	7.861.307	8.960.948	7.780.866	7.358.407	7.386.644	47.512.260 *

* Неточности въ итогахъ происходятъ отъ сложенія опущенныхъ здѣсь копѣекъ.

Изъ сравненія выведенной такимъ образомъ суммы дѣйствительно произведенныхъ по военнымъ обстоятельствамъ расходовъ съ предположеніями генералъ-прокурора въ началѣ первыхъ военныхъ годовъ и количествомъ взимавшихся на тѣ расходы прибавочныхъ податей и налоговъ видно что расходы превосходили въ большинствѣ случаевъ предположенныя въ началѣ каждаго года суммы. Мы также видимъ что до 50% военныхъ расходовъ взимались съ народа непосредственнымъ возвышеніемъ податей; лишь остальная часть этихъ расходовъ должна была быть покрываема частію, какъ выше было указано, сбереженіями въ обыкновенныхъ расходахъ государства, а частію внѣшними займами и выпускомъ ассигнацій, для какой цѣли и былъ въ самомъ началѣ войны учрежденъ ассигнаціонный банкъ. Сколько было въ теченіи этой войны выпущено на удовлетвореніе государственныхъ потребностей ассигнацій, видно изъ одного позднѣйшаго документа, а именно 12.714.750 р. * Если за симъ предположить что въ теченіе пяти съ половиной лѣтъ (бо́льшую часть надбавочныхъ сборовъ положено было собирать съ 1го іюля 1769), собрано было чрезвычайными налогами около 20[illegible] по 3.800.000 р. въ годъ, оказывается нед[illegible] милліоновъ рублей, который необходимо б[illegible] женіями въ расходахъ и иностранными за[illegible]

Въ дѣлахъ архива государственнаго сов[illegible] указанія на то что въ это время были за[illegible] внѣшніе займы. Такъ въ реляціи о засѣда[illegible] года состоявшаго при императрицѣ со[illegible] генералъ-прокуроръ предлагалъ сдѣлать з[illegible] Затѣмъ, въ засѣданіи 12го марта, объявле[illegible] повелѣніе о назначеніи графа Чернышева, князя Алексѣя Михайловича Голицына и князя Алексѣя Алексѣевича Вяземскаго для негоціаціи о займѣ денегъ. Вслѣдствіе того въ засѣданіи 26го марта представлены были заготовленные указы. Въ запискѣ поданной императрицѣ генералъ-прокуроромъ въ іюлѣ того же года, также, какъ мы видѣли выше, предполагалось покрыть образовавшійся на 1770 годъ дефицитъ въ 1 милл. руб. займомъ. Далѣе, въ протоколѣ засѣданія 7го сентября 1769 читаемъ: „При высочайшемъ ея императорскаго

---

* Подробнѣе въ нашей статьѣ: *Ассигнаціи въ царствованіе Екатерины II*, въ *Русскомъ Вѣстникѣ*.

** *Архивъ государственнаго совѣта*, т. I, стр. 406 и слѣд.

величества присутствіи, совѣтъ разсуждалъ о приступѣ къ займу вновь денегъ. Князь А. А. Вяземскій предложилъ что въ Даніи можно получить одинъ милліонъ съ „авантажными для насъ кондиціями“ при [illegible]ландскими. Затѣмъ въ слѣдующихъ засѣданіяхъ совѣта, въ началѣ уже 1770 года, слушаны были предложенія о займѣ, какъ изъ Генуи, такъ и изъ Копенгагена, а въ маѣ 1771 года, генералъ-прокуроромъ представлены были тройныя ратификаціи на контрактъ займа въ Генуѣ, причемъ сказано что ратификаціи эти были „апробованы“. Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ какъ велики были дѣйствительно заключенные въ то время займы, но изъ вѣдомости о расходахъ на войну видно что въ 1773 и 1774 годахъ расходовалось до 239.000 руб. ежегодно на платежъ процентовъ „съ голландской и генуэзской негоціаціи“.

II.

Облегченіе податной тяжести послѣ войны.—Установленіе гильдейскаго налога.—Управленіе косвенными налогами: соляной и таможенный сборы.

Отъ изложенія тѣхъ чрезвычайныхъ финансовыхъ распоряженій которыя вызваны были Турецкою войной, перейдемъ къ очеркѣ законодательныхъ по финансовой части мѣръ, ознаменовавшихъ описываемое десятилѣтіе.

Недостатокъ единства составляетъ характеристическую черту финансовой системы XVIII вѣка въ Россіи какъ и вездѣ. Этотъ недостатокъ выражался прежде всего въ самой системѣ податей, въ которую входило еще множество какъ мѣстныхъ, такъ и общихъ сборовъ, завѣщанныхъ прошедшимъ временемъ, стѣснявшихъ промышленную дѣятельность народа, затруднявшихъ отчетность по сбору государственныхъ доходовъ и приносившихъ казнѣ самую незначительную прибыль. Потому естественно что уничтоженіе этихъ сборовъ и освобожденіе промышленной дѣятельности народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ объединеніе податной системы сдѣлалось одною изъ первыхъ заботъ императрицы по окончаніи первой Турецкой войны и не переставало занимать ее и въ слѣдующіе затѣмъ годы. Для достиженія этой цѣли, Екатерина, которой дѣятельность съ характеризующимъ ее политическимъ тактомъ и пониманіемъ дѣйствительныхъ потребностей народа, была съ самаго вступленія ея на престолъ направлена на созданіе тѣхъ условій

которыя могли способствовать развитію народнаго богатства, не устрашилась произвести временный дефицитъ въ государственномъ бюджетѣ, лишь бы развить производительныя силы страны и дать просторъ промышленной дѣятельности народа.

Съ этою цѣлью государыня поручила сенату, вслѣдъ за окончаніемъ войны, разсмотрѣть какія подати могли бы быть сложены.

Сенатъ отвѣчалъ на это пространнымъ докладомъ, который послужилъ основаніемъ для манифеста 17го марта 1775 года.*

Сенатъ принялъ въ основаніе своихъ разсужденій два начала: во-первыхъ, даровать народу облегченіе, и во-вторыхъ, не истощать казны „особливо при нынѣшнихъ въ государствѣ обстоятельствахъ", какъ сказано въ его докладѣ.

Въ этомъ отношеніи первою необходимостью представлялось ему уничтожить тѣ сборы и налоги которые различными указами были наложены въ началѣ войны. Таковы были сборы съ купечества, по 80 к. съ души; съ желѣзныхъ заводовъ, по 100 р. съ домны; съ мѣдноплавильныхъ печей, по 5 р.; съ выплавляемаго чугуна, по 4 к. съ пуда; десятинные сборы съ выплавляемой мѣди и съ минеральныхъ заводовъ; сборъ со становъ и однопроцентный сборъ съ производимыхъ на фабрикахъ товаровъ, и наконецъ, наложенныя на Лифляндію, Эстляндію и городъ Нарву суммы. Всѣ эти временные сборы приносили ежегоднаго дохода казнѣ 631.682 р. 44 к., и отмѣна ихъ была обязательна для казны, такъ какъ и наложены они были лишь на время войны.

Переходя затѣмъ къ прочимъ податямъ и налогамъ, сенатъ находилъ что нѣкоторые изъ нихъ требовали, если не уничтоженія, то по крайней мѣрѣ убавки. Таковы, по мнѣнію его, были: соляной сборъ, гривенная крѣпостная пошлина и конскія пошлины. Сбавка въ цѣнѣ на соль была обѣщана еще въ указѣ 5го іюля 1762 года; гривенная крѣпостная пошлина подлежала отмѣнѣ, по мнѣнію сената, потому что наложенная случайно, по указу 1714 года, вмѣстѣ съ учрежденіемъ майората и для огражденія выхода имѣній изъ дворянскихъ родовъ, обратилась затѣмъ лишь въ тягость, особенно тѣмъ которые продавали свое имѣніе изъ крайности; въ особенности же тягостна была конская пошлина, падавшая преиму-

* Въ Московск. главн. архивѣ министерства иностр. дѣлъ. Дѣла по сношеніямъ генеральнаго прокурора съ сенатомъ, связка 3я.

щественно на бѣдный крестьянскій классъ народонаселенія, принужденный подчиняться, при покупкѣ и продажѣ лошадей, множеству формальностей. Но какъ ни тягостны для народа были эти три рода податей, уничтоженіе или уменьшеніе ихъ произвело бы столь значительный дефицитъ въ государственныхъ доходахъ (сбавка съ соли на 10 к. уменьшила бы доходы на 800.000 р., уничтоженіе крѣпостныхъ пошлинъ—на 270.000 р., уничтоженіе конскихъ пошлинъ—на 100.000 р.), а именно до 1.170.000 р., что сенатъ не рѣшился представить императрицѣ объ ихъ уничтоженіи, такъ какъ, по словамъ его, „отъ бывшаго въ государствѣ неустройства пришли и доходы многіе въ замѣшательство".

Потому сенатъ перешелъ къ разсмотрѣнію такихъ податей уничтоженіе которыхъ, не причинивъ казнѣ большаго убытка, могло бы доставить значительное облегченіе народу отмѣною тѣхъ стѣсненій которыми сопровождалось собираніе, стоившее нерѣдко такъ дорого что оно поглощало бо́льшую часть приносимаго этими податями дохода. Въ этомъ отношеніи сенатъ обратилъ преимущественное свое вниманіе на тѣ изъ упомянутыхъ податей которыя имѣли лишь одно мѣстное значеніе.

Руководствуясь такими началами, сенатъ представилъ къ уничтоженію 12 разнородныхъ мѣстныхъ сборовъ, приносившихъ казнѣ не болѣе 10.580 р. 14¼ к., и 24 общихъ, но отяготительныхъ для народа сборовъ, доставлявшихъ казнѣ 165.420 р. 28¾ к.

Краткое обозрѣніе этихъ представленныхъ къ уничтоженію сборовъ даетъ намъ нѣкоторое понятіе о той тягости и тѣхъ безчисленныхъ стѣсненіяхъ и злоупотребленіяхъ которыя сборы эти причиняли народу.

Въ числѣ мѣстныхъ сборовъ находились:

1) Сборъ съ струговаго и лодочнаго караула въ Казани, который состоялъ въ томъ что за караулъ лодокъ собиралось выборными отъ купечества нерѣдко по 50 к. съ лодки; между тѣмъ сбора этого поступало всего не болѣе 29 р. въ годъ.

2) Сборы съ тюленьяго промысла на Байкальскомъ озерѣ и съ выдѣлки каменныхъ жернововъ въ Вятской губерніи отдавались на откупъ, первый за 400 р., а второй всего за 153 р.; между тѣмъ, этимъ установлялась особаго рода монополія промысловъ, такъ какъ они отдавались въ исключительное пользованіе откупщиковъ. Частные тюленьи промышленники

не только были обязаны доставлять натурою одну десятую часть своей прибыли, но и остальную часть вырабатываемыхъ ими продуктовъ должны были уступать тому же откупщику за установленную плату.

3) Въ Верхотурьѣ сборъ съ особой серебряныхъ дѣлъ кузницы, доставлявшій *въ казну всего 20 k.*, и въ Илимскѣ такой же сборъ съ выдѣлки точильнаго камня, приносившій дохода *40 k.* и образовавшійся вслѣдствіе указа 15го декабря 1763 года о сборѣ со всякихъ мѣстъ, лавокъ и т. д. одной десятой доли получаемой съ нихъ хозяевами прибыли.

4) Не менѣе замѣчателенъ былъ сохранившійся съ древняго времени въ городѣ Вагѣ сборъ полоняничныхъ денегъ (на выкупъ плѣнныхъ), собиравшійся по гривнѣ съ двора и приносившій дохода 11 k.

5) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранялись кромѣ того сборы: за право имѣть въ бортевыхъ лѣсахъ пчельный промыселъ; не установленный какимъ-либо особымъ закономъ сборъ съ продажи кваса, по рублю съ кади; сборъ за найденныя мертвыя тѣла, по 4 р. 30 k., собиравшійся съ владѣльцевъ той земли на которой такое тѣло найдено было; сборы съ челобитнаго и площаднаго письма и вольныхъ солеварень, существовавшіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ давнихъ поръ, но также безо всякаго на то закона. Всѣ эти сборы приносили казнѣ вмѣстѣ не болѣе 378 р. дохода.

6) Наконецъ, въ С.-Петербургѣ, кромѣ установленнаго въ 1763 году сбора съ лавокъ, амбаровъ, харчевень и шалашей, существовалъ съ тѣхъ же мѣстъ прежній не отмѣненный поземельный сборъ; такъ что они платили, такъ-сказать, двойной налогъ. Потому сенатъ полагалъ исключить старый налогъ изъ оклада.

Изъ числа существовавшихъ на пространствѣ всего государства сборовъ, представлены были сенатомъ къ отмѣнѣ слѣдующіе, въ особенности считавшіеся отяготительными:

1) Въ ряду такихъ сборовъ по справедливости считался особенно тягостнымъ десятичный сборъ, установленный, по указу 15го декабря 1763 года, съ красильнаго, воскобойнаго, кожевеннаго, овчиннаго, мыльнаго, звѣринаго и птичьяго, маслянічнаго промысловъ, съ салотопень, съ хмѣлеваго и солодовеннаго промысловъ, съ амбаровъ, амшениковъ (погребовъ), кирпичныхъ сараевъ, шалашей, балагановъ (деревянныхъ лавокъ), съ харчевень, скамей, полковъ (полокъ для продажи на

улицѣ), кузницъ, съ постоялыхъ дворовъ, уметовъ и зимовей, съ бритовыхъ избъ, съ избъ отдаваемыхъ внаймы во время ярмарокъ, съ юртовъ (пристанища устраивавшіяся на большихъ дорогахъ для пріѣзжающихъ), доставлявшіе въ казну не болѣе 8.094 рублей.

Налоги эти, хотя и не особенно отяготительные по величинѣ своей, однакоже падали преимущественно на бѣднѣйшій классъ народонаселенія, собирались по мелочамъ, а въ особенности, по замѣчанію сената, были тягостны тѣмъ что во всякой мелочи промышленники должны были давать отчетъ, и потому, „больше тягости плательщикамъ, нежели прибытку государству приносили“; но при этомъ оставленъ былъ на прежнемъ основаніи десятичный сборъ съ лавокъ въ гостиныхъ дворахъ и частныхъ домахъ. *

2) Не менѣе обременительны для плательщиковъ были сборы: съ частныхъ бань, по 1 р. съ каждой, установленный въ 1704 году, и съ частныхъ мельницъ. По окладамъ, сборы эти должны были приносить казнѣ довольно значительный доходъ, а именно: первый до 31.000 р., а второй до 73.000 р.; но въ дѣйствительности бо́льшая часть этого оклада оставалась въ недоимкѣ, такъ какъ, напримѣръ, продолжали числиться въ окладѣ всѣ существовавшія во время учрежденія этого налога бани, изъ которыхъ уже многія съ тѣхъ поръ разрушились, вновь же устраиваемыя въ окладъ не включались; мельницы же облагались въ $^1/_{10}$ часть приносимаго ими дохода по показанію владѣльцевъ, такъ что нерѣдко приходилось взыскивать всего только по 10 к. съ мельницы. Казенныя мельницы оставлены были попрежнему на оброкѣ.

3) Пошлина съ духовныхъ завѣщаній, установленная по указу 1730 года, по 50 к. съ каждаго, принося казнѣ не болѣе 464 р., однако подавала поводы къ разнымъ искамъ и тяжбамъ объ уничтоженіи самаго завѣщанія, въ случаяхъ когда при составленіи его оно не было явлено для взиманія налога.

4) Крайне несправедливымъ представлялся взимавшійся въ количествѣ 42.950 р. оброкъ съ рыбныхъ ловель находившихся въ частномъ владѣніи, несмотря на то что указами 1727 и 1762 годовъ ловли эти были признаны полною собственностію владѣвшихъ ими лицъ.

---

* Сенатскій указъ 17го марта 1775 года, вслѣдствіе манифеста. *П. С. З.* 14.294.

5) Наконецъ, сенатъ представлялъ объ уничтоженіи производившагося вычета мѣсячнаго жалованья за повышеніе чинами штатскихъ и военныхъ служащихъ, что доставляло казнѣ съ однихъ штатскихъ до 9.280 р.

Всѣ эти облегченія были приняты императрицею и объявлены манифестомъ 17го марта 1775 года, * за исключеніемъ уничтоженія вычетовъ за чины. Такимъ образомъ уничтожено было:

	Руб.	К.
На время войны установленныхъ налоговъ на . .	631.682	44
Мѣстныхъ сборовъ на.	10.580	14¼
Повсемѣстныхъ отяготительныхъ сборовъ на . .	156.140	11¾
Всего же на. .	798.402	70

Кромѣ того, тѣмъ же манифестомъ отмѣнены были всякіе сборы, скотомъ или деньгами, взимавшіеся за выдачу дозволенія на бракосочетаніе въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ вступленіе въ бракъ зависѣло отъ дозволенія мѣстнаго губернатора или градоначальника, и вмѣстѣ съ тѣмъ самое вступленіе въ бракъ объявлено было свободнымъ для всѣхъ сословій.

Но императрица, кромѣ представленныхъ сенатомъ къ уничтоженію налоговъ, обратила вниманіе на его указанія и сочла возможнымъ въ то же время понизить крѣпостныя пошлины съ купчихъ и просроченныхъ закладныхъ съ 10% до 6%, ** и такимъ образомъ пожертвовать доходомъ въ 108.000 руб., *** и уменьшить цѣну на соль на 5 коп. съ пуда, чѣмъ также производилось уменьшеніе въ доходахъ казны, по разчетамъ сената, на 400.000 руб. ****

Такимъ образомъ императрица, въ видахъ облегченія народа и содѣйствія развитію промышленныхъ его силъ, рѣшилась пожертвовать доходами на 1.306.402 р. 70 к. † и отмѣ-

* *П. С. З.* № 14.275.

** Именной указъ сенату 17го марта 1775 года. *П. С. З.* № 14.276.

*** Указъ сената вслѣдствіе манифеста 17го марта 1775. *П. С. З.* № 14.294.

**** Именной указъ сенату 21го апрѣля 1775. *П. С. З.* № 14.303.

† Что разчетъ этотъ приближается къ истинѣ, доказывается тѣмъ что въ другомъ документѣ (доклады и донесенія генералъ-прокурора по государственнымъ доходамъ и расходамъ, въ Моск. гл. арх. министерствъ, дѣлъ, св. I № 8) разчетъ этотъ значительно разнится въ подробностяхъ, и въ однихъ изъ уничтоженныхъ статей показаны гораздо значительнѣйшія суммы доходовъ, въ дру-

нила, кромѣ военныхъ податей, до 35ти разныхъ другихъ обременявшихъ народъ сборовъ.

Екатерина однако не остановилась на этомъ; она воспользовалась первою возможностью чтобы продолжать свои преобразованія въ податной системѣ отмѣною еще нѣкоторыхъ, особенно тягостныхъ для народа, сборовъ.

Слѣдуя въ этомъ отношеніи указаніямъ изложеннымъ въ рапортѣ сената, послужившемъ основаніемъ для принятія мѣръ обнародованныхъ въ 1775 году, императрица приступила въ 1777 году къ отмѣнѣ слѣдующихъ податей: *

1) Въ ряду тягостныхъ для народа сборовъ первое мѣсто занимали конскія пошлины, доставлявшія однако казнѣ до 97.443 р. 54¾ к., на которыя указано было въ сенатскомъ рапортѣ. Сборъ этотъ былъ отмѣненъ.

2) Не менѣе стѣснителенъ для промышленности былъ десятичный сборъ съ частныхъ лавокъ, установленный въ 1763 году и приносившій казнѣ всего только 30.092 р. 72¼ к. Сборъ этотъ былъ также уничтоженъ.

3) Сборъ съ явки ливъ, полпивъ и медовъ, приносившій 13.390 р. 53¾ к., былъ также отмѣненъ.

4) Наконецъ, цѣлый рядъ сборовъ приносившихъ весьма незначительный доходъ казнѣ, каковы: сборъ съ домовыхъ фабричныхъ становъ, приводный съ людей, мѣстные сборы, въ Нижегородскомъ и Чердынскомъ уѣздахъ, за имѣющійся при Макарьевской ярмаркѣ и у Печорскаго волока извозъ, и въ Выборгской губерніи, съ клейменія кубовъ и казановъ, сборъ съ явки отпускныхъ на людей, сборъ съ челобитнаго письма въ сибирскихъ губерніяхъ, и сборъ съ записанія золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ. Всѣ эти отдѣльные сборы всего доставляли казнѣ дохода 3.540 р. 54¾ к.

Такимъ образомъ опять за одинъ разъ было сложено податей на 144.467 р. 35½ к.

Вскорѣ послѣ того императрица, именнымъ указомъ 19го августа 1779 года, ** отмѣнила сборъ съ фабрикъ работающихъ станами, по 1 руб. со стана, и 1% сборъ съ прочихъ фабрикъ, по количеству производимыхъ ими продуктовъ.

гихъ меньшія, но итогъ однакоже выведенъ почти тотъ же, а именно: 1.307.559 руб. 87 коп.

* Манифестъ іюля 28го дня 1777 года. *П. С. З.* № 14.625.

** *П. С. З.* № 14.904.

Въ слѣдующемъ же 1780 году были, манифестомъ 28го іюня,* возвѣщены народу новыя облегченія въ податяхъ, а именно, отмѣнены были:

1) Сборъ съ лѣса въ Солтовѣ, приносившій всего дохода казнѣ 16 руб;

2) сборъ съ договоровъ и всякихъ сдѣлочныхъ записей при наймѣ домовъ, людей, съ отпускныхъ, съ товарныхъ и другихъ записей; всего этихъ сборовъ получалось до 33.326 руб.;

3) сборъ съ отданныхъ мѣстъ на Васильевскомъ островѣ, доставлявшій 853 р. 89½ к.;

4) сборъ съ отпуска судовъ и лодокъ въ порогахъ на рѣкѣ Свири въ Новгородской губерніи, отъ чего получалось до 160 р.;

5) сборъ съ отдачи людей въ услуженіе, отъ чего получалось 1.142 р.;

6) сборъ учрежденный въ городѣ Колѣ съ судовъ и судорабочихъ отправлявшихся къ датскимъ заливамъ для сальнаго и рыбнаго промысла, что̀ доставляло 231 р. 7 к., и наконецъ

7) сборъ четвертюй пошлины съ ломѣщиковъ владѣвшихъ безъ справки и отказа, причемъ имъ предписывалось совершить эту справку и отказъ въ пятилѣтній срокъ безъ платежа пошлинъ; послѣдній сборъ приносилъ дохода до 11.253 р. 83¼ к. ** Всего помянутымъ манифестомъ было сложено сборовъ на сумму 46.982 р. 79¾ к.

Такимъ образомъ, въ пятилѣтіе непосредственно слѣдующее за окончаніемъ Турецкой войны, сложено было податей болѣе чѣмъ *на полтора милліона* ежегоднаго дохода.

Относительно натуральныхъ повинностей до свѣдѣнія императрицы дошло что въ одной изъ губерній происходилъ чрезвычайный нарядъ работниковъ для строенія дорогъ по губерніи и сборъ денегъ съ народа на дѣланіе знаковъ сотскимъ и десятскимъ, а также и то что сотскіе и десятскіе были обязаны каждодневно являться къ уѣздному коммиссару; потому, вслѣдствіе именнаго указа, сенатъ строжайше подтвердилъ губернаторамъ чтобы народъ не былъ отягощаемъ никакими произвольными поборами и налогами, кромѣ утвержденныхъ по волѣ государыни. ***

---

* *П. С. З.* № 15.024.

** Доклады и донесенія генералъ-прокурора по государственнымъ доходамъ и расходамъ. Моск. глав. арх. мин. ин. дѣлъ. Св. I № 8.

*** Указъ 1778 года, 27го іюня. *П. С. З.* № 14.769.

Отмѣняя разные частные, стѣснявшіе народную промышленность и торговлю сборы, императрица подумала вмѣстѣ съ тѣмъ о замѣнѣ ихъ правильною торговою податью. Въ виду этого, тѣмъ же манифестомъ 17го марта 1775 года, которымъ государыня установляла новыя облегченія, было положено начало преобразованію налога на торговый классъ. Купцы были избавлены отъ платежа подушныхъ, раздѣлены на три гильдіи и обложены податью въ 1% съ ихъ торговаго капитала. Въ сенатскомъ указѣ 25го мая * указанныя въ манифестѣ начала были развиты. Всѣ купцы съ капиталомъ менѣе 500 руб. были сравнены съ мѣщанами; тѣ которые имѣли капиталъ отъ 500 руб. до 1.000 составляли первую гильдію, отъ 1.000 р. до 10.000 вторую, имѣющіе капиталы болѣе 10.000 руб. образовали третью гильдію. Въ этихъ границахъ предоставлено было всякому объявлять свой капиталъ, и пошлина взималась съ величины объявляемаго капитала. Фабриканты и владѣльцы заводовъ не были обязаны платить гильдейской пошлины, такъ какъ фабрики были обложены особо, но если при этомъ они производили мелочной торгъ своими произведеніями въ особыхъ лавкахъ, то должны были записываться въ гильдію.

Сборъ гильдейской пошлины былъ порученъ городскимъ канцеляріямъ, вмѣстѣ съ магистратами и ратушами.

Другимъ указомъ, 10го октября 1776 года, ** дана была подробная инструкція для производства означеннаго сбора съ купечества, и вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждено собирать съ мѣщанъ подушную подать, не измѣняя оклада по городамъ отъ ревизіи до ревизіи, не выключая выбылыхъ и не включая вновь родившихся.

Часть вновь учрежденнаго процентнаго съ купеческихъ капиталовъ сбора была присвоена коммиссаріату, въ замѣнъ прежде получавшихся подушныхъ съ купечества, а остальная часть штатсъ-конторѣ; причемъ въ полугодовыхъ вѣдомостяхъ, доставляемыхъ въ экспедицію о государственныхъ доходахъ, велѣно было сборъ этотъ показывать отдѣльно отъ подушнаго съ мѣщанъ сбора. ***

Перейдемъ къ управленію косвенными налогами. Въ разсматриваемую эпоху, внѣшняя война не препятствовала за-

---

* 1775 года. *П. С. З.* № 14.327.

** *П. С. З.* № 14.516.

*** 1776 года. *П. С. З.* № 14.551.

законодательнымъ работамъ, и преобразованіе управленій косвенными налогами подвигалось мало-по-малу впередъ. Въ отношеніи къ *соляному доходу* мѣры предложенныя еще въ 1766 и 1768 годахъ коммиссіей о винныхъ и соляныхъ сборахъ, оставшіяся до сихъ поръ безъ практическаго примѣненія, послужили, повидимому, основаніемъ для предпринятаго въ 1772 году преобразованія главной соляной конторы. Безпорядки по управленію соляными сборами доходили до крайнихъ предѣловъ, но правительство не сразу рѣшилось на общую мѣру; оно сперва старалось помочь злу частными мѣропріятіями. Еще въ 1770 году, * генералъ-прокуроръ предлагалъ сенату что въ составленіи счетовъ о приходѣ и расходѣ соли и полученныхъ за нее денегъ усматривается такая медленность что въ нѣкоторыхъ городахъ счеты эти остаются непредставленными съ 1762 года. Потому сенатъ и подтвердилъ губернскимъ, провинціальнымъ и городовымъ воеводскимъ канцеляріямъ чтобъ онѣ выслали въ соляную контору счеты за прежніе годы по сбору соляного дохода и впредь высылали ихъ не позже какъ черезъ полгода по заключеніи счетнаго года, предписавъ соляной конторѣ наблюдать за точнымъ исполненіемъ сего правила, штрафуя тѣ мѣста кои онаго не исполнятъ.

Но приведенный указъ не имѣлъ, повидимому, успѣха. Тогда императрица, въ 1771 году, ** повелѣла президенту ревизіонной коммиссіи, сенатору Маслову, обревизовать дѣла соляной конторы за 1769—1771 года, по подлиннымъ присылаемымъ въ нее изъ подчиненныхъ мѣстъ счетамъ, съ тѣмъ чтобъ удостовѣриться сколько соляная контора имѣла къ началу 1769 года наличной по магазинамъ соли, сколько къ тому въ послѣдніе года вновь запассено соли, въ какую цѣну эта соль обошлась, сколько ея продано, куда вырученныя за нее деньги поступили и сколько за всѣмъ тѣмъ состоитъ налицо соли и денегъ, какъ оборотныхъ, такъ и прибыльныхъ; отовсюду ли соляная контора получала въ своихъ суммахъ счеты и обревизованы ли ею тѣ изъ нихъ которые дѣйствительно получены.

По сличеніи вѣдомостей взятыхъ вслѣдствіе такого высочайшаго повелѣнія изъ соляной конторы съ представленными ею въ сенатъ, послѣдній нашелъ что „хотя немпуемый

* *П. С. З.* № 13.439.

** *П. С. З.* № 13.784.

долгъ сей конторы требуетъ имѣть вѣрное извѣстіе сколько гдѣ въ запасныхъ магазинахъ и по продажнымъ мѣстамъ отъ году въ годъ, то-есть января къ 1 числу, соли находиться будетъ, дабы не только имѣть чрезъ то вѣрное свѣдѣніе о вступающемъ въ казну отъ сего промысла доходѣ, но паче чтобы не сдѣлать недостатка по государству въ продажѣ оной, отчего не только недоборъ въ доходѣ, но и великій вредъ обывателямъ въ сохраненіи жизни воспослѣдовать могъ бы", но несмотря на это соляная контора, показывая остаточной отъ 1768 года и заготовленной въ 1769 году соли всего въ количествѣ 27 милліоновъ пудъ, пояснила что принимать этой цифры за вѣрную нельзя, ибо большое количество соли числится вдвойнѣ, втройнѣ и болѣе разъ. Оказалось что не только соляная контора не имѣла вѣрнаго свѣдѣнія о своихъ доходахъ, но и въ самыхъ суммахъ запуталась. Съ 1761 года не было обревизовано ни одного счета, и за нѣкоторые года изъ многихъ подчиненныхъ мѣстъ счетовъ вовсе не было налицо. Соляная контора, говорится въ докладѣ сената: „слѣдуя единственно собственному гаданію, старалась только о пріумноженіи соли, не взирая что уже многія мѣста и безъ того знатнымъ излишествомъ наполнены, а напротивъ того другія безъ долговременнаго пополненія оставлены были." Отъ этого происходило что недостатокъ соли въ томъ или другомъ мѣстѣ становился извѣстенъ конторѣ когда соли уже почти вовсе не оставалось и тогда должны были отправлять ее въ тѣ мѣста, несмотря на высокія провозныя цѣны. Деньги такимъ образомъ или лежали мертвымъ капиталомъ въ соли, или находились по рукамъ у поставщиковъ или у лицъ коимъ поручена была продажа соли, такъ какъ сіи послѣдніе оставались безъ повѣрки. Въ виду указанныхъ „неудобствъ" соляной конторы, сенатъ, особымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ, отъ 7го апрѣля 1772 года, предлагалъ императрицѣ: учредить новую главную соляную контору, обративъ существовавшую дотолѣ соляную контору въ департаментъ старыхъ дѣлъ при новой конторѣ. А „чтобы мѣсту сему прибавить важности и уваженія для бываемыхъ отъ него взысканій", то главнымъ директоромъ по всѣмъ соляным дѣламъ назначить сенатора тайнаго совѣтника Маслова. Департаменту старыхъ дѣлъ сенатъ предлагалъ поручить окончаніе всѣхъ старыхъ дѣлъ, обревизованіе всѣхъ счетовъ до 1773 года и представленіе ихъ на ревизію въ „ревизіонъ-коллегію". Для этого, департаментъ

этотъ долженъ былъ собрать всѣ старые счеты и вытребовать таковые изъ тѣхъ мѣстъ откуда они не были доставлены, и если окажутся деньги на рукахъ у поставщиковъ и продавцевъ, то немедленно сдѣлать распоряженіе объ ихъ взысканіи. За симъ вытребовать особые счеты о наличности соли бывшей къ началу 1770 года, и о наличной соли, сколько ея окажется къ 1му января 1773 года. Новой соляной конторѣ поручалось: озаботиться о введеніи правильнаго порядка въ заготовленіи соли на будущее время. Для этого поручалось ей раздѣлить всю Россію на округа и назначить для каждаго округа одинъ центральный магазинъ, изъ котораго и развозить соль по городамъ. За симъ самую соль повелѣно было заготовить въ такомъ количествѣ чтобы въ центральныхъ магазинахъ ея всегда былъ налицо $1\frac{1}{2}$ годовой запасъ, а въ городскихъ складахъ полугодовой запасъ. Для избѣжанія растраты поставщиками задаточныхъ денегъ, поручалось соляной конторѣ заботиться чтобы при заключеніи контрактовъ о поставкѣ соли не было поставщикамъ выдаваемо задаточныхъ денегъ, какъ прежде дѣлалось, въ половинномъ противъ всей провозной платы размѣрѣ, а лишь въ размѣрѣ четвертой части сей платы; треть или половину позволялось выдавать въ крайнихъ только случаяхъ. За симъ соляной конторѣ предписывалось требовать отъ подчиненныхъ ей мѣстъ ежемѣсячные рапорты о поступленіи соли, о ея продажѣ и о расходѣ денегъ; причемъ самой ей вести особыя окладныя книги, одну для магазинной соли, одну для продажной и одну для записи денежнаго расхода, и въ книгахъ сихъ отмѣчать приходъ и расходъ соли и денегъ, согласно донесеніямъ изъ мѣстныхъ конторъ. Соляную контору предположено было раздѣлить на три экспедиціи.

Въ заключеніе сенатъ, представляя объ одновременномъ съ учрежденіемъ новой главной соляной конторы упраздненіи коммиссіи о соли, бывшей въ вѣдѣніи назначавшагося директоромъ конторы сенатора Маслова, испрашивалъ разрѣшенія государыни, „чтобы директоръ, вступя въ свою должность и войдя во всѣ подробности, практически разсмотрѣлъ нѣтъ ли еще чего къ сему положенію прибавить, и что найдетъ за полезное, сдѣлавъ обстоятельный планъ, такъ какъ и штаты соляной конторы,“ представилъ бы для поднесенія на высочайшее утвержденіе. На докладѣ сената послѣдовала высочайшая утвердительная резолюція.

Къ копіи съ означеннаго доклада хранящейся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ * приложено краткое описаніе соляной продажи, составленное сенаторомъ Масловымъ, который разчитывалъ что въ теченіи 1771—1773 годовъ продано было среднимъ числомъ по 8.352.000 пудовъ соли въ годъ (кромѣ остзейскихъ и бѣлорусскихъ губерній). Почему на каждаго изъ 18.416.000 душъ обоего пола жителей приходилось, по разчету Маслова, по 18 фунтовъ соли.

Во исполненіе изложеннаго сенатскаго доклада, штаты главной соляной конторы и подчиненныхъ ей мѣстъ были въ томъ же 1772 году представлены на высочайшее утвержденіе. ** Согласно этимъ штатамъ, главная соляная контора учреждалась подъ вѣдомствомъ особаго директора изъ четырехъ членовъ и прокурора; всѣхъ чиновъ и служителей въ ней полагалось 150, а на ихъ содержаніе и канцелярскіе расходы 19.618 р. Въ департаментѣ старыхъ дѣлъ, учрежденномъ при главной соляной конторѣ, полагалось 23 человѣка чиновъ и служителей, а на содержаніе этого департамента ассигновалось 5.170 р. Кромѣ того, назначалось по 1000 р. на состоящихъ при соляной конторѣ отъ 2 до 5 оберъ-офицеровъ для посылокъ въ разныя мѣста для освидѣтельствованія магазиновъ, для слѣдствій и для понужденія ко взносу недоимокъ, и по 500 р. на трехъ оберъ-офицеровъ для наблюденія за пріемомъ и отпускомъ соли въ магазинахъ: калужскомъ, тверскомъ и ржевскомъ. Весь расходъ на главную соляную контору вмѣстѣ съ содержаніемъ ея директора и департамента старыхъ дѣлъ составлялъ, такимъ образомъ, 27.863 руб. Главная соляная контора раздѣлена была, какъ и предположено было въ докладѣ сената, на три экспедиціи. На первую возлагалось наблюденіе за должностными лицами всѣхъ подчиненныхъ соляной конторѣ мѣстъ съ находящимися въ вѣдѣніи ихъ соляными промыслами, заготовленіе соли въ мѣста продажи оной, попеченіе о своевременномъ доставленіи соли въ назначенные пункты. На вторую экспедицію возлагалось наблюденіе за продажею соли, за полученіемъ слѣдующихъ за оную денегъ, и за израсходованіемъ оныхъ; наконецъ, третьей экспедиціи поручалось производство слѣдствій и счетныхъ дѣлъ и распоряженіе о взысканіяхъ по соляннымъ дѣламъ.

---

* Сношенія генералъ-прокурора съ сенатомъ.

** *П. С. З.* № 13.887.

Подчиненныя соляной конторѣ мѣста, согласно штату, были слѣдующія: соляныя конторы: С.-Петербургская, Низовая съ Дмитріевскимъ коммиссарствомъ, Нижегородская и Сибирская съ Иркутскимъ коммиссарствомъ; коммиссарства: Псковское, Олонецкое, Архангельское и Демкинское; главное Оренбургское правленіе, Пермское правленіе и Бахмутская заводская контора. На содержаніе упомянутыхъ мѣстъ назначалось всего 23.290 р., а число опредѣленныхъ въ нихъ чиновъ и служителей равнялось 251.

Вмѣстѣ съ тѣмъ сенаторъ Масловъ обратился къ губернаторамъ съ особымъ циркулярнымъ сообщеніемъ, * въ которомъ, описывая всѣ происходившія при храненіи и продажѣ соли посредствомъ городовыхъ магистратовъ и ратушъ злоупотребленія, какъ-то: неправильность записки о приходѣ и расходѣ соли, удержаніе на рукахъ магистратскими чинами вырученныхъ за соль денегъ, сдѣлки между сдатчиками и пріемщиками магазиновъ, безденежный заборъ соли на частныя продавцевъ надобности,—предлагалъ городовымъ канцеляріямъ принять соляной сборъ въ общее съ магистратами и ратушами завѣдываніе. Вслѣдствіе этого и сенатъ, по предложенію генералъ-прокурора, подтвердилъ губернаторамъ объ исполненіи требованія сенатора Маслова, а главному магистрату предписалъ сдѣлать надлежащія распоряженія и по подвѣдомственнымъ ему городскимъ управленіямъ.

Въ „отвращеніе“ же всѣхъ отъ злоупотребленій при соляной операціи, было въ 1773 году распубликовано о наказаніи ржевскаго купца Ваулина съ сыномъ, за тайную ими продажу, во время перевозки, слишкомъ 7.000 пудъ соли; убытокъ положено было взыскать продажею ихъ имѣнія или съ ихъ поручителей, а самихъ ихъ, по наказаніи плетьми, отдать въ солдаты, а въ случаѣ негодности, сослать на поселеніе. **

Въ дополненіе къ изложеннымъ выше правиламъ сенатъ, по случаю оказавшейся въ 1775 году въ городѣ Пошехоньѣ пропажи соли слишкомъ на 2.000 р., подтвердилъ главной соляной конторѣ что она обязана имѣть попеченіе о томъ чтобы доходы ея поступали „съ надлежащею исправностію и въ положенные сроки, не запуская ничего въ доимку“, причемъ повелѣно было вести въ сенатѣ особый счетъ всѣмъ взысканіямъ. ***

* *П. С. З.* № 13.872.
** *П. С. З.* № 14.071.
*** *П. С. З.* № 14.239.

Вслѣдъ за симъ, когда въ томъ же году, вмѣстѣ съ другими преобразованіями внутренняго управленія, учреждены были казенныя палаты, которымъ, по выраженію Учрежденія для управленія губерній, „поручались въ смотрѣніе домостроительныя и казенныя дѣла губерніи“, то на эти спеціально финансовыя мѣстныя учрежденія возложено было завѣдываніе между прочимъ и соляными дѣлами. * При этомъ на намѣстника возлагалась обязанность предупреждать всякій недостатокъ въ соли „какъ нужномъ для жизни предметѣ требованія.“

Наконецъ, вслѣдствіе полученныхъ правительствомъ свѣдѣній о томъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказывался недостатокъ въ соли, императрица, „отвращая дабы люди не могли потерпѣть крайней отъ того нужды, но всегда съ изобиліемъ сею необходимою вещію снабдѣны были“, именнымъ указомъ генералъ-губернаторамъ, предписала въ 1780 году особыя въ отношеніи заготовленія соли правила. Этими правилами предписывалось имѣть въ каждомъ уѣздѣ или округѣ по запасному магазину и въ немъ не менѣе двухгодоваго запаса соли, разчитаннаго по количеству соли потребовавшемуся въ томъ году когда расходъ превышалъ остальные года; въ тѣхъ губерніяхъ которыя снабжали солью другія, должно было имѣть наготовѣ еще двухгодовой запасъ, разчитанный по потребности снабжаемыхъ ими мѣстностей. Для собранія необходимыхъ свѣдѣній, разрѣшалось генералъ-губернаторамъ обращаться во всѣ мѣста, и всѣмъ властямъ повелѣвалось подавать другъ другу помощь. Наконецъ, изъ всѣхъ губерній предписывалось прислать вѣдомости о томъ сколько по уѣздамъ заготовлено соли и сколько необходимо заготовить во исполненіе новыхъ правилъ „дабы, имѣя столь подробныя свѣдѣнія“, заканчивался указъ, „могли мы единообразнымъ распоряженіемъ привести всѣ части Имперіи нашей по дѣлу сему въ содѣйствіе и взаимное пособіе.“ **

Кромѣ изложенныхъ нами постановленій по устройству соляпаго управленія, принимались въ разсматриваемую эпоху, со свойственною правительству Екатерины II энергіей и послѣдовательностію, мѣры и къ достиженію двухъ цѣлей указанныхъ въ шестидесятыхъ годахъ коммиссіею о соляныхъ и винныхъ сборахъ: возстановленіе оставленныхъ и изысканіе но-

---

* *П. С. З.* № 14.392 ст. 118.

** *П. С. З.* № 14.980.

выхъ соляныхъ источниковъ и возможное расширеніе сбыта соли.

Такимъ образомъ, изъ высочайше утвержденнаго въ 1770 году доклада сената видно что стараніями главной соляной конторы было увеличено число варницъ при Дедюхинскихъ соляныхъ промыслахъ съ 12 до 24, такъ что въ 1770 году было выварено на нихъ до 800.000 пудовъ соли; причемъ заготовительная цѣна этой соли разчитана въ 4 к. за пудъ. При означенныхъ варницахъ считалось въ то время приписанныхъ 598 душъ, изъ которыхъ бо́льшая часть была взята изъ вотчины Пыскорскаго монастыря, а остальная изъ бѣглыхъ изъ разныхъ мѣстъ поселянъ. Крестьяне эти были означеннымъ докладомъ отданы въ окончательное и полное завѣдываніе главной соляной конторы. *

Съ тою же цѣлію предпринято было возобновленіе Солигаличскихъ варницъ. Въ представленномъ по сему предмету въ 1771 году императрицѣ докладѣ сенатора Еропкина (бывшемъ на разсмотрѣніи сената) говорится что, въ виду затрудненій въ доставкѣ элтонской соли въ Нижній Новгородъ, было еще въ 1761 году предписано сенатомъ соляной конторѣ принять мѣры къ замѣнѣ элтонской соли илецкою или возобновить выварку соли въ Старой Русѣ и Балахнѣ. Вслѣдствіе того соляная контора вызвала желающихъ также и на возобновленіе солигаличскихъ варницъ, закрытыхъ въ 1753 году. Явились два конкуррента, и низшая цѣна состоялась по 12½ к. за пудъ. Подрядчики брались выварить до 200.000 пудовъ ежегодно, на свой счетъ покупными дровами, не требуя пособія отъ казны на возобновленіе и очистку колодцевъ. Выгода въ цѣнѣ отъ замѣны въ окружающихъ мѣстностяхъ солигаличскою солью привозной разчитывалась противъ пермской въ 7½ к. съ пуда, а противъ элтонской 19 к. Недостатка въ дровахъ, по удостовѣренію сенатора Еропкина, не могло оказаться, и для предотвращенія злоупотребленій предполагалось учредить надзоръ, почему и было поручено Еропкину отдать упомянутыя варницы въ частныя руки, тѣмъ, которые, при вѣрномъ обезпеченіи, возьмутъ наидешевѣйшую за выварку соли цѣну, ** съ тѣмъ чтобы, вмѣсто учрежденія надзора, были отъ промышленниковъ отобраны подписки въ

---

* *П. С. З.* № 13.492.

** *П. С. З.* № 13.626.

томъ что, въ случаѣ если у нихъ произойдетъ корчемство, они подчиняютъ себя законному взысканію.

Въ видахъ бо́льшаго по возможности распространенія солеваренія, было обращено вниманіе и на соляные промыслы издавна существовавшіе на дальнемъ Сѣверѣ Россіи. Эти промыслы находились въ бывшемъ тогда Архангельскомъ уѣздѣ, въ Сумскомъ острогѣ, въ Нюхотской волости, при Кемскомъ городкѣ, и на морскомъ берегу; Новгородской губерніи въ Каргопольскомъ уѣздѣ, въ Тургасовскомъ стану, въ Кушерецкой и другихъ волостяхъ, въ количествѣ 48 варницъ, принадлежавшихъ какъ бывшимъ монастырскимъ крестьянамъ, такъ и промышленнику Лыткину; а также были варницы расположенныя на бывшихъ монастырскихъ земляхъ и состоявшія въ вѣдѣніи соляной конторы. Всего на нихъ вываривалось отъ 52.000 до 135.000 пудовъ соли, отъ которыхъ казна получала отъ 5.000 до 27.000 р. прибыли. Промышленники получали за выварку соли по 7 к. за пудъ, но за вычетомъ 10% пошлины и соли безденежно ими доставленной на утечку и усышку, они получали не полныя 6 к. за пудъ, при которыхъ, по случаю необходимости заготовлять лѣсъ въ болѣе отдаленныхъ чѣмъ прежде мѣстахъ, выварка соли, по своей убыточности для нихъ, приходила въ упадокъ. Вслѣдствіе этого, директоръ соляпаго правленія, сенаторъ Масловъ, по подробномъ разсмотрѣніи на мѣстѣ обстоятельствъ дѣла, представлялъ сенату о необходимости дать промышленникамъ по 9 к. за пудъ, безъ взысканія съ нихъ пошлины, на что̀, по докладѣ дѣла сенатомъ, и послѣдовало въ 1774 году высочайшее соизволеніе. *

Въ положеніи столь же бѣдственномъ, отъ незначительности цѣны платимой казною за поставляемую въ нее соль, находились архангельскіе промышленники Клевинъ и Мошковъ, имѣвшіе свои варницы въ Двинскомъ уѣздѣ. На этихъ варницахъ вываривалось въ прежнее время до 280.000 пудовъ соли ежегодно; въ послѣднее же время онѣ пришли въ упадокъ, такъ какъ упомянутые промышленники отъ казны получали только по 4½ к. за пудъ, самимъ же имъ соль обходилась, по ихъ завѣреніямъ, по 11 к.; изъ 25 варницъ оставалось въ дѣйствіи только 9. По разслѣдованіи дѣла, сенатъ, согласно представленію Маслова, постановилъ, въ 1776 году, отпускать

* *П. С. З.* № 14.128.

упомянутымъ промышленникамъ по 8 к., безъ вычета 10% пошлины, такъ какъ по произведенному разслѣдованію цѣна эта выводилась изъ подробныхъ показаній самихъ промышленниковъ и употребляемыхъ ими на варницахъ людей. *

Изъ другаго сенатскаго указа 1772 года видно что въ это время уже возобновлены были Старорусскія варницы, и что потребную на выварку въ нихъ соли сумму (до 24.000 р.) положено было отпускать ежегодно въ январѣ мѣсяцѣ. ** За симъ въ 1779 году находимъ именной указъ, коимъ повелѣвалось принимать изъ Старорусскихъ соляныхъ варницъ соль по однообразной цѣнѣ 20 коп. за пудъ, съ выдачею ежегодно, въ началѣ года, на необходимые расходы, до 21.000 р., и съ тѣмъ чтобы на эти деньги были выстроены магазины для храненія вываріваемой соли въ теченіи года и чтобы на казну падали одни перевозочные расходы. При этомъ Новгородской казенной палатѣ предписывалось опредѣлить въ какія мѣстности Новгородскаго и Псковскаго намѣстничествъ было бы выгоднѣе ставить старорусскую соль, предпочтительно предъ пермскою и элтонскою. ***

Въ то же время было обращено вниманіе и на чрезвычайные убытки, претерпѣваемые казною по соляной операціи въ Сибири. Еще въ 1770 году иркутскій губернаторъ Бриль представлялъ сенатору Еропкину объ открытіи выломки соли въ Борзинскомъ озерѣ, отъ чего онъ ожидалъ значительнаго удешевленія соли заготовляемой для Нерчинскаго уѣзда. При этомъ иркутскій губернаторъ полагалъ поселить близь озера до 25 дворовъ, набравъ ихъ изъ такихъ „бездомовыхъ и праздношатающихъ разночинцевъ которые не только дворовъ не имѣютъ, но и податей не могутъ платить“. Изъ собранныхъ по предписанію сената свѣдѣній оказалось что расходъ соли въ Нерчинскомъ уѣздѣ составлялъ до 8.600 пудовъ соли въ годъ, что соль привозили изъ Иркутскихъ варницъ слишкомъ за 1.000 верстъ, и что она обходилась отъ 54 до 65½ коп. за пудъ и продавалась по цѣнѣ отъ 14 до 26 коп. Между тѣмъ Борзинское озеро было отъ города и заводовъ въ разстояніи отъ 200 до 500 верстъ, и имѣло уже вблизи себя небольшое поселеніе. Затѣмъ пріисканы были

* *П. С. З.* № 14.466.
** *П. С. З.* № 13.737.
*** *П. С. З.* № 14.866.

разночинцы для поселенія въ числѣ 55 душъ мужескаго пола, посадскихъ же и цеховыхъ 42 человѣка. Сенатъ, изъявивъ вслѣдствіе того, въ 1775 году, свое согласіе на переселеніе означенныхъ лицъ, положилъ выдать имъ отъ 30 до 40 р. на семью для обзаведенія и платить имъ за выволочку соли по 1 коп. за пудъ, причемъ сенатъ указывалъ распорядиться такъ чтобы поселенцы „въ произведеніи хлѣбопашества отнюдь никакого препятствія не имѣли“. *

Не менѣе вниманія заслуживаютъ мѣры принимаемыя правительствомъ для расширенія сбыта казенной соли на южныхъ и западныхъ окраинахъ. Такъ мы видимъ что образовавшейся въ 1772 году для торговли хлѣбомъ „въ Крыму и другихъ татарскихъ селеніяхъ“ Воронежской торговой компаніи дозволено было привозить изъ Крыма соль на принадлежащихъ ей (а не на наемныхъ) и выстроенныхъ на казенныхъ верфяхъ судахъ, причемъ поручено воронежскому губернатору или соляной конторѣ заключить съ компаніей контрактъ о поставкѣ ею этой соли въ казну; императрицей было однако отказано упомянутой компаніи въ просьбѣ о дозволеніи ей производить вольную продажу соли въ Землѣ Войска Донскаго, въ Малой Россіи и въ Слободской-Украинской губерніи. **

По случаю введенія, еще въ 1768 году, въ Малороссіи казенной продажи соли „чтобы въ случаѣ чрезъ мѣру возвышаемой промышленниками на оную цѣны“, какъ сказано было въ указѣ, „всякій имѣлъ прибѣжище къ казенной продажѣ“, *** возникли въ 1770 году сомнѣнія о томъ возможно ли въ Кіевѣ возложить продажу на мѣстныхъ мѣщанъ „потому что они состоятъ не подъ великороссійскими узаконеніями, но на особливыхъ высочайше конфирмованныхъ правахъ и привилегіяхъ“. Но сенатъ находилъ что какъ казенная продажа въ Малороссіи учреждена „для удовольствія тамошнихъ жителей“, то онъ (сенатъ) „не токмо не надѣется чтобы кіевскіе мѣщане почли себѣ въ тягость, но паче и нарушенія ихъ правамъ и привилегіямъ не предвидитъ, если они опредѣляемы будутъ къ пріему и продажѣ соли, какъ къ такому дѣлу которое не для какой-либо казенной, но къ собственной ихъ пользѣ служитъ“. Потому повелѣно было поручить въ Кіевѣ продажу

---

* *П. С. З.* № 14.245.

** *П. С. З.* № 13.866.

*** *П. С. З.* № 13.188.

соли тамошнимъ мѣщанамъ, а также и проживающимъ въ Кіевѣ великороссійскимъ купцамъ. * Но однакоже, вслѣдствіе новаго прошенія мѣстнаго магистрата, въ коемъ указывалось на крайнее отягощеніе кіевскихъ жителей подводною повинностію и казенными работами по случаю войны и содержаніемъ почты, а также и на то что имъ уже дано для распродажи 20.000 пудовъ соли, сенатъ ихъ отъ дальнѣйшаго пріема соли избавилъ и предписалъ нанимать для этого вольныхъ людей. **

Наконецъ, вслѣдъ за присоединеніемъ отъ Польши двухъ бѣлорусскихъ губерній, предположено было, по докладу мѣстнаго генералъ-губернатора, учредить въ нихъ казенную продажу соли, съ опредѣленіемъ цѣны соли въ 50 коп. за пудъ. *** Причемъ однако было добавлено что пока не будетъ привезено казенной соли въ достаточномъ количествѣ, дозволять жителямъ доставать и покупать соль прежнимъ порядкомъ. Но при обсужденіи въ сенатѣ предполагавшагося по сему предмету указа произошло разногласіе; большинство сената полагало учредить въ присоединенныхъ областяхъ казенную продажу соли, а сенаторъ Тепловъ, основываясь на мнѣніи коммиссіи о коммерціи, и сенаторъ князь Гагаринъ полагали въ провинціяхъ: Двинской, Витебской и Полоцкой оставить продажу вольную. Императрица, на разрѣшеніе коей представлено было это разногласіе, положила слѣдующую замѣчательную резолюцію: „Торгъ въ присоединенныхъ отъ Польши провинціяхъ иностранною солью оставить попрежнему вольнымъ, а въ отвращеніе могущаго быть притѣсненія отъ всякаго рода перекупщиковъ, въ случаяхъ недостатка въ продажѣ иностранной соли, учредить не только въ заведенныхъ по старой границѣ стойкахъ, но и въ тамошнихъ городахъ казенную продажу соли“. Резолюція эта показываетъ какими вѣрными экономическими понятіями и какою мудрою политикой руководилась императрица въ своихъ распоряженіяхъ. Въ глазахъ ея казенная соляная регалія должна была служить не столько источникомъ дохода для казны, сколько средствомъ избавить населеніе отъ монополистовъ, неизбѣжныхъ при общей въ то время неразвито-

* *П. С. З.* № 13.412.
** *П. С. З.* № 13.509.
*** *П. С. З.* № 13.865.

сти частной предпріимчивости. Въ особенности же казалось необходимымъ привлечь подобными мѣрами расположеніе населенія возсоединенныхъ областей. * По подробномъ разсмотрѣніи дѣла оказалось, въ 1774 году, необходимымъ учредить казенную продажу въ десяти городахъ, причемъ положено было приготовлять на каждый изъ этихъ магазиновъ по 30.000 пудовъ соли, самую же соль продавать на первое время по 50 коп. Цѣна эта была установлена на томъ основаніи что въ означенныхъ губерніяхъ иностранная соль продавалась по 60 и по 65 коп., почему для пріохочиванія къ казенной соли и для скорѣйшей ея распродажи была назначена меньшая цѣна. При этомъ директору соляпаго правленія, сенатору Маслову, предписывалось сдѣлать особое въ сенатъ представленіе о томъ во сколько будетъ обходиться доставка въ новыя мѣста соли и какъ велики будутъ расходы при самой продажѣ и какъ затѣмъ велика будетъ получаемая отъ продажи казенной соси прибыль. **

Въ отношеніи къ *управленію таможенными сборами* разсматриваемая эпоха не ознаменовалась никакими общими законодательными преобразованіями. Тѣмъ не менѣе правительство продолжало начатое дѣло и тѣ мѣры которыя вызывались развитіемъ торговыхъ сношеній Имперіи и расширеніемъ ея границъ. О состояніи въ то время пограничныхъ таможенъ, о ихъ недостаткахъ и наконецъ о предполагавшихся таможеннымъ управленіемъ мѣрахъ, можно получить весьма интересныя свѣдѣнія изъ одного изъ докладовъ состоявшей при императрицѣ коммиссіи о коммерціи. *** Хотя докладъ этотъ и не имѣлъ послѣдствій, и изъ сдѣланной на немъ надписи видно что изложенныя въ немъ предположенія не получили дальнѣйшаго движенія, но содержаніе его такъ характеристично что мы не могли не сдѣлать изъ него нѣкоторыхъ выписокъ. Графъ Минихъ докладывалъ императрицѣ, въ 1770 году, о замѣчаніяхъ сдѣланныхъ членомъ главной надъ таможнями канцеляріи, княземъ Мещерскимъ, при объѣздѣ пограничныхъ таможенъ отъ Нарвы до Кременчуга. По этимъ замѣчаніямъ коммиссія о коммерціи, въ которую былъ переданъ самый докладъ представила и свое мнѣніе.

* *П. С. З.* № 13.980.

** *П. С. З.* № 14.127.

*** Государственный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Дѣла коммиссіи о коммерціи.

Замѣчанія Мещерскаго состояли въ слѣдующемъ: *

1. Границы ничѣмъ не укрѣплены, и форпосты расположены въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи; разъѣздныхъ командъ вовсе нѣтъ, караульныхъ на форпостахъ числомъ чрезвычайно мало, да и то престарѣлые солдаты изъ гарнизоновъ и казаки малороссійскіе, которые, оставляя свои мѣста, часто ѣздятъ домой за провизіей. „А сверхъ того, надзиратели, надъ ними опредѣленные, офицеры привлекаемы лакомствомъ помогать купцамъ и прочимъ людямъ къ тайному товаровъ провозу, или имѣя въ близости собственныя свои земли желаніемъ жить по онымъ покойно, покупаютъ отправленіе сей должности и при форпостахъ бываютъ безсмѣнно года по два и болѣе, получая какъ съ проѣзжающихъ, такъ и съ проходящихъ людей взятки, къ тому же всѣ тѣ по границамъ состоящіе чины не подчинены ни таможенной канцеляріи, ни таможнямъ."

2. Тайному провозу товаровъ содѣйствуютъ и сами пошлинники, собирая въ казну только 10% съ дѣйствительно назначенной пошлины, раздѣляя остальную часть пошлины между собою. При этомъ кн. Мещерскій замѣчалъ что подобнаго рода дѣйствія лицамъ симъ нельзя поставить въ вину, ибо часто они принуждены бываютъ поступать такимъ образомъ, а именно: купцы, оставляя свои товары за границею, пріѣзжаютъ въ таможню, и начинается торговля; если въ одной таможнѣ не уступаютъ, они ѣдутъ въ другую, и такъ далѣе. Слѣдовательно, чрезъ ту таможню которая уступчивѣе другихъ и будетъ дѣйствительно провезенъ товаръ, и такъ какъ по этой таможнѣ окажется болѣе чѣмъ въ другихъ провезеннаго товара, то она „и похвалу себѣ получаетъ"; тотъ же начальникъ таможни кто уступки торгующимъ не сдѣлаетъ получаетъ нареканіе за уменьшеніе по его таможнѣ поступленія пошлинъ. Если и всѣ „таможенники" не согласились бы пропустить товаръ, то купецъ прибѣгнетъ къ форпостному офицеру, и казна уже не получитъ вовсе никакой пошлины.

3. По осмотру кн. Мещерскаго у нѣкоторыхъ купцовъ найдены были шелковыя матеріи и платки разрѣзанные, такъ чтобы ихъ можно было выдавать за остатки, тогда какъ очевидно что они составляютъ цѣлые куски, разрѣзанные для

* Докладъ этотъ подписали: Гр. Эр. Минихъ, Григор. Тепловъ, кн. Мих. Щербатовъ и секр. Еф. Разнатовскій.

того чтобы нельзя было ихъ уличить въ томъ что они безъ клейма.

4. „Веховая“ дорога, по которой слѣдуетъ возить товары, въ такомъ состояніи что по ней ни проѣхать, ни пройти невозможно.

5. По уплатѣ пошлинъ, товары по ихъ заклейменіи отдаются хозяевамъ и далѣе въ городахъ куда они назначаются не дѣлается никакого свидѣтельства, почему и таможенники не опасаются взимать неполную пошлину.

6. Объѣздчики изъ Малороссіянъ и обѣднѣлыхъ купцовъ также содѣйствуютъ немало къ тайному провозу товаровъ.

Князь Мещерскій предлагалъ слѣдующія мѣры:

1. Уменьшить число чиновниковъ на Кременчугской таможнѣ, предоставивъ купцамъ возить свои товары чрезъ Васильковскую таможню. Коммиссія, съ своей стороны, полагала остановиться измѣненіемъ въ расположеніи таможенъ впредь до учрежденія новыхъ границъ по окончаніи войны.

2. Уменьшить также число таможенныхъ чиновниковъ и въ Нѣжинской таможнѣ, учрежденной преимущественно для отпуска лупнаго товара въ Турцію, и дозволить этотъ товаръ провозить чрезъ Полтаву, Ромны и Городню. Коммиссія же полагала оставить Нѣжинскую таможню въ прежнемъ видѣ, такъ какъ въ городѣ семъ пребываніе имѣютъ греческіе купцы, особенно искусные въ укладкѣ мѣховъ.

3. Хотя и другія таможни можно было упразднить по случаю чрезвычайной ихъ другъ отъ друга близости, но опасаться слѣдуетъ чтобъ отъ этого не произошло еще бо́льшаго удобства для контрабанды. На замѣчаніе это согласилась и коммиссія.

4. Псковскую таможню, учрежденную лишь для освидѣтельствованія отпускаемаго въ Ригу льна и ярлыковъ на товары идущіе изъ Риги, сдѣлать заставой, по незначительности поступающихъ чрезъ нее пошлинъ. Коммиссія полагала оставить Псковскую таможню на прежнемъ основаніи, такъ какъ сверхъ того она существуетъ и для осмотра „проѣзжающаго въ Россію лифляндскаго дворянства,“ и съ уничтоженіемъ ея, тайный въ Россію провозъ товаровъ былъ бы еще свободнѣе.

5. Дабы таможенные директоры были въ постоянномъ страхѣ, то учредить должность главнаго смотрителя, обставивъ его мѣсто слѣдующими выгодами, съ чѣмъ согласилась и коммиссія.

а) Не зависѣть ему ни отъ какого въ государствѣ „правительства“, а быть подъ начальствомъ главнаго надъ таможнями директора и „сочленомъ главной надъ таможенными сборами канцеляріи“; б) назначить ему достаточное содержаніе и производить ему разъѣзды и разсылку штабъ и оберъ-офицеровъ на счетъ таможенной суммы; в) дать ему въ распоряженіе двухъ штабъ и четырехъ оберъ-офицеровъ для осмотра таможенъ сверхъ собственнаго его путешествія; г) отдать въ его вѣдомство всѣхъ форпостныхъ воинскихъ начальниковъ, съ правомъ увеличивать и уменьшать число людей, отрѣшать начальниковъ отъ должности, предавать суду; д) сноситься ему со всѣми присутственными мѣстами какъ бы отъ самой надъ таможнями главной конторы; е) обязать таможни посылать ему мѣсячныя, третныя и годовыя вѣдомости; а ему представлять въ канцелярію лишь въ важнѣйшихъ случаяхъ; ж) поручить губернаторамъ привести въ исправность веховыя дороги и снабдить границы болѣе частыми форпостами, назначивъ туда болѣе надежныхъ людей; з) въ случаѣ замѣченныхъ за директорами таможенъ безпорядковъ и упущеній, смотрителю самому ихъ отрѣшать, представляя о нихъ въ камеръ-коллегію, а о назначеніи новыхъ представлять главной канцеляріи, а цолперовъ и прочихъ нижнихъ чиновъ отрѣшать и также на ихъ мѣсто новыхъ назначать самому; и) всѣхъ объѣздчиковъ изъ Малороссіянъ и обѣднѣлыхъ купцовъ отрѣшить, назначивъ таковыхъ изъ отставныхъ гусаръ и другихъ воинскихъ чиновъ.

6. Одинаково награждать какъ доносителей такъ и понимщиковъ отдачею имъ всего товара со взятіемъ пошлинъ.

7. Доношикамъ отдавать весь товаръ, хотя и заклейменый, о которомъ доказано ими будетъ что онъ пропущенъ безъ взятія пошлинъ.

8. Въ случаѣ поимки товара, везомаго не по указнымъ дорогамъ, штрафовать купцовъ-хозяевъ взятіемъ двойной пошлины, а извощиковъ, если невинно это сдѣлали, отобраніемъ лошадей, а если изъ обмана, то наказывать ихъ сверхъ того плетьми.

9. Установить при провозѣ товаровъ чрезъ таможни особые ярлыки, которые купцы обязаны были бы предъявлять на мѣстахъ назначенія товара, и не распечатывать товаръ до мѣста назначенія, гдѣ вскрывать его при мѣстномъ начальствѣ. Таможня выдавшая ярлыкъ, начальство города куда отправляется купецъ извѣщали бы другъ друга, а равно та-

моженную канцелярію и главнаго смотрителя. Съ этими мѣрами коммиссія однако не согласилась, такъ какъ это повело бы къ потерѣ для купечества времени, „которое для купца есть наивящшее препятствіе“, къ умноженію канцелярскихъ обрядовъ, а слѣдовательно и злоупотребленій. „А какъ натурально“, присовокупляла коммиссія, „что сборъ пошлинный умножаться долженъ отъ расширенія коммерціи“ то рѣшено было мѣръ этихъ не принимать, такъ какъ другими способами надзоръ за ввозомъ товаровъ предполагалось значительно усилить; „отъ напраснаго же вреда и разоренія купечества произойдетъ упадокъ и въ самой коммерціи“.

10. Матеріи клеймить съ двухъ концовъ, и запретить торговлю разрѣзанными кусками.

11. При будущемъ пересмотрѣ коммерцъ-коллегіей тарифа, сбавить пошлину съ товаровъ обложенныхъ пошлиною слишкомъ высокою, ибо купцы еслибы платили всю эту пошлину сполна, то не могли бы по дороговизнѣ товара вовсе найти ему покупателей.

12. Въ удостовѣреніе что дѣйствительно производится значительная контрабанда, князь Мещерскій предлагалъ накупить *выбойки* болѣе чѣмъ по офиціальнымъ даннымъ ее привезено въ Россію, то-есть на 10.000 р., и произвести изслѣдованіе какъ она проникла въ Россію; но коммиссія отклонила это предложеніе, какъ могущее слишкомъ встревожить торгующее сословіе.

13. Князь Мещерскій кромѣ того предлагалъ возвратиться къ отдачѣ таможенъ на откупъ. Но коммиссія возразила что несмотря на тайный провозъ таможенные сборы со времени введенія казеннаго содержанія значительно возрасли въ своей доходности, чему не помѣшали и военныя обстоятельства.

14. Основать въ Москвѣ контору таможенной канцеляріи, поручивъ ее надежному человѣку, съ тѣмъ чтобъ онъ осматривалъ пріѣзжающіе въ Москву товары и выдавалъ билеты для складки товара въ гостиномъ дворѣ; имѣлъ бы право дѣлать обыски, въ случаѣ доноса или основательнаго подозрѣнія въ имѣніи у какого-либо купца контрабаднаго товара, съ тѣмъ чтобы эти обыски производились при членѣ магистрата и секретарѣ. Мѣры эти предположены были по той причинѣ что Москву считали центральнымъ складомъ контрабандныхъ товаровъ, и на мѣропріятія эти согласилась и коммиссія. Наконецъ, предполагалось подтвердить чтобы при осмо-

трѣ товаровъ на границѣ отнюдь не дѣлаемо было чинамъ таможенъ никакого сопротивленія. На докладѣ сдѣлана помѣтка что онъ докладыванъ 7го февраля 1772 года, и указано все сіе до времени оставить.

Изъ частныхъ законодательныхъ мѣръ относящихся къ описываемому времени не безынтересно будетъ привести слѣдующія:

Мы видимъ что правительство озабочено было возможнымъ расширеніемъ и облегченіемъ сношеній на границахъ. Такъ указомъ 1771 года * опредѣлялось пропускать Буджацкихъ и Едиссанскихъ Татаръ везущихъ товары, какъ-то: кумачи, киндяки, выбойки и мѣшины, для торговли безпрепятственно и предписывалось „чтобъ упомянутымъ ордамъ въ проѣздѣ черезъ границу остановки и по въѣздѣ внутри государства ни малѣйшаго озлобленія чинено не было"; пошлину же съ привозимыхъ Татарами товаровъ взимать съ покупателей, русскихъ купцовъ, для чего повелѣвалось назначить извѣстныя мѣста гдѣ купцы должны были объявлять купленные у Татаръ товары и представлять ихъ для клейменія. Во исполненіе сего и учреждены были двѣ новыхъ таможни въ Воронежской губерніи и въ Черкасскомъ. ** Высочайше утвержденнымъ докладомъ бѣлорусскаго генералъ-губернатора 1772 года, *** повелѣно было перенести въ бѣлорусскихъ губерніяхъ таможни на новую границу.

Въ 1775 году, высочайше утвержденнымъ докладомъ сената повелѣно было, вслѣдствіе постоянныхъ претензій Китайцевъ на то что въ Кяхтѣ пошлины собираются, и промѣненные у нихъ товары осматриваются и клеймятся на самой границѣ, перевести таможню съ форпоста въ Троицкую крѣпость, а пошлины собирать въ Иркутскѣ, учредивъ тамъ для этой цѣли особое коммиссарство; о чемъ и повелѣвалось иркутскому губернатору снестись съ коллегіею иностранныхъ дѣлъ. ****

Съ цѣлію поощрить развитіе торговли на Черномъ морѣ, былъ изданъ въ 1775 году особый для черноморскихъ портовъ тарифъ, причемъ, въ виду послѣднихъ территоріальныхъ

---

* 16го сентября. *П. С. З.* № 13.656.

** *П. С. З.* № 13.790.

*** *П. С. З.* № 13.865.

**** *П. С. З.* № 14.277.

пріобрѣтеній, открытъ въ 1775 году цѣлый рядъ новыхъ таможенъ. Вмѣсто Азовской заставы учреждена была таможня при рѣкѣ Кагальникѣ у Орбинскаго брода, и двѣ заставы въ Черкасскѣ и при Бабской станицѣ; причемъ при таможнѣ открытъ былъ мѣновой дворъ, на одинаковыхъ основаніяхъ съ Оренбургскимъ. Темерниковская таможня была переведена въ Таганрогъ, съ подчиненіемъ Кагальницкой таможни и двухъ заставъ въ Яникалѣ и Керчи; при этомъ дозволено было въ два послѣдніе города выгружать товары безпошлинно, для мѣстнаго потребленія, но безъ права вывоза товаровъ сухопутно во внутрь страны. За симъ учреждена таможня при Александровской крѣпости и при Никотинѣ (на Днѣпрѣ), съ подчиненіемъ имъ заставъ въ Петровской крѣпости и Кинбурнѣ и съ уничтоженіемъ Изюмской, Бахмутской и Цариченской таможенъ и Переволоченской заставы. По польской границѣ были уничтожены Кременчугская и Елисаветградская таможни, и учреждены таможня въ Мирградѣ и заставы въ Крыловскомъ и Екатеринискомъ шанцахъ. * Кромѣ того были открыты на западѣ таможни Сорокицкая и Каменская. На вновь открытыя таможни потребовалось новаго ежегоднаго расхода до 32.268 руб.

Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ изданъ новый штатъ главной надъ таможенными сборами канцеляріи, коимъ расходъ на это учрежденіе увеличенъ до 12.737 р., а вслѣдъ за симъ, въ 1776 году, изданъ и новый штатъ всѣхъ таможенъ, коимъ расходъ на нихъ увеличенъ до 89.999 р. Изъ этого штата исключено было 16 таможенъ, которыя, вслѣдствіе измѣнившихся территоріальныхъ очертаній, оказывались расположенными внутри государства и которыя были закрыты частію ранѣе, частію при составленіи самаго штата. Отъ закрытія этихъ таможенъ уменьшился и общій расходъ на содержаніе таможенъ на 18.114 р. Сумма эта съ избыткомъ потребовалась на содержаніе 15 вновь учрежденныхъ таможенъ, выше перечисленныхъ. Затѣмъ, общее число таможенъ было 20 и 18 заставъ, а число чиновъ въ нихъ 836.

Съ открытіемъ мѣстныхъ въ губерніяхъ финансовыхъ учрежденій естественно представилась мысль сосредоточить въ нихъ завѣдываніе и таможенными учрежденіями. Такимъ образомъ мы видимъ что въ 1780 году былъ данъ именной указъ

---

* *П. С. З.* №№ 14.431 и 14.473.

совѣтнику С.-Петербургской казенной палаты Далю, опредѣленному для дѣлъ по таможнямъ, коимъ повелѣвалось ему тотчасъ же, не ожидая открытія палаты, принять въ свое вѣдѣніе таможни въ С.-Петербургской губерніи лежащія. * Въ томъ же году повелѣно было находящіяся на границѣ Имперіи въ малороссійскихъ губерніяхъ таможни и заставы отдать въ распоряженіе мѣстнаго генералъ-губернатора. **

Наконецъ, по случаю открытія губерній, сенатъ представилъ императрицѣ докладъ о тѣхъ учрежденіяхъ которыя оставались за симъ безъ дѣла. Въ числѣ ихъ была и канцелярія надъ таможенными сборами, которую полагалось упразднить за передачею большей части таможенъ и заставъ въ управленіе мѣстныхъ губернскихъ учрежденій; оставшіяся же въ распоряженіи канцеляріи таможни повелѣвалось передать въ вѣдѣніе генералъ-губернаторовъ, какъ это было сдѣлано относительно таможенъ малороссійскихъ.

Что касается *питейнаго дѣла*, то выше мы видѣли что по случаю войны продажная цѣна вину была возвышена до 3 руб. за ведро, съ тѣмъ вмѣстѣ цѣна французской водки возвышена до 6 руб. Вино выкуривалось какъ на казенныхъ, такъ и на частныхъ заводахъ. Изъ законодательныхъ по винному откупу мѣръ замѣчательно лишь то что при отдачѣ питейныхъ сборовъ на откупъ на новое четырехлѣтіе, съ 1779 года, сенатъ пришелъ къ убѣжденію о возможности отдавать откупа столь раздробительно какъ того только откупщики пожелаютъ. ***

Въ дополненіе очерка считаемъ интереснымъ сгруппировать въ одномъ мѣстѣ тѣ *финансовыя мѣры* которыя были приняты *въ бѣлорусскихъ губерніяхъ вслѣдъ за присоединеніемъ ихъ къ Россіи*. Здѣсь вполнѣ высказалась энергическая объединяющая политика государственныхъ сподвижниковъ императрицы, и вмѣстѣ съ тѣмъ та осторожность съ которою старались облегчить податную тяжесть для вновь занимаемыхъ областей. По присоединеніи бѣлорусскихъ губерній, необходимо было ввести въ нихъ финансовую систему податей на одинаковыхъ съ прочими частями Имперіи началахъ. Потому бѣлорусскій генералъ-губернаторъ, графъ Чернышевъ, во-

---

* *П. С. З* № 15.010.

** *П. С. З.* № 15.042.

*** *Свѣдѣнія о питейныхъ сборахъ въ Россіи*, 1860 г., ч. I, изд. госуд. канцел.

шелъ къ императрицѣ съ особымъ докладомъ. „Какъ для точнаго предположенія“, писалъ графъ Чернышевъ, „всего того что̀ принадлежитъ къ установленію въ высочайше ввѣренныхъ мнѣ губерніяхъ *твердаго во всемъ основанія* и къ постановленію всѣхъ частей въ надлежащій порядокъ, необходимо нужно удостоиться вѣдать высочайшее вашего императорскаго величества соизволеніе на многія первоначальныя положенія, дабы потому могъ я уже не только надлежащія дѣлать во всемъ предписанія, но и изыскивать возможныя способы къ произведенію всего въ дѣйство.“ Докладомъ этимъ, удостоившимся высочайшаго утвержденія, предположено было ввести въ присоединенныхъ губерніяхъ слѣдующіе подати и налоги: *

1. Съ 1773 года ввести въ нихъ поголовную перепись, и все крестьянское сословіе обложить подушнымъ сборомъ въ 70 коп. съ души, въ счетъ которыхъ взимать съ души по одному четверику муки по штатной цѣнѣ.

2. Жидовъ обложить сборомъ по 1 руб. съ души.

3. Купечество по 1 руб. 20 к. съ души.

4. Винокуреніе и продажу вина, пива и меда предоставить всѣмъ помѣщикамъ, со взиманіемъ съ нихъ за это по 50 к. съ души владѣемыхъ ими крестьянъ. Цѣна же этимъ напиткамъ должна была назначаться, на каждый предстоящій годъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ предшествовавшаго, съ согласія всего дворянства и съ утвержденія земскаго суда и губернатора.

5. Право продажи вина въ городахъ отдавать на откупъ магистратамъ, съ платою за это право по 1 р. 40 к. съ души.

6. Въ помѣщичьихъ мѣстечкахъ это право отдавать владѣльцу, съ уплатою по 75 к. съ души.

7. Въ городахъ и мѣстечкахъ въ которыхъ существовалъ казенный акцизъ оставить его впредь.

8. Таможенную линію, отдѣлявшую эти губерніи отъ Россійской Имперіи, перенести на границы ихъ.

9. Ввести въ нихъ казенную продажу соли, по 50 коп. за пудъ.

10. Королевскія деревни присоединить къ дворцовымъ, а церковныя къ экономическимъ, и отдавать ихъ въ аренду, со взиманіемъ съ арендаторовъ, сверхъ подушнаго сбора, за право винокуренія по 50 к. съ души, и помѣщичьяго дохода по

* *П. С. З.* № 13.865.

1 р. 50 к. съ души; причемъ, для охраненія деревень отъ разоренія, сама императрица повелѣла заключать съ арендаторами контракты.

11. Учредить въ обѣихъ губерніяхъ почты „по способности положенія въ нихъ городовъ и *по сотеченію главныхъ дорогъ въ города лежащіе въ Имперіи.*“

12. Наконецъ, въ этихъ губерніяхъ введено употребленіе русскихъ мѣръ и вѣсовъ, и предполагалось ввести исключительное хожденіе русскихъ денегъ, но по сему послѣднему предположенію положена была императрицею резолюція что сей пунктъ требуетъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія.

Но вслѣдъ за этимъ, введеніе новыхъ податей было отсрочено до 1го іюля 1773 года, и жители двухъ бѣлорусскихъ губерній на полгода освобождены отъ уплаты податей, * а указомъ 17го апрѣля 1773 года,** наложенныя подати уменьшены и впредь: подушная понижена до 70 коп. съ души (въ счетъ которыхъ положено собирать по одному четверику муки, считая четверикъ по 15 коп.); винная подать понижена съ помѣщиковъ до 20 коп., съ городовъ до одного рубля и съ мѣстечекъ до 50 коп. съ души; аренды положено брать по 1778 годъ лишь по 50 коп. съ души; въ этихъ размѣрахъ и велѣно взимать подати за вторую половину 1773 года.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по высочайше утвержденному докладу того же генералъ-губернатора, отъ 11го апрѣля 1773 года, въ упомянутыя губерніи была послана особая коммиссія для изслѣдованія какъ состоянія земли въ ней, такъ и того какую подать жители ихъ могли бы платить правительству безъ отягощенія. Коммиссіи этой приданы были одинъ „искусный въ разчетахъ камериръ и два землемѣра“. ***

Въ 1774 году жители бѣлорусскихъ губерній были опять освобождены на полгода отъ податей. ****

Наконецъ высочайшею резолюціей на докладѣ бѣлорусскаго генералъ-губернатора, отъ 1го мая 1775 года, † положено было собирать положенныя съ бѣлорусскихъ губерній подати въ уменьшенномъ, согласно указу 17го апрѣля 1773 года, размѣрѣ

---

* Именной указъ 14го декабря 1772 года. *П. С. З.* № 13.923.

** *П. С. З.* № 13.973.

*** *П. С. З.* № 13.971.

**** Указъ 3го февраля 1774 г. *П. С. З.* № 14.113.

† *П. С. З.* № 14.312.

еще въ теченіи трехъ лѣтъ, то-есть по 1778 годъ, и затѣмъ, указомъ 10го января 1778 года, еще на два года. *

Указомъ 1779 года іюля 3го, ** повелѣно было впредь до указа собирать положенныя на бѣлорусскія губерніи подати въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Поголовную по 35 коп., въ счетъ-которой по ½ четверика мукою; за винную продажу по 20 коп.; съ городскихъ жителей поголовныя по 60 коп., за винную продажу по одному рублю; въ мѣстечкахъ за винную продажу по 50 коп., арендныя по 50 к. и съ жидовъ поголовныя по 50 коп.

Мы не упоминали еще о продажѣ казенныхъ земель. Постепенная продажа пустопорожнихъ и оброчныхъ казенныхъ земель, начатая до Турецкой войны, продолжалась и во время ея. Въ сенатскомъ указѣ 14го апрѣля 1769 года *** постановлялось что „изъ высочайшаго ея императорскаго величества матерняго милосердія, для распространенія владѣльцамъ экономіи, государственныя впустѣ лежащія и отдаваемыя въ оброкъ земли повелѣно продать за постановленныя цѣны, предпочтя въ первыхъ тѣхъ которые на нихъ уже поселенія свои имѣютъ или своими дачами прикосновенны и за которыми онѣ состоятъ въ оброкѣ“. Поэтому постановлялось что всѣ тѣ за которыми казенныя земли состоятъ въ оброкахъ въ полугодичный срокъ объявили бы Московской губернской межевой канцеляріи о желаніи своемъ купить тѣ земли. Если же въ назначенный срокъ тѣ владѣльцы не объявятъ желанія купить тѣ земли, то дабы они не могли землями тѣми долговременно пользоваться за малые оброки, повелѣвалось отдавать тѣ земли желающимъ, „изъ большаго оброка“.

Земли же въ которыхъ предвидѣлась надобность для казны повелѣно было описывать особо, и доставлять эти описи въ Московскую межевую канцелярію, которая обязана была тѣ земли изъ продажи исключать. **** Такъ, напримѣръ, было предписано относительно казенныхъ земель въ Оренбургской губерніи. Въ указѣ относящемся до сихъ земель, сенатъ объяснилъ что продажа земель была сосредоточена въ межевой

---

* *П. С. З.* № 14.689.

** *П. С. З.* № 14.892.

*** *П. С. З.* № 13.284.

**** Сенатскій указъ 30го марта 1770. *П. С. З.* № 13.441.

канцеляріи для того чтобы могли отъ той продажи имѣть выгоду не только мѣстные жители, но и помѣщики другихъ губерній, для переселенія на нихъ своихъ крестьянъ, и что, наконецъ, продажу эту было предписано производить постепенно, заблаговременно, за полгода публикуя о тѣхъ мѣстахъ или губерніяхъ въ которыхъ земли предназначаются къ продажѣ, посылая землемѣровъ для ихъ описанія. Относительно совершенно неудобныхъ ни къ хлѣбопашеству, ни къ сѣнокошенію мѣстъ, каковы моховыя болота, повелѣно было * мѣста эти отдавать въ вѣчное владѣніе тѣмъ которые обяжутся земли эти осушить и разработать.

Наконецъ, при производствѣ генеральнаго межеванія, оказывались цѣлыя пустоши и даже населенныя деревни которыя продолжительное уже время находились безъ всякихъ владѣльцевъ; потому было предписано межевой канцеляріи и всѣмъ межевымъ конторамъ ** прислать вѣдомости о всѣхъ таковыхъ земляхъ и пустошахъ съ ихъ описаніемъ, и доставить свѣдѣнія сколько какого дохода получается съ тѣхъ земель, въ чьемъ вѣдѣніи состоятъ и куда тѣ доходы употребляются.

III.

Въ заключеніе настоящаго очерка мы должны остановиться на обозрѣніи общихъ финансовыхъ результатовъ за описываемую эпоху и представить хотя краткую картину состоянія государственной казны.

Къ настоящему времени относится *составленіе перваго свода* государственныхъ доходовъ по всей Россіи. Хотя различныя къ тому попытки были предпринимаемы еще съ самаго начала царствованія Екатерины II, но попытки эти не имѣли успѣха.*** Въ разсматриваемое время усилія финансоваго управленія были удачнѣе. А именно, въ 1770 году, императрица объявила генералъ-прокурору изустное повелѣніе, **** „сдѣлать для совершеннаго свѣдѣнія и исчисленія о всѣхъ государственныхъ доходахъ окладную книгу“. Вслѣдствіе этого гене-

---

* Сенатскій указъ 19го августа 1770. *П. С. З.* № 13.498.

** Сенатскій указъ 10го февраля 1775 года. *П. С. З.* № 14.249.

*** См. нашу статью *О финансовомъ управленіи въ царствованіе Екатерины II*, въ *Юридическомъ Вѣстникѣ* 1869, книжка вторая.

**** *Собраніе свѣдѣній и матеріаловъ по министерству финансовъ*, А. Корсака, 1869, книжка X, стр. 24 и слѣд.

ралъ-прокуроръ, князь Вяземскій, вмѣстѣ съ Мельгуновымъ, разсматривали присланныя еще за 1764 годъ къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ отъ прокуроровъ вѣдомости о всѣхъ государственныхъ доходахъ, а также и вѣдомости по временамъ присылавшіяся въ сенатъ. Но при обзорѣ этихъ вѣдомостей оказалось что въ упоминаемыхъ вѣдомостяхъ доходы перемѣшаны, показаны то въ окладныхъ, то въ неокладныхъ, что одинъ и тотъ же доходъ значится подъ разными наименованіями по два и болѣе разъ, что нѣкоторые сборы показываются несмотря на то что они давно отмѣнены, а по другимъ не значится на какомъ основаніи они собираются. Вслѣдствіе сего рѣшено было истребовать отъ провинціальныхъ властей новыя свѣдѣнія по однообразной формѣ, которую разослать въ печатныхъ экземплярахъ; причемъ для руководства мѣстнымъ властямъ въ составленіи вѣдомости приложена была особая инструкція. Свѣдѣнія требовались за 1768, 1769 и 1770 года, но прежде всего за 1769 годъ, и для представленія ихъ назначенъ былъ срокъ. Доходы предписано было группировать по четыремъ отдѣламъ: окладные непремѣнные, окладные перемѣняющіеся, неокладные и неокладные временно вступающіе, и при каждомъ наименованіи доходовъ приложить объясненіе, на основаніи какихъ указовъ тотъ доходъ учрежденъ, гдѣ, съ чего и сколько собирается, а если какого дохода не имѣется, то когда уничтожился. На основаніи присланныхъ вслѣдствіе изложеннаго повелѣнія вѣдомостей, и составлена была окладная книга 1769 года, напечатанная въ приведенномъ *Сборникѣ министерства финансовъ*. Такія же окладныя книги за 1773, 1776 и 1777 года хранятся въ С.-Петербургскомъ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. * Упомянутыя окладныя книги представляютъ значительный шагъ впередъ въ дѣлѣ приведенія государственныхъ доходовъ въ какой-либо порядокъ и единство. Въ нихъ нѣтъ уже встрѣчающагося въ вѣдомостяхъ 1760 года раздѣленія доходовъ по тѣмъ вѣдомствамъ чрезъ которыя они вступали. Вмѣсто того, налоги раздѣляются въ книгахъ этихъ по своему существу на окладные и неокладные, что̀ приближалось уже къ существующему въ настоящее время раздѣле-

* Извлеченіе изъ нихъ напечатано въ 5 томѣ *Сборника Историческаго Общества*, въ формѣ таблицы, составленной авторомъ настоящаго очерка.

нію. Окладные сборы подраздѣлены были на окладные непремѣнные и окладные по временамъ перемѣняющіеся; неокладные:—на просто неокладные (постоянные) и неокладные временно вступающіе. Несмотря на эту бо́льшую раціональность въ подраздѣленіи податей и сборовъ, на помянутыхъ окладныхъ книгахъ отлечатлѣлся однако характеръ податной системы того времени. Характеръ этотъ выразился именно въ многоразличности самыхъ сборовъ. Такимъ образомъ изъ четырехъ приведенныхъ нами раздѣловъ окладной книги 1773 года:—первый, заключающій въ себѣ сборы окладные непремѣнные, состоитъ изъ 24хъ различныхъ прямыхъ податей разныхъ наименованій, сюда входятъ сборы: семигривенный, четырехъ и шестигривенные, двухрублевый съ крестьянъ, сорокаалтынный съ цеховыхъ, сборъ съ купеческихъ капиталовъ и нѣсколько мѣстныхъ сборовъ. Второй раздѣлъ, сборовъ окладныхъ по временамъ перемѣняющихся, состоитъ изъ 63 различныхъ, самыхъ разнообразныхъ сборовъ, кромѣ литейныхъ, доставлявшихъ уже въ то время довольно значительный доходъ, по окладу превосходившій 6½ милл. рублей; въ этотъ раздѣлъ были включены всѣ сборы съ разныхъ отраслей промышленности и внутренней торговли и съ оброчныхъ казенныхъ статей и угодій; многіе изъ этихъ сборовъ, установленные издавна и будучи совершенно мѣстнаго характера, приносили дохода едва нѣсколько копѣекъ и тѣмъ не менѣе продолжали существовать по установленному однажды обычаю.

Третій отдѣлъ сборовъ неокладныхъ содержитъ какъ таможенные и соляные сборы, такъ и соотвѣтствовавшіе нынѣшнимъ крѣпостнымъ и гербовымъ сборамъ и доходы съ почтовыхъ установленій, всего же 22 наименованія. Наконецъ, раздѣлъ четвертый, неокладныхъ временно вступающихъ, всего 57 различныхъ наименованій, представляетъ довольно смѣшанный сбродъ всякихъ сборовъ безъ опредѣленнаго характера.

Таковъ порядокъ изложенія трехъ разсматриваемыхъ окладныхъ книгъ. Хотя изложеніе это не представляетъ строго проведенной системы, но самый фактъ существованія этихъ книгъ, стоившихъ финансовому управленію большихъ усилій и трудовъ, составляетъ уже огромный шагъ впередъ и, можно сказать, эпоху въ исторіи нашего финансоваго управленія.

Независимо отъ упомянутыхъ окладныхъ книгъ, въ главномъ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и въ архивѣ департамента государственнаго казначейства

хранятся четыре „вѣдомости доходамъ и расходамъ за 1770—73 года". * Всѣ эти документы, вмѣстѣ взятые, даютъ намъ довольно полное понятіе о государственныхъ доходахъ и расходахъ того времени и представляютъ возможность придти къ нѣкоторымъ сравнительнымъ съ предшествовавшею эпохою выводамъ.

Относительно *доходовъ* мы видимъ что по окладной книгѣ 1769 года всѣхъ доходовъ исчислено всего только около 18 милліоновъ рублей. однако цифру эту нельзя признать вѣрною, такъ какъ по вѣдомости 1768 года ** значится доходовъ до 21.683.178 руб., а съ недоимками около 22½ милл. руб.; на семъ основаніи вѣдомости должны быть признаны значительно полнѣе окладныхъ книгъ. Вѣдомости за послѣдующіе года показываютъ быстрое возрастаніе въ государственныхъ доходахъ; такъ, кромѣ оборотныхъ суммъ, общій итогъ вступленій за 1770 годъ составляетъ болѣе 26½ милл. руб., въ 1771 и въ слѣдующихъ, 1772 и 1773 годахъ, отъ 27½ до 28 милл. руб.; такимъ образомъ приведенныя цифры показываютъ противъ 1766—67 годовъ, когда доходы не превышали 21½ милл. руб., увеличеніе на 30%.

Въ частности замѣчается увеличеніе подушныхъ сборовъ слишкомъ на 2½ милл. руб., отъ прибавочныхъ по случаю войны окладовъ, коими были обложены всѣ податныя сословія. Равнымъ образомъ быстро возрасла въ разсматриваемый періодъ времени доходность косвенныхъ налоговъ; такъ доходы съ питей съ 5 милл. въ 1767 году возрасли до 6.641.000 рублей въ 1771 году, въ 1775—79 годахъ доходъ отъ питейной продажи простирался уже до 6.887.350 руб., а въ 1779—83 годахъ до 9¼ милл. руб.; но уже въ то время проявилось зло въ послѣдствіи всегда сопровождавшее откупную систему взиманія у насъ питейныхъ сборовъ, а именно наростаніе недоимокъ по взносу откупной суммы: такъ въ 1773 году онѣ простирались уже до 2.979.000 р., а въ 1776 году до 3.391.000 р.

Относительно таможенныхъ сборовъ мы имѣемъ, кромѣ общихъ упомянутыхъ выше вѣдомостей о государственныхъ доходахъ и расходахъ, въ которыхъ доходы отъ означенныхъ сборовъ показаны очевидно неполно, два весьма интерес-

* Подробныя извлеченія изъ нихъ напечатаны авторомъ настоящей статьи въ 5 т. *Сбор. Ист. Общ.*

** См. статью того же автора въ ноябрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за 1869 годъ.

ныхъ документа, хранящіеся въ государственномъ и Московскомъ главныхъ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ, а именно: особая вѣдомость о цѣнности отпущенныхъ изъ Россіи и привезенныхъ въ нее въ 1762—81 годахъ товаровъ и о дѣйствительно собранныхъ сборахъ, и вѣдомость сколько противъ прежней, до 1764 года, откупной суммы правительствомъ было по таможеннымъ сборамъ перевыручено. Въ первой изъ сихъ вѣдомостей количество полученныхъ таможенныхъ сборовъ показано за 1766 годъ въ размѣрѣ 2.875.000 р., за 1767 годъ 2.663.000 р. и за 1768 годъ 2.823.000 р. Затѣмъ, съ 1769 года начинается довольно замѣтное возрастаніе; въ семъ послѣднемъ году поступленіе означенныхъ сборовъ показано въ 3.206.000 р., затѣмъ, увеличиваясь съ нѣкоторыми колебаніями, они доходятъ въ 1773 году до 3.614.000 р.; въ слѣдующихъ же годахъ замѣчается вновь пониженіе, такъ что въ 1778 году они падаютъ ниже 3 милл. руб., а именно равняются 2.976.000 р.; новое же и рѣшительное ихъ возвышеніе относится къ 1780 году, когда они въ одинъ годъ возрасли почти на цѣлый милліонъ рублей.

Въ другой приведенной нами вѣдомости разчитывается что въ десятилѣтіе съ 1764—73 года перевыручено было казною противъ откупной суммы, платимой до того Шемякинымъ съ товарищами, 4.395.000 р., а за вычетомъ употребленныхъ въ это десятилѣтіе на содержаніе таможенъ, 792.000 р., оказывается чистой прибыли 3,603.000 р.

Наконецъ, соляной доходъ, который въ 1767 году давалъ не болѣе 1.699.000 р., возвысился въ началѣ семидесятыхъ годовъ до 1.909.000 руб., но вслѣдъ затѣмъ опять упалъ даже ниже прежней цифры, а именно онъ простирался отъ 1.570.000 до 1.580.000 руб.

За симъ, согласно общей вѣдомости и окладной книгѣ 1773 года, сравнительное значеніе для тогдашняго бюджета различныхъ отраслей государственныхъ доходовъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Общая сумма доходовъ равнялась 27.714.135 р. по окладу, и 23.611.032 р. по дѣйствительному вступленію, но присовокупляя къ этой суммѣ 2.835.823 р., полученныхъ въ этомъ году изъ недоимокъ прошлыхъ лѣтъ, получимъ 26.446.855 р., представляющихъ итогъ дѣйствительно полученныхъ въ томъ году доходовъ. Изъ числа всѣхъ сборовъ, прямыя (преимущественно подушныя) подати по окладу простирались на сумму 12.634.048 р.,

то-есть достигали 45% общей суммы государственныхъ доходовъ по окладу: поступленіе ихъ, принимая во вниманіе недоимки за прошлые года, немногимъ ниже оклада, а именно 12.362.000 р. Затѣмъ литейные, таможенные и соляной сборы давали всего 11.500.295 р., то-есть также около 43% общей суммы всѣхъ государственныхъ доходовъ, такъ что на остальные 140 сборовъ приходилось всего 3.579.792 р. Число этихъ сборовъ однако уменьшилось немедленно по окончаніи Турецкой войны, когда были предприняты значительныя облегченія въ податной тяжести для народа, а именно общее ихъ число, доходившее по окладной книгѣ 1773 года до 171, было въ 1776 году уменьшено до 159, а въ 1777 году до 133.

Переходя къ обозрѣнію государственныхъ *расходовъ* за разсматриваемое время, находимъ что прежде всего бросается въ глаза быстрое ихъ возрастаніе противъ предшествующаго времени, вызванное военными потребностями.

Упомянутыя выше вѣдомости даютъ намъ возможность представить хотя лишь за первые года описываемаго десятилѣтія слѣдующія данныя, расположенныя по тѣмъ же рубрикамъ по которымъ сгруппированы были государственные расходы за время съ 1763—68 годъ. *

Для краткости возьмемъ лишь 1770 и 1773 года.

	1770 г.	1773 г.
На дворъ ея императорскаго величества.	2.482.405	2.213.808
Расходы по военно-сухопутному вѣдомству	8.204.467	9.612.272
Расходы на флотъ и адмиралтейство	771.546	759.558
Штатсъ-конторскіе расходы . . .	7.083.831	10.098.014
Расходы на центральную и мѣстную администрацію	2.719.573	2.672.516
На пути сообщенія.	117.796	58.703
„ постройки	97.598	60.000
„ богоугодныя заведенія. . . .	5.163	—
„ казенные заводы и бергъ-коллегіи	213.111.	123.010

* Смотри нашу статью въ ноябрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за 1869 годъ.

	1770 г.	1773 г.
На академію художествъ, Московскій университетъ и академію наукъ.	67.136	64.000
По банкамъ.	58.784	—
На коллегію иностранныхъ дѣлъ. .	97.193	—
„ колонизацію	200.000	200.000
Жалованныхъ.	60.000	60.000
На дѣланіе монеты.	303.455	—
Итого.	22.482.063	25.921.881
Чрезвычайныхъ расходовъ. . . .	1.558.822	2.515.251
	24.040.885	28.437.132
Истинныхъ за вино и соль (оборотныхъ).	1.314.161	—
На недоборы.	—	940.621
Итого.	25.355.047	29.377.753 *

Сравнивая эти цифры съ цифрами предшествовавшей эпохи, мы видимъ что и прежде существовавшее почти исключительное преобладаніе въ государственныхъ расходахъ издержекъ на защиту государства извнѣ еще усилилось вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ. Такъ расходы по арміи увеличились въ 1773 году противъ 1767 года на цѣлый милліонъ рублей; въ особенности быстро возрасли расходы на флотъ, которые съ 589.000 р. въ 1767 году дошли до 1.900.000 р. въ 1771 году, и хотя понизились въ слѣдующихъ годахъ, но все-таки превышали почти на 30% прежнюю цифру. Штатсъ-конторскіе расходы, въ которые также входили расходы на армію и флотъ, возвысились въ тотъ же промежутокъ времени съ 5.000.000 р. до 8.000.000 р. въ 1771 году, и до 10.000.000 р. въ слѣдующихъ годахъ. Статья чрезвычайныхъ расходовъ, вмѣсто скромной цифры 604.000 р. въ 1768 году, уже въ 1770 году достигла $1\frac{1}{2}$ мил. р., а въ двухъ послѣднихъ изъ приведенныхъ годовъ превышала $2\frac{1}{2}$ мил. р., то-есть вчетверо превышала прежній размѣръ. Расходы же на пути сообщенія, на сооруженія, на казенные заводы, напротивъ того, должны были вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ значительно сократиться.

А. КУЛОМЗИНЪ.

* Невѣрности въ итогахъ происходятъ отъ сложенія опущенныхъ здѣсь копѣекъ.

СЫЩИКИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ ИЗЪ БИРОНОВСКАГО ВРЕМЕНИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Лѣтомъ 1729 года, въ господской усадьбѣ Горенки, въ пятнадцати верстахъ отъ Москвы, цѣлыми днями стучали топоры, возили бревна, землю, сновалъ туда и сюда народъ и рабочіе, около возводимыхъ какихъ-то холостыхъ строеній. На полугорѣ вытягивались длинные, изъ брусьевъ сколоченные, не то конюшни, не то сараи, поднимался какой-то четыре угольный срубъ съ мелкими перегородками внутри, вокругъ котораго высоко прилаживали плетень, ниже снимали и равняли землю, рыли колодезь, ломали какое-то старое зданіе, — словомъ вездѣ кипѣла дѣятельность и слѣшная работа. Народу было гораздо болѣе нежели сколько можно было бы ожидать отъ тѣхъ тридцати крестьянскихъ избъ которыя видиѣлись въ сторонѣ. Видно у владѣльца были другія многолюднѣйшія вотчины, изъ которыхъ можно было пригнать сюда столько рабочихъ, видно располагалъ онъ вообще большими средствами, и стоило только заглянуть въ любой уголокъ усадьбы его чтобъ убѣдиться въ этомъ.

Въ сараяхъ, напримѣръ, стояло пять каретъ, большею частью вызолоченныхъ и обитыхъ внутри краснымъ, голубымъ, си-

нимъ или желтымъ сукномъ, двѣ коляски, возокъ расписанный красками, столярныя, также расписанныя красками сани, тамъ, въ особомъ строеніи висѣли шоры, хомуты, цуки, узды съ мѣдными и даже серебряными приборами, сѣдла разныхъ величинъ и фасоновъ, съ вышитыми золотомъ и серебромъ подушками, медвѣжьи одѣяла, покрытыя голубымъ и зеленымъ съ красною опушкой. Конюшня на двадцать стойлъ была полна лошадьми, по тогдашнему времени, довольно рослыми и красивыми.

Въ подвалахъ стояло венгерское и бургонское вино, бочки съ виномъ вишневымъ, медъ и яблочная вода, бочки съ орѣхами, пшеномъ и крупою; кучами сложены были ковры, голландскія скатерти и салфетки, стояла оловянная, мѣдная и хрустальная посуда; большіе кованые сундуки съ дорогими пожитками: съ серебромъ, или съ бархатными и турецкой парчи кафтанами, подбитыми разными мѣхами, кындякомъ и камкою; женскія платья и фартуки штофные, бархатные, атласные и парчевые, обложенные золотымъ или серебрянымъ кружевомъ, лисьи малахаи, собольи шапки, цѣльные куски матерій и пр.

Налѣво отъ дома расположены были избы домовой прислуги, а немного далѣе, изъ березовой рощи, слышался дружный вой запертыхъ на псарномъ дворѣ собакъ.

Самый домъ или каменныя палаты не отличались тою роскошью къ которой мы привыкли теперь, но представляли все что по тогдашнему времени считалось необходимою принадлежностью богатыхъ барскихъ хоромъ. Каменная лѣстница безъ перилъ и дверь съ желѣзными затворами вели въ довольно обширныя сѣни, въ которыхъ висѣли стеклянные фонари. Въ пріемныхъ комнатахъ стояли лавки и стулья, обитые краснымъ, зеленымъ или голубымъ сукномъ, или кожею; столы были и круглые липовые съ ногами, и дубовые четыреугольные, обитые кожею и мѣдными гвоздями, или покрытые пестрымъ ковромъ, были маленькіе лаковые, московской работы. На стѣнахъ, покрытыхъ обоями вишневой камки или камчатными зелеными, мѣстами прибиты были ковры; въ каждомъ покоѣ висѣло по нѣсколько образовъ, но въ одномъ только красовалось зеркало въ черной деревянной рамѣ высеребряной по полямъ, и напротивъ его портретъ Петра I, написанный на полотнѣ, въ деревянной рѣзной, вызолоченной рамѣ и покрытый тафтяною зеленою завѣсью.

Стѣнные часы, органъ, суконныя красныя драпировки на дверяхъ, хотя мелкія, но вездѣ стекляныя окна, зеленыя печи, словомъ все свидѣтельствовало о богатствѣ и роскоши.

Тщательно отдѣлана и убрана была въ особенности одна комната, гдѣ стояли обитыя вишневымъ бархатомъ и обшитыя по краямъ серебрянымъ галуномъ кресла, столы съ рѣзными ногами, рѣзной шкафъ, круглый точеный поставецъ, кровать рѣзная же съ позолоченнымъ верхомъ, съ зеленою тафтяною завѣсью, съ луховою периною и подушками въ выбойчатыхъ наволочкахъ, съ простынею изъ голландскаго полотна и камчатнымъ одѣяломъ. Здѣсь, на стѣнахъ, по китайскимъ обоямъ, съ широкою бѣлою каймой и съ краснымъ грунтомъ, висѣли алебарды на древкахъ, пищали, винтованныя и невинтованныя, листоли двухъ-и даже трехствольныя; на столахъ стояли разныя вещи: китайскій черный шкатулъ, кругленькія китайскія, черепаховыя, оправленныя серебромъ коробочки съ благовонными свѣчами, дубовая, холмогорская скрыня съ выдвижными ящиками, китайскій умывальный ларчикъ, съ шуйскимъ мыломъ и т. д.

По чистотѣ и порядку въ которомъ содержался этотъ покой, можно было заключить объ отсутствіи того лица или гостя для котораго онъ былъ предназначенъ, ибо совсѣмъ не то представляли другіе жилые покои, какъ мужскаго, такъ и женскаго отдѣленія дома, съ сосновыми кроватями, простыми деревянными столами и стульями, разставленными въ тѣснотѣ и безпорядкѣ.

Дѣйствительно, роскошно отдѣланный покой предназначался для важнаго гостя, для самого государя, Петра II, котораго со дня на день ожидалъ къ себѣ владѣлецъ описанной богатой усадьбы, князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій, переѣхавшій со всею семьею въ подмосковную и готовившій постройки для царскихъ коней и охоты, такъ какъ здѣсь предполагалось полевать и веселиться всю осень, и здѣсь же предполагалось нѣчто такое на что еще только слегка осмѣливался намекать въ почныхъ бесѣдахъ своихъ съ царемъ, въ опочивальнѣ послѣдняго, сынъ Алексѣя Григорьевича, князь Иванъ, но о чемъ впрочемъ успѣли уже переговорить между собою члены семейства Долгорукихъ.

Было часовъ семь вечера, погода стояла великолѣпная, солнце уже сѣло и съ нимъ притихло все въ природѣ. За-

молкло дружное чириканье воробьевъ, еще недавно тучей налетѣвшихъ на кусты сирени, прервался шелестъ подсохшихъ листьевъ на деревьяхъ, не поднималась съ лесчаной дороги ни одна пылинка, пріостановилась на время и улеглась летѣвшая весь день по далекимъ полямъ паутина, но рабочіе не оставляли еще своихъ работъ, слышны были еще стукъ колесъ, удары топоровъ; съ села доносились голоса людей, перемѣшанные съ мычаніемъ пригнаннаго стада; изъ рощи, налѣво, валилъ густыми клубами дымъ изъ-подъ котловъ, въ которыхъ заваривалась овсянка, слышалось хлопанье арапника, взвизгиваніе собакъ; у конюшни скрипѣлъ неумолкно колодезь, къ которому одну за одной выводили къ водопою лошадей; по другую сторону оврага, замыкающаго со всѣхъ сторонъ усадьбу, по извивающейся дорожкѣ, тянулись вереницею возы со снопами; гдѣ-то вдали, не то въ лѣсу, не то въ полѣ, подзывалъ звонкій дѣтскій голосъ отставшую „коняшку“, и на призывъ этотъ, гдѣ-то еще дальше, откликался тонкимъ ржаньемъ жеребенокъ.

Въ княжескихъ палатахъ сбирали ужинъ. На бѣлой скатерти стояли уже стеклянные кувшины съ квасомъ и кислыми щами, хрустальные стаканы и рюмки, оловянныя и серебряныя тарелки, серебряныя блюда съ разными соленьями и копченьями, простые ножи и вилки, солоницы, мѣдные шандалы съ восковыми свѣчами и пр.

Пріѣхавшіе утромъ изъ Москвы родственники и гости привезли извѣстіе что на завтра царь сбирается непремѣнно быть въ подмосковной, и старшіе члены семейства, князь Василій Лукичъ и князь Алексѣй, сидя въ кабинетѣ князя Алексѣя, толковали и совѣщались еще и еще разъ о томъ какъ надо было приступить къ занимавшему ихъ болѣе всего дѣлу.

— Ну что̀ пустое толкуемъ! говорилъ князь Василій Лукичъ Долгорукій, нетерпѣливо отворачивая голову и махая рукою.— По осени не мало времени, ужели не успѣемъ?

— Чего ждать-то? съ горячностію прерывалъ его князь Алексѣй Григорьевичъ,—самъ посудить можешь сколь много людей дѣлу сему противъ идутъ. Того дождемся что Андрей Ивановичъ и опять всю недѣлю по часамъ разспишетъ, тогда....

— Какъ такъ по часамъ?

— А такъ же; забылъ знать, какъ и исторія, и географія, и

математическія операціи, и самый волянтешпиль, и концертъ, и ужинъ и молитва государева, все по часамъ расписано было.

— То дѣло прошло, сказалъ улыбнувшись Василій Лукичъ,— нынѣ не Остерману, а князю Ивану расписаніе дѣлать можно.

— О томъ-то и рѣчь, какъ его сдѣлать немедленно. Ивану съ нимъ не управиться, гдѣ ему? Съ Иваномъ нынѣ и сладу нѣтъ, сказалъ Алексѣй Григорьевичъ, завидовавшій нѣсколько привязанности которую Петръ оказывалъ сыну.

Онъ утверждалъ что настоящая пора была самая удобная для приведенія задуманнаго плана въ исполненіе; что охоты настоящей еще не могло быть по времени года; что само собою царь долженъ будетъ сблизиться съ семействомъ и дочерью, тогда какъ позднѣе, осенью, труднѣе будетъ удержать его дома, да и страсть къ охотѣ заставитъ его пожалуй забыть обо всемъ остальномъ.

Князь Василій настаивалъ на своемъ, онъ совѣтовалъ бить навѣрное, а потому не торопиться; онъ доказывалъ что никакого особеннаго сближенія добиваться не слѣдовало, что это могло бы только надоѣсть юношѣ, тогда какъ при свиданіяхъ съ княжною урывками, на короткое время, между разсѣяніями охоты, скорѣе можетъ загорѣться любовь.

— Тише ѣдешь, дальше будешь, говорилъ онъ внушительно.—О томъ помышлять надлежитъ какъ бы княжна Екатерина ему приглянулася.

— Приглянулась, повторилъ безсознательно князь Алексѣй Григорьевичъ.—А если не приглянется? прибавилъ онъ какъ бы разсуждая самъ съ собою.

Ослѣпленный честолюбіемъ, руководимый только счастливою звѣздой, которая поставила его, съ паденіемъ Меншикова, вдругъ такъ близко къ государю, онъ думалъ только о томъ какъ бы не пропустить время, пока свѣтитъ еще звѣзда. Но что въ самомъ дѣлѣ, еслибы дочь не приглянулася Петру? Полюбить княжну Екатерину силою его не заставишь. Да и дочь-то сама.... Онъ ей еще ничего ни о намѣреніяхъ своихъ, ни о планахъ до сихъ поръ не сообщалъ.

Когда князь Алексѣй сообщилъ это Василію Лукичу, тотъ даже засмѣялся.

— Нѣтъ, князь Алексѣй, сказалъ онъ,—видно русаковъ травить иное, а важное фамильное дѣло вести иное.

— Смѣяться нечего, возразилъ нѣсколько обидѣвшись князь

Алексѣй,—не согласія же мнѣ ея ждать? Она обычай мой знаетъ довольно; да и не такому жениху отказать думать можно.

— Вѣдаю твой обычай, отвѣтилъ, продолжая еще улыбаться, Василій Лукичъ,—да какъ же бы мы завтра умыселъ свой въ дѣйство производить стали? Съ тобою что ли, двое?

Князь Алексѣй разгорячился еще болѣе.

— Шутимъ мы съ тобою или дѣло говоримъ, князь Василій? сказалъ онъ.

— И самъ о томъ разсудить можешь, шучу ли я или нѣтъ, отвѣтилъ Василій Лукичъ.—Завтра государя ожидаешь, а кому о семъ паче всего вѣдать, — не сказываешь. Не согласія одного отъ княжны Екатерины потребно, а и побольше чего. Она бы и сама намъ съ тобой указала по какому пути слѣдовать. Чай въ Варшавѣ еще живучи, знатно научилась о чемъ намъ съ тобой и во снѣ не снилося.

Алексѣй Григорьевичъ всталъ съ мѣста и, объявивъ что въ дочери онъ увѣренъ, намѣревался позвать ее на совѣщаніе и сообщить ей о своихъ планахъ, но дверь отворилась, и вошедшая княгиня Прасковья Юрьевна, жена князя Алексѣя, прервала бесѣду двоюродныхъ братьевъ, позвавъ ихъ къ ужину.

II.

Выросши и воспитавшись въ Варшавѣ, въ домѣ дѣда своего Григорія Ѳедоровича Долгорукаго, княжна Екатерина привыкла тамъ къ обращенію съ мущинами болѣе свободному чѣмъ какъ допускалось русскими обычаями. Но хотя и много увивалось вокругъ нея придворной молодежи, толкавшейся въ домѣ ея отца, она до той минуты съ которой начинается нашъ разказъ, ни на кого, повидимому, не обращала особеннаго вниманія. Такъ по крайней мѣрѣ казалось; на самомъ дѣлѣ было несовсѣмъ такъ. Она втайнѣ оказывала предпочтеніе человѣку на которомъ не останавливались ничьи подозрѣнія, котораго не замѣчала ничья чуткая ревность, на человѣкѣ котораго фамилія была Миктеровъ.

Онъ былъ сынъ небогатаго помѣщика Смоленской губерніи, и дѣтство свое провелъ въ домѣ старика-отца, въ деревнѣ, гдѣ, какъ и бо́льшая часть дворянскихъ дѣтей того времени, учился грамотѣ у сельскаго пономаря, а въ праздные часы гонялъ голубей съ крыши, куда влѣзалъ по высокому

вязу, росшему у крыльца родительскихъ хоромъ. Бѣдная обстановка не обѣщала, казалось, ничего молодому Миктерову, но небольшое происшествіе, случившееся лѣтъ двадцать тому назадъ, когда его и не было на свѣтѣ, имѣло сильное вліяніе на послѣдующую его судьбу и карьеру.

Нѣкто Заломовъ, помѣщикъ и сосѣдъ отца Миктерова по усадьбѣ, поссорившись съ нимъ, заѣхалъ разъ на его поля со всѣми своими крестьянами на подводахъ и насильственнымъ образомъ сталъ жать и убирать чужой хлѣбъ. Дали знать владѣльцу; Миктеровъ, собравъ своихъ крестьянъ, вооружился дубьемъ и ружьемъ, явился на мѣсто, и послѣ долгихъ но тщетныхъ переговоровъ, выстрѣлилъ наконецъ по сосѣду изъ ружья и ранилъ его.

Самоуправство было въ то время не диковинка, въ особенности по деревнямъ; Заломовъ счелъ за ничто пріѣхать съ ватагою крестьянъ на чужія поля, грабить посѣянный хлѣбъ; но оскорбился когда Миктеровъ вздумалъ защищаться. Онъ подалъ челобитную, въ которой жаловался что сосѣдъ, явившись къ нему вооруженнымъ, ранилъ его, желая вѣроятно убить, и добавлялъ что сосѣдъ этотъ къ тому же еще и бѣглый съ государственной службы дворянинъ. Миктеровъ, съ своей стороны, подалъ встрѣчный искъ, съ объясненіемъ всѣхъ убытковъ причиненныхъ Заломовымъ. Начался процессъ, выписки изъ дѣла, переписки набѣло, нескончаемыя помѣты. Миктеровъ отписывался какъ умѣлъ, Заломовъ продолжалъ ходатайствовать. Прошло много лѣтъ, дѣло было все еще въ ходу, и когда наконецъ стали вызывать стороны, Заломовъ поѣхалъ, а Миктеровъ, разоренный процессомъ и съ сыномъ на рукахъ, не зналъ что̀ ему дѣлать.

Въ это время прибылъ изъ Парижа, послѣ коронаціи Людовика XV и являлся Петру I въ селѣ Преображенскомъ, нашъ опытный и искусный дипломатъ Василій Лукичъ Долгорукій, le plus poli et le plus aimable Russe de son temps, какъ говорили о немъ современники-иностранцы. Царь пригласилъ его въ свою новую столицу вмѣстѣ съ посломъ при Берлинскомъ дворѣ, Головкинымъ, готовя въ Петербургѣ торжественный въѣздъ, въ честь „достоинствъ пріобрѣтенныхъ сими знатными Россіянами у другихъ народовъ“. Желая воспользоваться тѣмъ временемъ пока вызванный изъ Берлина посолъ нашъ еще не вернулся, Василій Лукичъ отпросился съѣздить посмотрѣть на свои смоленскія помѣстья.

Помѣстья эти находились не въ далекѣ отъ вотчины Миктерова. Послѣдній, во время долгихъ отсутствій Василія Лукича за границей, наблюдалъ, по его желанію, за его хозяйствомъ, и потому былъ Долгорукому не безызвѣстенъ. Узнавъ о пріѣздѣ важнаго сановника, Миктеровъ обратился къ его покровительству. Долгорукій снисходительно выслушалъ всѣ обстоятельства дѣла своего бѣднаго сосѣда, ему понравилось лицо мальчика, привезеннаго Миктеровымъ для умилостивленія. Онъ обѣщалъ похлопотать о процессѣ, сына же приказалъ прислать къ нему, въ Петербургъ, надѣясь помѣстить его на службу.

Впечатлѣніе произведенное на Ванюшу блестящею обстановкой окружавшею Долгорукаго было такъ сильно что ребенокъ просто бредилъ тѣмъ что̀ видѣлъ въ домѣ вельможи; въ первое время даже всѣ прежнія занятія были имъ брошены, не было другой игры какъ игра въ Долгорукаго. Съ дѣтскимъ передразниваніемъ манеръ, голоса и пріемовъ сановника, поразившаго воображеніе ребенка, разказывалъ онъ разныя мелочныя подробности, которыхъ никто кромѣ его не замѣтилъ. Отецъ смѣялся, поддразнивалъ, а въ головѣ мальчика все крѣпче и крѣпче засѣдала мысль: какъ онъ постарается угодить своему патрону, какъ отличится на войнѣ, какъ начнутъ его жаловать чинами и крестами и какъ наконецъ возвратится онъ къ отцу, въ одномъ экипажѣ съ Долгорукимъ, съ которымъ уже будетъ разговаривать дорогою, какъ съ пріятелемъ.

Не мудрено послѣ того что при разставаніи съ отцомъ глаза Ванюши были сухи и что онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ того момента когда наконецъ посадили его сзади четырехмѣстной коляски одного дальняго родственника, взявшагося доставить мальчика въ Петербургъ. Юнаго вельможу сидящаго на запяткахъ не мало ни оскорбляло что въ то же время, въ той же самой коляскѣ, родственникъ его, развалясь на перинѣ, въ лисьей шубѣ и подъ лисьимъ одѣяломъ, напившись до сыта на дорогу жженки изъ вина съ медомъ, игралъ съ сидѣвшею рядомъ съ нимъ лягавою собакой, забавлялись страхомъ, который наводили на нее пускаемые имъ отъ времени до времени выстрѣлы изъ пистолета: судьба, надежды его были впереди.

Если и не вполнѣ осуществились мечты юноши, то можно сказать что въ пять, шесть лѣтъ, проведенныхъ Миктe-

ровымъ у Долгорукаго, многое было имъ достигнуто. Смѣлливость, рвеніе, настойчивость въ стремленіи нравились въ юношѣ Василію Лукичу, и онъ, удержавъ Миктерова при себѣ, взялъ его съ собою въ Польшу, куда былъ вскорѣ посланъ Петромъ, а наконецъ, предъ отъѣздомъ своимъ въ Митаву, послѣ уже кончины Петра, опредѣлилъ его въ гвардію, гдѣ онъ и успѣлъ уже получить офицерскій чинъ.

Будучи въ домѣ Василія Лукича домашнимъ человѣкомъ, Миктеровъ познакомился конечно со всею фамиліею Долгорукихъ, въ томъ числѣ и съ домомъ Алексѣя Григорьевича и съ княжною Екатериной. Пребываніе Миктерова нѣкоторое время въ Польшѣ дало ему возможность даже сблизиться съ княжною, для которой воспоминанія о жизни ея у дѣда были самыми пріятными. Не придавая сначала никакого значенія этому сближенію, Миктеровъ замѣтилъ однако скоро что со стороны княжны было не одно только желаніе съ нимъ разговаривать, но и еще что-то, въ чемъ онъ долго даже не смѣлъ себѣ признаться; онъ сталъ замѣчать и почасту останавливавшіеся на немъ глубокіе, томные взгляды княжны, сталъ замѣчать и собственную свою фигуру, свой стройный ростъ, тонкія черты лица, чорные выразительные глаза, словомъ все то что составляло также нѣкоторую силу, ускользавшую доселѣ отъ его вниманія, но съ помощью которой можно было дѣйствовать, несмотря на всю трудность обстоятельствъ въ которыхъ онъ находился.

Зная князя Алексѣя, Миктеровъ былъ увѣренъ что гордый сановникъ не согласится отдать своей блестящей дочери за какого-нибудь, выведеннаго въ люди двоюроднымъ его братомъ, бѣднаго дворянина; объ ослушаніи родительской волѣ, романтическомъ побѣгѣ, нечего было и думать, да и какая бы могла быть польза отъ подобнаго побѣга, съ которымъ неизбѣжны были родительское проклятіе и лишеніе состоянія. Что же могъ имѣть въ виду молодой честолюбецъ? Ни на что не надѣясь, ни на что не разчитывая, молодой человѣкъ тѣмъ не менѣе не въ состояніи былъ устоять противъ обаянія женской красоты и щекотанія смутныхъ надеждъ, какъ ни безумными признавалъ ихъ разсудокъ.

Бо́льшую часть своего времени проводилъ онъ у Долгорукихъ, въ семействѣ которыхъ скоро привыкли смотрѣть на него какъ на домашняго. Родители княжны не обращали никакого вниманія на сближеніе молодыхъ людей; молодая княж-

на, по природѣ гордая и честолюбивая, держала себя чрезвычайно высоко со всѣми вообще, и въ особенности съ тѣми кто чѣмъ бы то ни было показывалъ ей свои чувства. Съ Миктеровымъ было бы то же самое, еслибъ онъ, чувствуя несбыточность надеждъ, не старался на сколько можно менѣе выражать свои чувства.

Но эта сдержанность Миктерова, раздражая княжну, побуждала ее дѣлать новые шаги на встрѣчу ему. Отношенія ея къ нему запутывались, усложнялись, и въ ту эпоху съ которой мы начали нашъ разказъ, они находились уже на той точкѣ отступить отъ которой молодые люди считали себя не въ силахъ, а перейти которую значило пройти разомъ весь путь и окунуться въ бездну неизвѣстности и всякихъ бѣдъ. Отъ нѣжныхъ взглядовъ, которыми обмѣнивались они при всѣхъ, ловя благопріятныя минуты, когда на нихъ необращали вниманія, до сладкихъ разговоровъ, урывками, наединѣ, до горячихъ объятій и страстныхъ поцѣлуевъ въ саду, подъ покровомъ темнаго вечера и покровительствомъ младшей сестры, Елены, участвовавшей въ секретѣ въ качествѣ наперсницы, — все было ими испытано. Они не знали уже и не отдавали себѣ отчета въ томъ куда зашли и куда могли придти. Лишь случайность могла рѣшить оставаться ли имъ на линіи гдѣ они находились, или перешагнуть ее.

Въ описываемый вечеръ они долго гуляли одни въ саду; княжна Елена, младшая сестра Екатерины, знавшая ихъ тайну, была, какъ обыкновенно, насторожѣ, и подала имъ знакъ, когда ей показалось что пора возвратиться. Но влюбленные не вдругъ услышали ея голосъ, отсутствіе ихъ было замѣчено княземъ Алексѣемъ, который былъ не въ духѣ.

III.

— Пора бы и знать въ какую пору дома быть надлежитъ, обратился князь Алексѣй Григорьевичъ къ дочерямъ, между тѣмъ какъ жена его осматривала плейфы дѣвицъ и, покачивая головой, что-то сердито имъ выговаривала.

— Запоздали, далеко зашли, говорила Елена.

Позвали къ ужину.

— Я ужинать не стану, что-то въ головѣ дурно, тихо произнесла Екатерина, подойдя къ матери.

— Не гулять бы столько! И откуда у васъ обычаи такіе? Поди отцу скажи. Гостей бросили, сами запропали! заворчала княгиня.

— Чего гнѣваешься? спросилъ у жены проводившій гостей до столовой и возвратившійся князь Алексѣй, — ступай, угощай, указалъ онъ ей.

— Вотъ ужинать, сказываетъ, не пойду, начала было Прасковья Юрьевна,—голова вишь болитъ.

— Ступай, ступай, прервалъ ее громко и съ нетерпѣніемъ князь Алексѣй. — Голова болитъ, что̀ такъ? продолжалъ онъ, обращаясь къ дочери и смотря на блѣдное и взволнованное лицо ея, — а я сказать было тебѣ нѣчто имѣлъ, да.... Чего сторонишься? подойди сюда, статься можетъ худаго тебѣ не сдѣлаемъ.

Внутреннее волненіе княжны Екатерины было должно-быть на столько сильно что успокоить его не могло и непривычно-ласковое обращеніе отца. Напротивъ, это что-то необыкновенное смутило и разстроило ее еще больше.

Опершись сперва на стулъ, около котораго они остановились, она наконецъ на него опустилась. Мысли ея путались; она не въ состояніи было слѣдить за словами отца. Смыслъ ихъ ускользалъ отъ нея. Среди неясныхъ рѣчей его, она стала однако мало-по-малу различать свое имя, рядомъ съ именемъ государя; женихъ, невѣста, царица.... Она всматривается въ лицо отца, она не ошибается, она не бредитъ,—все это говоритъ точно онъ, на яву, ей, теперь, именно теперь, послѣ этой несчастной прогулки!

— Пропало, пропало! вдругъ закричала княжна, схвативъ за руку отца.—Къ чему вы меня вели? Къ чему давно мнѣ не сказали? Вчера.... пынѣ!... и блѣдная, трепещущая, закачалась она на стулѣ, глаза ея, смотрѣвшіе пристально въ одну точку, вдругъ закатились, и она свалилась на сторону, загремѣвъ стоявшею возлѣ мебелью.

Князь Алексѣй, попробовавъ сперва приподнять ее, называя по имени, побѣжалъ къ женѣ; въ столовой на минуту затихли голоса, и вслѣдъ затѣмъ задвигались стулья, всѣ встали.

Миктеровъ, блѣдный, остановился въ дверяхъ и внимательно слѣдилъ за столпившимися около княжны родственниками. Ему хотѣлось броситься впередъ, отодвинуть тяжеловѣсный

столъ, приподнять голову княжны, которую усердно вспрыскивали водой, и никто не догадывался поддержать, но вмѣстѣ съ тѣмъ было и какъ-то страшно: казалось, вотъ сейчасъ отдѣлится кто-нибудь, подойдетъ къ нему, и все откроется.

— Ничего, оправится, сказалъ въ это время, подходя къ нему и слегка улыбаясь, князь Василій Лукичъ. — Это такъ знать, съ горячности съ нею приключилось.

— Бѣда! говорилъ Миктеровъ растерявшись, — бѣда! И съ чего такъ съ нею?

— Ты не вѣдаешь, а я и меньше того; будетъ время узнаемъ, не скроется. Я говорю: съ горячности.

Черезъ полчаса, когда изъ комнаты княженъ вышли уже родители, вполнѣ успокоенные насчетъ здоровья дочери, когда сама княжна Екатерина, прійдя въ себя, со слезами на глазахъ, объяснила отцу что она волѣ его не ослушница, и плачетъ только потому что „очень все это внезапно приключилося“, когда наконецъ князь Алексѣй Григорьевичъ съ довольнымъ лицомъ объявилъ уже о счастливомъ результатѣ своихъ объясненій съ дочерью и князю Василію, Миктеровъ, обогнувъ усадьбу Долгорукихъ, въѣзжалъ въ лежавшій на пути въ Москву темный лѣсъ. Все о чемъ когда-то мечталъ Миктеровъ, чего онъ добивался, было, казалось, достигнуто. Узелъ, котораго разорвать теперь было нельзя, завязался. Хочетъ ли, не хочетъ ли князь Алексѣй, а породнимся, думалось ему. И со дна души стало теперь подниматься все что̀ до сей поры прикрывалось и заглушалось поэзіей любви. Ему представлялось и испуганное лицо князя Алексѣя Григорьевича, и гнѣвъ князя Василья, и сцены признанія дочери, и посреди этого, онъ самъ, торжествующій, какъ судьба, противъ которой не властны будутъ ни гнѣвъ, ни отчаяніе, ни слезы.

О какой только „горячности“ говорилъ ему князь Василій Лукичъ? „Съ горячности приключилось“, повторялъ онъ слова князя. Про какую „горячность“ ему вѣдомо быть можетъ?

IV.

Планамъ Долгорукихъ суждено было осуществиться очень скоро. Всю почти осень провелъ Петръ II на охотѣ, гдѣ они за нимъ ухаживали и смотрѣли, стараясь не отпускать отъ себя ни на шагъ и боясь всякаго чуждаго вліянія. Государь

пріѣзжалъ въ Москву только иногда, на торжественные дни, да и то оставался въ городѣ недолго, спѣша въ тотъ же день возвратиться въ деревню. Еще въ октябрѣ, въ день его рожденія, Остерманъ, угощавшій, за отсутствіемъ государя, иностранныхъ министровъ, на большомъ обѣдѣ во дворцѣ, не хотѣлъ вѣрить тревожнымъ слухамъ, ходившимъ въ городѣ о скоромъ будто бы бракосочетаніи царя съ княжною Долгорукой. Но уже 19го ноября, тотъ же Остерманъ долженъ былъ официально объявить о намѣреніи Петра вступить въ бракъ, а вскорѣ затѣмъ члены верховнаго совѣта, фельдмаршалы и другія знатныя особы, и иностранные министры поздравляли государя и княжну какъ жениха и невѣсту.

Миктеровъ узналъ объ этой новости конечно прежде другихъ, но разгадать даже и теперь значеніе слова „горячность", которое употребилъ тогда князь Василій Лукичъ, все-таки не могъ, а постоянное присутствіе у Долгорукихъ царя не только не допускало возможности какой бы то ни было объяснительной бесѣды его съ княжной Екатериной, но и не допускало даже возможности такому маленькому человѣку какимъ былъ онъ пріѣхать въ Горенки и войти въ домъ, гдѣ находился царь, окруженный только близкими къ нему людьми. На первыхъ порахъ Миктеровъ не зналъ рѣшительно что̀ ему дѣлать. Отъ князя Василія Лукича онъ слышалъ что княжна Екатерина намѣреніямъ отца не противится; ему знакомы были честолюбіе и гордость всѣхъ членовъ семейства Долгорукихъ, не исключая и княжны, но вѣдь и права которыя онъ пріобрѣлъ были не маловажны.

Пріятель и товарищъ его по службѣ, нѣкто Торбеевъ, посвященный во всѣ тайны его жизни, совѣтовалъ ему молчать и ждать.

— Если вся фамилія ихъ того хочетъ, то тебѣ дѣла того не передѣлать, да и ей отъ такого брака отказаться нельзя. Однако когда все совершится какъ они того желаютъ, и княжна мыслей своихъ къ тебѣ не измѣнитъ, тебѣ не худо отъ этого будетъ, утѣшалъ пріятель, и Миктеровъ молчалъ и ждалъ.

Между тѣмъ тридцатаго ноября, въ день празднованія ордена Св. Андрея, въ большой залѣ дворца, на персидскомъ шелковомъ подножномъ коврѣ, стоялъ четырехугольный, покрытый золотою парчей столъ, и на немъ ковчегъ съ крестомъ и двѣ золотыя тарелки съ обручальными кольцами. Генералъ-майоръ Барятинскій, Вендигеръ, Бибиковъ, Измайловъ, Кейтъ

и оберъ-комендантъ Еропкинъ держали кисти балдахина, вышитаго золотомъ по серебряной парчѣ. Направо, на шелковомъ коврѣ, стояли кресла его величества, а налѣво, въ два ряда, зеленые, бархатные, золотомъ вышитые кресла и стулья для государыни-бабки, княжны-невѣсты, для принцессы Елизаветы Петровны, герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны съ дочерью и для сестры ея Прасковьи Ивановны, и наконецъ сзади еще стулья для родственниковъ Долгорукихъ.

Оберъ-камергеръ князь Иванъ Алексѣевичъ отправленъ былъ за сестрой въ Головинскія палаты, откуда двинулся скоро черезъ Салтыковъ мостъ, большою Нѣмецкою улицей, торжественный поѣздъ.

Густая толпа народа окружала дворецъ, въ ожиданіи его. Вотъ показались придворныя кареты цугами въ шесть лошадей, скороходы, фурьеры, постильйоны, гренадеры, гайдуки, пажи въ мундирахъ и ливреяхъ, верхами и пѣшкомъ; вотъ наконецъ въ дворцовыя ворота повернула и карета невѣсты, что-то вдругъ затрещало: большая корона, находившаяся на имперіалѣ, свалившись на землю, разлетѣлась въ дребезги.

— Эхъ, знакъ худой! послышалось въ народѣ.

Но ничего этого не замѣтили во дворцѣ. Невѣсту встрѣтили внизу государыня-бабка съ принцессами. Она была въ бѣломъ глазетовомъ платьѣ, вышитомъ золотомъ, волосы завиты въ четыре косы, унизанныя драгоцѣнными каменьями; на головѣ блестѣла діадема. Оберъ-камергеръ высадилъ сестру изъ кареты и провелъ на верхъ; войско, цѣлый баталіонъ гвардіи въ 1.200 человѣкъ, съ боевыми патронами въ сумкахъ, на всякій случай, подняло ружья на караулъ; оркестръ грянулъ концертъ. Вскорѣ потомъ, при громѣ литавръ и трубъ, вышелъ и государь. Всѣ стали по мѣстамъ; музыка смолкла; архіепископъ новгородскій Ѳеофанъ, благословивъ перстни, обмѣнялъ ихъ, вручилъ обручальникамъ, при чтеніи молитвъ и пѣсней, и обрядъ совершился. День окончился иллюминаціей внутри и внѣ дворца, фейерверкомъ и баломъ, на которомъ, для показанія сердечнаго своего удовольствія, присутствовала и сама государыня-бабка.

Миктерову не удалось, несмотря на все стараніе, попасть въ число восьми кавалергардовъ, сопровождавшихъ невѣсту съ бала. Онъ видѣлъ однако на улицѣ торжественный поѣздъ ея, карету запряженную восьмью конями, съ лажами и гайдуками, видѣлъ и княжну Екатерину, и едва узналъ ее: такъ

величава и недоступна казалась она. Онъ мгновенно понялъ всю громадность разстоянія которое образовалось между ними.

Въ день Крещенья, 6го января, по случаю водоосвященія, былъ парадъ. Выстроенныя подъ командой фельдмаршала Василія Владиміровича Долгорукаго войска, въ ряду которыхъ былъ и Миктеровъ, ждали царя, занимавшаго въ этотъ день мѣсто полковника Преображенскаго полка; когда показались золоченыя, шестерикомъ сани, въ которыхъ сидѣла принцесса-невѣста, и на запяткахъ, въ преображенской формѣ, самъ государь, сердце Миктерова дрогнуло. Онъ не могъ оторвать глазъ своихъ отъ разгорѣвшагося на морозѣ лица княжны Екатерины, обрамленнаго собольею опушкой чернаго капора; онъ жадно слѣдилъ за всѣми движеніями головы ея. Вотъ она сказала что-то своему жениху, глаза ея машинально повернулись въ ту сторону гдѣ стоялъ Миктеровъ: не замѣтитъ ли она его? Куда! Онъ для нея больше не существуетъ.

Загорѣлось сердце Миктерова, точно укололо его что. Злобное чувство повернулось въ немъ, и твердо рѣшился онъ, во что бы то ни стало, не отступать и добиться свиданія съ княжною.

А между тѣмъ въ семействѣ Долгорукихъ еще и другая радость. Фаворитъ царя, князь Иванъ, наскучившись буйною жизнью, ночными прогулками и безумнымъ скаканіемъ по улицамъ съ драгунами, на страхъ и ужасъ жителей, влюбился въ Наталью Борисовну Шереметеву, сдѣлалъ ей предложеніе и получилъ согласіе. Сродники обмѣнивались богатыми дарами, бриллiантовыми вещами, часами, табатерками, готовальнями и всякими галантереями. Свадьба говилась самая пышная; обручальные перстни одни стоили 18.000 рублей; братъ Натальи Борисовны подарилъ жениху шесть лудовъ серебра, старинные, великолѣпные кубки и золоченыя фляги. На сговорѣ, вечеромъ, тѣснота отъ каретъ и народа была такъ велика что заперлась даже улица Воздвиженка, гдѣ стоялъ домъ Шереметевыхъ, и для разъѣзда надо было зажечь смоляныя бочки....

Прошло нѣсколько дней. Неожиданно по городу пронесся слухъ что государь простудился на крещенскомъ парадѣ, и что у него открылась оспа. Черезъ нѣсколько дней стало извѣстно что онъ опасенъ.

У князя Алексѣя, въ Головинскихъ палатахъ, назначенъ

былъ семейный совѣтъ всѣхъ родственниковъ, на который пригласили и фельдмаршала князя Василія Владиміровича.

Въ неприбранной спальнѣ князя Алексѣя должно было рѣшиться важное дѣло. Собравшіеся толпились кучей. Лица у всѣхъ были печальны; разговоръ не вязался; на умѣ у всякаго былъ одинъ и тотъ же вопросъ, одна и та же мысль.

— Совѣтоваться собрались, такъ надо совѣтоваться, началъ наконецъ нетерпѣливо князь Алексѣй. — Императоръ боленъ, надежда худа; не чаю чтобъ и живъ былъ; надобно выбирать наслѣдника.

Какъ по данному сигналу, всѣ при этихъ словахъ присѣли кому гдѣ пришлось; одинъ изъ гостей притворилъ плотнѣе дверь и получилъ одобрительное киваніе головой отъ большей части присутствовавшихъ.

— Кого жь въ наслѣдники выбирать думаете? спросилъ, посмотрѣвъ кругомъ, князь Василій Лукичъ, когда всѣ снова успокоились.

Всѣ молчали. Глаза Василія Лукича, переходя отъ одного къ другому изъ родственниковъ, ни въ комъ не встрѣтили отвѣта на предложенный вопросъ: кто, сдвинувъ брови и потирая колѣна, какъ бы сосредоточивался и собиралъ свои мысли; кто, поднявъ голову и постукивая ногами, смотрѣлъ кверху, какъ бы ожидая помощи свыше; кто, наконецъ, просто избѣгая взгляда вопрошавшаго, искалъ, казалось, чего-то на полу; никто не подалъ своего мнѣнія.

— Да вотъ она! сказалъ наконецъ болѣе рѣшительный князь Алексѣй, показавъ вверхъ, на покои гдѣ жила его дочь, — вотъ она!

Всѣ взглянули на верхъ, но промолчали. Старый фельдмаршалъ подвинулъ только, не вставая съ мѣста, стулъ на которомъ онъ сидѣлъ, и, навостривъ уши, перегнувшись впередъ, теперь только, казалось, сталъ понимать и вникать въ тотъ предметъ о которомъ шла рѣчь.

— Не можно ль, началъ тогда таинственно князь Сергѣй Григорьевичъ, какъ бы желая разъяснить недоумѣніе фельдмаршала,—не можно ль духовную написать что его императорское величество учинилъ ее наслѣдницей?

— Для чего и тому не быть, поддержалъ его князь Василій Лукичъ, доставая молча какую-то бумагу изъ кармана и собирая всѣхъ вокругъ себя. Вотъ я прочту вамъ отписку ко мнѣ датскаго посланника, Вестфалена, прибавилъ онъ, отстра-

ня рукой стоявшихъ къ нему ближе и тѣмъ давал возможность не покинувшему мѣста своего фельдмаршалу слушать его внимательнѣе.

— Вестфалена, посланника? спрашивали между тѣмъ нѣкоторые.

— Да; пишетъ вотъ здѣсь, началъ Василій Лукичъ, придвигая близко къ глазамъ письмо—что „слухъ носится будто его величество весьма боленъ, а ежели наслѣдство Россійской Имперіи будетъ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, то Датскому королевскому двору съ Россіей дружбы имѣть не можно, а понеже его величества обрученная невѣста фамильи вашей, то и можно удержать престолъ за нею, такъ какъ, послѣ кончины Петра Великаго, двѣ знатныя персоны, а именно Толстой и Меншиковъ, государыню императрицу Екатерину удержали, что̀ и вамъ по вашей знатной фамилія учинить можно, и потому еще что вы больше чѣмъ Меншиковъ и Толстой славы имѣете....“

— Неслыханное дѣло вы затѣваете, вступился вдругъ старый фельдмаршалъ, прервавъ чтеніе,—неслыханное дѣло! Кто захочетъ ей подданнымъ быть? Не только посторонніе, но и я самъ и прочіе нашей фамиліи, никто въ подданствѣ у ней быть не захочетъ.

— Что̀ такъ? почему?

— Да княжна Екатерина съ государемъ не вѣнчана.

— Хоть не вѣнчалась, но обручалась, вмѣшался рѣшительно князь Алексѣй.

— Вѣнчаніе иное, а обрученіе иное, горячился фельдмаршалъ.—Лучше хочу правду вамъ говорить, а не манить. Да еслибъ она за его величествомъ и въ супружествѣ была, то и тогда бы во учиненіи ее наслѣдницей не безъ сумнѣнія было, а теперь....

И завязался споръ. Дѣло не ладилось. Всѣ члены домашняго совѣта стали уговаривать фельдмаршала; представляли что на него они больше всего надѣялись, намекали на то что онъ, въ качествѣ полковника Преображенскаго полка, могъ бы имъ и помочь и т. д.

Князь Василій Лукичъ, взявъ между тѣмъ чистый листъ бумаги, сѣлъ было уже къ камину и началъ что-то писать, а между тѣмъ князь Василій Владиміровичъ сердился пуще прежняго.

— Да какъ тому можно сдѣлаться, говорилъ онъ, привскаки-

вая на стулѣ,—какъ мнѣ полку о томъ объявить? Да за это объявленіе меня самого убьютъ!

— Пиши, обратился князь Сергѣй Григорьевичъ къ князю Василію,—пиши послѣшнѣе, повторилъ онъ, думая выиграть дѣло быстрымъ ходомъ его, и нетерпѣливо слѣдя за скрипѣвшимъ перомъ, искривленными буквами и помарками, которыя дѣлалъ послѣдній.

— Для чего же полку не объявить? кто убьетъ? иль ты намъ добра не желаешь? приставали къ фельдмаршалу въ это время родственники.

— О! да вы все ребячье толкуете! проговорилъ наконецъ князь Василій Владиміровичъ, и съ этимъ словомъ, тяжело приподнявшись со стула, никому не поклонившись, съ усиліемъ отворилъ двери, — и вышелъ.

— Руки моей письмо худо однако, спохватился, прервавъ послѣдовавшее за выходомъ фельдмаршала молчаніе, князь Василій Лукичъ. Кто бы получше написалъ? обратился онъ къ остальнымъ присутствующимъ, вспомнивъ что почеркъ его могъ быть когда-нибудь уликой. Вишь помарки однѣ, все помарки, продолжалъ онъ, бросая исписанный листъ бумаги въ каминъ.

Перо взялъ тогда князь Сергѣй Григорьевичъ, и продиктованная княземъ Василіемъ и княземъ Алексѣемъ, въ двухъ экземплярахъ, духовная была скоро готова. Подъ однимъ изъ экземпляровъ заставили князя Ивана написать: „Петръ“, другой вручили ему съ тѣмъ чтобы дать подписать государю, улуча время. Но подписывать что-либо Петру было уже поздно.

V.

Восемнадцатаго января, ночью, въ царской опочивальнѣ, три архіерея совершали уже надъ Петромъ обрядъ елеосвященія, а члены верховнаго совѣта, также сенаторы и генералитетъ, собравшись въ сосѣдней комнатѣ, ожидали въ молчаніи роковой минуты,—никто не разъѣзжался.

Стоявшіе на улицѣ экипажи привлекли много любопытныхъ; расхаживавшіе между ними кучера, похлопывая на морозѣ руками, разсуждали, по догадкамъ, о томъ что̀ должно было происходить во дворцѣ, и тѣмъ заинтересовывали еще болѣе останавливавшійся народъ. Толпа лѣзла заглядывать въ обле-

денѣлыя окна, сквозь узоры которыхъ видиѣлись какія-то движущіяся огромныхъ размѣровъ тѣни.

— Осади! подайся! куда лѣзете? раздавался знакомый намъ голосъ караульнаго офицера Миктерова.

— Осадимъ; куда яретъ-то? ей тезка! слышь, не велятъ!

— Осади назадъ! кричалъ громче прежняго раздраженный этими пересудами Миктеровъ, — и народъ отступалъ вдругъ прочь всею массой, и снова, черезъ минуту, наваливалъ на экипажи и окна.

Было двадцать пять минутъ втораго, когда, наконецъ, двери царской олочивальни слегка пріотворились, и князь Иванъ, разстроенный и блѣдный, быстрыми шагами прошелъ, не обращая ни на кого вниманія, мимо задремавшихъ было и встрепенувшихся теперь чиновъ.

— Скончался! Скончался? заговорили вполголоса со всѣхъ сторонъ присутствующіе, окруживъ показавшагося также съ заплаканными глазами и сильно встревоженнаго Остермана,— и началось общее движеніе, бѣготня, послышались отдаленныя рыданія и громкіе голоса.

— Помѣшкайте немного, помѣшкайте! засуетился старый фельдмаршалъ, зовя назадъ удалявшихъ уже было изъ царскихъ покоевъ сановниковъ свѣтскихъ и духовныхъ.

— Помѣшкайте! О избраніи новаго государя совѣтовать надлежитъ.

— Когда теперь совѣтовать?

— На утро.

— Кто указалъ?

— На утро, въ Лефортовскій дворецъ, по указу верховнаго совѣта!

Сбитые съ толку и бродившіе взадъ и впередъ, то уходя, то снова возвращаясь, чины стали однако разъѣзжаться. Пустѣли царскія палаты.

Миктеровъ слѣдилъ со вниманіемъ и любопытствомъ за всѣми удаляющимися изъ дворца; онъ видѣлъ и заплаканное лицо князя Ивана, не пропустилъ и сконфуженнаго, какъ будто куда-то спѣшившаго князя Алексѣя, и все мрачнѣе и мрачнѣе становилось у него самого на душѣ.

— Разъ! еще разъ, такъ, и въ третій! отсчитывалъ онъ раздавшійся скоро троекратный обычный звонъ въ большой успенскій колоколъ, и мысленно уносился за вѣстью о кон-

чинѣ государя и за тѣмъ впечатлѣніемъ которое понесъ съ собою этотъ звонъ по всему городу.

— Печаль моя столь велика что отъ дѣла сего меня уволите, милостивые господа, говорилъ между тѣмъ грустнымъ голосомъ Остерманъ членамъ верховнаго совѣта: князю Дмитрію Михаиловичу Голицыну, канцлеру графу Головкину, князю Василію Лукичу и фельдмаршалу Василію Владиміровичу Долгорукимъ, оставшимся все-таки совѣщаться о престолонаслѣдіи.

— Петра Ѳедоровича, какъ покойная Екатерина завѣщала, говорилъ между тѣмъ кто-то.

— Елизавету Петровну, возразилъ другой.

— Иокиню царицу!

— Царя Ивана старшую дочь, Екатерину Мекленбургскую.

— Домъ Петра I пресѣкся, послышался чей-то спокойный и твердый голосъ,—а Екатерина хоть и старшая дочь царя Ивана, да замужемъ, станемъ Анну выбирать!

— Такъ,—вотъ подлинно!

— Анну! такъ!

— Мекленбургскаго герцога намъ не надобно; Анну!

— Я голосъ свой подамъ за того кого всѣ выберутъ, повторялъ тихо Остерманъ, оставляя собраніе; — мнѣ еще и о положеніи тѣла императора въ гробъ помыслить надлежитъ.

— Государи мои, сказалъ князь Дмитрій Голицынъ,—воля ваша, Анну ли, или кого изволите, только надобно намъ полегчить себя.

— Какъ полегчить? спрашивали присутствующіе.

— Такъ чтобы воли прибавить себѣ, воли надобно намъ, воли, отвѣчалъ онъ, смѣло глядя всѣмъ въ лицо,—и собраніе стихло при этихъ словахъ.

Князя Дмитрія Михаиловича Голицына привыкли считать человѣкомъ образованнымъ, умнымъ, да и пользовавшимся нѣкоторою популярностію въ народѣ. Всѣ знали его ученость, знакомство съ Гроціемъ и Пуфендорфомъ, съ лѣтописями, грамотами и разными историческаго содержанія книгами, которыя собиралъ онъ въ обширной своей библіотекѣ и которыя заставлялъ, живя еще въ Кіевѣ, переводить себѣ съ разныхъ языковъ, студентовъ тамошней академіи. Извѣстна была всѣмъ и служба его, и проекты: о томъ съ кого деньги сбирать: съ дворовъ ли, съ тяголъ или душъ, какъ магистраты уничтожить, какъ торговлю въ одни руки отнюдь не допу-

щать и народу всюду въ государствѣ и за рубежъ торговать позволить и т. л.

Онъ заговорилъ о деспотизмѣ, о томъ что надо ограничить произволъ, что слѣдуетъ дать добрые законы и пр. Никто ни остановить его, ни возразить ему не посмѣлъ.

— И зачнемъ сіе хотя, попробовалъ наконецъ, робко и качая головою, замѣтить князь Василій Лукичъ,—да не удержимъ.

— Не удержимъ? А почему? Удержимъ! прервалъ его съ видомъ убѣжденія Голицынъ.—Будь воля ваша, а нынѣ же, написавъ къ ея величеству пункты, послать надлежитъ. Да иноземцевъ поменьше бы! Довольно натерпѣлись отъ нихъ. Наши дѣды безъ иноземцевъ живали же.

Когда члены верховнаго совѣта вышли въ другую комнату, гдѣ, по повѣсткамъ разосланнымъ еще въ 5 часовъ, успѣли уже собраться приглашенные чины для выслушанія объявленія о кончинѣ Петра и для утвержденія избранія на престолъ герцогини Курляндской Анны, — сдѣланному выбору тотчасъ же выражено было полное одобреніе, а Ѳеофанъ, архіепископъ новгородскій, предложилъ даже отслужить немедленно и благодарственное о семъ молебствіе.

— Батюшки мои, сказалъ въ то же время, подойдя къ Василію Лукичу, Ягужинскій, точно слышавшій совѣщанія верховнаго совѣта или точно мысли высказанныя княземъ Дмитріемъ Голицынымъ ходили въ воздухѣ: — батюшки мои, прибавьте намъ воли!

— Говорено уже о томъ было, отвѣтилъ ему, отходя въ сторону князь Василій.

— Мнѣ съ міромъ бѣда не убытокъ, продолжалъ тогда Ягужинскій, обратившись къ князю Сергѣю Григорьевичу, — да долго ль намъ будетъ терпѣть что намъ головы сѣкутъ; теперь время думать чтобы самовластію не быть.

— Не мое это дѣло; есть больше меня.

А Голицынъ между тѣмъ кричалъ:

— Ну, станемъ же писать пункты. Да воротить ихъ надобно, продолжалъ онъ, удерживая Измайлова, Дмитріева, Мамонова, Ягужинскаго и нѣкоторыхъ другихъ и обращаясь къ расходившимся уже, вслѣдствіе отложеннаго молебствія, генералитету и архіереямъ,—воротить надобно, повторялъ онъ, обращаясь къ своимъ, — чтобы не было отъ нихъ чего!

Къ вечеру все было готово: кондиціи, письмо къ Аннѣ

Іоанновнѣ и особая инструкція посылаемымъ депутатамъ о томъ какъ имъ герцогиню Курляндскую убѣждать, чтобъ она эти кондиціи приняла и какъ просить ее не привозить съ собою своего камеръ-юнкера Бирона.

Изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ приказано было дать отправлявшимся для нѣкоторыхъ дѣлъ въ Митаву депутатамъ паспорты, а 19го числа, ввечеру, депутатовъ этихъ: князя Василія Лукича Долгорукаго, тайнаго совѣтника Михаила Михаиловича Голицына и генералъ-майора Михаила Леонтьева, не было уже въ Москвѣ.

Всѣ описанныя событія шли такъ быстро одно за другимъ, что Миктеровъ не успѣлъ во все это время взглянуть внутрь самого себя. Поворотить дѣло свое опять попрежнему, стать снова съ княжною въ тѣ отношенія которыхъ онъ съ такимъ стараніемъ домогался когда-то, не приходило ему въ голову. Его не взволновало даже когда однажды явилась мамка княжны, Андреевна, съ запиской. „Легчебъ тебя не знать; сердцемъ болѣю что всегда съ тобою разлучна; не въ своей мочи я такъ терпѣть; безъ тебя скучно, да нечѣмъ пособить“, писала бывшая царская невѣста. Видно слова эти вылились на бумагу не отъ всего сердца; Миктеровъ ничего даже на нихъ не отвѣчалъ; онъ распрашивалъ только у Андреевны о здоровьѣ княжны, тревожась тайными опасеніями.

VI.

Уже отказъ въ совершеніи молебствія въ день избранія Анны не хорошо подѣйствовалъ на общественное мнѣніе. Почему было не допустить этого молебствія. Чего боялись? Замышлялось, значитъ, что-нибудь особенное, необыкновенное? Отправленные въ Курляндію депутаты летѣли на разставленныхъ нарочно для того частныхъ подводахъ; на заставахъ былъ отданъ приказъ пропускать только ѣдущихъ въ Москву, а изъ Москвы уѣзжавшихъ удерживать и отбирать у нихъ письма. Къ чему такая чрезмѣрная поспѣшность депутатовъ? Къ чему такое нежеланіе чтобы кто другой вмѣстѣ съ ними выѣхалъ въ Митаву? Значитъ скрывали что-нибудь ото всѣхъ члены верховнаго тайнаго совѣта?

По городу стали ходить слухи что главные бояре затѣяли ограничить верховную власть, во всѣхъ слояхъ общества на-

чались нареканія на тѣхъ отъ кого зачались эти затѣи. Горячихъ приверженцевъ не имѣли ни Долгорукіе, ни Голицыны.

— Если, храни Богъ, власть перейдетъ къ нимъ, сколько ихъ есть числомъ, столько явится атамановъ междоусобныхъ браней, потому этимъ господамъ нельзя долго быть въ согласіи, говорили одни.

Тамъ и сямъ начали собираться по ночамъ партіи, готовыя стать противъ затѣй Голицыныхъ и Долгорукихъ. Одни предполагали напасть на *верховниковъ* (такъ звали членовъ верховнаго совѣта) внезапно, съ оружіемъ въ рукахъ, заставить отказаться отъ своихъ плановъ, или даже перебить ихъ.

Зайдя какъ-то къ Торбееву, Миктеровъ засталъ его въ горячей бесѣдѣ съ отцомъ, бывшимъ издавна подъ покровительствомъ Павла Ивановича Ягужинскаго. Старый любимецъ Петра I, женатъ былъ на дочери канцлера Гавріилы Ивановича Головкина, человѣка старыхъ обычаевъ, слабохарактернаго, раздражительнаго вслѣдствіе подагры и не сочувствовавшаго отправленнымъ къ Аннѣ кондиціямъ, тѣмъ болѣе что находился съ нею въ нѣкоторомъ родствѣ по Ромодановскимъ и Салтыковымъ. Чрезъ Головкина Ягужинскій зналъ какъ нельзя лучше о состояніи умовъ въ которомъ находилось общество по случаю недавнихъ событій, а отъ Ягужинскаго зналъ кое-что и отецъ Торбеева.

Объ этомъ ли говорилъ теперь онъ съ сыномъ, Миктеровъ ясно уразумѣть не могъ, но послѣднія слова, сказанныя уже при немъ, о томъ что Павелъ Ивановичъ обиженъ будто бы тѣмъ что послали въ Митаву не его, а Леонтьева, навели на Миктерова нѣкоторое сомнѣніе. Онъ думалъ было распросить обо всемъ пріятеля, какъ только отецъ оставитъ ихъ вдвоемъ; но удержался, когда старикъ внушительно и строго замѣтилъ сыну что Павелъ Ивановичъ ихъ благодѣтель и что обо всемъ сказанномъ надо хранить великую тайну. Тѣмъ не менѣе Миктеровъ рѣшилъ тотчасъ же сообщить обо всемъ въ семействѣ Долгорукихъ. Оказать услугу такимъ людямъ какъ Долгорукіе, сдѣлаться имъ нужнымъ, имѣть съ ними тайныя, довѣренныя объясненія—вотъ что мнѣ надобно, думалъ Миктеровъ.

Какъ бы то ни было, но то что сообщники ночныхъ собраній враждебныхъ Голицынымъ и Долгорукимъ обѣщались подъ клятвою хранить втайнѣ дошло до верховниковъ, а провѣдать кто былъ предателемъ было невозможно.

— Надо слухъ между ними разсѣять, говорилъ Миктерову

князь Алексѣй,—что мятежныя ихъ сонмища намъ вѣдомы и что они будутъ судимы какъ непріятели отечества. Вотъ о чемъ старайся. Ты нашему семейству доброжелатель, и князь Василій конечно тебя не оставитъ.

„Вѣдаю я", писала въ то же время къ Миктерову княжна Екатерина, „что ты у насъ въ домѣ былъ, и батюшка съ тобой разговаривалъ о нѣкіихъ важныхъ дѣлахъ. Противъ него не иди, если худа намъ не желаешь, чтобы намъ потомъ твою услугу ему припомнить было можно, когда время будетъ."

И черезъ нѣсколько дней, слова князя Алексѣя о непріятеляхъ отечества, судѣ и казняхъ, передавались шелотомъ въ обществѣ, производя ожидаемое впечатлѣніе. Нѣкоторые струсили такъ что боялись оставаться въ своихъ домахъ, другіе выходили только ночью, нѣкоторые скрывались переодѣтыми, подъ чужимъ именемъ.

— Чего же, говорили верховники, желая сойтись теперь со струсившими вождями противной партіи, — чего такъ испугались? Не за своими нуждами гонимся! Какъ только государыня на кондиціи наши согласіе изъявитъ, мы отъ всѣхъ чиновъ что̀ лучше и полезнѣе для государства придумать можно будетъ потребуемъ.

Между тѣмъ, несмотря на крѣпкія заставы и на задержанныя почты, приближались уже къ Митавѣ переодѣтые агенты нѣкоторыхъ преданныхъ Аннѣ особъ. Такой агентъ былъ посланъ баромъ Левенвольдомъ, курляндскимъ резидентомъ въ Москвѣ; вслѣдъ за нимъ скакалъ въ Митаву нѣкто Петръ Спиридоновъ Сумарокóвъ, офицеръ состоявшій когда-то при Голштинскомъ, а нынѣ служащій адъютантомъ при Ягужинскомъ. Такимъ образомъ, когда прискакалъ князь Василій Лукичъ съ товарищами, Анна не только была предупреждена о своемъ избраніи, но и успѣла посовѣтоваться съ своими курляндскими друзьями что̀ ей дѣлать и какъ отвѣтствовать имѣющимъ прибыть депутатамъ. Извѣстно что „кондиціи" были приняты безусловно: „по сему,—подписала подъ ними новая императрица,—обѣщаюсь все безъ всякаго изъятія содержать."

VII.

2го февраля, по сенаторскимъ, архіерейскимъ и прочихъ чиновъ домамъ разносили повѣстки, въ которыхъ верховный совѣтъ приглашалъ всѣхъ собраться на другой день въ собраніе.

— Знать покаялись верховники; милости просить хотятъ, говорили одни, читая эти повѣстки.

— Гдѣ покаялись, чай умыселъ злой у нихъ, чтобы всѣхъ на свою сторону склонить; по этому зову и ходить не надлежитъ, думали другіе.

— О чемъ писано въ письмѣ доподлинно не знаю, говорилъ вечеромъ того же дня Миктеровъ Торбееву, — но полагать надо что вѣсти получены добрыя; князь Алексѣй необычайно веселъ и радостенъ.

— Не безъ сомнѣнія, говорилъ съ своей стороны Торбееву Ягужинскій, — что ухищренія ихъ удались и государыня на подложные ихъ договоры пристала.

Дѣло разъяснилось на другой день для всѣхъ.

Пріѣхавшій изъ Митавы генералъ-майоръ Леонтьевъ привезъ давно ожидаемыя кондиціи и рескриптъ Анны, въ которомъ она „намѣрилась принять державу и правительствовать, изобрѣтя для пользы государства и къ удовольствію вѣрныхъ подданныхъ и написавъ, елико время допустило, какими способы она то правленіе вести хощетъ.“

Собравшіеся чины слушали чтеніе обоихъ актовъ съ такимъ глубокимъ молчаніемъ что стоявшимъ у стола верховникамъ становилось даже неловко, — хоть бы удивился кто, хоть бы слово сказалъ! Имъ пришлось самимъ дѣлать удивленныя лица, будто слушаютъ вещи для нихъ совершенно новыя.

— Видите, сказалъ наконецъ съ торжествующею улыбкой на лицѣ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, поднимая руку кверху и разчитывая торжественностію восклицанія расшевелить нѣсколько собраніе. — Видите какъ милостива государыня! Какого мы отъ нея надѣялись, таковое она и показало отечеству нашему благодѣяніе.

По залѣ пронесся только какой-то общій гулъ, шепотъ и разговоръ, на половину заглушившій его слова.

— Отселѣ счастливая и цвѣтущая Россія будетъ! воскликалъ Голицынъ. — Богъ ее подвигнулъ къ писанію сему, самъ Богъ, продолжалъ онъ, начиная мало-по-малу конфузиться предъ равнодушіемъ присутствовавшихъ.

А въ собраніи точно сговорились не обращать никакого вниманія на его слова; сходились кучками, толковали между собою. Всякій отдѣльно чувствовалъ фальшь, всякая собрав-

шаляся кучка чувствовала силу, которую она могла бы имѣть, высказавшись въ томъ или другомъ направленіи,—но всѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавали недостатокъ руководителя, который бы могъ подсказать что̀ дѣлать, что̀ говорить, и который взялъ бы на себя сейчасъ отвѣчать что-нибудь прямо Голицыну.

— Отчего на мысль пришло государынѣ такъ писать не вѣдаю и весьма чуждуся! раздался было чей-то голосъ.

— А? Что̀? Кто голосъ свой подавать думаетъ? Подходите, подходите господа милостивые! смѣло окликнулъ собраніе Голицынъ.—Другаго нечего говорить, думаю, какъ только благодарить толь милосердой государынѣ! Благодарить за ея императорскаго величества показанную ко всему государству неизреченную милость!

И точно этихъ только словъ и дожидалась толпа. Всѣ зашевелились, стали подходить къ столу; все примолкло и успокоилось.

— Такъ благодарить, благодарить надо, продолжалъ Голицынъ, поднимая кверху листы бумаги, какъ опытный дирижеръ оркестра поднимаетъ палку и смотритъ всѣмъ въ глаза, чтобы не прорвалась нечаянно и прежде времени какая-нибудь дудка или барабанъ.

— Благодаримъ! откликнулся наконецъ кто-то тихо изъ толпы.

— Благодаримъ! повторило еще нѣсколько голосовъ.

— Весьма довольны, весьма довольны! раздалось со всѣхъ сторонъ.

И одинъ по одному, всѣ стали подходить къ подписи этого удовольствія, и Ѳеофанъ съ архіереями, и князь Иванъ Трубецкой, и князь Михаилъ Долгорукій, и генералъ Матюшкинъ, и графъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ, и все знатное дворянство, подписей въ послѣдствіи насчитали до 500.

Приблизился и Ягужинскій. Какъ видно, хотѣлъ „подписать свое удовольствіе.“

— Ты бы взялъ статьи, прочелъ ихъ, да сказалъ бы что̀ о нихъ думаешь, отнесся къ нему князь Дмитрій Голицынъ, и не ожидая отвѣта, — Степановъ! произнесъ онъ, обратясь къ секретарю верховнаго тайнаго совѣта и указавъ ему дверь сосѣдней комнаты,—разкажи Павлу Ивановичу кондиціи потолковѣе.

— Ну, обратился онъ затѣмъ опять къ собранію.—Для чего никто ни единаго слова не говоритъ? Извольте, скажите кто что̀ думаетъ, хоть на листѣ изъясните, потомъ разсмотримъ.

— Дайте время, дайте время! выдвинулся толстымъ животомъ впередъ князь Черкасскій, наклонивъ голову на лѣвое плечо и голая короткими ногами обутыми въ длинныя ботфорты.—Дайте время, разсудить надлежитъ свободнѣе.

— Надо время, надо размыслить! послышались за нимъ тамъ и сямъ голоса.

— Ягужинскій подъ арестъ взятъ! пробѣжало вдругъ по собранію.

— Кто? Ягужинскій? Какъ? гдѣ?

— Вотъ изъ того покоя.

— Фельдмаршалъ Долгорукій и шпагу отбиралъ.

— Въ дворцовую караульню съ майоромъ гвардіи отправили.

— Долгорукій? Когда? Какъ?...

— Надо бы собравшись, не отлагая, совершить благодарственное молебствіе, настаивали въ то же время архіереи и синодальные члены.

Верховники соглашались теперь на все, не желая задерживать собраніе, которое давно уже пора было распустить.

Вѣсть объ арестованіи Ягужинскаго разнеслась между тѣмъ по городу; въ приказахъ сказано было что наказанію онъ подвергся за то что писалъ къ государынѣ письмо противное пользамъ отечества и службѣ ея величества. Узнали конечно скоро объ этомъ грустномъ для нихъ событіи и Торбеевы.

Миктеровъ покачивалъ только съ упрекомъ головой, когда пріятель, разказавъ ему обо всемъ подробно, признался что прерванный тогда разговоръ его съ отцомъ касался именно того предмета за который пришлось теперь Павлу Ивановичу отвѣтствовать.

— Бѣда, бѣда! говорилъ Миктерову Торбеевъ,—разжаловали, ордена Андреевскаго лишили!

— Сумароковъ на всѣхъ переноситъ, кто вѣдалъ съ чѣмъ онъ въ Митаву посылапъ былъ; взято уже за караулъ человѣкъ 30, не миновать и намъ бѣды!

VIII.

Вслѣдствіе даннаго въ собраніи позволенія, князь Черкасскій подалъ совѣту записку, подписанную нѣсколькими сотнями лицъ, большею частію изъ военныхъ, въ которой критиковалось избраніе Анны, какъ неправильное, ибо въ немъ

не участвовалъ народъ; говорилось о томъ что верховники, оставивъ единовластіе, ввели аристократію, похитили самовольно власть, выключивъ прочее шляхетство. Говорилось что къ перемѣнѣ правительства никакой нѣтъ нужды, что совѣтъ не имѣлъ права законодательствовать, что монархическое правленіе имѣетъ преимущество предъ демократическимъ и аристократическимъ, что, наконецъ, для Россіи нужна чистая монархія, но какъ государыня есть „персона женская“, то надо ей въ помощь учредить сенатъ изъ 21 человѣка, совѣтъ изъ 100 человѣкъ и т. д. Вслѣдъ за этою запиской, подали свои Матюшкинъ и Куракинъ. Кто говорилъ что власть слѣдуетъ вручить верховному совѣту, кто предлагалъ англійскія, кто шведскія, кто польскія учрежденія; кто участвовалъ въ той запискѣ, кто въ другой, кто разомъ въ нѣсколькихъ.

Видя такое броженіе въ обществѣ, верховники отвѣтили наконецъ что имъ надлежитъ „все учрежденное учинить“ не требуя ничьего совѣта, и предложивъ свою программу дѣйствій, за подписью 97 лицъ, принялись за дѣло.

Хлопотъ было не мало. Надо было составить давно ожидаемый манифестъ о кончинѣ Петра и избраніи Анны; надо было рѣшить вносить ли кондиціи и письмо ея величества въ манифестъ этотъ теперь, или отпечатать ихъ, для избѣжанія толковъ въ народѣ, тогда уже когда пріѣдетъ государыня; надо было подумать и о томъ какъ титуловать новую государыню; надо было приготовиться наконецъ къ приближавшемуся дню ея пріѣзда и встрѣчи; распорядиться разстановкою подводъ, чтобы въ шествіи ея величества нигдѣ остановки не было, приготовить лучшіе дворы въ Никольскомъ, Всесвятскомъ или въ Земляномъ городѣ, запастись для встрѣчи цвѣтнымъ и чернымъ уборомъ, такъ какъ Петръ II былъ еще не погребенъ и т. д.

Между тѣмъ уже 29го января, въ 9мъ часу пополуночи, взявъ на первый случай на подъемъ и на всякіе расходы отъ рижскаго оберъ-инспектора 10.000 рублей, Анна выѣхала изъ Митавы и встрѣченная въ Ригѣ, по распоряженію генерала Ласси, пальбою изъ пушекъ и мелкаго оружія, 3го февраля пріѣхала во Псковъ, гдѣ, по случаю своего тезоименитства, отслушала обѣдню, и наконецъ, чрезъ Новгородъ, Вышній волочокъ, Тверь и Клинъ, 10го февраля, въ 10 часовъ утра, прибыла на станцію Чашники.

По мѣрѣ приближенія государыни къ Москвѣ, донесенія совѣту сопровождавшаго ее князя Василія Лукича учащались, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали доходить до совѣта и кое-какія распоряженія ея величества. То государыня думаетъ что на въѣздѣ приличнѣе быть въ черномъ, что всѣ кареты должны быть готовы въ Тверской Ямской, куда она изволитъ прибыть; то назначается день погребенія въ среду или въ четвергъ; то требуетъ она пары четыре или пять лучшихъ соболей на муфты и на шею, которыхъ если нѣтъ въ казнѣ, то приказываетъ купить и прислать во Всесвятское и т. д.

До жителей распоряженія эти не доходили, но по дѣлаемымъ въ городѣ постройкамъ для параднаго въѣзда, по необычной суетнѣ и чисткѣ на улицахъ, всѣ догадывались что государыня должна быть уже недалеко, всѣ приглядывались и прислушивались, какъ дѣти для которыхъ готовится сюрпризъ наканунѣ праздника и которыя и чувствуютъ это, и ничего не могутъ сказать положительнаго.

Миктерову удалось еще разъ сыграть нѣкоторую роль. Ему поручено было, какъ офицеру довѣренному, наблюсти на заставѣ за имѣющими выѣхать въ Чашники на встрѣчу государынѣ тремя архіереями и тремя сенаторами. Хотя дѣйствовавшій осторожно верховный совѣтъ и снабдилъ этихъ депутатовъ паспортами, для предъявленія таковыхъ на заставѣ, но Миктеровъ съ особеннымъ наслажденіемъ все-таки остановилъ ѣдущихъ, подойдя къ экипажу, для вѣрности аккуратно сосчиталъ какъ самихъ господъ, такъ и служителей и съ неменьшимъ наслажденіемъ обо всемъ этомъ потомъ докладывалъ верховникамъ.

А чего было считать? Чего опасаться? Рѣшительно нечего. Князь Василій Лукичъ опомниться никому не давалъ, во все всматривался, за всякимъ движеніемъ являвшихся лицъ наблюдалъ, и такъ мчалъ государыню что страшно было даже за ея здоровье. Депутаты въ Чашникахъ только откланялись, три версты отъѣхали, а ужь за ними вслѣдъ летѣлъ экипажъ императрицы, и въ третьемъ часу пополудни она была уже во Всесвятскомъ.

Тутъ можно было наконецъ и отдохнуть, здѣсь устроили уже встрѣчу парадиѣе, выѣхали и сестры ея, Екатерина, герцогиня Мекленбургская, и Прасковья Ивановны; всѣ поздравляли со счастливымъ пріѣздомъ, почетный караулъ изъ

Преображенцевъ и кавалергардовъ стоялъ предъ домомъ, и государыня, казалось, была очень довольна своимъ положеніемъ, впечатлѣніе было пріятное.

Члены верховнаго совѣта такъ и носились по царскимъ покоямъ. Приказаніе Анны чтобы всѣ дѣла шли такъ точно какъ она рѣшила въ Митавѣ, увѣренія ея что кондиціи подписаны ею для общаго удовольствія и что сохранитъ она ихъ всю жизнь придавали верховникамъ бодрости и веселья. Во время представленія государынѣ сената, генералитета и дворянства, князь Дмитрій Голицынъ, во главѣ верховнаго совѣта, поднесъ государынѣ знаки ордена Св. Андрея, прося ея величество удостоить принять ихъ и быть гросмейстеромъ ордена, по примѣру своихъ предшественниковъ.

— Ахъ! Правда, я и забыла ихъ надѣть, сказала Анна, нагнувъ голову и сама надѣвая орденъ на плечо.

— Ну что? замѣтилъ было на это князь Василій Лукичъ.

— Ничего, и то ещё знатно, улыбался князь Дмитрій Михайловичъ.

Когда потомъ, выйдя къ державшимъ караулъ Преображенцамъ и кавалергардамъ, государыня изъ собственныхъ рукъ поднесла солдатамъ водки и, при общихъ крикахъ восторга, провозгласила себя полковникомъ Преображенскаго и капитаномъ кавалергардскаго полковъ, князь Василій Лукичъ тпять подмигнулъ было Голицыну, но тотъ этого даже и не замѣтилъ.

Съѣзжавшіеся между тѣмъ въ Головинскихъ палатахъ Долгорукіе ликовали и нахвалиться не могли искусству, съ которымъ ведетъ себя залѣвало ихъ князь Василій Лукичъ, ни на минуту отъ государыни не отходившій и никого къ ней безъ себя не подпускавшій.

— Съ нимъ опасаться намъ нечего, говорилъ князь Алексѣй, смѣючись, своимъ семейнымъ,—не токмо въ глаза, въ руки всѣмъ засматриваетъ, проходу не даетъ, ха, ха, ха!

И всѣ кругомъ него смѣялись и радовались; радовался и Миктеровъ вмѣстѣ со всѣми, но чему и самъ понять не могъ. Въ первый разъ въ жизни находился онъ въ такомъ положеніи. Иногда, задумавшись надъ нимъ, ему казалось что хуже быть ничего не могло: беременность княжны, приходящая къ концу, ни на сколько не объяснившіяся его отношенія къ семейству, ребенокъ, котораго надо будетъ скрывать,—

просто голова кругомъ идетъ! А то вдругъ, точно будто ничего этого не бывало, станутъ ему представляться какія-то богатыя хоромы; самъ онъ важный сановникъ, съ Долгорукими въ родствѣ, государева невѣста его жена, и государынѣ самой онъ извѣстенъ!... И ничего не понимаетъ и не знаетъ онъ что́ съ нимъ дѣлается.

Одиннадцатаго февраля, въ день похоронъ Петра II, всѣ чины, собравшись рано утромъ во дворцѣ покойнаго государя, ходили изъ стороны въ сторону, дожидаясь начала церемоніи. Въ церкви Архистратига Михаила, гдѣ должна была быть совершена новгородскимъ архіепископомъ заупокойная обѣдня, давно благовѣстили. Пріѣхали къ послѣднему цѣлованію: царица бабка, принцеса Елизавета Петровна и Екатерина Ивановна Мекленбургская; начали разстанавливать всѣхъ участвовавшихъ въ печальномъ шествіи по мѣстамъ, но никто еще не двигался.

Въ Головинскихъ палатахъ, у Долгорукихъ, шелъ между тѣмъ страшный переполохъ. Князь Алексѣй бѣсился и горячился такъ какъ давно уже не слыхали его семейные.

— Знать ты гнѣва нашего не боишься, кричалъ онъ на княжну Екатерину, топая ногами, казнить тебя что ли хотятъ? Что́ за немочь? Давно ли приключилась? Иль ты умнѣе насъ себя показываешь? Изъ родительскаго дома вонъ, когда приказаній нашихъ не слушаешь!

А княжна Екатерина сидѣла предъ отцомъ блѣдная, недвижимая, и судорожно шевеля губами, казалось, вотъ сейчасъ такъ и упадетъ. Почему въ самомъ дѣлѣ она ослушивается, почему не можетъ надѣть траурнаго платья и участвовать въ погребальной церемоніи, какъ государева невѣста, на особо и заранѣе опредѣленномъ ей мѣстѣ?

— Вонъ! Ослушница; изъ своихъ рукъ истязать тебя мало! наступалъ на нее князь Алексѣй. Немочь вишь, платья надѣть не можно!

— Княжна! шепнулъ было ей Миктеровъ.

— Сама знаю что́ дѣлать надлежитъ, остановила она его сердито и вышла изъ комнаты.

А время не терпѣло; показывать свой обычай и родительскій гнѣвъ князю Алексѣю было некогда; дешево отдѣлалась княжна.

Миктерову поручено было скакать какъ можно поспѣшнѣе во дворецъ, чтобы не задерживать далѣе церемоніи, и тамъ

только пришлось ему очнуться отъ того угара въ которомъ онъ находился.

Шумъ, ропотъ и даже брань поднялись въ собраніи, какъ только пронесся слухъ что вся церемонія остановлена потому что ожидали отъ верховнаго совѣта опредѣленія, гдѣ и какъ быть государевой невѣстѣ.

Процессія двинулась. Предъ гробомъ, блѣдный, съ распущенными волосами, въ длинной траурной епанчѣ, съ висящимъ до ногъ флеромъ на шляпѣ, идетъ князь Иванъ, любимецъ покойнаго государя, неся въ головѣ и сердцѣ своемъ тяжелыя мысли и чувства. Въ рукахъ его дрожитъ подушка съ орденскими знаками Св. Андрея. Вотъ, поровнявшись съ домомъ Шереметева, невольно поднимаетъ онъ голову чтобы взглянуть на то существо которое вѣроятно ему сочувствуетъ въ эту минуту. Тамъ дѣйствительно, страстно любящая невѣста его Наташа, завидѣвъ друга, поняла его страданія и, упавъ на окно, залилась горькими слезами: прошли счастливыя времена!

15го февраля, новая государыня совершала уже свой торжественный въѣздъ въ Москву, по улицамъ усыпаннымъ пескомъ, уставленнымъ елками и войскомъ, чрезъ устроенныя нарочно для того тріумфальныя ворота, въ большой каретѣ, запряженной девятью лошадьми, съ одной стороны которой ѣхали верхомъ князь Василій Лукичъ и Леонтьевъ, съ другой—князь Дмитрій Голицынъ и Шуваловъ. Блестѣло золото на бархатныхъ ливреяхъ и лошадиной сбруѣ, мѣрно выступали камеръ-фурьеры, арапы, скороходы, гайдуки; тихо подвигались парадныя кареты Грузинскаго царя Вахтанга и знатныхъ особъ, звонили въ колокола, палили изъ пушекъ стрѣляло троекратно бѣглымъ огнемъ войско....

IX.

Миктеровъ съ Торбеевымъ сбирались въ Успенскій соборъ къ присягѣ, о формѣ которой слышно было много предварительныхъ толковъ: приносить ли ее государынѣ и государству, государынѣ и верховному совѣту? и т. п.

До публики, а съ нею и до Миктерова, не доходило, конечно, извѣстій о томъ что̀ дѣлалось въ самомъ дворцѣ; не знали, напримѣръ, что пріѣхавшій вслѣдъ за Анною, вопреки обѣщанію данному верховному совѣту, Биронъ началъ

уже сноситься съ Остерманомъ и Черкасскимъ, при посредствѣ Курляндца Корфа и секретаря Шипунова; не знали что вновь назначенныя въ придворный штатъ княгини Черкасская, Салтыкова, Чернышева и баронесса Остерманъ повели уже интригу; что онѣ разъѣзжали ночною порой по городу, развѣдывали объ образѣ мыслей общества и каждый день приносили къ императрицѣ маленькаго любимца ея, Бирона сына, которому клали за пазуху записки, прочитываемыя государыней въ спальнѣ, куда она уносила на рукахъ младенца и куда не могъ уже проникнуть бдительный глазъ князя Василія Лукича.

Народу въ церкви было уже довольно много, когда протѣснились туда наши пріятели, но двери продолжали еще хлопать, и по каменному полу все слышалось еще шмыганье и стукъ каблуковъ вновь приходящихъ людей. Присутствующіе разговаривали между собою въ полголоса, переходили отъ одной кучки къ другой.

— Слышалъ? говорилъ подмигивая Торбеевъ, — Головкинъ на свою сторону духовенство склонить хочетъ, а Голицыну то не по нраву; не хочу де изъ одного рабства въ другое попасть.

— Государыня безъ князя Василія Лукича ни въ чемъ нынѣ не вольна, слышался въ то же время надъ самымъ ухомъ Миктерова чей-то густой голосъ.—Князь Василій и въ кремлевскихъ палатахъ мѣсто себѣ обрѣлъ; ни одной аудіенціи безъ него не обходится, не токмо кого изъ простыхъ людей, а самой герцогини Мекленбургской, сестры родной, къ государынѣ не допускаетъ.

— Слышишь? подталкивалъ опять Торбеевъ,—Павелъ Ивановичъ изъ дворцовой караульни не выходитъ, публично де наказанъ, публично и прощеніе получить долженъ.

— Охъ, худо, худо! Не чаю чтобы дѣло счастливо окончилось, шепталъ Миктеровъ, чувствуя какой-то страхъ и отходя въ сторону.

Вездѣ поговаривали о какихъ-то врагахъ отечества, о разстройствѣ чьихъ-то замысловъ и о злодѣяхъ Долгорукихъ.

— Господа верховные! господа верховные! вдругъ пронеслось наконецъ въ толпѣ, и въ дверяхъ показалась фигура князя Дмитрія Голицына, вмѣстѣ съ другими членами верховнаго совѣта.

— Господа верховные въ церкви дожидаютъ! говорилъ черезъ

минуту посланный въ синодальную контору секретарь совѣта, приглашая архіереевъ поспѣшить на присягу.

Архіереи однако были не готовы. Первый членъ синода, архіепископъ новгородскій Ѳеофанъ, удерживалъ всѣхъ, настаивая чтобы присяжные листы были непремѣнно принесены въ синодальную контору и прочтены.

— Услышимъ, когда время будетъ, возражалъ ему на это епископъ ростовскій Георгій Дашковъ, сторонникъ Долгорукихъ и давнишній врагъ Ѳеофана за закрытіе Невской типографіи, гдѣ печатались сочиненія заподозрѣнныя въ лютеранскомъ направленіи, — услышимъ!

— Да какого еще времени ждать, горячился Ѳеофанъ,—чай до присяги о томъ что̀ въ ней написано вѣдать надлежитъ. Кому присягать будемъ?

— Господа верховные въ церкви дожидаютъ! повторяли между тѣмъ въ пятый разъ посланные одинъ за другимъ изъ церкви.

— Нѣтъ списковъ, нѣтъ! говорили прибѣгавшіе оттуда же синодскіе секретари.

— Да останемся братія! воскликнулъ наконецъ Ѳеофанъ, — останемся, куда идти? Сихъ листовъ отпечатана, вѣдаю, не одна тысяча, а намъ для прочтенія ни единаго прислать не хотятъ, знать недоброе что̀ замыслили; останемся!

— Ну, чего тутъ оставаться! проговорилъ сухо Георгій Дашковъ, вставая вмѣстѣ съ другими съ мѣста, и Ѳеофанъ только перевернулся на стулѣ.

— А? Знать ты на патріаршество на лошадяхъ конми Долгорукимъ служилъ въѣхать ладишь, проговорилъ онъ, провожая глазами Георгія,—да не въѣдешь, не въѣдешь! и вставъ на ноги, послѣдовалъ за всѣми.

Желчь и злоба кипѣли у него въ душѣ, когда входилъ онъ въ церковь.

— Вы, всего народа пастыри и въ духовныхъ дѣлахъ предводители, встрѣтилъ его ласково одинъ изъ членовъ совѣта,— послушайте, пожалуста учните присягу первые.

— Нѣчто сказать на сіе сперва имѣю, отвѣчалъ Ѳеофанъ, знаками показывая присутствующимъ свое желаніе говорить.

Толпа приступила ближе къ амвону.

Увлекательное краснорѣчіе Ѳеофана было извѣстно всякому, и тѣмъ болѣе могло быть опаснымъ для верховниковъ въ такую минуту; но остановить архіепископа было уже пельзя. Князь

Дмитрій Голицынъ вышелъ только впередъ, готовясь въ случаѣ крайней нужды возражать; воцарилась мертвая тишина, и плавнымъ голосомъ началъ говорить тогда Ѳеофанъ о томъ чтобы никто безразсудно присягать не торопился, о томъ какъ велико бѣдствіе, если кто присягнетъ противно совѣсти или тому чего не хочетъ и не вѣдаетъ, и наконецъ что первѣе всего форма присяги должна была быть прочтена вслухъ, съ того мѣста на которомъ онъ стоитъ.

— Такъ, такъ, истинно такъ! Присяга дѣло страшное! Не вѣдая, какъ присягать! послышались одобрительные голоса.

Князь Дмитрій Голицынъ подошелъ было къ Ѳеофану, видно было, какъ протягивая впередъ руку, онъ хотѣлъ ему чтого сказать, но тотъ махалъ только отрицательно головою, широко раздувалъ ноздри и, поджимая верхнюю губу, твердо стоялъ на своемъ.

Дѣлать было нечего. Князь Василій Лукичъ догадался послать скорѣе подвернувшагося ему на глаза Миктерова за присяжнымъ листомъ, такъ какъ изъ многихъ тысячъ напечатанныхъ экземпляровъ, ни одного дѣйствительно въ церкви не оказалось. Знаки неудовольствія стали высказываться громче и громче, послышались уже и простыя требованія: читать форму сейчасъ, немедленно, когда наконецъ, протискиваясь въ толпѣ, запыхавшійся Миктеровъ подалъ князю Василію Лукичу принесенный имъ листъ.

Присяга была тотчасъ же прочтена; ожиданія архипастыря не оправдались; страшнаго и опаснаго не заключала она въ себѣ ничего. Были, правда, исключены нѣкоторыя выраженія касавшіяся самодержавія, но о верховномъ совѣтѣ и о кондиціяхъ не упоминалось ни слова.

Миктерову удалось опять оказать услугу своимъ патронамъ: но въ иномъ, совершенно иномъ видѣ представлялась она ему теперь, сравнительно съ тѣми, первыми его услугами. Казалось, здѣсь ли было не радоваться, не гордиться ему? Въ виду всѣхъ, поспѣшностію своихъ дѣйствій, въ самую критическую минуту, выручилъ онъ, такъ-сказать, своихъ патроновъ. Не на глазахъ ли почти всей толпы потомъ князь Василій Лукичъ, подойдя къ молодому человѣку, любезно потрепалъ его по плечу и какъ-то особенно улыбнулся? Но именно это-то и представлялось Миктерову теперь непріятнымъ, ему чуялось что-то зловѣщее, недоброе; ясно еще звучали ему слова подслушанныя имъ недавно: враги отечества, злодѣи!...

— Ахъ! кабы можно было только воротить прошлое! Кабы только не княжна Екатерина, думалось ему; но событія шли быстро, смѣняясь одно другимъ, и не давали времени опомниться.

По почамъ стали собираться уже у Барятинскаго и Черкасскаго большія собранія, гдѣ обдумывался планъ противодѣйствія членамъ верховнаго тайнаго совѣта и сочинялась челобитная, въ которой, благодаря государыню за дарованныя ею великія милости, намекали на опасность грозящую отечеству отъ нѣкоторыхъ пунктовъ, подписанныхъ уже ею условій, изъ которыхъ де враги отечества могли извлечь великую для себя пользу. Челобитную эту развозили ночью Татищевъ, Матвѣевъ и Кантемиръ изъ дома въ домъ и въ гвардейскіе полки, собирая подписи.

Извѣщенная о всемъ происходящемъ чрезъ своихъ статсъдамъ, государыня стала выказывать также нѣсколько болѣе рѣшительности въ своихъ дѣйствіяхъ, не являлась подъ разными предлогами въ совѣтъ для утвержденія новаго порядка управленія, окружала себя преданными людьми, вызвала, напримѣръ, изъ деревни роднаго дядю своего по матери, Салтыкова, сыну котораго поручила обязанность пріема рапортовъ отъ гвардейскихъ полковъ, лежавшую прежде на фельдмаршалѣ Долгорукомъ и т. д.

Члены верховнаго тайнаго совѣта дрогнули. На первыхъ порахъ, думая предупредить какъ-нибудь бѣду, они хотѣли было предложить Аннѣ самодержавіе отъ себя, но быть признанною самодержавною монархинею по желанію только восьми лицъ, она не согласилась. Князь Дмитрій Голицынъ попробовалъ было сблизиться съ Черкасскимъ и Кантемиромъ, но неудачно. Фельдмаршалъ Долгорукій сунулся было къ Остерману, все еще не выходившему изъ дому подъ предлогомъ болѣзни и не посѣщавшему совѣта, но только разсердился и наговорилъ ему грубостей, заставъ его совершенно здоровымъ и вымазаннаго лимономъ, для вящаго убѣжденія всѣхъ въ болѣзни.

— Безъ всякихъ дальностей, Черкасскаго и Барятинскаго взять за караулъ надлежитъ и утопить, совѣтовалъ съ своей стороны князь Алексѣй Григорьевичъ, будто бы это такъ легко было сдѣлать.

Самъ князь Василій Лукичъ, наконецъ, хотя и продолжалъ зорко слѣдить за всѣмъ происходившимъ вокругъ импера-

рицы, но просмотрѣлъ что надъ доскою столовыхъ часовъ, поднесенныхъ въ подарокъ Ѳеофаномъ государынѣ, находился цѣлый планъ дѣйствій, котораго она должна была держаться въ ближайшемъ будущемъ.

Двадцать пятаго февраля, часу въ осьмомъ утра, въ домѣ Барятинскаго, близь Тверской, тамъ гдѣ нынѣ старый университетъ, собрались сотни приверженцевъ Анны. Переговоривъ и условившись между собою, толпою направились въ кремль, гдѣ отслужено было молебствіе, и оттуда прослѣдовали во дворецъ. Въ то же время къ подъѣзду дома нынѣ Шереметева, на Никольской, подавали экипажъ, и князь Черкасскій, тяжело восходя по откинутымъ подножкамъ кареты, распрашивалъ что-то у прибѣжавшаго съ улицы запыхавшагося вѣстоваго и отдавалъ приказаніе ломогавшимъ ему влѣзать ливрейнымъ лакеямъ везти его какъ можно поспѣшнѣе во дворецъ.

— Съ челобитною? съ челобитною? выскочилъ на встрѣчу къ неожиданнымъ гостямъ князь Василій Лукичъ, быстро подавивъ въ себѣ смущеніе произведенное ихъ прибытіемъ. — Ну такъ, такъ; нынѣ ея величество усмотритъ сколь много людей того желаютъ, о чемъ и мы просили. Гдѣ челобитная-то? у кого? вручите мнѣ для представленія императрицѣ, продолжалъ онъ, посматривая во всѣ стороны и щуря глазами бумаги.

Челобитную держалъ въ рукахъ старикъ фельдмаршалъ, князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой. Улыбаясь и заикаясь, онъ сталъ было, какъ человѣкъ добрый и учтивый, отвѣчать что-то князю Василію, но толпа не дала ему говорить.

— Сами, сами подадимъ! кричали одни.

— Подданныхъ отъ государыни отрывать не надлежитъ! Враги государства и ея императорскаго величества такъ дѣлаютъ!

Князя Василія за шумомъ не было даже и слышно.

— Пожалуй! уговаривала между тѣмъ государыня сестру свою Екатерину Ивановну, пользуясь отсутствіемъ вѣчнаго свидѣтеля своихъ бесѣдъ, того же князя Василія,—выйди поскорѣе, выслушай челобитную!

Князь Василій между тѣмъ бѣжалъ уже въ совѣтъ, предупредить верховниковъ о всемъ происшедшемъ во дворцѣ. Явясь въ залу, они застали уже государыню стоящею подъ балдахиномъ; она отдавала приказаніе впустить просителей.

Черезъ минуту, двери широко открылись, зашумѣли тяже-

лыя ботфорты; густая толпа наполнила комнату, и фельдмаршалъ Трубецкой, выступивъ впереди всѣхъ, поднесъ государынѣ прошеніе. Генералъ-лейтенантъ Юсуповъ, отъ имени генералитета, сказалъ что вслѣдствіе даннаго имъ позволенія выразить свое мнѣніе касательно новаго образа правленія, они осмѣливаются мнѣніе это представить въ поданной челобитной. Татищевъ, по приказанію Анны, прочелъ эту челобитную.

— Всемилостивѣйшая государыня! началъ было Черкасскій, по окончаніи чтенія, мы здѣсь положили всѣ.....

— Не тебѣ, князь, законы предписывать, прервалъ его вдругъ князь Василій Лукичъ. Ея величеству надлежитъ удалиться, дабы дѣло сіе вмѣстѣ съ совѣтомъ обдумать, и совѣтъ конечно.....

— Что? какъ? послышались голоса, и поднявшійся шумъ и волненіе помѣшали ему продолжать.—Кто государямъ законы предписываетъ? Государыня наша не менѣе властна, яко и предмѣстники ея! Мы головы за нее сейчасъ положить готовы. Повели, государыня! повели! кричали со всѣхъ сторонъ, и при увеличивавшемся шумѣ, съ каждою минутой можно было ожидать насилія.

— Я здѣсь не въ безопасности, шептала смущенная императрица;—что дѣлать мнѣ?

— Нечего другаго дѣлать, какъ подписать челобитную, вмѣшалась вдругъ герцогиня Мекленбургская, смѣло выступивъ впередъ съ чернильницей и перомъ въ рукахъ.—Я свою жизнь первая на жертву принесу, если то потребно будетъ!

„Учинить по сему“, дрожащею отъ волненія рукою, и не сразу попадая въ чернильницу, стала выводить государыня подъ челобитной, и съ послѣднею буквой, поспѣшила оставить залу.

— Салтыкову повинуйтесь! Салтыкову, другихъ приказаній не слушайте, долетѣлъ голосъ ея уже отъ дверей. Толпа повалила къ выходу.

— Самодержавія просить!—Какъ и предки царствовали! Изстари было самодержавіе! кричали руководители, останавливая выходившихъ.

Никто не возражалъ на такое предложеніе, и тотчасъ же сочинена была новая челобитная. Вслѣдъ затѣмъ послали просить еще аудіенціи, которая и была назначена въ четыре часа. Когда собрались вновь всѣ чины, вытребованы были, че-

резъ статскаго совѣтника Маслова, подписанные въ Митавѣ пункты; государыня поблагодарила собраніе и обѣщала исполнить все согласно его желаніямъ.

— Ты обманулъ меня стало-быть, князь Василій Лукичъ, прибавила Анна, обратившись къ членамъ верховнаго совѣта,—желанія народа не было чтобъ я подписала сіи условія,— и съ этими словами она разорвала листъ бумаги о которомъ такъ долго хлопоталъ Голицынъ и на который иные возлагали многія упованія.

— Пиръ былъ изготовленъ, но гости были его недостойны, грустно говорилъ потомъ князь Дмитрій Голицынъ, вѣдаю что на мою голову бѣда обрушится; что нужды; голова моя наклонилась уже къ послѣднему жилищу. Я пострадаю за отечество, но тѣ кои моими страданіями насладиться думаютъ пострадаютъ горче того!

— Вотъ столбы огненные не къ добру, сказываютъ! говорилъ Миктеровъ, смотря ночью съ Торбеевымъ на сѣверное сіяніе, освѣтившее ярко небо, и собиравшее толпы народа на улицахъ.—Знать и вправду! надъ моею головой виситъ бѣда великая! что̀ и дѣлать не придумаешь!

— Надъ твоею головой? ишь ты! посмѣялся ему кто-то въ потемкахъ,—не тебѣ одному они свѣтятся; быть бѣдѣ, такъ никто не уйдетъ, всѣмъ достанется!

X.

Въ Москвѣ гудѣли колокола, вечеромъ была иллюминація; на три дня сложили трауръ; во всѣхъ соборахъ, монастыряхъ и приходскихъ церквахъ служили молебствія за вручніе императрицѣ самодержавія. Во всѣ концы Россіи скакали нарочные гвардейскіе солдаты, чтобы воротить посланныхъ прежде съ присягою унтеръ-офицеровъ. Приказано было присягою остановиться; нераспечатанные присяжные листы, равно какъ уже распечатанные и подписанные собирать и отсылать въ сенатъ. Двадцать восьмаго февраля былъ уже изданъ манифестъ о принятіи самодержавія и о новой присягѣ.

На первыхъ порахъ, Долгорукіе были, повидимому, оставлены въ покоѣ, но такъ было только на первыхъ порахъ. Четвертаго марта, вмѣсто уничтоженнаго верховнаго тайнаго совѣта, назначенъ былъ правительствующій сенатъ, въ соста-

вѣ двадцати одного члена. Остерманъ, къ которому ѣздила Анна, по настоянію выпущеннаго изъ-подъ ареста Ягужинскаго, совѣтовалъ ей удалить отъ двора нѣкоторыхъ членовъ бывшаго верховнаго совѣта; но, съ другой стороны, Бирономъ и Левенвольдъ, желая привлечь на свою сторону кого-нибудь изъ русской партіи, предложили мировую Голицынымъ, обѣщая имъ въ такомъ случаѣ свое заступничество. Голицыны, поборовъ свою гордость, сдались, и дѣйствительно попали въ число сенаторовъ; нѣкоторые члены ихъ семейства получили придворныя званія, - бриллiантовые перстни и проч. Изъ Долгорукихъ, напротивъ, одинъ только Василій Лукичъ находился въ сенаторскомъ спискѣ, и вскорѣ назначили коммиссію для изслѣдованія ихъ дѣйствій. Юсуповъ и Ушаковъ были членами этой коммиссіи, руководителемъ же всего былъ самъ Биронъ. Лаская бывшихъ друзей Долгорукихъ, онъ старался вывѣдывать отъ нихъ не знали ли они какихъ за ними обидъ, не брали ли они взятокъ и т. п. Биронъ одобрялъ каждаго подавать на нихъ самой государынѣ челобитныя, а между тѣмъ распускались слухи что ихъ сошлютъ въ ссылку, лишатъ чиновъ: безъ этого, пожалуй, не было бы и доносовъ. Въ Головинскія палаты никто не заглядывалъ, всѣ отступились; князь Алексѣй не выходилъ изъ своей комнаты. По требованію коммиссіи, таскали изъ его покоевъ и кладовыхъ разныя пожитки, забранные имъ и его семьею въ прежнее счастливое время изъ дворца, серебро, бриллианты; изъ конюшенъ князя уводили царскихъ лошадей, собакъ. Въ Кремлѣ устроена была особая палатка, гдѣ разбирали возвращенныя отъ него драгоцѣнныя вещи. Миктерову едва удалось урвать и скрыть переданный ему на сохраненіе ларчикъ набитый разною всячиной.

Выдерживать униженіе далѣе князю Алексѣю было невыносимо; онъ рѣшился переѣхать въ подмосковную, чтобы тамъ справить и свадьбу сына Ивана, невѣста котораго, Шереметева, несмотря на паденіе Долгорукихъ, не отступала отъ своего слова.

Миктеровъ былъ доволенъ отъѣздомъ Долгорукихъ. Всякій день ложился онъ спать какъ въ лихорадкѣ, думая и передумывая о своемъ положеніи, которое не представляло ему ничего утѣшительнаго.

— Кабы не связанъ я былъ, кабы отступиться можно было начинало приходить ему въ голову.

Водиться съ Долгорукими не только не было выгодно, какъ прежде, а просто было опасно считаться въ числѣ ихъ знакомыхъ. А княжна Екатерина какъ нарочно освѣдомлялась ежедневно здѣсь ли онъ или нѣтъ; она дѣлала это какъ трудный больной освѣдомляется: сидитъ ли тутъ, возлѣ постели или гдѣ въ сосѣдней комнатѣ докторъ, который хотя никакой помощи въ данный моментъ оказать не въ состояніи, но можетъ при самомъ концѣ вдругъ понадобиться. Чувства ея къ нему, да и самый ея характеръ во многомъ измѣнились со дня постигшаго ее несчастія. Не говоря уже о томъ что давно прекратились тѣ нѣжныя выраженія любви которыя бывало приносила Миктерову въ запискахъ мама Андреевна, прекратилась даже и самая корреспонденція. Какое-то ожесточеніе на судьбу душило княжну Екатерину. Еслибы Миктерову удалось проникнуть теперь въ спальню своей возлюбленной, чего онъ впрочемъ и не домогался, еслибъ ему удалось взглянуть въ лицо княжны Екатерины, онъ, при всемъ своемъ равнодушіи, удивился бы той сухости, той раздражительности которыя встрѣтилъ бы со стороны княжны, и понялъ бы можетъ-быть что никогда, даже при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ, не могла она быть для него истинною подругой, что связь ихъ была дѣломъ единственно случайности. Но эта случайность связала роковымъ образомъ ихъ судьбу!

На третій день свадьбы, молодые сбирались въ Москву съ обычными визитами къ родственникамъ. Готовый парадный экипажъ стоялъ уже у подъѣзда. Князь Иванъ, въ мундирѣ, со шляпою въ рукѣ, сидѣлъ почтительно предъ отцемъ и со вниманіемъ, казалось, слушалъ наставленія послѣдняго о томъ къ кому слѣдовало ѣхать прежде, гдѣ сколько времени пробыть, что̀ сказать отъ него и пр. Молодая княжна между тѣмъ оканчивала свой туалетъ. Стоя предъ зеркаломъ, застегивала она на шеѣ богатое жемчужное ожерелье, откидывая назадъ шелковыя съ кистями связки его; у ногъ ея, съ иголками въ рукахъ, хлопотали, подъ присмотромъ Прасковьи Юрьевны, двѣ горничныя, приглаживая золотыя кружева, которыми былъ покрытъ въ три ряда низъ юпки лунцоваго бархатнаго платья, только что вынутаго изъ приданыхъ сундуковъ. Всѣ были заняты; слышно было какъ визжали иголки и хрустѣли нитки, протаскиваемыя сквозь толстую матерію. Горничныя дѣвки, ползая на одномъ колѣнѣ, кружились около широкаго платья молодой княгини. Съ удивительнымъ провор-

ствомъ, прищуривъ глазъ, вдѣвали онѣ нитки и съ остервенѣніемъ отгрызали ихъ, пригибаясь къ самому полу; все это дѣлалось серіозно и молча. На верху за то, въ комнатѣ княжны Екатерины было гораздо оживленнѣе. Сама княжна, въ обществѣ сестры и брата, была въ духѣ и, сидя у окна, не переставала пересмѣивать то того, то другаго изъ приходившихъ ей въ голову лицъ.

— Чтожъ они долго такъ собираются! лошади-то, гляди, стоять устали; иль красавицу все убираютъ, въ приданомъ, въ сундукахъ зарылись? Сундуковъ-то, сундуковъ-то что! поднимала она кверху руки,—а людишекъ нѣтъ никого.

— Будутъ и людишки, побольше нашего будутъ, не намъ и ровняться съ ними, замѣтилъ князь Николай.

— Гдѣ ровняться? я и не ровняюсь. Князь Иванъ и прежде на человѣка похожъ не былъ, а теперь, по кончинѣ государя, и подлинно, какъ ворона безъ перья сталъ,—съ нимъ ли ровняться? Ха, ха!

— А сама-то, сама-то? Невѣстой была, невѣстой и осталась; зависть одна говоритъ въ тебѣ, поддразнилъ князь Николай сестру.

— Зависть! воскликнула съ досадой княжна.—Чего завидовать-то?—Глядѣла какъ намедни свадьба-то паша къ церкви поѣхала. Ужь считала, считала лошадей, каретъ, каретъ.... всего-на-все двѣ старухи свойственницы, что̀ невѣсту привезли! И то хорошо, хоть эти бѣдную не оставили, ха, ха, ха! смѣялась княжна.

— А гляди-ка, вдругъ встрепенулась она,—Господи свѣты! Вотъ напомнилъ легокъ! вѣдь и то должно родственникъ ѣдетъ какой. Запоздалъ сердечный, запоздалъ! кричала княжна, стуча въ окно подъѣзжавшему въ самомъ дѣлѣ въ это время гостю.—Старухамъ-то моимъ авось-либо нынѣ не обидно будетъ! Гости! гости!

Громко смѣясь и махая руками на слѣдовавшихъ за нею брата и сестру, княжна слѣшила внизъ на встрѣчу пріѣзжему.

Но гость между тѣмъ успѣлъ уже войти въ комнату, и весело сбѣжавшая сверху компанія нашла его стоящимъ предъ княземъ Алексѣемъ Григорьевичемъ и не почтившимъ вновь прибывшее общество ни вниманіемъ, ни даже поклономъ.

Лица его было не видно, но форменный сенатскій мундиръ его и въ особенности блѣдное лицо князя Алексѣя свидѣтельствовали что дѣло было не веселое.

— Какъ? говорилъ дрожащимъ голосомъ князь, отступая шагъ назадъ,—какъ? черезъ три дня?

— Черезъ три дня, повторилъ за нимъ сенатскій секретарь.

— И никуда не выѣзжать?

— И никуда не выѣзжать.

— Да въ какія же деревни отправляться мнѣ? Указъ что ли есть съ тобой?

— И указъ есть, повторилъ секретарь.

— Пойдемъ! круто повернулъ къ себѣ въ покои князь Алексѣй, и въ домѣ, точно кто въ этотъ моментъ крикнулъ: „пожаръ!“ — такая вдругъ поднялась бѣготня, такой поднялся шумъ.

Никто не пріѣхалъ проводить Долгорукихъ: ихъ обѣгали теперь столько же сколько прежде искали ихъ покровительства. Самъ князь Василій Лукичъ, въ домъ котораго, на Никитской, запелъ было Миктеровъ проститься, строго на строго запретилъ ему соваться на проводы къ князю Алексѣю. Попеже, говорилъ онъ, ты еще молодъ; себя побереги; отъ насъ же, кромѣ худа, ничего другаго быть не можетъ, а намъ отъ тебя помощи ждать нечего.

На дворѣ стояла распутица; рѣки были въ разливѣ; выступавшая въ ручьяхъ вода разливалась озерами, потопляя луга. Путь ссыльнымъ Долгорукимъ лежалъ на Коломну, чрезъ Егорьевскій уѣздъ, къ городу Касимову, подъ которымъ у нихъ было помѣстье. Тогдашнее бездорожье, да еще въ добавокъ весна и разливъ дѣлали почти совершенно невозможною всякую ѣзду. Путешественники сбивались съ дороги, попадали въ болота, среди которыхъ приходилось иногда проводить ночи подъ открытымъ небомъ, въ наскоро разбитыхъ палаткахъ. Молодая новобрачная княгиня Наталья, прямо изъ богатаго дома Шереметевыхъ, принуждена была подъ часъ ходить въ мокрыхъ башмакахъ, спать на сырой постели. *Разрушенная невѣста*, княжна Екатерина, была съ нею непривѣтлива, и она чувствовала себя одинокою среди семьи, состоявшей изъ девяти человѣкъ, съ огромнымъ штатомъ людей и горничныхъ, къ которымъ она не только не успѣла привыкнуть, но которыхъ никого и не знала. Она старалась ни на минуту не покидать мужа: она бѣгала за нимъ какъ ребенокъ за нянькой; слѣдовала даже въ конюшню, когда онъ ходилъ задавать кормъ лошадямъ. Но конечно не могла же молодая женщина находиться при мужѣ неотлучно. Тогда утѣшеніемъ

ея была старая ея гувернантка иностранка, рѣшившаяся ѣхать за нею въ деревню, да слезы, которыя она проливала въ одиночку.

Князь Алексѣй переносилъ свое положеніе съ какою-то отвагой. Слѣдованіе его имѣло видъ какой-то перекочевки и ужь никакъ не изгнанія. Его поѣздъ составляли кареты, колымаги, фуры, повозки, которыя растягивались едва не на цѣлую версту во время пути. Тутъ же въ перемѣжку съ экипажами слѣдовали верховыя лошади, борзыя и гончія собаки: псарей, конюховъ, поваровъ, вообще дворянъ ѣхалъ цѣлый полкъ. Князь выѣзжалъ иногда верхомъ съ сыновьями въ сторону отъ дороги съ собаками; выпускалъ гончихъ и охотился. Однажды пришлось ему защищать какую-то деревню, мимо которой слѣдовалъ его путь, отъ нападенія разбойниковъ, разставлять караулы съ ружьями, лить пули, словомъ готовиться къ бою... Вообще князь Алексѣй нисколько, казалось, не тревожился дальнѣйшею судьбой своею. Но на сотой верстѣ отъ Москвы къ Коломнѣ его нагналъ офицеръ Преображенскаго полка, Воейковъ, и по высочайшему повелѣнію отобралъ всѣ ордена и знаки отличія имѣвшіеся у отца и сыновей. Прошло еще нѣсколько недѣль, Долгорукіе остановились было въ собственной деревнѣ Селищѣ, въ шести верстахъ отъ Касимова, на полдорогѣ отъ того помѣстья нынѣшней Пензенской губерніи, гдѣ имъ велѣно было жить, когда однажды, послѣ обѣда, явился и еще новый неожиданный гость. Гвардейскій офицеръ, капитанъ Макшеевъ, въ коляскѣ, и 24 солдата въ парныхъ телѣгахъ остановились у подъѣзда и молча стали карауломъ у всѣхъ дверей тѣхъ избъ въ которыхъ жили Долгорукіе, даже и у того сарая который занимали молодые. На тревожные вопросы опальныхъ, офицеръ отвѣчалъ только пожатіемъ плечъ, а вечеромъ того же дня, приказалъ имъ садиться въ кареты и подъ его карауломъ отправляться,—куда? онъ не сказывалъ, но оказалось что въ Березовъ. Достигнувъ Оки, Макшеевъ посадилъ ихъ на струги и повезъ водою чрезъ Муромъ, Нижній, Казань и далѣе въ Соликамскъ, гдѣ еще новый нагнавшій нарочный отъ сената описалъ все имущество Долгорукихъ, и откуда уже сухимъ путемъ добрались они чрезъ Верхотурье до Тобольска и опять водою до Березова. Здѣсь предстояло безысходно проживать этому знатному, богатому семейству, едва не ставшему на ступени трона. Другихъ Долгорукихъ разослали кого въ Соловки, кого въ Пустозерскъ, кого на Астраханскую флотилію...

XI.

Время приближалось къ коронаціи. Дѣлались уже всѣ распоряженія и приготовленія къ торжеству. По всѣмъ концамъ Россіи разосланы были указы чтобы въ самый день этотъ, въ соборныхъ и прочихъ церквахъ благодарили Всемогущаго Бога съ молебнымъ пѣніемъ, а гдѣ есть артиллерія съ пушечною пальбой и съ колокольнымъ звономъ во весь день. Въ Петербургѣ генералу Миниху отпущено было 1.000 р. на обѣдъ которымъ онъ долженъ былъ всѣхъ угощать послѣ молебна.

Миктеровъ сказался больнымъ и не выходилъ никуда изъ дому. Оборвавшись на той веревкѣ по которой онъ думалъ подняться высоко-высоко, онъ чувствовалъ теперь только потребность отыскать другой какой-нибудь конецъ, другую веревку, и не понималъ уже жизни безъ подобной поддержки. Но гдѣ же отыскать ее? Гдѣ сила? Кто главный руководитель всего? Биронъ? Но онъ пока держалъ еще себя такъ какъ будто не хотѣлъ входить въ дѣла; онъ только что вступилъ въ русскую службу. Повидимому, партія Русскихъ, возстановившая самодержавіе, пользовалась наибольшимъ вліяніемъ,— не ея ли уже помощи искать? Но какъ? Да и вообще какимъ путемъ пройти куда бы то ни было такому маленькому человѣку какъ Миктеровъ?

Наканунѣ дня назначеннаго для коронаціи, у него сидѣлъ Торбеевъ. Въ церквахъ начался уже благовѣстъ. Деньщикъ подалъ только-что принесенную повѣстку о будущемъ церемоніалѣ, о сложеніи печальнаго платья, замѣнѣ его цвѣтнымъ, разстановкѣ войскъ и пр.

— Что же сидишь печаленъ? спросилъ Торбеевъ пріятеля, замѣтивъ его грустное лицо.—Смотри звонъ какой; радость по всей Москвѣ, а ты голову повѣсилъ.

— Да надо своей рѣшимости конецъ положить либо такъ, либо иначе, говорилъ Миктеровъ, отодвигая лежавшую предъ нимъ повѣстку.—Собакѣ лучше жить чѣмъ мнѣ! Выпьемъ, вотъ что; за виномъ легче станетъ.... Эй! крикнулъ онъ, вставая рѣшительно съ своего мѣста и громко зовя деньщика.

И на простомъ столѣ, покрытомъ бѣлою скатертью, появилась скоро бутылка съ виноградным краснымъ виномъ, двѣ бутылки пива, стклянница съ анисовою водкой. Молодые люди

сняли кафтаны, камзолы, и принялись пить стаканъ за стаканомъ, рюмку за рюмкой; разговоръ ихъ оживился. Все что было на душѣ у Миктерова выходило теперь наружу. Желая на чемъ-нибудь сорвать сердце, онъ началъ-было говорить о настоящихъ распоряженіяхъ правительства, ища къ чему-нибудь придраться; но правительство Анны на первыхъ порахъ ея царствованія давало мало поводовъ къ порицанію. Государыня являла себя и дѣятельною, и милостивою. Сама принимала доклады сената, просматривала ежедневные и мѣсячные отчеты объ оконченныхъ и неоконченныхъ дѣлахъ, повелѣвала рѣшать по чистой совѣсти, не взирая на лица сильныхъ, приказывала воеводамъ являться каждые два года въ сенатъ съ отчетомъ, дѣлала распоряженіе о высылкѣ въ Москву немедленно выбранныхъ дворянъ для сочиненія уложенія, простила майскую треть семигривенной подати; принялась за окончаніе Ладожскаго канала, задумывала основаніе академіи ремеслъ и т. д. Какъ ни озлобленъ былъ Миктеровъ, придраться было не къ чему; оставалось бранить только то или другое лицо.

— Не Биронъ, а Биренъ, кошоха внукъ, вотъ что Биронъ! кричалъ онъ, стуча по столу. — На посылкахъ былъ, какъ бывало къ намъ въ Россію съ герцогинею Курляндскою ѣзживалъ, а изъ Питера высланъ былъ, когда при дворѣ покойнаго царевича Алексѣя мѣсто искалъ; подъ арестомъ за убійство бывалъ, вотъ что! И свои, люди, граждане въ Митавѣ дворянства-то не дали; тайно вѣнчаться на женѣ своей долженъ былъ; ростомъ великъ, лицомъ красивъ вышелъ, ха-ха-ха! Вотъ что! двусмысленно подмигивая, смѣялся Миктеровъ.

— Намъ съ тобой все то едино, говорилъ Торбеевъ, — Биронъ ли, Ѳеофанъ ли ее къ тому подвигаетъ, или собою она дѣйствуетъ, однако въ Крило-Бѣлозерскій монастырь вкладу на милостыню братіи и на молебное пѣніе послано; въ Сибири, сказываютъ, въ Вогульскихъ областяхъ, у новокрещенныхъ идолы и кумирницы священники истребляютъ, совратителей въ соединеніе римской вѣры тоже ловятъ. Не только россійскіе, а и иныхъ земель люди, изъ Австріи заступничества ея просятъ отъ католиковъ. Синоду указано пещись чтобы въ храмы приходили со тщаніемъ, во время службы хранили благочиніе, раскольниковъ обращали, крестныхъ ходовъ не забывали, а нищелитательные домы и училища....

— Э, нищепитательные домы! прервалъ его Миктеровъ.— Съ улицы нищихъ забравъ, къ помѣщикамъ отсылаютъ, замѣчено въ богадѣльняхъ и мѣста нѣтъ. Все то на словахъ только манятъ! Скотскій падежъ подъ Москвою, а оберъ-офицеровъ по большимъ дорогамъ разогнали! Много они могутъ сдѣлать? Гм! подсмѣивался онъ,—по улицамъ рѣзво не ѣздить, пѣшеходовъ плетьми не бить, не топтать! Все словомъ манятъ. Коли такъ все ладно, да милостиво, чего же измѣны-то бояться? Кто за кѣмъ увѣдаетъ о какомъ зломъ умыслѣ противъ персоны государевой, доносить предписано, за правый доносъ милость и награжденіе, а кто не донесетъ, смертная казнь обѣщана. Отъ кого измѣны ждать, кто измѣнникъ? Милостива, милостива, а и просьбы-то государынѣ милостивой подать мимо присутственныхъ мѣстъ не можно: чиновъ лишатъ, наказаніе жестокое учинятъ! горячился и кричалъ Миктеровъ безъ всякой осторожности и не думая о томъ что квартира его, состоявшая изъ небольшой комнаты въ два окна, отдѣлялась отъ покоевъ занимаемыхъ хозяевами только сѣнцами; а въ этихъ сѣнцахъ, у полурастворенной двери сидѣлъ деньщикъ его, готовый явиться по первому зову своего господина, невольно слѣдя за всѣмъ разговоромъ пріятелей.

— Именинникъ что ли? спросила его шепотомъ, высунувшись изъ своей двери хозяйка, не привыкшая къ громкому разговору и шуму, который слышался теперь у сосѣда.

— Гуляютъ! замахалъ руками и головой деньщикъ,—гуляютъ.

— Діаволъ затмилъ мой умъ, продолжалъ между тѣмъ Миктеровъ, стуча по столу кулакомъ. — Видно грѣхомъ дѣло начато, грѣхомъ и окончиться должно.

— Все ты говоришь въ горячности, возражалъ довольно спокойно Торбеевъ,—все не по тебѣ потому что Долгорукихъ нѣтъ; а того не подумаешь что однихъ нѣтъ, другіе статься-можетъ найдутся кто бы тебя поддержать могъ.

— Кто такіе другіе? Ты что ли? Эхъ, другіе! Гдѣ они? Содержать себя и на то нынѣ денегъ нѣтъ! Вонъ выходить надо, вотъ что,—вонъ! горячился Миктеровъ.

— Иль казны я твоей не знаю? Да опричь казны у тебя пожитковъ однихъ не на одну тысячу, замѣтилъ Торбеевъ.

— Пожитковъ, пожитковъ! Не мои, Долгоруковскіе, слышь, Долгоруковскіе, да и не мнѣ, а дочери даны!

Выпитое вино вообще начинало проявлять себя въ доволь-

но некрасивомъ видѣ. Торбеевъ возражалъ уже часто невпопадъ; Миктеровъ горячился, ничего не слушалъ; оба то и дѣло, кстати и некстати цѣловались. Вечеръ приходилъ къ концу. Но какъ бы то ни было, успѣли однако все-таки уговориться кое въ чемъ. Положено было чтобы Миктеровъ участвовалъ непремѣнно въ коронаціонномъ торжествѣ, чтобы дома онъ ни подъ какимъ видомъ не сидѣлъ и чтобы службу свою несъ какъ ни въ чемъ не бывало. Торбеевъ, съ своей стороны, долженъ былъ за всѣмъ наблюдать и сколь можно обо всемъ развѣдывать.

— Ну, вставъ наконецъ изъ-за стола и хлопая по рукамъ, говорили пріятели,—такъ стало и быть.

— Такъ и быть.

— Дерюгинъ, ей Дерюгинъ, слышь! обратился тогда Миктеровъ къ выросшему какъ изъ земли деньщику. — Завтра въ седьмомъ часу какъ изъ пушекъ палить будутъ для сбора, буди меня.... нѣтъ, врешь, ранѣе буди: коронація завтра, слышь дуракъ, коронація!...

И совсѣмъ охмѣлѣвшій онъ повалился на постель.

XII.

На другое утро, въ ½9 часовъ, въ Успенскомъ соборѣ, съ обычною церемоніей, при звонѣ колоколовъ и пушечной пальбѣ, совершено было коронованіе Анны Іоанновны, и затѣмъ начался рядъ праздниковъ и аудіенцій иностраннымъ посламъ, кавалергардскому корпусу и бывшимъ въ Москвѣ Азіятцамъ: Армянамъ, Грузинамъ, Калмыкамъ, Татарамъ, Китайцамъ и т. д.

На восьмое мая назначены были послѣднія празднества. Въ Граповитой палатѣ накрыты были, кромѣ стола для лицъ приглашенныхъ особо по нумерамъ которые раздавалъ оберъгофмаршалъ, еще столы внизу на 200 и вверху на 400 персонъ. Столы эти украшены были статуями и фонтанами, полъ обитъ богатымъ ковромъ, а карнизы бархатною и китайскою золотою парчой. На площади предъ палатами поставлены были жареные быки, пущены фонтаны съ краснымъ и бѣлымъ виномъ для народа. Отъ Краснаго крыльца къ большому колоколу протянутъ былъ канатъ, по которому ходилъ Персіянинъ на 14½ саженяхъ вышины. Сама государыня, стоя у

окна, бросала серебряные и золотые жетоны съ надписью: „Богомъ, родомъ и сими", то-есть вѣрою, надеждою и любовью. Послѣ стола заиграла музыка; генеральша Ягужинская, считавшаяся первою танцовщицей своего времени, открыла балъ, и наконецъ вечеромъ, послѣ танцевъ и ужина, сожгли великолѣпный фейерверкъ.

На Спасской и Троицкой башняхъ, боевые и игральные часы пробили давно 7 часовъ. Напившись, наѣвшись и вдоволь насмотрѣвшись даровыхъ и рѣдкихъ зрѣлищъ, народъ валилъ отъ Кремля густыми толпами по домамъ. На улицахъ, кое-гдѣ замощенныхъ камнями или бревнами, а гдѣ и ничѣмъ не покрытыхъ, стояла глубокая грязь отъ прошедшаго наканунѣ сильнаго дождя. Расходились кучки по разнымъ направленіямъ; тамъ и тутъ слышны были разговоры о впечатлѣніяхъ дня. Голоса не заглушались стукомъ экипажей, ѣзды не было никакой, прогремѣла только запряженная цугомъ карета персидскаго посла, прежде другихъ оставившаго балъ и направившагося на Никитскую, въ домъ бывшій князя Василья Долгорукаго, гдѣ ему была отведена квартира. Вольные дома или трактиры были еще отперты; въ Петровскомъ кружалѣ, освѣщенномъ сальными огарками, набралось народу много: кто лѣзни лѣлъ, кто ужь и валялся.

Въ углу двое хмѣльныхъ спорили. Одинъ изъ нихъ, въ военномъ платьѣ, съ разгорѣвшимися отъ вина глазами, лѣзъ на своего товарища, желая, повидимому, шепнуть ему что-то на ухо, но всякій разъ, отталкиваемый своимъ собесѣдникомъ дѣлалъ выразительный жестъ рукой и приговаривалъ:

— Ну, ладно! Когда такъ, ладно! Поди.... къ дьяволу!

— Да что ты въ ухо-то лѣзешь? Говорить, такъ говори прямо, отвѣчалъ ему другой,—не путайся.

— Кто путается? Не въ домекъ мнѣ, вотъ что; я не путаюсь, а не въ домекъ.

— Да что не въ домекъ-то? Фу, ты! говорилъ товарищъ, махнувъ на него руками.

— Что? Вотъ что, отвѣтилъ пьяный въ военномъ платьѣ, готовясь будто сказать что-то важное;—слушай, вотъ что. Эхъ! крякнулъ онъ, подъ звуки грянувшей въ сторонѣ лѣзни прищелкивая и притоптывая.

— Чортъ тебя задави! сказалъ наконецъ готовившійся было слушать его товарищъ, вставая быстро съ мѣста.

— Стой, стой! прицѣпился къ нему военный,—стой! Казнить

кого велѣно? спросилъ онъ, смотря теперь прямо ему въ лицо своими мутными глазами,—стой, говори!

— Казнить? переспросилъ остановившійся товарищъ,—казнить? повторилъ онъ какъ бы въ раздумьи,—такъ бы и говорилъ: казнить, а то.... сюда пойдемъ, прибавилъ онъ и потащилъ за рукавъ сильно захмѣлѣвшаго военнаго.

Сѣли на лавку рядомъ, разговоръ начался въ полголоса. Казалось, оба поняли другъ друга. Нетвердо державшаяся отъ хмѣля голова военнаго нагибалась къ уху собесѣдника, который уже не отталкивалъ пьянаго.

— Въ толкъ не возьму, вотъ что! Статься можетъ ничего здѣсь такого и нѣту-ти, говорилъ тотъ, выпрямляясь вдругъ и глядя пьяными глазами въ сторону,—да въ толкъ не возьму!

— Все едино, все едино; тамъ разберутъ, тамъ все разберутъ, отвѣчалъ другой.

— Не мнѣ вѣдь сказывано было, продолжалъ первый; у двери.... слышалъ; мало что слышишь! Ну, а почудилось?

— Все едино, все едино, повторялъ другой;—тамъ разберутъ, тамъ все разберутъ.

— Хозяйка вышла.... что де, именинникъ? Нѣтъ, а гуляютъ, молъ, вотъ что, да и полно!

— Выходила хозяйка? переспросилъ товарищъ,—ну, мотри Дерюгинъ! Станетъ слухомъ обноситься напрежъ тебя, не миновать бѣды.

Дерюгина пробралъ ознобъ отъ этихъ словъ; но чѣмъ больше онъ пугался, тѣмъ яснѣе и яснѣе въ ольянѣвшей головѣ его представлялся весь слышанный имъ изъ-за двери разговоръ, и понемногу, все подробнѣе и подробнѣе, передавалъ онъ товарищу содержаніе его, какъ бы провѣряя самого себя вслухъ что не сочиняетъ же онъ, что все что онъ говоритъ дѣйствительно было и все это онъ взаправду слышалъ.

— Пожитки де не мои.... Долгоруковскіе.... дочерніи.... нѣтъ де удачи мнѣ, вотъ что. Гдѣ счастія искать нынѣ мнѣ?.... вотъ что.

— Раздайся, эй ребята! раздайся! Воробей пляшетъ! зашумѣла вдругъ толпа, прервавъ разговоръ двухъ пріятелей и разогнавъ ихъ въ разныя стороны.

— Ну, Воробей, ухни! кричали голоса, толкая впередъ маленькаго роста мужичонку, подбоченившагося уже и сильно солѣвшаго, какъ бы въ предвкушеніи той пляски которою намѣревался распотѣшить публику.

— Валяй! ну, валяй! подзадоривали голоса со всѣхъ сторонъ.

— Ну, васъ! махнулъ рукой Дерюгинъ, постоявъ съ минуту, и мрачный поплелся домой.

Ему было не до веселья; хмѣль казалось даже вышелъ у него изъ головы, когда онъ зашагалъ по улицѣ.

Черезъ полчаса Петровское кружало опустѣло, скоро потушили огни вездѣ, и на улицахъ водворилась мертвая тишина.

XIII.

Коронація сопровождалась, какъ и слѣдовало ожидать, царскими милостями: кто пожалованъ былъ деревнями, кто орденомъ, кто произведенъ въ генералы, кто въ дѣйствительные тайные совѣтники и т. д. Остерманъ былъ сдѣланъ графомъ, Биронъ—оберъ-камергеромъ, александровскимъ кавалеромъ, а вскорѣ потомъ получилъ изъ Вѣны дипломъ на достоинство графа и портретъ германскаго императора осыпанный бриллiантами, въ 12.000 ефимковъ; государыня присовокупила къ этому городъ въ Лифляндіи со всѣми принадлежащими къ нему землями, цѣною въ 60.000 рублей, а спустя нѣкоторое время и орденъ Св. Андрея.

Покончивъ съ коронаціонными праздниками, слѣдовало отдохнуть. Дворъ переѣхалъ на лѣтнее время въ подмосковное царское село Измайлово, гдѣ жизнь потекла мирно и тихо. Государыня, съѣздивъ на богомолье къ Троицѣ, занялась формированіемъ новаго гвардейскаго полка, названнаго въ честь мѣстопребыванія Измайловскимъ, и назначеніемъ въ него командировъ изъ Нѣмцевъ и родственниковъ Бирона. По утрамъ принимала доклады засѣдавшихъ въ трехъярусной шатровой башнѣ сенаторовъ, давала аудіенціи иностраннымъ министрамъ, являвшимся съ новыми кредитивными грамотами, охотилась въ звѣринцѣ, а по вечерамъ, сидя въ саду, то слушала разказы царедворцевъ-иноземцевъ объ ужасахъ скотскихъ падежей, о нищенствѣ, о волшебникахъ, къ которымъ многіе ѣздили и къ себѣ принимали, о ворахъ и разбойникахъ, скитавшихся по селамъ сколами; то развлекалась пѣснями и плясками царскихъ псарей, собаками, которыхъ выводили ей на показъ, или привозимыми изъ разныхъ концовъ Россіи кречетами. Жизнь текла беззаботно и производила кругомъ впечатлѣніе самое хорошее.

— Сами, сами видѣли, разказывали бабы сосѣднихъ селъ, какъ она, матушка наша, вдвоемъ только съ какимъ-то не Русскимъ словно, имени-то не выговоришь, по нашимъ по полямъ разгуливаетъ, а за ней никого нѣтъ, такъ, мальчикъ одинъ въ кафтанишкѣ.

— Не чаяли мы, говорилъ священникъ села Измайлова навѣщавшимъ его гостямъ изъ города,—какъ въ то время съ генераломъ Мамоновымъ внезапная смерть чрезъ паденіе съ лошади около кареты ея величества приключилась; думали бѣда, село наше не полюбится, попеже знакъ худой; однако, глядимъ, карета только по мосту чрезъ Серебровку прослѣдовала, въ шатровыя ворота, прямо къ собору, сама изволила выйти и благодарственное молебствіе о спасеніи своей жизни отъ опасности отслужить повелѣла.

А ужъ какихъ похвалъ не расточалось среди псарей, егерей, сокольниковъ, кречетниковъ и прочей челяди, занимавшей цѣлый квадратъ каменныхъ пристроекъ къ деревянному дворцу! Да имъ ли было и въ самомъ дѣлѣ не житье.

Кругомъ вѣковыя рощи; выкопанные пруды и озера съ саженными стерлядями, щуками, карпіями, карасями; птичьи дворы съ лебедями, китайскими гусями и павлинами; звѣринецъ наполненный звѣрями; регулярный садъ прямо отъ дворца къ рѣкѣ, а народу-то что̀ охотниковъ! Три тысячи человѣкъ! Цѣлая Хотинская волость опредѣлена была только на ихъ содержаніе.

Въ послѣднихъ числахъ іюня, рано утромъ, вошедшій въ комнату Бирона слуга его, Фабіанъ, доложилъ что оберъ-егерь Меврелъ давно уже дожидается его сіятельства и имѣетъ ему сообщить нѣчто.

Биронъ только-что окончилъ свой туалетъ. Чисто выбритое лицо его, пудра на головѣ и лестрый штофный камзолъ, который онъ надѣлъ, собираясь пройти въ покои государыни, придавали ему, несмотря на его 40 лѣтъ, видъ довольно молодящійся. Черты лица, впрочемъ хотя и красивыя, впечатлѣніе производили непріятное: слишкомъ ужъ гордо держалъ онъ голову, слишкомъ сухъ и серіозенъ былъ взглядъ его сѣрыхъ глазъ, слишкомъ неподвижна была вся фигура.

Докладъ слуги не заслужилъ, казалось, вниманія Бирона, онъ не сказалъ ему ни слова, не обернулся даже. И въ самомъ дѣлѣ, оберъ-егерь Меврелъ являлся довольно часто съ тѣхъ

лоръ какъ ему поручено было наблюденіе за строжайшимъ исполненіемъ предписанія запрещавшаго всякаго рода охоту въ 20-ти-верстномъ разстояніи отъ Москвы. Доклады его, то о выдачѣ положенныхъ двухъ рублей награжденія доносителю на преступившихъ законъ обывателей, то о пристрѣленныхъ собакахъ и пойманныхъ на охотѣ и взятыхъ за караулъ людяхъ, которые подлежали за то наказанію на тѣлѣ и ссылкѣ; доклады эти Биронъ бралъ на себя для передачи государынѣ, какъ предметъ весьма ее интересующій, но онъ уже привыкъ къ нимъ, и теперь, продолжая хладнокровно поправлять свой галстукъ и манжеты предъ четырехугольнымъ съ фигурною рѣзьбой зеркаломъ, стоявшимъ на столѣ, уставленномъ разными съ высокими и узкими горлами сткляницами и коробочками, онъ даже забылъ, казалось, объ оберъ-егерѣ и, совсѣмъ готовый, со шляпою въ рукѣ, спокойно вышелъ было изъ своей комнаты, когда наткнулся прямо на Меврела и рядомъ съ нимъ стоявшаго, не обывателя, не крестьянина или кого-нибудь изъ подлыхъ людей, а другаго царскаго же егеря, въ его зеленомъ съ позументами кафтанѣ.

Биронъ остановился; на лицѣ его мелькнула тѣнь удивленія; но Осипъ Меврелъ, сдѣлавъ шагъ впередъ, объяснилъ графу что имѣетъ сообщить ему нѣчто секретное. Закинувъ голову еще болѣе назадъ, Биронъ повернулся тогда на одной ногѣ и, остановивъ на мгновеніе взглядъ свой на приведенномъ Мевреломъ егерѣ, старался какъ бы запомнить его лицо, задавая себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ: что бы могъ замыслить этотъ стоявшій предъ нимъ съ такимъ невиннымъ лицомъ и робко опустившій глаза человѣкъ?

Осторожно ступая тяжелыми ботфортами, вошелъ Меврелъ вслѣдъ за возвратившимся въ свои покои Брономъ. Черезъ пять минутъ, обдергивая одежду, послѣшно сунулся туда же и дожидавшійся приказанія егерь, а черезъ четверть часа, оба они молча выходили уже съ крыльца, и на лицахъ ихъ было написано то удовольствіе которое чувствуетъ человѣкъ только-что исполнившій добросовѣстно свою обязанность.

Давъ время посѣтителямъ своимъ выдти, Биронъ на этотъ разъ скорыми уже шагами прошелъ въ покои государыни. Онъ никогда не могъ достигнуть искусства скрывать свои мысли и чувства, какъ достигъ этого напримѣръ Остерманъ. Поэтому и теперь, посмотрѣвъ вслѣдъ уходившему графу, на его поспѣшную походку, на его озабоченное, не то довольное,

не то злое выраженіе лица, слуга его Фабіанъ спрашивалъ себя: чѣмъ бы могъ встревожиться такъ его милость?

Вечеромъ этого дня снаряжали въ путь того самаго офицера котораго мы уже видѣли въ Соликамскѣ описывающимъ вещи Долгорукихъ, и въ то же время генералъ-адъютанту Ушакову, въ канцелярію котораго были скоро переданы изъ сената всѣ дѣла по первымъ двумъ пунктамъ и которая получила такую громкую извѣстность подъ названіемъ канцеляріи тайныхъ и розыскныхъ дѣлъ, поручено было отыскать проживающаго въ Москвѣ офицера кавалергардскаго корпуса Миктерова и представить его за карауломъ къ государынѣ.

Какого бы рода ни былъ доносъ на Миктерова, достаточно уже и того что имя его называлось рядомъ съ именемъ Долгорукихъ чтобы предсказать какая участь могла его ожидать, а на него было донесено объ оставленныхъ ему и скрытыхъ имъ ложиткахъ Долгорукихъ и о какой-то таинственной съ этимъ семействомъ связи его. Ушаковъ послалъ за Миктеровымъ; но его агенты возвратились съ пустыми руками; порядкомъ вспудренные за это, они кинулись туда и сюда— но слѣдъ его простылъ.

Самъ виновникъ доноса, Дерюгинъ, съ пьяну проболтавшійся въ Петровскомъ кружалѣ пріятелю своему, царскому егерю, проспавшись на другой день, упалъ въ ноги своему господину и, боясь доноса столько же для него, сколько и для себя, будучи человѣкомъ въ этомъ дѣлѣ неопытнымъ, признался ему во всемъ и просилъ совѣта и помощи, а тотъ не теряя ни минуты кинулся вонъ изъ Москвы.

XIV.

Погода стояла дождливая; на улицахъ было темно, ибо въ тѣ времена улицъ не освѣщали, и только когда отъ двора приказано было, въ окнахъ палатъ и хоромъ выставлялись по двѣ, по три и по четыре свѣчи, а въ строеніяхъ нежилыхъ горѣли холстинные и слюдяные фонари, впрочемъ лишь до полуночи; вообще же съ десяти часовъ огней въ домахъ нигдѣ не было и городъ былъ погруженъ въ глубокій мракъ.

Это было благопріятное условіе для лобѣга Миктерова. Когда только признаніе Дерюгина открыло ему опасность его положенія, онъ пустился къ Торбееву, требуя совѣта и хоть

временнаго пріюта. И то и другое было сопряжено съ рискомъ. Скрывать человѣка котораго ищетъ тайная канцелярія—бѣда, а выпроводить его мудрено. Какую прибрать одежду чтобъ она гармонировала съ его бритымъ подбородкомъ и приличными манерами? Гдѣ достать видъ, а безъ вида пуститься—попадешься рано или поздно! Но такъ какъ ближайшая опасность всегда страшнѣе отдаленной, то Миктеровъ, хотя и безъ вида, рѣшился облечься въ платье которое досталъ Торбеевъ, и въ полночь, простившись съ пріятелемъ своимъ и отцомъ его, и передавъ ему казну и пожитки Долгорукихъ, врученные ему на храненіе, помолился Богу и вышелъ.

Ночь стояла темная; куда идти, въ какую сторону, въ какую даже выдти заставу? Естественнѣе было идти прямо къ отцу, который могъ бы пріютить его хотя на время и скрыть отъ первыхъ преслѣдованій, но и объ этомъ не вспоминалось Миктерову въ настоящую минуту, точно будто тутъ, близко, за нимъ, была уже опасность, точно слышалъ онъ нагоняющіе его шаги,—и скорѣе, скорѣе, не оглядываясь назадъ, шелъ онъ по темнымъ и грязнымъ московскимъ улицамъ.

Подходя къ рогаткамъ, разставленнымъ по концамъ большихъ улицъ, затворявшимся по ночамъ, ему представлялось что сейчасъ вотъ задержатъ, узнаютъ его находившіеся при тѣхъ рогаткахъ караульщики съ палками и трещетками для сигналовъ въ случаѣ пожара и драки, сердце его сжималось всякій разъ; но безъ малѣйшаго сопротивленія отворяли тѣ сторожа ему рогатки, не видя въ Миктеровѣ ничего подозрительнаго. Наткнувшись на конный разъѣздъ изъ московскаго драгунскаго эскадрона, Миктеровъ завернулъ даже въ другую улицу, и когда разъѣздъ повернулъ также въ его сторону, потому что туда лежала ему дорога, совершенно оторопѣлъ и принужденъ былъ пріостановиться: такъ сильно было волненіе; разъѣздъ проѣхалъ однако мимо, не посмотрѣвъ даже на него.

Начинало уже свѣтать, когда подошелъ Миктеровъ къ плавучему мосту на Москвѣ-рѣкѣ; тамъ было уже много народа; ѣхали изъ деревень крестьяне съ разными продуктами, гнали скотину; тѣхъ и другихъ задерживали мостовщики и перевощики, разчитываясь въ мостовщинѣ или пошлинѣ за мостъ. Кто, желая избѣжать ее, ѣхалъ въ бродъ, кто, уставъ дожи-

даться, спалъ, на мосту путались возы, грузно опускались въ воду быки, крикъ, шумъ; споры гуртовщиковъ съ мостовщиками. Миктеровъ прошелъ незамѣченный среди этой суетни. Вотъ наконецъ и надолбы окружавшія Москву со всѣхъ сторонъ для предосторожности отъ ввоза неявленныхъ товаровъ, вотъ и конецъ Москвы, городской выгонъ,—Миктеровъ вздохнулъ свободно.

Онъ не чувствовалъ никакого утомленія, и бодро, съ довольнымъ лицомъ зашагалъ по большой Серпуховкѣ, на которой очутился самъ не зная для чего. По обѣимъ сторонамъ ея шелъ густой лѣсъ, не было ни рвовъ, ни околовъ; дорога хотя и десятисаженная, но вся изрытая колеями, имѣла видъ совершенно неустроенный: кое-гдѣ въ топкихъ мѣстахъ валялись бревна или кучами лежалъ фашинникъ; попадались крашеные верстовые столбы, но подгнившіе и полуразрушившіеся.

По мѣрѣ того какъ Миктеровъ удалялся отъ Москвы, мысли его приходили въ порядокъ: все яснѣе и яснѣе представлялось ему что деревня отца была единственнымъ мѣстомъ куда онъ могъ и долженъ былъ направить свой путь. Пустившись по Серпуховской дорогѣ, онъ дѣлалъ крюкъ, но этотъ крюкъ былъ еще не великъ. Миктеровъ пріостановился, легъ отдохнуть, и пролежавъ часъ-другой, пошелъ до ближайшей деревни, гдѣ рѣшился, въ первый разъ по выходѣ своемъ изъ Москвы, толкнуться къ людямъ, распросить гдѣ онъ, далеко ли отъ города, какъ попасть на Смоленскую дорогу, и затѣмъ, купивъ хлѣба и нѣсколько огурцовъ, снова пуститься въ путь.

Уже совершенно стемнѣло, когда измученный, еле-еле передвигая ноги, входилъ онъ въ большое село, гдѣ волей-неволей приходилось ему остановиться на ночлегъ.

Избы были курныя и безъ трубъ; постоялыхъ дворовъ не было.

Миктеровъ постучалъ въ первую попавшую ему избу. Его впустили; огня въ избѣ не было: крестьянская семья, поужинавши, разбрелась, должно быть по сѣноваламъ и сараямъ спать; на лавкѣ сидѣлъ только хозяинъ въ одной рубашкѣ и противъ него какой-то постоялецъ, по длиннымъ волосамъ и черной одеждѣ котораго можно было догадаться что онъ духовнаго званія.

Бесѣда между хозяиномъ и постояльцемъ этимъ прервалась,

когда входилъ Миктеровъ. Поклонившись образамъ и оглядѣвшись вокругъ, Миктеровъ былъ непріятно пораженъ встрѣчею постороннаго, не принадлежавшаго, по всѣмъ признакамъ, къ крестьянству и пристально въ него вглядывавшагося человѣка. Только теперь, при общемъ молчаніи и тишинѣ, нарушаемыхъ неумолкаемою трескотней сверчковъ за печкой, Миткеровъ вспомнилъ что въ цѣлый день, проведенный имъ въ дорогѣ, не пришло ему въ голову приготовиться къ тѣмъ вопросамъ которые будутъ задаваться ему при первомъ же столкновеніи съ людьми: кто онъ, откуда идетъ, зачѣмъ, куда? Разомъ представилось ему что его крестьянская одежда не соотвѣтствуетъ бритому его подбородку и рѣчи не простонародной, — хоть бѣги сейчасъ вонъ изъ избы! Но уже поздно; вотъ духовный откашлянулся, выставилъ впередъ свою рыжую бороду и началъ уже вопросъ:

— Откуда?

— Изъ Москвы.

— Далече ли?

— Въ Смоленскъ.

— Въ Смоленскъ? повторили вмѣстѣ хозяинъ и его собесѣдникъ, многозначительно посмотрѣвъ другъ на друга.

— Не дорога, прибавилъ первый, принявъ серіозный видъ и безпокойно поворотившись на своемъ мѣстѣ. Предъ самымъ приходомъ Миктерова наслышался онъ отъ своего гостя о слоняющихся по свѣту воровскихъ людяхъ, скрывающихся бѣглыхъ крестьянахъ и солдатахъ. Теперь духовный толкнулъ его подъ столомъ ногою и подмигнувъ, поспѣшилъ предложить новый вопросъ.

— По своей нуждѣ, али посыланы отъ кого? спросилъ онъ.

Смутившійся было Миктеровъ нѣсколько поправился.

— Посыланъ, отвѣтилъ онъ, подлаживаясь подъ разговоръ и манеру своихъ собесѣдниковъ. Сперва наперва сюда, а тамъ и въ Смоленскъ. Ночевать чай у васъ можно? прибавилъ онъ, садясь на лавку и принимая видъ спокойный и безпечный.

Духовный опять посмотрѣлъ на хозяина; оба казалось удовлетворились отвѣтомъ и перемѣнили нѣсколько тонъ. Не повѣрить Миктерову не было никакой причины. Отчего ему не быть и въ самомъ дѣлѣ какимъ-нибудь служителемъ изъ дворни, посланнымъ господами куда-нибудь съ „цидулами“? Мало ли ходило въ то время такого народа, при недостаткѣ почтовыхъ сообщеній!

Разговоръ начался обыкновенный; нѣсколько времени спустя, хозяинъ и духовный уже признались Миктерову въ подозрѣніи которое онъ возбудилъ въ нихъ при своемъ появленіи, что̀ заставило Миктерова тѣмъ болѣе быть осторожнымъ, стараться какъ можно меньше говорить, отвѣчать коротко и, задавая вопросы съ своей стороны, заставлять больше говорить своихъ новыхъ знакомыхъ.

Оказалось что духовное лицо былъ монахъ, посланный съ какимъ-то порученіемъ изъ Воронежа къ ростовскому архіерею и члену синода Георгію, и теперь возвращающійся домой. Болталъ монахъ много. Разказывалъ и про Воронежъ, и про тамошнюю жизнь, и про монашество вообще, и про монаховъ воронежскихъ въ особенности; хвастался и важностію своего порученія, и довѣріемъ къ нему воронежскаго архіерея, и доступомъ который онъ имѣлъ къ преосвященному Георгію и т. п.

Наслушавшись вдоволь, хозяинъ, долго поддерживавшій свѣтъ зажженной имъ лучины, ушелъ наконецъ спать; путешественники собирались также лечь на лавкахъ; монахъ все говорилъ. Темнота въ избѣ возбуждала, казалось, только его болтливость и беззастѣнчивое хвастовство. Миктеровъ слушалъ внимательно. Личность епископа Георгія Дашкова была нѣсколько знакома ему чрезъ Долгорукихъ, равно какъ непріязненныя его отношенія къ Ѳеофану. Поэтому разныя передаваемыя монахомъ подробности интересовали Миктерова. То принимая видъ ничего не знающаго, то льстя самолюбію разкащика, онъ заставлялъ его высыпать всю подноготную.

Во главѣ синода, первенствующимъ членомъ его, стоялъ въ то время Ѳеофанъ Прокоповичъ. Пріобрѣвъ полное довѣріе государыни своимъ содѣйствіемъ къ принятію ею самодержавія, онъ пріобрѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ такую силу которая обезпечивала его вполнѣ отъ всѣхъ происковъ и всякаго старанія подломить его значеніе. Забыта была вся прошедшая его исторія: его воспитаніе въ римской академіи, дружба съ унитами, надѣтая имъ безъ обычнаго постриженія мантія, разореніе часовень, несоблюденіе постовъ; забыты были считавшіяся когда-то не православными сочиненія его о блаженствахъ, о поливаніи, о бракахъ; забыто было его даже *Иго неудобоносимое*. Настало время, когда онъ смѣло могъ посчитаться со всѣми своими прежними недругами и товарищами по

синоду, между которыми первый былъ Георгій Дашковъ, епископъ ростовскій. Дворянскаго происхожденія, путешествовавшій когда-то за границей и неизвѣстно по какому случаю постриженный въ монашество, онъ еще при Екатеринѣ подавалъ протестъ противъ отобранія церковныхъ имуществъ, протестъ доставившій ему много почитателей не только между духовенствомъ, но и между свѣтскими людьми; его протежировали Долгорукіе, интригами коихъ онъ чуть не попалъ въ патріархи. Преданнымъ ему человѣкомъ былъ и Левъ Юрловъ, преосвященный воронежскій,—обстоятельство которое вдругъ пришло теперь на память Миктерову.

Монахъ-разкащикъ, тоже не сочувствовалъ, съ своей стороны, направленію Ѳеофана вообще, и когда дѣло дошло до объясненія причины путешествія его въ Москву, — Миктеровъ понялъ куда тянулъ лежавшій предъ нимъ въ темнотѣ и вскакивавшій по временамъ въ волненіи, его новый знакомецъ.

— При вступленіи на престолъ нынѣ царствующей государыни разсыланы были по всѣмъ епархіямъ при указахъ манифесты, говорилъ монахъ, и оное увѣдомленіе стало быть извѣстно въ Воронежѣ 14го февраля. Вице-губернаторъ нашъ, господинъ Пашковъ по фамиліи, приглашалъ преосвященнаго Льва прочитать манифестъ въ имѣющее наступить воскресенье, спрѣчь въ недѣлю православія. Разумѣешь ли ты какая сія есть недѣля? спросилъ монахъ поучительнымъ тономъ, пріостановивъ свой разказъ.

— Не вѣдаю, отвѣтилъ Миктеровъ.

— Первая недѣля поста великаго, помни, замѣтилъ внушительно монахъ.—Преосвященный Левъ, продолжалъ онъ, въ мірѣ Лаврентій Юрловъ, не изъ подлыхъ людей состоитъ, воспитаніе свое получилъ у боярина князя Троекурова, въ походахъ бывалъ и царскія очи близко видѣлъ; чрезъ покойную царицу Марѳу и во священство попалъ.

— Прогнѣвалъ ее знать? спросилъ тихо Миктеровъ.

— Не ее прогнѣвалъ, а Бога; въ Богѣ же за свое раскаяніе и успокоеніе обрѣлъ, отвѣтилъ торжественно монахъ, обходя такимъ образомъ молчаніемъ исторію о покражѣ Львомъ серебрянаго кубка Петра I, вслѣдствіе которой, съ помощью царицы Марѳы, хлопотавшей за него, долженъ былъ оставить свою должность пажа при ней и скрыться въ монастырь.

— Таковому человѣку безбоязно помыслить было можно,

продолжалъ монахъ,—что указъ тотъ, изъ Москвы присланный, продерзостію людской былъ; не у насъ однихъ въ Воронежѣ, а и по всей Россіи такожде слухомъ относилось. И повелѣлъ онъ, преосвященный, вопреки тому указу, по своей епархіи, на обрядѣ православія ломинать: о благочестивѣйшей великой государынѣ нашей, царицѣ и великой княгинѣ Евдокіи Ѳедоровнѣ и о державѣ ихъ. Пашковъ прислалъ полковника своего Барыкова паки просить о прочтеніи манифеста. Преосвященный презрѣлъ и этого посланника, понеже, не получая указа изъ синода, въ неизвѣстности обрѣтался, не будетъ ли и еще какой перемѣны.—Ну, и послано было отъ свѣтской власти о преосвященномъ, яко о преступникѣ указовъ, доношеніе; вотъ и скитаюсь азъ грѣшный того ради изъ Воронежа въ Москву и обратно; и по веснѣ ходилъ и теперь.... То еще благопріятное есть что по монашескому чину и одѣянію нашему вездѣ насъ принимаютъ благодушно, не узнавая кто за какой нуждой посланъ, хотя бы и безъ письменнаго отпуска.—Гдѣ бы воды испить? во рту пересохло, перебилъ самъ себя разкащикъ, вставая съ лавки и направляясь, держа руки впередъ, къ дверямъ, въ сѣни.

Миктеровъ, слушавшій монаха съ величайшимъ вниманіемъ, не могъ однакоже слѣдить во всѣхъ подробностяхъ за нитью разказа; ко всѣмъ его заботамъ о себѣ, о пропускномъ письмѣ, о дальности пути и пр., присоединилось еще и то обстоятельство что онъ дурно себя чувствовалъ: отъ скорой ли ходьбы и утомленія, отъ волненія ли, у него болѣла сильно голова, ломили ноги, прохватывалъ ознобъ. Тѣмъ не менѣе ясно долетѣвшія до слуха послѣднія слова монаха „вездѣ насъ принимаютъ, хотя бы и безъ письменнаго отпуска, не узнавая за какою нуждой посланы“, точно пробудили его отъ сна; онъ присѣлъ на лавкѣ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія разкащика, готовясь заставить его повторить сказанное, и обстоятельно разспросить о томъ какъ онъ дѣлаетъ что путешествуетъ безъ паспорта и какіе существуютъ относительно предъявленія паспортовъ порядки.

— Самъ Богъ мнѣ помощь свою посылаетъ. Его святая воля. Господи Іисусе Христе, шепталъ онъ, кладя на себя крестное знаменіе съ разстановкой, такъ чтобы движеніе руки его было незамѣтно.

— Спишь что̀ ли? спрашивалъ возвратившійся между тѣмъ монахъ.—Не спитъ, отвѣтилъ онъ самъ себѣ, замѣтивъ движеніе Миктерова.

— Нѣтъ, повторилъ за нимъ Миктеровъ,—не сплю. А отпусковъ на лисьмѣ стало у васъ по монашеству не показано? прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Не самовольно же я волочился, за нуждами самого архіерея изъ епархіи своей исходилъ; отъ него и позволеніе имѣлъ, сказалъ монахъ, какъ бы избѣгая прямаго отвѣта.—Письма къ ростовскому и коломенскому епископамъ носилъ, прибавилъ онъ,—къ генералу Чернышову, къ Колычову. Они заслушавши отвѣтное писаніе нашего преосвященнаго и положили якобы дѣло сіе по доношенію Пашкова слѣдуетъ оставить, повременить, не будетъ ли еще какого донесенія, понеже у воронежскаго архіерея давнишняя ссора съ вице-губернаторомъ и издавна они другъ на друга пишутъ.

Выслушавъ всѣ эти подробности и не получивъ прямаго отвѣта на свой вопросъ, Миктерову хотѣлось повторить его. Только какъ это сдѣлать? Не догадался бы монахъ? Не сталъ бы онъ въ свою очередь распрашивать? Не опасно ли было сбивать его съ той темы на которой онъ являлся такимъ словоохотливымъ?

— А нынѣ также по словесному приказу архіерея ходилъ? пустилъ онъ опять осторожно, надѣясь что авось тутъ какъ-нибудь прорвется разкащикъ и подтвердитъ еще разъ сказанное прежде.

— А нынѣ чувалъ винныхъ ягодъ преосвященному Георгію носилъ, отвѣтилъ монахъ съ раздражительностію, будто обидно ему показалось что какой-то проходимецъ какъ нарочно напираетъ на то о чемъ распространяться не слѣдовало.

Письменнаго отпуска, въ которомъ должно было бы означить за какою нуждой онъ посланъ, у него не было, ибо нужды его означить было нельзя, а выдумать какую-нибудь не стоило: мало ли монаховъ шаталось въ то время по Россіи безъ всякихъ видовъ, и кто о нихъ узналъ, доколѣ не сдѣлались опасными для правительства явившіеся „плуты черницы, по разнымъ мѣстамъ безъ потребы скитавшіеся“! Разкащику досадно даже стало на себя что ни съ того, ни съ чего разговорился онъ и такъ пространно съ проходимцемъ, который хотя, конечно, половину сказаннаго имъ и не по-

нялъ, но все-таки суетъ свою лапу туда куда не слѣдуетъ, тоже распрашиваетъ, не довольствуется тѣмъ что̀ ему, святому отцу, заблагоразсудилось самому разказать. Онъ чувствовалъ даже желаніе тотчасъ же кончить разговоръ и въ заключеніе напугать хорошенько слушателя, чтобъ онъ зналъ впередъ съ кѣмъ и какъ можно говорить и не думалъ бы уже ни о какихъ лишнихъ вопросахъ.

— Нынѣ, заговорилъ монахъ,—времена для насъ тяжелыя! Про Ѳеофана, епископа новогородскаго, опричь того что̀ я тебѣ повѣдалъ слышалъ ли?

— Слыхалъ, отвѣтилъ Миктеровъ.

— А! То-то; онъ какой человѣкъ? Про архіепископа кіевскаго Варлаама знаешь? прибавилъ еще монахъ, таинственно понизивъ голосъ.

— Нѣтъ.

— А! Съ архіерейскихъ и монастырскихъ людей разные поборы браты были, у нихъ угодья отнимались, пошлины съ самого епископа за проѣздъ черезъ Дмитровскій мостъ взыскивали, а какъ пожаловался онъ на городоваго войта полоцкаго, на него тотъ полоцкій доношеніе тѣмъ временемъ представилъ Ѳеофану, якобы въ одинъ высокоторжественный день Варлаамъ молебна не служилъ! Суду предали, сана лишили; разумѣешь ты? По одному извѣту сана лишили, почти шепотомъ закончилъ монахъ.

На Миктерова этотъ послѣдній разказъ, впрочемъ, не произвелъ никакого особаго впечатлѣнія, онъ все-таки остался при желаніи узнать непремѣнно, во что̀ бы то ни стало, на чемъ основывалъ слова свои монахъ и можно ли было ему вѣрить. Въ головѣ его составился уже цѣлый планъ дѣйствій, основанныхъ на этихъ словахъ; онъ только объ нихъ и думалъ, и вотъ какъ нарочно монахъ заупрямился и никакъ не хочетъ ихъ повторить. Монашеское платье, свобода, безопасность отъ всякихъ допросовъ и преслѣдованій, все это такъ ясно рисовало ему больное воображеніе; получить бы еще хоть нѣсколько объясненій, хоть нѣсколько подробностей, чтобы не совсѣмъ уже безразсудно было принятое имъ мысленно рѣшеніе, основанное на словахъ перваго встрѣчнаго монаха.

— А безъ письменнаго отпуска монашествующимъ ходить стало все-таки можно? сказалъ онъ, подходя наконецъ къ дѣлу прямо.

— Указы-то знать, продолжалъ Миктеровъ, не придавая значенія молчанію, которое послѣдовало за первымъ вопросомъ,—указы-то не опасливы, какъ за ними не надзираютъ, а они все знать....

— Какіе указы? прервалъ вдругъ монахъ грубымъ, но взволнованнымъ голосомъ.

Лица его, къ счастію, за темнотой было не видно; широко открытые глаза, упершіеся въ одну точку, осунувшіяся щеки, какъ у человѣка внезапно пораженнаго какою-нибудь неожиданностію показали бы ясно какого рода было это волненіе.

— Чай и самъ знаешь какіе указы, вкрадчивымъ и ласковымъ голосомъ продолжалъ Миктеровъ, — указы тамъ.... аль регламенты....

— Регламенты! повторилъ монахъ глухимъ тономъ и приподнялся на лавкѣ.

Ему ясно стало что собесѣдникъ его былъ никто другой какъ фискалъ,—фискалъ, который во всякомъ случаѣ на него донесетъ. Уже при первыхъ вопросахъ Миктерова о паспортѣ, кольнуло что-то непріятно монаха; когда заговорилъ онъ объ указѣ, ему вдругъ вспомнился подозрительный костюмъ незнакомца, поразившій его тогда вмѣстѣ съ хозяиномъ; но теперь наконецъ, когда простой съ виду и съ бритою бородой крестьянинъ произнесъ слово: регламентъ, сомнѣнія не могло быть никакого: фискалъ, фискалъ! Но что же дѣлать?

Блѣдный и съ вытаращенными глазами, просидѣлъ онъ нѣсколько минутъ въ молчаніи, потомъ медленно опустившись на лавку, вытянулся, зѣвнулъ притворно, и уже совершенно другимъ, какимъ-то носовымъ, но спокойнымъ голосомъ отвѣчалъ:

— Въ духовномъ регламентѣ, о житіи монаховъ, наипаче же о запрещеніи исходовъ и волокитъ монашескихъ, наставленій довольно имѣется въ правилахъ тридесятомъ, тридесять первомъ и тридесять второмъ. Тіи же правила во всемъ сличны и согласны съ правилами древнихъ вселенскихъ соборовъ въ Халкидонѣ, въ Никеѣ и Константинѣ-градѣ.

Монахъ зѣвнулъ опять, шепотомъ произнесъ: „Господи Іисусе Христе, помилуй насъ“, и уже сонным голосомъ продолжалъ:

— Презрѣть правила сіи никому не можно. Являются хотя многіе чернецы, которые безчиннаго житія образъ произносятъ и злообразіемъ дѣлъ своихъ подаютъ соблазнъ къ раз-

вращенію, но сіе явное душевредіе есть. Тіи бо не помышляютъ что они всякими добродѣтелями не лицемѣрно украшать себя къ созиданію церкви должны и что чрезъ нихъ хулится имя Божіе.

Опять зѣвнулъ монахъ и вслѣдъ затѣмъ повернулся на бокъ, вздохнулъ и сталъ засыпать.

Миктеровъ отнесся было къ нему черезъ нѣсколько минутъ еще разъ, но отвѣта уже не получилъ: слышно было только ровное и тяжелое его дыханіе.

Не привыкши къ жесткому ложу съ клокомъ соломы вмѣсто подушки, долго вертѣлся Миктеровъ со стороны въ сторону, и сонъ не приходилъ. Ему было жарко и душно, несмотря на то что давно уже, скинувъ верхнюю свою одежду, лежалъ онъ въ одной рубашкѣ. Боль въ головѣ сдѣлалась такъ сильна что серіозно должна была бы его безпокоить, еслибъ онъ находился въ нормальномъ положеніи; но этого не было. Онъ чувствовалъ только боль, но не сознавалъ ее; предъ глазами его начали мелькать какія-то незнакомыя лица; изба въ которой онъ находился казалась ему то большою комнатой, то церковью, наполненною монахами, то ясно и отчетливо тою самою избой, съ лежащимъ противъ него на лавкѣ монахомъ: къ нему подходили какіе-то люди, разговаривали, ему хотѣлось отвѣчать; и чувствовалъ онъ что принужденъ дѣлать усилія для того чтобы не засмѣяться вдругъ, не разсердиться, не закричать, ибо тутъ было всего — и смѣшнаго, и досаднаго, и страшнаго. Помнилъ онъ въ послѣдствіи что вставъ среди ночи досталъ свою кожаную сумочку, которую положилъ себѣ подъ голову; помнилъ что доставъ ее, не попалъ прямо на лавку, а наткнулся сначала на печь, а потомъ на дверь, которая предъ нимъ открылась и которую онъ съ усиліемъ едва сладилъ закрыть, помнилъ онъ и пахнувшій на него изъ этой двери свѣжій воздухъ, но больше ничего не помнилъ; тутъ онъ впалъ въ забытье.

Смиренно лежавшій лицомъ къ нему и ровно дышавшій монахъ, наслаждавшійся, повидимому, такимъ глубокимъ сномъ, не спалъ точно также. Не жаръ, не головная боль, не физическое разстройство мѣшали ему, нѣтъ. Прищуривъ глаза, наблюдалъ онъ внимательно за всѣми движеніями Миктерова; сердце его билось отъ страха, а воображеніе рисовало всѣ ужасы, могущіе быть послѣдствіемъ его болтовни. Схватитъ ли его фискалъ тотчасъ, и ему, приведенному предъ граждан-

скимъ начальствомъ, придется сознаться въ томъ что онъ вида никакого не имѣетъ и въ томъ зачѣмъ посланъ былъ отъ архіерея, и куда? Или же фискалъ донесетъ прямо Ѳеофану, и его потянутъ къ суду вмѣстѣ съ преосвященнымъ? Присматривая за незнакомцемъ, онъ дѣлалъ между тѣмъ всѣ усилія чтобы вспомнить во всѣхъ подробностяхъ весь свой разговоръ съ нимъ. То казалось ему что онъ наговорилъ столько что изъ сказаннаго можно было построить цѣлый обвинительный актъ, то представлялось ему что отъ многаго можно отказаться, что не все онъ сказалъ, что еще ничего, можно вывернуться; но предъ кѣмъ же будетъ онъ отказываться, вывертываться? Предъ судомъ? а допросъ, пытка! О, ужасъ, ужасъ! Едва сдерживалъ онъ свое волненіе чтобы какъ нибудь, повернувшись, не подать повода Миктерову подумать что онъ не спитъ и не подвергнуться снова его вопросамъ. Какой брани вмѣстѣ съ тѣмъ не изрекалъ онъ на свою голову за болтовню свою!

— И не спитъ проклятый фискалъ, не спитъ, говорилъ онъ самъ себѣ, глядя на метавшагося во всѣ стороны Миктерова,—хотя бы уснулъ, о побѣгѣ бы тогда помыслить можно.

На дворѣ уже стало свѣтать, когда желанія монаха наконецъ сбылись. Долго ворочавшійся на лавкѣ Миктеровъ, повидимому, успокоился; раскинувшись лежалъ онъ съ краснымъ лицомъ и тяжело дышалъ.

— Хворь его взяла знать, шепталъ монахъ, осторожно спуская ноги съ лавки и глядя уже съ совершенно открытыми глазами на болѣзненное лицо молодаго человѣка.

Просыпавшійся, или скорѣе тревожно спавшій, Миктеровъ заставлялъ то и дѣло монаха останавливаться въ своихъ сборахъ. Оставалось ему только взять поставленную еще съ вечера за печь палку съ котомкой и шапку, когда Миктеровъ вдругъ привсталъ, сѣлъ, и открывъ мутные глаза, дико посмотрѣлъ на монаха; монахъ спрятался за печкой, и черезъ нѣсколько минутъ, взглянувъ оттуда, увидалъ Миктерова сидящимъ въ томъ же самомъ положеніи, только глаза его глядѣли въ другую сторону.

Тихо ступая на кончики пальцевъ, съ котомкой и палкой въ рукахъ, монахъ осторожно пошелъ къ дверямъ.

— Хворь его взяла; околѣть бы тебѣ, проклятый, шепталъ онъ, выходя и закрывая за собою дверь.

Было еще очень рано; только выгоняли скотину; на дерев-

нѣ было тихо; всѣ спали. Миктеровъ все еще смотрѣлъ разгорѣвшимися глазами въ одну точку и шевелилъ губами, когда монахъ, съ нѣсколько облегченнымъ сердцемъ, вышелъ наконецъ въ сѣни.

Тутъ же около, въ клѣти, наткнулся онъ на спавшаго хозяина. Растолкавъ его, онъ объяснилъ ему что совсѣмъ собрался и уходитъ, а потомъ, нагнувшись къ полусонному старику-крестьянину, шепнулъ на ухо:

— Недобраго постояльца пустилъ ты къ себѣ, помни! Присматривай, лишняго не говори! Фискалъ онъ, разумѣешь ты? фискалъ! повторилъ монахъ, грозясь многозначительно пальцемъ и уходя.

Пораженный съ просонья страшнымъ именемъ фискала, старикъ остался на мѣстѣ какъ въ оцѣпенѣніи.

— Глянь, Аксинья! монахъ-отъ этотъ самый вечоръ у Ермилкина сидѣлъ.

— И то! разсуждали бабы, нагнувшись надъ колоддемъ и съ усиліемъ вытягивая бадью съ водою.

— Эй! Ай потерялъ что? окликнула одна изъ нихъ, замѣтивъ движенія его взадъ и впередъ по улицѣ.

Монахъ вскинулъ на нихъ головою, и встрепенувшись, точно отъ сна пробужденный, удвоилъ шаги, поровнялся съ ними, приподнялъ шапку и молча прошелъ мимо.

— На богомолье знать.

— Изъ Москвы.

— Анъ въ Москву, говорили бабы, продолжая перебирать руками веревку и слѣдя глазами за монахомъ.

— Да, въ Москву, на богомолье! ворчалъ онъ про себя, не оборачивая головы и путаясь ногами въ длинномъ подрясникѣ.

XV.

Прошло нѣсколько недѣль. Въ небольшомъ помѣщичьемъ домикѣ деревеньки Аристовки, босыя деревенскія дѣвки мыли полы, выгребали и выносили золу изъ русской печки, подметали наколившійся давно на лѣстницѣ и на крыльцѣ соръ, встряхивали и разсматривали на свѣтъ какую-то одежу. Сама хозяйка возилась съ вертѣвшимися около нея дѣтьми: одна дѣвочка съ намазанными масломъ волосами и довольнымъ лицомъ отходила уже прочь, другая ожидала своей

очереди, а черномазый мальчишка только что еще попался въ руки заботливой матери; въ подставленную горсточку выпускала она широкою струей набранную въ ротъ воду и описывая этою горстью круги на лицѣ ребенка, какъ на гуттаперчевой куклѣ, сердилась, если слишкомъ загнувшійся носъ или вывороти вшаяся губа заставляли его дѣлать движенія тогда какъ ей съ надутыми и наполненными водою щеками и закричать на него не было никакой возможности.

Къ завтрашнему празднику желалось бы чтобы все было въ порядкѣ, прибрано и вымыто, но кому до праздника, а кому объ немъ и думать было некогда. Вонъ рядомъ, въ каморкѣ, за столомъ покрытымъ бумагами, сидитъ съ утра съ перомъ въ рукѣ почтенный іеромонахъ и трудится надъ заказаннымъ ему посланіемъ къ вологодскому архіерею Греку Аѳанасію Кондоиди, на счетъ дѣлаемыхъ имъ будто послабленій попавшему уже въ заключеніе въ Спасо-Каменный монастырь, Георгію Дашкову. Трудновато дается ему сочиненіе посланія; онъ то и дѣло вытираетъ рукавомъ себѣ лобъ, расчесываетъ пальцами жесткую бороду, отдувается. Шутка ли сколько вопросовъ сдѣлать надо? Не забыть бы чего, повторялъ онъ, перечитывая исписанные листы.

Іеромонахъ этотъ былъ тотъ самый съ которымъ бесѣдовалъ Миктеровъ. Послѣ бесѣды этой, опасаясь ея послѣдствій, онъ, притворившись спящимъ, обдумалъ что ему не остается ничего другаго какъ поскорѣе вернуться въ Москву и донести Ѳеофану Прокоповичу все что̀ ему извѣстно о воронежскомъ владыкѣ; надо было спѣшить, иначе фискалъ проклятый могъ предупредить!

Самому хозяину и владѣльцу деревни Аристовки, секретарю архіепископа Ѳеофана, Дудину, заботъ и трудовъ и того больше. Онъ, пріѣзжавшій обыкновенно къ обѣду домой, до сихъ поръ изъ своей канцеляріи урваться не можетъ: что̀ дѣлать? Время такое горячее, такія ужь подошли обстоятельства, Ѳеофанъ съ архіереями расправу свою поканчиваетъ. Упрятали его давняго противника Ѳеофилакта Лопатинскаго, и Игнатія Смолку упрятали, а сейчасъ вотъ привезли свѣдѣнія объ епископѣ казанскомъ, 80ти-лѣтнемъ Сильвестрѣ, будто бы онъ съ заключеннымъ тамъ этимъ самымъ архіереемъ Игнатіемъ Смолкою съ почтеніемъ обращается, называетъ его въ разговорѣ „владыко святой“; нашлись у него по розы-

ску какія-то тетради съ критикою на разныя распоряженія Ѳеофана, разсужденія о пріобрѣтеніи симъ послѣднимъ дорогихъ каретъ и золотыхъ возковъ на деньги вырученныя отъ продажи рухляди умершихъ архіереевъ, а тутъ самъ Сильвестръ на тамошняго губернатора, Волынскаго, жалуется. Волынскій де монастырскіе лѣса и земли отнимаетъ, въ монастырскихъ садахъ зайцевъ травитъ, люди его и солдаты прутьями, ботажьемъ, палками, кошками до полусмерти разныхъ духовнаго сана лицъ и слугъ архіерейскихъ бьютъ и гоняютъ, самъ онъ нѣкоторыхъ собственноручно за волосы таскаетъ, церковниковъ въ подушный окладъ записываетъ, псарные дворы на церковныхъ земляхъ заводитъ.... Какой сторонѣ вѣрить выгоднѣе? Какъ тутъ разбирать? Кого оправдывать? А хлопотъ-то, хлопотъ!

— Ну, покончилъ ли? говорилъ возвратившійся наконецъ измученный Дудинъ, входя въ тѣсное ломѣщеніе іеромонаха, и не обративъ вниманія на бросившихся было къ нему на встрѣчу дѣтей.

— Покончилъ? вотъ и ладно, ладно; не заламятовалъ ли чего? все ли выписалъ? прибавляетъ онъ, желая отвлечь нѣсколько вниманіе іеромонаха, и доставая тѣмъ временемъ незамѣтно изъ лежавшаго на окнѣ псалтыря давно приготовленную цидулочку, чтобы вложить ее секретно и бережно въ поданное ему письмо къ Кондоиди, — хорошо ли у тебя все здѣсь писано?

„Экъ, чего опасается!“ думаетъ между тѣмъ, смотря на маневръ этотъ, монахъ, давно прочитавшій секретную и скрываемую отъ него цидулку, въ которой Дудинъ просилъ секретаря Кондоиди купить ему вороную нѣмецкую кобылу для завода, обѣщая за то милосердіе „отъ высокихъ персонъ, о которыхъ объявлять здѣсь нужды нѣтъ, а можно и безъ объявленія о томъ вразумѣть“. „Экъ опасается! словно не вѣдаю я что и Аристовка-то вся съ продажи пожертвованныхъ лошадей, да свѣчей, да коровъ холмогорскихъ, да съ нашихъ же услугъ покупана!“

Но патронъ молчитъ; молчитъ и кліентъ.

— Ну, началъ наконецъ Дудинъ, запечатывая уже совсѣмъ готовое посланіе къ Кондоиди, — ну, о нечестивыхъ поступкахъ Ѳеофилакта Лопатинскаго, Игнатія и другихъ прочихъ противу преосвященнаго нашего владыки говорить многаго нечего; по дѣламъ своимъ и наказаніе достойное получили;

о судьбѣ же твоего воронежскаго знаешь ли? остановился онъ, смотря на стоявшаго предъ нимъ смиреннаго іеромонаха, — не вѣдаешь? Священническаго и монашескаго чина лишенъ, розыскиванъ и сосланъ въ Крестный монастырь, на островъ Бѣлаго моря, на неисходное заключеніе въ кельѣ, бремя тяжкое!

— Ахъ! да, да, бремя тяжкое! глубоко вздохнулъ монахъ.

— Чернилъ и бумаги давать не указано, не допускать никого близко къ нему, и въ церковь водить за карауломъ, вотъ какъ! продолжалъ Дудинъ.

„Аль тебѣ знать и еще кого пощупать понадобилось, что ты о семъ со мною заговариваешь,“ размышлялъ про себя монахъ.

— А-а-ахъ! бремя тяжкое! говорилъ онъ вслухъ, дѣлая печальную и покорную гримасу, въ изъявленіе совершенной готовности посодѣйствовать, на сколько силы его будетъ, еслибы кого дѣйствительно и еще „пощупать“ понадобилось.

— Писаніе сіе, началъ между тѣмъ опять Дудинъ, подавая запечатанный уже конвертъ, — вологодскому архіерею Кондоиди доставить надлежитъ. Гм! продолжалъ онъ, откашлянувшись и пристально глядя на своего собесѣдника,—о чемъ писано тамъ тебѣ гораздо вѣдомо; усердіе свое показалъ ты, правда, единожды, ну, а паки оное покажешь, награжденія удостоенъ будешь.

— Да, да, да, съ совершеннымъ смиреніемъ повторялъ монахъ.

— Счастіе себѣ обрѣсти человѣку гдѣ—никому сіе угадать не можно; тамъ его обрѣтешь гдѣ сего и не чаялъ, продолжалъ секретарь внушительнымъ тономъ; — что же я тебя по чести съ улицы тогда принялъ, и сего ты не забуди, слышь, не забуди!

„Да, вѣдаю, вѣдаю,“ думалъ монахъ, „ты ужь меня не учи, самъ дѣло сіе къ концу привести сумѣю; не оставленному же мнѣ архіерею служить теперь!“

И подлинно, учить его было нечего; не медля и не колеблясь, онъ отправился въ Спасо-Каменный монастырь, и тотчасъ по прибытіи потребовалъ чтобъ его допустили къ бывшему владыкѣ.

— Безвинно лишенъ я архіерейства, говорилъ Георгій Дашковъ, когда доложили ему о пріѣздѣ какого-то неизвѣстнаго и желающаго видѣть его іеромонаха, — стражду здѣсь занапрасно; сослали своя братія, а государыня того и не вѣдаетъ.

Вы, Жиды непотребные, продолжалъ онъ, обращаясь къ подходившему подъ его благословеніе новопріѣзжему, искоса поглядывавшему на Георгія, „не въ схиматическомъ образѣ сѣдяща“, — вы сказали мнѣ что монастырь *каменный*, ажно не монастырь, а люди въ немъ каменные.

И точно о каменную стѣну ударялись слова архипастыря; не обращая на нихъ никакого вниманія, знакомый намъ іеромонахъ, прямо изъ-подъ благословенія, приступаетъ къ обыску. Онъ находитъ подъ поломъ и четырнадцать дестей бумаги, и чернильницу, и завѣщаніе „схимника Гедеона“, то-есть Георгія Дашкова.

Уликъ набралось столько что можно приступить уже и къ слѣдствію. И точно, какъ только онъ возвратился въ Петербургъ, началась переборка и тасканіе людей изо всѣхъ концовъ Россіи, начались пытки. Привезли ярославскаго архимандрита Аарона, за то что онъ когда-то спрашивалъ про Георгія: „гдѣ-то онъ теперь?“ Привезли купца который покупалъ у Гедеона камку и серебро; привезли его служителей. Оказалось что у Георгія былъ братъ стольникомъ, были сестры въ Ярославлѣ, была племянница въ Казани,—всѣхъ потащили къ допросу. Архимандритъ Іесей, уличенный въ томъ что обходился дѣйствительно хорошо съ Гедеономъ, что кланялся ему, когда тотъ входилъ въ церковь, цѣловался съ нимъ въ руку, называлъ его въ разговорѣ „отецъ святой, честнѣйшій отче“ и уступалъ мѣсто на праздничныхъ обѣдахъ, былъ окончательно замученъ подъ пытками и умеръ въ синодальной колодничьей избѣ. Одного Кондоиди выручила только вороная нѣмецкая кобыла о которой писалъ ему Дудинъ: все это смастерилъ нашъ старый пріятель, такъ перепугавшійся было Миктерова.

— И не мнилъ я, разсуждалъ онъ самъ съ собою, возвращаясь съ докладомъ въ Москву и мечтая объ ожидающемъ его обѣщанномъ вознагражденіи,—не мнилъ я счастіе себѣ тогда обрѣсти отъ фискала.... Отъ фискала! повторялъ онъ, поднимая глаза къ небу. — Вреда себѣ, гибель свою чаялъ найти, анъ многословіе мое къ пользѣ мнѣ послужило! не объялъ бы меня страхъ, не открой себя тогда фискалъ — горче судьба моя и сихъ архіереевъ была бы; хворь его взяла въ тѣ поры, хворь, вотъ что, вспоминалъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ о давно прошедшемъ монахъ, а такъ-называемый фискалъ между тѣмъ мечталъ и вспоминалъ въ это время совершенно о другомъ.

XVI.

На дворѣ было холодно и грязно. Прошло уже лѣто и надвигалась осень, когда тотъ самый Миктеровъ котораго не такъ давно еще мы видѣли полнымъ силъ и здоровья, спасающимся изъ Москвы съ единственнымъ желаніемъ уйти какъ можно дальше отъ того города, возвращался туда же въ телѣжкѣ, худой и блѣдный, обросшій бородой и усами, въ бараньей шубѣ на плечахъ и теплой шапкѣ на головѣ.

Узнать его было трудно. Сильнѣйшая горячка, счастливо вынесенная имъ безъ всякаго медицинскаго пособія, благодаря только свѣжимъ силамъ и крѣпкому сложенію, оставила глубокіе слѣды на его лицѣ. Щеки вдавились, а слабые, угасшіе глаза напротивъ хотѣли какъ бы выскочить вонъ; скулы, съ натянувшеюся на нихъ кожей, выдавались впередъ; рѣзко, крупными полосами, обозначались на лбу жилы, волосъ на головѣ было мало; Миктеровъ сгорбился и точно постарѣлъ.

Въ крестьянской избѣ, куда бросила его судьба, за нимъ особенно ухаживали; избу очистили ото всѣхъ домашнихъ; никто не докучалъ ему распросами и разговорами; сумка, которую онъ еще разнемогаясь озаботился положить подъ голову, очутилась подъ ключомъ у хозяина и была ему принесена въ послѣдствіи, при выздоровленіи, самимъ старикомъ, съ нѣкоторымъ къ ней благоговѣніемъ. Миктеровъ развернулъ ее, счелъ деньги, посмотрѣлъ на вещи, все лежало такъ какъ будто бы до нихъ никто не дотрогивался. Онъ и желалъ бы даже иногда поговорить съ кѣмъ-нибудь, выразить, напримѣръ, добрымъ хозяевамъ благодарность за ихъ заботы о немъ, посидѣть съ ними, но его какъ-то сторонились, на него косились какъ на какое-нибудь пугало, и по всему замѣчалъ онъ что единственнымъ желаніемъ всѣхъ было скорѣе, скорѣе, только какъ можно, разстаться съ нимъ. Едва придя въ себя, Миктеровъ слышалъ уже какъ старикъ хозяинъ поговаривалъ о томъ что теперь можно бы сѣсть въ телѣжку и ѣхать куда лежитъ ему дорога, что дадутъ они пожалуй ему даже и лошадку, и проводятъ куда угодно. Чувствуя что его стараются сбыть съ рукъ, Миктеровъ рѣшился отправиться какъ только позволили ему силы. Онъ хотѣлъ подарить старику нѣсколько гривенъ на прощаньи, но тотъ замахалъ руками:

— Что̀ за деньги! Мы за ними не стоимъ, ступай съ Богомъ, съ Богомъ, говорили провожавшіе съ радостными лицами Миктерова крестьяне.

— Лихомъ насъ не поминай лишь! Слышь, лихомъ не поминай! кричали они, крестясь, когда наконецъ отъѣхавшая телѣжка увозила съ глазъ долой человѣка котораго они почитали фискаломъ.

На что̀ же разчитывалъ однако, на что̀ надѣялся Миктеровъ, возвращаясь теперь опять туда гдѣ могли такъ легко снова попасть на его слѣдъ и откуда на этотъ разъ можетъ-быть не такъ уже свободно удалось бы ему ускользнуть?

Прежде всего, думалъ Миктеровъ, трясясь на своей телѣжкѣ, въ Москву надо, осторожности ради, въѣхать въ сумерки, потомъ прямо къ Торбееву; пройти такъ чтобы прислуга его не примѣтила: статься можетъ и за нимъ надзираютъ; потомъ, если Торбеевъ ничего не будетъ въ состояніи сдѣлать, то самому попытать, а тамъ.... не вѣкъ же за нимъ присматривать будутъ; годъ, другой, хоть и въ кельѣ можно скоротать. „Я де узналъ случаемъ.... моя услуга вамъ тоже годиться можетъ.... доказывать на васъ де я не буду, зачѣмъ доказывать, а только выручите!“ разговаривалъ онъ самъ съ собою, какъ будто бы уже видѣлъ лицъ о которыхъ думалъ, и слышалъ ихъ возраженія.

И въ памяти его воскресала ночь, когда онъ, измученный и больной, слушалъ разказы монаха; онъ напизывалъ одну за другою всѣ мельчайшія подробности этого разказа. Воображеніе рисовало ему цѣлый планъ дѣйствій.

Не доѣзжая заставы, Миктеровъ оставилъ телѣгу и пошелъ пѣшкомъ. Смеркалось. Домъ гдѣ жилъ Торбеевъ отстоялъ далеко отъ Серпуховской заставы; зажгли уже огни, когда онъ подходилъ къ нему. Въ окнѣ на которомъ стоялъ какой-то крашеный попугай и ставни котораго не были еще закрыты, мелькнула незнакомая фигура, заставившая его пріостановиться. Кто бы такое могъ быть? Обычаи Торбеевыхъ были хорошо извѣстны Миктерову, онъ подошелъ прямо къ никогда не запиравшейся калиткѣ; войдя въ нее, можно было, не видавъ никого изъ прислуги, постучать въ окно самого Торбеева, который и открылъ бы дверь; но калитка была заперта; онъ налегъ на нее плечомъ, она не подавалась. Обстоятельство это и фигура видѣнная сейчасъ въ окно смутили нѣсколько Миктерова, онъ хотѣлъ было и отойти, когда на дворѣ послыша-

лись наконецъ чьи-то шаги, заскрипѣлъ запоръ, и предъ нимъ очутилась совершенно неизвѣстная ему и крайне непріятная фигура какого-то человѣка въ синемъ толстаго сукна кафтанѣ, изъ-подъ котораго выглядывалъ длинный, засаленный и истертый жилетъ.

Незнакомецъ приложилъ руку къ бровямъ, будто заслоняясь отъ свѣта, и прищуривъ свои маленькіе, сѣрые глаза, всматривался въ посѣтителя. Тонкія губы его, обрюзглое, но молодое еще лицо, жидкіе бѣлокурые волосы, плоско лежавшіе на головѣ, непріятно поразили Миктерова, и когда незнакомецъ какимъ-то дребезжащимъ голосомъ спросилъ его: кого ему нужно? Миктеровъ ничего не отвѣчалъ.

— Кто такой? повторилъ тогда первый тѣмъ же дребезжащимъ голосомъ, подвинувшись нѣсколько впередъ.

Миктеровъ посмотрѣлъ еще на эти сѣрые, бѣгающіе, не останавливающіеся ни на чемъ глаза, и сдѣлалось ему страшно; ему захотѣлось поскорѣе уйти и главное не называть этому, стоявшему предъ нимъ человѣку не только себя, но и Торбеева.

— Знать не туда я попалъ, кто стоитъ нынѣ здѣсь? говорилъ онъ, переминаясь съ ноги на ногу и готовясь отойти отъ калитки.

— Стой, стой! я хозяина тотчасъ покличу; Кондратичъ, Кондратичъ! засуетился вдругъ незнакомецъ, идя на встрѣчу и тихо говоря что-то, показавшемуся на крыльцѣ высокаго роста мущинѣ.

Миктеровъ смутился не на шутку; онъ не зналъ что̀ дѣлать. Уйти не дожидаясь новыхъ вопросовъ этого Кондратича, могло показаться подозрительнымъ, оставшись же, надо было отвѣчать что-нибудь положительное, а что̀ именно? Застигнутый врасплохъ, придумать такъ скоро отвѣтовъ онъ не могъ.

— Кого спрашиваешь? Откуда идешь? отнесся между тѣмъ къ нему успѣвшій уже подойти Кондратичъ.

— Откуда? издалече, собравшись наконецъ съ духомъ сказалъ Миктеровъ.

Новая представшая предъ нимъ фигура смущала его не менѣе прежней. Худой, сгорбленный смотрѣлъ Кондратичъ уже не заслоняясь рукой, прямо ему въ лицо, и серіозными глазами своими насквозь его пронизывалъ. Надо было скорѣе развязаться и уйти.

— Чего оглядываете-то меня, словно вора? Чей дворъ-отъ, говорите? сказалъ Миктеровъ, принимая рѣшительный тонъ.

— Дворъ-отъ чей? повторилъ, продолжая всматриваться въ него и растягивая каждое слово, Кондратичъ,—дворъ-отъ мой.

Миктеровъ замѣтилъ что стоявшій теперь позади, первый вышедшій къ нему незнакомецъ подергивалъ при этихъ словахъ Кондратича за полы его нанковаго халата.

— Да ты-то кто? спросилъ онъ.

— Я-то? повторилъ опять въ растяжку Кондратичъ.

— Ну, да.

— Я-то кто?

— А когда не хотите отвѣтствовать, не надо! и Миктеровъ крупнымъ шагомъ отошелъ отъ калитки, которая за нимъ тотчасъ же и захлопнулась.

Перейдя на другую сторону улицы и оглянувшись назадъ, онъ не видалъ уже никого, только въ освѣщенномъ окнѣ мелькнула опять чья-то тѣнь. Непріятная сцена, затруднительное положеніе изъ котораго онъ только что вышелъ, неокрѣпшія еще отъ болѣзни силы, а главное, неудачные поиски Торбеева, все это сильно разстроило его. Онъ шелъ безсознательно по темнымъ улицамъ Москвы, не зная куда идетъ, гдѣ остановится, что̀ предприметъ, и чѣмъ больше думалъ, тѣмъ состояніе его казалось ему безотраднѣе. Какое-то даже равнодушіе стало мало-по-малу нападать на него. Медленно вскидывалъ онъ голову на проходившихъ и встрѣчавшихся съ нимъ лицъ, и то что̀ еще такъ недавно казалось ему возможнымъ, всѣ мысли, всѣ планы которыми онъ лелѣялъ себя въ продолженіи своего выздоровленія, для которыхъ онъ пріѣхалъ и къ которымъ такъ стремился, все это представлялось ему теперь построеннымъ на пескѣ и ни къ чему не ведущимъ.

Для того чтобы добыть монашеское платье, въ которомъ можно было бы ходить свободно по Россіи, стоило ли возвращаться въ Москву? Не безумство ли идти въ монахи для того только чтобы надѣть монашеское платье? Возможно ли быть доносчикомъ человѣку который и самъ страдалъ отъ доноса? Онъ шелъ по улицѣ, думая уже о томъ гдѣ бы пристать на ночь и какъ бы на другой день скрыться опять изъ Москвы? Онъ прилегъ между телѣгами, сдвинутыми на какомъ-то пустырѣ, и провелъ тамъ ночь, въ твердой рѣшимости на этотъ разъ добраться на послѣднія свои деньги до отцовской деревеньки.

XVII.

Въ трудныя минуты жизни нѣтъ лучше воспоминаній какъ воспоминанія дѣтства. Перенося человѣка въ безпечальное время юности, они заставляютъ его забывать настоящее и, лаская воображеніе своими свѣжими, безхитростными картинами, наполняютъ душу облегчающимъ и тихимъ спокойствіемъ. Лелѣемый этими мечтами, Миктеровъ помаленьку подвигался по Можайкѣ то пѣшкомъ, то присаживаясь на телѣгу какого-нибудь попутчика.

Время было раннее, когда онъ достигъ Можайска; въ небольшой деревянной церкви, стоявшей при самомъ въѣздѣ въ городъ, благовѣстили; двери были открыты; Миктерову захотѣлось помолиться. Уговорившись съ мужичкомъ который довезъ его о томъ гдѣ имъ сойтись, онъ снялъ на прощаніи съ нимъ шапку и вошелъ въ церковь.

Обѣдня уже кончилась, но изъ алтаря, съ дымящимся кадиломъ въ рукахъ, выходилъ въ это время священникъ и, становясь къ окруженному тремя свѣчами гробу, начиналъ лаптихиду. Народъ расходился; церковь мало-по-малу опустѣла; осталась только кучка нищихъ у входа, двѣ женщины, какъ видно родственницы покойницы, нѣсколько старухъ по стѣнамъ, да Миктеровъ, подошедшій довольно близко къ амвону и рѣшившійся, съ тогдашнею толстою къ верху и тонкою къ низу свѣчей въ рукѣ, простоять лаптихиду.

Съ великолѣпіемъ похоронныхъ процессій были уже въ то время знакомы. Существовалъ обычай: предъ выносомъ разносить вино и сладости, раздавать присутствующимъ бѣлыя перчатки и кольца съ вырѣзаннымъ иногда именемъ покойнаго; были и факельщики, и катафалки, и богатѣйшіе покровы, и прощанія слугъ и родственниковъ, и обѣдъ, и поминки. Но все это доступно было людямъ богатымъ; похороны же на которыя попалъ случайно Миктеровъ были далеко не таковы. Простой, некрашеный, сосновый гробъ, въ которомъ лежала женщина уже старая, съ повязанною платкомъ головой, былъ покрытъ бѣднымъ церковнымъ покровомъ; не было ни траурныхъ платьевъ, ни катафалка; заупывно пѣлъ на клиросѣ одинъ только дьячокъ похоронную службу.

Съ самаго начала вниманіе Миктерова обратила на себя

одна изъ стоявшихъ около покойницы женщинъ. Красивое лицо ея, обрамленное накинутымъ на голову платкомъ, концы котораго были спрятаны подъ шубкой, безжизненностью и блѣдностью своею поразило бы всякаго. Вся фигура ея, скрытая и обезображенная длинною шубкой съ высокою таліей, представлялась чѣмъ-то неподвижнымъ и не гармонировала съ молодыми чертами ея лица. Казалось что стояла она тутъ не потому что лежавшая въ гробу старуха была ей мать, что въ матери этой она потеряла все свое счастіе, но что ее привели сюда насильно и поставили съ тѣмъ только чтобъ она не трогалась съ мѣста. Когда наступила минута послѣдняго цѣлованія, когда простился священникъ, простилась, причитая въ голосъ, и старушка находившаяся по ту сторону гроба, дочь покойницы продолжала стоять неподвижно, точно будто ей тутъ и дѣлать было нечего. Когда же старушка, замолкнувъ на время, подошла къ ней и, подведя ее за руку къ гробу, въ ухо и нѣсколько разъ повторила: „поклонись Маша, поклонись свѣтъ мой!“ Маша нагнулась надъ умершею, но пролежала бы такъ Богъ знаетъ сколько времени, еслибы вышедшій наконецъ изъ алтаря священникъ не попросилъ ее встать и еслибы тоже насильно не отвела ее въ сторону отъ гроба та же старушка родственница, продолжая рыдать и голосить попрежнему.

Миктеровъ подошелъ также проститься съ покойницей, онъ заглянулъ въ лицо Машѣ,—ни одной слезинки не было замѣтно въ ея глазахъ; но когда безстрастные глаза эти взглянули на него и остановились, онъ понялъ что безстрастность эта была только выраженіемъ глубокой, безотрадной скорби, и чувствовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ что при всей своей безстрастности, глаза эти глядѣли такъ что становилось даже жутко. Вышедши изъ церкви вмѣстѣ со всѣми, Миктеровъ невольно послѣдовалъ на кладбище, помогая нести гробъ могильщикамъ и не выпуская изъ виду дѣвушки, которая за общимъ движеніемъ какъ-то неестественно вдругъ засуетилась, что-то искала на полу, осматривалась вокругъ, шла не въ ту сторону куда надо было идти.

Пропѣли литію, опустили гробъ на холстахъ въ могилу, прозвучала на гробовой крышкѣ брошенная сверху, промерзшая, комковатая земля, замолкли голоса,—все было кончено.

— Охъ родимый! заговорила старуха родственница, обращаясь къ Миктерову, — Богъ тебя въ томъ не оставитъ что

за сироткой присмотрѣлъ; помянуть къ намъ покойницу милости просимъ, чѣмъ Богъ послалъ! Помяните, помяните; продолжала она, окруженная нищею братіей съ протянутыми впередъ руками и раздавая изъ небольшаго мѣшечка мѣдныя деньги,—чѣмъ Богъ послалъ помяните!

Всѣ тронулись съ кладбища.

Домъ въ который, вслѣдъ за хозяевами, вступилъ Миктеровъ, отличался отъ простой избы развѣ только тѣмъ что состоялъ изъ двухъ комнатъ, что бревенчатыя стѣны его были внутри и снаружи обтесаны и что надъ русскою печью, стоявшею посрединѣ, выведена была труба.

Въ углу между двумя лавками, около накрытаго стола хлопотали какія-то женщины, сосѣдки старухи родственницы, тотчасъ же при появленіи послѣдней передавшія ей, какъ хозяйкѣ, всѣ заботы по угощенію, и сдѣлавшіяся гостями. Все было впрочемъ уже готово: пирогъ, блины, лепешки, жаркое стояли на своихъ мѣстахъ.

Миктеровъ, какъ лицо никому не знакомое, долженъ былъ, несмотря на свой нисколько не подходящій костюмъ, назваться гостямъ дворянскимъ сыномъ Торбеевымъ, возвращающимся по болѣзни со службы въ Смоленскъ, къ отцу, а хозяйкѣ, на постоянный вопросъ ея: „какъ звать-то тебя родимый?“ сказалъ имя Иванъ и отчество Ивановичъ.

Скоро явился священникъ съ причтомъ, и закуска началась.

По мѣрѣ подносимаго гостямъ вина, разговоръ оживлялся; хозяйка сновала изъ угла въ уголъ съ угощеніями; Маши не было, и Миктеровъ, пользуясь ея отсутствіемъ, старался разузнать: гдѣ и съ кѣмъ онъ находился.

Оказалось что покойница была жена приказнаго Тишина, уѣхавшаго въ Москву уже давно, что Маша была дочь ея, а распоряжавшаяся старушка, родная сестра мужа покойницы, слѣдовательно Машина тетка. Словоохотливая съ раскраснѣвшимся лицомъ гостья, къ которой адресовался Миктеровъ, такъ и сыпала разными подробностями.

— Умерла, царство небесное, скончалася, говорила она, вздыхая,—Божья воля, Божья! Однако жить имъ все-таки можно; не то что Груздеву мы намедни провожали; то-то Господи, горя-то! Шестеро ребятъ, одна коровенка, домишка гнилой, а она покойница баба была.... ухъ какая баба! поводила глазами гостья, не обращая вниманія на то что о Груздевой Мик-

теровъ не имѣлъ никакого понятія, и продолжая свою болтовню.

— Эти люди не бѣдные, можно сказать съ достаткомъ; Машѣ-то женіховъ не одинъ сыщется, дѣвка хоть куда! Отецъ только крутенекъ, ну да службу тоже имѣетъ, почесть за рѣдкость съ ними живетъ, а сестрица его, скажу тебѣ милый человѣкъ, сестрица.....

Но на этомъ словѣ разговоръ прервался; въ сосѣдней комнатѣ послышалось вдругъ какое-то движеніе, истерическія рыданія. Всѣ вскочили съ мѣстъ и бросились туда.

На лавкѣ, возлѣ окна, закинувъ голову назадъ, сидѣла Маша, какъ была, въ той самой шубкѣ и платкѣ въ которыхъ воротилась съ похоронъ. Глаза ея закатились, лицо судорожно передергивалось.

Остановившіяся на порогѣ сосѣдки всплеснули руками.

— Помретъ! Батюшки свѣты, помретъ,—другая покойница!

Старуха тетка подошла было къ Машѣ, но залилась только слезами и, раскачиваясь всѣмъ тѣломъ, закричала: „сердечная, охъ сердечная, очнись!“ и тоже ни съ мѣста.

Впередъ вышелъ наконецъ Миктеровъ.

— Шубку надо скинуть, платокъ! сказалъ онъ, и всѣ, точно того только и ждали, принялись ему помогать.

Между тѣмъ, оставшійся въ первой комнатѣ священникъ съ причтомъ продолжалъ закусывать, но наконецъ соскучившись сидѣть одинъ, онъ сталъ звать гостей къ себѣ.

— Что вы тамъ? Чего смотрѣть пошли? Она убивается, а вы дуры смотрите. Ну что тамъ? трапезу всѣ покинули.

— Господи свѣты! страсть какая! Напужала какъ! охали, возвращаясь на голосъ священника, гостьи.

— Ну чего? Всѣ мы подъ Богомъ живемъ и всѣ умремъ. Вси бо не успѣемъ вси же измѣнимся. Садись, Перфильевна! говорилъ священникъ, закусывая свернутымъ блиномъ выпитый стаканъ вина;—садись-ка; пирогомъ-то дьячка попроси; да сама-то ты? аль не пьешь? Савельевна, куда? продолжалъ онъ, устанавливая такимъ образомъ снова нарушившійся было порядокъ закуски.

А Миктеровъ распоряжался въ это время съ своею паціенткой отлично. Облегчивъ отъ лишней одежды и давъ напиться воды, онъ успокоилъ ее; рыданія скоро прекратились, потекли обильныя слезы, и Маша очнулась.

— Словно я тебя гдѣ видѣла, слабымъ голосомъ заговори-

ла она, смотря пристально на Миктерова и стыдливо поправляя распахнувшуюся было одежду.—Спасибо вамъ. Присядте со мной, посидите. Я туда не пойду.

Но старуха тетка, хотя очень благодарная своему едва знакомому гостю за его услуги, не желала однако чтобъ онъ оставался наединѣ съ дѣвушкой. Нѣсколько разъ, вырываясь отъ остальныхъ своихъ гостей, прибѣгала она просить Машу выдти, просила и Миктерова не обижать ее старуху, не отказываться чего-нибудь откушать, но всякій разъ второпяхъ возвращалась назадъ, не успѣвая уговорить ни того, ни другую.

Приближались уже сумерки, закусывавшіе гости разгулялись уже изрядно.

— Ну, вбѣжала наконецъ старуха-тетка,—воля ваша, поклонъ тебѣ низкій.... она у меня невѣста, дѣвка молодая.... а за виномъ люди тамъ говорить стали....

Миктеровъ, не дослушавъ даже старухи, взялся за шапку и сталъ прощаться.

— Не пойду я, разгорячилась вдругъ Маша,—мочи моей нѣтъ, не пойду!

— Охъ сердечная, сердечная, да вѣдь люди, не я.... Охъ, да какъ же быть-то мнѣ.... пособи ты мнѣ, батюшка! замоталась тетка между племянницей и гостемъ!

— Не пойду, все едино не пойду, продолжала Маша.

Миктеровъ вышелъ.

Пройдя мимо полульяной компаніи и возвратясь на постоялый дворъ, гдѣ ожидалъ его мужикъ съ подводой, Миктеровъ задумался. Висѣвшіе надъ нимъ опасности, причина его бѣгства изъ Москвы, все это снова полѣзло ему въ голову. Мрачно какъ ночь стояло за нимъ прошедшее, безотрадное, вдали видѣлось будущее, но посреди этого, ни съ того, ни съ сего, свѣтились вдругъ довѣрчиво смотрѣвшіе на него глаза Маши, ему видѣлось и лице ея, и станъ, и эта бѣлая рука судорожно за него хватавшаяся.

— До отца бы добраться скорѣе! усиленно и настойчиво думалъ онъ, но рядомъ возникалъ вопросъ: что Маша? такъ ли съ нимъ, какъ съ другими, или онъ какъ-нибудь особенно приглянулся ей, и она объ немъ теперь также думаетъ?

— Что жь родимый? По дорожному? встрѣтила на другой день Миктерова старуха-тетка, увидавъ подъѣхавшую къ нимъ телѣгу.

— По дорожному, по дорожному, говорилъ Миктеровъ, не входя даже въ домъ. — Проститься заѣхалъ.

— Уѣдешь теперь, только мы тебя и видѣли! Заживемъ съ Машей сиротами, никто-то къ намъ съ нею и не навѣдается.

— А отецъ-то развѣ не пожалуетъ? спросилъ разсѣянно Миктеровъ.

— И! Гдѣ отецъ? заговорила старуха, онъ человѣкъ приказный, пришлетъ нѣшто поклонъ съ своимъ Гвоздевымъ, да и тотъ не такъ давно былъ; когда онъ былъ-то Маша?

— Знать съ недѣлю былъ, отвѣтила Маша нехотя.

— Ну прощайте, раскланивался Миктеровъ, переминаясь съ ноги на ногу и точно ожидая чего-то, — прощайте.

— Прощай, батюшка, прощай! говорила остановившись въ дверяхъ тетка, кланяясь ему низко,—не забывай насъ, помни!

— Остались бы, проговорила Маша, посмотрѣвъ ему въ глаза и уперевъ руку въ дверной косякъ, — остались бы, повторила она тише и опуская свой взоръ.

И Миктеровъ вздохнулъ свободно. Вотъ отвѣтъ на тотъ вопросъ который онъ предлагалъ себѣ вчера!

Отъѣхавъ нѣсколько шаговъ отъ крыльца и обернувшись, онъ увидѣлъ Машу одну, стоявшую подперши голову ладонью и грустно смотрѣвшую ему вслѣдъ.

Но мужичонка погонялъ свою лошадку, и она помаленьку плелась рысцой по схваченной морозомъ дорогѣ. Отъ смиренной семьи Тишиныхъ мысли Миктерова стали переноситься къ родному крову.

БУЛКИНЪ.

(*До слѣдующаго №.*)

ДВА ЭПИЗОДА
ИЗЪ
ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II*

Эпизодъ второй.

IV.

Приступая къ печатанію переписки Екатерины II съ барономъ Черкасовымъ, считаемъ полезнымъ указать характеръ ихъ письменныхъ отношеній.

Тѣ немногія особы которымъ намъ случалось давать на прочтеніе сборникъ заключающій эту корреспонденцію наиболѣе изумлялись обнаруживающейся въ ней неутомимой дѣятельности Екатерины II, и приходили въ восхищеніе отъ непринужденно-веселаго тона и игривости ума, преобладающихъ въ ея письмахъ.

Прозорливое вниманіе, съ которымъ великая государыня при этомъ случаѣ вникала въ малѣйшія подробности, и часто заранѣе предугадывала ихъ, объясняется прежде всего тѣмъ что дѣло шло о женитьбѣ ея единственнаго сына и наслѣдника престола, и что, слѣдовательно, самый предметъ переписки былъ близокъ ея сердцу. Принявъ это въ соображеніе, нельзя и удивляться тому что получивъ первое донесеніе Черкасова за завтракомъ, Екатерина II сейчасъ же пошла въ кабинетъ и отвѣтила ему (№ IV), не преминувъ при семъ случаѣ похва-

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1, 2, 3 и 9.

литься *исправностью* (cela s'appelle, je crois, en tout pays être exacte) и что другой разъ, отвѣчая на множество возникшихъ въ Ревелѣ вопросовъ (№ V), ободряла его продолжать обращаться съ ними къ ней, предупреждая его что отвѣты и величайшая точность ей *ничего не стоятъ* (les réponses ne me coûtent rien et je vous satisferai avec exactitude).

Не забудемъ также что въ 1773 году Россія далеко не была такъ обширна какъ въ послѣдствіи времени, и чуть ли не вполовину меньше противъ теперешней Россіи,—такъ что у Екатерины II было тогда менѣе правительственныхъ заботъ чѣмъ подъ конецъ ея царствованія, и что внутри государства весна и лѣто 1773 года обошлись спокойно, хотя военныя наши силы были въ напряженіи противъ Турціи, а дипломатическія заняты Польшей.

Самый образъ жизни того времени благопріятствовалъ письменному обмѣну мыслей, которому, при далеко не высокой степени образованія и лѣни большинства высшаго сословія, предавались съ наслажденіемъ только тѣ личности которыя по уму своему и начитанности выступали изъ ряда обыкновенныхъ.

Тогдашній способъ распредѣленія дня былъ самый здоровый и вполнѣ гигіеническій. Вечернія собранія оканчивались въ 10, много въ 11 часовъ; всѣ ложились до полуночи и вставали рано. Екатерина II вставала очень рано. Изъ десяти записочекъ ея къ барону Черкасову, приведенныхъ въ предшествующемъ нашемъ очеркѣ и написанныхъ вслѣдъ за привитіемъ ей оспы, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1768 года, видно, по сдѣланнымъ на нихъ помѣткамъ, что въ это время она иногда вставала въ 6 часовъ (№ I); что изъ числа этихъ записочекъ одна написана была въ 7 часовъ утра (№ IX), три въ 7¾ часа (№№ III, VI и VII) и три въ 8 часовъ (№ II, IV и VIII); а по письмамъ адресованнымъ ему же Екатериной II въ 1773 году, видно что *только одно* изъ нихъ, касавшееся вопроса особенно спѣшнаго (№ XXV), написано было послѣ обѣда, въ 5 часовъ пополудни; другія же отъ 8 до 10 часовъ утра (дополненія къ инструкціи данной Черкасову, № II и №№ XXIII и XXVI) и, наконецъ одно, — какъ выше было замѣчено, — *послѣ завтрака* (№ IV); объ остальныхъ же, хотя на нихъ нѣтъ опредѣлительныхъ помѣтокъ, всѣ сколько-нибудь знающіе образъ жизни Екатерины II непремѣнно заключатъ что они также были написаны поутру.

Вставая рано, она и успѣвала дѣлать много, тѣмъ болѣе что всякое дѣло скоро понимала и очень легко выражалась письменно. Дорожа утренними часами и всегда употребляя ихъ съ пользою, Екатерина II всю жизнь свою какъ бы сознавала справедливость старинной поговорки, которая помѣщена въ заголовкѣ настоящаго труда нашего и которую ей вѣроятно часто твердили въ Германіи, въ эпоху ея дѣтства: Morgen Stund hat Gold im Mund (утренній часъ, золотой часъ). Но, съ другой стороны, привычка къ чрезвычайной дѣятельности и свойственная свѣтлому уму Екатерины II быстрота изложенія мыслей на бумагѣ до такой степени поражали даже величайшихъ ея современниковъ что Вольтеру чудилось будто сутки имѣютъ въ Петербургѣ *болѣе 24 часовъ*....

Что же касается собственно до тона переписки съ Черкасовымъ, то отличительная черта его полнѣйшее взаимное довѣріе, и, какъ послѣдствіе частыхъ вечернихъ бесѣдъ въ интимномъ кругу, постоянное состязаніе въ остроуміи, при замѣчательной непринужденности, даже въ извѣстной степени фамиліарности выраженій.

Письма Екатерины II къ Черкасову принадлежатъ именно къ разряду тѣхъ произведеній ея пера которыя П. К. Щебальскій такъ удачно опредѣлилъ, сказавъ что читая ихъ, понимаешь то обаяніе которое это государыня распространяла вокругъ себя *независимо отъ своего сана*.

Екатерина II отправила Черкасова въ Ревель не только для того чтобъ оказать тѣмъ особенное вниманіе ландграфинѣ Дармштадтской и обставить ея путешествіе до С.-Петербурга всѣми возможными удобствами (пун. 5, 6 и 9 его инструкціи); но и съ тѣмъ чтобы внушить этой владѣтельной особѣ сколь ей будетъ полезно, по прибытіи въ С.-Петербургъ, во всемъ вести себя согласно совѣтамъ самой императрицы и не слушать ничьихъ посторонніхъ нашептываній, особенно же наставленій графа Н. И. Панина и прусскаго посланника, графа Сольмса. Порученіе данное Черкасову Екатерина окончательно объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Mon désir est que la Landgrave réunisse les esprits, loin de les diviser. *Voilà Votre tâche*“.... (Секретнѣйшая приписка къ той же инструкціи и письма №№ VIII и XVI).

Независимо отъ этого, давнишнее довѣріе свое къ Черкасову, Екатерина II подтверждаетъ въ первомъ же письмѣ, адресованномъ ему изъ Царскаго Сёла въ Ревель, гдѣ выра-

жаетъ надежду что вмѣстѣ съ Ребиндеромъ, онъ *подвинетъ дѣло согласно ея желаніямъ* (acheminera encore les choses selon mes désirs) и прибавляетъ: „Я вамъ совѣтую быть весьма учтиву, но безъ излишества; un homme sensé sait trouver en tout un juste milieu, et vous êtes sensé.... Votre lettre est bien écrite; continuez de m'en ecrire comme vous avez commencé; j'en suis très contente....“ * Въ послѣдствіи же времени (№№ V и XII) императрица пишетъ Черкасову: „Я вами столь же довольна, какъ и вы мною.“ („Je suis aussi contente de vous que vous l'êtes de moi“) и поощряетъ его обращаться къ ней со всякими вопросами, которые могутъ быть внушены ему благонамѣренностью его и преданностью къ ней, прибавляя что это дѣло не первое, сколько-нибудь запутанное, изъ котораго ей удалось выйти съ честью и удовольствіемъ. (Continuez à me faire des questions autant que vous voudrez; cela ne m'ennuiera pas; je suis accoutumée à répondre et je connais vos bonnes intentions et sais que vous m'êtes fidèle. Ceci n'est par la première affaire compliquée, de laquelle je suis sortie avec honneur et satisfaction.) Письмо № XXIII Екатерина II оканчиваетъ слѣдующею припиской: „На тебѣ въ награжденіе за добрыя вѣсти англійскія газеты“; а предпослѣднее письмо свое (№ XXVI) словами: „Je suis très contente de vous, parceque j'ai de vos lettres et que tous le reste va bien.“ Разъ только, въ продолженіи этой переписки, Екатерина II разсердилась, получивъ эстафету, которую ревельскій почтмейстеръ Гофманъ отправилъ вице-канцлеру прежде эстафеты Черкасова императрицѣ, о томъ что 11го іюня ландграфиня Дармштадтская со всею свитой своею отправилась изъ Ревеля въ С.-Петербургъ. Однакожъ и тутъ неудовольствіе выражено чрезвычайно мягко и умѣренно (№ XXV). Но получивъ два часа спустя эстафету Черкасова, а на другой день и донесеніе отправленное имъ съ дороги (ночлегъ на мызѣ Колкъ, у графа Стенбока), Екатерина II спѣшитъ извиниться, обвиняетъ себя въ живости, оправдывается, расхваливаетъ Черкасова, сообщаетъ ему пріятныя извѣстія и дѣлаетъ все это съ самою обворожительною женственностью, причемъ остатокъ гнѣва ея обрушивает-

* Толковый человѣкъ всему знаетъ мѣру, а вы толковы.... Ваше письмо хорошо написано; я имъ очень довольна; продолжайте какъ вы начали.

ся (впрочемъ, весьма невиннымъ образомъ и только въ письмѣ Черкасову) на ревельскаго почмейстера, въ которомъ она признала услужливаго дурака, но который, поступая вторично такимъ образомъ, въ сущности (и симптомъ этотъ для нашего повѣствованія очень знаменателенъ) старался вредить барону Черкасову и тѣмъ угодить своему начальнику, а его *врагу*, графу Н. И. Панину. * Дѣйствительно, Гофманъ уже предъ тѣмъ осмѣлился однажды задержать письмо Черкасова, такъ что императрица получила его довольно поздно (№№ XII, XIV и XIX). Даже принца Голштейнъ-Бекскаго можно заподозрить въ томъ что онъ изъ угодливости къ Панину ложно отрапортовалъ императрицѣ будто всѣ почники окончены въ Екатерингальскомъ дворцѣ и чрезъ это сталъ въ противорѣчіе съ Черкасовымъ (№ X и XI).

Касательно всеподданнѣйшихъ донесеній Черкасова, мы прежде всего повторимъ сказанное въ XII главѣ предшествующей нашей статьи:** въ вопросахъ второстепенныхъ, не имѣвшихъ дѣйствительнаго государственнаго значенія, онъ не позволялъ себѣ ни малѣйшихъ возраженій. Онъ вполнѣ покорялся монаршей волѣ и не настаивалъ ни на одномъ изъ тѣхъ ходатайствъ или предположеній которыя Екатерина II отвергала или исполненіе которыхъ она отлагала до иного времени (№№ IX, XII — XIV и XIX). Полную вѣру свою въ ея къ нему расположеніе и всю свою благоговѣйную, безграничную къ ней приверженность высказалъ онъ не обинуясь, съ перваго раза, когда, только-что прибывъ въ Ревель, слѣдующимъ образомъ закончилъ свое письмо къ императрицѣ: „Я уже забываю что пишу своей государынѣ, но вы такъ милостивы ко мнѣ, и я такъ откровенъ что не удивительно если я порой не вполнѣ соразмѣряю свои выраженія. Дѣлайте мнѣ замѣчанія, когда я ихъ заслуживаю.... но не какъ августѣйшая повелительница!... Какъ я счастливъ что служу такой императрицѣ какъ вы, я бы никуда не годился въ службѣ иного государя, ибо гдѣ найти вамъ подобныхъ? Говорю это чистосердечно и радуюсь тому что искренность моя для васъ несомнѣнна!“ (№ III). Вслѣдъ за симъ Черкасовъ, 19го

---

* Почтовое вѣдомство было подчинено тогда и еще при князѣ Безбородкѣ, въ царствованіе Павла I, президенту государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

** *Русскій Вѣстникъ* за мартъ мѣсяцъ сего года.

мая, писалъ Екатеринѣ II: „Я вполнѣ счастливъ что мои письма удостоиваются одобренія вашего императорскаго величества“ (№ VI); а 25го мая: „Простите, всемилостивѣйшая государыня, если я докучаю вамъ своими вопросами и сочтите эту дерзость мою за доказательство моего живѣйшаго желанія сослужить вамъ вѣрную службу“ (№ IX); наконецъ, 1го іюня онъ напоминалъ государынѣ что давно привыкъ ничего не скрывать отъ нея, и что поэтому ему тѣмъ легче будетъ вполнѣ откровенно описать ей то впечатлѣніе которое на него произведутъ принцессы Дармштадтскія“ (№ XIII); а въ приписке (PS) къ донесенію своему отъ 4го числа того же мѣсяца (№ XVIII) выразился слѣдующимъ образомъ: „Осмѣливаюсь снова увѣрить ваше императорское величество что я сдѣлаю все отъ меня зависящее, для того чтобы во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительно исполнить ваши приказанія. Но еслибы послѣдовала неудача, то ужь пеняйте сами на себя, всемилостивѣйшая государыня, за то что изволили выбрать человѣка неловкаго (un maladroit) для выполненія такого порученія!... Я только то знаю что вамъ нравится лишь доброе и честное.“ (Je sais que ce qui vous plait est bon et honnête).

Вообще бо́льшая часть донесеній Черкасова напоминаетъ письмо написанное Екатеринѣ II Вольтеромъ изъ Ферне, 26го февраля 1769 года, гдѣ между прочимъ сказано:

„Je suis un vieux malade de 75 ans, je radote, peut-être, mais je vous dis au moins ce que je pense, et cela est assez rare, quand on parle à des personnes de Votre rang. La Majesté Impériale disparait sur mon papier *devant la personne. Mon enthousiasme l'emporte sur mon profond respect.*“ *

Ограничимся указаніемъ въ корреспонденціи Екатерины II съ барономъ Черкасовымъ на №№ X — XIV, XVII и XIX, какъ на письма самыя остроумныя, не подвергая ихъ разбору, дабы предварительнымъ анализомъ не лишить ихъ интереса для читателя.

Вообще вся эта переписка подтверждаетъ сказанное княгинеей Дашковой объ Екатеринѣ (стр. 77 и 286 ея *Записокъ*):

* „Я больной 75тилѣтній старецъ. Я, быть-можетъ, пишу вздоръ; но по крайней мѣрѣ я вамъ говорю то что̀ думаю; а это дѣлаютъ довольно рѣдко, когда обращаются къ лицамъ вашего сана. Я забываю объ императорскомъ величествѣ, когда занятъ единственно вашею особой. Мой энтузіазмъ превосходитъ мое глубокое высокопочитаніе.“

„Никто не обладалъ въ равной степени съ Екатериною быстротою ума, неистощимымъ разнообразіемъ его источниковъ, и главнѣе всего, прелестью манеры и умѣньемъ скрасить самое обыкновенное слово.... Она внушала къ себѣ уваженіе, соединенное съ любовью и благодарностью. Привѣтливая, веселая, она забывала о своемъ достоинствѣ въ частномъ обществѣ; но если и были забыты ея внѣшнія отличія, то каждый питалъ чувство почтенія къ ея природному превосходству....“

Прибавимъ въ заключеніе что изъ числа одиннадцати слѣдующихъ за симъ всеподданнѣйшихъ донесеній Черкасова только *пять* находятся въ подлинникѣ въ кабинетскихъ дѣлахъ государственнаго архива, то-есть собственноручно переписанные имъ набѣло съ сохранившихся у насъ черновыхъ, и слѣдовательно въ томъ видѣ какъ они были присланы императрицѣ, а именно №№ VI, VII, XIII, XIV и XVII нашего сборника; прочія же могли быть или тогда же уничтожены Екатериной II, по причинѣ ихъ довѣрительнаго свойства, или переданы ею цесаревичу, какъ заключавшія любопытныя для него подробности о принцессахъ Дармштадтскихъ, или отосланы тѣмъ придворнымъ, либо иным должностнымъ лицамъ отъ которыхъ требовались относившіяся къ ихъ кругу дѣятельности распоряженія по поводу предстоявшаго путешествія ландграфини съ тремя ея дочерьми отъ Ревеля до Царскаго Села.

Переписка Екатерины II съ бароном Черкасовым.

I.

Instruction donnée par l'Imperatrice Catherine an Baron Czerkassow.

1. Monsieur le Baron se rendra avec les equipages de la Cour d'ici à Réval, pour y attendre le retour de la flottille que j'ai envoyée à Lubeck sous les ordres du chevalier Krouse, et sur laquelle j'ai fait embarquer Mr le Général-Major Rehbinder pour recevoir et avoir soin pendant le voyage de Madame la Landgrave de Hesse-Darmstadt et des trois princesses ses filles, et de leur suite, qui vont faire le trajet de Lubeck à Réval, sur cette flottille.

2. A Réval j'ai destiné le château de Catherinendahl pour servir de pied à terre à Madame la Landgrave. J'ai donné ordre au Gouverneur-Général Prince de Holstein-Beck d'y faire les réparations nécessaires, et j'ai de lui une lettre dans laquelle il me dit que ces réparations seront prêtes vers le 15 Mai.

3. Je dois avertir Mr le Baron qu' un côté de ce château est meublé, mais que l'autre ne l'est pas; je n'ai pas jugé àpropos non plus de faire meubler le reste pour une ou deux nuits tout au plus; cela aurait exigé trop de temps et d'embarras. Au reste, du temps de l'Impératrice Elisabeth toute la Cour y habitait sans qu'il y eût des tapisseries; et cependant les Ambassadeurs étaient du voyage. Le Prince de Holstein-Beck m'a écrit qu'il aura soin de fournir la maison de tables et de chaises. Monsieur le Baron en arrivant à Catherinendahl où il s'établira en attendant Madame la Landgrave, aura soin de pourvoir à ce qui pourrait encore y manquer.

4. Les cuisiniers et autres domestiques de la Cour qui sont envoyés à Réval et sur mer au-devant de Madame la Landgrave dépendront aussi de Mr le Baron, qui aura soin que chacun fasse son devoir; j'ai fait donner ordre pour les départements respectifs de la Cour, pour que chacun lui obéisse.

5. Dès que les bâtiments auront mouillé dans le port de Réval, Mr le Baron recevra Madame la Landgrave à la descente au port; il aura soin d'y faire conduire les équipages de la Cour, et il mènera Madame la Landgrave tout droit à Catherinendahl. Là, il leur fera, de même qu' aux princesses ses filles un compliment de ma part sur leur heureuse arrivée dans mes Etats, et leur dira que je les attends avec impatience dans ma Cour, et que je l'ai nommé, lui, Baron Czerkassow, pour avoir l'honneur de les y conduire.

6. Ensuite de quoi Mr le Baron fera de son mieux pour marquer toutes sortes d'attentions et de politesse à Madame la Landgrave et au princesses ses filles et à leur suite; il préviendra leurs désirs et étudiera ce qui pourrait leur faire plaisir et être de leur goût. Il dira dans l'occasion, qu'il a ordre de ma part d'en agir sur ce pied là avec elles et leur suite.

7. Dès que Madame la Landgrave aura débarqué, la comission du Général-Major de Rehbinder cesse à la vérité, mais il a ordre de rester à la suite de Madame la Landgrave jusqu'à Czarsko-Célo, et Mr le Baron fera bien de se concerter en toute chose avec lui, de le consulter et de suivre ses avis là où l'occasion pourrait s'en présenter, et où Mr le Baron le trouvera à propos, parceque le voyage de mer et le séjour à Lubeck lui aura déjà donné l'occasion d'étudier le caractère des personnes avec lesquelles il aura à faire. D'ailleurs Mr le Général-Major de Rehbinder est un homme d'esprit à qui on n'a que faire de dire deux fois la même chose, mais au contraire il va au-devant de la pensée de celui qui lui parle, et il la développe aisément.

8. Dès que Madame la Landgrave sera arrivé à Réval, Mr le Baron me le fera savoir.

9. Quand Madame la Landrave et les princesses ses filles se seront suffisemment reposées et que l'état de leur santé le permettra, Mr le Baron concertera avec Madame la Landgrave le jour et l'heure du départ pour se rendre ici et il demandera à cette Princesse si elle préfère d'aller à petite ou grande journée, et c'est d'après les désirs de Madame la Landgrave qu'il réglera la route à Kipen. Je dis jusqu'à Kipen, puisqu'à Krasno-Celo il y aura un camp, et que Madame la Landgrave pourrait être incommodée, se trouvant en route, par trop de monde qui s'empresserait peut-être de la venir voir et qu'il serait également désagreable de recevoir ou de refuser. Dès que la route sera réglée, Mr le Baron m'enverra la liste de la route sur laquelle il marquera exactement les endroits des diners, soupers et couchers. Outre cela, il m'enverra de Dorpat une estafette et une autre de Narva; il les adressera à Mr Kousmin. Par ces estafettes il me dira l'état de la santé des personnes qu'il conduit, les progrès du voyage, et à quelle heure à peu-près il croit pouvoir arriver à Kipen, où il trouvera mes ordres ultérieurs pour passer outre. Je suis encore indécise si je ferai passer Madame la Landgrave par Gatschina ou par Krasno-Célo. Peut-être que je me rendrai moi-même dans l'un ou dans l'autre de ces endroits comme par hazard, mais cet article-ci, Mr le Baron le gardera pour lui seul, afin de ne pas avancer ce que la moindre circonstance peut changer.

10. La suite de Madame la Landgrave est composée, compté la Mère et les trois filles, de trois dames, deux cavaliers, huit filles de chambre, un valet de chambre et un secrétaire, en tout avec les domestiqus de quarante personnes. Mr le Baron aura soin que chacun selon son état aye tout ce que lui faut, et que personne ne puisse avoir raison de se plaindre; il mettra partout et vis-à-vis de tous, toutes les politeses possibles.

Au reste, je lui souhaite un bon voyage et une exemption de goute et de vertiges, non seulement pendant la route, mais aussi pour le reste de sa vie; et que Mr le Baron retourne ici avec les applaudissements des parties intéressées.

11. Je dois avertir Mr le Baron, qu'arrivé ici il restera près de Madame la Landgrave et que tous ceux que je nommerai pour la servir resteront sous sa direction à lui.... Au reste soyez assuré de mon affection particulière.

A Czarsco-Célo.
ce 10 Mai 1773.

Signé: Caterine.

Nota-Bene secretissime.

Mr le Baron aura la bonté de chercher l'occasion d'insinuer à Madame la Landgrave, qu'il n'y aura rien de plus aisé pour Son Altesse que de gagner mon amitié, et que pour cela il n'y a qu'un seul moyen assez simple qui est, d'avoir pour moi la plus grande confiance, de se régler uniquement d'après mes avis, de me parler franchement, et de me consulter hardiment dans tous les cas où elle sera embarassée, avec cordialité. Que d'ailleurs je souhaite qu'elle reçoive tout le monde avec une égale politesse et beaucoup d'attentions, mais qu'elle s'éloigne des conseils trop raffinés des Politiques, parce qu'ils me déplaisent et que je ne la trouve utile que vis-à-vis des Cours, mais aucunement dans ma maison. Je joins ici une copie d'une lettre qui pourra vous être utile et que vous me rendrez à votre retour sans en tirer de copie.

I.

Инструкція данная императрицей Екатериной барону Черкасову.

О флотиліи отправленной въ Любекъ.—Кавалеръ Крузе.—Генералъ Ребиндеръ.—Принцъ Гольштейнъ-Бекскій.—О состояніи Екатеринентальскаго дворца во времена императрицы Елисаветы.—Приготовленія.—Этикетъ пріема ландграфини Гессенской въ Ревелѣ.—О мѣрахъ къ ея дальнѣйшему слѣдованію. — Похвала Ребиндеру. — Особенныя рекомендаціи. — *Секретнѣйшая приписка.*

1. Господинъ баронъ отправится отсюда въ Ревель съ придворными экипажами и будетъ тамъ ожидать возвращенія флотиліи посланной мною въ Любекъ подъ командой кавалера Крузе, и на которой отправленъ мною г. генералъ-майоръ Ребиндеръ для принятія и сопутствованія ландграфини Гессенъ-Дармштадтской съ тремя принцессами, ея дочерьми, и ихъ свитой. Всѣ они переѣдутъ изъ Любека въ Ревель на этой флотиліи.

2. Въ Ревелѣ я назначила Екатеринентальскій дворецъ для пребыванія ландграфини. Я приказала генералъ-губернатору принцу Гольштейнъ-Бекскому сдѣлать тамъ всѣ необходимыя починки. Въ письмѣ ко мнѣ, принцъ увѣдомляетъ что все будетъ исправлено къ 15му мая.

3. Я должна предупредить г. барона что часть дворца меблирована, а другая безъ мебели, и я не сочла нужнымъ ее меблировать на двѣ или на три ночи; это потребовало бы много времени и хлопотъ. Впрочемъ при императрицѣ Елисаветѣ здѣсь помѣщался весь дворъ, и не было обоевъ, а между тѣмъ иностранные послы принимали участіе въ этомъ путешествіи. Принцъ Гольштейнъ-Бекскій писалъ мнѣ что постарается снабдить домъ столами и стульями, господинъ же

баронъ, по прибытіи въ Екатериненталь, гдѣ онъ и помѣстится, постарается, въ ожиданіи ландграфини, достать то въ чемъ будетъ еще недостатокъ.

4. Повара и иная придворная прислуга, посланная въ Ревель моремъ для ландграфини, будутъ зависѣть отъ г. барона, который приложитъ всѣ старанія къ тому чтобы каждый исполнялъ свои обязанности; я отдала приказаніе по всѣмъ отдѣльнымъ частямъ придворнаго вѣдомства чтобы каждый ему повиновался.

5. Какъ только суда прибудутъ въ ревельскій портъ, г. баронъ приметъ ландграфиню при выходѣ на берегъ; онъ отрядитъ туда же придворные экипажи и проводитъ ландграфиню прямо въ Екатериненталь. По прибытіи туда, онъ поздравитъ отъ моего имени ландграфиню и принцессъ, ея дочерей, съ благополучнымъ прибытіемъ въ мои владѣнія, и скажетъ имъ что я ихъ ожидаю къ себѣ съ нетерпѣніемъ и назначила его, барона Черкасова, для того чтобы имѣть честь сопутствовать имъ.

6. Вслѣдствіе этого, г. баронъ употребитъ всѣ старанія чтобы выказать особенное вниманіе и вѣжливость ландграфинѣ, принцессамъ, ея дочерямъ, и ихъ свитѣ; онъ долженъ стараться предупреждать ихъ желанія и будетъ изучать все что можетъ доставить имъ удовольствіе и быть имъ по вкусу. При случаѣ онъ скажетъ что имѣетъ отъ меня приказаніе дѣйствовать такъ относительно ландграфини, принцессъ и ихъ свиты.

7. Съ прибытіемъ ландграфини, порученіе генералъ-майора Ребиндера въ сущности оканчивается; но ему приказано состоять въ ея свитѣ до Царскаго Села, и г. баронъ хорошо сдѣлаетъ, если будетъ обо всемъ его спрашивать, слушать его совѣты и слѣдовать его указаніямъ, гдѣ представится случай и когда г. баронъ самъ сочтетъ это нужнымъ, потому что путешествіе моремъ и пребываніе въ Любекѣ доставили Ребиндеру случай изучить характеръ особъ съ которыми барону придется имѣть дѣло; притомъ, генералъ Ребиндеръ умный человѣкъ, которому не только нѣтъ нужды повторять два раза одно и то же; напротивъ того, онъ самъ легко отгадываетъ и развиваетъ мысль того кто говоритъ съ нимъ.

8. Какъ только ландграфиня пріѣдетъ въ Ревель, г. баронъ меня о семъ увѣдомитъ.

9. Когда ландграфиня и принцессы, ея дочери, достаточно отдохнутъ и состояніе здоровья ихъ позволитъ, г. баронъ условится съ ландграфиней о днѣ и часѣ отправленія для прибытія сюда, и спроситъ у принцессы угодно ли ей дѣлать малые или большіе переѣзды. По желанію ландграфини онъ распорядится дорогой до Кипени; я говорю до Кипени, потому что въ Красномъ Селѣ будетъ лагерь, и ландграфиня можетъ быть обезпокоена, найдя на дорогѣ толпу, которая, быть-можетъ, поспѣшитъ ее видѣть, и ей будетъ равно непріятно принимать этихъ людей или отказывать имъ въ пріемѣ. Какъ

только поѣздка будетъ улажена, г. баронъ отправитъ мнѣ маршрутъ, въ которомъ точно должны быть обозначены мѣста гдѣ предполагается обѣдать, ужинать и ночевать; кромѣ того, онъ пошлетъ мнѣ одну эстафету изъ Дерпта, а другую изъ Нарвы, адресуя обѣ на имя г. Кузьмина. Посредствомъ ихъ онъ доложитъ мнѣ о состояніи здоровья провожаемыхъ имъ особъ, объ успѣхѣ путешествія и о часѣ въ который, приблизительно, онъ надѣется быть въ Кипени, гдѣ онъ найдетъ мои послѣдующія приказанія для дальнѣйшаго слѣдованія. Я еще въ нерѣшимости насчетъ того какъ направить путь ландграфини: чрезъ Гатчину или чрезъ Красное Село. Можетъ-быть, я выѣду, какъ бы нечаянно, въ то или другое мѣсто; но эту статью г. баронъ прибережетъ для себя одного, чтобы не разглашать предположенія могущаго измѣниться отъ малѣйшихъ обстоятельствъ.

10. Свита ландграфини,—считая мать и трехъ дочерей,—состоитъ изъ трехъ дамъ, двухъ кавалеровъ, восьми горничныхъ, одного камердинера и одного секретаря, всего съ людьми до сорока лицъ. Г. баронъ постарается чтобы каждый имѣлъ все что ему нужно по его званію и чтобы никто не имѣлъ повода къ жалобамъ; относительно всякаго онъ будетъ соблюдать всевозможную вѣжливость. Въ заключеніе, я желаю г. барону счастливаго пути и освобожденія отъ падагры и головокруженій, не только на время дороги, но и на всю остальную жизнь; желаю также чтобы г. баронъ возвратился съ полнымъ одобреніемъ заинтересованныхъ сторонъ.

11. Я должна предупредить г. барона что по прибытіи сюда онъ останется при ландграфинѣ, и что лица которыхъ я назначу ей въ услуженіе будутъ состоять въ его вѣдѣніи и подъ его руководствомъ Впрочемъ будьте увѣрены въ моемъ особенномъ расположеніи.

Подписано: Екатерина.

Царское Село,
10го мая 1773 года.

Секретнѣйшая приписка.

Г. баронъ будетъ такъ добръ улучить время для объясненія ландграфинѣ что ея свѣтлости ничего не будетъ легче какъ пріобрѣсти мою дружбу, и что единственное, простѣйшее для того средство, имѣть полнѣйшее ко мнѣ довѣріе, поступать единственно по моимъ внушеніямъ, говорить со мною откровенно, совѣтоваться смѣло и дружески во всѣхъ случаяхъ гдѣ она встрѣтитъ затрудненіе. Впрочемъ, я желаю чтобъ она принимала всѣхъ съ равною учтивостью и большимъ вниманіемъ, но чтобъ она не слушала слишкомъ утонченныхъ политическихъ совѣтовъ, чего я не люблю, потому что они мнѣ не нравятся, и что я считаю ихъ полезными только въ сношеніяхъ дворовъ между собою, но отнюдь не въ моемъ домѣ. Прилагаю при семъ

копію письма, которая будетъ вамъ полезна; вы мнѣ отдадите ее по своемъ возвращеніи, не списывая ее для себя.

Примѣчанія къ инструкціи.

1) Въ ея ст. 4й говорится объ Départements respectifs de la Cour. Въ то время каждою отдѣльною частью придворнаго вѣдомства вполнѣ самостоятельно управлялъ одинъ изъ такъ-называемыхъ *первыхъ чиновъ двора*: оберъ-гофъ-маршалъ—гофъ-интендантскою конторой, то-есть завѣдывалъ поставкою припасовъ ко двору, царскою кухней и дворцовою прислугой; оберъ-гофмейстеръ—придворною конторой, то-есть зданіями, постройками, починками, отопленіемъ; оберъ-шталмейстеръ—конюшенною конторой; оберъ-егермейстеръ—егермейстерскою; оберъ-шенкъ—дворцовыми погребами. Что же касается до оберъ-камергера и оберъ-церемоніймейстера, то одинъ былъ начальникомъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, другой—церемоніймейстеровъ, и они назначали ихъ на дежурство; первый представлялъ императрицѣ пріѣзжихъ, отъѣзжавшихъ и благодарившихъ за награды; а оберъ-церемоніймейстеръ (который, какъ и теперь, одинъ принадлежалъ не къ числу первыхъ, а *вторыхъ* чиновъ двора, то-есть въ рангѣ не дѣйствительнаго, а тайнаго совѣтника) предшествовалъ на выходахъ. Такого рода самостоятельное управленіе *первыхъ чиновъ* продолжалось до учрежденія, въ началѣ царствованія Николая Павловича, министерства императорскаго двора, въ составъ котораго вошли всѣ эти отдѣльныя части.

2) Въ ст. 9ю инструкціи слово *Dorpat* вѣроятно попало по ошибкѣ вмѣсто *Réval*, и тамъ же упоминается о Сергѣѣ Матвѣевичѣ *Козьминѣ*. Судя по тому что тутъ сказано о приготовленіяхъ въ Гатчинѣ, принадлежавшей съ 1770 года князю Г. Г. Орлову (Сумароковъ, т. I, стр. 239) и по письму барона Черкасова № XIV, въ которомъ онъ, по случаю кратковременной опалы этого временщика, говоритъ что уже писалъ Козьмину, прося поздравить князя съ тѣмъ что онъ вступилъ въ отправленіе прежнихъ своихъ званій и, такимъ образомъ, пересталъ *баклуши бить*, мы имѣемъ нѣкоторое основаніе полагать что Козьминъ былъ особенно близкимъ человѣкомъ къ Орловымъ, и такъ-сказать ихъ созданіемъ, тѣмъ болѣе что дѣятельность его, въ качествѣ статсъ-секретаря, продолжалась съ 1764 года по 1778. По кабинетскимъ дѣламъ государственнаго архива не видно: умеръ ли онъ или получилъ иное назначеніе въ то самое время когда Потемкинъ выжилъ отъ двора самого Черкасова и иныхъ приверженцевъ Орловыхъ. Архивныя бумаги впрочемъ доказываютъ что Козьминъ имѣлъ у себя въ производствѣ самыя разнообразныя дѣла, какъ напримѣръ, по челобитнымъ тяжущихся въ судебныхъ мѣстахъ, по военной коллегіи, и вообще изъ этихъ бумагъ никакъ нельзя вывести заключеніе чтобы занятія были распредѣлены между

статсъ-секретарями Екатерины II въ какомъ бы то ни было систематическомъ порядкѣ, такъ что остается догадываться что эти должностныя лица по очереди дежурили при императрицѣ, и что каждое изъ нихъ производило тѣ дѣла которыя поступали и слѣдовательно начинались на его дежурствѣ. Сумароковъ упоминаетъ только вскользь о Козьминѣ, на стр. 84, тома I; а изъ „Описанія торжества высокобрачнаго сочетанія“ и пр. видно что онъ въ 1773 году былъ тайнымъ совѣтникомъ и участвовалъ въ процессіи во 2й золотой каретѣ, вмѣстѣ съ барономъ Черкасовымъ, который былъ старше его въ томъ же чинѣ.

II.

*Три записки Екатерины.**

1.

Александръ Ивановичъ, я позабыла вамъ сказать вчерашній день чтобы вы Сергѣя Ивановича Богданова съ собой взяли Вы его употребить можетѣ естли нужно и для заплаты прогоновъ, и для всякой всячины. Онъ проворенъ, я велѣла ему къ вамъ явится сего дня. Въ прочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна. Освѣдомитесь у конюшенной команды выдаютъ ли они прогоны, а естли вамъ какія деньги нужны, то возмите у Алсуфьева. **

Екатерина.

Майя 13го 1773 года.

2.

Александръ Ивановичъ. При семъ прилагаю письмо къ господину генералъ-маіору Ребендеру, которое вы до рукъ его доставитѣ кой часъ онъ въ Ревель прибудитъ. Въ семъ письмѣ я разсудила за благо ему сказать что я васъ послала къ ландграфинѣ встретить до Ревеля, и приказала ему при удобномъ случаѣ внушить на какой ногѣ вы отъ давныхъ лѣтъ при мнѣ находитесь и какъ я васъ знаю. Однако что при *крибичной* игрѣ произхаживало, я тутъ не включила, ибо все вдругъ сказать людямъ не прилично. Въ прочемъ остаюсь къ вамъ какъ и всегда доброжелательная

Екатерина.

Во вторникъ по утру.

* Сохраняемъ орѳографію подлинника.

** Рѣчь идетъ о томъ Ад. Вас. Олсуфьевѣ въ завѣдываніе котораго поступилъ кабинетъ послѣ барона Ивана Антоновича Черкасова, то-есть отца барона Александра Ивановича Черкасова съ которымъ Екатерина II вела въ 1773 году настоящую переписку.

3.

Monsieur le *Bâaron*. Vous remettrez l'incluse à Madame la Landgrave en lui faisant bien des compliments de ma part de même qu' aux princesses. Saluez aussi de ma part toute leur suite.

Adieu, bon voyage et bonne santé.

Mercredy à 10 heures du matien.*

III.

Czerkassow à l'Impératrice Catherine.

Réval, le 16 de May.

Il n'est donné qu'à V. M. I. de badiner sur le cribbage lorsqu'il s'agit des choses de la dernière importance. Nous mourons de peur à Réval, où je suis depuis quatre heures du matin, de ce que nous ne savons pas quelle fête faire à Madame la Landgrave à sa descente au port. 1) S'il faut tirer le canon? 2) Combien de coups? 3) S'il faut mettre la garnison, environ 200 hommes, sous les armes et en border son passage jusqu' à Catherinendahl? Faut il faire parader die Schwaze-Häupter? 4) Quelle garde lui donner? 5) A quel port faut il la faire descendre; si c'est au grand port ou à celui de Catherinendahl? 6) Baiserai je sa main et celles des Princesses? (Je m'imagine déjà qu'à ce dernier article V. M. direz *tout doucement:* Bravissimo, Thomas Diafoirus!) Mais j'entre en matière. Votre Majesté êtes sûrement persuadée que de ces six articles il n'y a que les deux derniers qui me regardent. Mais je la supplie d'avoir aussi pitié de l'embarras de vos très anciens et fidèles serviteurs le Prince de Holstein-Beck et son conseil (dont Monsieur de Benkendorff est le chef), au sujet des quatre premiers.

J'ai été obligé de me loger à Réval; à Catherinendahl tout est sans dessus dessous. Cependant c'est le 16 de May. J'ai une peur véritable que Madame la Landgrave ne nous prenne au dépourvu; et ce matin ayant entendu que la flottille de V. M. a passé à la hauteur de Reval le 10 de ce mois, j'ai commencé déjà à former des plans pour loger Elle et sa suite, dans les meilleures maisons de la ville en cas qu' Elle arrivât avant que Catherinendahl soit mis en état pour sa reception. Mais il faut espérer que ce vent favorable pour Votre flottille pour arriver à Lubeck (car les Mariniers d'ici la croyent

---

* Г. Баронъ. Вы вручите прилагаемое при семъ письмо ландграфинѣ, передавъ отъ меня поклоны ей и ея дочерямъ. Поклонитесь также отъ меня всей ихъ свитѣ. Прощайте, желаю вамъ счастливаго пути и добраго здоровья.

Среда, въ 10 ч. утра.

déjà là depuis hier) continuera à souffler encore huit jours. Et puis il n'a qu' à changer s'il veut.

Je prends la liberté de proposer à V. M. de faire loger Madame la Landgrave dans des maisons des particuliers à son passage entre ici et Narva. Me le permettez-Vous, Madame, en cas que cela puisse se faire? Car pour dire franchement les maisons de Poste sont très mauvaises.

Aussitôt que je recevrai Vos ordres là-dessus je tâcherai de faire réussir cette idée.

Hier à 6 heures du soir, comme j'attendais des chevaux à la Poste de Kagale, en m'entretenant avec le Land Rath Comte de Steinbock, au sujet de son bras droit cassé par un cheval, j'ai eu l'honneur de recevoir la lettre de V. M. I. écrite во вторникъ поутру. Je ne manquerai pas de remettre l'incluse à Monsieur de Rehbinder aussitôt que je le saurai arrivé, très persuadé d'ailleurs que ce n'était pas uniquement par discrétion que V. M. en avez usé avec tant de ménagement à mon égard. J'oublie déjà que j'écris à ma Souveraine. Mais Vous avez tant de bontés pour moi, et je suis si franc qu'il n'est pas étonnant si mes expressions sont quelquefois peu ménagées. Reprenez-moi, Madame, quand je le mérite, mais pas en Souveraine! Que je suis heureux d'être au service d'une Princesse comme Vous! Je ne vaudrais rien à celui d'un autre. Car où trouver qui Vous ressemble? C'est le coeur qui me dicte ceci, et je suis content que Vous en êtes persuadée.

J'ai l'honneur d'être, avec un très profond respect,

Madame.
de V. M. I.

le très humble et très obéissant sujet et serviteur,
le Bar. Czercasow.

Черкасовъ императрицѣ Екатеринѣ.

Содержаніе: Игра въ Криббеджъ. — Пушечные выстрѣлы въ честь ландграфини.—Вопросы относительно гарнизона, общества *Черноголовыхъ* и цѣлованія руки.—Томасъ Діафоёрусъ.—Принцъ Гольштейнъ-Бекскій и г. Бенкендорфъ. — Безпокойство. — Распоряженія для пріема ландграфини въ Ревелѣ и для ея путешествія до Петербурга. — Графъ Стенбокъ.—Увѣдомленіе о полученіи второй записочки императрицы.

Ревель, 16го мая.

Только в. и. в. способны шутить по поводу игры въ криббеджъ, когда дѣло идетъ о предметахъ первостепенной важности. Мы умираемъ со страха въ Ревелѣ (гдѣ я нахожусь съ 4хъ часовъ утра), оттого что не знаемъ какія почести оказать ландграфинѣ при ея прибытіи въ портъ: 1) стрѣлять ли изъ пушекъ? 2) Сколько выстрѣловъ? 3) Поставить ли въ ружье человѣкъ до 200 гарнизону, шпалерами по дорогѣ до Екатерипенталя? Выводить ли на парадъ

Черноголовыхъ?[2] 4) Какой назначить почетный караулъ? 5) Въ какомъ портѣ ей выходить на берегъ: въ большомъ или Екатерингальскомъ? 6) Цѣловать ли мнѣ руку у ландграфини и принцессъ? Предполагаю что при этой послѣдней статьѣ в. в. скажете потихоньку: „брависимо, Томасъ Діафойрусъ!“[3] Но, обращаюсь къ дѣлу, в. в. конечно увѣрены что изъ этихъ шести пунктовъ только два послѣдніе касаются собственно меня, но я умоляю васъ сжалиться также надъ вашими старыми и вѣрными слугами: принцемъ Гольштейнъ-Бекскимъ[4] и его совѣтомъ (предсѣдателемъ котораго г. Бенкендорфъ)[5] въ отношеніи четырехъ первыхъ статей.

Я долженъ былъ помѣститься въ Ревелѣ; въ Екатерингалѣ большой безпорядокъ; а между тѣмъ уже 16е мая. Я поистинѣ боюсь чтобы ландграфиня не застала насъ врасплохъ, и услышавъ сегодня утромъ что эскадра в. в. показалась на высотѣ Ревеля 10го числа, началъ дѣлать предположенія, какъ бы размѣстить ландграфиню и ея свиту въ лучшихъ домахъ города, на случай если въ Екатерингалѣ не будутъ окончены приготовленія къ ея принятію. Но надо надѣяться что попутный для вашей эскадры вѣтеръ, по направленію къ Любеку (здѣшніе моряки полагаютъ что флотилія уже вчера прибыла на мѣсто), будетъ дуть еще дней восемь; потомъ онъ можетъ пожалуй перемѣниться, если ему угодно!

Осмѣливаюсь предложить в. в. помѣстить ландграфиню, на время ея переѣзда отсюда къ Нарвѣ, въ домахъ частныхъ владѣльцевъ. Позволите ли вы мнѣ это сдѣлать, всемилостивѣйшая государыня, въ случаѣ возможности? Потому что, говоря откровенно, почтовые дома очень плохи.

Тотчасъ по полученіи вашихъ приказаній, я постараюсь привести въ исполненіе это предположеніе.

Вчера, въ 6 час. вечера, находясь на станціи Кагаль, въ ожиданіи почтовыхъ лошадей и разговаривая тамъ съ ландратомъ[6] графомъ Стенбокомъ,[7] о разбитой у него лошадью правой рукѣ, я имѣлъ честь получить письмо в. в., написанное во вторникъ поутру. Я не премину вручить приложенное письмо г. Ребиндеру, какъ только узнаю о его прибытіи, будучи впрочемъ вполнѣ увѣренъ что в. в. употребили столько предосторожностей относительно меня не изъ одной деликатности. Я даже забываю что пишу къ своей государынѣ; но вы такъ добры ко мнѣ и я такъ откровененъ что не удивительно если мои выраженія иногда не вполнѣ обдуманы. Дѣлайте мнѣ замѣчанія, если я того заслуживаю, но не какъ императрица! Сколь я счастливъ что служу такой монархинѣ какъ вы!... Я бы никуда не годился на службѣ иного государя; ибо съ вами никого нельзя сравнить. Пишу это вполнѣ чистосердечно, и мнѣ отрадно думать что искренность моя для васъ несомнѣнна.

Имѣю честь быть, съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ.

Всемилостивѣйшая государыня.

в. и. в.,

всенижайшій и вселокорнѣйшій вѣрноподданный и слуга [8]

Бар. Черкасовъ.

Примѣчанія:

[1] О *криббеджѣ* и иныхъ карточныхъ играхъ того времени уже помѣщено было объясненіе въ предисловіи къ этой перепискѣ.

[2] Военно-торговыя общества *Черноголовыхъ* (Schwarze-Häupter) суть средневѣковыя, ганзеатическія учрежденія, существующія до сихъ поръ въ Ревелѣ, Ригѣ и Либавѣ и состоящія изъ купцовъ *неженатыхъ*, которые встарину обязаны были, въ случаѣ надобности, выступать противъ непріятеля, участвовать въ оборонѣ края и оберегать караваны перевозившіе товары Названіе *Черноголовыхъ* объясняютъ легендою о томъ что св. Маврикій (St. Maurice) былъ Мавръ (Maure). О немъ извѣстно что онъ былъ начальникомъ ѳивскаго (изъ Ѳивъ въ Египтѣ) легіона, состоявшаго изъ христіанъ и, что разбитый римскими войсками въ Гельвеціи, онъ былъ казненъ въ концѣ III столѣтія по Р. Х. императоромъ Максиміаномъ (M. N. Boullet, Dictionnaire Universel d'Histoire, Paris, 1851, p. 1147 et 1752). Какъ бы то ни было, но посреди значка или знамени черноголовыхъ находится изображеніе *головы Арапа*. Рихтеръ (A. von Richter, Geschichte der dem Russischen Reiche einferleibten Deutschen Ostsee provinzen, Riga, 1857; посвященная Государю Императору исторія присоединенныхъ къ Россійской Имперіи,—или точнѣе, включенныхъ въ нее *нѣмецкихъ* (?) балтійскихъ провинцій, томъ I, стр. 168) утверждаетъ что въ 1354 году общество Черноголовыхъ уже имѣло тамъ правильное устройство и свои уставы. Членамъ его всегда присвоены были особенная одежда и вооруженіе, измѣнявшіяся въ разныя эпохи; но которыя они надѣваютъ теперь только въ экстренныхъ и самыхъ торжественныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, при проѣздѣ чрезъ ихъ города высочайшихъ особъ, такъ что ихъ отнюдь нельзя сравнивать съ какою бы то ни было національною или даже городскою гвардіей. Послѣдняя притомъ существуетъ въ видѣ отдѣльнаго учрежденія въ горѣ Ригѣ (Stadt-garde). Шварценгауптеры въ Ревелѣ пѣшіе, въ Либавѣ и въ Ригѣ конные. Послѣдніе имѣютъ понынѣ мундиры въ родѣ кирасирскихъ, временъ Александра I, и каски или кивера съ конскимъ волосомъ въ видѣ гребня. Въ Ревелѣ ихъ общество издавна владѣетъ домомъ готической архитектуры, гдѣ виситъ портретъ Іоанна Грознаго, будто бы отбитый у русскихъ войскъ, и гдѣ члены этого общества собираются какъ въ клубѣ. О Черноголовыхъ упоминается въ романѣ барона Ѳ. Ѳ. Корфа *Судъ въ ревельскомъ магистратѣ*, С.-Петербургъ, 1837.

Есть также нѣсколько свѣдѣній о Черноголовыхъ въ *Эстляндскомъ Сборникѣ*, Ревель, 1870, на страницахъ 113 и 163. Этотъ сборникъ составился изъ историческихъ извѣстій о краѣ, которыя одно время печатались *на русскомъ языкѣ* въ неофиціальной части *Эстляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*; а теперь тамъ уже болѣе не помѣщаются.

[3] *Томасъ Діафойрусъ*, — юный сынъ врача Діафойруса или Діафуарюса,—самъ только что получившій докторскій дипломъ. Это одно изъ второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ въ извѣстной комедіи Мольера *Le Malade imaginaire* (Мнимо-больной). Герой пьесы, Арганъ, хочетъ выдать за Томаса Діафойруса свою дочь, Анжелику; о немъ идетъ рѣчь въ первомъ актѣ; но является онъ въ одномъ только второмъ актѣ. Это прескучный педантъ, произносящій напыщенные комплименты и безпрестанно спрашивающій отца своего: кому поклониться, у которой изъ дамъ долженъ онъ *поцѣловать руку*?... Вотъ почему баронъ Черкасовъ, шутя, *самъ сравниваетъ себя именно въ настоящемъ случаѣ* съ Томасомъ Діафойрусомъ. Что же касается до Екатерины II, то ни въ одной записочкѣ, ни въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Черкасову она не называетъ его этимъ именемъ, и нѣтъ никакого основанія полагать чтобъ онъ имѣлъ отъ нея какое-либо особое, постоянное прозвище, или чтобы *Томасъ Діафоруйсъ* было одно изъ тѣхъ именъ которыми она его надѣляла, когда ей не везло въ карточной игрѣ и о которыхъ, безъ поименованія ихъ, упоминается въ №№ II, III и XVII настоящей корреспонденціи. Екатерина II любила шутки простыя, а не тяжелыя и натянутыя. Едва ли можно допустить чтобъ она называла барона Черкасова Томасомъ Діафойрусомъ потому что онъ за любовь свою къ медицинской наукѣ избранъ былъ этою государыней въ президенты медицинской коллегіи и, слѣдовательно, по ея же распоряженію, докладывалъ ей дѣла своего вѣдомства и волею или неволею постоянно находился въ сношеніи съ врачами. Называть же Черкасова (да еще будто бы *чаще* всего) *Томою Діафойрусомъ по причинѣ его тучности*,—какъ это увѣряли нѣкоторые писатели,—Екатерина II не могла, по той весьма простой причинѣ что Мольеръ ни однимъ словомъ не указываетъ чтобы *юный* Томасъ Діафойрусъ былъ толстъ, а въ иллюстрированныхъ изданіяхъ сочиненій Мольера, какъ напримѣръ, въ парижскомъ изданіи 1836 года, *Томасъ Діафойрусъ* представленъ, напротивъ того, *худенькимъ какъ спичка*.

[4] *Принцъ Петръ-Августъ Голштейнъ-Бекскій*, состоявшій въ родствѣ съ Петромъ III, былъ генералъ-фельдмаршаломъ, *Ревельской* губерніи генералъ-губернаторомъ и кавалеромъ обоихъ россійскихъ орденовъ (см. *Историч. собраніе списковъ кавалерамъ*, стр. 106). Онъ женатъ былъ на принцессѣ Гессенъ-Филипстальской. Дочь ихъ, принцесса Екатерина Петровна, во время малолѣтства своего, пред-

назначалась въ невѣсты несчастному Іоанну Антоновичу; а потомъ вышла за князя Ив. Серг. Барятинскаго, россійскаго посла въ Парижѣ, роднаго дѣда генералъ-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинскаго (*Росс. Родосл. Книга*, ч. I, С.-Петербургъ, 1854 г. стр. 76 и 77, и біографія внука этой принцессы, съ материнской стороны, графа А. Н. Толстаго въ *Современной Лѣтописи* 1866, № 29). У насъ сохранилась относящаяся именно къ этой эпохѣ гравюра Баузе или Боза (I. F. Bause) съ портрета принца Голштейнъ-Бекскаго, писаннаго Монье; подъ нимъ надпись: *Herzog von Holstein-Beck*. Портретъ же его дочери, масляными красками, принадлежащій князю В. И. Барятинскому, находился на бывшей въ семъ году въ С.-Петербургѣ, въ домѣ министра внутреннихъ дѣлъ, выставкѣ старинныхъ портретовъ и значится во 2мъ изданіи ея каталога подъ № 226.

[5] Надо полагать что *Бенкендорфъ*, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, какъ о предсѣдателѣ или старшемъ членѣ совѣщательнаго генералъ-губернаторскаго совѣта, есть *Ермолай Ивановичъ*, родной дядя покойнаго генералъ-адъютанта и шефа жандармовъ, графа А. Х. Бенкендорфа; по крайней мѣрѣ, статья о Бенкендорфахъ, на стр. 252 и 253, тома III, *Росс. Родосл. Книги*, С.-Петербургъ, 1855, доказываетъ что изъ числа его дядей, только этотъ не имѣлъ ни военнаго, ни гражданскаго чина и потому, вѣроятно, служилъ по выборамъ дворянства въ своей провинціи; братья же его *Егоръ* и *Иванъ* Ивановичи были: первый полковникомъ; а второй, о которомъ извѣстно что будучи женатъ на Глѣбовой, онъ болѣе жилъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ (въ Дмитровскомъ уѣздѣ), чѣмъ въ Эстляндской губерніи, имѣлъ чинъ статскаго совѣтника.

[6] *Ландраты* были тогда какъ и теперь въ остзейскихъ губерніяхъ членами ландратской коллегіи, избираемыми на ландтагѣ или дворянскомъ сеймѣ. Званіе это, одно изъ самыхъ почетнѣйшихъ въ семъ краѣ, всегда было сопряжено съ большою властью, значительными правами и преимуществами. Въ своей *Запискѣ о министерствахъ и губерніяхъ на особыхъ правахъ состоящихъ*, Д. П. Трощинскій (бывшій министромъ юстиціи императора Александра I), объясняетъ (см. *Историческій сборникъ*, томъ III), что ландратская коллегія возникла на балтійскомъ поморьѣ въ то время когда тамъ не было ни государя, ни республики, а враждовали между собою епископы, тевтонскіе рыцари и ганзейскіе торговцы, и самовольно присвоили себѣ верховную власть; что Шведскій король Карлъ XI въ 1694 году уничтожилъ званіе ландратовъ и что оно возстановлено было послѣ Ништадтскаго мира единственно потому что скрытъ былъ документъ объ ихъ уничтоженіи. На этомъ-то основаніи существовали ландраты и ландратская коллегія *въ описываемую нами эпоху*, то-есть въ 1773 году. *Два года спустя* введено было въ Лифляндіи

и Эстляндіи учрежденіе о губерніяхъ 1775 года; а въ 1785 году, при введеніи тамъ дворянской грамоты и городоваго положенія, ландратская коллегія закрыта и званіе ландратовъ упразднено съ тѣмъ чтобы впредь въ оное никого не избирать; но Павелъ I возстановилъ бо́льшую часть уничтоженныхъ Екатериною II должностей и мѣстъ. О настоящемъ значеніи ландратовъ смотри Сводъ мѣстныхъ узаконеній и введеніе къ нимъ. Существующую *въ Пруссіи* должность *ландратовъ* можно сравнить съ губернаторскою, такъ какъ они тамъ управляютъ отдѣльными провинціями, причемъ подчинены *президентамъ*, завѣдывающимъ, какъ у насъ генералъ-губернаторы, цѣлыми округами, заключающими по нѣсколько провинцій.

[7] Относительно ландрата *графа Стенбока*, о которомъ упоминается въ этомъ письмѣ, надо полагать что это былъ одинъ изъ сыновей шведскаго фельдмаршала графа Магнуса Стенбока: Лудвигъ или Фридрихъ, такъ какъ объ нихъ сказано на стр. 258 того же тома *Росс. Род. Книги* что оба они были ландратами. Тамъ же видно что Стенбоки, въ 1561 году, возведены были въ баронское, а въ 1651 году, въ графское достоинство королевства Шведскаго. Одному изъ внуковъ фельдмаршала дозволено было, въ 1825 году, присоединить къ имени своему имя Ферморъ, а въ 1835 году, сыну сего послѣдняго придана еще фамилія Эссенъ. Въ Ревелѣ, чуть ли еще не до сихъ поръ принадлежитъ одному изъ графовъ Стенбоковъ большой каменный домъ, куда водятъ каждаго пріѣзжаго, потому что оттуда открывается очаровательный видъ на море.

[8] Баронъ А. И. Черкасовъ въ своихъ письмахъ Екатеринѣ II, на французскомъ языкѣ, подписывался *sujet* (подданный) въ то время, когда во всеподданнѣйшихъ донесеніяхъ на русскомъ языкѣ употреблялось слово *рабъ*. Смотри совершенно одновременныя донесенія принца Гольштейнъ-Бекскаго. Указъ о замѣнѣ слова *рабъ* выраженіемъ *вѣрноподданнѣйшій* состоялся позже сего.

IV.

Catherine II à Czerkassow.

A Czarcocélo, ce 16 May 1773.

Monsieur le Baron Czerkasow. J'ai reçu votre lettre du 14, écrite à Narva, durant le déjeuné aujourd'hui et j'y réponds au moment que je puis remonter dans ma chambre; cela s'appelle, je crois, dans tout pays, être exacte. Je suis de votre avis qu'il y aurait plus que du guignon si vous ne réussissez pas dans ce dont je vous ai chargée. J'ai jugé à propos de vous envoyer il y a deux jours une estafette avec une lettre pour remettre à Rehbinder, lorsqu'il arrivera à Réval, qui, j'espère,

acheminera encore les choses selon mes désirs. Je vous dirai une autre fois ce que je résouprai pour votre beau-frère, je n'en ai pas le temps présentement, mais mandez-moi ce que je vous ai promis de faire à ce sujet, afin que je puisse tenir parole; vous savez que j'aime à remplir mes promesses.

Vous ne donnerez à la Landgrave et à ses filles que le titre d'Altesse, свѣтлость. Je ne suis engagée à rien envers elles, je l'ai simplement invitée de venir en Russie, mais jamais on ne lui a dit en mon nom, ni parlé de ce dont tout le monde se doute; aussi vous la traiterez simplement sur le pied d'une princesse régnante d'Allemagne; le baise-main surtout ne doit pas avoir lieu. Quand je fus fiancée, moi, on me donna le titre de Grande Princesse, *великая княжна*, ma mère resta Alhesse, *свѣтлость*. On suivit avec moi l'ancienne étiquette établie de tous temps en Russie: Царскія невѣсты всегда наречены были по выбору три дня до свадьбы царевнами, а великія княжескія *великія княжны*. Здѣсь еще невѣсты нѣтъ, а просто ландграфиня едитъ* къ моему двору съ дочерьми повидатся познакомитца, такъ какъ принцъ Генрихъ, а до него принцъ Ангальтскій и герцогъ Курляндскій пріежжали; сіи послѣднія безъ церемоній приняты были. А къ ландграфинѣ я разсудила показать тѣ же атенціи кои показаны были матушки моей и мнѣ, въ прочемъ, въ городахъ коменданты знаютъ, и въ ихъ регламентахъ написана какую честь отдавать владѣтельнымъ немѣцкимъ князьямъ, естьли хто изъ нихъ у васъ паче чаянія навѣдатся будетъ, что ему дѣлать, то вы ихъ отсылайте къ ихъ регламенту, et aux us et coutumes établies. Въ Ревелѣ естьли дворяпство захочетъ быть у ландграфинѣ, то вы имъ препятствовать не будите, и вездѣ я вамъ совѣтую быть весьма учтиву, но безъ излишества: un homme sensé sait trouver en tout un juste milieu, et vous êtes sensé. Je m'en vais ordonner de réparer le chemin le mieux qu'on pourra.

Votre lettre est bien écrite, continuez de m'en écrire comme vous avez commencé, j'en suis très-contente, mais surtout portez-vous bien. Si la Landgrave n'est pas partie de Berlin, je crois qu'elle partira pour sûre à la fin de cette semaine; ainsi, je ne crois pas que vous serez au-delà de dix à quinze jours à Reval à l'attendre et même c'est le bout du monde. Quand vous serez arrivé, presser le Prince de Holstein pour que les chevaux soyent à leurs stations, à point nommé. Vous ne feriez pas mal d'envoyer un homme exprès jusqu'ici, lorsque le temps viendra pour voir si les chevaux y sont; et cela, il convient de le faire avant l'arrivée des frégates, afin que vos gastes ne soyent pas obligés d'attendre les chevaux.

Au reste, je suis comme toujours, avec beaucoup d'amitié.

Caterine.

---

* Сохраняемъ орѳографію подлинника.

Екатерина II Черкасову.

Содержаніе: Исправность императрицы въ увѣдомленіи о полученіи донесенія изъ Нарвы. „Болѣе чѣмъ невзгода.“ — Обѣщаніе данное Черкасову относительно его зятя, владѣтельнаго принца Курляндскаго. — О томъ какъ титуловать ландграфиню.—Объясненіе.—Пріемъ, соотвѣтственный тому который былъ сдѣланъ принцессѣ Ангальтъ-Цербстской. — Одобреніе письмамъ Черкасова. — О соглашеніи съ принцемъ Гольштейнъ-Бекскимъ относительно путешествія въ С.-Петербургъ.

Въ Царскомъ Селѣ, сего 16го мая 1773.

Г. баронъ Черкасовъ! Я получила сегодня во время завтрака ваше письмо отъ 14го изъ Нарвы,[1] и выбрала минуту какъ только могла подняться въ свою комнату чтобъ отвѣчать вамъ. Это, я думаю, называется всюду—быть исправнымъ. Я совершенно раздѣляю ваше мнѣніе: нужна болѣе чѣмъ невзгода чтобы не успѣть въ томъ что я вамъ поручила. Дня два назадъ, я сочла нужнымъ послать къ вамъ эстафету съ письмомъ для врученія Ребиндеру[2] тотчасъ по его пріѣздѣ въ Ревель; это письмо еще болѣе ускоритъ ходъ дѣла согласно моимъ желаніямъ. При иномъ случаѣ я вамъ скажу на что я рѣшусь относительно вашего зятя; теперь мнѣ недосугъ; но сообщите мнѣ о томъ что я обѣщала сдѣлать, дабы я могла сдержать слово; вы знаете что я люблю исполнять свои обѣщанія.

Вы не должны давать ландграфинѣ и ея дочерямъ иного титула какъ „свѣтлость“; я ничѣмъ не связала себя относительно ея, а просто пригласила пріѣхать въ Россію (никогда не было ей говорено отъ моего имени о томъ что въ настоящее время служитъ предметомъ всеобщихъ предположеній); а потому вы примете ее какъ владѣтельную германскую принцессу. Въ особенности не должно происходить цѣлованія руки.

Когда я была помолвлена, мнѣ дали титулъ *великой княжны*, мать же моя осталась *свѣтлостью*. Со мною поступлено было по старому этикету, установленному съ давнихъ поръ въ Россіи. Царскія невѣсты всегда наречены были и т. д. (см. среди французскаго текста).... Благоразумный человѣкъ знаетъ всему мѣру; вы же благоразумны. Я прикажу исправить какъ можно лучше дорогу.

Ваше письмо хорошо написано; продолжайте такъ же писать какъ начали, я имъ очень довольна, но главное, будьте здоровы. Если ландграфиня не выѣхала еще изъ Берлина, то она навѣрное выѣдетъ въ концѣ этой недѣли, и потому я не думаю чтобы вамъ пришлось ожидать ее въ Ревелѣ болѣе 10 или наибольше 15 дней. Когда пріѣдете, поторопите принца Гольштейнскаго чтобы лошади были въ готовности по станціямъ къ назначенному сроку. Вы недурно бы сдѣлали отправивъ эстафету[3] для удостовѣренія вездѣ ли есть лошади;

лучше бы это сдѣлать до прибытія фрегатовъ, чтобы гости ваши не были принуждены ждать лошадей.

Впрочемъ, остаюсь какъ всегда съ большою къ вамъ дружбой.

Екатерина.

Примѣчанія:

[1] Донесеніе отправленное Черкасовымъ изъ Нарвы 14го мая, во вторникъ, не сохранилось ни въ подлинникѣ, ни въ черновомъ спискѣ.

[2] Письмо для генерала Ребиндера прислано было Черкасову въ Ревель съ эстафетою при письмѣ императрицы отъ 16го мая (см. №№ IV и VI этого сборника).

[3] Судя по ст. 9й высочайшей инструкціи (№ I) и по №№ IV, XIV, XVI, XXV и XXVI, всѣ сколько нибудь важныя извѣстія передавались не только Екатеринѣ II, но и вице-канцлеру посредствомъ эстафетъ. Корпусъ фельдъегерей тогда еще не существовалъ. Если не ошибаемся, онъ учрежденъ Павломъ I. А рижская (заграничная) почта приходила и отходила въ то время подобно московской (изо всей Россіи) только по два раза въ недѣлю. (См. *Мѣсяцесловъ на лѣто отъ Р. Х. 1773*, изд. Императорской академіи наукъ.)

V.

Catherine II à Czerkassow.

Monsieur le Baron de Czerkassow! Je reconnais bien mes gens, qui sont toujours embarassés de la moindre misère, à toutes les sottes questions qu'on vous fait. Mais, hors que je vous ai déjà mandé de les renvoyer à leur reglement, voici ce que vous pouvez leur dire encore, en cas qu' ils ne savent pas lire: 1) Lors de mon arrivée à Riga on tira les canons, *Ergo*, ils tireront aussi. 2) Quelques coups de plus je pense que pour un Maréchal. 3) La garnison ne parada point, ni ne paradera. 4) Les Schwarze-Häupter feront ce qu'ils voudront, mais j'opine pour point de parade. 5) Leur garde d'un lieutenant avec du monde convenable à un lieutenant suffit pour faire le service à Catherinendahl. *N. B.* A Riga, on ne ferait point toutes ces sottes demandes; cette garde doit être comptée comme celle du château de cet endroit. 6) Faites descendre Madame la Landgrave au port le plus proche de Catherinendahl; si le пристань est dans un état convenable, et si ce château est prêt; et s'il ne l'est pas et que vous soyez obligé de loger la Landgrave en ville, faites la débarquer à l'endroit le plus proche de la maison que vous lui destinez. 7) S'il lui prend fantaisie de faire un tour par la ville, à elle permis, et c'est comme si quelqu' autre se promenait, et puis c'est tout. 8) Encore une fois, ni vous, ni personne ne baisera la main de personne qui ne soye

de la famille Impériale. Or, ni la Landgrave de Darmstadt, ni ses filles n'en sont point. J'approuve votre idée de faire loger sur le chemin de Réval à Narva et même jusqu' ici, la Landgrave dans les maisons particulières les plus convenables, là où il y en a, pourvu qu'elles soyent meilleures que les maisons de poste et pas trop éloignées de la route. Au reste, je suis aussi contente de vous, que vous l'êtes de moi. Continuez de me questionner lorsque vous serez embarrassé; les réponses ne me coûtent rien, et je vous satisferai avec exactitude. Le 14 May nouveau style, la cour de Hesse était déjà à Berlin. J'ai reçu hier une lettre de la Landgrave de cette datte, où elle m'annonce son arrivée à Potsdam; à deux ou trois jours d'ici, je vous enverrai ma réponse que vous lui remettrez à son arrivée. Je saisirai cette occasion pour vous recommander, comme je vous connais. Au reste, portez-vous bien et soyez sûr de mon affection.

Caterine.

À Carscocélo, ce 18 May 1773.

Екатерина II барону Черкасову.

Содержаніе: Отвѣты на вопросы касательно пушечныхъ выстрѣловъ, гарнизона и пр. — Въ какомъ портѣ высадить ландграфиню на берегъ? — Цѣлованіе руки. — Предполагаемыя распоряженія относительно дороги. — „Отвѣты мнѣ ничего не стоятъ." — Письмо ландграфини съ извѣщеніемъ о ея прибытіи въ Берлинъ. — Обѣщаніе рекомендаціи.

Г. баронъ Черкасовъ! По глупымъ вопросамъ, вамъ дѣлаемымъ, я узнаю своихъ, которые затрудняются всякою бездѣлицей. Но кромѣ того что я вамъ уже приказала обращать ихъ къ существующимъ уставамъ, вотъ что вы можете имъ сказать, если они не умѣютъ читать: 1) при моемъ прибытіи въ Ригу стрѣляли изъ пушекъ; слѣдовательно, они должны также стрѣлять; 2) полагаю, нѣсколько болѣе выстрѣловъ чѣмъ для фельдмаршала; 3) гарнизонъ не былъ и не долженъ быть въ строю, 4) Черноголовые пусть дѣлаютъ какъ хотятъ, но я стою за то чтобы не было парада; 5) Караулъ отъ нихъ при поручикѣ, въ размѣрѣ приличномъ этому чину, достаточенъ для отправленія службы въ Екатеринталѣ. NB. Въ Ригѣ не стали бы дѣлать всѣхъ этихъ глупыхъ вопросовъ. Означенный караулъ долженъ считаться какъ бы принадлежащимъ ко дворцу. 6) Пусть ландграфиня выйдетъ на берегъ въ ближайшемъ въ Екатеринталю портѣ, если только состояніе пристани это допуститъ и если дворецъ готовъ; если же онъ не готовъ и вы будете принуждены помѣстить ландграфиню въ городѣ, пусть она выйдетъ на берегъ по возможности ближе отъ назначеннаго вами для нея дома; 7) еслибъ ей захотѣлось проѣхаться по городу, это зависитъ отъ нея; но и все тутъ; она совершитъ эту прогулку какъ частное лицо; 8) еще разъ повто-

ряю, ни вы, никто не долженъ цѣловать руки особъ не принадлежащихъ къ императорской фамиліи; а ни ландграфиня Дармштадтская, ни ея дочери къ ней не принадлежатъ. Я одобряю вашу мысль относительно помѣщенія ландграфини, во время пути изъ Ревеля въ Нарву и даже досюда, въ самыхъ удобныхъ домахъ частныхъ лицъ, гдѣ таковые дома найдутся, лишь бы они были лучше почтовыхъ станцій и не слишкомъ удалены отъ дороги. Впрочемъ, я также вами довольна какъ вы мною. Продолжайте меня спрашивать, если что̀ затруднитъ васъ; отвѣты мнѣ ничего не стоятъ, и я въ точности удовлетворю васъ. 14го числа новаго стиля Гессенскій дворъ былъ уже въ Берлинѣ. Вчера я получила отъ этого числа письмо ландграфини, въ которомъ она увѣдомляетъ меня о своемъ прибытіи въ Потсдамъ. Черезъ два или три дня я пришлю вамъ мой отвѣтъ, который вы отдадите ей по ея прибытіи. Я воспользуюсь этимъ случаемъ чтобъ отрекомендовать васъ какъ я васъ знаю. Впрочемъ, будьте здоровы и вѣрьте моей пріязни.

Подл.: Екатерина.

Царское Село, 18го мая 1773.

Примѣчаніе. Изъ статьи М. Д. Хмырова: „Свѣдѣнія о пребываніи въ Россіи княжны Ангальтъ-Цербстской", стр. 423—424, тома Iго, *Осьмнадцатаго вѣка*, Москва, 1868 года, видно что эта принцесса и ея дочь (Екатерина II) встрѣчены были и въ Петербургѣ *съ пушечною пальбой;* а что въ Москвѣ у первой изъ нихъ былъ обѣдъ на 40 персонъ, въ присутствіи императрицы Елисаветы Петровны, *съ пальбою* при тостахъ.

VI.

Czerkassow à l'Impératrice.

de Réval, le 19 Mai 1773.

Madame!

Hier au soir j'ai eu l'honneur de recevoir la lettre de V. M. I. du 16 de ce mois. La lettre de V. M. pour Mr de Rehbinder lui sera envoyée aussitot que la Flottille sera à la vue de Réval. Ne m'en envoyerez-Vous pas une pour Madame la Landgrave, aussitot qu'Elle se rendrait à Catherinendahl?

Je suis charmé, Madame, que Vous préveniez en partie mes souhaits, en m'envoyant des ordres sur quelques uns des articles que j'ai eu l'honneur de Vous présenter dans ma dernière du 16 de ce mois. Les quatre Princesses n'auront que *свѣтлость* toute pure. Je ne Leur baiserai point les mains et j'ensinuerai aux autres d'imiter mon exemple. Je renvoyerai au Réglement, us et coutumes établis dès longtems, tous ceux qui s'aviseront de me demander mon conseil sur la quantité

de poudre qu'ils auront à brûler à Leur intention, comme aussi sur le reste de la cérémonie. Il n'y a que les Têtes noires (Die Schwartze Häupter), qui pourraient un peu embarrasser le Prince de Holstein-Beck. Je le prierai aujourd'hui de faire en sorte que les chevaux soient à leur places respectives au jour marqué et alors j'envoyerai quelqu' un d'ici pour voir si cela est executé. Je lui ai déjà dit qu'il fasse faire dans son Gouvernement des ponts un peu mieux conditionnés que ceux que j'ai trouvés par ci par là sur mon chemin. Ils sont tout neufs, à la vérité; mais ce n'est pas assez pour la sureté des voyageurs. Il m'a promis d'en avoir soin.

Catherinendahl n'est pas encore du tout logeable; et voilà les Fêtes de la Pentecôte qui viennent aujourd'hui très-mal à propos pour mon impatience. Les ouvriers Allemands ne veulent pas travailler aujourd'hui. Ce sera un miracle si je les engagerai à travailler demain et après-demain. Car ils sont persuadés que, comme bons Lutheriens, ils commettront un grand peché en faisant quelque chose de bon pendant les jours de fête. Je n'ose pas les brusquer de peur de gâter tout. Je me suis déjà adressé hier au Bourgmestre d'ici, et je l'ai engagé à leur parler amicalement là-dessus. Je ne saurais me flatter que le château pût être rendu logeable avant cinq ou six jours, c. à. d. avant le 25 de ce mois. Et un vent favorable peut m'amener mes Gastes avant ce jour, si elles sont parties de Berlin sur la fin de la semaine passée, comme V. M. le remarquez dans Votre dernière. Je commence à être embarrassé *un peu*, pour ne pas dire *beaucoup*. Je suis heureux que ma façon d'écrire ai l'approbation de V. M. et je tach rai aussi d'exécuter Vos ordres quant à me bien porter.

Pour ce qui est des affaires de mon Beau-Frère, j'aurai l'honneur de dire à V. M. qu'il y en a deux: l'une regarde les pretentions mal fondées de son frère cadet au sujet de la disposition testamentaire du feu le Duc, leur Père; l'autre et la plus considérable, est sa mésintelligence avec la noblesse du pays. A l'égard de la première V. M. avez gracieusement promis d'envoyer Vos ordres à Votre Ministre en Pologne d'avoir soin que le tribunal qui la jugeroit, ne fit point du tort aux droits du Duc, mais qu'il expédiât le procès promptement. Pour ce qui est de l'autre, vous avez voulu, Madame, instruire vos Ministres tant en Pologne, qu'en Courlande: le premier d'appuyer au Nom de V. M. les intérêts du Duc à la Diète Générale, contre les plaintes séditieuses de la Noblesse ou plutôt de leur Maréchal Brüggen et de sa clique, justement soupçonnés d'y être engagés par les intrigues de Saxe: et l'autre (Mr Simolin) de déclarer à la Noblesse de Courlande qu'ils ayent à se soumettre aux intentions de leur Duc en tant qu'elles sont conformes aux Lois et Coutumes du Pays: et de ne preter aucune attention aux insinuations étrangères qui les engagent seulement à chicaner le Duc à leur propre préjudice.

Par les dernières lettres que j'ai reçues de Courlande, le Duc prie très humblement V. M. d'avoir la grâce d'ordonner à Mr de Simolin de déclarer à la Noblesse que pour couper court toutes les chicanes passées et avenir, ils s'abstiennent d'élire pour Députés pour le Landtag prochain leur cy-devant Maréchal Brüggen et ses adherans.

J'ai l'honneur d'être, Madame,

de V. M. I.

le très humble et très obeyssant sujet et serviteur
le Bar. Czerkasow.

Черкасовъ императрицѣ.

Содержаніе: Увѣдомленіе о полученіи письма отъ 16го мая.—Церемоніалъ пріема ландграфини и ея дочерей.—Въ Эстляндіи мосты новы, но этого недостаточно для безопасности путешественниковъ.—Приготовленія продолжаются въ Екатеринталѣ. — Мастеровые-Нѣмцы увѣрены что дѣлать что-либо путное въ праздникъ, смертный грѣхъ. — Переговоры съ бургомистромъ.—Черкасовъ постарается быть здоровымъ.—Дѣла герцога Курляндскаго.—Брюггенъ и Симолинъ.

Ревель, 19го мая 1773

Всемилостивѣйшая государыня!

Вчера вечеромъ имѣлъ я честь получить письмо вашего императорскаго величества отъ 16го числа сего мѣсяца. Письмо адресованное вашимъ величествомъ г. Ребиндеру будетъ ему отправлено какъ только эскадра покажется въ виду Ревеля. Не пришлете ли вы мнѣ также письмо которое бы я могъ вручить ландграфинѣ [1], при пріѣздѣ ея въ Екатеринталь?

Я въ восхищеніи, всемилостивѣйшая государыня, что вы отчасти предупредили мои желанія присылкою приказаній въ отношеніи нѣкоторыхъ пунктовъ, повергнутыхъ на ваше благоусмотрѣніе письмомъ моимъ отъ 16го числа сего мѣсяца. Всѣ четыре принцессы не иначе будутъ титулуемы какъ просто *свѣтлость*. Я не буду цѣловать у нихъ рукъ и внушу другимъ подражать моему примѣру; я обращу къ уставу, къ обычаямъ и обрядамъ, издавна установленнымъ, всѣхъ тѣхъ кто осмѣлится спрашивать моего мнѣнія о количествѣ пороху которое они должны будутъ сжечь въ честь ихъ, какъ и о прочемъ, относящемся до церемоніала. Одни только Черноголовые могутъ нѣсколько затруднить принца Голштейнъ-Бекскаго. Я его сегодня попрошу устроить такъ чтобы лошади находились на своихъ мѣстахъ въ назначенный день, и тогда я отправлю отсюда кого-нибудь чтобы посмотрѣть все ли такъ сдѣлано. Я уже сказалъ ему чтобъ онъ въ своей губерніи распорядился устройствомъ мостовъ, которые бы были нѣсколько прочнѣе видѣнныхъ мною когдѣ при проѣздѣ сюда. Правда, что всѣ они новы, но этого недо-

статочно для безопасности путешественниковъ. Онъ мнѣ обѣщалъ позаботиться о семъ.

Екатеринентальскій дворецъ еще вовсе не приспособленъ къ тому чтобы въ немъ можно было жить; и вотъ сегодня, очень некстати для моего нетерпѣнія, наступаетъ празднованіе пятидесятницы. [2] Мастеровые Нѣмцы не хотятъ работать сегодня. Сочту за чудо если уговорю ихъ поработать завтра и послѣ завтра, такъ какъ они увѣрены что въ качествѣ ревностныхъ лютеранъ они бы совершили большой грѣхъ, сдѣлавъ что-либо путное въ праздничные дни. Не рѣшаюсь на нихъ прикрикнуть чтобы тѣмъ не испортить все дѣло. Я уже обращался къ здѣшнему бургомистру [3] и убѣждалъ его ласково переговорить съ ними объ этомъ предметѣ. Не могу ласкать себя надеждою чтобы дворецъ могъ быть готовъ прежде пяти или шести сутокъ, то-есть до 25го числа сего мѣсяца. А между тѣмъ попутный вѣтеръ можетъ привести мнѣ моихъ гостей до этого срока, если они выѣхали изъ Берлина подъ конецъ прошлой недѣли, какъ ваше величество изволите писать въ послѣднемъ вашемъ письмѣ. Я начинаю чувствовать себя *нѣсколько*, чтобы не сказать *весьма*, въ затрудненіи. Я счастливъ что моя манера писать удостоивается одобренія вашего величества и постараюсь также исполнить ваши приказанія о томъ чтобы быть здоровымъ.

Что же касается до дѣлъ моего шурина, [4] то имѣю честь доложить вашему величеству что такихъ дѣлъ два: первое возникло изъ неосновательныхъ претензій его младшаго брата, по поводу завѣщанія покойнаго герцога, ихъ отца; второе, и самое значительное,— это его раздоры съ мѣстнымъ дворянствомъ. Относительно перваго, ваше величество изволили милостиво обѣщать приказать вашему посланнику въ Польшѣ постараться чтобы судъ который будетъ разсматривать эту тяжбу, не нанесъ ущерба правамъ герцога и поскорѣе бы ее разрѣшилъ. Касательно втораго дѣла вы намѣревались, всемилостивѣйшая государыня, поручить вашимъ уполномоченнымъ не только въ Польшѣ, но и въ Курляндіи: первому вступиться, отъ имени вашего величества, за интересы герцога на общемъ сеймѣ противу крамольныхъ жалобъ дворянства, или скорѣе предводителя онаго, Брюггена [5], и его партіи, справедливо подозрѣваемыхъ въ томъ что они служатъ орудіемъ саксонской интриги; а второму, то-есть г. Симолину, внушить курляндскому дворянству чтобъ оно покорилось предположеніямъ герцога, на сколько они согласны съ законами и обычаями страны и не слушалось бы иноземныхъ наущеній, которыя побуждаютъ оное придираться къ герцогу, во вредъ самому себѣ. Въ послѣднихъ письмахъ которыя я получилъ изъ Курляндіи, герцогъ всенижайше проситъ ваше величество милостиво приказать г. Симолину [6] объявить дворянству чтобъ оно, дабы разомъ покончить съ этими придирками,—настоящими и будущими,—

воздержалось избрать въ депутаты на предстоящій ландтагъ своего бывшаго предводителя Брюггена и его приверженцевъ.

Честь имѣю быть, всемилостивѣйшая государыня, вашего императорскаго величества, всенижайшимъ и всепокорнѣйшимъ подданнымъ и слугою

Бар. Черкасовъ.

Примѣчанія:

Подлинникъ этого письма находится въ государственномъ архивѣ, въ кабинетскихъ дѣлахъ и, при провѣркѣ его съ сохранившимся у насъ черновымъ, оказалось что переписывая его на бѣло, Черкасовъ дѣлалъ перестановки и измѣнилъ нѣкоторыя выраженія.

[1] Желаніе Черкасова, выраженное въ этомъ письмѣ *отъ 19го мая*, имѣть рекомендательное письмо къ ландграфинѣ было предупреждено Екатериной II, такъ какъ она ему отправила оное *21го числа*, то-есть до полученія настоящаго донесенія (см. № VIII); а изъ записочки, написанной на французскомъ языкѣ въ среду, 15го мая, и дополнявшей данную Черкасову инструкцію (№№ I и II) видно что уже тогда ему было послано письмо, которое онъ долженъ былъ вручить ландграфинѣ.

[2] Изъ *Мѣсяцеслова на лѣто по Р. Х. 1773е* видно что Пасха была въ этомъ году 31го марта, а Троицынъ и Духовъ дни 19го и 20го мая.

[3] Изъ статьи о фамиліи Бенкендорфъ въ т. III *Росс. Родосл. Книги* С.-Петербургъ, 1855, стр. 252я, видно что званіе ревельскаго бургомистра давало дворянское достоинство.

[4] Процессъ герцога Петра Бирона съ его братомъ, принцемъ Карломъ курляндскимъ, подробно объясненъ нами въ примѣчаніи къ стр. 179 *Русскаго Вѣстника* за мартъ мѣсяцъ сего года; тамъ же сказано что россійскимъ посломъ въ Польшѣ находился тогда дѣйствительный тайный совѣтникъ баронъ (въ послѣдствіи графъ) О. М. Стакельбергъ. Что же касается до неудовольствій герцога съ мѣстнымъ дворянствомъ, то они обстоятельно разсказаны на стр. 194й тома II сочиненія Рихтера: *Geschichte der Ostseeprovinzen*.

[5] *Фонъ-деръ-Брюггенъ*,—одна изъ древнѣйшихъ курляндскихъ фамилій. Она однакоже не помѣщена въ *Росс. Родосл. Книгѣ*.

[6] Баронъ *Сиволинъ*, тайный совѣтникъ, сперва былъ россійскимъ министромъ-резидентомъ въ Митавѣ; потомъ въ Парижѣ, во время революціи. Изъ дѣлъ государственнаго архива видно что въ 1764—1769 годахъ онъ былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ на германо-имперскомъ сеймѣ въ Регенсбургѣ.

VII.

Czerkassow à l' Impératrice.

de Réval, le 21 May, à 4 h. après-midi.

Madame!

Ce matin j'ai eu l'honneur de recevoir la lettre de V. M. I. du 18 de ce mois.

Dans deux jours le chateau de Catherinendahl sera mis en état de recevoir les Princesses qui. je crois, ne tarderont pas longtems, puis qu' elles ont à présent un vent favorable et que la flottille de V. M. en allant à Lubeck a passé à la hauteur de Réval le matin du 9me de ce mois, à ce que je l'ai appris d'un Officier, qui est venu ici depuis peu de Kronstadt.

J'exécuterai l'idée de faire loger les Princesses dans les maisons de particuliers bien étoffées, comme le sont celle du Comte de Steinbock, à 48, et celle de Madame de Delwig, à 90 werstes d'ici, et tout près des maisons de Poste. A la manière dont V. M. avez traité les questions et les questionneurs, j'ai peur d'en faire d'avantage, c'est pourquoi je ne vous demande pas la permission d'envoyer Mr Bogdanoff au devant pour voir si tous les chevaux sont à leur stations, mais je l'y enverrai avec ordre de m'expédier de chaque station un rapport du nombre des chevaux qu'il y aura trouvé. Je ne le ferai partir qu'après l'arrivée des Princesses, qui, je m'imagine, auront besoin de se reposer ici quatre ou cinq jours, pour se remettre des fatigues qu'elles auront essuyées sur mer. De cette façon j'aurai tout le temps de recevoir son rapport de Kipen avant que je me mette en route. Je suis persuadé que Mr Bogdanoff exécutera cette commission avec promptitude et exactitude; d'ailleurs, j'ai un Officier auprès de vos equipages, dont je me propose de faire le payeur des прогоны.

Ayez la Grace, Madame, d'ordonner au Grand-Maréchal de Votre Cour d'envoyer à notre rencontre quelques légumes pour la table sur les stations entre Czarscoé Sélo et Narva. Même d'ici jusqu'à Narva il n'y a que laitue, asperges, oseille et épinars pour tout potage. Les petits pois, aricots et autres friandises ne viennent qu'après la St. Jean. Après l'arrivée des Princesses je marquerai à Monsieur le Grand-Maréchal de la Cour les endroits, où il sera nécessaire d'envoyer des provisions et les jours que j'en aurai besoin.

J'ai l'honneur d'être, avec un très profond respect,

Madame,
de V. M. I.
le très humble et très obéyssant
serviteur et sujet
le B. Czercasow.

Черкасовъ императрицъ.

Содержаніе: Полученіе имъ письма отъ 18го мая. — Екатериненталь. — Флотилія. — Попутный вѣтеръ. — Дома гр. Стенбока и г-жи Дельвигъ по Нарвской дорогѣ, приготовленные для ландграфини. — Богдановъ. — Положеніе станцій. — Необходимость присылки туда оберъ-гофмаршаломъ провизіи.

Ревель, 21го мая, въ 4 ч. пополудни.

Всемилостивѣйшая государыня!

Нынче утромъ я имѣлъ честь получить письмо в. и. в. отъ 18го сего мѣсяца.

Черезъ двое сутокъ Екатериненталь скій дворецъ будетъ готовъ къ принятію принцессъ, которыя, полагаю, не замедлятъ пріѣхать, такъ какъ онѣ пользуются въ настоящее время попутнымъ вѣтромъ; къ тому же, флотилія в. в. на дорогѣ въ Любекъ показалась на высотѣ Ревеля 9го сего мѣсяца утромъ, какъ я это узналъ отъ одного офицера, недавно прибывшаго сюда изъ Кронштадта.

Я приведу въ исполненіе предположеніе помѣстить принцессъ въ частныхъ домахъ прилично меблированныхъ (каковы дома графа Стенбока [1] въ 48, и домъ г-жи Дельвигъ, [2] въ 90 верстахъ отсюда) и находящихся въ сосѣдствѣ почтовыхъ домовъ. Видя какъ в. в. отнеслись къ вопросамъ и къ вопрошающимъ, я не смѣю дѣлать вамъ новыхъ вопросовъ, и потому не ходатайствую о разрѣшеніи отправить впередъ г. Богданова, [3] чтобъ узнать всѣ ли лошади находятся на станціяхъ; я его отправлю съ приказаніемъ присылать мнѣ съ каждой станціи рапортъ съ означеніемъ числа лошадей на ней найденныхъ; я отправлю его только по пріѣздѣ принцессъ, которымъ полагаю необходимо будетъ отдохнуть здѣсь дня четыре или пять, чтобы оправиться отъ утомленія испытаннаго въ морѣ. Такимъ образомъ я буду имѣть время получить его рапортъ изъ Кипени до моего отъѣзда. Я увѣренъ что г. Богдановъ исполнитъ это порученіе въ скоромъ времени и съ точностью; у меня также состоитъ въ распоряженіи офицеръ при вашихъ экипажахъ, который будетъ плательщикомъ прогоновъ.

Сдѣлайте милость, прикажите, всемилостивѣйшая государыня, вашему оберъ-гофмаршалу [4] выслать намъ на встрѣчу овощей къ столу на промежуточныя станціи между Царскимъ Селомъ и Нарвой. Даже отсюда до Нарвы можно только найти латукъ, спаржу, щавель и шпинатъ. Мелкій горошекъ, бобы и т. п. лакомства появляются толь-

ко послѣ Иванова дня. По прибытіи принцессъ, я означу г. оберъ-гофмаршалу мѣста куда необходимо будетъ выслать провизію и скажу ему о дняхъ когда это потребуется.

Честь имѣю быть, съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ,

всемилостивѣйшая государыня,

в. и. в.

всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга и подданный,

Бар. Черкасовъ.

Примѣчанія.

Сохранившійся у насъ черновой отпускъ этого письма исправленъ по находящемуся въ государственномъ архивѣ подлиннику.

[1] Каменный домъ въ имѣніи *Колкѣ* графа Стенбока, о которомъ упоминается и въ письмахъ №№ XIII и XVIII, какъ отстоящемъ отъ Екатериненталя въ 48ми, и въ 2хъ верст. отъ станціи Педрусъ, существуетъ понынѣ. Имѣніе это есть майоратъ и лежитъ близь моря. Тамъ ландграфиня и ея дочери и имѣли первый ночлегъ по отъѣздѣ изъ Ревеля

[2] Объ имѣніи *Іеве* баронессы Ек. Ел. *Дельвигъ*, рожд. Менгденъ, упоминается въ тѣхъ же двухъ письмахъ. Она была за барономъ Карломъ-Лудвигомъ Дельвигомъ, овдовѣла въ 1769 году, и такъ какъ сынъ ея Антонъ, генералъ-майоръ, женатый на Красильниковой, былъ отецъ нашего поэта, бар. Ант. Ант. Дельвига, то эта старушка была бабушка послѣдняго. Бар. Андрей Ивановичъ, товарищъ министра путей сообщеній, приходится ему двоюроднымъ братомъ. Фамилія Дельвигъ, извѣстная съ XIII вѣка въ Германіи, пришла въ остзейскій край въ XV столѣтіи, и въ 1723 году пріобрѣла баронское Шведскаго королевства достоинство (*Росс. Род. Кн.* томъ III, С.-Петербургъ, 1856 г. стр. 341 и 342.)

[3] О Богдановѣ уже была рѣчь въ № II этой корреспонденціи.

[4] Оберъ-гофмаршаломъ былъ въ то время князь Николай Михайловичъ Голицынъ.

БАРОНЪ Ѳ. БЮЛЕРЪ.

(До слѣд. №)

НА НОЖАХЪ

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

БОЛЬ ВРАЧА ИЩЕТЪ.

I. Отступница.

Въ губернскомъ городѣ N есть довольно большой деревянный домъ, принадлежащій господамъ Висленевымъ, Іосафу Платоновичу, человѣку лѣтъ тридцати пяти, и сестрѣ его Ларисѣ Платоновнѣ, дѣвушкѣ по двадцатому году. Домъ этотъ, просторный и барскій, былъ бы вовсе бездоходенъ, еслибъ его владѣльцы захотѣли жить въ немъ не стѣсняясь. Въ немъ девять комнатъ, по старорусскому дворянскому обычаю расположенныхъ, такъ что двумъ семействамъ въ нихъ никакъ размѣститься невозможно. Родители нынѣшнихъ владѣльцевъ строили домъ для себя и не предвидѣли никакой нужды извлекать изъ него какіе бы то ни было доходы, а потому и планировали его, что̀ называется, по своей фантазіи. Старикамъ не было и нужды стѣснять себя, потому что у нихъ по старинѣ были хорошіе доходы съ доходнаго мѣста. При извѣстной безпечности, вообще свойственной русской натурѣ, доходамъ этимъ не предвидѣлось конца, а онъ вдругъ и

пришелъ: старикъ Платонъ Висленевъ, совѣтникъ одной изъ губернскихъ палатъ, легъ однажды спать и не проснулся. Вдова его нашла въ бюро мужа очень небольшую сумму денегъ и получила тоже очень небольшой пенсіонъ. Всѣмъ этимъ прожить было невозможно, тѣмъ болѣе что приходилось воспитывать пынѣшнихъ владѣльцевъ дома, Іосафа Платоновича, бывшаго тогда въ шестомъ классѣ гимназіи и Ларису Платоновну, оставшуюся въ совершенномъ малолѣтствѣ. Домъ надо было сдѣлать изъ бездоходнаго доходнымъ. Съ этою цѣлью вдова Висленева построила во дворѣ, окнами въ садъ, флигелекъ въ пять небольшихъ комнатъ, и сама съ дѣтьми поселилась въ этомъ флигелькѣ, а большой домъ начала отдавать въ наймы. Съ этихъ поръ доходы ея стали таковы что она могла содержать сына въ гимназіи, а потомъ и въ университетѣ, а дочь добрые люди помогли устроить въ институтъ на казенный счетъ. Вдова Висленева вела жизнь аккуратную и разчетливую, и съ тяжкою нуждой не зналась, а отсюда въ губернскихъ кружкахъ утвердилось мнѣніе что доходы ея отнюдь не ограничиваются домомъ да пенсіей, а что у нея кромѣ того конечно есть еще и капиталъ, который она тщательно скрываетъ, приберегая его на приданое Ларисѣ. Доходили такіе слухи и до самой вдовы, и она ихъ, по общему мнѣнію, опровергала очень слабо: старушка имѣла въ виду что эти толки ей не повредятъ. Семь лѣтъ тому назадъ, подозрѣнія насчетъ таинственнаго ларца вдовы Висленевой получили еще новое и для мѣстныхъ прозорливцевъ неотразимое подтвержденіе. Іосафъ Платоновичъ Висленевъ тотчасъ по окончаніи университетскаго курса пріѣхалъ домой, и только что было опредѣлился на службу, какъ вдругъ его ночью внезапно арестовали, обыскали и увезли куда-то по политическому дѣлу. Спасенія и возврата его никто не чаялъ, его считали погибшимъ навѣки, причемъ губернскому человѣчеству были явлены новыя доказательства человѣческаго, или собственно говоря, женскаго коварства и предательства, со стороны одной молодой, но какъ всѣ рѣшили, крайне испорченной и корыстной дѣвушки, Александры Ивановны Гриневичъ. Выручилъ же Іосафа Висленева материнъ заповѣдный ларецъ. Дѣло объ этомъ предательствѣ требуетъ подробнаго объясненія.

Іосафъ Платоновичъ Висленевъ еще чуть не съ пятнадцати лѣтъ былъ влюбленъ въ дочь нанимавшаго ихъ домъ инспектора врачебной управы, Гриневича. Близкіе люди считали

эту любовь большимъ несчастіемъ для молодаго человѣка, подававшаго блестящія надежды. Считали это несчастіемъ конечно не потому чтобы кто-нибудь признавалъ Сашеньку Гриневичъ, тогда еще дѣвочку, недостойною со временемъ хорошей партіи, но потому что взаимное тяготѣніе дѣтей обнаружилось слишкомъ рано, такъ что предусмотрительные люди имѣли основанія опасаться чтобы такая ранняя любовь не помѣшала молодому человѣку учиться, окончить курсъ и стать на хорошую дорогу.

Опасенія и понятныя и умѣстныя, на этотъ разъ какъ рѣдкое быть-можетъ исключеніе, оказались излишними. Любовь Іосафа Платоновича Висленева къ Александрѣ Ивановнѣ Гриневичъ не помѣшала ему ни окончить съ золотою медалью курсъ въ гимназіи, ни выдти однимъ изъ первыхъ кандидатовъ изъ университета. Пока молодой Висленевъ былъ въ гимназіи, а Александра Ивановна ходила въ пансіонъ, родители не препятствовали ихъ юной привязанности. Когда Висленевъ уѣхалъ въ университетъ, между нимъ и Сашей Гриневичъ, оставившей въ это время пансіонскіе уроки, установилась правильная переписка, которой никто изъ родителей не заботился ни пріостанавливать, ни провѣрять. Все это за обычай стало дѣломъ имѣющимъ правильное теченіе, которое, какъ всѣ вѣрили, должно завершиться вѣнцомъ.

Родители Сашеньки имѣли про черный день состояньице, правда, очень небольшое, но во всякомъ случаѣ обезпечивавшее ихъ дочери безбѣдное существованіе. Такимъ образомъ Сашенька, которая была недурна собой, очень способна, училась хорошо, нравъ имѣла веселый и кроткій, чѣмъ она не невѣста? Іосафъ Висленевъ молодецъ собой, имѣлъ домъ, университетское образованіе: стало-быть чѣмъ же онъ не женихъ? Матери очень многихъ дѣвицъ, поставленныхъ гораздо лучше чѣмъ дочь доктора Гриневича и гораздо положительнѣе ея обезпеченныхъ, не пренебрегли бы такимъ женихомъ какъ Висленевъ, а Сашенькѣ Гриневичъ партія съ Висленевымъ, по всеобщему приговору, была просто кладъ, за который эта дѣвушка должна была держаться крѣпче.

По общимъ замѣчаніямъ, Сашенька понимала свою пользу и держалась, за что ей слѣдовало держаться, превосходно. Говорили что надо было дивиться ея такту и уму, твердымъ и разчетливымъ даже не по лѣтамъ. Съ Іосафомъ Платоновичемъ она не всегда была ровна, и даже подчасъ для са-

маго ненаблюдательнаго взгляда было замѣтно что между ними пробѣгали легкія тѣни.

— Наши дѣти дуются, говорили другъ другу ихъ матушки, бывшія между собой друзьями.

Дѣти дулись, но ихъ никто не мирилъ и никто не уговаривалъ, за ними однако наблюдали со вниманіемъ и очень радовались когда ссора прекращалась, и между ними возстанавливалась дружба и согласіе, а это случалось всегда немедленно послѣ того какъ Іосафъ Висленевъ, переломивъ свою гордость и изыскавъ удобную минуту уединеннаго свиданія съ Сашей, просилъ у нея прощенія.

Въ чемъ заключались тѣ вины Іосафа Висленева которыя Александра Ивановна разрѣшала и отпускала ему неиначе какъ послѣ покаянія? Это оставалось тайной, этого никто изъ родныхъ и домашнихъ не зналъ да и не усиливался проникнуть. Однажды лишь одной досужей сосѣдкѣ вдовы Висленевой удалось подслушать какъ Саша журила Іосафа Платоновича за его опыты въ стихотворствѣ. Это многихъ возмутило и показалось капризомъ со стороны Саши, но Іосафъ Платоновичъ самъ сознался матери что онъ писалъ въ стихахъ ужасный вздоръ, который однако отразился вредно на его учебныхъ занятіяхъ въ классѣ и что онъ даже очень благодаренъ Сашѣ за то что она вернула его къ настоящему дѣлу.

Это разъ навсегда примирило мать Висленева съ тѣнями въ отношеніяхъ Саши къ Іосафу Платоновичу, и вдова не преминула, кому только могла, разказать о Сашенькиной солидности.

Солидности этой однако не всѣми была дана одинаковая оцѣнка, и многіе построили на ней заключенія невыгодныя для характера молодой дѣвушки. Нѣкоторыя молодыя дамы, напримѣръ, называли это излишнею практичностью и жесткостью: по ихъ мнѣнію, Саша, имѣй она душу живую и воспріимчивую, какую предполагаетъ въ себѣ каждая провинціальная дама, не убивала бы поэтическіе порывы юноши и, поддержала бы ихъ: женщина должна вдохновлять, а не убивать вдохновеніе.

Вдова Висленева не внимала этимъ рѣчамъ, ей не легко было содержать сына въ школѣ и потому она страшно боялась всего что̀ угрожаетъ его успѣхамъ, и осталась на сторонѣ Саши, которою такимъ образомъ была одержана первая

солидная побѣда надъ всѣми желавшими соперничать съ нею въ семьѣ жениха.

Старыя дамы глядѣли на дѣло съ другой стороны, и прозирая вдаль, предсказывали утвердительно одно что Саша раньше времени беретъ Іосафа Платоновича подъ башмакъ, и отнынѣ будетъ держать цѣлую жизнь подъ башмакомъ.

Мать Висленева явила столько характера что не смущалась и такими предсказаніями, и махая рукой, отвѣчала что „Улита ѣдетъ, а когда-то будетъ!“

Мать Александры Ивановны въ свою очередь пробовала допрашивать дочь за что она порой недовольна на Висленева, но Саша обыкновенно кротко отвѣчала: такъ, за пустяки, maman!

— Такъ за пустяки, мой другъ, зачѣмъ же сердишься? Споры во всякомъ случаѣ не красятъ жизнь, а темнятъ ее.

— Ну, мамочка, повѣрьте мнѣ что я не хочу же чтобъ его жизнь мрачилась, а напротивъ, желаю ему счастія и...

Дѣвушка потупилась и замолчала.

— И что, Alexandrine? допросила ее мать, положивъ на колѣни свое шитье и вскинувъ на лобъ черепаховые очки.

— И я, maman, сама стыжусь безпрестанныхъ размолвокъ, и страдаю отъ нихъ больше чѣмъ онъ. Вѣрьте что я тысячу разъ сама охотнѣе просила бы у него извиненія.... я сдѣлала бы все чего бы онѣ только захотѣлъ, еслибъ я... была виновата!

— Предъ нимъ?

— Нѣтъ, maman, не предъ нимъ... этого я даже не допускаю, но предъ правдой, предъ долгомъ, предъ его матерью, которой онъ такъ много обязанъ. Повѣрь, maman, что все что въ этомъ отношеніи въ немъ для другихъ мелко и ничтожно, то.... для меня ужасно видѣть въ немъ. Онъ... проговорила Саша и снова замялась.

Старая Гриневичъ посмотрѣла на дочь пристальнымъ взглядомъ и тихо поманила ее къ себѣ.

Дѣвушка опустилась колѣнами на скамейку стоявшую у ногъ матери, и взявъ ея руки, поцѣловала ихъ.

Старуха откинула набѣжавшія на лобъ дочери каштановыя кудри и вперила пристальный взглядъ въ ея большіе глаза.

— Скажи мнѣ что онъ дѣлаетъ, мой другъ? прошептала мать.

— Мама, дружекъ мой, не спрашивай меня объ этомъ, это можетъ-быть въ самомъ дѣлѣ все пустяки, которые я преувеличиваю; но ихъ.... какъ тебѣ, мама, выразить не знаю. Онъ хочетъ любить то чего любить не можетъ; онъ вѣритъ тѣмъ кому не довѣряетъ; онъ слушается всѣхъ и никого.... Родная! прости мнѣ что я тебя встревожила и забудь о моей болтовнѣ.

Когда пріѣзжалъ на каникулы Іосафъ Висленевъ изъ университета, онъ и Саша встрѣчались другъ съ другомъ каждый разъ чрезвычайно тепло и нѣжно, но въ то же время было замѣчено что, съ каждою побывкой Висленева домой, радость свиданія съ Сашей охладѣвала. Тѣней и прежнихъ полудѣтскихъ ссоръ теперь правда не было, но за то ихъ въ молодой дѣвушкѣ замѣнили сдержанность и самообладаніе и въ рѣчи и въ пріемахъ. Впрочемъ было ясно что это была только сдержанность, а не измѣна въ чувствахъ. Опытный и зоркій взглядъ, наблюдая молодыхъ людей, могъ замѣтить что они любили другъ друга попрежнему, а Саша еще и больше прежняго. Чѣмъ дальше Висленевъ уклонялся отъ ея идеала, тѣмъ сильнѣе овладѣвалъ ея сердцемъ, ея волею и ея помыслами. Такъ любятъ въ жизни разъ, далеко предъ тою порой когда любовь послушна разуму.

Любовь самая чистая, самая преданная сказывалась у Саши вниманіемъ ко всѣмъ вѣстямъ касавшимся Висленева, и выливалась въ пространнѣйшихъ письмахъ, которыя она ему писала аккуратно каждую недѣлю.

Но вотъ прекратились и письма. Отчего и какъ? Это опять оставалось ихъ же секретомъ, но корреспонденція прекратилась, и на лбу у Саши между бровями стала набѣгать тонкая морщинка.

Такъ стояли дѣла въ послѣдній годъ пребыванія Висленева въ университетѣ, когда Сашѣ Гриневичъ только что минуло восемнадцать лѣтъ, а ему исполнилось двадцать четыре года. Окончательно же Висленевъ потерялъ свою невѣсту слѣдующимъ образомъ.

Пріѣхалъ Висленевъ домой, опредѣлился на службу въ губернскую канцелярію, служитъ, сводитъ знакомства. Саша выѣзжаетъ мало, однако и не избѣгаетъ выѣздовъ, показывается съ другими на губернскихъ вечерахъ, раутахъ, и весела она и спокойна, и не отказывается отъ танцевъ. Съ Висленевымъ холодна. Въ городѣ рѣшили что дѣло между ними кон-

чено. Разныя лица, то самой Сашѣ, то ея родителямъ, начали дѣлать предложенія. Сначала ея руки искалъ генералъ Синтянинъ, если не очень важное, то очень вліятельное лицо въ районѣ губерніи, вдовецъ, съ небольшимъ пятидесяти лѣтъ, имѣющій хорошее содержаніе и двухлѣтнюю глухонѣмую дочь. Предложеніе генерала было отклонено, чему впрочемъ никто и не удивился, потому что хотя Синтянинъ былъ еще бодръ, и свѣжъ, и даже ловокъ на столько что не боялся соперничества молодыхъ людей въ танцахъ, но про него шла ужасная слава. Помнили что когда онъ, десять лѣтъ тому назадъ, пріѣхалъ сюда изъ Петербурга въ первомъ штабъ-офицерскомъ чинѣ, онъ привезъ съ собою экономку, Эльвиру Карловну, чрезвычайно кроткую петербургскую Нѣмку. Эльвира Карловна не была принята нигдѣ во всѣ годы которые она провела въ должности экономки у генерала. Красотою ея, хотя и довольно стереотипною, но пріятною, по безпредѣльной кротости выраженія, можно было любоваться только случайно, когда она, глядя въ окно, смаргивала съ глазъ набѣгавшія на нихъ слезы, или когда изъ-за оконной ширмы видно было ея вздрагивающее плечо. Она была всегда если не въ слезахъ, то въ страхѣ, — такъ ее всѣ себѣ и представляли, и связывали это представленіе съ характеромъ генерала Синтянина. А какой это былъ характеръ про то Богъ одинъ вѣдалъ, хотя по наружности и пріемамъ генералъ былъ человѣкъ очень мягкій, даже черезчуръ мягкій. Для женщинъ Синтянинъ былъ особенно антипатиченъ, потому что онъ на словахъ былъ неумытно строгъ къ правамъ; трактовалъ женщинъ несовершеннолѣтними, требующими всегдашней опеки, и цинически говорилъ что „любитъ видѣть какъ женщина плачетъ“. Ко всему же этому, у генерала Синтянина, человѣка очень стройнаго и высокаго роста, при правильномъ и блѣдномъ матовомъ лицѣ, и при очень красиво павшихъ сѣдинахъ, были ужасные, леденящіе глаза, неопредѣленнаго, темно-сѣраго цвѣта, безъ малѣйшаго отблеска. Такой цвѣтъ имѣетъ лухъ подъ крыльями совъ. Свыкнуться съ этими глазами было невозможно.

Но и этого мало: генералъ Синтянинъ нашелъ еще средство возстановить противъ себя всѣхъ женщинъ города однимъ поступкомъ, котораго человѣкость даже самъ сознавалъ и для объясненія котораго снизошелъ до того что предпослалъ ему

нѣкоторыя оправданія, несмотря на небреженіе свое къ общественному мнѣнію.

Дѣло въ томъ что у Эльвиры Карловны, въ то время когда она пріѣхала съ Синтянинымъ изъ Петербурга, была десятилѣтняя дочь, Флора, отъ законнаго брака Эльвиры Карловны съ бѣднымъ ювелирнымъ подмастерьемъ изъ Нѣмцевъ, покинутымъ женою въ Петербургѣ, неизвѣстно за что̀ и почему? (Конечно „не сошлись характерами“.) Когда дѣвочкѣ минуло одиннадцать лѣтъ, ее стали посылать въ пансіонъ. Генералъ въ качествѣ „благодѣтеля“ вносилъ за нее деньги, а черезъ семь лѣтъ неожиданно вздумалъ завершить свои благодѣянія, сдѣлавъ ее своею законною женой „предъ лицомъ неба и людей“. Таково было его собственное выраженіе.

Пустыхъ и вздорныхъ людей этотъ бракъ генерала тѣшилъ, а умныхъ и честныхъ, безъ которыхъ, по писанію, не стоитъ ни одинъ городъ, этотъ союзъ возмутилъ; но генералъ сумѣлъ смягчить непріятное впечатлѣніе своего поступка, объявивъ тамъ и сямъ подъ рукой что онъ женился на Флорѣ единственно для того чтобы въ случаѣ своей смерти закрѣпить за нею и за ея матерью право на казенную пенсію, безъ чего онѣ могли бы умереть съ голоду.

Объясненіе это произвело свое впечатлѣніе и даже пріобрѣло генералу въ губернскомъ обществѣ ретивыхъ защитниковъ, находившихъ бракъ его дѣломъ очень благороднымъ и предусмотрительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, бѣдная по состоянію, безвѣстная по происхожденію, запуганная Флора едва ли бы могла сдѣлать себѣ партію выше генеральскаго писаря.

Большинство общества рѣшило что Флорѣ все-таки гораздо лучше быть генеральшею, чѣмъ писаршей, и большинство этимъ удовольствовалось, а меньшинство, содержащее необходимую для стоянія города „праведность трехъ“, только покивало головами и пріумолкло.

Дѣло во всякомъ случаѣ совершено, и никто не былъ властенъ въ немъ ничего ни поправлять, ни перерѣшать. Домъ генерала всегда былъ запертъ для всѣхъ. Далѣе генеральскаго кабинета, куда къ нему являлись разные люди по дѣламъ, въ дальнѣйшіе его апартаменты, не проникалъ никто. Съ женитьбой генерала ничто не перемѣнилось. Синтянинъ и вѣнчался съ Флорой тихо, безъ всякой помпы, въ походной церкви перехожаго армейскаго полка; визитовъ съ женой никому не дѣлалъ, и ни жена его, ни те-

ща попрежнему не показывались нигдѣ кромѣ скромной приходской церкви. Онѣ обѣ перемѣнили лютеранство на православіе и были чрезвычайно богомольны, а можетъ-быть даже и религіозны. Пелены, занавѣсы, орари и воздухи приходской церкви все это было сдѣлано ихъ руками, и приходское духовенство считало Флору и ея мать ревностнѣйшими прихожанками.

Такъ прошло десять лѣтъ. Городъ привыкъ видѣть и не видать скромныхъ представительницъ генеральскаго семейства, и праздным людямъ оставалось одно удовольствіе рѣшать: въ какихъ отношеніяхъ находятся при генералѣ мать и дочь, и нѣтъ ли между ними соперничества? Соперничества между ними очевидно не было, и онѣ были очень дружны. Къ концу десятаго года замужства Флорѣ, или по нынѣшнему Аннѣ Ивановнѣ, Богъ далъ глухонѣмую дочку, которую назвали Вѣрой.

Эльвиры Карловны скоро не стало. Густой, черный вуаль Флоры, никогда не открывавшійся на улицѣ и часто опущенный даже въ темномъ углу церкви, былъ поднятъ, когда она стояла посреди храма у изголовья гроба своей матери. На бѣдную Флору смотрѣли жадно и со вниманіемъ, и она, доселѣ по общему признанію считавшаяся некрасивою, къ удивленію, не только никому отнюдь не казалась дурною, но напротивъ кроткое, блѣдное, съ легкимъ золотистымъ подцвѣтомъ лицо ея, и ея черные, глубокіе глаза, направленные на одну точку открытыхъ вратъ алтаря, были найдены даже прекрасными.

Старый священникъ, отецъ Гермогенъ, духовникъ усопшей Эльвиры Карловны, духовникъ и Флоры, когда ему замѣтили что послѣдняя такъ неожиданно похорошѣла, отвѣчалъ: „не такъ вы выражаетесь, она просіяла“.

Флора не плакала и не убивалась при материномъ гробѣ, и поцѣловала лобъ и руку покойницы съ такимъ спокойствіемъ, какъ будто здѣсь вовсе и не шло дѣло о разлукѣ. Да оно и въ самомъ дѣлѣ не имѣло для Флоры значенія разлуки: онѣ съ матерью шли другъ за другомъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ похоронъ Эльвиры Карловны, въ той же церкви отпѣвали Флору. Быстрая, хотя и очень спокойная кончина ея дала поводъ къ нѣкоторымъ толкамъ еще болѣе увеличивавшимъ общій страхъ къ характеру генерала Синтянина. Какъ ни замкнутъ былъ для всѣхъ домъ Синтянина, но

все-таки изъ него дошли слухи что генералъ, узнавъ по чьему-то доносу что у одного изъ писарей его канцеляріи, марковавшаго живописью, есть поясной портретъ Флоры, сдѣланный съ большимъ сходствомъ и искусствомъ, потребовалъ этотъ портретъ къ себѣ, долго на него смотрѣлъ, а потомъ тихо и спокойно выкололъ на немъ письменными ножницами глаза и поставилъ его на каминѣ въ комнатѣ своей жены. Что же касается до самого художника, то онъ былъ отчисленъ отъ канцеляріи генерала и отданъ въ другую команду, въ чьи-то суровыя руки; несчастный не вынесъ тяжкой жизни, зачахъ и умеръ. Предъ кончиною онъ не хотѣлъ причащаться изъ рукъ госпитальнаго священника, а просилъ призвать къ нему всегдашняго духовника его, отца Гермогена; исповѣдался ему, причастился и умеръ такъ спокойно какъ, по замѣчанію нѣкоторыхъ врачей, умѣютъ умирать одни русскіе люди. Черезъ недѣлю, этому же отцу Гермогену исповѣдала грѣхи свои и отходившая Флора, а двое сутокъ позже, тотъ же отецъ Гермогенъ, выйдя къ аналою чтобы сказать надгробное слово Флорѣ, взглянулъ въ тихое лицо покойницы, вздрогнулъ, и быстро устремивъ взоръ и руки къ стоявшему у изголовья гроба генералу, съ нѣмымъ ужасомъ на лицѣ воскликнулъ: „Отче благій! она молитъ Тебя: молитвъ ея ради ими же вѣси путями спаси его!“ и больше онъ не могъ сказать ничего, заплакалъ, замахалъ руками и сталъ совершать отпѣваніе.

Генералъ Синтянинъ овдовѣлъ и остался жить одинъ съ глухонѣмою дочкой; ему показалось очень скучно; онъ нашелъ что для него не поздно еще одинъ разъ жениться, и сдѣлалъ предложеніе Александрѣ Ивановнѣ Гриневичъ. Та, какъ выше сказано, предложеніе это отклонила, и генералъ болѣе за нее не сватался; но въ это же время отецъ Саши, старый инспекторъ Гриневичъ, ни сѣло ни пало, получилъ безъ просьбы чистую отставку. Въ городѣ проговорили что это не безъ Синтянинской руки, но какъ затѣмъ доктору Гриневичу, неповинному ни въ чемъ кромѣ мелкихъ взятокъ по должности (что̀ не считалось тогда ни грѣхомъ, ни покоромъ), опасаться за себя не приходилось, то ему и на мысль не вспадало робѣть предъ Синтянинымъ, а тѣмъ болѣе жертвовать для его прихоти счастіемъ дочери. Объ этомъ и рѣчи не было въ семейныхъ совѣтахъ Гриневичей. Они только сократили свои расходы, и продолжали жить тихо и смирно на свои очень

умѣренныя средства. Люди ихъ однако не позабывали, и женихи къ Alexandrine сватались и бѣдные, и богатые, и незнатные, и для губернскаго города довольно знатные, но Сашенька всѣмъ имъ отказъ и отказъ. Благодаритъ и отвѣчаетъ что она замужъ не хочетъ, что ей весело съ отцомъ и съ матерью. Ее наконецъ и оставили въ покоѣ. Прошелъ другой годъ какъ уже Висленевъ служилъ, и вдругъ разражается надъ нимъ туча: его арестовываютъ и увозятъ; старуха мать его въ страшномъ отчаяніи спѣшитъ въ Петербургъ, ходитъ тамъ, хлопочетъ, обиваетъ пороги, и все безуспѣшно. „Іосафу спасенья нѣтъ“, пишетъ она родной сестрѣ, майоршѣ, Катеринѣ Астаѳьевнѣ Форовой. Вѣсть эта разумѣется содержится въ секретѣ, но однако Катерина Астаѳьевна не таитъ ее отъ Гриневичей, потому что это все равно что одна семья.

Старикъ Гриневичъ, врачъ стараго закала, лѣчившій людей бузиной да ромашкой, и то перекрестясь, и писавшій вверху рецептовъ: „cum Deo“, развѣдавъ въ чемъ заключается вина Іосафа Платоновича, и узнавъ что съ нимъ и по его винѣ обречены къ страданіямъ многіе, поморщился и сказалъ дочери:

— Ну, знаешь, Саша, воля твоя, я хотя Висленевыхъ старый другъ и очень жалѣю Іосафа Платоновича, но хотѣлось бы мнѣ умереть съ увѣренностью что ты за него замужъ не пойдешь.

— Ваша воля, папа, будетъ исполнена, спокойно отвѣчала Саша.

Старикъ даже подскочилъ на мѣстѣ: онъ считалъ свою дочь очень доброю, благоразумною, но такого покорнаго отвѣта, такого спокойнаго согласія не ожидалъ отъ нея.

— Я тебя, Саша, совсѣмъ не стѣсняю и не заклинаю.... Нѣтъ, нѣтъ! Спаси меня отъ этого Боже! продолжалъ онъ крестясь и поднимая на лобъ очки.—Покидать человѣка въ несчастіи недостойно. И пожелай ты за него выйти, я скрѣпя сердце дамъ согласіе. Можетъ-быть даже сами со старухою пойдемъ за тобой, если не отгонишь, но....

— Да полно тебѣ, Иванъ Петровичъ, на старости лѣтъ романическія слова говорить! остановила его жена.

— Нѣтъ, постой, продолжалъ докторъ.—Это не романъ, а дѣло серіозное. Но если, другъ мой Сашенька, взвѣсить какъ

ужасно предъ совѣстью и предъ честными людьми это ребячье легкомысліе, которое ничѣмъ нельзя оправдать и отъ котораго теперь плачутъ столько матерей и томятся столько юношей, то....

— Я понимаю, папа, что это грѣхъ и преступленіе.

— И хорошо еще если онъ глубоко, искренно вѣрилъ тому что гибель тѣхъ кого губилъ онъ нужна, а если же къ тому онъ искренно не вѣрилъ въ то что̀ дѣлалъ.... Нѣтъ, нѣтъ! не дай мнѣ видѣть тебя за нимъ, вскричалъ онъ, вскочивъ и дѣлая шагъ назадъ.—Нѣтъ, я отрекусь отъ тебя, и если Богъ покинетъ меня силою терпѣнья, то.... я вѣдь еще про всякій случай врачъ и своею собственною рукой выпишу pro me acidum borussicum.

Старикъ закрылъ одною рукой глаза, а другою затрясъ въ воздухѣ, какъ будто отгоняя отъ себя страшное видѣніе, и отвернулся.

Саша приблизилась къ отцу, отвела тихо его руку отъ глазъ, прижала его голову къ своей груди и поцѣловавъ отца въ лобъ, тихо шепнула ему:

— Успокойся, успокойся, мой добрый папа. Чего ты не хочешь, того не будетъ.

Саша въ обыкновенномъ, спокойномъ, житейскомъ разговорѣ съ отцомъ и съ матерью всегда говорила имъ *вы*, но когда заходила рѣчь отъ сердца, она безпамѣтно устраняла это *вы* и говорила отцу и матери дружеское *ты*.

— Нѣтъ, заговорилъ опять, успокоившись, старикъ, — ты какъ слѣдуетъ пойми меня, дитя мое. Я вѣдь отнюдь не упрашиваю тебя сдѣлаться эгоисткой! Напротивъ, я заповѣдываю тебѣ, жертвуй собой, дитя мое, жертвуй собой на пользу ближняго и не возносись своею чистотой. Правому нечего гордиться предъ неправыми, ибо неправый можетъ исправиться, ибо въ живой душѣ всегда возможно обновленіе. Неодолимымъ страстямъ есть извѣстное оправданіе въ ихъ силѣ и неодолимости: но съ человѣкомъ у котораго нѣтъ.... вовсе этого.... какъ бы это тебѣ назвать.... съ человѣкомъ....

— Безнатурнымъ, ты хочешь сказать?

— Да; вотъ именно ты это прекрасно выразила,—съ безнатурнымъ человѣкомъ только измаешься и наконецъ сдѣлаешься тѣмъ чѣмъ никогда не хотѣла бы сдѣлаться.

Весь слѣдующій день Саша провела въ молитвѣ тревожной и жаркой: она не умѣла молиться тихо и въ спокойствіи; а на другой, на третій, на четвертый день она много ходила, гуляла, думала, и наконецъ въ сумерки пятаго дня вошла въ залу, гдѣ сидѣлъ ея отецъ, и сказала ему:

— Нѣтъ, знаешь что̀, папа, изъ всѣхъ твоихъ совѣтовъ я способна принять только одинъ.

— Скажи какой, дитя мое?

— Лучше сдѣлать что-нибудь съ разчетомъ и упованіемъ на свои силы, чѣмъ браться за непосильную ношу, которую придется бросить на половинѣ пути. Я положила себѣ предѣлъ самый малый: я пойду замужъ за человѣка благонадежнаго, обезпеченнаго, который не потребуетъ отъ меня ни жертвъ, ни пылкой любви, къ которой я неспособна.

Старикъ щелкнулъ пальцемъ по табакеркѣ, потянулъ носомъ большую понюшку и, обмахнувшись энергически платкомъ, взглянулъ на дочь и спросилъ:

— Ты, Александра, это шутишь? За кого это ты собираешься?

— Папа, я иду за генерала.

Старый Гриневичъ взглянулъ на дочь и тихо шепнулъ: „полно, Саша, шутить!“ перекрестилъ ее и пошелъ въ свой маленькій кабинетикъ.

Онъ былъ увѣренъ что весь этотъ разговоръ веденъ его дочерью просто ради шутки, но это была съ его стороны большая ошибка, которая и обнаружилась на другой же день, когда старикъ и старуха Гриневичи сидѣли вмѣстѣ послѣ обѣда въ садовой бесѣдкѣ, и къ нимъ совершенно неожиданно подошла дочь вмѣстѣ съ генераломъ Синтянинымъ и попросила благословенія на бракъ.

— Да-съ, вы насъ благословите-съ! прибавилъ тихимъ, но металлическимъ голосомъ генералъ, и немного сморщась, согнулъ свои ноги и опустился рядомъ съ Сашей на колѣни.

Старики растерялись и тутъ же благословили.

Объясненія, которыя послѣ этого послѣдовали у нихъ наединѣ съ дочерью, были по обычаю очень кратки и не выяснили ничего кромѣ того что Сашѣ бракъ съ Синтянинымъ приходится болѣе всего по мыслямъ и по сердцу. Говорить болѣе было не о чемъ, и дочь Гриневича была обвѣнчана съ генераломъ.

По поводу этой свадьбы пошли самые разнообразные толки: поступокъ молодой генеральши объясняли алчностью къ деньгамъ и низостью ея характера, и за то предсказывали ей скорую смерть, какъ одной изъ женъ Рауля Синей Бороды, но объясненія остаются и доселѣ въ области догадокъ, а предсказанія не сбылись.

Теперь уже прошло восемь лѣтъ со дня свадьбы, а Александра Ивановна Синтянина жива и здорова, и даже отнюдь не смотритъ надгробною статуей, съ которой сравнивали Флору. Александра Ивановна, напротивъ, и полна, и очень авантажна, и всегда находитъ въ себѣ силу быть въ мѣру веселою и разговорчивою.

Въ чемъ заключается этотъ секретъ полнѣть и не распадаться въ несчастіи? (А что Александра Ивановна была несчастлива, въ томъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Это было признано всѣми единогласно.)

— Она безчувственная деревяшка, говорили одни, думая все разрѣшить этимъ приговоромъ.

— Она суетна, мелка и фальшива; для нея совершенно довольно того что она теперь генеральша, утверждали другіе.

— Да; но отчего же она не шла за Синтянина, когда онъ прежде просилъ ея руки? ставили вопросъ скептики для поддержанія разговора.

— О, это такъ просто: ей тогда нравился Висленевъ, а когда бѣдный Жозефъ попалъ въ бѣду, она предпочла любви выгодный бракъ. Дѣло простое и понятное.

— Совершенно! Два заключенія здѣсь невозможны.

Что она не любила Висленева или очень мало любила, это вполнѣ доказывается тѣмъ что даже внезапное извѣстіе объ освобожденіи его и его товарищей съ удаленіемъ на время въ отдаленныя губерніи вмѣсто Сибири, которую имъ пророчили, Синтянина приняла съ деревяннымъ спокойствіемъ какъ будто какую-нибудь самую обыкновенную вѣсть. Она даже вѣнчалась именно въ тотъ самый день когда отъ Висленева получилось письмо что онъ на свободѣ, и вѣнчалась (какъ говорятъ) имѣя при себѣ это письмо въ носовомъ платкѣ. Ея безчувственность впрочемъ едва ли и потомъ нуждалась въ какихъ-нибудь подтвержденіяхъ, такъ какъ вскорѣ стало извѣстно что когда ей однажды, по порученію старой Висленевой, своякъ послѣдней, отставной

майоръ Филетеръ Ивановичъ Форовъ, прочелъ вслухъ письмо, гдѣ мать несчастнаго Іосафа горько укоряла измѣнницу и называла ее „змѣею предательницей“, то молодая генеральша выслушала все это спокойно, и по окончаніи письма сказала майору:

— Филетеръ Ивановичъ, не хотите ли закусить?

Добрыя и искреннія чувства въ молодой генеральшѣ не допускались, хотя лично она никому никакого зла не сдѣлала, и съ первыхъ же дней своего брака не только со вниманіемъ, но и съ любовью занималась своею глухонѣмою падчерицей,—дочерью умершей Флоры;—но это ей не вмѣнялось въ заслугу, точно всякая другая на ея мѣстѣ сдѣлала бы несравненно больше. Говорили что это для нея самой служитъ развлеченіемъ, такъ какъ двое собственныхъ ея дѣтей, которыхъ она имѣла въ первые годы замужества, умерли въ колыбельномъ возрастѣ. Отца и мать своихъ любила Синтянина, но вѣдь они же были и превосходные люди, которыхъ не за что было не любить; да и то по отношенію къ нимъ, у нея кажется былъ на устахъ медокъ, а на сердцѣ ледокъ. По крайней мѣрѣ носились слухи что будто вскорѣ послѣ замужества Александры Ивановны, генералъ ея супругъ вызвался исходатайствовать ея отцу его прежнее служебное мѣсто, но генеральша будто даже отклоняла это, хотѣла погордиться на стариковскій счетъ.

И въ самомъ дѣлѣ, нѣчто въ этомъ родѣ было, но было вотъ какъ: Гриневичъ посовѣтовался съ дочерью, принять или не принять обязательное предложеніе?

Она спокойно отвѣчала отцу что можно принять и не принять.

— То-то, кажется нѣтъ зазора принять? резонировалъ старикъ.

— Пожалуй зазора нѣтъ, отвѣтила ему дочь.

— А не принять какъ будто еще достойнѣе?

— А ужь про это и говорить нечего.

— Такъ я самъ лучше поблагодарю и не приму?

— Сдѣлавши такъ, ты, папа, поступишь какъ слѣдуетъ.

— Правда: вѣдь я, дитя мое, ужь старъ.

— Конечно, тебѣ ужь шестьдесятъ пять лѣтъ.

— Ну да, ужь не до службы, а денегъ хоть и мало....

— Да не на что тебѣ ихъ больше, папа.

— Совершенная правда! ты пристроилась, а мы стары. Нѣтъ;

да мимо меня идетъ чаша сія! рѣшилъ, махнувъ рукой, старый Гриневичъ и отказался отъ мѣста, сказавъ: что мѣста нужны молодымъ, которые могутъ быть на службѣ гораздо полезнѣе старика, а мнѣ де пора на покой; и черезъ годъ съ небольшимъ дѣйствительно получилъ покой въ безвѣстныхъ краяхъ и три аршина земли на городскомъ кладбищѣ, куда вслѣдъ за собою призвалъ вскорѣ и жену.

Генеральша осиротѣла.

Нива смерти зрѣетъ быстро. Вслѣдъ за Гриневичами умерла вскорѣ и старуха Висленева. Проживя съ годъ при сынѣ въ одномъ изъ отдаленныхъ городовъ и затѣмъ въ Петербургѣ, она вернулась домой съ окончившею курсъ красавицей дочерью, Ларисою, и не успѣла путемъ осмотрѣться на старомъ пепелищѣ въ своемъ флигелькѣ, какъ тоже скончалась.

Съ Александрой Ивановной старуха въ началѣ избѣгала встрѣчъ и сближенія, но въ послѣднее время своей жизни пламенѣла къ ней благоговѣйною любовью.

Этотъ всѣхъ удивившій переворотъ въ чувствахъ доживавшей свой вѣкъ Висленевой къ молодой генеральшѣ не имѣлъ иныхъ объясненій кромѣ старушечьей прихоти и фантазіи, тѣмъ болѣе что произошло это вдругъ и неожиданно.

Старуха въ тяжкой болѣзни однажды спала послѣ обѣда и позвонила. Въ компатахъ никого не случилось кромѣ Синтянинои, пришедшей навѣстить Ларису. Генеральша взошла на зовъ старушки, и черезъ часъ ихъ застали обнявшихся и плачущихъ.

Съ этихъ поръ собственное имя Александры Ивановны не произносилось устами умиравшей старушки, а всякій разъ, когда она хотѣла увидать генеральшу, она говорила: „пошлите мнѣ мою праведницу.“

Умирая, Висленева не только благословила Синтянину, но ей же, ея дружбѣ и вниманію поручила и свою дочь, свою ненаглядную красавицу Ларису.

Всѣ знали что эта дружба не доведетъ Ларису до добра, ибо около Синтяниной все фальшь и ложь.

Нынѣ, то-есть въ тѣ дни когда начинается нашъ разказъ Александрѣ Ивановнѣ Синтяниной отъ роду двадцать восемь лѣтъ, хотя, по привычкѣ ни въ чемъ не довѣрять ей, есть охотники утверждать что генеральшѣ уже стукнуло тридцать, но она объ этомъ и сама не споритъ. Физическая жизнь ея въ полномъ расцвѣтѣ. Довольно замѣтная пол-

пота стана генеральши нимало не портитъ ея высокой и стройной фигуры, напротивъ, эта полнота идетъ ей. Полныя руки ея съ розовыми ногтями достойны быть моделью ваятеля; шея бѣла какъ алебастръ и чрезвычайно красиво поставлена въ соотношеніи къ бюсту, служащему ей основаніемъ. Густые, свѣтлокаштановые волосы слегка волнуются, образуя на всей головѣ три, четыре волны. Положены они всегда очень просто, безъ особыхъ претензій. Все свѣжее лицо ея дышетъ здоровьемъ, а въ большихъ сѣрыхъ глазахъ ясное спокойствіе души. Она не блондинка, но всѣмъ кажется блондинкою: это тоже какой-то обманъ. Въ лицѣ ея есть постоянно нѣкоторая тѣнь иронiи, но ни одной черты выражающей злобу. Походка ея плавна, всѣ движенія спокойны, тверды и рѣшительны.

Образъ жизни генеральши въ ея городской квартирѣ и въ загородномъ хуторѣ, гдѣ она проводитъ бо́льшую часть своихъ дней въ обществѣ глухонѣмой Вѣры, къ крайнему неудовольствію многихъ, почти совсѣмъ неизвѣстенъ.

Общество видитъ только нѣчто странное въ этихъ безпрестанныхъ перекочевкахъ генеральши изъ городской квартиры на хуторъ и съ хутора назадъ въ городъ, и полагаетъ что тутъ что-нибудь да есть; но тутъ же само это общество считаетъ всѣ составляющіяся на счетъ Синтяниной соображенія апокрифическими.

Но чѣмъ же живетъ она, что̀ занимаетъ ее, и что̀ даетъ ей эту неодолимую силу души, крѣпость тѣла и спокойную ясность полусокрытаго взора? Какъ и чѣмъ она произвела и производитъ укрощеніе своего строптиваго мужа, который по отношенію къ ней, повидимому, не смѣетъ помыслить о какомъ-либо деспотическомъ притязаніи?

Это долго занимало всѣхъ. Всѣ увѣрены что здѣсь непремѣнно есть какая-нибудь исторія, даже очень важная и можетъ-быть страшная исторія. Но какъ ее проникнуть? Вотъ вопросъ.

II. Вся впереди.

Во флигелѣ построенномъ въ глубинѣ двора Висленевыхъ и выходящемъ одною стороной въ старый, густой садъ, оканчивающійся крутымъ обрывомъ надъ Окою, живетъ сама соб-

ственница дома, Лариса Платоновна Висленева, сестра знакомаго намъ Іосафа Платоновича Висленева, отъ котораго такъ отступнически отреклась Александра Ивановна. Флигель построенъ съ большимъ комфортомъ. По довольно высокому крылечку, равному высотѣ нижняго каменнаго полуэтажа, вы входите въ свѣтлыя, но очень тѣсныя сѣни, въ которыхъ только что можно повернуться. Отсюда дверь въ переднюю, тоже очень чистую, съ двумя окнами на дворъ; изъ передней налѣво большая комната съ двумя окнами въ одной стѣнѣ и съ италіянскимъ окномъ въ другой. Эта комната называется „Жозефовъ кабинетъ“. Несмотря на то что Іосафъ Платоновичъ здѣсь давно не живетъ, комната его сохраняетъ обстановку кабинета человѣка хотя небогатаго, но и не бѣднаго. Мягкіе диваны кругомъ трехъ стѣнъ, два шкафа съ книгами, большой письменный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ съ кистями по угламъ, хорошіе шторы на окнахъ, тяжелые занавѣсы на дверяхъ. По стѣнамъ висятъ нѣсколько гравюръ и литографій, между которыми самое видное мѣсто занимаютъ Ревекка съ овцами у колодца; Лаванъ обыскивающій походный шатеръ Рахили, укравшей его боговъ, и пара замѣчательныхъ по своей красотѣ и статности лошадей въ англійскихъ сѣдлахъ; на одной сидитъ жокей, другая идетъ въ поводу, безъ сѣдока. Обѣ лошади въ своемъ родѣ совершенство: на нихъ нельзя не заглядѣться послѣ горбатыхъ верблюдовъ, дремлющихъ на библейскихъ картинахъ. Опѣненныя губы перваго коня показываютъ что онъ грызетъ и сжимаетъ желѣзо удилъ, но идетъ смирно и тихо, потому что знаетъ власть и силу узды, но другой конь.... О, ему опытъ еще незнакомъ. Но это сказочный конь, которому только нужно прикосновеніе руки сказочнаго же царевича, и вихорь-конь взовьется выше лѣса стоячаго.

Чтобы покончить описаніе кабинета отсутствующаго хозяина, должно еще упомянуть о двухъ вещахъ помѣщающихся въ бѣлой кафельной нишѣ, на каминѣ: здѣсь стоитъ высокая чайная чашка, съ массивною позолотою и съ портретомъ гвардейскаго полковника, въ мундирѣ тридцатыхъ годовъ, и почернѣвшіе бронзовые часы со стрѣлкою остановившеюся на пятидесяти шести минутахъ двѣнадцатаго часа.

На этой чашкѣ портретъ отца нынѣшнихъ владѣльцевъ дома, Платона Висленева, а часовая стрѣлка стоитъ на мо-

ментѣ его смерти. Съ тѣхъ поръ часы эти не идутъ въ теченіи цѣлыхъ восемнадцати лѣтъ.

Вторая комната небольшой залъ, съ окнами выходящими въ садъ и стекляпною дверью, ведущею на террасу, съ которой широкими ступенями сходятъ въ садъ. Убранство комнаты не зальное и не гостиное, а и то и другое вмѣстѣ. Здѣсь есть и мягкая мебель и буковые стулья, и зеркало, и рояль заваленная нотами. Изъ залы двери ведутъ въ столовую и въ спальню Ларисы. Спальня Ларисы тѣхъ же размѣровъ какъ и кабинетъ ея брата. Здѣсь также два окна въ одной стѣнѣ и одно широкое, тройное, „италіянское“ окно въ другой. Всѣ эти окна выходятъ въ садъ: два справа, затѣнены густою зеленью липъ, а надъ италіянскимъ окномъ, предъ которымъ разчищена, разбитая на клумбы площадка, повѣшена широкая бѣлая маркиза съ красными прошвами. Такимъ образомъ въ комнату открытъ доступъ аромату цвѣтовъ, и удалены палящіе лучи солнца, извлекающіе благоуханіе изъ резеды, левкоевъ и геліотроповъ. Мебель обита свѣтлымъ ситцемъ, которымъ драпированы и двери и окна. Кровать замѣнена диваномъ съ подъемною подушкой, предъ диваномъ у изголовья небольшой круглый столикъ, въ сторонѣ двѣ этажерки съ книгами.

Описавъ домъ, познакомимъ читателей съ его одинокою жилицей.

Разказъ этотъ будетъ коротокъ, потому что и вся жизнь Ларисы еще впереди.

Она окончила институтскій курсъ семнадцати лѣтъ и по выходѣ изъ заведенія, жила съ матерью и братомъ въ Петербургѣ. Перечитала гибель книгъ, перевидала массы самыхъ разнообразныхъ лицъ и не вошла ни въ какія исключительныя отношенія ни съ кѣмъ.

По смерти матери, она опять было уѣхала въ Петербургъ къ брату, но черезъ мѣсяцъ стала собираться назадъ, и съ тѣхъ поръ въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ брата не видала.

Прибывъ домой, она появилась первой Александрѣ Ивановнѣ Синтяниной и объявила ей что жизнь брата ей не понравилась, и что она рѣшилась жить у себя въ домѣ одна. Другое лицо которое увидало Ларису въ первый же часъ ея пріѣзда была тетка ея, родная сестра ея матери, Катерина

Астафьевна Форова, имя которой было уже помянуто. Катерина Астафьевна, женщина лѣтъ сорока пяти, полная, нервная, порывистая, очень добрая, но горячая и прямая необыкновенно. Узнавъ о внезапномъ возвращеніи племянницы изъ Петербурга, она влетѣла какъ бомба въ комнату гдѣ сидѣла Лариса, кинулась ей на шею, дрожа и всхлипывая, и наконецъ совсѣмъ разрыдалась. Лариса поцѣловала у тетки руку и съ той же минуты не то полюбила ее, не то привязалась къ ней. Сойдясь близко съ теткой, она сошлась и съ мужемъ ея, пятидесятилѣтнимъ майоромъ изъ военныхъ академистовъ. Майоръ Форовъ, Филетеръ Ивановичъ, толстоватый, полусѣдой, здоровый и очень добрый человѣкъ, ведущій въ отставкѣ самую оригинальную жизнь.

Майоръ Форовъ и самъ очень легко сблизился съ Ларисой и посѣщалъ ее ежедневно. У нихъ были общія точки прикосновенія, и Филетеръ Ивановичъ очень нравился женниной племянницѣ. Впрочемъ Форовъ нравился всѣмъ, не исключая и тѣхъ кто его не любилъ, онъ нравился за свои энциклопедическія познанія, и за характеръ, который самъ называлъ „примитивнымъ“. Александра Ивановна употребила всѣ усилія сойтись съ Ларисой какъ можно ближе и дружественнѣе, и кажется достигла этого, по крайней мѣрѣ по внѣшности. Онѣ видѣлись другъ съ другомъ ежедневно, когда Синтянина была въ городѣ, а не на хуторѣ: и несмотря на неравенство ихъ лѣтъ (гдѣ играла роль цифра 10) были другъ съ другомъ на ты. Чего же больше? Любили ли онѣ одна другую?

Да, Синтянина любила Ларису горячо и искренно.

Лариса высока и очень стройна. Легкая фигура ея имѣетъ свою особенность, и особенность эта заключается именно въ томъ что у нея не только была *фигура*, но у нея была *линія;* видя ее разъ, ее можно было нарисовать всю одною чертою отъ шляпки до шлейфа. Ея красивая голова кажется однако нѣсколько велика, отъ цѣлаго моря черныхъ волосъ. У ней небольшое, продолговатое лицо, съ тонкимъ носомъ, слегка подвижными и немного вздутыми ноздрями. При ея привычкѣ меньше говорить и больше слушать, пунцовыя губы ея, влажныя, но безъ блеска, всегда, въ самомъ спокойствіи своемъ готовы какъ будто къ шепоту. Можно думать что она отвѣчаетъ и возражаетъ на все, но только не удо-

стоивая никого сообщеніемъ этихъ возраженій. Она, какъ сказано, брюнетка, жгучая брюнетка. Въ ней мало русскаго, но она и не Италіянка, и не Испанка, а тѣмъ меньше Гречанка, но южнаго въ ней бездна. У нея совершенно особый типъ,— нѣсколько напоминающій что-то еврейское, но нелохожее ни на одну Еврейку. Еврейскимъ въ ней отдаетъ ея внутренній огонь и сила. Цвѣтъ лица ея блѣдный, но горячо-блѣдный, матовый; глаза большіе, черные, свѣтящіеся электрическимъ блескомъ откуда-то изъ глубины, отчего вся она кажется фарфоровою лампой освѣщенною жаркимъ внутреннимъ свѣтомъ. Всякое ея движеніе спокойно и даже лѣниво, хотя и въ этой лѣни видимо разлита спящая, но и во снѣ своемъ рдѣющая, неутомимая нѣга. По виду она всегда спокойна, но покой ея видимо полонъ тревоги. Она совсѣмъ не кокетка, она вѣжлива и наблюдательна, и въ ея наблюдательности кроется для нея источникъ ожесточающихъ раздраженій. Она ребенокъ по опытности, и сама ничѣмъ не участвовала въ жизни, но судя по выраженію ея лица, она всего коснулась въ тишинѣ своего долгаго безмолвія; она отвѣдала горькихъ лѣкарствъ самою ею составленныхъ для себя по разнымъ рецептамъ, и всѣ эти питья ей не по вкусу. Ее интересуютъ только предѣлы вещей и крайнія положенія. Ей хочется собрать и совмѣстить какъ въ фокусѣ стекла то что вмѣстѣ не собирается и несовмѣстимо.

Настоящее у Ларисы такое: недѣлю тому назадъ нѣкто Подозеровъ, небогатый изъ мѣстныхъ ломѣщиковъ, служащій по земству, сдѣлалъ ей предложеніе. Онъ былъ давній ея знакомый, она знала что онъ любитъ ее....

Лариса, выслушавъ Подозерова, дала ему слово обдумать его предложеніе и отвѣтить ему на дняхъ положительно и ясно.

Этого отвѣта еще не дано.

III. Глава которую можно было поставить въ началѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ недавнопрошедшаго года, четыре часа спустя послѣ жаркаго полудня, надъ крутымъ обрывомъ, которымъ заканчивался у рѣки садъ Висленевыхъ, собрались всѣ

хотя отчасти знакомыя намъ лица. Лариса Висленева сидѣла на широкой доскѣ качелей подвѣшенныхъ на вѣтвяхъ двухъ старыхъ кленовъ. Она держалась обѣими руками за одну веревку, и положивъ на нихъ голову, смотрѣла вдаль за рѣку, на широкую, безпредѣльную зеленую степь, надъ которою въ синевѣ неба дотаивало одинокое облачко. Шагахъ въ трехъ отъ качель, на зеленой деревянной скамейкѣ помѣщались Катерина Астаѳьевна Форова и генеральша Синтянина. Первая жадно курила папиросу изъ довольно плохаго табаку, а вторая шила и слушала повѣсть которую читалъ Форовъ. Майоръ одѣтъ въ черный статскій сюртукъ и военную фуражку съ кокардой, по жилету у него виденъ часовой ремешекъ, на которомъ виситъ въ видѣ брелока тяжелая, массивная золотая лягушка съ изумрудными глазами и рубиновыми лапками. На гладкомъ брюшкѣ лягушки мелкою, искусною вязью выгравировано: „Нигилисту Форову отъ Бодростиной“. Дорогая вещь эта находится въ видимомъ противорѣчіи съ прочимъ гардеробомъ майора. Филетеръ Ивановичъ теперь читаетъ: правою рукой онъ придерживаетъ листы лежащей у него на колѣняхъ книги, а лѣвою машинально дергаетъ толстый, зеленый бумажный шнурокъ, привязанный къ серединѣ доски на которой сидитъ Лариса. Чтеніе идетъ плавно и непрерывно, качаніе тоже.

Есть здѣсь и еще одинъ человѣкъ: онъ лежитъ въ травѣ надъ самымъ обрывомъ, спиной къ рѣкѣ, лицомъ къ качающейся Ларисѣ. Это Подозеровъ. Ему на видъ лѣтъ тридцать пять; одѣтъ онъ безъ претензіи, но опрятно; лицо у него очень пріятное и благородное, но въ немъ можетъ-быть слишкомъ много серіозности и нервнаго безпокойства, что̀ придаетъ ему минутами недоброе выраженіе. Подозеровъ какъ бы постоянно или что-то вспоминаетъ, или ожидаетъ себѣ чего-то непріятнаго, и съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ сдвигаетъ красивыя брови, морщитъ лобъ и шевелитъ рукою свои недлинные, но густые темнорусые волосы съ раннею сѣдиной въ вискахъ.

Чтеніе, начатое назадъ тому съ полчаса, неожиданно прервано было веселымъ и довольно громкимъ смѣхомъ Катерины Астаѳьевны Форовой, смѣхомъ который поняла только одна тихо улыбавшаяся Синтянина. Лариса же и Подозеровъ его даже не замѣтили, а чтецъ только поднялъ удивленные глаза и спросилъ баскомъ свою жену:

— Что ты это разсыпалась, Тора?

— Для кого ты читаешь бѣдный мой Форовъ? Всякій разъ заставятъ его читать и никто его не слушаетъ.

— Ну и что же такое? отвѣчалъ майоръ.

— Ничего. Ты читаешь, Лариса гдѣ-то витаетъ; Подозеровъ витаетъ за нею; мы съ Сашей еще надъ первою страницей задумались, а ты все читаешь да читаешь!

— Ну и что же такое? я же въ прибыли: я значитъ начитываюсь и умнѣю, а вы выбалтываетесь.

— И глупѣемъ?

— Сама сказала, отвѣтилъ, шутя, Форовъ, и доставъ изъ кармана кошелекъ съ табакомъ, началъ крутить папироску.

Жена долго смотрѣла на майора съ улыбкой и наконецъ спросила:

— Вы, господинъ Форовъ, пенсіонъ нынче получили?

— Разумѣется, получилъ-съ, отвѣчалъ Форовъ, и доставъ изъ кармана конвертикъ, подалъ его женѣ.

— Вотъ вамъ всѣ полностію тридцать одинъ рубль.

— А шестьдесятъ копѣекъ?

— Положеніе извѣстное! отвѣчалъ майоръ, раскуривая толстую папиросу.

Синтянина взглянула на майора и разсмѣялась.

— Да чего же она въ самомъ дѣлѣ спрашиваетъ? заговорилъ Филетеръ Ивановичъ, обращая свои слова къ генеральшѣ: — вѣдь ужь сколько лѣтъ условлено что я ей буду отдавать все жалованье за удержаніемъ въ свою пользу въ день полученія капитала шестидесяти копѣекъ на трипкгельдъ.

— Нѣтъ, я что-то этого условія не помню! Когда ты за мной ухаживалъ, ты мнѣ ни о какихъ трипкгельдахъ тогда не говорилъ, возразила майорша.

— Ну, ухаживать за тобой я не ухаживалъ.

— Такъ зачѣмъ же ты на мнѣ женился?

Майоръ тихонько улыбнулся и проговорилъ:

— Что же, женился просто: вижу женщина въ несчастномъ положеніи, дай, думаю себѣ, хоть кого-нибудь въ жизни осчастливлю.

— Да, проговорила Катерина Астаѳьевна, ни къ кому особенно не обращаясь;—чему, видно, быть, того не миновать. Нужно же было чтобъ я рѣшила что мнѣ замужемъ не быть, и пошла въ сестры милосердія; нужно же было чтобы Фо-

рова въ Крыму мнѣ въ госпиталь полумертваго привезли! Все это судьба!

— Нѣтъ, французская пуля, отвѣчалъ Форовъ.

— Ты, невѣрующій, молчи, молчи пока Богъ постучится къ тебѣ въ сердце.

— А я не пущу.

— Пустишь, и самъ позовешь, скажешь: „взойди и сотвори обитель“.

Вышла маленькая пауза.

— И Сашина свадьба тоже судьба? спросила Лариса.

— А еще бы! отвѣчала живо Форова.—Почемъ ты знаешь... можетъ-быть она приставлена къ Вѣрѣ за молитвы покойной Флорушки.

— Ахъ, полноте, тетя! воскликнула Лариса. — Я знаю эти „роковыя опредѣленія!“

— Неправда, ничего́ ты не знаешь!

— Знаю что въ нихъ сплошь и рядомъ нѣтъ ничего роковаго. Неужто же вы можете ручаться что не встрѣться дядя Филетеръ Ивановичъ съ вами, онъ никогда не женился бы ни на комъ другомъ?

— Ну, на этотъ разъ, жена, положительно говори что никогда бы и ни на комъ, отвѣчалъ Форовъ.

— Ну, не женились бы вы напримѣръ на Александринѣ?

— Ни за что́ на свѣтѣ.

— Браво, браво, Филетеръ Ивановичъ, воскликнула смѣясь Синтянина.

— А почему? спросила Лариса.

— Вы всегда все хотите знать „почему?“ Бойтесь, этакъ скоро состарѣетесь.

— Но я не боюсь и хочу знать: почему бы вы не женились на Сашѣ?

— Говорите, Филетеръ Ивановичъ, мнѣ ужъ замужъ не выходить, вызвала Синтянина.

— Ну, извольте: Александра Ивановна слишкомъ умна и имѣетъ деспотическій характеръ, а я люблю свободу.

— Не великъ комплиментъ тетѣ Катѣ! Ну, а на мнѣ бы вы развѣ не женились? Я вѣдь не такъ умна какъ Александрина.

— На васъ?

— Да, на мнѣ.

Форовъ снялъ фуражку, три раза перекрестился, и проговорилъ:

— Боже меня сохрани!

— На мнѣ жениться?

— Да, на васъ жениться: сохрани меня грозный Господь Богъ Израилевъ, карающій сыны сыновъ даже до седьмаго колѣна.

— Это отчего?

— Да развѣ мнѣ жизнь надоѣла?

— Значитъ на мнѣ можетъ жениться только тотъ....

— Тотъ кто хочетъ ада на землѣ, въ надеждѣ встрѣтиться съ вами тамъ гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія.

— Вотъ одолжилъ! воскликнула, разсмѣявшись Лариса,—ну позвольте же, кого бы вамъ еще изъ нашихъ посватать?

— Глафиру Васильевну Бодростину, подсказалъ улыбаясь Подозеровъ.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ Бодростину! подхватила Лариса.

— Кого не сватайте, все будетъ напрасно.

— Но вы ея кавалеръ „лягушки“.

— „Золотой лягушки“, отвѣчалъ Форовъ, играя своимъ цѣннымъ брелокомъ.—Глафирѣ Васильевнѣ охота шутить и дарить мнѣ золото, а я философъ и беру сей презрѣнный металлъ въ какомъ угодно видѣ, и особенно доволенъ получая кусочекъ золота въ видѣ этого невиннаго созданія, напоминающаго мнѣ поколѣніе людей которыхъ я очень любилъ и съ которыми навсегда желаю сохранить нравственное единеніе. Но жениться на Бодростиной... ни за что на свѣтѣ!

— На ней почему же нѣтъ?

— А почему? Потому что мнѣ нравится только особый сортъ женщинъ: умныя дуры, которыя, какъ все хорошее, встрѣчаются необыкновенно рѣдко.

— Такъ это я по твоему дура? спросила, напуская на себя строгость, Катерина Астаѳьевна.

— А ужъ разумѣется не умна, когда за меня замужъ пошла, отвѣчалъ Форовъ.—Вотъ Бодростина умна, такъ она въ золотомъ терему живетъ, а ты подъ соломкою.

— Ну, а Бодростинская золотая лягушка-то что же вамъ такое милое напоминаетъ? дружески подшучивая надъ майоромъ, спросилъ Подозеровъ.

— Золотая лягушка напоминаетъ мнѣ золотое время и пре-

красныхъ умныхъ дураковъ, изъ которыхъ однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далеко.

— Она напоминаетъ ему моего брата Жозефа, сказала Лариса.

— Ну ужь это нѣтъ-съ, отрекся майоръ.

— Почему же нѣтъ? Братъ мой развѣ не женился по принципу, не любя женщину, для того только чтобы „освободить ее отъ тягости отцовской власти", сказала Лариса, надуто продекламировавъ послѣднія шесть словъ. Надѣюсь это могъ сдѣлать только „умный дуракъ", которыхъ вы такъ любите.

— Нѣтъ-съ; умные дураки этого не дѣлали, умные дураки которыхъ я люблю на такіе вздоры не попадались, а это могъ сдѣлать глупый умникъ, но я съ этимъ асортиментомъ мало знакомъ, а впрочемъ вотъ поразглядимъ его!

— Какъ это *поразглядите?* Развѣ вы его надѣетесь скоро видѣть?

— А вы развѣ не надѣетесь дожить до той недѣли?

— Что это за шарада? спросила въ недоумѣніи Лариса.

— Какъ же вѣдь онъ на дняхъ пріѣдетъ.

— Какъ на дняхъ?

— Разумѣется, отвѣчалъ Форовъ.—Мой знакомый видѣлъ его въ Москвѣ; онъ ѣдетъ сюда.

Присутствующіе переглянулись.

— Это что-нибудь недоброе! мелькнуло во взглядѣ Ларисы, брошенномъ на Синтянину, та поняла, и сама немного измѣнясь въ лицѣ, сказала майору:

— Филетеръ Ивановичъ, вы совсѣмъ безтолковы.

— Чѣмъ-съ? Чѣмъ я безтолковъ?

— Да что же это вы намъ открываете новости по каплѣ?

— Чѣмъ же я безтолковѣе васъ, которыя мнѣ и по каплѣ не открыли что вы этого не знаете?

— Откуда же мы могли это знать?

— А развѣ онъ не писалъ объ этомъ Ларисѣ Платоновнѣ?

— Ничего онъ не писалъ ей.

— Ну а я почему могъ это знать?

— Но вы, Филетеръ Иванычъ, шутите это или правду говорите что онъ ѣдетъ сюда? спросила серіозно Лариса.

По дорожкѣ, часто семеня маленькими ногами, шла дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, остриженная въ кружокъ и одѣтая въ опрятное ситцевое платье съ фартучкомъ. Въ рукахъ она

держала круглый подносъ, и на немъ запечатанное письмо.

Лариса разорвала конвертъ.

— Вы отгадали, это отъ брата, сказала она, и пробѣжавъ маленькій листокъ, добавила:—все извѣстіе заключается вотъ въ чемъ (она взяла снова письмо и снова его прочитала): „Сестра, я ѣду къ тебѣ; черезъ недѣлю мы увидимся. Приготовь мнѣ мою комнату: я проживу съ мѣсяцъ. Ѣду не одинъ, а съ Гор....“

— Не могу дальше прочесть, съ кѣмъ онъ ѣдетъ, заключила она, передавая письмо Синтяниной.

— Не прочтете ли вы, Филетеръ Ивановичъ?

Форовъ посмотрѣлъ на указанную ему строчку и качнувъ отрицательно головой, передалъ письмо Подозерову.

— „Гордановъ“, прочелъ Подозеровъ, возвращая письмо Ларисѣ.

— Такъ вотъ онъ какъ будетъ называться вашъ рокъ! воскликнулъ майоръ.

— Филетеръ Ивановичъ, вы несносны, замѣтила ему съ неудовольствіемъ Синтянина, кинувъ взглядъ на немного смущеннаго Подозерова.

— А я говорю только то что̀ бываетъ, оправдывался майоръ:— братья всегда привозятъ жениховъ, какъ мужья сами вводятъ любовниковъ....

— А что это за Гордановъ? сухо спросила Лариса.

— Я, кажется, немножко знаю его, отвѣчалъ Подозеровъ.—Онъ помѣщикъ здѣшней губерніи и нашъ сверстникъ по университету... Я его часто видѣлъ въ домѣ нѣкіихъ господъ Фигуриныхъ, гдѣ я давалъ уроки, а теперь у него здѣсь есть дѣло съ крестьянами о землѣ.

— Фигуриныхъ! воскликнула Лариса.—Вы видѣли его тамъ? Онъ ихъ знакомый?

— Кажется даже родственникъ.

— Интересный господинъ? полюбопытствовала Синтянина.

— М-ммъ! Какъ вамъ сказать...

Подозеровъ, казалось, что-то хотѣлъ сказать нехорошее о названномъ лицѣ, но перемѣнилъ слово и отвѣтилъ:

— Не знаю право, мы съ нимъ какъ-то не сладились.

— А вы кого же у Фигуриныхъ учили?

— Тамъ были мальчикъ Петръ и дѣвочки Наташа и Алина.

— И вы эту Алину учили?

— Да; она уже была великонька, но я ее училъ.

— Хороша она?

— Нѣтъ.

— Умна?

— Не думаю.

— Добра?

— Господь ее знаетъ, дѣвушки вѣдь почти всѣ кажутся добрыми. У Малороссіянъ есть присловье, что будто даже „всѣ панночки добры“.

— „А только откуда-то поганыя жинки берутся?“ докончилъ Форовъ.

— Эта Алина теперь жена моего брата.

— Въ такомъ случаѣ малороссійское присловье прочь.

— Лариса, взгляни, перебила дрогнувшимъ голосомъ Синтянина, глядя на ту дорожку по которой недавно дѣвочка принесла письмо отъ Висленева. Лариса оберпулась.

— Что тамъ такое?

Синтянина блѣднѣла и не отвѣчала.

По длинной дорожкѣ отъ входныхъ воротъ шелъ высокій, статный мущина. Онъ былъ въ легкомъ, сѣромъ лиджакѣ и маленькой соломенной шляпѣ, а черезъ плечо у него висѣла щегольская дорожная сумочка. Сзади его въ двухъ шагахъ семенила давишняя дѣвочка, у которой теперь въ рукахъ былъ большой портфель.

— Братъ!... Іосафъ!... Каковъ сюрпризъ! вскрикнула Лариса, ступая съ качелей на землю.

И съ этимъ она рванулась быстрыми шагами впередъ и побѣжала на встрѣчу брату.

IV. Безъ содержанія.

Въ наружности Іосафа Висленева не было ни малѣйшаго сходства съ сестрой: онъ былъ блондинъ съ голубыми глазами и очень маленькимъ носомъ. Лицо его нельзя было назвать некрасивымъ и непріятнымъ, оно было открыто и даже довольно весело, но на немъ постоянно блуждала неуловимая тѣнь тревоги и печали.

Лариса встрѣтилась съ братомъ на половинѣ дорожки; они обнялись и поцѣловались.

— Ты не ждала меня такъ скоро, Лара? заговорилъ Висленевъ.

— То-есть я ждала тебя, Жозефъ, но не сегодня; я только сейчасъ получила твое письмо что ты въ Москвѣ и ѣдешь сюда съ какимъ-то твоимъ товарищемъ.

— Да; съ Гордановымъ.

— Онъ здѣсь съ тобой?

Лариса оглядѣла дорожку.

— Да, онъ здѣсь, то-есть здѣсь въ городѣ, мы вмѣстѣ пріѣхали, но онъ остановился въ гостиницѣ. Я самъ не думалъ быть сюда такъ скоро, но случайныя обстоятельства выгнали насъ изъ Москвы раньше чѣмъ мы собирались. Ты однако не будешь на меня сердиться что я этакъ сюрпризомъ къ тебѣ нагрянулъ?

— Помилуй, что ты.

— Ну да, а я, видишь ли, въ виду этой скоропостижности разчелъ что мы застанемъ тебя врасплохъ и потому не пригласилъ Горданова остановиться у насъ.

— Напрасно, я не бываю врасплохъ, и твоему гостю нашлось бы мѣсто.

— Ну все равно; онъ не захотѣлъ ни стѣснять насъ, ни самъ стѣсняться, да тѣмъ и лучше: у него дѣла съ крестьянами.... нужно будетъ принимать разныхъ людей.... Неудобно это!

— А по крестьянскимъ дѣламъ самый вліятельный человѣкъ теперь здѣсь, мой добрый знакомый.

— Кто?

— Подозеровъ, твой товарищъ.

— А-а! Я было совсѣмъ потерялъ его изъ виду, а онъ здѣсь; вотъ что̀ значитъ долго не переписываться.

Висленевъ чуть замѣтно поморщился и отеръ лобъ платкомъ.

— Подозеровъ кстати и теперь у меня, продолжала Лариса. — Пойдемъ туда или сюда, показала она сначала на домъ, а потомъ на конецъ сада, гдѣ оставались гости.

— Да, встрепенулся братъ.—У тебя гости, мнѣ это сказала дѣвочка, я потому и не велѣлъ тебя звать, а пошелъ сюда самъ. Я уже умылся въ гостиницѣ и на первый разъ кажется на столько опрятенъ что въ качествѣ дорожнаго человѣка могу представиться твоимъ знакомымъ.

— О, да, конечно! тѣмъ болѣе что это и не гости, а мои друзья; тутъ Форовы. Сегодня день рожденія дяди.

— Ахъ, здѣсь безцѣнный Филетеръ Иванычъ, весело перебилъ Висленевъ.—А еще кто?

— Жена его и Alexandrine Синтянина.

— И *она* здѣсь?

Висленевъ вспыхнулъ на минуту и тотчасъ же весело проговорилъ:

— Вотъ еще интереснѣйшая встрѣча!

— Ты долженъ былъ знать что ты ее здѣсь встрѣтишь.

— Представь что это-то у меня и изъ ума вонъ вышло. Да, впрочемъ, что̀ же такое!

— Разумѣется ничего.

— Много немножко сразу: отставная дружба и измѣнившая любовь, но все равно! А еще кто такой здѣсь у тебя?

— Больше никого.

— Ну и прекрасно. Пойдемъ. Возьми вотъ только мой портфель: здѣсь деньги и бумаги, и потому я не хотѣлъ его тамъ безъ себя оставить.

Лариса приняла изъ рукъ дѣвочки портфель, и они взявшись съ братомъ подъ руку пошли къ оставшимся гостямъ.

Здѣсь между тѣмъ хранилось мертвое молчаніе.

Форовъ, жена его, Подозеровъ и Синтянина, всѣ четверо теперь сидѣли рядомъ на скамейкѣ и, за исключеніемъ майора, который снова читалъ, всѣ не сводя глазъ смотрѣли на встрѣчу брата съ сестрой. Катерина Астаѳьевна держала въ своей рукѣ стынущую руку генеральши и постоянно ее пожимала, Синтянина это чувствовала и раза два отвѣчала легкимъ благодарнымъ пожатіемъ.

Братъ и сестра Висленевы подходили.

Катерина Астаѳьевна въ это время взяла изъ рукъ мужа книгу, кинула ее въ траву, а сама тихо шепнула на ухо Синтяниной: „Саша....“

— Ничего, проговорила также шелотомъ Синтянина, — теперь все прошло. Сдѣлавъ надъ собою видимое усиліе, она вызвала на лицо улыбку и весело воскликнула на встрѣчу Висленева: — Здравствуйте, Іосафъ Платоновичъ!

Гость неспѣшно подошелъ; съ достоинствомъ снялъ свою шляпу и поклонился всѣмъ общимъ поклономъ.

— Я васъ первая привѣтствую и первая протягиваю вамъ руку, проговорила Синтянина.

Форова почувствовала въ эту минуту что вмѣстѣ съ по-

слѣднимъ словомъ другая рука генеральши мгновенно согрѣлась.

Висленевъ очевидно не ждалъ такого привѣтствія; онъ ждалъ чего-нибудь совсѣмъ въ другомъ родѣ: онъ ждалъ со стороны отступницы смущенія, но ничего подобнаго не встрѣтилъ. Конечно, онъ и теперь замѣтилъ въ ней небольшую тревогу, которой Александра Ивановна совсѣмъ скрыть не могла, но эта тревога такъ смѣла, и Александра Ивановна, повидимому, покушается взять надъ нимъ верхъ.

Висленевъ рѣшилъ тотчасъ же отпарировать это покушеніе, но сдѣлалъ неосторожность.

Едва намѣревался онъ, подавъ Синтяниной руку, поразить ее холодностію взгляда, она посмотрѣла ему въ упоръ и весело воскликнула:

— Однако какъ же вы быстро умѣли перемѣниться. Почти узнать нельзя!

Висленеву это показалось даже смѣшно, и онъ рѣшилъ не сердиться, а отшучиваться.

— Я думаю, я измѣнился какъ и всѣ, отвѣчалъ онъ.

— Ну, нѣтъ, вы больше всѣхъ другихъ кого я давно не видала.

— Вамъ незамѣтно, а вы и сами тоже измѣнились и....

— Ну, да, быстро перебила его на полусловѣ генеральша,— конечно года идутъ и для меня, но между тѣмъ меня еще до сей поры никто не звалъ старухой, вы развѣ первые будете такъ нелюбезны?

— Помилуй Богъ! отвѣчалъ разсмѣявшись Висленевъ.—Я пораженъ, оставивъ здѣсь васъ скромнымъ ландышемъ и видя васъ теперь на томъ же самомъ мѣстѣ....

— Не скажете ли пышною лиліей?

— Почти. Но вотъ кто совсѣмъ не измѣняется, такъ это Филетеръ Ивановичъ! обратился Висленевъ къ майору. — Здравствуйте, мой „грубый матеріалистъ!“

Они поцѣловались.

— Ничего не перемѣнился! Только носъ развѣ немножко покраснѣлъ, воскликнулъ, снова обозрѣвая майора, Висленевъ.

— Носъ красенъ оттого что у меня насморкъ вѣчный, какъ вѣчный жидъ, отвѣчалъ Форовъ.

— А вамъ сегодня сколько стукнуло?

— Да пятьдесятъ два, девять мѣсяцевъ.

— Девять мѣсяцевъ? Ахъ, да, у васъ вѣдь особый счетъ.

— Конечно какъ слѣдуетъ.

— А дѣти у васъ есть?

— Не знаю, но очень можетъ быть что и есть.

— И опять все вретъ, замѣтила жена.

Висленевъ подалъ руку Катеринѣ Астаѳьевнѣ.

— Васъ, тетушка, я думаю, можно и поцѣловать?

— Если тебѣ, милый другъ, не противно, сдѣлай милость, поцѣлуемся.

Висленевъ и Катерина Астаѳьевна три раза поцѣловались.

— Вы перемѣнились, но немного.

— Какъ видишь, все толстѣю.

Іосафъ Платоновичъ обернулся къ Подозерову, протянулъ и ему руку, и принявъ серіозную мину, посмотрѣлъ на него молча ласковымъ, снисходительнымъ взглядомъ.

— Вы много измѣнились, сказалъ Висленевъ удерживая его руку въ своей рукѣ.

— Да, всѣ старѣемъ, отвѣчалъ Подозеровъ.

— „Старѣемъ!“ Рано бы еще старѣть-то!

— Ну, нѣтъ, пожалуй и пора.

— Вотъ и пора! чуть стукнетъ тридцать лѣтъ какъ мы ужъ и считаемъ что мы старѣемъ. Вамъ вѣдь, я думаю, лѣтъ тридцать пять не больше?

— Мнѣ тридцать два.

— Изволите ли видѣть, вѣкъ какой! Вонъ у васъ уже виски сѣдые. А у меня будетъ къ вамъ просьба.

— Очень радъ служить.

— То-есть еще и не своя, а пріятеля моего, съ которымъ я пріѣхалъ, Павла Николаевича Горданова: съ нимъ по лѣности его стряслось что-то такое вопіющее. Онъ чортъ знаетъ что̀ съ собой надѣлалъ: онъ, знаете, пока шли всѣ эти пертурбаціи, нигилистничанье и всякая штука, онъ за глаза надавалъ мужикамъ самыя глупыя согласія на поземельныя разверстки, и такъ разверстался что имѣніе теперь гроша не сто́итъ. Вы вѣдь, надѣюсь, не принадлежите къ числу тѣхъ для которыхъ лапоть всегда правъ предъ ботинкомъ?

— Рѣшительно не принадлежу.

— Вы за крупное землевладѣніе?

— Ни за крупное, ни за дробное, а за законное, отвѣчалъ Подозеровъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ вы наша опора! Вы позволите намъ побывать у васъ на дняхъ?

— Сдѣлайте милость, я дома каждое утро до одиннадцати часовъ.

— Впрочемъ.... сестра! обратился Висленевъ къ Ларисѣ, удерживая въ своей рукѣ руку Подозерова,—теперь всего вѣдь семь часовъ, не позволишь ли попросить тебя велѣть приготовить что-нибудь часамъ къ одиннадцати?

— Охотно, братъ, охотно.

Въ это время они прошли весь садъ и стояли у террасы.

— Право, продолжалъ Висленевъ, что-нибудь такое что̀ Богъ послалъ, что̀ напомнило бы святой обычай старины. Можно?

Лариса кивнула въ знакъ согласія головою:

— Я очень рада.

— Такъ вотъ, Андрей Ивапычъ, отнесся Висленевъ къ Подозерову,—теперь часочекъ я приберусь, сдѣлаю кое-какъ мой туалетъ, оправлюсь и привезу съ собой моего пріятеля,—онъ тутъ сирота, а къ десяти часамъ позвольте васъ просить придти побесѣдовать, вспомнить старину и выпить рюмку вина за упокой прошлаго и за многія лѣта грядущаго.

— Отъ такихъ приглашеній, Іосафъ Платоновичъ, не отказываются, отвѣчалъ Подозеровъ.

— Вашу руку! и Висленевъ взявъ руку Подозерова крѣпко сжалъ ее въ своей рукѣ и сказалъ: „До свиданія.“

Всѣмъ остальнымъ гостямъ онъ поклонился общимъ поклономъ, и тоже отъ всѣхъ взялъ слово вечеромъ придти къ Ларисѣ на ужинъ.

Гости ушли.

Висленевъ, взойдя съ сестрою и теткою въ домъ, направился прямо въ свой кабинетъ, гдѣ еще разъ умылся и переодѣлся, прихлебывая наскоро поданный ему сюда чай,—и послалъ за извощикомъ.

— Братъ! сказала ему Лариса, когда онъ вышелъ въ залъ и оправлялся предъ большимъ зеркаломъ: не дать ли знать Бодростиной, что ты пріѣхалъ?

— Кому это? Глафирѣ Васильевнѣ!

— Да.

— Что̀ ты это! Зачѣмъ?

— Да можетъ-быть и она захотѣла бы пріѣхать?

— Богъ съ ней совсѣмъ!

— За что̀ же это?

— Да такъ; на что̀ она здѣсь?

— Она очень умная и пріятная женщина.

— Ну, мнѣ она вовсе не пріятная, пробурчалъ Висленевъ, обтягивая воротникъ рубашки.

— А непріятна, такъ и не надо, но только какъ бы она сама не заѣхала.

— Будетъ предосадно.

— И еще вотъ что̀, Жозефъ: ты позвалъ вечеромъ Синтянину?

— Кажется.... да.

— Нѣтъ, навѣрное *да*. Такъ зайди же къ нимъ, позови генерала Ивана Демьяныча.

Висленевъ оборотился къ сестрѣ и сморщился.

— Что̀ такое? проговорила Лариса.

— Такъ, знаешь, тамъ доносомъ пахнетъ, отвѣчалъ Висленевъ.

Лариса вспыхнула и нетерпѣливо сказала:

— Полно пожалуста: мы объ этомъ никогда не говоримъ и не знаемъ; а Александрина.... такая прекрасная женщина....

— Но дѣло-то въ томъ что если вы чего не знаете, то я это знаю! заговорилъ смѣясь Висленевъ.—Знаю, дружокъ, Ларушка, все знаю, знаю даже и то *какая* прекрасная женщина эта Александра Ивановна.

Лариса промолчала.

— Да, сестра, заговорилъ онъ, наклонивъ къ Ларисѣ голову и приподнявъ на вискѣ волосы:—здѣсь тоже въ мои тридцать лѣтъ есть серебряныя нити, и ихъ выпряла эта прекрасная бѣлая ручка этой прекрасной Александры Ивановны.... Такъ ужь предоставь *мнѣ* лучше васъ знать эту Александру Ивановну, заключилъ онъ ударяя себя пальцемъ въ грудь, и затѣмъ еще разъ сжалъ сестрину руку и уѣхалъ.

Лариса глядѣла ему вслѣдъ.

— Все тотъ же самый! подумала она:—даже десять разъ повторяетъ что ему тридцать лѣтъ, когда ему ужь тридцать пятый! Бѣдный, бѣдный человѣкъ!

Она вздохнула и пошла распорядиться своимъ хозяйствомъ и туалетомъ къ встрѣчѣ пріѣзжаго гостя.

I. На всѣ ноги кованъ.

Павелъ Николаевичъ Гордановъ, котораго Висленевъ назвалъ „сиротою“, не терпѣлъ никакихъ недостатковъ въ своемъ временномъ ломѣщеніи. Древняя худая слава губернскихъ пристанищъ для проѣзжающихъ теперь уже почти повсемѣстно напраслина. Въ большинствѣ сколько-нибудь замѣтныхъ русскихъ городовъ почти всегда можно найти не только чистый номеръ, но даже можно получить цѣлый „ложементъ“, въ которомъ вполнѣ удобно задать обѣдъ на десять человѣкъ и вечерокъ на нѣсколько карточныхъ столовъ.

Такой ложементъ изъ трехъ комнатъ съ передней и ванной, и съ особымъ ходомъ изъ особыхъ сѣней занялъ и Павелъ Николаевичъ Гордановъ. Съ него спросили за это десять рублей въ сутки, — онъ не поторговался и взялъ ломѣщеніе. Эта щедрость сразу дала Гордапову вѣсъ и пріобрѣла ему почтеніе хозяина и слугъ.

Павелъ Николаевичъ на первыхъ же порахъ объявилъ что онъ будетъ жить здѣсь не менѣе двухъ мѣсяцевъ, договорилъ себѣ у содержателя гостиницы особаго слугу, самаго представительнаго и расторопнаго изо всего гостиничнаго штата, и лучшій экипажъ съ кучеромъ и парою лошадей, — однимъ словомъ, сразу сталъ не на обыкновенную ногу дюжиннаго проѣзжающаго, а былъ рѣдкимъ и дорогимъ гостемъ. Его огромные юфтовые чемоданы, строченые цвѣтнымъ шелкомъ и изукрашенные нейзильберными винтами и бляхами съ именемъ Гордапова; его гардеробъ, обширный какъ у актрисы; батистовое бѣлье; громадные портфели и несессеры, надъ разборомъ которыхъ отряженный ему слуга хлопоталъ цѣлый часъ, проведенный Висленевымъ у сестры, все это увеличивало обаяніе произведенное пріѣзжимъ.

Черезъ часъ послѣ своего пріѣзда, Павелъ Николаевичъ, освѣжившись въ прохладной ваннѣ, сидѣлъ въ одномъ бѣльѣ предъ дорожнымъ зеркаломъ въ серебряной рамѣ, и чистилъ костянымъ кольцомъ ногти.

Гордановъ вообще человѣкъ не особенно представительный: онъ не высокъ ростомъ, плечистъ, но не толстъ, ему тридцать лѣтъ отъ роду и столько же и по виду; у него правильный, тонкій носъ; высокій, замѣчательно хорошо разви-

тый смѣлый лобъ; черные глаза, большіе, бархатные, совсѣмъ безъ блеска, очень смышленые и смѣлые. Уста у него свѣжія, очерченныя тонко и обрамленныя небольшими усами, сходящимися у угловъ губъ съ небольшою черною бородкой. Кисти ослѣпительно бѣлыхъ рукъ его малы и находятся въ нѣкоторой дисгармоніи съ крѣпкими и сильно развитыми мышцами верхней части. Говоритъ онъ голосомъ ровнымъ и спокойнымъ, хотя лѣвая щека его слегка подергивается не только при противорѣчіяхъ, но даже при малѣйшемъ обнаруженіи непонятливости со стороны того къ кому относится его рѣчь.

— Человѣкъ! какъ васъ зовутъ? спросилъ онъ своего новаго слугу, послѣ того какъ выкупавшись и умывшись сѣлъ предъ зеркаломъ.

— Ефимъ Ѳедоровъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ ему лакей, униженно сгибаясь предъ нимъ.

— Вопервыхъ, я васъ совсѣмъ не спрашиваю Ѳедоровъ вы или Степановъ, а вовторыхъ, вы не смѣйте меня называть „вашимъ сіятельствомъ.“ Слышите?

— Слушаю-съ.

— Меня зовутъ Павелъ Николаевичъ.

— Слушаю-съ, Павелъ Николаичъ.

— Вы всѣхъ знаете здѣсь въ городѣ?

— Какъ вамъ смѣю доложить.... городъ большой.

— Вы знаете Бодростиныхъ?

— Помилуйте-съ, отвѣчалъ сконфузясь лакей.

— Что это значитъ?

— Какъ же не знать-съ: предводитель!

— Узнайте мнѣ: Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ здѣсь въ городѣ или нѣтъ?

— Навѣрное вамъ смѣю доложить что ихъ здѣсь нѣтъ, — они вчера уѣхали въ деревню-съ.

— Въ Рыбацкое?

— Такъ точно-съ.

— Вы это навѣрно знаете?

— У насъ здѣсь на дворѣ почтовая станція: вчера они изволили уѣхать на почтовыхъ.

— Все равно: узнайте мнѣ одинъ онъ уѣхалъ или съ женой?

— Супруга ихъ, Глафира Васильевна, здѣсь-съ. Онѣ, не больше часу тому назадъ, изволили проѣхать здѣсь въ коляскѣ.

Гордановъ лѣниво всталъ, подошелъ къ столу, на которомъ былъ разставленъ щегольской письменный приборъ, взялъ

листокъ бумаги и написалъ: „Я здѣсь къ твоимъ услугамъ: сообщи когда и гдѣ могу тебя видѣть“.

Запечатавъ это письмо, онъ положилъ его подъ обложку красиво переплетенной маленькой книжечки, завернулъ ее въ бумагу, снова запечаталъ и велѣлъ лакею отнести Бодростиной. Затѣмъ, когда слуга исчезъ, Гордановъ сѣлъ предъ зеркаломъ, развернулъ свой бумажникъ, пересчиталъ деньги, и сморщивъ съ неудовольствіемъ лобъ, долго сидѣлъ, водя въ раздумьи длинною ручкой черепаховой гребенки по чистому, серебристому пробору своихъ волосъ.

Въ это время въ дверь слегка постучали.

Гордановъ отбросилъ въ сторону бумажникъ, и не поворачиваясь на стулѣ, крикнулъ:

— Войдите!

Ему видно было въ зеркало что вошелъ Висленевъ.

— Фу, фу, фу, заговорилъ Іосафъ Платоновичъ, бросая на одинъ стулъ пальто, на другой шляпу, на третій палку. — Ты уже совсѣмъ устроился?

— Какъ видишь, сижу на мѣстѣ.

— Въ полномъ нарядѣ и добромъ здоровьи!

— Даже и въ полномъ нарядѣ, если бѣлье по твоему составляетъ для меня полный нарядъ, отвѣчалъ Гордановъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, я думалъ что ты не разобрался.

— Разказывай лучше что̀ ты засталъ тамъ у себя и что̀ твоя сестра?

— Сестра еще похорошѣла.

— То была хороша, а теперь еще похорошѣла?

— Красавица, братъ, просто волшебная красавица!

— Наше мѣсто свято! Ты меня до крайности интересуешь похвалами ея красотѣ.

— И не позабудь что вѣдь нимало не преувеличиваю.

— Ну а твоя, или ci-devant твоя генеральша.... коварная твоя измѣнница?

— Ну та ужь видъ вальяжный имѣетъ, но тоже чортъ ее возьми, хороша о сю пору.

— За что̀ же ты ее чорту-то предлагаешь? Разкажи же какъ вы увидѣлись, оба были смущены и долго молчали, а потомъ....

— И тѣни ничего подобнаго не было.

— Ну ты непремѣнно, чай, предъ ней балетъ протанцовалъ,

дескать: „ничтожество вамъ имя“, а она тебѣ за это стречка по носу?

— Представь что вѣдь въ самомъ дѣлѣ это было почти такъ. Вообрази что ни въ одномъ глазу: шутитъ и смѣется.

— Въ любви клянется и измѣняетъ тутъ же шутя?

— Ну этого я не сказалъ.

— Да этого и я не сказалъ, а это изъ *Марты* что ли, не помню. А ты за которой же намѣренъ прежде пріударить?

Висленевъ взглянулъ на пріятеля недоумѣвающимъ взглядомъ и переспросилъ: „То-есть какъ за которою?“

— То-есть за которою изъ двухъ?

— Позволь однако, любезный другъ, тебѣ замѣтить что вѣдь одна изъ этихъ двухъ, о которыхъ ты говоришь, мнѣ родная сестра!

— Тьфу, прости пожалуста, отвѣчалъ Павелъ Николаевичъ:— ты меня съ ума сводишь всѣми твоими разказами о красотѣ, и я растерявшись горожу вздоръ. Извини пожалуста: а ужь эту послѣднюю глупость я ставлю на твой счетъ.

— Можешь ставить ихъ на мой счетъ сколько угодно, а что касается до ухаживанья, то нѣтъ, братъ, я ни за кѣмъ: я, братецъ, тонъ держалъ, да, серіозный тонъ. Тамъ цѣлое общество я засталъ: тетка, ея мужъ, чудакъ, антикъ, нигилистъ чистой расы....

— Скажи пожалуста! а здѣсь и они еще водятся?

Висленевъ посмотрѣлъ на него пристально и спросилъ:

— А отчего же имъ не быть здѣсь? Желѣзныя дороги.... Да ты постой.... вѣдь ты его долженъ знать.

— Откуда и почему я это долженъ?

— А помнишь онъ съ Бодростинымъ-то пріѣзжалъ въ Петербургъ, когда Бодростинъ женился на Глафирѣ? Такой.... бурбонъ немножко!

— Носъ съ краснинои?

— Да, на нутро немножко принимаетъ.

— Ну помню: какъ бишь его фамилія?

— Форовъ.

— Да, Форовъ, Форовъ,—меня всегда удивляла этимологія этой фамиліи. Ну а еще кто же тамъ у твоей сестры?

— Одинъ очень полезный намъ человѣкъ.

— *Намъ?* удивился Гордановъ.

— Да; то-есть тебѣ, самый вліятельный членъ по крестьянскимъ дѣламъ, нѣкто Подозеровъ. Этого, я думаю, ты ужь совсѣмъ живо помнишь?

— Подозеровъ?.... я его помню? Откуда и какъ: разкажи, сдѣлай милость.

— Господи! Что ты за притворщикъ!

— Волервыхъ, ты знаешь, я все и всѣхъ позабываю. Разказывай: что, какъ, гдѣ и почему я зналъ его?

— Изволь: я только не хотѣлъ напоминать тебѣ непріятной исторіи: этотъ Подозеровъ, когда всѣ мы были на четвертомъ курсѣ, былъ распорядителемъ въ воскресной школѣ.

Гордановъ спокойно произнесъ вопросительнымъ тономъ:

— Да?

— Ну да, и.... ты конечно помнишь все остальное?

— Ничего я не помню.

— Исторія въ Ефремовскомъ трактирѣ?

— И никакой такой исторіи не помню, холодно отвѣчалъ Гордановъ, прибирая волосокъ къ волоску въ своей бородѣ.

— Такъ я тебѣ ее напомню.

— Сдѣлай милость.

— Мы зашли туда всѣ въ четверомъ: ты, я, Подозеровъ и Форовъ, прямо съ бодростинской свадьбы, и ты хотѣлъ чтобы былъ выпитъ тостъ за какое-то родимое пятно на плечѣ или подъ плечомъ Глафиры Васильевны.

— Ты, другъ любезный, просто лжешь на меня; я не дуракъ, и не могу объявлять такихъ тостовъ.

— Да; ты не объявлялъ, но ты шепнулъ мнѣ на ухо, а я сказалъ.

— Ахъ *ты* сказалъ.... это иное дѣло! Ты вѣдь тоже тогда на нутро бралъ, тебѣ вѣрно и послышалось что я шепталъ. Ну а что же дальше? Онъ, кажется, тебя побилъ что ли?

— Ну вотъ ужь и побилъ! ничего подобнаго не было, но онъ заставилъ меня сознаться что я не имѣю права поднимать такого тоста.

— Однако онъ значитъ мущина молодецъ! Ну, ты конечно и сознался?

— Да; по твоему же настоянію и сознался: ты же уговорилъ меня что надо беречь себя для дѣла, а не ссориться изъ-за женщинъ.

— Скажи пожалуста: какъ это я ничего этого не помню?

— Ну полно врать: помнишь! Прекрасно ты все помнишь! Еще по твоему же совѣту... ты же сказалъ что ты понимаешь одну только такую дуэль на которой противникъ будетъ навѣрняка убитъ. Что, не твои эго слова?

— Ну, безъ допроса,—что же дальше?

— Пустили слухъ что онъ доносникъ.

— Ничего подобнаго не помню.

— Ты, Павелъ Николаичъ, лжешь! это всѣ въ мірѣ знаютъ.

— Ну да, да, Іосафъ Платонычъ, непремѣнно „всѣ въ мірѣ“, вы меньшею мѣрой не мѣряете! Ну и валяй теперь, сыпь весь свой дикціонеръ: „всякую штуку“, „батеньку“ и „голубушку“.... Эхъ, любезный другъ! сколько мнѣ разъ тебѣ повторять: отучайся ты отъ этого поганаго нигилистическаго жаргона. Теперь настало время что съ порядочными людьми надо знаться.

— Ну, такъ просто: *всѣ знаютъ*.

— Ошибаешься, и далеко не всѣ: вотъ здѣшній лакей, знающій здѣсь всякую тварь, ничего мнѣ не доложилъ объ этакомъ Подозеровѣ, но вотъ въ чемъ дѣло: ты тамъ не того?...

— Что такое?

— Балетъ-то танцовалъ, а, надѣюсь, не раскрывался бутономъ?

— То-есть въ чемъ же, на какой предметъ, и о чемъ я могу откровенничать? Ты вѣдь, чортъ знаетъ, зачѣмъ меня схватилъ и привезъ сюда: я и самъ путемъ ничего иного не знаю, кромѣ того что у тебя дѣло съ крестьянами.

— И ты этого, надѣюсь, не сказалъ?

— Нѣтъ, это-то, положимъ, я сказалъ, но сказалъ умно: я закинулъ только слово.

Гордановъ бросилъ на него бархатный взглядъ, обдававшій трауромъ, и внятно, отбивая каждое слово отъ слова, протянулъ: Ты это сказалъ? Ты, милый, умень какъ дьяконъ Семенъ, который книги продалъ, да карты купилъ. И ты претендуешь что я съ тобой не откровененъ. Ты досадуешь на свою второстепенную роль. Играй, дружокъ, первую, если умѣешь.

— Паша, я вѣдь не знаю въ чемъ дѣло?

— Дѣло въ истинѣ изреченной въ твоей дѣтской прописи: „истинный способъ быть богатымъ состоитъ въ умѣреніи нашихъ желаній.“ Не желай ничего знать болѣе того что̀ тебѣ надо дѣлать въ данную минуту.

— Позволь, голубушка, отвѣчалъ Висленевъ перекатывая въ рукахъ жемчужинку булавки Горданова. Я тебя очень долго слушалъ.

— И всегда на этомъ выигрывалъ.

— Кромѣ одного раза.

— Какого?

— Моей женитьбы.

— Что же такое? и тутъ, кажется, обмана не было: ты бралъ жену во имя принципа. Спасъ женщину отъ родительской власти.

— То-то, что все это вышло вздоръ: не отъ чего ее было спасать.

— Ну вѣдь я же не могъ этого знать! Да и что ты отъ этого потерялъ, что походилъ вокругъ аналоя? Гиль!

— Да, очень тебѣ благодаренъ! Я и самъ когда-то такъ разсуждалъ, а теперь не разсуждаю, и знаю что это содержанія требуетъ.

— Ну вотъ видишь, за то у тебя есть одинъ лишній опытъ.

— Да, шути-ка ты „опытъ.“ Запрется бы ты самъ въ такой опытъ!

— Ты очень добръ ко мнѣ. Я, братъ, всегда сознавался что я предъ тобою нуль въ такихъ дѣлахъ гдѣ нужно полное презрѣніе къ преданію: но вѣдь за то ты и былъ вождь, и пользовался и уваженіемъ и славой, тобой заслуженными, и я тебѣ не завидовалъ.

— Ахъ, оставь пожалуста, Павелъ Николаичъ, мнѣ вовсе не весело.

Гордановъ оборотился къ Висленеву лицомъ, окинулъ его недовольнымъ взглядомъ и спросилъ: — это еще что такое значитъ? Чѣмъ ты недовольна злополучная тѣнь и чего еще жаждешь?

— Да что жь ты шутишь?

— Скажите пожалуста! А чего бы мнѣ плакать?

— Не плачь, но и не злорадствуй. Что тамъ за опытъ я получилъ въ моей женитьбѣ? Не новость, положимъ, что моя жена меня не любитъ, а любитъ другаго, но... то, что....

— Ну, а что же новость?

— Что? крикнулъ Висленевъ.—А то что она любитъ чортъ знаетъ кого, да и его не любитъ.

— А тебѣ какое дѣло?

— Она любитъ ростовщика, процентщика.

— А тебѣ, повторяю, какое до этого дѣло?

— Какое дѣло? такое что это подлость... тѣмъ болѣе, что она и его не любитъ!

— Такъ что же ты за него что ли обижаешься?

— За кого?

— За Тихона Ларіоновича?

— О чортъ бы его побралъ! еще имя этого проклятаго здѣсь нужно.

— Шутъ ты, сказалъ мягко Гордановъ, и вставъ началъ одѣваться.—Шутъ и болѣе ничего! Какое тебѣ до всего этого дѣло?

— Ахъ, вотъ, покорно васъ благодарю: новый министръ юстиціи явился и разсудилъ! Что мнѣ за дѣло? А имя мое, и вѣдь всѣ знаютъ, а дѣти, чортъ ихъ возьми, а дѣти.... Они „Висленевы," а не Жиды Кишенскіе.

— Скажите, какая важная фамилія: „Висленевъ!" Фу, чортъ возьми! Да имъ же лучше что они не будутъ такіе сумашедшіе какъ ты! Ты бы еще радовался что она не на твоей шеѣ, а еще тебѣ же помогала.

Висленевъ не отвѣчалъ и досадливо кусалъ ногти. Гордановъ продолжалъ одѣваться: въ комнатѣ минутъ пять продолжалось молчаніе.

— Ты ему сколько долженъ, Кишенскому-то?

Висленевъ промолчалъ.

— Да что же ты это на меня, значитъ, сердишься за то что женился не хорошо, или за то что много долженъ?

Висленевъ опять промолчалъ.

— Вотъ пресгранная, ей Богу, порода людей! заговорилъ повязывая предъ зеркаломъ галстукъ Гордановъ; что только по ихнему желанію ни случится, всѣмъ они сами же первые сейчасъ недовольны. Захотѣлъ Іосафъ Платоновичъ быть вождемъ политической партіи,—былъ, и не доволенъ: подчиненные не слушаются; захотѣлъ показать что для него бракъ гиль,—и женился для другихъ, то-есть для жены, и объ этомъ теперь скорбитъ; брезговалъ собственностью, коммуны заводилъ, а теперь душа не сноситъ что карманъ тощъ; взаймы ему человѣкъ тысчонокъ десятокъ далъ, теперь, зачѣмъ онъ далъ? поблагородничалъ, сестрѣ свою часть подарилъ, и объ этомъ пыпче во всю грудь провздыхалъ: зачѣмъ не на *общее дѣло* отдалъ? зачѣмъ не бѣднымъ роздалъ? зачѣмъ не себѣ взялъ?

— Ну, извини пожалуста: послѣдняго я никогда не говорилъ.

— Ну полно, братъ Жозефъ, я вѣдь давно читаю тебя насквозь. А ты скажи что это у васъ родовое что ли? И сестра твоя такая?

— Оставь мою сестру; а читать меня не мудрено, потому что въ такихъ каторжныхъ сплетеніяхъ въ какихъ я, конечно, пожалѣешь о всякомъ грошѣ, который когда-нибудь употреблялъ легкомысленно.

— Ну вотъ то-то и есть!

— Да, но все-таки, я конечно ужъ, если за что на себя не сѣтую, такъ эта за то что исполнилъ кое-какъ свой долгъ по отношенію къ сестрѣ. Да и нечего о томъ разговаривать что уже сдѣлано и не можетъ быть передѣлано.

— Отчего же не можетъ быть передѣлано? даръ дарителю возвращается.

— Какой вздоръ!

— Не смѣй, Іосафушка, закона называть вздоромъ.

— И неужто ты думаешь что я когда-нибудь прибѣгнулъ бы къ такому средству?

— Ни за что не думаю.

— Очень тебѣ благодаренъ хоть за это. Я ни мало не сожалѣю о томъ что я отдалъ сестрѣ, но только я охотно сбѣжалъ бы со свѣта отъ всѣхъ моихъ дѣлъ.

— Да куда, страничекъ, бѣжать-то? Это очень замысловатая штучка! въ полѣ холодно, въ лѣсу голодно. Нѣтъ, милое дитя мое Іосафъ Платонычъ, не надо отъ людей отбиваться, а надо къ людямъ прибиваться. Денежка, мой другъ, трудъ любитъ, а мы съ тобой себѣ-то хотя давай не будемъ лгать: мы, когда надо было учиться, свистѣли; когда пора была грошь на маленькомъ мѣстѣ имѣть, сами разными силами начальствовали; а вотъ лѣто-то все пролѣвши къ осени-то и жутко становится.

— Ахъ жутко, Поль, жутко!

— То-то и есть, но нечего же и головы вѣшать. Съ азбуки намъ уже начинать поздно, служба только на кусокъ хлѣба даетъ, а люди на нашихъ глазахъ милліоны составляютъ; и дураковъ, надо уловать, еще и на нашъ вѣкъ хватитъ. Бабы-то наши вонъ раньше насъ за умъ взялись, и посмотри-ко ты напримѣръ теперь на Бодростину... Та ли это Бодростина что была Глаша Акатова, которая въ дни нашей глупости съ нами ради принципа питалась снятымъ молокомъ? Нѣтъ! это не та!

— И какъ она въ свою роль вошла! говорятъ, совсѣмъ природная дюшесса, герцогиня.

— Да и удивляться нечего; а почему? А потому что есть

царь въ головѣ. Чего ей не быть дюшессой? Она всѣмъ сумѣла бы быть. Вотъ это-то и надо имѣть въ умѣ такимъ людямъ какъ мы съ тобой, которые ворчали что дѣлать состояніе будто бы „противно природѣ.“ Кто идетъ въ лѣсъ по малину спустя время, тому одно средство: встрѣтилъ кого съ кузовомъ и отсыпь себѣ въ кузовокъ.

— А что если бы твои эти слова слышалъ бы кто-нибудь посторонній? спросилъ щуря глаза и раскачивая ногою Висленевъ.

— Что жь: сказалъ бы что я подлецъ?

— Навѣрно.

— И навѣрно совралъ бы; потому что самъ точно также подлецъ думаетъ. Ты хочешь быть добръ и честенъ?

— Конечно.

— Такъ будь же прежде богатъ, чтобы было изъ чего добрить и щедрить, а для этого.... пересыпай, любезный, въ свой кузовъ изъ кузова тѣхъ отъ кого какъ отъ козла ни шерсти, ни молока. А что скажутъ?... Мы съ тобой, почтенный коллега, сбившись съ толку въ столицахъ, пріѣхали сюда дѣла свои пристраивать, а не нервничать, и ты пожалуста здѣсь всѣ свои замашки брось и не хандри, и тоже не поучай, а понимаешь.... соглашайся. Время когда изъ Петербурга можно было пафзжать въ провинціи съ тѣмъ чтобы здѣсь пропагандировать да развивать свои теоріи прошло безвозвратно. Вы господа „передовые“ трунили что въ Россіи желѣзныхъ дорогъ мало, а желѣзныя дороги вамъ первая помѣха; онѣ надѣлали что Питеръ совсѣмъ перестаетъ быть оракуломъ, и теперь, пріѣхавъ сюда изъ Петербурга, надо устремлять силы не на то чтобы кого-нибудь развивать, а на то чтобы кого-нибудь... обирать. Это одно еще пока ново и не заѣзжено.

Висленевъ молчалъ.

— Но только вотъ что худо, продолжалъ Гордановъ, — когда вы тамъ въ Петербургѣ считали себя разныхъ дѣлъ мастерами, и посылали сюда разныхъ своихъ подмастерьевъ, вы сами позабыли провинцію, а она вѣдь иной разъ похитрѣй Петербурга, и ты этого пожалуста не забывай. Въ Петербургѣ можно цѣлый вѣкъ, ничего умнаго не сдѣлавши, слыть за умника, а здѣсь... здѣсь тебя всего разберутъ, кожу на тебѣ на живомъ выворотятъ и не поймутъ....

— Да я это сто разъ проводилъ въ моихъ статьяхъ, но ты

съ твоимъ высокимъ о себѣ мнѣніемъ, разумѣется, ничего этого не читалъ.

— Напротивъ, я „читалъ, и духомъ возмутился зачѣмъ читать учился“. Ты все развиваешь тамъ что въ провинціи тебя не поймутъ. Да, любезный другъ, пожалуй что и не поймутъ; но не забудь что за то непремѣнно разъяснятъ. Провинція—это волшебница Всевѣда: она до всего доберется. А вы вотъ этого-то именно и не чаете, и оттого въ Петербургѣ свистите, а здѣсь какъ разъ и заревете. Совѣтую тебѣ прежде всего не объявляться ни подъ какою кличкой, тѣмъ болѣе что, вопервыхъ, всякая кличка гиль, звукъ пустой, а потомъ, по правдѣ тебѣ сказать, ты вовсе и не *не гилистъ*, а весьма порядочный гилистъ. Гиль заставила тебя фордыбачить и отказываться отъ пособія которое тебѣ Тихонъ Ларіонычъ предлагалъ для ссудной кассы; гиль заставила тебя метаться и искать судебныхъ мѣстъ, къ которымъ ты неспособенъ; гиль загнала тебя въ литературу, которая вся яйца выѣденнаго не стóитъ, еслибы не имѣла одной цѣли—убить литературу; гиль руководитъ тобой когда ты всѣмъ и каждому отрицаешься отъ нигилизма; однимъ словомъ, что̀ ты ни ступишь, то это все гиль. Держись пожалуста умнѣй, мой благородный вождь, иначе ты будешь свѣшенъ и смѣрянъ здѣсь въ одну недѣлю, и тебя даже подлецомъ не назовутъ, а просто нарядятъ въ шуты и будутъ вышучивать; а тогда ужь и я не стану тебя утѣшать, а скажу тебѣ: выпроси, другъ Іасафъ Платонычъ, у кого-нибудь сахарную веревочку и подвѣсься минутъ на десять.

— Ты однако очень своеобразно утѣшаешь.

— Да, именно очень своеобразно; я не развожу вамъ разводовъ о „силѣ и матеріи“, а ищу дѣйствующей силы, которая бы нашу голову на плечи поставила.

Висленевъ въ отчаяніи всплеснулъ руками.

— Да гдѣ же эта сила, Поль? воскликнулъ онъ почти со слезами на глазахъ.

— Вотъ здѣсь, въ моемъ лбу и въ твоемъ послушаніи и скромности. Я тебѣ это сказалъ въ Москвѣ, когда уговорилъ сюда ѣхать, и опять тебѣ здѣсь повторяю то же самое. Вѣрь мнѣ; вѣра не гиль, она горы двигаетъ; вѣрь въ меня какъ я въ тебя вѣрю, и ты будешь обладать и достаткомъ, и счастіемъ.

— Полно, пожалуста, гдѣ ты тамъ въ меня вѣришь?

— А ужь я другому навѣрно бы не отдалъ портфеля съ полусотней тысячъ денежныхъ бумагъ.

— А я кстати не знаю зачѣмъ ты ихъ мнѣ отдалъ? Возьми ихъ Бога ради!

— Нельзя, мой милый; я живу въ гостиницѣ.

— Да все-равно, конечно: ключъ вѣдь у тебя?

Въ это время въ комнату явился слуга, посланный Гордановымъ съ книгою къ Бодростинымъ, и вручилъ ему маленькую записочку, на которую тотъ только взглянулъ и тотчасъ же разорвалъ ее въ мельчайшіе лепесточки. Долго, впрочемъ, въ ней нечего было и читать, потому что на маленькомъ листкѣ была всего одна коротенькая строчка, написанная мелкимъ женскимъ почеркомъ. Строчка эта гласила: „12 chez vous“.

Гордановa на минуту только смутила цифра 12. Къ какой порѣ сутокъ она относилась? Впрочемъ, онъ сейчасъ же рѣшилъ что она не можетъ относиться къ полудню; некстати также чтобъ это касалось какой-нибудь и другой полуночи, а не той которая наступитъ вслѣдъ за пынѣшнимъ вечеромъ.

— Она всегда толкова, и дѣло здѣсь очевидно идетъ о сегодня, сказалъ онъ себѣ и, положивъ такое рѣшеніе, вздохнулъ изъ глубины души, и обратясь къ сидѣвшему въ молчаніи Висленеву, добавилъ:—Такъ-то, такъ-то, братъ, Савушка; все у насъ съ тобой впереди и деньги прежде всего.

— Ахъ, деньги важная вещь!

— Еще бы! Деньги, дитя мое, большой эффектъ въ жизни. И вотъ разъ что онѣ у насъ съ тобой явятся въ изобиліи, исцѣлятся даже и всѣ твои язвы сердечныя. Прежде же всего надобно заботиться о томъ чтобы поправить грѣхъ юности моей съ мужиченками. Для этого я попрошу тебя съѣздить въ деревню съ моею довѣренностью.

— Хорошо; я поѣду.

— Я дамъ, тебѣ планъ и инструкціи какъ дѣйствовать, а самому мнѣ нужно будетъ тѣмъ временемъ остаться здѣсь. А еще прежде того, есть у тебя деньги или нѣтъ?

— Откуда же онѣ, голубчикъ Павелъ? Изъ ста рублей....

— Да полно вычислять!

Гордановъ развернулъ свой портфель, вынулъ изъ него двѣсти рублей и подалъ Висленеву.

— Мнѣ, право, совѣстно, Поль.... заговорилъ Висленевъ, протягивая руку къ деньгамъ.

— Какой же ты послѣ этого нигилистъ, если тебѣ совѣстно деньги брать? Бери, пожалуста, не совѣстись. Не далеко время когда у тебя будутъ средства, которыми ты разочтешься со мною за все сразу.

— Ахъ, только будутъ ли они? будутъ ли когда-нибудь? повторялъ Висленевъ, опуская деньги въ карманъ.

— Будутъ; все будетъ: будутъ деньги, будетъ положеніе въ свѣтѣ; другой жены новой только ужь не могу тебѣ обѣщать; но кто же въ нашъ вѣкъ изъ порядочныхъ людей живетъ съ женами? А за то, добавилъ онъ, схватывая Висленева за руку,—за то любовь, любовь.... Въ провинціяхъ изъ лоскутковъ шьютъ очень теплыя одѣяла.... а ты, каналья, вѣдь охотникъ кутаться!

— Пусти пожалуста съ твоею любовью! проговорилъ невольно осклабляясь Висленевъ.

— Нѣтъ, а ты не шути! настойчиво сказалъ Гордановъ и, наклонясь къ уху собесѣдника, прошепталъ:—я знаю кто о тебѣ думаетъ, и не самовольно обѣщаю тебѣ любовь такой женщины предъ которою у всякаго зарябитъ въ глазахъ. Это вотъ какая женщина, предъ которою и сестра твоя, и твоя генеральша—померкнутъ какъ свѣтляки при свѣтѣ солнца, и которая.... сумѣетъ полюбить такъ.... какъ сорокъ тысячъ женъ любить не могутъ! заключилъ онъ, быстро кинувъ руку Висленева.

— Ты это отъ себя фантазируешь?

— Да развѣ такія вещи можно говорить, не имѣя на то полномочія?

— Такъ что жь она меня знаетъ что ли?

— Конечно, знаетъ.

Висленевъ подернулъ въ недоумѣніи плечами, а Гордановъ заглянулъ ему въ глаза и, улыбаясь, проговорилъ:

— А! глаза забѣгали!

Висленевъ разсмѣялся.

— Да что же, отвѣчалъ онъ,—нельзя же все въ самомъ дѣлѣ серіозно слушать какъ ты интригуешь точно въ маскарадѣ.

— Нечего тебѣ толковать маскарадъ это или не маскарадъ: довольно съ тебя что я сдержу всѣ мои слова, а ты будешь и богатъ, и счастливъ, а теперь я вотъ ужь и одѣтъ, и если ты хочешь меня куда-нибудь везти, то можешь мною располагать.

— Да я пригласилъ къ себѣ пріятелей сестры поужинать и самъ пріѣхалъ за тобой.

— Прекрасно сдѣлалъ что пригласилъ ихъ, и я очень радъ познакомиться съ пріятелями твоей сестры, но только два условія: сейчасъ мнѣ дома нужно написать маленькую цидулочку, и потомъ не сердись что я долѣе половины двѣнадцатаго ни за что у васъ не останусь.

— А мнѣ бы, знаешь.... кажется надо бы забѣжать....

— Куда?

— Да къ этому генералу Синтянину, заговорилъ, морщась, Висленевъ.—Сестра увѣряетъ что, по ихъ обычаямъ, будто безъ того и генеральшѣ неловко будетъ придти.

— Ну разумѣется! А ты не хочешь что ли идти къ нему?

— Конечно, не хотѣлось бы.

— Почему?

Висленевъ сдѣлалъ заученую гримасу и проговорилъ:

— Все, знаешь, лучше какъ подалѣе отъ синяго мундира.

— Ахъ ты, кумъ! Гордановъ пожалъ плечами и комически проговорилъ:—Вотъ что общество такъ губитъ: предразсудкамъ нѣтъ конца! Нѣтъ, лучше поближе, а не подальше! Иди сейчасъ къ генералу, сію же минуту иди, и до моего пріѣзда умѣй снискать его любовь и расположеніе. Льсти, лги, кури ему,—словомъ, дѣлай что знаешь, это все нужно, добавилъ онъ, пихнувъ тихонько Висленева рукой къ двери.

— Ну такъ постой же, знаешь еще что? Сестра хотѣла позвать Бодростину.

— Ну, это вздоръ!

— Я ей такъ и сказалъ.

— Да Глафира и сама не поѣдетъ. Ахъ, женщина какая, Іосафъ?

— Кусай, любезный, локти! проговорилъ, уходя, Іосафъ Платоновичъ.

Висленевъ ушелъ, а Гордановъ заперъ за нимъ двери на ключъ, досталъ изъ дорожной шкатулки два револьвера, осмотрѣлъ ихъ заряды, обтеръ замшей курки и положилъ одинъ пистолетъ на коммодъ возлѣ изголовья кровати, другой въ ящикъ письменнаго стола. Затѣмъ онъ взялъ листокъ бумаги и написалъ большое письмо въ Петербургъ, а потомъ на другомъ клочкѣ бумаги начертилъ:

„Я непремѣнно долженъ былъ отлучиться изъ дому, но къ урочному часу буду назадъ, и если минуту запоздаю, то ты подожди.“

Окончивъ это послѣднее писаніе, Гордановъ позвонилъ лакея и велѣлъ ему, еслибы кто пришелъ отъ Бодростиныхъ, отдать посланному запечатанную записку, а самъ сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ къ Висленевымъ.

На дворѣ уже совсѣмъ смерклось и тучилось; былъ девятый часъ вечера, въ небѣ далеко рѣяли зарницы и пахло дождемъ.

VI. Волкъ въ овечьей кожѣ.

Когда экипажъ Горданова остановился у воротъ Висленевскаго дома, Іосафъ Платоновичъ, исполняя завѣтъ Павла Николаевича, былъ у генерала.

Ворота двора были отворены, и Горданову съ улицы были видны освѣщенныя окна флигеля Ларисы, раскрытыя и завѣшенныя ажурными занавѣсками. Гордановъ по разказамъ Висленева зналъ что ему нужно идти не въ большой домъ, но все-таки затруднялся: сюда ли, въ этотъ ли флигель ему надлежало идти? Онъ не велѣлъ экипажу въѣзжать внутрь двора, сошелъ у воротъ и пошелъ пѣшкомъ. Ни у воротъ, ни на дворѣ не было никого. Изъ флигеля слышались голоса и на занавѣскахъ мелькали тѣни, но отнестись съ вопросомъ было не къ кому.

Гордановъ остановился и оглянулся вокругъ. Въ это время на ступеняхъ крыльца дома занимаемаго генераломъ показалась высокая женская фигура въ свѣтломъ платьѣ, безъ шляпы и безъ всякаго выходнаго убора. Это была сама генеральша Александра Ивановна. Она тоже замѣтила Горданова съ первой минуты и даже отгадала что это онъ, отгадала она и его затрудненіе, но не показавъ ему этого, дернула спокойною рукой за тонкую веревку, которая шла куда-то за уголъ и гдѣ-то терялась. Послышался мѣрный звонъ колокольчика и громкій откликъ: сейчасъ!

— Семенъ! иди подай скорѣе барину одѣваться! отвѣчала на этотъ откликъ Синтянина, и стала сходить по ступенямъ, направляясь къ флигелю Висленевыхъ.

Гордановъ тронулся ей навстрѣчу, и только что хотѣлъ сдѣлать ей вопросъ объ указаніи ему пути какъ она сама предупредила его, и остановясь, спросила:

— Вы вѣрно не знаете какъ вамъ пройти къ Висленевымъ?

— Да, отвѣчалъ, кланяясь, Гордановъ.

— Вы господинъ Гордановъ?

— Вы не ошиблись, это мое имя.

— Не угодно ли вамъ идти за мной, я иду туда же.

Они перешли дворикъ, взошли на крылечко, и Синтянина позвонила. Дверь не отворялась.

Александра Ивановна позвонила еще разъ, громче и нетерпѣливѣе, задвижка отодвинулась и въ растворенной двери предстала легкая фигура Ларисы.

— Какъ у тебя, Лара, никто не слышитъ, проговорила Синтянина и сейчасъ же добавила: — вотъ къ вамъ гость.

Лариса, смущенная появленіемъ незнакомаго человѣка, подвинулась назадъ, и войдя въ залъ, спросила шепотомъ: кто это?

— Гордановъ, отвѣчала ей тихо генеральша, и кивнула головой Подозерову по направленію къ передней, гдѣ Гордановъ снималъ съ себя пальто.

Подозеровъ всталъ и быстро подошелъ къ двери какъ разъ въ то время какъ Гордановъ готовился войти въ залу.

Оба они вѣжливо поклонились, и Гордановъ назвалъ себя по фамиліи.

— Я здѣсь самъ гость, отвѣчалъ ему Подозеровъ, и тотчасъ же указалъ ему рукой на Ларису, которая стояла съ теткой у балконной двери, добавилъ: — вотъ хозяйка.

— Лариса Платоновна, заключилъ онъ,—вамъ желаетъ представиться товарищъ Іосафа Платоныча, господинъ Гордановъ.

Лариса сдѣлала шагъ впередъ и проговорила казенное: я очень рада видѣть друзей моего брата.

Павелъ Николаевичъ со скромностію истиннаго джентльмена отвѣчалъ тонкою любезностью Ларисѣ, и поручая себя ея снисходительному вниманію, отдалъ общій поклонъ всѣмъ присутствующимъ.

Лариса назвала по именамъ тетку и прочихъ.

Гордановъ еще разъ поклонился дамамъ, ложалъ руки мущинамъ, и затѣмъ, обратясь къ хозяйкѣ, сказалъ:

— Вашъ братъ безпрестанно огорчаетъ меня своею неаккуратностію, и нынче снова поставилъ меня въ затрудненіе. По его милости я являюсь къ вамъ не имѣя чести быть вамъ никѣмъ представленнымъ, и долженъ самъ рекомендовать себя.

— Братъ здѣсь у нашего жильца и будетъ сюда сію минуту. И дѣйствительно, въ эту же минуту въ передней, которая

оставалась незапертою, послышались шаги и легкій брязгъ шпоръ: это вошли Висленевъ и генералъ Синтянинъ.

Іосафъ Платоновичъ, какъ только появился съ генераломъ, тотчасъ же познакомилъ его съ Гордановымъ, и затѣмъ завелъ полушуточный разказъ о Форовѣ.

Все это время Синтянина зорко наблюдала гостя, но не замѣтила чтобы Лариса произвела на него впечатлѣніе. Это казалось нѣсколько удивительнымъ, потому что Лариса, прекрасная при дневномъ свѣтѣ, теперь при огнѣ матовой лампы была очаровательна: большіе черные глаза ея горѣли отъ непривычнаго и противнаго ея гордой натурѣ стѣсненія присутствіемъ незнакомаго человѣка, тонкія дуги ея бровей ломались и сдвигались, а строжайшія линіи ея стана блестѣли серебромъ на изломахъ покрывавшаго ея бѣлаго альпага.

По неловкости Висленева, мущины задержались на нѣкоторое время на срединѣ комнаты и разговаривали между собою. Синтянина рѣшила положить этому конецъ. Ее интересовалъ Гордановъ, и ей хотѣлось съ нимъ говорить, вывѣдать его и понять его.

— Господа! воскликнула она, направляя свое слово какъ будто исключительно къ Форову и къ своему мужу,—что же вы насъ оставили? Позвольте вамъ замѣтить что намъ это ни мало не нравится.

Мущины повернулись, и сопровождаемые Іосафомъ Платоновичемъ, усѣлись къ столу. Завязался общій разговоръ. Рѣчь зашла о провинціи и впечатлѣніяхъ провинціальной жизни. Гордановъ говорилъ сдержанно и осторожно.

— Не находите ли вы что провинція нынче еще болѣе болтлива чѣмъ встарь? спросила Синтянина.

— Я еще не успѣлъ вглядѣться въ нынѣшнихъ провинціальныхъ людей, отвѣчалъ Гордановъ.

— Да, но вы конечно знаете что встарь съ новымъ человѣкомъ заговаривали о погодѣ, а нынче начинаютъ рѣчь съ направленій. Это пріемъ новый, хотя, можетъ-быть, и не самый лучшій: это ведетъ къ риску сразу потерять всякій интересъ для новыхъ знакомыхъ.

— Самое лучшее, конечно, это вести рѣчь такъ какъ вы изволите вести, то-есть заставлять высказываться другихъ, ничѣмъ не выдавая себя, отвѣтилъ ей съ улыбкой Гордановъ.

Александра Ивановна слегка покраснѣла и продолжала:

— О, я совсѣмъ не обладаю такими дипломатическими способностями какія вы во мнѣ залодозрили, я только любопытна какъ женщина стариннаго режима, и люблю повѣрять свои догадки соображеніями другихъ. Есть пословица что человѣка не узнаешь пока съ нимъ не съѣшь три пуда соли, но мнѣ кажется что это вздоръ. Такъ-называемые нынче „вопросы“ очень удобны для того чтобы при ихъ содѣйствіи узнавать человѣка даже ни разу не посоливши съ нимъ хлѣба.

Гордановъ усмѣхнулся.

— Вы, кажется, другаго мнѣнія? спросила Синтянина.

— Нѣтъ, совсѣмъ напротивъ! отвѣчалъ онъ,—мое молчаніе есть только знакъ согласія и удивленія предъ вашею наблюдательностію.

— Вы однако тоже, какъ и Іосафъ Платонычъ, не пренебрегаете старинными обычаемъ немножко льстить женской суетности, но я недругъ любезностей расточаемыхъ женскому уму.

— Не женскому, а вашему, хотя я вообще не малый чтитель женскаго ума.

— Не знаю какой вы его чтитель, но по моему, все нынѣшнее куреніе женскому уму вообще, это опять ни что иное какъ вѣковѣчная лесть той же самой женской суетности, только положенная на новыя ноты.

— Я съ вами совершенно согласенъ, отвѣчалъ ей тономъ большой искренности Гордановъ.

— Мой пріятель попъ Евангелъ того убѣжденія что всякій человѣкъ есть только ветхій Адамъ, вставилъ Форовъ.

— И вашъ отецъ Евангелъ совершенно правъ, опять согласился Гордановъ. — Если возьмемъ этотъ вопросъ серіозно и обратимся къ исторіи, къ лѣтописямъ преступленій или къ біографіямъ великихъ людей и друзей человѣчества, вездѣ и повсюду увидимъ одно безконечное ползанье и кружепье по зодіакальному кругу: всѣ тѣ же овны, тельцы, раки, львы, дѣвы, скорпіоны, козероги и рыбы, съ маленькими отмѣнами на всякій случай, и только. Ново лишь то что хорошо забыто.

— Сдаюсь на ваши доводы; вы правы, согласился Форовъ.

— Теперь, напримѣръ, продолжалъ Гордановъ, развѣ не ощутительны новыя тяготѣнія къ старому: Татьяна Пушкина опять скоро будетъ нашимъ идеаломъ; самыя свѣтскія матери не стыдятся знать о здоровьи и воспитаніи своихъ дѣтей;

недавно отвергнутый бракъ снова получаетъ важность. Восторги по поводу женскаго труда остыли...

— Нѣтъ-съ, извините меня, возразилъ Филетеръ Ивановичъ,—вы я вижу стародумъ, стоите за старь, за то что древле было все лучше и дешевле.

— Ни мало: я совсѣмъ внѣ времени, но я во всякомъ времени признаю свое хорошее и свое худое.

— Такъ за что же вы противъ женскаго труда?

— Боже меня сохрани! Я не на столько самоотверженъ чтобы будучи мущиной говорить во вредъ себѣ.

— Я васъ не понимаю, отозвался генералъ.

— Я стою за самую широкую эмансипацію женщинъ въ отношеніи труда; я даже думаю что со стороны мущинъ будетъ очень благоразумно свалить всю работу женщинамъ, но я конечно не позволю себѣ называть это эмансипаціей и не могу согласиться что эта штука впервые выкинута съ женщинами такъ-называемыми новыми людьми. Привилегія эта принадлежитъ не имъ.

— Она принадлежитъ нашимъ русскимъ мужичкамъ въ промысловыхъ губерніяхъ, вставилъ Форовъ.

— Да; чтобы не восходить далѣе и не искать указаній въ странахъ совершенныхъ дикарей, привилегію эту конечно можно отдать тѣмъ изъ русскихъ мужиковъ для которыхъ семья не дорога. Мужикъ Орловской и Курской губерніи, лахарь, не гоняетъ свою бабу ни лахать, ни боронить, ни косить, а исполняетъ эту тягчайшую работу самъ; промысловый же мужикъ, который конечно хитрѣе хлѣбопашца, самъ пьетъ чай въ городскомъ трактирѣ, а жену обучилъ править за него мужичью работу на полѣ. Я отдаю справедливость что все это очень ловко со стороны господъ мущинъ, но совѣщусь сказать что все это сдѣлано для женской пользы по великодушію.

— Вы, кажется-съ, играете словами, промолвилъ генералъ, замѣтивъ общее вниманіе женщинъ къ словамъ Горданова; но тотъ это рѣшительно отвергъ.

— Я дѣлаю самые простые выводы изъ самыхъ простѣйшихъ фактовъ, сказалъ онъ,—и притомъ изъ общеизвѣстныхъ фактовъ, которые ясно убѣждаютъ что съ женщиной поступаютъ коварно, и что значеніе ея все падаетъ. Какъ самое совершеннѣйшее изъ твореній, она призвана къ господству надъ грубою силой мущины, а ее смѣщаютъ внизъ съ принадлежащаго ей положенія.

— Позвольте-съ, съ этимъ трудно согласиться!

— Съ этимъ, генералъ, *нельзя не согласиться!*

— А я не соглашусь-съ!

— Непремѣнно согласитесь. Развѣ не упало, не измельчало значеніе любви, преданности женщинамъ? Развѣ любовь не замѣнялется холоднымъ сватовствомъ, не становится куплею.... Согласитесь что женитьба стала бременемъ, что распространяется ухаживанье за чужими женами, волокитство, интрига безъ всякихъ обязательствъ со стороны мущины. Даже обязанности волокитства кажутся ужь тяжки, — женщина не стóитъ труда, и начинаются rendez-vous новаго сорта; не мелодраматическія rendez-vous съ замирающимъ сердцемъ на балконѣ „съ гитарою и шпагой“, а спокойное свиданіе у себя предъ каминомъ, въ архалукѣ и туфляхъ, съ заученною лекціей сомнительныхъ достоинствъ о принципѣ свободы.... Рѣчь о свободѣ съ тѣмъ которая сама властна одушевить на всякую борьбу.... Простите меня, но мнѣ кажется нѣтъ нужды болѣе доказывать что значеніе женщины въ такъ называемый „нашъ вѣкъ“ едва ли возвеличено тѣмъ что ей, разжалованной царицѣ, позволили быть работницей! Есть женщины которыя уже теперь недовѣрчиво относятся къ такой эмансипаціи.

— Да, это правда, вставила свое слово Лариса.

Гордановъ взглянулъ на нее, и встрѣтивъ ея взглядъ, закончилъ: какъ вамъ угодно, для живой женщины наѣдаться за трудъ не было, не есть нынѣ и никогда не будетъ задачею существованія, и потому и въ этомъ вопросѣ, — если это вопросъ, — кругъ обойденъ, и просится нѣчто новое, это уже чувствуется.

— Однакоже-съ, законъ этого-съ еще какъ будто не предусматриваетъ, того что вы изволите говорить, прозвучалъ генералъ.

— Законъ!... Вы правы, ваше превосходительство, законъ не предусматриваетъ, но и въ Англіи не отмѣненъ законъ дозволяющій мужу продать невѣрную жену, а у насъ за то есть учрежденія, которыя всегда доставляли защиту женщинѣ не стѣсняясь закономъ.

— Ага-съ! ага! поняли наконецъ-то: и извѣстныя учрежденія! Вотъ видите когда поняли! воскликнулъ генералъ.

— Да этого нельзя и не понимать!

— Ага! ага! „нельзя не понимать!“ Нѣтъ-съ, не понимали.

Законъ! законъ! твердили: все законъ! А законъ-то-съ хорошъ-съ тѣмъ кто выросъ на законѣ какъ Европейцы, а калмыцкую лошадь одинъ Калмыкъ переупрямитъ.

Лариса бросила взглядъ на Горданова, и видя что онъ молчитъ, встала и попросила гостей къ столу.

Ужинъ шелъ недолго, хотя состоялъ изъ нѣсколькихъ блюдъ и начался супомъ съ потрохами. Разговоръ десять разъ завязывался, но не клеился, а Гордановъ упорно молчалъ: съ его стороны былъ чистый разчетъ оставлять всѣхъ подъ впечатлѣніемъ его недавнихъ рѣчей. Онъ оставался героемъ вечера.

За столомъ говорилъ только Висленевъ, и говорилъ съ однимъ генераломъ о дѣлахъ, о правительствѣ, о министрахъ. Вмѣшиваться въ этотъ разговоръ охотниковъ не было. Висленевъ попробовалъ было потрунить надъ матеріализмомъ дяди, но тотъ отмолчался; тронулъ онъ было тетушкину религіозность, посмѣявшись что она не ѣстъ раковъ боясь грѣха, но Катерина Астаѳьевна спокойно отвѣтила: не потому, батюшка, не ѣмъ, чтобы считала это грѣхомъ, а потому что не столько на этихъ ракахъ мяса наѣшь, сколько зубъ растеряешь.

Такъ ужинъ и кончился.

Вставъ изъ-за стола, Гордановъ тотчасъ же простился и зашелъ на минуту въ кабинетъ Висленева, только для того чтобы раскурить сигару, но замѣтивъ старинные эстампы, пріостановился передъ Ѳамарью и Іудою.

— Какъ это хорошо исполнено, сказалъ онъ.

— Нѣтъ, это ничего, а ты вотъ взгляни-ка на этихъ коней, позвалъ его къ другой картинѣ Висленевъ.

Гордановъ оглянулся.

— Недурны, сказалъ онъ сквозь зубы, мелькомъ взглянувъ на картинку.

— А которая тебѣ болѣе нравится?

— Одна другой лучше.

— Ну этого не бываетъ.

— Почему нѣтъ? твоя сестра и генеральша развѣ не обѣ одинаково прекрасны? Здѣсь больше силы,—она дольше проскачетъ, сказалъ онъ, показывая головкою тросточки на взнузданнаго бураго коня, а здѣсь изъ очей пламя бьетъ, изъ ноздрей дымъ валитъ. Прощай, добавилъ онъ зѣвнувъ.—Да вотъ еще что. Генералъ-то Сипягинъ, я слышалъ, говорилъ тебѣ за ужиномъ что онъ ѣдетъ для какихъ-то внушеній въ сторонѣ

гдѣ мое имѣніе,—вотъ тебѣ хорошо бы съ нимъ примазаться! Обдумай-ко это!

— А что жь, я, если хочешь, это улажу, но ловко ли только съ нимъ-то?

— И прекрасно сдѣлаешь: съ нимъ-то и ловко! а того.... что̀ бишь такое я еще хотѣлъ тебѣ сказать?... Да, вспомнилъ! Приходи ко мнѣ завтра часу въ одиннадцатомъ: съѣздимъ вмѣстѣ къ этому Подозерову.

— Хорошо.

— А что̀ твоя сестра за него уже просватана или нѣтъ?

— Что̀ тако-ое? моя сестра просватана!... На чемъ ты это основываешь?

— На гусиной печонкѣ, которую она ловила для него въ суповой чашѣ. Это значитъ она знаетъ его вкусы и собирается угождать имъ.

— Какой вздоръ! сестра кажется такой субъектъ что она можетъ положить ему на тарелку печонку, а тебѣ сердце.

Гордановъ засмѣялся.

— Чего ты смѣешься?

— Не знаю право, но мнѣ почему-то всегда смѣшно когда ты расхваливаешь твою сестру. А что касается до твоей генеральши, то скажу тебѣ что она прелесть и баба мозговитая.

— А вотъ видишь ли, а вѣдь ты ошибаешься, она и совсѣмъ не такъ умна какъ тебѣ кажется. Она только бойка.

— Ну да; разказывай ты! Нѣтъ, а ты рта-то съ ней не разѣвай? Прощай, я совсѣмъ сплю.

Пріятели пожали другъ другу руки, и Висленевъ проводилъ Горданова до коляски, изъ которой тотъ сунулъ Іосафу Платоновичу два пальца и уѣхалъ.

На дворѣ было уже безъ четверти полночь. Гордановъ нетерпѣливо понукалъ кучера, и наконецъ увидавъ въ окнахъ своего номера чуть замѣтный подслѣповатый свѣтъ, выскочилъ изъ коляски прежде чѣмъ она остановилась.

VII. Не поняли, но объясняютъ.

Проводивъ Горданова, Висленевъ возвратился назадъ въ домъ, насвистывая оперетку, и засталъ здѣсь уже все общество наготовѣ разойдтись: Подозеровъ, генералъ и Филитеръ Ивановичъ держали въ рукахъ фуражки, Александра Иванов-

на прощалась съ Ларисой, а Катерина Астаѳьевна повязывалась предъ зеркаломъ башлыкомъ.

Іосафъ Платоновичъ хотѣлъ показать что его эти сборы удивили.

— Господа! воскликнулъ онъ,—куда же вы это?

— Домой-съ, домой, отвѣчалъ протягивая ему руку генералъ.

— Что жь это такъ рано и притомъ всѣ вдругъ.

— Вамъ спать пора, отвѣчала ему, подавая на прощанье руку, генеральша Синтянина.

— И даже вы, тетушка, тоже уходите? обратился онъ къ Форовой, окончившей въ эту минуту свой туалетъ.

— Мужъ меня, батюшка, беретъ, замужъ вышла, не свой человѣкъ.

— Лора, уговори хоть ты! обратился онъ къ сестрѣ.

— Alexandrine, погоди, проговорила Лора.

— Мой другъ.... ты знаешь у меня дома есть больная.

Александра Ивановна нагнулась къ уху Ларисы и прошептала:—Я и такъ постулаю не хорошо: Вѣра весь день очень безпокойна.

— Я больше не прошу, отвѣтила ей громко Лариса.

— Ну, дѣлать нечего, прощайте господа, повторилъ Висленевъ,—но я во всякомъ случаѣ надѣюсь что мы будемъ часто видѣться. А какъ вамъ, Филетеръ Иваповичъ, показался мой пріятель Гордановъ? Не правда ли умница?

— Да вы что же сами подсказываете? возразилъ Форовъ.

— Я не подсказываю, я только такъ....

— Ну ужь теперь нечего „такъ!“ прощайте.

— Нѣтъ, а вѣдь вправду уменъ? допрашивалъ Висленевъ, удерживая за руку майора.

— Ну вотъ не видала Москва таракана: экая рѣдкость что уменъ!

— И резоненъ, на вѣтеръ не болтаетъ.

— Это еще того дешевле. Намъ его резоны все равно что морю дождикъ, мы резоны-то и безъ него съ прописей списывали, а вотъ онъ настоящую *свою суть* покажи!

— Пока вы его провожали, мы на его счетъ по нашей провинціальной привычкѣ уже немножко посплетничали, сказала почти на порогѣ генеральша. — Знаете, вашъ другъ, — если только онъ другъ вашъ,—привелъ насъ всѣхъ къ соглашенію, между тѣмъ какъ всѣ мы чувствуемъ что съ нимъ мы вовсе несогласны.

Вислепевъ засмѣялся и сказалъ:—я это ему передамъ.

У своего крыльца Синтянина на минуту остановилась съ Подозеровымъ, и удержавъ въ своей рукѣ руку которую послѣдній подалъ ей на прощанье, спросила его:

— Ну а вамъ, Андрей Ивановичъ, понравился этотъ баринъ?

— Не очень понравился, Александра Ивановна, коротко отвѣчалъ Подозеровъ.

— Это значитъ что онъ вамъ совсѣмъ не понравился. Я это впрочемъ видѣла и очень сожалѣла что вы сегодня такъ убійственно скучны и молчаливы. Вы одинъ могли бы ему отвѣчать, и вы-то и не сказали ни слова.

— Къ чему? отвѣтилъ Подозеровъ.—Онъ говоритъ красно. Да; они совсѣмъ довоспитался: теперь уже не такъ легко открыть кто подъ какимъ флагомъ везетъ какую контрабанду.

— Зачѣмъ же вы молчали? И вообще что̀ значитъ: цѣлый день унылость, а къ ночи спишь?

— Не знаю, скучно и сердце болитъ.

— А вы бы вотъ поучились у Гордапова владѣть собою! Удивительное самообладаніе!

— Ничего удивительнаго! Самообладаніемъ отличается шулеръ, когда смотритъ всѣмъ въ глаза, чтобы не замѣтили какъ онъ передергиваетъ карту.

— Во всякомъ случаѣ, господинъ Гордановъ мастерски владѣетъ собою.

— И другими даже, подтвердила Форова, цѣлуя въ лобъ Синтянину.—Это, господа, не человѣкъ, а.... кто его знаетъ кто онъ такой: его въ ступѣ толки, онъ будетъ вокругъ толкача бѣгать.

— А ваше мнѣніе, Филетеръ Ивановичъ, о новомъ гостѣ какое?

— Пока не вложу перста моего—ничего не знаю.

— Вы неисправимы, промолвила генеральша, и добавила: — я рада бы съ вами много говорить, да Вѣра нездорова; но одно вамъ скажу: по моему, этотъ Гордановъ точно рефлекторъ, онъ все отражалъ и все соединялъ въ фокусѣ, но что̀ же онъ намъ сказалъ?

— А ничего! отвѣтилъ Форовъ. — Съ пытливыхъ дамъ и этого довольно.

— Ну, прощайте, произнесла генеральша, и кивнувъ всѣмъ головою, пошла на крыльцо.

Форовъ втроемъ съ женою и Подозеровымъ вышли за ка-

литку и пошли по пустынной улицѣ озареннаго луной и спящаго города.

Іосафъ Платоновичъ, выпроводивъ гостей, счелъ было нужнымъ поговорить съ сестрой по сердцу, и усадилъ ее въ гостиной на диванѣ, но перекинувшись двумя, тремя фразами, почувствовалъ нежеланіе говорить и ударилъ отбой.

— Ну и слава Богу что у тебя все хорошо; сказалъ онъ.—Ты сколько же берешь нынче въ годъ за домъ съ Синтяниныхъ?

— Столько же какъ и прежде, Жозефъ.

— То-есть, что̀ же именно? Я вѣдь уже все это позабылъ сколько за все платилось.

— Они мнѣ платятъ шестьсотъ рублей.

— Фуй, фуй, какъ дешево! Квартиры повсемѣстно ужасно вздорожали.

— Да? я, право, этого не знаю, Жозефъ.

— Какъ же, Ларушка. По крайней мѣрѣ у насъ въ Петербургѣ все стало чортъ знаетъ какъ дорого. Ты напрасно не обратишь на это вниманія.

— Но что̀ же мнѣ до этого?

— Какъ что̀ тебѣ до этого, моя милая? Ихъ превосходительства могли бы тебѣ теперь и подороже....

— Ахъ, полно Бога ради, цѣна которую они платятъ мнѣ ровесница. Синтянинъ, съ тѣхъ поръ какъ выѣхали Гриневичи, платитъ за этотъ домъ шестьсотъ рублей, не я же стану набавлять на нихъ.... Съ какой стати?

— Какъ съ какой стати? Все дорожаетъ, а деньги дешевѣютъ. Матушка наша, я помню, платила кухаркѣ два рубля серебромъ въ мѣсяцъ, а мы теперь сколько платимъ?

— Пять.

— Ну вотъ, здравствуй ложалуста! Платишь за все втрое, а берешь то же самое что̀ и сто лѣтъ тому назадъ брала. Это невозможно. Я даже удивляюсь какъ имъ самимъ это не совѣстно жить за старую цѣну, и если они этого не понимаютъ, то я дамъ имъ это почувствовать.

— Нѣтъ, я прошу тебя, Жозефъ, этого не дѣлать! Вопервыхъ, Синтянины небогаты, а вовторыхъ, у насъ квартиры втрое и не вздорожали, втретьихъ же, я дорожу Синтянинымъ какъ хорошими постояльцами и дружна съ Alexandrine....

— Да; „дружба это ты!“ когда намъ это выгодно, перебилъ. махнувъ рукой, Висленевъ.

— А вчетвертыхъ.... проговорила и замялась на словѣ Лариса.

— Вчетвертыхъ, это не мое дѣло. Я съ тобой согласенъ, часть свою я тебѣ уступилъ, и домъ вполнѣ твоя собственность, но вѣдь тебѣ же надо на что-нибудь и жить.

— Я и живу.

— Да, ты живешь мастерски; живешь чисто и прекрасно, продолжалъ онъ,—но все-таки.... быть посвободнѣе въ грошѣ никогда не мѣшаетъ. Конечно, я предъ тобой много виноватъ....

— Ты виноватъ? Чѣмъ это? я не знаю.

— Ну, помнишь, вѣдь я обѣщалъ тебѣ что буду помогать и даже опредѣлилъ тебѣ триста рублей въ годъ, но мнѣ, дружочекъ Лара, такъ не везетъ, добавилъ онъ, сжимая руку сестрѣ,—мнѣ такъ не везетъ что даже одурь подчасъ взять готова! Тяжко наше переходное время! То принципы не идутъ въ согласіе съ выгодами, то.... ахъ, да ужь лучше и не поднимать этого! Вообще тяжело человѣку въ наше переходное время.

— Вообще ты напоминаешь мнѣ о томъ, Жозефъ, о чемъ я давно позабыла.

— То-есть о чемъ же я тебѣ напоминаю?

— О твоемъ обѣщаніи которое ты исполнять отнюдь не долженъ, потому что имѣешь теперь уже свою семью, и о томъ какъ живется человѣку въ наше переходное время. Я его ненавижу.

— Что же, развѣ ты перешла „переходы“ и видишь пристанище? пошутилъ Висленевъ, гладя сестру по рукѣ и смотря ей въ глаза.

— Пристанище въ томъ: жить какъ живется.

— Ой шутишь, сестренка!

— Ни мало.

— Тебѣ всего вѣдь девятнадцать лѣтъ.

— Нѣтъ, черезъ мѣсяцъ двадцать.

— Пора бы тебѣ и замужъ.

Лариса разсмѣялась и отвѣчала:

— Не берутъ.

— Ой лжешь ты, Лара, лжешь чтобы тебя не брали! Ты хороша какъ пери.

— Полно пожалуста.

— Ей-Богу! Вѣдь ты ослѣпительно хороша! Погляди-ка на меня! Фу, ты Господи! Что за глазищи: мракъ и пламень, и сердце не камень.

— Камень, Іосафъ, отвѣчала улыбаясь Лара.

— Врешь, Ларка! Я тебя уже изловилъ.

— Ты изловилъ меня?... На чемъ?

— На гусиной печонкѣ.

Лариса выразила непритворное удивленіе.

— Не понимаешь? Полно, пожалуста, притворяться! Намъ, братъ, Питеръ-то уже глаза повытеръ, мы всюду смотримъ и всякую штуку замѣчаемъ. Ты зачѣмъ Подозерову полчаса цѣлыхъ искала въ супѣ печонку?

— Ахъ, это-то!... Подозерову!

И Лариса вспыхнула.

— Стыдъ не потерянъ, сказалъ Іосафъ Платоновичъ,—но выборъ особыхъ похвалъ не заслуживаетъ.

— Выбора нѣтъ.

— Что же это?... Такъ?

— Именно такъ.... ничего.

— Ну, я такъ и говорилъ.

— Ты *такъ говорилъ*?... Кому и что такъ ты говорилъ?

— Нѣтъ, это такъ, пустяки. Гордановъ меня спрашивалъ просватана ты или нѣтъ? а я говорю: „съ какой стати?“

Висленевъ вздохнулъ, выпустилъ клубъ сигарнаго дыма и потеребя сестру за мизинецъ, проговорилъ:

— Покрѣпись, Ларушка, покрѣпись, подожди! У меня все это настраивается, и прежде Богъ дастъ хорошенько подкуемся, а тогда ужь для всѣхъ и во всѣхъ отношеніяхъ пойдетъ не та музыка. А теперь покуда прощай, добавилъ онъ вставая и цѣлуя Ларису въ лобъ, а самъ подумалъ про себя: „Тьфу; чортъ возьми, что это такое выходитъ! Хотѣлъ у ней попросить, а вмѣсто того ей же еще наобѣщалъ.“

Лариса молча пожала его руку.

— А мой портфель, который я тебѣ давеча отдалъ, у тебя? спросилъ простившись Висленевъ.

— Нѣтъ; я положила его на твой столъ въ кабинетѣ.

— Ай! зачѣмъ же ты это сдѣлала такъ неосторожно?

— Но вѣдь онъ, слава Богу, цѣлъ?

— Да, это именно слава Богу; въ немъ сорокъ тысячъ денегъ, и не моихъ еще вдобавокъ, а Гордановскихъ.

— Онъ такъ богатъ?

— Н.... н.... не столько богатъ какъ тороватъ, онъ далеко пойдетъ. Это человѣкъ какъ разъ по времени, по сезону. Меня,

признаюсь, очень интересуетъ какъ онъ здѣсь понравится ли?

— Я думаю.

— Нѣтъ; вѣдь его, дружокъ, надо знать такъ какъ я его знаю; вѣдь это голова, это страшная голова!

— Онъ уменъ.

— Страшная голова!... Прощай, сестра.

И братъ съ сестрой еще разъ простились и разошлись.

Зала стемнѣла и въ дверяхъ Ларисы щелкнулъ замокъ, повернутый ключомъ изъ ея спальни.

„Ключъ!“ прошепталъ, услыхавъ этотъ звукъ, Іосафъ Платоновичъ, стоя въ раздумьи надъ своимъ письменнымъ столомъ, на которомъ горѣли двѣ свѣчи и между ними лежалъ портфель.

— Ключъ! повторялъ онъ въ раздумьи и, взявъ въ руки портфель, повертѣлъ его, пожалъ, завелъ подъ его крышку костяной ножикъ, поштурфовалъ имъ во всѣ стороны и, бросивъ съ досады и ножикъ и портфель, вошелъ въ залу и постучалъ въ дверь сестриной спальни.

— Чтò тебѣ нужно, Жозефъ? отозвалась Лариса.

— Къ тебѣ, Лара, ходитъ какой-нибудь слесарь?

— Да, когда нужно, у Синтяниныхъ есть слесарь солдатъ, отвѣчала сквозь двери Лариса.

— Пошли за нимъ пожалуста завтра, онъ мнѣ нуженъ.

— Хорошо. А кстати, Жозефъ, ты завтра дѣлаешь кому-нибудь визиты?

— Кому же, Лара?

— Бодростиной, напримѣръ?

— Бодростиной! Зачѣмъ?

— Мы же съ ней въ родствѣ: она двоюродная сестра твоей жены, и она у меня бываетъ.

— Да, милый другъ, мы съ ней въ родствѣ, но не въ согласіи, проговорилъ уходя братъ.—Прощай, Ларушка.

— Спокойной ночи, братъ.

— Да, да, да, мысленно проговорилъ себѣ Іосафъ Платоновичъ, остановившись на минуту предъ темными стеклами балконной двери.—Да, и Бодростина, и Гордановъ, это все свойственники.... Свойство и дружество!... Нѣтъ, друзья и вправду видно хуже враговъ. Ну, да еще посмотримъ кто кого? Старые охотники говорятъ что въ отчаянную минуту и заяцъ кусается, а я хоть и загнанъ, но еще не заяцъ.

Н. ЛѢСКОВЪ.

(До слѣд. №.)

БѢЛАЯ-КРИНИЦА

ДО ПРІѢЗДА АМВРОСІЯ

(ИЗЪ ИСТОРІИ БѢЛОКРИНИЦКОЙ ІЕРАРХІИ.)

I.

Появленіе русскихъ раскольниковъ въ Австріи, и именно въ Буковинѣ, гдѣ собственно находятся ихъ поселенія, можно считать современнымъ присоединенію этой области къ владѣніямъ Австрійскаго императора, которое послѣдовало, какъ извѣстно, въ 1777 году, на основаніи мирнаго трактата съ Турціей. Въ границу Буковины включена была часть принадлежавшаго Молдавіи Сучавскаго округа, гдѣ, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ Молдавіи, находилось не мало мѣстъ заселенныхъ бѣжавшими изъ Россіи раскольниками: тѣ изъ этихъ послѣднихъ которые имѣли жительство на уступленномъ Австріи участкѣ и сдѣлались тогда, по силѣ заключеннаго съ Турціей трактата, австрійскими подданными. Это были именно нѣсколько раскольническихъ семействъ, жившихъ неподалеку отъ города Сучавы, въ принадлежавшемъ Драгомирнскому монастырю селеніи *Миттока-Драгомирна*, въ послѣдствіи болѣе извѣстномъ у старообрядцевъ подъ именемъ *Соколинцевъ*. Итакъ, первые явившіеся въ Австріи раскольники были изъ числа поселившихся первоначально въ Мол-

давіи, и селеніе Соколинцы можно считать самымъ древнимъ изъ существующихъ въ Буковинѣ раскольническихъ селеній. *

Въ Молдавіи всѣмъ вообще раскольникамъ усвоено издавна названіе *липованъ*: это есть, какъ надобно полагать, испорченное названіе *филиппонъ*, принадлежавшее собственно раскольникамъ филиппова согласія, которые, можетъ-быть, прежде другихъ старообрядцевъ пришли изъ Россіи въ Молдавію. ** Подъ тѣмъ же названіемъ липованъ стали извѣстны и въ Австріи бывшіе молдавскіе старообрядцы, съ самыхъ первыхъ лѣтъ своего существованія здѣсь.

Молдавскіе липованы, несмотря на это названіе, всѣ почти принадлежали къ вѣтковскому согласію и находились въ сношеніяхъ съ Вѣткой: первые пріобрѣтенные Австріей липованы держались также бѣглопоповства; они имѣли даже своего священника. ***

Положеніе этихъ первыхъ липованскихъ семействъ въ Австріи было сначала незавидно: они не только не имѣли какихъ-либо особенныхъ правъ и преимуществъ въ сравненіи съ прочими жителями Буковины, но даже стѣснены были въ свободномъ отправленіи богослуженія и церковныхъ требъ по своему обряду, такъ что находившійся у нихъ бѣглый священникъ принужденъ былъ уйти назадъ въ Молдавію. **** Но съ 1783 года, благодаря счастливому случаю, въ положеніи ав-

* Что въ Буковинѣ, близъ Сучавы, и ранѣе 1783 года жили раскольники, объ этомъ находимъ свидѣтельства въ нѣкоторыхъ офиціальныхъ документахъ. Напримѣръ въ грамотѣ выданной липованамъ изъ Черновицкаго областнаго правленія 31го октября 1783 года говорится о двухъ липованскихъ обществахъ, живущихъ уже въ Сучавскомъ дистриктѣ. Въ рапортѣ сучавскаго директора Шторра въ Черновцы, отъ 19го января 1784, упоминаются также hier im Districts bereits schon wohnhaften Lippowaner Familien (оба документа въ *Бѣлокр. арх.*). Надеждинъ, въ своей запискѣ о заграничныхъ раскольникахъ, замѣчаетъ что у липованъ живущихъ въ Миткѣ-Драгомирнѣ сохранилось преданіе что предки ихъ поселились въ этомъ мѣстѣ гораздо раньше того времени, когда Буковина сдѣлалась австрійскою областью (см. Кельсіева *Сборн.* ч. 1, стр. 85—86).

** Отъ *филиппоновъ* производилъ слово *липованы* и инокъ Павелъ, напримѣръ въ „Промеморіи графу Инцагѣ", 1844 (*Бѣл. арх.*).

*** Въ рапортѣ директора Шторра, отъ 19 янв. 1784, упоминается von vorher schon hier in Bukowina gesessenen Lippowaner Popp.

**** Объ отъѣздѣ его изъ Буковины обратно въ Молдавію есть извѣстіе въ томъ же документѣ.

стрійскихъ липованъ послѣдовала рѣшительная перемѣна, и въ Буковинѣ явились тогда новые старообрядческіе выходцы уже по собственному желанію и съ особенными, весьма важными привилегіями. Вотъ какъ описываютъ этотъ достопамятный для нихъ случай сами буковинскіе старообрядцы по сохранившимся у нихъ устнымъ преданіямъ. Однажды нѣсколько старообрядцевъ изъ числа живущихъ при устьяхъ Дуная, въ такъ-называемой Добруджѣ, занимаясь ловлей рыбы, увидѣли что какого-то, на ихъ взглядъ странно одѣтаго, но, какъ могли они примѣтить, благороднаго господина преслѣдуютъ разбойники и совсѣмъ почти настигли. Рыболовы бросились къ нему на помощь и успѣли его спасти. Тогда этотъ господинъ предложилъ имъ просить какой угодно награды за оказанную ему столь важную услугу. Старообрядцы отвѣчали что никакой награды не желаютъ, что освободивъ его, они только исполнили долгъ христіанскаго закона. Послѣ новыхъ напрасныхъ убѣжденій принять какое-нибудь вознагражденіе, странно одѣтый господинъ сказалъ имъ что онъ изъ города Вѣны, чиновникъ австрійскаго императора, и что если они ничего не хотятъ принять отъ него лично, то не пожелаютъ ли по крайней мѣрѣ о чемъ-нибудь попросить самого императора, предъ которымъ онъ готовъ за нихъ ходатайствовать. Изъ этихъ словъ, да и по самому его „обхожденію“, рыболовы поняли что это долженъ быть въ самомъ дѣлѣ „чиновникъ высокаго сана“, и потому его покровительство при случаѣ можетъ быть очень полезно: они отвѣтили что о предложеніи его скажутъ своимъ обществамъ. Высокосановный чиновникъ далъ имъ записку съ означеніемъ своего имени и наставленіемъ какъ поступить, если представится въ немъ надобность. Затѣмъ, поблагодаривъ ихъ еще разъ, отправился въ свой путь. * Быть-можетъ въ этомъ разказѣ част-

* Такъ излагаетъ эту исторію, „по устному повѣствованію старѣйшинъ“, бѣлокриницкій инокъ Павелъ въ *Уставѣ Бѣлокриницкаго монастыря* (гл. II, § I. а). Онъ же разказываетъ ее и въ другомъ своемъ сочиненіи: *III части церковной исторіи*, но менѣе подробно: здѣсь о разбойникахъ не упоминается, а сказано только что старообрядцы „имѣли случай спасти отъ смертоубійства Турокъ австрійскаго двора чиновника“, который нѣсколько ниже названъ „австрійскаго двора посланникомъ“ (стр. 169). А въ одной старообрядческой рукописи говорится что это былъ родственникъ Австрійскаго императора, попавшій въ руки разбойниковъ, что ко-

ныя обстоятельства событія переданы несовсѣмъ вѣрно, но самый фактъ что придунайскіе раскольники оказали важную услугу одному изъ приближенныхъ лицъ Австрійскаго императора и что въ благодарность за такую услугу имъ была обѣщана сильная протекція у императора, — этотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію, какъ видно изъ дальнѣйшихъ событій, подтверждаемыхъ достовѣрными офиціальными извѣстіями.

Предложеніе австрійскаго сановника добруджинскіе рыболовы не премицули сообщить своимъ односельчанамъ, какъ только возвратились съ рыбной ловли, а тѣ, по сказанію липованскаго повѣствователя, „немедленно“ собрались на совѣтъ и „единодушно заключили: просить отъ его величества, Австрійскаго императора, всемилостивѣйшее благоволеніе на свободное въ австрійскихъ предѣлахъ пребываніе, съ наблюденіемъ въ точности древлегреческаго христіанскаго закона, и совершенной вольности своему духовенству“. Въ такомъ смыслѣ составили „всепокорнѣйшее прошеніе“, выбрали изъ своей среды „двухъ изрядныхъ депутатовъ, именно Александра Алексѣева и Никифора Иларіонова“, и послали

рабль съ которымъ онъ плылъ потерпѣлъ въ Черномъ морѣ крушеніе, и онъ уже погибалъ, когда явились на помощь ему старообрядцы. (*Сбор.* Кельсіева, ч. I, стр. 155). Исторію австрійскаго чиновника передаетъ и Надеждинъ, также со словъ буковинскихъ старообрядцевъ, но опять въ иномъ видѣ: „поводомъ къ переселенію липованъ была, говорятъ, услуга оказанная ими на Дунаѣ одному изъ важныхъ имперскихъ генераловъ, *во время военныхъ дѣйствій Австрійцевъ съ Турками*; Турки, къ которымъ этотъ генералъ попалъ въ плѣнъ, сбирались будто бы утопить его въ Дунаѣ, и дѣйствительно утопили бы, еслибы не подоспѣли и не выручили жившіе въ сосѣдствѣ раскольники; въ благодарность за то генералъ, согласно просьбамъ своихъ спасителей, *выхлопоталъ для нихъ единовѣрцевъ въ Буковинѣ, отошедшей вслѣдъ затѣмъ къ Австріи*, весьма важныя привилегіи, *для пользованія которыми они не замедлили и сами къ нимъ присоединиться*. (*Сборн.* Кельсіева, I, стр. 86. Здѣсь, очевидно, перепутаны время и обстоятельства событія.) Наконецъ, ту же исторію, также со словъ липованскихъ сторожиловъ и опять въ совершенно новой редакціи, излагаетъ игуменъ Парѳеній въ *Книгѣ о Промыслѣ*: „Случилось что австрійскій императоръ послалъ *одного изъ министровъ* своихъ съ чиновниками промѣрять Дунай отъ самой Вѣны до Чернаго моря и узнать его глубину и весь описать. Турки изъ крѣпостей замѣтили Нѣмцевъ и послали

ихъ „съ тѣмъ всепокорнѣйшимъ прошеніемъ въ столицу Вѣну". Здѣсь, „по неложному обѣщанію и сильному ходатайству опаго великаго чиновника" все было сдѣлано согласно ихъ желанію. * 9го октября 1783 года собственноручно подписана императоромъ Іосифомъ II и вручена имъ грамота слѣдующаго содержанія:

„Мы, Іосифъ вторый, Божіею милостію избранный императоръ Римскій и пр.

„Такъ какъ въ нашъ столичный городъ Вѣну пришли отъ живущихъ при Черномъ морѣ старовѣрческихъ обществъ (altgläubigen Gemeinden) два депутата, по имени Александръ Алексѣевъ и Никифоръ Ларіоновъ, и по порученію сихъ обществъ обратились къ намъ съ просьбою чтобъ имъ позволено было переселиться въ наши земли съ ихъ семействами и имуществомъ:

„то мы, находясь въ увѣренности что помянутыя общества, по прибытіи на будущія мѣста ихъ жительства въ нашихъ земляхъ, во всемъ (in allen Stücken) будутъ поступать такъ же какъ и прочіе наши вѣрные подданные, посредствомъ настоящей утвержденной нами грамоты (Patents) даемъ вышеозначеннымъ депутатамъ и чрезъ нихъ имѣющимъ переселиться обществамъ слѣдующее увѣреніе:

„1) Дозволяемъ мы совершенно свободное отправленіе ре-

за ними погоню. Нѣмцы же, видя свою бѣду что ихъ преслѣдуютъ, бросились къ рыбакамъ и спросили: какіе вы люди? Тѣ отвѣтили: мы Русскіе и христіане. Нѣмцы же начали ихъ просить чтобы ихъ укрыли отъ Турокъ" и проч. (см. стр. 194—195). Изъ всѣхъ этихъ разказовъ, записанныхъ со словъ самихъ липованскихъ сторожиловъ и столь несогласныхъ между собою въ изложеніи частныхъ обстоятельствъ событія, мы отдаемъ предпочтеніе разказу инока Павла, такъ какъ онъ имѣлъ возможность передать гораздо точнѣе, нежели другіе, сохранившееся у Липованъ преданіе, и именно той редакціи разказа которая находится въ *Бѣлокриницкомъ уставѣ*, какъ редакціи болѣе полной. Въ *Исторіи* своей инокъ Павелъ выражаетъ между прочимъ справедливо сожалѣніе что „по простотѣ народа" имя спасеннаго липованами чиновника не сохранилось въ памяти. Имя его, если только оно принадлежитъ къ числу историческихъ, дѣйствительно, дало бы ключъ къ разъясненію этого, довольно темнаго событія.

* *Уставъ Бѣлокр. мон.* Въ *Исторіи* инока Павла говорится что и самую мысль о переселеніи въ Австрію подалъ липованамъ тотъ же спасенный ими австрійскій вельможа (стр. 170).

лигіозныхъ дѣйствій (freie Religions-Exercitium) имъ, всѣмъ ихъ дѣтямъ и потомкамъ (Kindeskindern), вмѣстѣ съ ихъ духовенствомъ.

„2) Оставляемъ мы ихъ и ихъ дѣтей совершенно свободными отъ всякихъ сборовъ и податей въ продолженіи 20 лѣтъ со времени ихъ поселенія.

„3) Предоставляемъ мы имъ освобожденіе отъ военной службы (Militaerstande)

„4) По истеченіи 20 лѣтъ мы имъ назначимъ подати, соотвѣтственно ихъ имуществамъ и какія платятъ прочіе наши подданные одинаковаго съ ними состоянія.“ *

Итакъ, услуга случайно оказанная одному изъ приближенныхъ лицъ Австрійскаго императора живущими при устьяхъ Дуная старообрядцами, имѣла для нихъ послѣдствіемъ пріобрѣтеніе императорской грамоты, которая на первыхъ же порахъ давала имъ весьма важное право — переселиться на жительство въ австрійскія владѣнія, съ полученіемъ особенныхъ льготъ и привилегій, а въ послѣдствіи, въ искусныхъ рукахъ предпріимчивыхъ людей, сдѣлалась документомъ чрезвычайной важности для всего старообрядческаго міра, признающаго надъ собою духовную власть бѣлокриницкой іерархіи.

По смыслу императорской грамоты, изложенныя въ ней права и привилегіи принадлежали собственно тѣмъ обществамъ жившихъ при Черномъ морѣ старообрядцевъ отъ которыхъ были присланы въ Вѣну депутаты. При Черномъ морѣ или, точнѣе, на мѣстѣ впаденія Дуная въ Черное море, въ такъ называемой Добруджѣ, и тогда уже были поселенія казаковъ-раскольниковъ изъ дружины Некрасова, извѣстныхъ подъ именемъ некрасовцевъ, или Игнатъ-казаковъ. Можно бы поэтому предполагать что и депутаты ѣздившіе въ Вѣну принадлежали къ некрасовскимъ обществамъ. Но, съ другой стороны, представляется невѣроятнымъ чтобы некрасовцы, положеніе которыхъ подъ властію султана было хорошо обезпечено, рѣшились искать счастія въ новомъ пе-

* Грамота писана на пергаментѣ, въ два столбца,—на одномъ понѣмецки на другомъ—по-русски. Оба текста приведены въ *Уставѣ Бѣлокриницкаго монастыря* (гл. II, а); славянскій напечатанъ также въ изданной заграницей *III части церковной исторіи* инока Павла (стр. 171—174).

реселеніи подъ господство нѣмецкаго государя: въ Турціи они пользовались также совершенною свободой въ исповѣданіи своей „старой вѣры“, кромѣ того своимъ собственнымъ казацкимъ судомъ и многими другими правами; а хлопотать о полномъ освобожденіи отъ военной службы было даже не въ характерѣ некрасовцевъ, которые и въ договорѣ съ турецкимъ правительствомъ условіемъ съ своей стороны поставили—во время войны снаряжать изъ молодыхъ людей казацкое войско на службу султану,—да и вообще австрійскіе липованы въ своемъ характерѣ представляютъ мало родственнаго съ добруджинскими раскольниками. Есть, наконецъ, нѣкоторыя положительныя данныя утверждать что придунайскія старообрядческія общества хлопотавшія о переселеніи въ Австрійскую имперію были не изъ числа некрасовскихъ. Однимъ изъ депутатовъ ѣздившихъ въ Вѣну названъ въ императорской грамотѣ Никифоръ Иларіоновъ; а во главѣ переселившихся потомъ въ Буковину дунайскихъ старообрядцевъ, ихъ предводителемъ и старшиною (Aeltester der Lippowaner) официально признанъ былъ Иларіонъ Петровичъ (Petrowitz). Но Иларіонъ Петровичъ, по прозванью „Коровьи-ножки“, и Никифоръ Иларіоновъ—личности не безъизвѣстныя въ исторіи раскола: они признаются основателями такъ-называемой секты чернобольцевъ. По существующимъ, очень скуднымъ впрочемъ извѣстіямъ объ этой сектѣ, * стародубскіе жители Иларіонъ Петровъ и Никифоръ Иларіоновъ (вѣтковскій выходецъ) отдѣлились отъ старообрядцевъ (слобожанъ), которыхъ заподозрили въ ереси и развращеніи нравовъ, за ихъ близкія сношенія съ православными, установившіяся послѣ второй вѣтковской „выгонки“, когда въ Стародубье переселились главные представители вѣтковскаго согласія; сами же проловѣдывали ученіе носившее безпоповскій отпечатокъ,—такъ между прочимъ они отвергали молитву за царей по той формѣ какая разослана была отъ правительства въ стародубскія слободы, не дозволяли поступленія въ военную службу и вообще въ отправленіе какихъ бы то ни было государственныхъ должностей, воспрещали принимать присягу и имѣть паспорты, про-

* Свѣдѣнія о чернобольцахъ находимъ у Андрея Іоаннова. (*Полн. истор. изв. о стригольникахъ* изд. 2, ч. IV, стр. 79—84) и у игумена Парѳенія въ *Книгѣ о Промыслѣ* (стр. 193).

повѣдывали близкое наступленіе кончины міра и т. п.; бѣглопоповства въ сущности они не отвергали; но къ самымъ бѣглымъ поламъ, со времени паденія Вѣтки и заподозрѣннаго ими развращенія слободъ, относились съ крайнимъ пренебреженіемъ и смотрѣли на нихъ подозрительно. Сохранилось преданіе что самъ Иларіонъ-Коровьи-ножки присвоилъ себѣ какую-то высшую духовную власть, такъ что нѣкоторые почитали его за епископа. * Отдѣлившись отъ слобожанъ, Иларіонъ Петровъ и Никифоръ Иларіоновъ съ своими учениками ушли изъ Стародубья за тогдашнюю польскую границу, въ мѣстечко Черноболь, принадлежавшее пану Хаткевичу: здѣсь они устроили часовню и монастырь. Это было около 1775 года. ** Въ Черноболѣ имъ пришлось пожить недолго, и вѣроятно изъ страха предъ русскимъ правительствомъ, распоряжавшимся тогда судьбами Польши, они переселились во владѣнія Турецкаго султана, къ устьямъ Дуная, гдѣ основали общество, отдѣльное отъ некрасовцевъ. *** Изъ этого обще-

---

* *Кн. о Пром.* стр. 198—199. Андрей Іоанновъ описываетъ Иларіона Петрова какъ человѣка невѣжественнаго и дерзкаго, доходившаго до крайняго кощунства (стр. 82—83); а игуменъ Парѳеній, на основаніи разказовъ слышанныхъ отъ людей лично знавшихъ Иларіона, называетъ его человѣкомъ разсудительнымъ, понимавшимъ неправильность не только бѣглопоповства, но и вообще старообрядства (стр. 193, 199—200). Если это послѣднее извѣстіе можетъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ самъ же игуменъ Парѳеній называетъ Иларіона „закоснѣлымъ раскольникомъ“, то съ другой стороны уже самое положеніе его въ средѣ старообрядцевъ переселившихся въ Австрію, извѣстное изъ источниковъ вполнѣ достовѣрныхъ, показываетъ въ немъ человѣка дѣйствительно умнаго и способнаго имѣть вліяніе на другихъ.

** У Андрея Іоаннова сказано что они „въ 1775 году *выдумали* свою секту“. Такъ точно опредѣлить время когда „выдумана“ какая-либо секта, разумѣется, нельзя, и авторъ, конечно, разумѣетъ здѣсь время когда чернобольцы рѣшились отдѣлиться отъ старообрядцевъ, оставить Стародубье.

*** О переселеніи чернобольцевъ въ Добруджу Андрей Іоанновъ совсѣмъ не упоминаетъ; но ему уже было извѣстно что Иларіонъ Петровъ „уплелся въ нѣмецкую землю, гдѣ поселился въ нѣкоторой слободѣ“: это писалъ Андрей Іоанновъ спустя не болѣе 10 лѣтъ по переселеніи Иларіона въ Буковину (первое изд. *Книги о стригол.* было въ 1793 году). А игуменъ Парѳеній положительно говоритъ что „Иларіонъ Петровичъ со своими единомысленными удалился (изъ

ства и были тѣ рыболовы которымъ удалось спасти отъ погибели австрійскаго саповника и ему-то собственно предоставлены были грамотой Іосифа II указанныя выше права и преимущества. *

Но прежде нежели придунайскіе чернобольцы успѣли воспользоваться этими правами, они, во всемъ ихъ объемѣ, распространены были на тѣхъ живщихъ близь Сучавы старообрядцевъ которые съ 1777 года состояли уже въ австрійскомъ подданствѣ, а равно и на всѣхъ липованъ которые пожелали бы перейти *изъ-за молдавской* границы подъ владычество Австріи. Надобно полагать что депутаты чернобольцевъ, проѣзжая въ Вѣну, не преминули посѣтить сучавскихъ раскольниковъ, не только какъ своихъ единовѣрцевъ, ** но и съ тою цѣлью чтобы получить отъ нихъ нужныя свѣдѣнія объ австрійскомъ правительствѣ, его отношеніяхъ къ старообрядцамъ, о мѣстахъ гдѣ можно будетъ поселиться въ случаѣ успѣха ихъ просьбы. На возвратномъ пути, съ драгоцѣнною грамотой въ рукахъ, они имѣли тѣмъ болѣе побужденій заѣхать къ сучавскимъ раскольникамъ, близко заинтересованнымъ исходомъ ихъ дѣла. Тогда эти послѣдніе, опираясь на данныя теперь придунайскимъ старообрядцамъ привилегіи, немедленно обратились къ правительству съ просьбою чтобъ эти привилегіи были предоставлены и имъ, какъ людямъ того же „стараго закона“; причемъ поставили правительству на видъ что распространеніе изложенныхъ въ высочайшей грамотѣ правъ и преимуществъ на всѣхъ живущихъ въ Австріи старообрядцевъ послужитъ для многихъ молдавскихъ липованъ побужденіемъ искать австрійскаго подданства. Правительство не нашло никакихъ препятствій къ удовлетворенію этой просьбы, тѣмъ болѣе что умноженіе народонаселенія посредствомъ но-

---

Черноболя) въ Турцію на Дунай, *но съ некрасовцами не соединился*, а построилъ свою деревню на Георгіевскомъ гирлѣ, и стали они заниматься рыболовствомъ на устьяхъ Дуная“ (стр. 194).

* Въ одной офиціальной бумагѣ 1791 года (донес. буковин. крайзамта во Львовъ, отъ 8го августа, № 2.600) общество липованъ просившихъ о переселеніи съ Чернаго моря опредѣляется въ двадцать съ небольшимъ семействъ: als die etliche und zwanzig Lippowaner vom Schwarzen Meere her im Jahre 1783 die Ansiedlungs-Erlaubniss erhielten...

** По словамъ Андрея Іоаннова, у чернобольцевъ было много послѣдователей въ Волошинѣ (IV, 81).

выхъ выходцевъ изъ Молдавіи вполнѣ согласовалось съ его желаніями. Не прошло и мѣсяца со времени полученія депутатами придунайскихъ старообрядцевъ императорской грамоты, какъ послѣдовало „отъ всевысочайшихъ мѣстъ“ распоряженіе: объявить сучавскимъ липованамъ что имъ также предоставляется право имѣть одного попа „ихъ націи“, для безпрепятственнаго и свободнаго „въ цѣломъ Буковинскомъ дистриктѣ совершенія ихъ обыкновенныхъ божественныхъ службъ“, а также право пользоваться „увольненіемъ отъ воинскаго стану“. 31го октября 1783 года, изъ черновицкаго областнаго правленія, чрезъ буковинскаго крайкоммиссара, была имъ выдана грамота о дарованіи этихъ правъ, съ объясненіемъ что грамота сія дается имъ въ свидѣтельство и удостовѣреніе дѣйствительнаго пріобрѣтенія ими упомянутыхъ правъ и „къ убѣжденію ихъ за границею живущихъ единовѣрцевъ что и имъ даны будутъ, въ случаѣ ихъ переселенія, такія же выгоды и преимущества“. *

Относительно дозволеннаго священника правительство предоставляло липованамъ свободу: возвратить ли изъ Молдавіи прежде бывшаго у нихъ попа или вызвать откуда-нибудь другаго (von auswärts kommen zu lassen), или даже вновь поставить кого-либо изъ своей націи въ попы (einen Poppen von ihrer Nation zu bestellen). Объ этомъ состоялось 26го ноября того же года высочайшее распоряженіе. Предоставляя липованамъ между прочимъ право поставить въ попы кого-либо изъ своей среды, высочайшій „президіумъ“ показалъ уже довольно ясно что не имѣетъ надлежащаго понятія о липованской религіи и іерархіи; еще яснѣе выразилось это незнаніе въ другомъ, тогда же послѣдовавшемъ распоряженіи, именно чтобы дозволенный липованамъ попъ, „какъ и другіе попы той области, подлежалъ вѣдѣнію буковинскаго епископа и карловицкаго митрополита“. ** Подчиняя липованскихъ поповъ вѣдѣнію высшихъ представителей православной іерархіи въ австрійскихъ владѣніяхъ наравнѣ съ прочими попами, правительство, очевидно, смѣшивало ихъ съ духовенствомъ православнымъ, и самихъ липованъ не отличало по религіи отъ Ру-

---

* Грамот. отъ 31го октября 1783 года. Въ *Бѣлокр. арх.*

** Musste dieser ihr Popp, so wie alle übrigen Poppen hier im Lande, dem Bukowinaer Herrn Bischofe und respective Carlowitzer Mitropoliten unterstellen.

синовъ, Молдовалаховъ и другихъ австрійскихъ подданныхъ православнаго исповѣданія. 15го января 1784 года, изъ черновицкаго областнаго управленія это „высочайшее президіальное предписаніе“ получено было сучавскимъ директоромъ Шторромъ и отъ него въ копіи сообщено липованамъ, которые тогда вошли уже въ сношенія со своими молдавскими единовѣрцами по дѣлу объ ихъ переселеніи въ Австрію, ради предоставленныхъ старообрядцамъ отъ австрійскаго правительства „выгодъ и преимуществъ“. Понятно съ какимъ изумленіемъ принято было липованами это распоряженіе о подчиненіи православнымъ архіереямъ ихъ попа, котораго имъ дозволено имѣть „для безпрепятственнаго и свободнаго совершенія ихъ обыкновенныхъ божественныхъ службъ“. Они объявили сучавскому директору что на основаніи прежде полученной ими удостовѣрительной грамоты не могли и помыслить чтобы попы ихъ должны были состоять въ зависимости отъ буковинскаго епископа и карловицкаго митрополита, что допустить такое подчиненіе они никакъ не могутъ, и что никто изъ молдавскихъ липованъ, при такомъ стѣсненіи ихъ духовенства, перейти на жительство въ Австрію не рѣшится. Это сказано было такъ прямо и рѣшительно что сучавскій директоръ, „въ устраненіе всякихъ со стороны липованъ подозрѣній“, призналъ за лучшее взять обратно встревожившее ихъ предписаніе „высочайшаго президіума“ и не настаивать на точномъ его исполненіи. Въ объясненіе этого отступленія своего отъ распоряженій высшей власти, онъ писалъ черновицкому областному начальнику что такъ необходимо было поступить, дабы не воспрепятствовать переселенію „заграничныхъ липованскихъ фамилій“, о чемъ буковинскіе липованы „обязались стараться, не щадя трудовъ“. *

Между тѣмъ начались и переселенія старообрядцевъ. Въ теченіе зимы 1783 года, изъ Молдавіи пришло семь липованскихъ семействъ; а съ Чернаго моря переселилось десять семействъ и кромѣ того пять иноковъ (Kaluger) и трое „бурлаковъ или холостыхъ молодцевъ“ (Purlaken, oder ledige Bursche). ** Эти переселенцы съ Чернаго моря, наравнѣ съ молдав-

---

* Донесеніе директ. Шторра въ Черновцы, отъ 19го января 1784 года, за № 154. (*Бѣлокр. арх.*)

** То-есть безсемейныхъ, бобылей. „Бурлакъ (южн.)—холостой, иной, бездомокъ, шатунъ, побродяга.“ (Даль, *Толк. слов.*)

скими, тогда же получили названіе липованъ, сдѣлавшееся съ этого времени общимъ для всѣхъ старообрядцевъ въ Австріи.

Молдавскіе выходцы немедленно избрали себѣ мѣста для поселенія, именно, шесть семействъ поселились въ „Митку-Драгомирскомъ“ (zu Mittoka-Dragomirna) и одно въ Климоуцахъ. Селеніе Миттока-Драгомирна, или Соколинцы, получившее еще названіе *Липовени*, потому, конечно, избрано ими предпочтительно предъ всѣми другими что здѣсь уже имѣли жительство ихъ единовѣрцы. Такимъ образомъ за Соколинцами несомнѣнно остается значеніе старѣйшаго изъ липованскихъ селеній въ Австріи.

Не такъ скоро избрали себѣ мѣсто для постояннаго жительства прибывшіе съ Чернаго моря раскольники. Подъ руководствомъ самого Иларіона Петровича, своего „старѣйшины“, эти переселенцы, состоявшіе, какъ сказано выше, изъ десяти семействъ, явились первоначально въ сучавскій же округъ, и именно въ самый городъ Сучаву. Мѣстный директоръ немедленно распорядился чтобъ они, до тѣхъ поръ пока выберутъ мѣсто для заведенія новаго, отдѣльнаго селенія, размѣстились на жительство по окрестнымъ деревнямъ. Но старообрядцы объявили что къ пріисканію мѣста для жительства они могутъ приступить не ранѣе весны, когда прибудутъ къ нимъ еще нѣсколько семействъ, которыя должны принять участіе въ этомъ общемъ ихъ дѣлѣ; зиму же просили дозволенія прожить въ городѣ, такъ какъ здѣсь, живя всѣ въ одномъ мѣстѣ, могутъ найти себѣ пропитаніе гораздо легче, нежели размѣстившись по деревнямъ, что̀ и было имъ дозволено. Итакъ, первую зиму по пріѣздѣ изъ Турціи они прожили въ городѣ Сучавѣ. При наступленіи весны, директоръ Шторръ не преминулъ напомнить имъ о скорѣйшемъ пріисканіи мѣстъ для постояннаго жительства; но старообрядцы не желали спѣшить, они отвѣтили что дожидаются игумена, который долженъ прибыть въ самомъ непродолжительномъ времени, и когда онъ пріѣдетъ, немедленно займутся пріисканіемъ мѣста удобнаго для поселенія. Совѣтъ и благословеніе игумена, быть-можетъ, они считали дѣйствительно необходимыми въ столь важномъ для нихъ дѣлѣ какъ выборъ мѣста для осѣдлой жизни, гдѣ предполагалось притомъ основать и монастырь. Но такъ какъ игуменъ все еще медлилъ прибытіемъ, а правительство не прекращало настаивать на скорѣй-

шемъ выѣздѣ старообрядцевъ изъ Сучавы, то въ исходѣ апрѣля 1784 года они рѣшились наконецъ приступить къ осмотру удобныхъ для ихъ поселенія мѣстъ. Ихъ вниманіе обращено было главнымъ образомъ на двѣ мѣстности — принадлежавшее Драгомирнскому монастырю урочище Корчешти и урочище Варница, принадлежавшее монастырю Путнѣ (Puttna). Директоръ Шторръ донесъ объ этомъ, для зависящихъ распоряженій, администраціи Буковинской области, извѣщая вмѣстѣ и о томъ что игуменъ ожидается липованами со дня на день, что онъ уже выслалъ имъ разныя церковныя принадлежности, самъ же былъ задержанъ турецкимъ правительствомъ, которое очень недовольно переселеніемъ липованъ и отъ котораго онъ могъ только откупиться деньгами; по прибытіи игумена, директоръ надѣялся получить и сообщить администраціи точныя свѣдѣнія о числѣ семействъ которыя еще намѣрены перейти въ Буковину. * Буковинское областное начальство, какъ видно, очень заинтересованное переселеніемъ липованъ, приняло эти извѣстія съ большимъ участіемъ: въ отвѣтъ на донесеніе сучавскаго директора, ему немедленно было послано предписаніе „всячески способствовать“ (allen nöthigen Vorschub zu leisten) липованамъ въ пріисканіи удобнаго мѣста для поселенія, имѣя впрочемъ въ виду, какъ бы липованы не избрали такихъ земель которыя заселены уже другими императорскими подданными и этимъ послѣднимъ необходимы. Что касается упомянутыхъ въ донесеніи мѣстностей, Корчешти и Варницы, то черновицкая администрація не находила съ своей стороны никакихъ препятствій передать во владѣніе липованамъ деревню Корчешти, если она пригодна (anständig) для нихъ, даже „не взирая на поссессію“, то-есть несмотря на то что Драгомирнскій монастырь, которому принадлежало это мѣсто, сдалъ его во владѣніе одному поссессору; относительно же Варницы администрація не находила возможности сдѣлать опредѣленное рѣшеніе, за неимѣніемъ отъ сучавскаго директоріата точныхъ извѣстій на какомъ именно хуторѣ эта мѣстность находится и есть ли тамъ жители (за что и сдѣлано замѣчаніе директору): въ послѣднемъ случаѣ администрація находила неудобнымъ отдавать Варницу во владѣніе липованъ. **

* Донес. сучавск. директ., отъ 22го апрѣля 1784 года, за № 1.016 (*Бѣлокр. арх.*).

** Предпис. черновицкой администраціи сучавскому директоріату, т. LXXXIX.

Липованскіе соглядатаи отдавали предпочтеніе урочищу Варница, находившемуся въ сосѣдствѣ съ селеніемъ Климоуцы (въ верстѣ разстоянія). Варница представляла дѣйствительно весьма привольное и удобное для поселенія мѣсто, расположенное неподалеку отъ городовъ Радоуца и Серета, * въ обширной долинѣ, среди предгорій Карпата, удобной для хлѣбопашества и садоводства; отличительную принадлежность Варницы составлялъ обильный источникъ, или ключъ, вода котораго, вслѣдствіе особенныхъ условій почвы, ** имѣла бѣлый цвѣтъ, отъ чего и самое это урочище получило названіе *Фонтана-Альба* (Fontina-Alba) или, на мѣстномъ нарѣчіи, *Бѣлая крыница*,—названіе, которому въ послѣдствіи суждено было пріобрѣсти громкую извѣстность. Такъ какъ по справкѣ оказалось что это урочище не занято никѣмъ изъ буковинскихъ жителей, то и послѣдовало распоряженіе правительства—отдать его во владѣніе липованамъ. Сюда въ непродолжительномъ времени переселились всѣ прибывшіе съ Иларіономъ Петровымъ отъ Чернаго моря раскольническія семейства, и такимъ образомъ на урочищѣ Варница, составлявшемъ, какъ и Миттока-Драгомирна, собственность одного изъ православныхъ монастырей, образовалось раскольническое селеніе Бѣлая-Криница.

Въ Бѣлой-Криницѣ, при поселившихся здѣсь липованскихъ семействахъ, пріютились на первое время и прибывшіе съ этими семействами иноки. Когда же наконецъ явился давно ожидаемый игуменъ Симеонъ, тогда они стали хлопотать объ устроеніи монастыря. Игуменъ началъ дѣло законнымъ порядкомъ. На основаніи императорской грамоты, предоставляющей липованамъ и ихъ духовенству полную свободу религіи, онъ подалъ куда слѣдовало, отъ имени всѣхъ липованъ, просьбу о

отъ 26го апр. 1784 года. Того же числа администрація доносила „президенту надворнаго военнаго суда“ (Hofkriegsrath), графу фонъ-Гадикъ, о переселеніи липованъ въ Буковину, съ приложеніемъ самаго рапорта о томъ отъ сучавскаго директоріата, и о своихъ распоряженіяхъ относительно мѣстностей Корчешти и Варница, изъ которыхъ о первой сказано что она „стоитъ пуста“ и только предоставлена отъ монастыря одному поссессору, почему и не найдено препятствій къ ея занятію.

* Отъ Радоуца въ 15, а отъ Серета въ 10 верстахъ.

** Почва здѣсь попреимуществу известковая.

дозволеніи построить монастырь для липованскихъ иноковъ и, вѣроятно, о предоставленіи въ ихъ собственность нужной для монастыря земли. Вопреки ожиданіямъ, эта просьба потерпѣла совершенную неудачу. Австрійское правительство, безъ сомнѣнія, знакомое съ бытомъ и устройствомъ не только католическихъ, но и православныхъ монастырей, нашло однакоже что монастырь какой желательно устроить липованамъ имѣлъ бы характеръ „страннаго духовнаго института, чуждаго всякихъ житейскихъ упражненій, назначеннаго только для созерцательной жизни", и что права на учрежденіе такого страннаго института высочайшая грамота вовсе не даетъ липованамъ. Дѣло доходило до высшихъ инстанцій, и наконецъ двумя опредѣленіями „надворнаго военнаго суда" (Hofkriegsraths), отъ 9го іюня и 10го іюля 1784 года, въ просьбѣ объ устроеніи монастыря липованамъ было рѣшительно отказано. * Для липованъ это рѣшеніе дѣла было сколько прискорбно, столько и неожиданно. Съ своей точки зрѣнія они совершенно справедливо находили противорѣчіе въ распоряженіяхъ правительства, которое дозволило ихъ инокамъ свободно переселяться въ Австрію, и въ то же время не дозволяетъ имъ устроить монастырь, какъ будто инокамъ можно жить не имѣя монастыря. Они пожалѣли теперь даже о томъ зачѣмъ обращались къ правительству за особымъ дозволеніемъ на построеніе монастыря, когда могли бы это сдѣлать, на основаніи высочайше дарованныхъ имъ привиллегій, и безъ сношенія съ правительствомъ. Но такъ какъ дѣло было уже испорчено, то рѣшили поправить его тѣмъ хорошо знакомымъ для старообрядцевъ способомъ къ какому обыкновенно прибѣгаютъ они при подобныхъ случаяхъ въ Россійской Имперіи, — именно, рѣшили построить небольшой монастырь, или скитокъ, тайнымъ образомъ, безъ вѣдома правительства, хотя и подъ защитой ближайшихъ мѣстныхъ чиновниковъ, на благосклонность которыхъ имѣли основаніе разчитывать. Неподалеку отъ селенія Бѣлой-Криницы, въ урочищѣ Тарновка, на полянѣ, окруженной большимъ буковымъ лѣсомъ, поставили обширную деревянную избу, въ одинъ этажъ, раздѣ-

* Объ этихъ опредѣленіяхъ Hofkriegsrath'а упоминается въ губернскомъ предписаніи крайзамту, отъ 21го марта 1842, за № 11.613 *Бѣлокр. арх.*.

ленную на нѣсколько помѣщеній, гдѣ находились и часовня, и трапеза, и монашескія кельи. Здѣсь и поселился игуменъ Симеонъ съ своимъ братствомъ, состоявшимъ всего изъ пяти иноковъ. * Въ 1788 году, онъ лично явился въ крайзамтъ ходатайствовать чтобы дозволено было еще двумъ „калугерамъ“ переселиться изъ Молдавіи въ Буковину: крайзамтъ, на основаніи прежнихъ примѣровъ, безпрепятственно далъ это позволеніе, въ той конечно увѣренности что новые переселенцы будутъ жить на общемъ со всѣми липованами положеніи. ** Вмѣсто двухъ, на этотъ разъ пришли изъ-за границы семь иноковъ и, разумѣется, поселились не въ Бѣлой-Криницѣ, а въ обители игумена Симеона, у котораго такимъ образомъ собралось братіи двѣнадцать человѣкъ. *** Около пяти лѣтъ скитокъ Симеона существовалъ довольно спокойно; мѣстное начальство, которому былъ онъ извѣстенъ, безпокоить липованскихъ калугеровъ не находило ни пользы, ни надобности. **** Но въ 1791 году, о тайно построенномъ липованскомъ монастырѣ случайнымъ образомъ дошло до свѣдѣнія высшаго правительства, и его существованію положенъ былъ конецъ.

Уединенное среди лѣса мѣстоположеніе монастырскаго дома имѣло ту невыгоду что дѣлало его беззащитнымъ отъ грабителей, которые дѣйствительно нападали на монастырь неоднократно. Одно изъ этихъ нападеній кончилось даже смертоубійствомъ. Это прискорбное для липованъ событіе случилось

---

* Въ *Уставѣ* говорится что мѣсто гдѣ былъ основанъ монастырь имѣло разстояніе отъ Бѣлой-Криницы только четверть мили. Изъ донесенія радоуцкой директоріи въ крайзамтъ, отъ 31го іюля 1791 года, видно что въ 1786 году монастырекъ въ лѣсу существовалъ уже: значитъ къ построенію его липованы приступили не позднѣе 1785 года, то-есть вскорѣ послѣ отказа, полученнаго изъ Hofkriegsrath'a. (*Бѣлокриницкій архивъ.*)

** О принятіи ихъ крайзамтъ далъ предписаніе думенію Санктъ-Онуфрію, за № 2.859.

*** Выписки изъ дѣлъ о переселеніи въ Буковину липованскихъ иноковъ. (*Бѣлокриницк. архивъ.*)

**** Радоуцкая директорія, въ упомянутомъ выше донесеніи въ крайзамтъ, не только не отвергаетъ того что имѣла свѣдѣніе о липованскомъ монастырѣ, но и замѣчаетъ еще что существованіе монастыря полагала извѣстнымъ даже самому крайзамту.

въ 1791 году, ночью съ 28го на 29е іюня. * Въ радоуцкую директорію липованы подали объявленіе о случившемся, съ просьбою о защитѣ отъ грабителей. Директорія донесла объ этомъ крайзамту, который съ своей стороны сдѣлалъ строгое предписаніе о разысканіи грабителей, объ учрежденіи и правильномъ содержаніи ночной стражи въ селеніи, вообще о принятіи необходимыхъ мѣръ къ предупрежденію на будущее время подобныхъ несчастныхъ случаевъ. Но въ то же время крайзамтъ возбудилъ вопросъ и о самомъ липованскомъ монастырѣ: отъ директоріи потребована справка что это за монастырь, когда онъ основался. Радоуцкій директоръ Бейнеръ, привлеченный такимъ образомъ къ нѣкоторой отвѣтственности за существованіе монастыря, и быть-можетъ именно желая отстранить отъ себя всякое подозрѣніе въ потворствѣ липованамъ по этому дѣлу, далъ отвѣтъ крайне неблагопріятный для липованскихъ иноковъ. Вотъ какъ описалъ онъ, послѣ наведенныхъ справокъ, и самый монастырь и бытъ монаховъ, въ своемъ объясненіи крайзамту, отъ 31го іюля: „Какъ только липованы поселились на Варницѣ, тогда же они построили себѣ въ лѣсу, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ села, домъ, раздѣленный на двѣ половины,—въ одной половинѣ моленная, или церковь, въ другой жилое помѣщеніе для особаго рода духовныхъ лицъ, которые у нихъ называются иноками (die sie Kalugier nennen). Здѣсь живутъ вмѣстѣ, общежительно, пять иноковъ, а еще двое имѣютъ жительство въ селеніи, каждый въ своей отдѣльной хатѣ (Chaluppe). ** одѣваются они помужицки (bäuerisch) и отъ прочихъ липованъ отличаются только

---

* Извлеченія изъ дѣла объ уничтоженіи монастыря въ лѣсу (*Бѣлокр. арх.*). Въ официальномъ документѣ не упоминается о смертоубійствѣ; но Павелъ, въ *Уставѣ Бѣл. мон.* и въ *Исторіи* (стр. 175) говоритъ что „одинъ изъ иноковъ до смерти убитъ былъ злодѣями."

** Бейнеръ показываетъ то самое число липованскихъ иноковъ которое значилось официально извѣстнымъ правительству; а между тѣмъ, какъ выше показано, вмѣсто двухъ, дозволенныхъ правительствомъ, во второй разъ пришли къ игумену Симеону семь иноковъ, и всѣ они жили вмѣстѣ съ другими въ монастырѣ, а не въ селеніи, гдѣ однакоже должны были бы жить по распоряженію правительства. Неточность въ донесеніи директора, вѣроятно, вызвана опасеніемъ отвѣтственности за нестрогое исполненіе распоряженій правительства.

небольшою черною мантіей на плечахъ (Schultermantel). Никакимъ опредѣленнымъ доходомъ не пользуются, а получаютъ пропитаніе, какъ и прочіе сельскіе жители, отъ полевыхъ работъ и еще отъ доброхотнаго подаянія мірянъ. На исправленіе духовныхъ требъ, крещенія, вѣнчанія и пр. не имѣютъ никакого права; ихъ обязанность состоитъ единственно въ томъ чтобы строго держаться принятыхъ у липованъ благочестивыхъ обычаевъ и молиться. Сколько можно было узнать, липованы поставляютъ за долгъ религіи имѣть въ своемъ обществѣ такого рода духовныхъ, чтобы могли оказывать имъ христіанскую благотворительность. Принимая отъ нихъ милостыню, эти духовныя лица за нихъ молятся, и липованы вѣруютъ что это даетъ имъ очищеніе отъ грѣховъ. Такія и иныя еще нелѣпости (Albernheiten) этотъ народъ признаетъ за основаніе и долгъ своей религіи....“ Назвавъ построеніе монастыря современнымъ самому поселенію липованъ на урочищѣ Варница и далѣе съ большею еще опредѣленностью заявивъ что монастырь существуетъ именно съ 1786 года, этою пятидѣтнею его давностью начальникъ радоуцкой директоріи старался доказать что онъ нимало не отвѣтственъ за существованіе монастыря, оказавшагося теперь неизвѣстнымъ высшему правительству: „такъ какъ, — писалъ онъ, — это общество особаго рода духовныхъ, подъ именемъ монастыря, существуетъ при Варницѣ уже съ 1786 года, то невозможно было и предположить чтобы высококесарскому крайзамту не было извѣстно объ этомъ, и чтобы липованы могли безъ дозволенія отъ правительства учредить подобное духовное общество.“ Такимъ образомъ радоуцкій директоръ или не зналъ, или нашелъ благоразумнѣйшимъ умолчать о послѣдовавшемъ въ 1784 году распоряженіи „надворнаго военнаго суда“, которымъ учрежденіе иноческаго общежитія было рѣшительно воспрещено липованамъ. Наконецъ, какъ бы желая показать свою особенную ревность къ искорененію всякихъ безпорядковъ, онъ выражалъ мнѣніе что учрежденіе такого рода, какъ липованскій монастырь и религіозное общество подобное тому какое составляютъ липованскіе иноки, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть терпимы болѣе,—онъ именно предлагалъ принять противъ нихъ слѣдующія мѣры: „1) приказать обществу липованъ чтобы молитвенный домъ, или церковь на телерешномъ, удаленномъ отъ селенія мѣстѣ, въ лѣсу, сломали и перенесли въ самое селеніе; 2) духовное, иноческое братство

упразднить и отнынѣ дозволить имъ содержать при церкви одно только духовное лицо, которое было бы уполномочено исполнять, согласно требованіямъ ихъ религіи, всѣ обязанности приходскаго священника, такъ какъ при такомъ маломъ обществѣ и одного духовнаго лица вполнѣ достаточно для попеченія о душахъ (zur Seelsorge); 3) если духовныя лица извѣстныя у нихъ подъ именемъ иноковъ пожелаютъ оставаться въ селеніи Варница, это можетъ быть дозволено имъ только подъ тѣмъ условіемъ, если они, какъ и прочіе сельскіе жители, построятъ себѣ домы, заведутъ хозяйство, станутъ исполнять наравнѣ съ другими общественныя повинности и совершенно откажутся отъ всѣхъ дѣйствій и внѣшнихъ отличій принадлежащихъ духовенству (alle geistliche Verrichtungen und Ansehen aufgeben); въ противномъ случаѣ, еслибъ они не захотѣли на все это согласиться, не останется иного средства къ уничтоженію этого особаго рода духовнаго общества, какъ выслать ихъ обратно за границу.“* На основаніи этого донесенія радоуцкой директоріи, крайзамтъ сдѣлалъ представленіе въ Лембергъ, губернскому начальству. Достойно замѣчанія что крайзамтъ, изложивъ тѣ самыя свѣдѣнія о липованскомъ монастырѣ и липованскихъ инокахъ какія сообщены были радоуцкою директоріей, не преминулъ однакоже замѣтить что объ устроеніи монастыря липованы ходатайствовали предъ правительствомъ, какъ только переселились въ Австрію, и что въ этой просьбѣ тогда имъ было отказано. Въ своемъ мнѣніи относительно того какъ поступить съ случайно открытымъ въ лѣсу, близъ селенія Бѣлой-Криницы, липованскимъ монастыремъ и монашескимъ братствомъ, крайзамтъ также не вполнѣ соглашался съ мнѣніемъ директоріи: находя съ своей стороны существованіе монастыря ни въ какомъ случаѣ недозволительнымъ, онъ предлагалъ однакоже менѣе строгія мѣры въ отношеніи къ липованскимъ инокамъ, и основаніе къ такому ихъ смягченію находилъ въ самомъ же донесеніи радоуцкаго директора,—именно въ томъ его замѣчаніи что липованы, держась разныхъ нелѣпыхъ мнѣній насчетъ своихъ иноковъ (verschiedene Albernheiten um diesen Mönchen), считаютъ *долгомъ религіи* имѣть ихъ (machen sich zur Religionspflicht diese Art Geistlichen zu haben). Принимая во

* Объясн. радоуцкаго директора, отъ 31го іюля 1791 года, (*Бѣлокр. арх.*

вниманіе такія отношенія липованъ къ своимъ иноkамъ, крайзамтъ выражалъ опасеніе какъ бы упраздненіе (Abschaffung) самаго званія иноческаго не возбудило волненія между этими, исполненными всякихъ религіозныхъ предразсудковъ людьми (unter dieser sehr vorurtheiligen Religionisten), и какъ бы они современемъ не вздумали даже уйти опять за границу, чего правительство въ своихъ собственныхъ интересахъ никакъ не желало. Потому крайзамтъ, въ своемъ представленіи губернскому начальству, предлагалъ ограничиться тѣмъ чтобы найденный въ лѣсу монастырь уничтожить, а иноковъ, не воспрещая строго самаго ихъ существованія у липованъ, перевести на жительство въ Бѣлую-Криницу, съ тѣмъ однакоже чтобы здѣсь они построили себѣ домы, каждый отдѣльно, и какъ всѣ прочіе жители занимались сельскимъ хозяйствомъ, платя равныя съ другими общественныя повинности. * „Въ губерніи“ это мнѣніе крайзамта было принято и 24го августа 1791 года послѣдовало распоряженіе привести его въ исполненіе. ** Въ силу этого распоряженія крайзамтъ предписалъ радоуцкой директоріи: „дальнѣйшее существованіе тайно построеннаго въ лѣсу монастырька (Klösterchens) воспретить и перенести его въ самое селеніе; сюда же переселить и монаховъ, съ тѣмъ чтобы они жили каждый самъ по себѣ, въ отдѣльныхъ домахъ, и занимаясь сельскимъ хозяйствомъ одинаково съ прочими жителями, несли повинности соотвѣтственно ихъ состоянію.“ ***

Итакъ, секретно построенный въ лѣсу липованскій Бѣлокриницкій монастырь существовалъ не болѣе пяти лѣтъ; по распоряженію правительства, онъ былъ уничтоженъ, какъ незаконное учрежденіе. По поводу этого распоряженія, насколько оно касалось самаго монастыря, подвергшагося запрещенію, липованы не имѣли побужденій слишкомъ много сѣтовать, такъ какъ опытъ показалъ что мѣсто на которомъ они устроили монастырь представляло существенныя неудобства для мирной иноческой жизни; притомъ же монастырское строеніе, какъ общественную собственность, имъ дозволено было перенести въ Бѣлую-Криницу. Но рѣшеніе правительства по

* Представл. крайзамта въ губернію, отъ 8го авг. 1791, № 2.600. (*Бѣлокр. арх.*).

** Предпис. изъ губерніи въ крайзамтъ, № 19.832. (Тамъ же.)

*** Предпис. крайзамта радоуцкой директ., отъ 14го сент. 1791, № 2.990. (Тамъ же.)

настоящему дѣлу было для нихъ особенно неблагопріятно въ своемъ общемъ значеніи, какъ официальное и во второй уже разъ издаваемое запрещеніе—имѣть свой, надлежащимъ образомъ устроенный монастырь съ иноческимъ общежитіемъ,—какъ постановленіе отрицающее у липованъ самое право завести такого рода религіозное учрежденіе. Послѣ этого, казалось, нечего было и помышлять имъ о новомъ устроеніи монастыря и монастырскаго общежитія; но отказаться отъ того что они считали, по справедливому замѣчанію радоуцкаго директора, „долгомъ своей религіи", бѣлокриницкимъ липованамъ не хотѣлось,—и они сдѣлали новую попытку устроить монастырь, опять секретнымъ образомъ, но уже въ самомъ селеніи, воспользовавшись для этого даже изданнымъ теперь распоряженіемъ правительства объ уничтоженіи найденнаго въ лѣсу монастыря,—именно тѣмъ что дозволено было перенести въ Бѣлую-Криницу монастырское строеніе, и самимъ инокамъ имѣть жительство въ селеніи. Здѣсь главнымъ дѣятелемъ является опять Иларіонъ Петровичъ Коровьи-ножки. Какъ бы принимая на себя отвѣтственность за дальнѣйшее существованіе монастыря, онъ отвелъ для него мѣсто на своемъ собственномъ участкѣ земли.* Монастырское строеніе со всѣми его принадлежностями онъ перенесъ изъ тарнавицкаго лѣса и поставилъ въ нѣкоторомъ уединеніи сзади своего дома, среди разведеннаго имъ большаго сада, а къ самому дому, выходившему на улицу, сдѣлалъ пристройку собственно для жительства иноковъ: сюда и перешли они вмѣстѣ съ игуменомъ Симеономъ; впрочемъ жили нѣкоторые и въ саду, въ старомъ монастырскомъ строеніи, куда обыкновенно всѣ собирались на молитву. Такимъ образомъ по формѣ онъ исполнилъ предписаніе правительства,—монастырскій домъ съ часовнею перенесъ въ селеніе, а иноковъ помѣстилъ жить наряду со всѣми липована-

* Вотъ что говорится объ этомъ въ *Уставѣ Бѣлокриницкаго монастыря:* „иноки вынуждены были перенестись съ того мѣста (изъ лѣсу), съ монастырскимъ заведеніемъ и со всѣми его принадлежностями, какъ-то — древлепечатными книгами, иконами, колоколами всею церковною утварію и прочимъ имуществомъ, въ село Бѣлую-Криницу, гдѣ они и приняты были тогдашнимъ жителемъ старовѣромъ Иларіономъ Петровичемъ въ свое покровительство и защиту, и водворились своимъ монастыремъ на собственномъ его грунтѣ". Нѣсколько короче, то же самое повторено въ *III части Церковной Исторіи* (стр. 175).

ми; но вмѣстѣ достигъ и того что монастырь и иноческое общество, вопреки тому же распоряженію, продолжали существовать. При жизни Иларіона, подъ его попеченіемъ, монастырь существовалъ на новомъ мѣстѣ около 27 лѣтъ; * умирая, онъ завѣщалъ и землю и все свое недвижимое имущество въ собственность иноковъ,—и это завѣщаніе, спустя три года послѣ его смерти, было признано ближайшими мѣстными властями въ полной его силѣ. ** Такимъ образомъ, несмотря на прямое и двукратное запрещеніе отъ высшаго правительства, липованы успѣли устроить монастырь среди самаго селенія Бѣлой-Криницы и даже отчасти обезпечить его существованіе. Мѣсто уступленное подъ монастырь и завѣщанное въ его собственность Иларіономъ Петровымъ есть то самое на которомъ и нынѣ существуетъ пресловутая бѣлокриницкая „митрополія".

II.

Послѣ описаннаго приключенія съ монастыремъ, нарушившаго нѣсколько спокойствіе липованъ въ первое десятилѣтіе по водвореніи ихъ въ Бѣлой-Криницѣ, они продолжали устроивать свой хозяйственный, общественный и семейный бытъ

---

* Въ *Уставѣ* говорится что на этомъ мѣстѣ монастырь существовалъ „при жизни Иларіона Петровича лѣтъ 15". Но Иларіонъ Петровъ умеръ не ранѣе 1818 года, а если на его землю, какъ говорится въ *Уставѣ*, монастырь перенесенъ былъ изъ лѣсу, когда здѣсь случилось смертоубійство, то-есть въ 1791 году, то очевидно что при жизни Иларіона монастырь существовалъ на его землѣ не 15, а 27 лѣтъ. Въ протоколѣ слѣдственной коммиссіи 1843 года есть извѣстіе что въ Бѣлой-Криницѣ монастырь существуетъ только съ 1803 года; если принять это извѣстіе, то окажется что при жизни Иларіона на его землѣ монастырь существовалъ дѣйствительно 15 только лѣтъ.

** „Въ 1818 году, грунтъ на которомъ водворились иноки дарованъ *монастырю* по духовному завѣщанію Петровича въ вѣчное владѣніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ домъ и все прочее имущество безъ остатку, о чемъ удостовѣряетъ декретъ думеніи Кочукмаре, подъ № 1594, основывающійся на судебномъ рѣшеніи К. к. буковинскаго форумнобиліума, 5го февраля 1821 года, № 247". (*Уставъ Бѣл. мон.*). Указанныхъ здѣсь документовъ не имѣется между находящимися у насъ бумагами бѣлокриницкаго архива, но не можетъ быть сомнѣнія что завѣщаніе сдѣлано было не на имя *монастыря*, существованіе котораго законнымъ порядкомъ признано не было, а на имя живпихъ при домѣ Иларіона иноковъ.

на новомъ мѣстѣ поселенія, при новыхъ, весьма выгодныхъ условіяхъ жизни, предоставленныхъ имъ австрійскимъ правительствомъ. При своей природной склонности къ земледѣлію, при трудолюбіи и навыкѣ къ разнымъ хозяйственнымъ занятіямъ и промысламъ, они успѣли въ непродолжительное время такъ хорошо устроиться, что Бѣлая-Криница (равно какъ и другія занятыя липованами мѣстности) представляла уже большое, цвѣтущее и красивое селеніе. Примѣчательнѣйшую особенность Бѣлой-Криницы и прочихъ липованскихъ селеній въ Австріи (какъ и всѣхъ вообще старообрядческихъ деревень и домовъ за границей) составлялъ ихъ чисто русскій характеръ, ярко отражавшій себя въ каждой подробности внѣшняго и внутренняго быта липованъ, начиная съ домовъ и одежды, языка и обычаевъ. * Среди коренныхъ жителей Буковины, среди руснацкихъ, молдаванскихъ и прочихъ селеній, липованы, съ ихъ Бѣлокриницей, Климоуцами, Соколинцами, представляютъ совершенно самобытное явленіе, какъ бы цѣликомъ перенесенное изъ Руси, и притомъ древней Руси: „въ нихъ, по выраженію ученаго имѣвшаго случай наблюдать липованъ, народность русская со всѣми мельчайшими подробностями и оттѣнками какъ будто окаменѣла и пребываетъ въ такой цѣлости и чистотѣ какую въ настоящее время не вездѣ сыщешь и съ самой Россіи". ** Какъ

---

* „Весь домашній бытъ ихъ, по словамъ Надеждина, есть бытъ нашихъ около-московныхъ поселянъ: та же русская изба съ углами и съ крышею подъ князекъ, съ русскою печью, даже съ русскими ухватами, кочергою и помеломъ; въ домѣ и на дворѣ тѣ же принадлежности, та же утварь, тѣ же земледѣльческія и другія орудія; русская телѣга съ русскою упряжью, съ русскими хомутами и дугою; русская баня съ каменкою и полкомъ; одежда и наряды обоихъ половъ также чисто русскіе, самое домашнее продовольствіе и удовольствіе: щи, каша и квасъ, медъ, брага и зеленое". (*Сборн.* Кельс. ч. I, стр. 88.)

** Надеждинъ (тамъ же стр. 89). Вотъ какъ описанъ домашній бытъ липованъ въ протоколѣ слѣдственной коммиссіи 1844 года: „Каждый липованъ имѣетъ въ своемъ домѣ образами и прочимъ приборомъ украшенную божницу, которая у него въ весьма великомъ почтеніи; входя въ домъ, дѣлаетъ на себѣ рукою крестъ и говоритъ: Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ. То же самое говоритъ послѣ всякаго ядѣнія и питія. Ни одинъ липованъ ни трубки не куритъ, ни табаку не нюхаетъ, такъ что даже и въ домахъ ихъ этого дѣлать не позволено. Въ ихъ домахъ вездѣ особливая чистота; они

чистѣйшіе представители старорусской народности, во всемъ отличной отъ культуры нѣмецкой, липованы представляли особенно любопытное явленіе для австрійскаго правительства и вообще для Нѣмцевъ. Императоръ Францъ въ 1816 году, при свиданіи съ Александромъ I въ Черновцахъ, не преминулъ даже обратить на нихъ вниманіе Русскаго царя. Нѣсколько бѣлокриницкихъ жителей разнаго возраста были представлены императору Александру, который, по сохранившемуся у липованъ преданію, съ любопытствомъ разспрашивалъ ихъ о жизни буковинскихъ старообрядцевъ, благодарилъ за неизмѣнную вѣрность русской національности и одѣлилъ щедрыми подарками.* Тогда былъ еще живъ достигшій глубокой старости самъ предводитель липованъ, Иларіонъ Петровичъ, и находился, конечно, во главѣ представлявшейся Русскому царю делутаціи. Вскорѣ послѣ этого, императоръ Францъ, весьма довольный что могъ показать своему гостю такую интересную достопримѣчательность какъ чистокровные русскіе люди въ австрійскомъ подданствѣ, наградилъ въ память этого событія старика Иларіона золотою медалью. Изъ Вѣны медаль выслана была начальнику Буковинской области, Плятцеру, который чрезъ кучурмарскую думенію нарочно вызвалъ Иларіона, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими членами липованскаго общества (mit einigen Mitgliedern seinen Nation) въ Черновцы для полученія высочайше дарованной награды. Здѣсь, 6го сентября 1817 года, Плятцеръ вручилъ Иларіону медаль и грамоту, въ которой сказано что эта награда пожалована старѣйшинѣ липованъ въ память посѣщенія Буковины императоромъ и въ знакъ императорской милости къ нему за покорность прави-

---

имѣютъ около постелей и предъ иконами занавѣски; столы накрываютъ чистыми скатертями". (*Бѣлокр. арх.*).

* Надеждинъ (тамъ же). Одинъ изъ представлявшихся императору Александру липованъ, Евграфъ (въ иночествѣ Епифаній) былъ еще живъ въ сороковыхъ годахъ и самъ разказывалъ иноку Онуфрію какъ бесѣдовалъ съ нимъ Русскій царь. Быстро подойдя къ липованамъ, Александръ спросилъ именно Евграфа: „Изъ какой губерніи? изъ Калужской?" Евграфъ совсѣмъ растерялся, едва могъ сказать что онъ не бѣглый, а природный липованъ. Императоръ улыбаясь началъ распрашивать: „Ну что же, и подъ дугой ѣздите, и въ баню ходите?" „Все какъ есть, ваше царское величество,—безъ этого нельзя".—„Хорошо, хорошо,—живите здѣсь спокойно".

тельству и за то что „въ званіи начальника надъ другими липованами вѣрно начальствуетъ“. *

Къ тому времени когда у австрійскихъ липованъ началось дѣло объ учрежденіи архіерейской каѳедры, именно спустя около шестидесяти лѣтъ по приходѣ въ Буковину первыхъ липованскихъ семействъ, населеніе Бѣлой-Криницы, также Климоуцъ и Соколинцевъ, естественнымъ путемъ нарожденія, особенно же посредствомъ принятія новыхъ выходцевъ, привлекаемыхъ привиллегированнымъ положеніемъ австрійскихъ раскольниковъ, достигло весьма значительной цифры. По конскрипціи 1843 года, въ Бѣлой-Криницѣ считалось уже 94 дома и въ нихъ 108 липованскихъ семей, а всѣхъ жителей обоего пола около 600 душъ; населеніе Климоуцъ было еще значительнѣе,—здѣсь числилось домовъ 131, семействъ 156, а всѣхъ жителей обоего пола болѣе 800 душъ; въ Соколинцахъ считалось 63 липованскихъ дома и въ нихъ 350 душъ жителей обоего пола. ** Въ этомъ общемъ числѣ жителей каждаго изъ трехъ липованскихъ селеній, пришлецы, бѣжавшіе преимущественно изъ Россіи, составляли весьма значительный процентъ. Липованы охотно принимали ихъ, какъ „единовѣрныхъ христіанъ,“ а отчасти и потому что извлекали отсюда пользу для самихъ себя, пріобрѣтая новыя рабочія руки, которыми пользовались до тѣхъ поръ пока пришельцы не заводились собственнымъ хозяйствомъ. *** Правительству, при такъ-называемыхъ конскрипціяхъ, этихъ бѣглецовъ объявляли обыкновенно какъ природныхъ липованъ, если только нельзя было укрыть ихъ отъ конскрипціи, — и самымъ употребительнымъ въ этихъ случаяхъ способомъ служило зачисленіе ихъ на мѣсто умершихъ липованъ: уловка, которой не могло не знать мѣстное начальство, на которую однакоже оно смотрѣло

---

* Дѣло о награжденіи Иларіона золотой медалью въ *Бѣлокр. арх.*

** Приведенныя свѣдѣнія заимствованы изъ протоколовъ коммиссіи проводившей слѣдствіе у липованъ въ февралѣ 1844 года. (*Бѣлокр. арх.*).

*** Такъ было съ самаго перваго времени поселенія липованъ въ Буковинѣ. Въ Бѣлой-Криницѣ сохранилось преданіе что обширный садъ Иларіона Коровьи-ножки, гдѣ нынѣ монастырь, обработанъ и насаженъ бѣглыми русскими раскольниками, которыхъ онъ первый началъ принимать и въ немаломъ количествѣ. Кто приходилъ съ паспортомъ, у тѣхъ, въ силу чернобольскаго ученія, паспорты Иларіонъ истреблялъ. (Слыш. отъ о. Онуфрія).

сквозь пальцы. Дѣло это облегчалось еще и установившимся порядкомъ сношеній ближайшаго гражданскаго начальства (мандаторіата) съ липованскими обществами. Общества избирали изъ своей среды одно лицо въ званіе „дворника“; мандаторъ утверждалъ избраннаго и вручалъ ему, какъ символъ власти, общественную печать и трость; чрезъ этого „дворника“ мандаторъ и велъ обыкновенно всѣ сношенія по дѣламъ липованъ, такъ что его свидѣтельства, подкрѣпленнаго свидѣтельствомъ одного или двухъ липованскихъ стариковъ, было достаточно для удостовѣренія въ принадлежности извѣстнаго лица или семьи къ числу природныхъ буковинскихъ липованъ. Но, принимая бѣглыхъ раскольниковъ въ сожительство съ собою и полное обладаніе всѣми принадлежащими имъ привилегіями, липованы все-таки не смѣшивали себя съ этими бѣглецами, и иногда, по крайней мѣрѣ на словахъ, давали имъ понять что они не по закону, а только по милости пользуются правами природныхъ липованъ: въ Бѣлой-Криницѣ семейства бѣглыхъ раскольниковъ селились даже большею частію отдѣльно отъ коренныхъ бѣлокриницкихъ жителей, — они составили цѣлую улицу, названную „Бѣжаркой“. Въ тридцатыхъ годахъ, когда относительно раскольниковъ у насъ приняты были строгія мѣры, число бѣглыхъ въ липованскихъ селеніяхъ особенно увеличилось, и такъ какъ первоначально занятое липованами количество земли въ Бѣлой-Криницѣ и Климоуцахъ было незначительно,* а правительство, несмотря на возраставшее населеніе, въ новомъ надѣлѣ земли рѣшительно отказывало, то пришлось позаботиться о поселеніи новыхъ выходцевъ гдѣ-нибудь на наемныхъ земляхъ. Бѣлокриницкіе и климоуцкіе липованы поручились за нихъ, какъ за природныхъ липованъ, и подъ именемъ бѣлокриницкихъ и климоуцкихъ выходцевъ, эти бѣжавшіе преимущественно изъ Польши и Бессарабіи раскольники, въ 1837 году, наняли по контракту на 20 лѣтъ землю у думеніи Бергометъ, гдѣ и основали особый поселокъ, называющійся Мехидра, у самаго селенія

* Въ Бѣлой-Криницѣ принадлежащей липованамъ земли считается всего 1.124 іоха (іохъ=1.600 кв. вѣнской сажени,=0,52.660 русск. десятины) и 464 саж., въ томъ числѣ удобной для хлѣбопашества только 625 іох. и 275 саж., сѣнокосной и подъ огородами 387 іох. и 854 саж. Въ Климоуцахъ 1.562 іох. и 1.161 саж., въ томъ числѣ годной для хлѣбопашества 1.256 іох. и 491 саж., подъ сѣнокосами и огородами 294 іох. и 1.335 саж. (*Проток. сльд. ком.* 1844 года.)

Бергометъ на Серетѣ. * Изъ природныхъ липованъ переселился въ Мехидру одинъ только бѣлокриницкій житель — Барабашъ, который для бо́льшаго удобства и велъ все это дѣло отъ своего имени; въ послѣдствіи однакоже онъ возвратился въ Бѣлую-Криницу. Въ Мехидрѣ, по той же конскрипціи 1843 года, считалось 36 старообрядческихъ семействъ, состоявшихъ изъ 160 душъ обоего пола. ** Такимъ образомъ, по официальнымъ извѣстіямъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ во всѣхъ липованскихъ селеніяхъ Буковины считалось до 350 семействъ и въ нихъ до 2.000 душъ обоего пола. ***

Всѣ вообще липованы были тогда народъ довольно зажиточный,—не особенно богатый, но за то ни въ чемъ не нуждавшійся. Главнымъ ихъ занятіемъ было хлѣбопашество и садоводство. Кромѣ пшеницы и гречихи, въ немаломъ количествѣ они сѣяли на своихъ и наемныхъ поляхъ ленъ и коноплю, изъ которыхъ приготовляли на собственныхъ заводахъ масло, составлявшее предметъ довольно значительной торговли. Для полевыхъ работъ и домашняго употребленія имѣли достаточно рогатаго скота и лошадей. Садоводство, при благопріят-

---

* *Проток.* 22го февраля 1844. По словамъ Надеждина, переселившіеся въ Мехидру липованы водворились на землѣ принадлежащей туземному помѣщику боярy Іордаки Васильчику (по-нѣмецки Edler von Wassilko), къ которому несутъ разныя помѣстныя обязанности. (*Сбор.* Кельс. I, 87.

** *Проток.* 22го февраля 1844. Несмотря на такое значительное количество бѣглыхъ переселившихся въ Мехидру изъ Бѣлой-Криницы и Климоуцъ, въ этихъ слободахъ, по конскрипціи 1843 года, считалось около 150 душъ „иностранцевъ," то-есть такихъ раскольниковъ которые не успѣли еще зачислиться въ разрядъ природныхъ липованъ (см. тамъ же). Такъ много раскольниковъ бѣжало тогда изъ разныхъ мѣстъ Россіи за границу!

*** Надеждинъ, полагая что въ каждой изъ трехъ большихъ слободъ находится по 120 семействъ, а въ Мехидрѣ 30, общее число липованскихъ семействъ доводилъ до 400, и потомъ, на каждое семейство полагая круглымъ числомъ по 10ти душъ, все раскольничье населеніе Буковины опредѣлялъ въ 4.000 душъ (*Сборн.* Кельс. I, 85). Такимъ образомъ по его опредѣленію, сдѣланному въ 1846 году, общая цифра австрійскихъ липованъ вдвое больше официальной за 1843 годъ. Мы отдаемъ предпочтеніе относительно правильности этой послѣдней, тѣмъ рѣшительнѣе что опредѣленіе каждой семьи круглымъ числомъ по 10ти человѣкъ представляется совершенно произвольнымъ.

ныхъ условіяхъ почвы и климата, составляло также одно изъ главныхъ занятій,—фруктами липованы производили торговлю въ Радоуцахъ, Серетѣ и другихъ мѣстахъ Буковины. Но по недостатку земли, увеличенія которой липованы тщетно просили у правительства, сельское хозяйство не могло у нихъ достигнуть того развитія какого надлежало ожидать при склонности липованъ къ труду этого рода, и многіе за недостаткомъ земли должны были посвятить себя занятію разными ремеслами (главныя ихъ ремесла плотничество и землекопство); а иные занялись мелкою торговлей, — развозили для продажи желѣзный товаръ, плуги, лопаты, топоры и т. п. * Все это давало липованамъ достаточныя средства для жизни, тѣмъ болѣе что правительство не отмѣнило ни одной изъ данныхъ имъ привилегій: на повинности и подати липованамъ приходилось удѣлять самую ничтожную сумму. **

Подобно всѣмъ вообще старообрядцамъ, липованы жертвовали часть своихъ прибытковъ на церковныя потребы, на устройство общественнаго богослуженія по надлежащему чину. Въ то время о которомъ мы говоримъ, въ Бѣлой-Криницѣ существовала уже деревянная, довольно просторная церковь во имя Безсребренниковъ Космы и Даміана, около 1833 года освященная черпымъ поломъ Иринеемъ: *** она стояла въ самой срединѣ селенія, у того мѣста гдѣ находится знаменитый колодезь, или „Бѣлая крыпица“, давшая названіе селенію. Бѣлокриницкая церковь — третья по времени изъ всѣхъ существующихъ за границей старообрядческихъ церквей. **** Она считалась общею приходскою церковью и для прочихъ ли-

---

* О хозяйственныхъ и промышленныхъ занятіяхъ липованъ, въ протоколѣ 1844 года приводятся ихъ собственныя подробныя показанія; но показанія эти, по особымъ причинамъ, какъ будетъ сказано ниже, крайне преувеличены. Мы руководились свидѣтельствомъ людей долго жившихъ въ Буковинѣ среди липованъ, — отцовъ Онуфрія, Филарета и др.

** По словамъ Надеждина, ничтожный оброкъ, который правительство взимало съ липованъ, простирался до какихъ-нибудь гульдена полтора съ семейства, что на наши деньги не составляетъ и рубля сер. (*Сбор. Кельс.* I, 87).

*** См. игум. Паре. *Кн. о Пролыслѣ*, стр. 201. Ириней былъ бѣглый іеромонахъ Саровской пустыни.

**** Прежде Бѣлокриницкой построены церкви въ Мануиловкѣ и въ Яссахъ.

лованскихъ селеній, въ которыхъ однакоже имѣлись свои собственныя часовни, куда собирался народъ для общественной молитвы. Въ Климоуцахъ кромѣ того существовала безпоповская часовня, такъ какъ селеніе это, одно изъ всѣхъ липованскихъ селеній въ Австріи, на половину состояло изъ безпоповцевъ. Точныхъ извѣстій о времени когда они появились въ Буковинѣ не существуетъ; но по сохранившемуся у климоуцкихъ безпоповцевъ преданію, предки ихъ пришли сюда изъ нынѣшней Бессарабской области вскорѣ послѣ того какъ переселились въ Буковину придунайскіе старообрядцы: привилегіи дарованныя этимъ послѣднимъ грамотою Іосифа II привлекли и жившихъ неподалеку безпоповцевъ въ ближайшее къ нимъ сосѣдство. * Разногласіе въ ученіи не препятствовало поповцамъ принять ихъ въ сожительство: они стали извѣстны австрійскому правительству подъ тѣмъ же общимъ названіемъ липованъ и получили всѣ предоставленныя липованамъ привилегіи. Первоначальныя мирныя отношенія между липованами поповцами и безпоповцами, несмотря на существенныя различія въ вѣроученіи, сохранялись постоянно до самаго учрежденія бѣлокриницкой митрополіи, — безпоповцы, какъ ниже увидимъ, оказали даже нѣкоторыя услуги учредителямъ митрополіи. **

Имѣя церковь и часовни, пользуясь полною свободой въ

---

* Слышано отъ о. игум. Павла, который изъ Пруссіи пріѣзжалъ въ Климоуцы и жилъ здѣсь около года. По его словамъ, между климоуцкими безпоповцами находятся потомки, внуки и правнуки, извѣстнаго Балакирева, состоявшаго въ качествѣ шута при Петрѣ I, почему и всѣхъ климоуцкихъ безпоповцевъ зовутъ иногда „балакиревцами“. У нихъ сохранилось преданіе что Балакиревъ, вслѣдствіе какой-то непріятности, бѣжалъ отъ Петра и за границей вступилъ въ общество безпоповцевъ.

** Объ этихъ мирныхъ отношеніяхъ согласно свидѣтельствуютъ отцы игуменъ Павелъ, Онуфрій, Филаретъ и др. Надеждинъ также писалъ о климоуцкихъ поповцахъ и безпоповцахъ: „между собою живутъ они если не въ совершенномъ братствѣ, то по крайней мѣрѣ и не въ открытой враждѣ, даже по наружности въ ладу и добромъ согласіи“. (*Сборн.* Кельс. I, 90). Мирныя отношенія липованъ-поповцевъ и липованъ-безпоповцевъ, особенно въ первое время ихъ сожительства, можно объяснить между прочимъ тѣмъ обстоятельствомъ что у чернобольцевъ, какъ выше сказано, было не мало общаго въ ученіи съ ученіемъ безпоповцевъ.

отправленіи богослуженія, бѣлокриницкіе и прочихъ селеній липованы испытывали затрудненіе только въ пріобрѣтеніи священниковъ для исправленія необходимыхъ церковныхъ требъ,—и затрудненіе это представлялось не со стороны правительства, которое никогда не нарушало данной липованамъ привилегіи имѣть своего попа, а со стороны самихъ бѣглыхъ поповъ, коихъ они пріобрѣтали обыкновенно изъ Россіи, и пріобрѣтеніе которыхъ уже по этому самому представляло много неудобнаго. Притомъ же у липованъ сохранилось отчасти старое чернобольское подозрѣніе относительно бѣглыхъ поповъ. Что касается самого Иларіона, основателя чернобольской секты, то онъ до конца жизни сохранилъ это подозрѣніе и умеръ въ той увѣренности что современное ему бѣглопоповство не имѣетъ „благодати древлебѣгствовавшихъ іереовъ“; * того же убѣжденія держались его ученики и друзья. ** Потомки ихъ, не отвергавшіе, какъ и тѣ не отвергали, самаго ученія о бѣглопоповствѣ, принуждены были въ крайнихъ случаяхъ прибѣгать и къ существовавшимъ бѣглымъ попамъ; но наслѣдованнаго противъ нихъ предубѣжденія не оставляли. Бѣглые попы, къ которымъ приходилось имъ обращаться своимъ поведеніемъ ни мало не содѣйствовали прекращенію этихъ подозрѣній. Поэтому, если являлись въ липованскихъ селеніяхъ бѣглые священники, то обыкновенно жили не долго: или сами уходили отъ липованъ, или прогоняли ихъ липованы. *** Вооб-

* Свои сомнѣнія относительно бѣглыхъ поповъ Иларіонъ Коровьиножки простиралъ до того что подобно безпоповцамъ находилъ невозможнымъ для своего времени самое даже совершеніе таинствъ, предоставленное единственно священникамъ, и поэтому молодымъ липованамъ рѣшительно воспрещалъ вступленіе въ браки. Такъ какъ и прочіе старики-липованы раздѣляли это мнѣніе, то молодые парни задумавшіе жениться вынуждены были прибѣгнуть къ хитрости: ушли въ Молдавію, повѣнчались тамъ, и съ молодыми женами воротились въ Бѣлую-Криницу; долго не принимали ихъ старики; наконецъ однакоже смиловались и приняли. Случай этотъ разказанъ у иг. Парѳенія въ *Кн. о Промыслѣ* (стр. 196—197); его подтверждаетъ и о. Онуфрій, со словъ липованскихъ старожиловъ.

** Инокъ Онуфрій засталъ еще въ Бѣлой-Криницѣ, жившаго въ землянкѣ, въ саду Бѣлокриницкаго монастыря, дряхлаго старика, пріятеля Иларіонова, который не принималъ бѣглыхъ поповъ, не принялъ также и поповъ Амвросіева посвященія.

*** Въ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ у липованъ были—помянутый выше черный попъ Ириней, который ушелъ отъ нихъ

ще же эти послѣдніе обращались къ бѣглымъ попамъ только ради крайней нужды, для исправленія требъ, которыхъ простолюдину совершать не подобаетъ; а для отправленія службъ церковныхъ, для общественнаго богослуженія прибѣгали къ нимъ рѣдко: здѣсь гораздо больше значенія имѣли у липованъ такъ-называемые „дьяки", или церковные настоятели. Дьякъ былъ лицо почетное въ липованскомъ обществѣ, а по дѣламъ церковнымъ—главный авторитетъ. Въ то время когда начались хлопоты объ учрежденіи архіерейской каѳедры, настоятелемъ при Бѣлокриницкой церкви былъ давній бѣлокриницкій житель, но уроженецъ молдавскій, Кипріанъ Тимоѳеевъ, человѣкъ недалекаго ума и не свѣдущій въ Писаніи, но имѣвшій, какъ выражаются старообрядцы, довольно твердую грамоту, хорошо знакомый съ церковнымъ уставомъ и, что̀ въ липованахъ большое достоинство, человѣкъ трезвой жизни; только замѣчалась въ немъ и тогда уже наклонность къ любостяжанію,—иногда онъ позволялъ себѣ принудительные лоборы за исправленіе дозволенныхъ церковныхъ требъ. Однажды его даже лишили за это дьяко̀вской должности: въ дьяки былъ выбранъ сынъ бѣлокриницкаго почтеннаго старика Ивана Тихонова; но такъ какъ при новомъ дьякѣ дѣло пошло несовсѣмъ удачно, къ тому же старый дьякъ унесъ съ собою церковныя книги, то, главнымъ образомъ по настоянію женской половины липованскаго общества, Кипріанъ былъ возстановленъ въ дьяковской должности. Первоначально онъ вступилъ въ эту должность еще при жизни Иларіона Коровьи-ножки; онъ принималъ дѣятельное участіе и въ самомъ построеніи Бѣлокриницкой приходской церкви. *

въ Молдавію, и (послѣ него) попъ Степанъ, котораго сами липованы прогнали за разныя безчинія. Это былъ дѣйствительно безчинникъ, какіе рѣдко бывали даже между раскольническими попами. Изъ Бѣлой-Криницы онъ ушелъ въ Яссы: здѣсь, въ Вербное воскресенье, торжественне проѣхался на коровѣ, въ сопровожденіи цыганъ-музыкантовъ, кощунственно изображая вшествіе во Іерусалимъ, за что̀ ясскіе старообрядцы прогнали его съ позоромъ. Отсюда ушелъ въ Тульчу; потомъ въ Майносъ, гдѣ и пропалъ его слѣдъ.

* Объ этихъ трудахъ Кипріана Тимоѳеева (что̀ нынѣ митрополитъ Кириллъ) въ одномъ документѣ 1846 года сказано: „Чрезъ больше какъ тридесятолѣтное время при здѣшней старовѣрско-христіанской церкви, какъ церковный настоятель свою службу вѣрно и честно исполнялъ, самую же настоящую церкву самъ своими трудами и рев-

Австрійское правительство, какъ мы уже замѣтили, въ своихъ дѣйствіяхъ относительно липованъ не нарушало данныхъ имъ грамотою Іосифа II привилегій, и никакихъ поводовъ жаловаться на правительство липованы не имѣли. Единственнымъ исключеніемъ было изложенное выше дѣло объ уничтоженіи монастыря, принятое ими какъ нарушеніе ихъ привилегій. Но въ началѣ тридцатыхъ годовъ возникло новое дѣло, которое липованы опять, безъ всякаго основанія, старались представить посягательствомъ на ихъ законныя права, нарушеніемъ „высочайшей привилегіи", какъ называютъ они обыкновенно самую грамоту Іосифа II. По смыслу существовавшаго у чернобольцевъ ученія, которымъ возбранялось между прочимъ принимать присягу и вообще вступать въ какія-нибудь обязательства предъ правительствомъ, и веденіе метрическихъ записей о родившихся, вступившихъ въ браки и умершихъ, какъ правительственная мѣра къ полученію точныхъ свѣдѣній о движеніи народонаселенія, почиталось у липованъ дѣломъ противнымъ ихъ религіи. Поэтому, въ силу предоставленной имъ религіозной свободы, они почли себя съ самаго водворенія въ Буковинѣ необязанными къ веденію метрикъ. Здѣсь, конечно, они имѣли въ виду и то чтобъ обезпечить себѣ возможность безпрепятственнаго принятія въ свои общества, подъ именемъ природныхъ липованъ, всѣхъ приходящихъ раскольниковъ, отнять у правительства ближайшее средство контролировать ихъ въ этомъ отношеніи, по официальнымъ записямъ опредѣлять кто природный липованъ, кто пришлый изъ-за границы. Въ первое время, когда число липованъ было незначительно и когда правительство заботилось о привлеченіи ихъ въ Австрію разными льготами, не было обращаемо вниманія на это ихъ уклоненіе отъ общепринятаго въ имперіи порядка. Но въ послѣдствіи, когда липованскія селенія стали многолюдны и когда оказалось что, благодаря именно отсутствію правильныхъ записей, по которымъ можно бы въ точности опредѣлять дѣйствительное ихъ населеніе, къ липованамъ приходятъ во множествѣ изъ разныхъ мѣстъ раскольники, крайне сомнительной репутаціи, правительство на-

---

ностію воздвигнуть помогъ, и въ ней, въ недостаткѣ священства. обычественныя молебствія и церковныя послѣдованія, съ изъятіемъ божественныя литургіи, точно совершалъ". („Свидѣтельство о достоинствѣ" Кипріана, по случаю поставленія въ епископы, поданное отъ бѣлокриницкаго общества въ мандаторіатъ. *Бѣлокр. арх.*)

шло нужнымъ потребовать чтобы, по примѣру всѣхъ прочихъ австрійскихъ подданныхъ, липованы вели точныя записи о родившихся, вступившихъ въ браки и умершихъ. Исполнить это требованіе липованы отказались, и именно на томъ основаніи что якобы оно противорѣчитъ дарованной имъ „высочайшею привилегіей“ религіозной свободѣ. Имъ было объяснено что „провожденіе книгъ въ которыхъ записываются всѣ рожденные, вѣнчанные и умершіе есть не болѣе какъ политическій законъ, который съ религіей и службой Божіей ничего общаго не имѣетъ, а служитъ къ тому только чтобы получать вѣрныя извѣстія о числѣ народа и имѣть возможность дѣлать необходимыя для правительства справки“. Липованы не вразумлялись. Дѣло восходило на разсмотрѣніе областнаго управленія Галиціи, откуда послѣдовало, 14го августа 1833 года, распоряженіе: обязать липованъ къ непремѣнному учрежденію и правильному веденію метрикъ. Несмотря ни на что, липованы твердо держались своего первоначальнаго рѣшенія. По сему случаю назначена была въ липованскія селенія слѣдственная коммиссія: 11го декабря того же 1833 года коммиссаръ Вагнеръ составилъ протоколъ произведеннаго имъ слѣдствія и препроводилъ по принадлежности.* Въ то время когда начались хлопоты объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ, дѣло о метрикахъ еще не было кончено и, какъ далѣе увидимъ, было поставлено даже въ тѣсную связь съ самымъ дѣломъ объ учрежденіи каѳедры.

Бѣлокриницкій монастырь по смерти своего благодѣтеля, Иларіона Петровича Коровьи-ножки, продолжалъ безпрепятственно существовать на предоставленной ему, по духовному завѣщанію Иларіона, усадьбѣ. Усадьба давала монастырю нѣкоторое матеріальное обезпеченіе;** но главнымъ образомъ, какъ и прежде, онъ существовалъ на подаянія отъ липованъ, которыя были впрочемъ весьма незначительны: каждую субботу кто-либо изъ иноковъ отправлялся по селенію за сборомъ милостыни на недѣльное прокормленіе братіи. Число братіи

* О губернскомъ рѣшеніи отъ 14го августа 1833 года говорится въ губернской резолюціи крайзамту 21го марта 1842 года (*Бѣлокр. арх.*); о протоколѣ Вагнера—въ протоколѣ слѣдственной коммиссіи 1844 года (тамъ же); а самыхъ документовъ въ *Бѣлокрин. архивѣ* не имѣется.

** Фруктовый садъ, яблонный и грушевый, сдавался, смотря по урожаю, за 100—150 леновъ въ годъ.

было всегда ничтожно, рѣдко болѣе десяти человѣкъ. Обыкновенно это былъ пришлый изъ-за границы народъ, а изъ природныхъ липованъ,—и это достойно примѣчанія,—въ монахи не поступалъ почти никто; притомъ же и пришлые монахи рѣдко оставались здѣсь на постоянное жительство. Составъ бѣлокриницкаго братства поэтому постоянно измѣнялся, хотя иноки носили большею частію одни и тѣ же имена, переходившія какъ бы по наслѣдству отъ одного къ другому. Вообще Бѣлокриницкій монастырь былъ не что̀ иное какъ временный пріютъ для бѣглыхъ раскольническихъ монаховъ. Жили они обыкновенно въ иларіоновомъ домѣ, а также и въ старомъ монастырскомъ строеніи, перенесенномъ изъ Тарновицкаго лѣса, которое служило вмѣстѣ и монастырскимъ молитвеннымъ домомъ. Около 1830 года въ устройствѣ монастыря послѣдовала нѣкоторая перемѣна. Въ это время изъ числа жившихъ въ Бѣлой-Криницѣ бѣглыхъ раскольническихъ „старцевъ“ рѣзко выдѣлялись два молодые инока—Паисій и Алимпій. Паисій, происхожденіе котораго въ точности не извѣстно, былъ старше Алимпія и раньше его поселился въ Бѣлой-Криницѣ: здѣсь, въ иларіоновомъ домѣ, жилъ онъ нѣсколько лѣтъ; здѣсь же, въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, постриженъ былъ и въ иночество. Умный, и тогда уже довольно начитанный, бойкій на словахъ, дѣятельный и предпріимчивый, онъ пріобрѣлъ вліяніе среди липованъ и при ихъ содѣйствіи занялся приведеніемъ монастыря въ болѣе приличный для обители видъ: въ глубинѣ сада, близъ стараго монастырскаго строенія, поставили новую небольшую часовню, съ колокольней, а вокругъ нея вновь построили нѣсколько хатокъ (мазанокъ), назначенныхъ подъ монашескія кельи. Такимъ образомъ монастырь сдѣлался болѣе удаленнымъ отъ селенія и получилъ обыкновенный видъ всѣхъ раскольническихъ монастырей. * Вскорѣ послѣ этого, въ Бѣлую-Крини-

* Паисій—въ послѣдствіи извѣстный игуменъ Парѳеній, нынѣ настоятель Гуслицкаго монастыря. Въ *Книгѣ о Промыслѣ* онъ самъ пишетъ что ему „довелось въ Бѣлой-Криницѣ довольно лѣтъ жить и устраивать монастырь, который и привели въ порядокъ; церкви же въ семъ монастырѣ не было, а выстроили только новую часовню посреди сада“ (стр. 37). „Мы начали строить монастырь на другомъ концѣ сада, подалѣе отъ домовъ“ (стр. 200). См. также *Странствіе и путешествіе*, ч. 1, стр. 20. Здѣсь же на стр. 21: „и проживалъ азъ въ Буковинѣ довольно лѣтъ, въ теченіе которыхъ и по-

цу пришелъ и инокъ Алимпій. Онъ былъ родомъ изъ Полтавской губерніи, мѣщанинъ посада Крылова, Аѳанасій Звѣревъ; иночество принялъ въ Серковскомъ монастырѣ: отсюда потомъ и бѣжалъ за границу. Это былъ весьма ловкій, въ высшей степени отважный и смѣлый человѣкъ, горячо преданный расколу. Онъ сошелся съ Паисіемъ, — вмѣстѣ съ нимъ жилъ, вмѣстѣ пускался въ разныя странствія и весьма сочувствовалъ его заботамъ объ устройствѣ Бѣлокриницкаго монастыря. * Но такъ какъ Паисія, по собственнымъ словамъ его, здѣсь „отяготили мірскіе соблазны", то онъ изъ монастыря удалился „въ пустыньку", на пасѣку пріятеля своего Ивана Тихонова, который жилъ по сосѣдству съ монастыремъ, ** а въ 1833 году навсегда ушелъ изъ Бѣлой-Криницы. *** Ушелъ потомъ и Алимпій, но, какъ увидимъ, не навсегда. Всего пять лѣтъ спустя по отъѣздѣ Паисія, въ Бѣлокриницкій монастырь явились Павелъ и Геронтій—два главные дѣятеля замыслившіе и осуществившіе предпріятіе объ учрежденіи самостоятельной старообрядческой іерархіи у липованъ. Тогда братіи въ монастырѣ было человѣкъ десять—иноковъ и бѣльцовъ; настоятельствовалъ незадолго предъ тѣмъ явившійся изъ Молдавіи инокъ Іоиль, подобно всѣмъ бѣлокриницкимъ старцамъ, бѣглый изъ Россіи (тульскій уроженецъ): онъ былъ человѣкъ не старыхъ еще лѣтъ, не безъ способности къ управленію и довольно честолюбивый, но не отличавшійся дальновидностью и нимало не свѣдущій въ Писаніи, за то вполнѣ преданный липованскимъ понятіямъ о религіи.

Пріѣздъ Павла и Геронтія былъ событіемъ великой важности для Бѣлокриницкаго монастыря: подъ ихъ руководствомъ начинаются тамъ дѣла о какихъ не могли и помыслить въ простотѣ своей бѣлокриницкіе старцы, и спустя какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ ничтожный, никому почти не

стриженъ былъ въ иночество однимъ іеромонахомъ, пріѣхавшимъ изъ Россіи."

* „Въ мою бытность, пришелъ къ намъ молодой монахъ, именемъ Алимпій, съ которымъ мнѣ самому довелось довольно время пожить и даже мѣсяца два странствовать въ Галиціи, Львовѣ и Броды" (*Кн. о Пром.*, стр. 37).

** Его домъ и левада прилегали къ монастырскому саду съ южной стороны.

*** *Странствіе и путешествіе* I, 21. *Книга о Промыслѣ*, 37.

извѣстный липованскій монастырь получаетъ важное значеніе для всего старообрядческаго міра, пріобрѣтаетъ извѣстность въ исторіи.

III.

Инокъ Павелъ, съ давнимъ своимъ пріятелемъ и сотрудникомъ въ исканіи „древлеправославнаго“ архіерейства—настоятелемъ Серковскаго монастыря, инокомъ Геронтіемъ, на сей разъ совершилъ путешествіе за границу безъ всякихъ непріятныхъ приключеній. * Петербургскій купецъ Сергѣй Громовъ, который стоялъ тогда во главѣ богачей-старообрядцевъ, помышлявшихъ о пріобрѣтеніи своего епископа, снабдилъ ихъ приличною суммой денегъ на первоначальные расходы, обѣщавъ въ случаѣ надобности, когда дойдетъ до настоящаго дѣла, не щадить издержекъ на содѣйствіе имъ. Павелъ и Геронтій путешествовали весьма скромно, избѣгая лишнихъ расходовъ. Для бо́льшаго удобства и въ видахъ сбереженія, они купили собственную лошадь и повозку, — останавливались гдѣ хотѣли и у кого хотѣли. Въ раскольническомъ селеніи Грубномъ (Подольской губерніи) взяли провожатаго, знающаго удобные проѣзды черезъ границу, нѣкоего Василія Рыбицкаго, который въ послѣдствіи сдѣлался главнымъ агентомъ бѣлокриницкихъ иноковъ по веденію всякихъ секретныхъ сношеній черезъ границу. Рыбицкій проводилъ ихъ до самой Бѣлой-Криницы, и такимъ образомъ они благополучно прибыли на мѣсто своихъ будущихъ знаменитыхъ подвиговъ. Это было въ маѣ мѣсяцѣ 1839 года. **

Отправляясь въ Бѣлую-Криницу, Павелъ и Геронтій не имѣли опредѣленнаго плана гдѣ и какъ устроить архіерейскую старообрядческую каѳедру. И на этотъ разъ главною и единственною ихъ цѣлью было совершить странствіе по Востоку и

---

* Два года назадъ, именно въ 1836 году, Павелъ и Геронтій отправлялись для исканія архіерейства на Востокъ, чрезъ Грузію, гдѣ прежде всего намѣрены были начать свои поиски; но въ Кутаисѣ были арестованы и по распоряженію кавказскаго намѣстника, барона Розена, препровождены на мѣста ихъ жительства (*Сказаніе Геронтія о жизни инока Павла*, подлинная тетрадь, писанная Геронтіемъ въ Петропавловской крѣпости).

** *Записка* о. Онуфрія; Геронтія: „Истинное показаніе мѣсторожденія“ и пр.

„во всѣ края вселенныя“, для отысканія „древлеправославныхъ“ списковъ. Въ Буковину, къ здѣшнимъ старообрядцамъ, они направили стопы единственно потому что переходъ черезъ австрійскую границу, гдѣ не было надобности переправляться черезъ какую-нибудь пограничную рѣку и гдѣ нельзя было по этому самому ожидать слишкомъ строгаго надзора пограничной стражи, представлялся имъ менѣе опаснымъ, да и бо́льшая часть бѣжавшихъ тогда за границу раскольниковъ предпочитали эту же самую, какъ они называли ее, „сухую границу“. Въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ Павелъ и Геронтій предполагали пожить не долго, пока за поручительствомъ липованъ успѣютъ выхлопотать австрійскіе паспорты для путешествія за границу до Іерусалима и далѣе.

Настоятель, инокъ Іоиль, принялъ гостей радушно и ласково, тѣмъ больше что такіе гости бывали рѣдко. Разумныя рѣчи Павла, его примѣчательная наружность, умѣнье со всѣми обходиться невольно располагали каждаго старообрядца въ его пользу; притомъ же Павелъ и Геронтій не скрывали что находятся въ связяхъ со знаменитыми богачами Петербургскаго и Московскаго старообрядческихъ обществъ. Заручившись расположеніемъ настоятеля и братіи, они стали хлопотать о паспортѣ. Порядокъ добыванія паспортовъ для бѣглыхъ раскольниковъ былъ уже установленъ и хорошо извѣстенъ въ Бѣлой-Криницѣ: для этого нужно было чтобы главныя, почетнѣйшія лица липованской „громады“, въ томъ числѣ дворникъ и дьякъ, засвидѣтельствовали въ думеніи что желающій получить паспортъ есть природный ихъ липованъ и что онъ имѣетъ надобность съѣздить туда и туда; думенія, за ихъ поручительствомъ, выдавала отъ себя свидѣтельство что это есть дѣйствительно австрійскій подданный, свидѣтельство думеніи представлялось въ крайзамтъ (въ Черновцахъ); затѣмъ отправлялось въ губернію (во Львовъ), откуда наконецъ и выдавался паспортъ. Павлу и Геронтію нужно было такимъ образомъ прежде всего задобрить въ свою пользу почетнѣйшихъ людей бѣлокриницкой липованской „громады“. Дворникомъ былъ тогда тотъ самый Иванъ Тихановъ, ближайшій сосѣдъ монастыря, о которомъ упоминалось выше, дьякомъ—Кипріянъ Тимоѳеевъ, а самымъ почетнымъ и уважаемымъ въ селеніи старикомъ—Иванъ Григорьевъ Поляковъ, или Полякъ: онъ, вмѣстѣ съ дьякомъ, ворочалъ всѣми дѣлами бѣлокриницкой громады, такъ что составилась поговорка

у липованъ: „дьякъ да Полякъ всему дѣлу голова.“ Павелъ и Геронтій, рекомендованые Іоилемъ, скоро сошлись съ этими главами липованскаго общества: и на нихъ, разумѣется, Павелъ произвелъ самое выгодное впечатлѣніе: такого разумника имъ еще не приводилось встрѣчать. Осторожно объяснилъ имъ Павелъ что, вмѣстѣ съ спутникомъ, намѣренъ посѣтить святый градъ Іерусалимъ, и Ливанскія горы, и Египетскую страну, списканія ради древлеправославныхъ епископовъ, якобы во оныхъ странахъ, отъ лѣтъ Никонова гоненія крыющихся, и таковому благочестивому подвигу, своимъ ходатайствомъ предъ земными властями, просилъ ихъ посодѣйствовать. Почтенные старѣйшины липованъ выразили сожалѣніе что столь разумные „старцы“ не хотятъ ложить въ ихъ Бѣлокриницкой обители, которой могли бы принести немалую пользу; однакоже содѣйствовать ихъ „подвигу“ не отказались, такъ какъ Павелъ и Геронтій, по существующему въ липованіи обычаю, не преминули предложить симъ старѣйшинамъ приличное угощеніе. Теперь нужно было, по липованскому же обычаю, Павла и Геронтія зачислить на имя какихъ-нибудь умершихъ липованъ: и вотъ Павелъ назвался Аѳанасіемъ, сыномъ бывшаго боташанскаго купца, Василья Ѳедотова, а Геронтій — сыномъ нѣкоего умершаго бѣлокриницкаго жителя Левона Бѣлаго. * Дворникъ, дьякъ и старикъ Иванъ Поляковъ поручились въ думеніи, предъ паномъ мандаторомъ, что эти Ѳедотовъ и Левоновъ ихъ природные липованы, что имѣютъ они намѣреніе сходить во святый градъ Іерусалимъ на поклоненіе гробу Господню, и потому просили пана мандатора дать имъ свидѣтельство на полученіе паса срокомъ на одинъ годъ. Мандаторъ,—свой человѣкъ, — не затруднился выдать свидѣтельство, съ которымъ новопроизведенные липованы и поѣхали въ городъ Черновцы, совсѣмъ распростившись съ бѣлокриницкою братіей, такъ какъ прямо изъ Черновцевъ намѣрены были отправиться во Львовъ и дальнѣйшій путь.

Итакъ, свои заграничные подвиги ради основанія „древлеправославной“ старообрядческой іерархіи, Павелъ и Геронтій начали обманомъ; первымъ ихъ шагомъ здѣсь было самозван-

---

* Такъ показалъ о себѣ инокъ Павелъ и слѣдственной коммиссіи 1844 года (протокъ. 17го февр. *Бѣл. арх.*); а за Геронтіемъ навсегда осталась фамилія Левоновъ,—на допросѣ 14го іюля 1847 года онъ показалъ что происходитъ отъ Левона, именуемаго Бѣлымъ.

ство. На этотъ разъ однакоже обманъ имъ не удался. Одинъ изъ бѣлокриницкихъ жителей, мододой липованъ Дей Парамоновъ, по враждѣ ли къ старшинамъ, завладѣвшимъ всѣми громадскими дѣлами, или недовольный тѣмъ что мало-мальски порядочные калугеры все уходятъ изъ ихъ Бѣлокриницкаго монастыря, по другимъ ли какимъ причинамъ, сдѣлалъ въ крайзамтѣ донось на Павла съ Геронтіемъ что они совсѣмъ не липованы, а бѣглые изъ Россіи калугеры. И вотъ, когда новонареченные Федотовъ и Левоновъ явились къ крайкомиссару для предъявленія выданнаго имъ въ думеніи свидѣтельства, онъ объявилъ что не вѣритъ этому свидѣтельству и посовѣтовалъ имъ скорѣе убираться назадъ въ монастырь, если не желаютъ чтобы съ ними поступлено было какъ съ бѣглыми изъ-за границы, такъ какъ въ крайзамтѣ получены вѣрныя свѣдѣнія о томъ кто они такіе. Входить въ объясненія и пререканія съ паномъ крайкомиссаромъ не приходилось, при томъ же съ его стороны и то уже было не малымъ благодѣяніемъ что отпускалъ ихъ на свободу. Крайне огорченные на первыхъ же порахъ встрѣтившейся неудачей, Павелъ и Геронтій поѣхали обратно въ Бѣлокриницкій монастырь, гдѣ ихъ никакъ не ожидали. Эта неудача была тѣмъ непріятнѣе что отняла у нихъ всякую надежду на полученіе австрійскаго заграничнаго паспорта, по крайней мѣрѣ въ скоромъ времени. А между тѣмъ отказаться отъ предположенной поѣздки никакъ не хотѣлось. Придумали попытать счастья въ Молдавіи,—нельзя ли будетъ при помощи яссскихъ старообрядцевъ добыть молдавскій паспортъ. Хлопотать поѣхалъ одинъ Геронтій, а Павелъ остался ждать его въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ. Но эта вторая попытка была еще неудачнѣе: за Соколицами, только что Геронтій перешелъ границу, его арестовали и засадили въ тюрьму. Онъ успѣлъ чрезъ мѣстныхъ липованъ извѣстить Павла о своемъ заключеніи: Павелъ страшно перепугался. Нужно было какъ-нибудь выручить товарища. Самъ онъ ѣхать не рѣшался, изъ опасенія подвергнуться такой же печальной участи какая постигла Геронтія, а упросилъ одного изъ бѣлокриницкихъ липованъ похлопотать за узника, снабдивъ его необходимою на хлопоты суммою. За приличный выкупъ, Геронтія выпустили на волю съ тѣмъ чтобы ѣхалъ туда откуда пріѣхалъ. Геронтій былъ доволенъ и тѣмъ что могъ по

крайней мѣрѣ соединиться опять съ другомъ и товарищемъ. Это приключеніе было въ исходѣ августа.

Положеніе искателей „древлеправославнаго“ архіерейства было тогда очень затруднительно. Приступить къ главному предпріятію, пуститься въ предположенное странствіе не было никакой возможности за неимѣніемъ паспортовъ; возвратиться въ Россію, опять ничего не сдѣлавши, не хотѣлось, притомъ же настала осень, время неблагопріятное для путешествія по россійскимъ дорогамъ. Погоревали не мало. Наконецъ Павелъ утѣшилъ себя и товарища тѣми разсужденіями о „судьбахъ Божіихъ“, къ которымъ нерѣдко прибѣгалъ онъ въ подобныхъ настоящему случаяхъ, ни мало, повидимому, не подозрѣвая какъ странно и неумѣстно упованіе на „судьбы Божіи“ соединять съ самозванствомъ и разнаго рода хитростями и обманами. И Дей Парамоновъ, и тѣ недобрые люди что̀ задержали Геронтія на молдавской границѣ, по разсужденію Павла, были только орудіями Провидѣнія: „невольное, вопреки нашимъ надеждамъ и чаяніямъ, замедленіе наше въ Бѣлокриницкой обители, — говорилъ онъ благоговѣйно внимавшему товарищу,—не есть ли устроеніе промысла Божія, благими, но недовѣдомыми путями направляющаго насъ къ полученію желаемаго, сирѣчь снисканію краснаго и вождѣленнаго жениха вдовствующія невѣсты Христовы—соборныя, апостольскія, древлеправославныя церкви? Ей тако, возлюбленный братъ! Возложимъ убо на судьбы Божіи упованія наши.“ Успокоивъ себя такими размышленіями, Павелъ и Геронтій рѣшились осень и зиму прожить въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ,—выждать не измѣнятся ли обстоятельства, и само время не укажетъ ли выхода изъ настоящихъ затрудненій. Ожиданія эти были не напрасны. Осень и зима 1839 года, проведенныя Павломъ и Геронтіемъ въ Бѣлой-Криницѣ,—время весьма замѣчательное въ исторіи бѣлокриницкой іерархіи: въ это время Павелъ успѣлъ совершенно ознакомиться съ бытомъ липованъ, упрочить свое положеніе и въ монастырѣ, и въ обществѣ бѣлокриницкомъ, — овладѣть общимъ расположеніемъ и довѣріемъ; тогда же составилъ онъ въ главныхъ чертахъ и тотъ планъ относительно учрежденія законно дозволенной и признанной правительствомъ старообрядческой архіерейской каѳедры, на осуществленіе котораго положилъ потомъ всѣ свои силы и таланты.

Планъ этотъ основанъ главнымъ образомъ на знаменитой

„привилегіи“ Іосифа II. Теперь только, изъ бесѣдъ съ липованами, Павелъ узналъ о существованіи „привилегіи“; но къ немалому его удивленію, липованы не могли сообщить ему даже точныхъ извѣстій объ ея содержаніи. Однакоже и того что̀ можно было узнать изъ разговоровъ съ липованами было достаточно Павлу чтобы понять важность и значеніе этого документа въ отношеніи именно къ дѣлу объ учрежденіи старообрядческой архіерейской каѳедры. Нужно было теперь надлежащимъ образомъ познакомиться съ привилегіей, — прочитать ее и, если можно, получить копію. Не малаго труда стоило даже узнать гдѣ находится драгоцѣнный документъ: такъ мало въ то время липованы имъ дорожили! По слухамъ, привилегія хранилась у старика Елезвоя, одного изъ коренныхъ бѣлокриницкихъ жителей: Павелъ и Геронтій отправились къ Елезвою, запасшись на всякій случай карандашомъ и бумагой. Среди разумной, сладкорѣчивой бесѣды, Павелъ осторожно завелъ рѣчь о „привилегіи“, расписалъ какъ слѣдуетъ ея значеніе и тонко польстилъ обладателю такой драгоцѣнности. Кончилось тѣмъ что Елезвой вытащилъ привилегію изъ сундука, гдѣ хранилась она почти совсѣмъ забытая, чтобы показать гостямъ,—и пока происходило разсматриванье, пока Геронтій занималъ старика бесѣдами и распросами, Павелъ, извѣстный борзописецъ, успѣлъ снять точную копію славянскаго текста этой драгоцѣнной грамоты. *

Онъ былъ въ восторгѣ отъ „привилегіи“. Въ первомъ ея пунктѣ, которымъ предоставлялась липованамъ и *ихъ духовенству* полная свобода въ отправленіи религіи, онъ нашелъ такое, верховною властію утвержденное постановленіе какого нигдѣ и никогда старообрядцы не имѣли; онъ сейчасъ же понялъ что на основаніи этого постановленія можно завести у липованъ старообрядческую іерархію во всей ея полнотѣ, если только умѣючи взяться за дѣло, — что здѣсь-то, среди липованъ, можетъ найти себѣ безопасное, огражденное закономъ существованіе „древлеправославный“ епископъ, если будетъ обрященъ,—здѣсь онъ безпрепятственно можетъ поставлять для всего старообрядства и діаконовъ, и священниковъ и въ случаѣ надобности самыхъ даже епископовъ. Тогда-то въ пред-

* Въ послѣдствіи, по совѣту Павла, „привилегія“ передана была на сохраненіе въ Бѣлокриницкую слободскую церковь, гдѣ и теперь находится.

пріимчивой головѣ Павла возникла мысль и составились начальные планы относительно учрежденія закопнымъ порядкомъ, съ утвержденія австрійскаго правительства, старообрядческой архіерейской каѳедры въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ.

Кромѣ Геронтія, отъ котораго не имѣлъ онъ никакихъ секретовъ, Павелъ началъ посвящать въ свои планы нѣкоторыхъ бѣлокриницкихъ „старцевъ“. Тогда уже находился въ Бѣлой-Криницѣ инокъ Онуфрій, постриженникъ Лаврентьева монастыря. Въ томъ же 1839 году онъ ушелъ изъ Россіи „черезъ сухую границу“, съ тѣмъ чтобы пробраться изъ Буковины въ Молдавію; въ Бѣлую-Криницу онъ пріѣхалъ въ іюлѣ мѣсяцѣ: встрѣча съ Геронтіемъ и особенно съ Павломъ, котораго зналъ онъ еще живя въ Лаврентьевѣ, побудила Онуфрія не спѣшить отъѣздомъ изъ Бѣлокриницкаго монастыря.* Инокъ Павелъ нашелъ въ немъ одного изъ самыхъ горячихъ и преданнѣйшихъ почитателей: ему-то первому послѣ Геронтія сообщилъ онъ о своихъ планахъ, внушенныхъ ближайшимъ знакомствомъ съ содержаніемъ „привилегіи“. Затѣмъ осторожно повелъ рѣчь объ нихъ и съ настоятелемъ, инокомъ Іоилемъ: объяснивъ ему что по учрежденіи архіерейской каѳедры онъ могъ бы вскорѣ же поставленъ быть въ архимандриты Бѣлокриницкаго монастыря, а затѣмъ достигнуть и высшей іерархической степени, Павелъ коснулся слабой струны Іоиля и потому легко расположилъ его въ пользу своихъ плановъ.

Гораздо больше предстояло труда, чтобы склонить въ пользу предпріятія липованское общество, — а войти въ объясненія съ липованами было необходимо, такъ какъ безъ ихъ участія и безъ согласія съ ихъ стороны дѣло не могло быть и начато. Прежде этого однакоже онъ почелъ нужнымъ посовѣтоваться съ людьми знающими австрійскіе законы и дѣлопроизводство, найдутъ ли они возможнымъ осуществленіе замышляемаго предпріятія. Тогда онъ успѣлъ уже завязать въ Черновцахъ знакомство съ чиновническимъ міромъ, къ чему первымъ поводомъ послужили неудачныя хлопоты о паспортѣ. Въ то время нашелся въ крайзамтѣ чиновникъ, нѣкій панъ Атанасевичъ, который хотя не безкорыстно, но все-таки принялъ участіе въ его положеніи: къ этому пану Атанасевичу онъ и отправился, съ копіей „привилегіи“, посовѣтовать-

* Записка поданная Онуфріемъ митрополиту Филарету въ 1865 году.

ся, можно ли на основаніи этого документа начать дѣло о дозволеніи австрійскимъ старообрядцамъ имѣть своего собственнаго епископа, и если можно, то какъ его начать и повести. Атанасевичъ далъ совѣтъ начинать и указалъ для этого обыкновенный способъ: отъ имени липованскихъ обществъ подать прошеніе въ крайзамтъ съ точнымъ изложеніемъ основаній и условій на которыхъ липованамъ желательно имѣть епископа. Никакихъ причинъ опасаться отказа онъ не предвидѣлъ; хотя правительство, какъ ему было извѣстно, весьма недовольно липованами, за ихъ упорное сопротивленіе введенію метрикъ, о чемъ существовало еще неоконченное дѣло, но это обстоятельство, по его мнѣнію, можно было обратить даже въ пользу предпріятія, еслибы только липованы обязались, вслѣдъ за учрежденіемъ у нихъ архіерейской каѳедры, ввести въ употребленіе и столь желаемыя правительствомъ метрики. Инокъ Павелъ съ своей стороны вполнѣ согласенъ былъ съ этимъ замѣчаніемъ; онъ находилъ даже что между тѣмъ и другимъ дѣломъ имѣется тѣсная внутренняя связь,—что при существующихъ набѣглыхъ попахъ, которые притомъ мѣняются такъ часто, липованамъ, еслибъ они даже и хотѣли этого, неудобно установить правильный порядокъ въ веденіи метрическихъ записей, и напротивъ, порядокъ этотъ весьма легко можетъ быть установленъ съ учрежденіемъ у липованъ архіерейской каѳедры, когда у нихъ явятся постоянные, для нихъ поставленные священники, и никакого недостатка въ священствѣ они терпѣть уже не будутъ. Посему онъ выразилъ полную готовность соединить оба эти дѣла и былъ вообще очень доволенъ что въ подкрѣпленіе просьбы о епископѣ можно представить такой важный для правительства аргументъ какъ соединенное съ исполненіемъ этой просьбы введеніе правильныхъ метрическихъ записей. Но въ то же время онъ понималъ что относительно этого пункта придется встрѣтить сильныя затрудненія со стороны липованъ, съ характеромъ которыхъ успѣлъ уже достаточно познакомиться,—и своихъ опасеній не скрылъ отъ „благодѣтельнаго чиновника“. Тѣмъ не менѣе однако Павелъ рѣшился и обѣщалъ Атанасевичу переговорить съ липованами на счетъ метрикъ.

Объясненія съ липованами ведены были весьма осторожно и искусно. Павелъ считалъ необходимымъ прежде всего заручиться согласіемъ главныхъ представителей липованскаго общества, чрезъ которыхъ не трудно уже было бы дѣйствовать

на другихъ. Начались свиданія и бесѣды съ Полякомъ-Иваномъ Кирилычемъ, съ дьякомъ Киприяномъ, съ дворникомъ Иваномъ Тихоновымъ,—и съ каждымъ наединѣ, и въ общихъ собраніяхъ. Яркими чертами Павелъ изображалъ имъ повсюдное, всеобщее оскудѣніе священства въ старообрядческихъ обществахъ и претерпѣваемую оными крайнюю и ужасную нужду въ исполненіи самонужнѣйшихъ христіанскихъ потребъ. Никто лучше не могъ оцѣнить всю горькую правду этихъ павловыхъ рѣчей какъ его собесѣдники, сколько хлопотъ и горя испытавшіе съ бѣглыми попами. Но въ будущемъ инокъ Павелъ сулилъ имъ еще больше горя и хлопотъ; онъ разказалъ какъ строго преслѣдуютъ теперь бѣгствующихъ священниковъ въ Россіи, откуда собственно и добывали ихъ липованы, и какъ мало осталось прежнихъ дозволенныхъ половъ въ самой даже Москвѣ. „Теперь предлежитъ намъ, продолжалъ Павелъ, единое средство спасенія—обрѣсти древлеправославнаго епископа который неоскудно могъ бы снабдѣвать насъ истиннымъ священствомъ, о чемъ ревнители древлеотеческаго благочестія великое имѣютъ попеченіе, и мы, послѣднѣйшіе, оныхъ ревностію подвигшеся, всякій трудъ и самую душу, аще изволитъ Господь, положити желаемъ на пріобрѣтеніе онаго вожделѣннаго предмета, ибо, не безызвѣстно вамъ, для сего мы и предпріяли настоящее наше странствіе.“ Все это липованскіе старшины слушали съ услажденіемъ и сочувствіемъ. Но когда Павелъ, разъяснивъ имъ точное значеніе, „привилегіи“, сталъ излагать свои планы относительно учрежденія законнымъ порядкомъ старообрядческой архіерейской каѳедры именно у нихъ, въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, на первый разъ это дѣло показалось имъ и несбыточнымъ, и опаснымъ: „сколько, говорили, потребуется хлопотъ, сколько будетъ всякихъ спросовъ и переспросовъ отъ правительства! а если и выхлопочемъ епископа, не подчинилъ бы онъ насъ какому-нибудь рабству? Богъ его знаетъ! Притомъ же и содержать его потребуются не малыя средства, а мы люди небогатые!“ Возраженія эти Павелъ предвидѣлъ, и разрѣшилъ безъ затрудненія. Всѣ хлопоты предъ правительствомъ онъ бралъ на себя и своихъ ближайшихъ сотрудниковъ: отъ липованскаго общества требовалось одно—чтобы заявило предъ правительствомъ о крайней нуждѣ и непремѣнномъ желаніи имѣть своего епископа, и чтобы дало монастырскимъ уполномоченнымъ формальную довѣренность на веденіе дѣла объ учрежденіи въ Бѣлокри-

ницкомъ монастырѣ старообрядческой архіерейской каѳедры; „о томъ же чтобы древлеправославный епископъ, аще обрѣсти таковаго сподобитъ Господь, могъ учинить какое-либо стѣсненіе сиротствующимъ нынѣ въ крайнемъ оскудѣніи священства старовѣрческимъ обществамъ,—о томъ, говорилъ Павелъ, и помышлять непростительно"; наконецъ, относительно средствъ на содержаніе будущаго епископа, онъ открылъ липованамъ что на сей предметъ имѣетъ несумнительныя обѣщанія отъ первѣйшихъ по богатству старообрядцевъ петербургскихъ и московскихъ, что само Рогожское кладбище приметъ дѣятельное участіе въ обезпеченіи будущей каѳедры, обществу же бѣлокриницкихъ старообрядцевъ не только не придется понести по сему случаю какіе-либо расходы, но пребываніе въ Бѣлой-Криницѣ „епископа всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ" еще доставитъ имъ славу и матеріальныя выгоды. Такого рода бесѣдами инокъ Павелъ мало-по-малу успѣлъ внушить липованскимъ старѣйшинамъ готовность содѣйствовать чѣмъ могутъ съ своей стороны учрежденію въ Бѣлой-Криницѣ „древлеправославнаго" архіерейства; но какъ только въ своихъ бесѣдахъ касался онъ дѣла о метрикахъ, каждый разъ больше и больше убѣждался въ невозможности побѣдить закоренѣлое къ нимъ отвращеніе липованъ, такъ что призналъ за лучшее до времени не заводить и рѣчи объ этомъ предметѣ, чтобы какъ не повредить главному дѣлу; начальству же, чрезъ „благодѣтельныхъ чиновниковъ", онъ надѣялся внушить что со временемъ, когда у липованъ заведется правильное іерархическое устройство, дѣло о метрикахъ можно будетъ легко уладить къ полному удовольствію правительства.

Итакъ, самыя почетныя и вліятельныя лица липованскаго общества въ Бѣлой-Криницѣ склонились на убѣжденія Павла ходатайствовать предъ австрійскимъ правительствомъ о дозволеніи имѣть липованамъ, на основаніи „высочайшей привилегіи", своего собственнаго епископа. Прочіе, „рядовые" липованы вполнѣ полагались на мнѣніе старшинъ. Что будетъ гораздо лучше, если заведется у нихъ свой епископъ, что тогда и въ священствѣ не встрѣтится недостатка, теперь такъ чувствительнаго, — это они понимали; а входить въ дальнѣйшія объ этомъ разсужденія считали не своимъ дѣломъ, — на то есть дьякъ съ калугерами.

Достаточно увѣрившись что со стороны липованскаго обще-

ства не будетъ препятствій, Павелъ и Геронтій рѣшились начинать дѣло о епископѣ. Павелъ занялся составленіемъ прошенія въ крайзамтъ. Сущность прошенія онъ изложилъ въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ: 1) Уполномоченные отъ липованскихъ въ Буковинѣ обществъ иноки Бѣлокриницкаго монастыря просятъ кесарокоролевское правительство дозволить имъ, на основаніи высочайше дарованной въ 1783 году привилегіи (съ которой прилагалась копія), привезти изъ-за границы своего, независимаго отъ другихъ религій, епископа, для восполненія претерпѣваемой липованами крайней и гибельными послѣдствіями грозящей нужды въ священствѣ и для безпрепятственнаго отправленія всѣхъ принадлежащихъ епископскому сану дѣйствій; 2) просятъ чтобы жительство будущему епископу дозволено было имѣть въ монастырѣ, состоящемъ при селеніи Бѣлая-Криница; 3) обязуются съ своей стороны никакихъ будущему епископу вспоможеній отъ правительства не просить, а содержать его на полной своей отчетности. Пригласили липованскихъ старшинъ обсудить это прошеніе и затѣмъ дать окончательно свое согласіе на формальное начатіе дѣла: ни противъ содержанія, ни противъ подачи прошенія липованскіе думные люди не сдѣлали никакихъ возраженій; напомнили только что всѣ хлопоты предъ правительствомъ, согласно обѣщанію, Павелъ и Геронтій должны принять на себя. Для окончательной редакціи прошенія и для перевода на нѣмецкій языкъ еще нужно было иноку Павлу съѣздить въ Черновцы къ Атанасевичу. Атанасевичъ замѣтилъ только что въ прошеніи непремѣнно слѣдовало, какъ онъ и прежде говорилъ, упомянуть о согласіи липованъ на введеніе у нихъ метрическихъ записей въ томъ случаѣ если имъ дозволено будетъ имѣть своего епископа. Павелъ съ сокрушеніемъ сердца объяснилъ ему что это, дѣйствительно важное „упущеніе“ сдѣлано по крайней нуждѣ, такъ какъ предубѣжденіе липованъ противъ „метрики“, чего онъ и опасался, оказалось слишкомъ сильно, и самое благоразуміе требовало сдѣлать имъ на первый разъ уступку, не вносить въ прошеніе пунктъ о метрикахъ; но тѣмъ не менѣе онъ старался увѣрить Атанасевича что въ послѣдствіи, съ учрежденіемъ у липованъ правильнаго іерархическаго порядка, непремѣнно введены будутъ въ употребленіе и метрики: даже просилъ его, вмѣстѣ съ прочими „благодѣтельными чиновниками“, словесно передать высшему начальству что податели прошенія за это ручаются.

Окончательно исправленное и переписанное, съ переводомъ на нѣмецкій языкъ, прошеніе было наконецъ подписано Бѣлокриницкаго монастыря настоятелемъ, иноkомъ Іоилемъ, съ прочею братіей, и, 14го (26го) февраля 1840 года, подано въ Буковинскій крайзамтъ. *

Итакъ, Павелъ и Геронтій, неожиданно оставшись зимовать въ Бѣлой-Криницѣ, также нечаянно напали на мысль о предпріятіи чрезвычайной важности для всего старообрядческаго міра и въ теченіе зимы настолько сами освоились съ этою мыслію, настолько и другихъ расположили въ ея пользу что нашли возможность сдѣлать рѣшительный шагъ къ ея осуществленію. Подавъ прошеніе, они, кажется, были вполнѣ увѣрены что со стороны правительства отказа не послѣдуетъ и что, быть-можетъ, лѣтомъ же наступившаго 1840 года, снабженные правильными видами, отправятся въ давно желаемое путешествіе отыскивать „древле-православнаго епископа“ на приготовленную уже и законно утверждённую каѳедру. Но здѣсь-то именно и встрѣтились затрудненія, съ которыми пришлось имъ бороться цѣлыхъ четыре года всевозможными позволенными и непозволенными средствами.

* Это именно число указанно въ „Рекурсѣ“, поданномъ императору Фердинанду въ 1843 году (*Бѣлокр. арх.*). Между тѣмъ въ *Уставѣ* говорится что прошеніе подано въ мартѣ мѣсяцѣ. Первое показаніе представляется болѣе точнымъ. Всѣ изложенныя нами подробности событій, съ пріѣзда Павла и Геронтія въ Бѣлокриницкій монастырь до подачи прошенія, основаны частію на запискахъ, частію на устныхъ разказахъ отца Онуфрія, которыя вполнѣ подтверждаются и отдѣльными замѣтками, встрѣчаемыми то въ офиціальныхъ документахъ, то въ запискахъ и письмахъ другихъ участниковъ дѣла. Такъ Алимпій, отъ 27го іюля 1841 года, писалъ роднымъ своимъ въ Крылово: „Мы между собою сдѣлавъ совѣтъ заблагоразсудили просить (согласно привилегіи) государственной помощи для отысканія намъ себѣ епископа, въ чемъ имѣемъ крайнюю нужду. Посовѣтовавшись *съ благодѣтельными намъ чиновниками*, мы, сдѣлавши на бумагѣ, за нужное почли предложить своимъ свободнымъ обществамъ и испросить ихъ на то совѣту. И собравши изъ общества старѣйшихъ значительныхъ людей, прочитали имъ наше предпріятое намѣреніе, которое и они одобрили, но оставили оное намъ на нашу волю. Мы отъ себя подали прошеніе.“ Самъ Алимпій однакоже во всемъ этомъ не участвовалъ; онъ пріѣхалъ въ Бѣлую-Криницу уже въ то время когда прошеніе было подано.

Н. СУББОТИНЪ.

(До слѣд. №.)

МУЖЪ И ЖЕНА

РОМАНЪ ВИЛЬКИ КОЛЛИНЗА.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.)

СЦЕНА ПЯТНАДЦАТАЯ. ДОМЪ ЛОРДА ГОЛЬЧЕСТЕРА.

ГЛАВА XLVII.

Послѣдняя надежда.

— Лордъ Гольчестеръ очень боленъ, сударь, Леди Гольчестеръ не принимаетъ.

— Сдѣлайте одолженіе, передайте леди Гольчестеръ эту карточку. Она должна непремѣнно узнать, для блага ея младшаго сына, нѣчто такое что̀ я могу передать ей только лично.

Такъ говорилъ сэръ-Патрикъ Лунди съ главнымъ слугой лорда Гольчестера, не болѣе какъ черезъ полчаса послѣ окончанія слѣдствія въ Портлендѣ.

Слуга стоялъ въ нерѣшимости съ карточкой въ рукахъ.

— Я рискую потерять мѣсто, доложивъ о васъ, сказалъ онъ.

— Напротивъ, вы рискуете потерять мѣсто не доложивъ обо мнѣ, возразилъ сэръ-Патрикъ.—Говорю вамъ прямо что дѣло по которому я пріѣхалъ сюда очень серіозно.

Тонъ которымъ были сказаны эти слова произвелъ свое дѣйствіе. Слуга отправился на верхъ.

Сэръ-Патрикъ остался въ прихожей. Минутная остановка была ему невыносимо тяжела. Счастіе Анны погибло безвозвратно. Охраненіе ея личной неприкосновенности, которой, по твердому убѣжденію сэръ-Патрика, грозила опасность, было единственною услугой которую онъ могъ теперь оказать ей. Гибельное положеніе въ которомъ она стояла относительно своего мужа, какъ неодолимое препятствіе къ его женитьбѣ на мистрисъ Гленармъ, было непоправимо. Но еще можно было помѣшать ей сдѣлаться невиннымъ препятствіемъ къ примиренію Джофри съ отцомъ. Рѣшившись не пренебрегать никакими средствами къ облегченію участи Анны, сэръ-Патрикъ отпустилъ Арнольда и Бланку вдвоемъ въ свой лондонскій домъ, и не остановился ни на минуту чтобы проститься съ кѣмъ-нибудь изъ лицъ принимавшихъ участіе въ слѣдствіи. „Ея жизнь зависитъ отъ того что̀ мнѣ удастся сдѣлать для нея у лорда Гольчестера.“ Съ этимъ убѣжденіемъ онъ уѣхалъ отъ леди Лунди. Съ этимъ убѣжденіемъ онъ послалъ слугу къ леди Гольчестеръ и ждалъ теперь отвѣта.

Слуга показался на лѣстницѣ. Сэръ-Патрикъ поднялся ему навстрѣчу.

— Ея сіятельство приметъ васъ на нѣсколько минутъ, сударь.

Онъ отворилъ одну изъ дверей верхняго этажа, и сэръ-Патрикъ очутился въ присутствіи матери Джофри Деламена. Онъ успѣлъ только замѣтить что она была еще замѣчательно хороша, и что она приняла его ласково и любезно, что (въ виду обстоятельствъ) должно было означать сознаніе съ ея стороны преимущества его положенія въ свѣтѣ предъ ея положеніемъ.

— Вы хотите сообщить мнѣ что-то о моемъ младшемъ сынѣ, сэръ-Патрикъ. Я теперь въ большомъ горѣ. Если вы принесли мнѣ непріятную новость, я постараюсь перенести ее съ твердостью. Могу я надѣяться что вы не заставите меня мучиться ожиданіемъ?

— Чтобъ облегчить для васъ по возможности мое вмѣшательство, отвѣчалъ сэръ-Патрикъ, — я позволю себѣ предложить вамъ одинъ вопросъ: Не слыхали ли вы о какомъ-нибудь препятствіи къ браку мистера Джофри Деламена съ мистрисъ Гленармъ?

Даже такой далекій намекъ на Анну произвелъ зловѣщую перемѣну къ худшему въ обращеніи леди Гольчестеръ.

— Я слышала о препятствіи на которое вы намекаете, сказала она.—Мистрисъ Гленармъ мнѣ искренній другъ. Она говорила мнѣ что какая-то женщина, по имени Сильвестеръ, безсовѣстная авантюристка.

— Извините, ваше сіятельство. Вы жестоко обижаете благороднѣйшую изъ женщинъ которыхъ я знаю.

— Не знаю, сэръ-Патрикъ, чѣмъ она заслужила ваше восхищеніе, но ея поступки относительно моего сына, повторяю, поступки безсовѣстной авантюристки.

Сэръ-Патрикъ понялъ безнадежность попытки поколебать ея предубѣжденіе противъ Анны, и рѣшился объявить ей правду прямо.

— Совѣтую вамъ не называть ее такъ, сказалъ онъ. — Вы говорите о женѣ вашего сына.

— Мой сынъ женился на миссъ Сильвестеръ?

— Да.

Она сдѣлалась блѣдна какъ смерть. Съ минуту казалось что ударъ сразилъ ее. Но горе матери длилось только минуту. Добродѣтельное негодованіе знатной женщины замѣнило его прежде чѣмъ сэръ-Патрикъ собрался съ духомъ сказать что-нибудь. Она встала чтобы положить конецъ свиданію.

— Я полагаю что цѣль вашего посѣщенія достигнута, сказала она.

Сэръ-Патрикъ тоже всталъ, съ твердою рѣшимостью исполнить намѣреніе которое привело его въ домъ лорда Гольчестера.

— Я долженъ попросить вашего снисхожденія еще на нѣсколько минутъ, сказалъ онъ.—Обстоятельства при которыхъ совершился бракъ мистера Джофри Деламена имѣютъ важность необычайную. Въ интересахъ его семейства, я прошу позволенія перечислить вкратцѣ эти обстоятельства.

Въ немногихъ ясныхъ выраженіяхъ, онъ передалъ все что случилось въ тотъ день въ Портлендѣ. Леди Гольчестеръ выслушала его съ спокойнымъ, холоднымъ вниманіемъ. Судя по видимому, разказъ не произвелъ на нее никакого впечатлѣнія.

— Вы ожидаете, сказала она, — что я войду въ интересы женщины которая стала между моимъ сыномъ и женщиной на которой онъ хотѣлъ жениться по собственному и по моему выбору?

— Къ несчастію, мистеръ Джофри Деламенъ, по этой же причинѣ, относится враждебно къ своей женѣ, сказалъ сэръ-Патрикъ.—Я совѣтую вамъ подумать благоразумно ли будетъ,— принявъ въ соображеніе будущее поведеніе вашего сына,— допустить чтобы жена его сдѣлалась причиной разрыва между нимъ и отцомъ.

Онъ выразился съ деликатною осторожностью. Но леди Гольчестеръ поняла недосказанное такъ же хорошо какъ и сказанное. Она слушала стоя; послѣ послѣднихъ словъ она сѣла, замѣтно встревоженная.

— Въ критическомъ положеніи здоровья лорда Гольчестера, сказала она, — я не берусь передать ему то что̀ вы сейчасъ сказали мнѣ. Я постоянно употребляла мое вліяніе въ пользу сына. Теперь уже поздно. Сегодня утромъ лордъ Гольчестеръ измѣнилъ свое завѣщаніе. Я при этомъ не присутствовала, и мнѣ до сихъ поръ не сказали какъ онъ распорядился. Еслибъ я даже знала....

— Вы не сообщили бы своихъ свѣдѣній постороннему, добавилъ сэръ-Патрикъ.

— Конечно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ того что вы мнѣ сказали, я не считаю себя въ правѣ рѣшить какъ надо поступить. Одинъ изъ душеприкащиковъ лорда Гольчестера въ настоящее время здѣсь. Если вамъ угодно, можете повидаться съ нимъ. Скажите ему отъ меня что я вполнѣ полагаюсь въ этомъ случаѣ на его благоразуміе.

— Охотно принимаю ваше предложеніе, миледи.

Леди Гольчестеръ позвонила.

— Проводите сэръ-Патрика Лунди къ мистеру Марчвуду, сказала она слугѣ.

Имя напомнило сэръ-Патрику стараго друга.

— Мистеръ Марчвудъ изъ Гурльбена? спросилъ онъ.

— Онъ самый.

Этимъ короткимъ отвѣтомъ леди Гольчестеръ заключила свиданіе.

Послѣдовавъ за слугой на другой конецъ корридора, сэръ-Патрикъ былъ введенъ въ небольшую комнату, за которой слѣдовала спальня лорда Гольчестера. Дверь въ спальню была затворена. У стола, предъ окномъ сидѣлъ мущина и писалъ. Онъ всталъ и протянулъ руку съ удивленнымъ взглядомъ, когда слуга произнесъ имя сэръ-Патрика. Это былъ мистеръ Марчвудъ.

Послѣ вступительныхъ объясненій, сэръ-Патрикъ терпѣливо возвратился къ цѣли своего посѣщенія. Когда онъ въ первый разъ произнесъ имя Анны, мистеръ Марчвудъ замѣтно сильнѣе заинтересовался разказомъ.

— Развѣ вы ее знаете? спросилъ сэръ-Патрикъ.

— Я знаю ее только какъ причину очень страннаго происшествія, случившагося сегодня утромъ въ той комнатѣ. Онъ указалъ на спальню лорда Гольчестера.

— Не можете ли вы разказать мнѣ что это за происшествіе?

— Едва ли, — даже такому старому другу какъ вы, — если только я не буду убѣжденъ что это необходимо. Пожалуста продолжайте. Вы начали разказывать мнѣ зачѣмъ вы пріѣхали сюда.

Безъ лишнихъ предисловій, сэръ-Патрикъ сказалъ ему прямо что Джофри женился на Аннѣ.

— Женился, воскликнулъ мистеръ Марчвудъ.—Увѣрены ли вы что это правда?

— Я одинъ изъ свидѣтелей брака.

— Боже мой! А повѣренный лорда Гольчестера уѣхалъ.

— Не могу ли я замѣнить его. Можетъ-быть вы считаете себя въ правѣ разказать мнѣ что случилось сегодня въ той комнатѣ?

— Считаю ли я себя въ правѣ? Вы не оставили мнѣ другаго выбора. Всѣ доктора предсказываютъ апоплексическій ударъ,—онъ можетъ умереть съ минуты на минуту. Въ отсутствіи повѣреннаго, я долженъ взять это на себя. Дѣло въ томъ что въ завѣщаніи лорда Гольчестера есть прибавленіе, которое до сихъ поръ еще не подписано.

— Относящееся къ его младшему сыну?

— Да, относящееся къ Джофри Деламену. Оно дало бы ему порядочное состояніе, еслибы было подписано.

— Что же препятствуетъ лорду Гольчестеру подписать его?

— Женщина о которой вы сейчасъ говорили.

— Анна Сильвестеръ!

— Анна Сильвестеръ, теперь (по вашимъ словамъ) мистрисъ Джофри Деламенъ. Я могу объяснить вамъ это очень поверхностно. Съ этою женщиной, или съ кѣмъ-то изъ ея семейства связаны въ памяти лорда Гольчестера очень непріятныя воспоминанія. Мы поняли только что въ началѣ своего адвокатскаго поприща онъ сдѣлалъ что-то такое что было вполнѣ законно, но что повело къ очень печальнымъ послѣдствіямъ. Къ

несчастіе, онъ узналъ нѣсколько дней тому назадъ о посѣщеніи Анной Сильвестеръ Свангавена. Въ то время онъ не сдѣлалъ по этому поводу никакого замѣчанія. Но сегодня, когда ему принесли для подписанія прибавленіе къ завѣщанію относящееся къ Джофри, обнаружилось съ какими чувствами онъ относится къ Аннѣ Сильвестеръ. Къ нашему удивленію, онъ отказался подписать завѣщаніе. „Найдите Анну Сильвестеръ," сказалъ онъ, „и приведите ее къ моей постели. Говорятъ что сынъ мой погубилъ ее. Я лежу на смертномъ одрѣ. По очень важнымъ для меня причинамъ, я хочу узнать правда ли это. Я обязанъ сдѣлать это въ память объ умершей. Если Анна оправдаетъ его, я обезпечу Джофри. Не иначе". Мы рѣшились даже намекнуть ему что онъ можетъ умереть прежде чѣмъ найдутъ Анну Сильвестеръ. Этотъ намекъ имѣлъ неожиданный результатъ. Онъ заставилъ своего повѣреннаго написать второе прибавленіе къ завѣщанію. Этимъ прибавленіемъ онъ поручаетъ своимъ душеприкащикамъ узнать въ какихъ отношеніяхъ былъ его младшій сынъ съ Анной Сильвестеръ. Если мы найдемъ что онъ серіозно повредилъ ей, мы должны будемъ передать ей наслѣдство отъ лорда Гольчестера, съ условіемъ если она только не замужняя.

— Слѣдовательно, бракъ съ Джофри лишаетъ ее наслѣдства! воскликнулъ сэръ-Патрикъ.

— Да, подписанное прибавленіе не имѣетъ теперь никакого значенія, а другое не будетъ подписано пока повѣренный не найдетъ Анны Сильвестеръ. Онъ отправился въ Фульгамъ, къ Джофри, потому что мы не знали другаго средства найти ее. Съ тѣхъ поръ какъ онъ уѣхалъ прошло уже нѣсколько часовъ, а его все нѣтъ.

— Его возвращеніе не принесетъ никакой пользы. Въ то время когда онъ былъ на пути въ Фульгамъ, Джофри былъ на пути въ Портлендъ. Все это серіознѣе чѣмъ вы даже предполагаете. Позвольте мнѣ предложить вамъ вопросъ, котораго я не имѣлъ бы права предложить при иныхъ обстоятельствахъ. Не считая неподписаннаго прибавленія, какое значеніе имѣетъ завѣщаніе для Джофри Деламена?

— О немъ даже не упоминается въ завѣщаніи.

— У васъ завѣщаніе?

Мистеръ Марчвудъ отперъ ящикъ и вынулъ изъ него завѣщаніе.

Сэръ-Патрикъ всталъ.

— Этого нельзя откладывать до возвращенія повѣреннаго, сказалъ онъ. — Здѣсь дѣло идетъ о жизни или смерти. Леди Гольчестеръ очень недовольна женитьбой сына. Она говоритъ и чувствуетъ какъ другъ мистрисъ Гленармъ. Какъ взглянулъ бы, по вашему мнѣнію, на эту женитьбу лордъ Гольчестеръ?

— Это зависитъ единственно отъ обстоятельствъ предшествовавшихъ женитьбѣ.

— Предположите что я сказалъ бы ему что сынъ его жестоко оскорбилъ миссъ Сильвестеръ, и потомъ прибавилъ бы что онъ искупилъ свою вину женившись на ней?

— Послѣ того какъ онъ отнесся къ этому сегодня утромъ, мнѣ кажется онъ подписалъ бы прибавленіе, узнавъ о женитьбѣ.

— Такъ пустите меня къ нему, ради всего святаго.

— Надо поговорить съ докторомъ.

— Пожалуста поскорѣе.

Мистеръ Марчвудъ, съ завѣщаніемъ въ рукахъ, направился къ двери спальни. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ дойти до нея, она отворилась изнутри. На порогѣ показался докторъ. Когда мистеръ Марчвудъ обратился къ нему, докторъ поднялъ торжественно руку.

— Идите къ леди Гольчестеръ, сказалъ онъ.—Все кончено.

— Умеръ?

— Умеръ.

КОНЕЦЪ ПЯТНАДЦАТОЙ СЦЕНЫ.

СЦЕНА ШЕСТНАДЦАТАЯ.—СОЛОВАРНЯ.

ГЛАВА XLVIII.

Домъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, всѣ сосѣди нѣкоего Лимбрика утверждали единогласно что Лимбрикъ составилъ себѣ завидное состояніе промышляя солью.

Онъ жилъ въ графствѣ Стаффордъ, на собственномъ клочкѣ земли, называвшемся просто Соловарней. Не будучи скрягой, онъ жилъ очень скромно, почти ни съ кѣмъ не знался, пускалъ деньги въ оборотъ и упрямо оставался холостякомъ.

Около тысяча восемьсотъ сороковаго года, онъ въ первый разъ почувствовалъ приближеніе болѣзни, прекратившей впослѣдствіи его жизнь. Испробовавъ безуспѣшно всѣ средства

которыя совѣтовали ему мѣстные доктора противъ его болѣзни, онъ случайно встрѣтился съ однимъ докторомъ изъ-западнаго предмѣстья Лондона, и этотъ докторъ очень помогъ ему. Совершивъ нѣсколько поѣздокъ въ Лондонъ для консультацій съ этимъ докторомъ, онъ рѣшилъ наконецъ бросить занятія и переселиться поближе къ нему.

Купивъ клочокъ земли близъ Фульгама, онъ выстроилъ на немъ домъ, по своему собственному плану. Ревниво охраняя свое уединеніе, и свои привычки и обычаи отъ наблюденій, онъ окружилъ свою землю высокою стѣной, которая стоила ему немало денегъ, и справедливо считалась въ сосѣдствѣ мрачнымъ и безобразнымъ предметомъ. Выстроивъ новую резиденцію, онъ назвалъ ее именемъ своего прежняго мѣстопребыванія въ Стаффордѣ, гдѣ онъ прожилъ лучшую часть своей жизни и нажилъ состояніе. Напрасно его родственники, не понимавшіе что тутъ замѣшалось чувство, ссылались на голые факты, и доказывали ему что во всей окружности нѣтъ соляныхъ копей. „Тѣмъ хуже для окружности," отвѣчалъ онъ, и продолжалъ называть свою усадьбу Соловарней.

Домъ былъ такъ малъ что совершенно скрывался въ большомъ саду, окружавшемъ его. Онъ былъ двухъ-этажный.

Въ нижнемъ этажѣ, съ каждой стороны корридора было по двѣ комнаты. Направо отъ передняго входа была кухня, съ прилегавшими къ ней чуланами, и другая комната, называвшаяся во времена Лимбрика кабинетомъ и содержавшая небольшую коллекцію книгъ и богатый запасъ рыболовныхъ снарядовъ. По лѣвую сторону корридора была гостиная, на задней половинѣ дома, и столовая на передней половинѣ. Въ верхнемъ этажѣ дома было пять спаленъ, — двѣ по одну сторону корридора, соотвѣтствовавшія по величинѣ столовой и гостиной, и три по другую, изъ которыхъ одна, большая, занимала переднюю половину, а двѣ другія, маленькія, заднюю половину дома. Весь домъ былъ снабженъ прочною домашнею утварью. Хозяинъ не жалѣлъ денегъ, но за красотой не гнался. Какъ внизу такъ и на верху все было прочно, и все было безобразно.

Мѣстоположеніе Соловарни было уединенно. Отъ другихъ усадьбъ она отдѣлялась обширными огородами. Ревниво окруженная высокими стѣнами, она напоминала даже особамъ самымъ прозаическимъ скитъ или темницу. Родственники, пріѣхавшіе погостить къ Лимбрику, находили что его Соловар-

ня наводитъ уныніе, и радовались когда приходило время вернуться домой. Ихъ впрочемъ и не удерживали насильно. Лимбрикъ не былъ ни гостепріимнымъ, ни общежительнымъ человѣкомъ. Во время припадковъ своей болѣзни, онъ придавалъ мало цѣны сочувствію ближнихъ, и выслушивалъ съ нетерпѣніемъ ихъ поздравленія, когда начиналъ поправляться. „Я не интересуюсь ничѣмъ кромѣ рыбной ловли," говорилъ онъ. „Общество моей собаки удовлетворяетъ меня. Я вполнѣ счастливъ когда здоровъ".

На смертномъ одрѣ, онъ раздѣлилъ свое состояніе между родственниками, съ строгой справедливостью. Единственный пунктъ завѣщанія подвергавшійся неблагопріятнымъ отзывамъ былъ тотъ которымъ назначалось наслѣдство одной изъ его сестеръ. Семья считала ее недостойною ни памяти, ни наслѣдства, за то что она вышла замужъ за человѣка низшаго класса общества. Эту несчастную женщину звали Есѳирь Дезриджъ. Простулокъ Есѳири получилъ еще большее значеніе въ глазахъ ея родственниковъ когда они узнали что ей достается въ пожизненное владѣніе Соловарня и ежегодный доходъ въ двѣсти фунтовъ.

Не посѣщаемая членами своей семьи, буквально одинокая въ мірѣ, Есѳирь Дезриджъ, рѣшилась, несмотря на свой достаточный годовой доходъ, отдать домъ внаймы. Объясненіемъ такого страннаго поступка можетъ служить ея отвѣтъ на вопросъ Анны. „У меня нѣтъ въ мірѣ ни одного друга. Я боюсь жить одна". Въ такомъ безотрадномъ положеніи и вслѣдствіе такой грустной причины, она поручила агенту пріискать жильцовъ въ свой домъ. Первый кому агентъ рекомендовалъ ея домъ, былъ Перри. Первый жилецъ Есѳири Дезриджъ былъ Джофри Деламенъ.

Хозяйка оставила себѣ кухню, комнату рядомъ съ кухней и двѣ маленькія спальни на верху,—одну для себя, а другую для служанки которую она взяла себѣ въ помощницы. Остальныя комнаты она рѣшила отдать внаймы. Пять комнатъ было слишкомъ много для Перри, но Есѳирь Дезриджъ не соглашалась сдать свою квартиру иначе какъ на тѣхъ условіяхъ — относительно числа комнатъ и срока отдачи—которыя она сама предлагала. Перри долженъ былъ или отказаться отъ большаго, уединеннаго сада, или подчиниться. Онъ предпочелъ послѣднее.

Двое жильцовъ могли располагать тремя спальнями. Джофри

поселился въ задней комнатѣ, надъ гостиной. Перри выбралъ переднюю спальню, на другой сторонѣ корридора. Комната рядомъ со спальней Джофри осталась пустой и была названа запасною комнатой. Что же касается до нижняго этажа, въ столовой атлетъ и учитель обѣдали, а гостиную, какъ ненужную роскошь, оставили въ покоѣ.

Послѣ бѣга, Перри разстался съ Джофри. Его опустѣвшая спальня сдѣлалась второю запасною комнатой. Срокъ на который была напята квартира еще не окончился. Послѣ бѣга, Джофри долженъ былъ выбрать одно изъ двухъ: пожертвовать заплаченными впередъ деньгами, или остаться на квартирѣ въ одиночествѣ, съ двумя запасными спальнями и съ гостиной для пріема гостей, которые приходили съ трубками въ зубахъ, и по понятіямъ которыхъ идеалъ гостепріимства состоялъ въ бутылкѣ пива поданной въ садъ.

Выражаясь его собственными словами, онъ былъ „не въ своей тарелкѣ“. Онъ чувствовалъ апатичное отвращеніе ко всякой перемѣнѣ, и рѣшилъ остаться въ Соловарѣ, пока свадьба съ мистрисъ Гленармъ (въ возможности которой онъ тогда не сомнѣвался) не принудитъ его измѣнить совершенно и навсегда свой образъ жизни. Изъ Фульгама онъ ѣздилъ на слѣдствіе въ Портлендъ, и въ Фульгамъ онъ привезъ навязанную ему закономъ жену.

Таково было положеніе жильца, и такъ была распредѣлена внутренность дома въ достопамятный вечеръ когда Анна Сильвестеръ пріѣхала туда въ качествѣ жены Джофри Деламена.

ГЛАВА XLIX.

Ночь.

Выйдя изъ дома леди Лунди, Джофри кликнулъ перваго свободнаго извощика, отворилъ дверь кареты, и сдѣлалъ знакъ Аннѣ чтобъ она вошла. Анна повиновалась безсознательно. Онъ сѣлъ противъ нея и приказалъ извощику ѣхать въ Фульгамъ.

Карета покатилась къ своей цѣли; мужъ и жена не прерывали молчанія. Анна откинула назадъ усталую голову и закрыла глаза. Твердость ея истощилась отъ усилія поддерживавшаго ее съ начала до конца слѣдствія. Она лишилась способности думать, ничего не сознавала, ничего не чувствовала,

ничего не боялась. Въ полуобморокѣ, въ полуснѣ, она потеряла сознаніе ужаса своего положенія, прежде чѣмъ прошли первыя пять минутъ пути въ Фульгамъ.

Сидя противъ нея, занятый собственными мыслями, Джофри мгновенно оживился. Новая идея мелькнула въ его апатичномъ умѣ. Онъ высунулъ голову изъ окна кареты, велѣлъ извощику повернуть назадъ, и ѣхать въ гостиницу, къ большой Сѣверной желѣзной дорогѣ.

Усѣвшись опять на свое мѣсто, онъ взглянулъ тайкомъ на Анну. Она не пошевельнулась, не открыла глазъ,—она повидимому ничего не замѣтила. Онъ взглянулъ на нее пристальнѣе. Не больна ли она въ самомъ дѣлѣ? Можетъ-быть близко время когда она освободитъ его отъ себя? Остановившись на этой мысли, онъ внимательно слѣдилъ за нею. Мало-помалу низкая надежда исчезла, уступивъ мѣсто низкому подозрѣнію. Что если этотъ болѣзненный видъ притворство? Что если она задумала обмануть его и убѣжать при первой возможности? Онъ высунулъ опять голову изъ окна, и далъ другое приказаніе извощику. Карета свернула въ сторону и остановилась въ Гольборни, у трактира, содержателемъ котораго былъ Перри, учитель (подъ вымышленнымъ именемъ).

Джофри написалъ карандашомъ нѣсколько словъ на своей карточкѣ, и отослалъ ее съ извощикомъ въ трактиръ. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ какой-то мальчикъ. Джофри поговорилъ съ нимъ вполголоса. Мальчикъ сѣлъ на козлы, рядомъ съ извощикомъ. Карета повернула назадъ и остановилась у гостиницы, близъ станціи большой Сѣверной желѣзной дороги.

Джофри вышелъ и велѣлъ мальчику стать у двери кареты. „Если она вздумаетъ выйти, останови ее и пошли за мной,“ сказалъ онъ, указавъ ему на Анну, которая все еще полулежала, неспособная, повидимому, поднять голову и замѣчать что дѣлалось вокругъ нея. Распорядившись такимъ образомъ, онъ вошелъ въ домъ, и спросилъ мистера Моя.

Мистеръ Мой только что вернулся отъ леди Лунди. Когда Джофри вошелъ, онъ всталъ и встрѣтилъ его холоднымъ поклономъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ.

— Мнѣ пришелъ въ голову планъ, о которомъ мнѣ хотѣлось бы посовѣтоваться съ вами немедленно, сказалъ Джофри.

— Посовѣтуйтесь съ кѣмъ-нибудь другимъ, отвѣчалъ мис-

ѓеръ Мой.—Считайте меня съ нынѣшняго дня отказавшимся отъ всякихъ дальнѣйшихъ сношеній съ вами.

Джофри взглянулъ на него съ безсмысленнымъ удивленіемъ.

— Вы хотите сказать что оставляете меня въ такомъ затруднительномъ положеніи? спросилъ онъ.

— Я хочу сказать что впредь не сдѣлаю ни одного шага по вашимъ дѣламъ, непреклонно отвѣчалъ мистеръ Мой. — Что касается до будущаго, я пересталъ быть вашимъ повѣреннымъ. Что же касается до прошлаго, я окончу добросовѣстно то что обязался сдѣлать для васъ. Мистрисъ Инчбаръ и Бишопригсъ придутъ сюда сегодня въ шесть часовъ и получатъ обѣщанное вознагражденіе. Я отправлюсь въ Шотландію съ почнымъ поѣздомъ. Лица на которыхъ ссылается сэръ-Патрикъ всѣ въ Шотландіи. Я перешлю вамъ ихъ показанія касательно почерковъ и пребыванія въ Шотландіи, въ письменной формѣ. Этимъ окончатся мои обязанности относительно васъ. Я отказываюсь принимать участіе въ вашихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ.

Подумавъ съ минуту, Джофри предложилъ послѣдній вопросъ:

— Вы сказали что хозяйка и Бишопригсъ придутъ къ вамъ въ шесть часовъ.

— Да.

— Гдѣ можно найти ихъ до тѣхъ поръ.

Мистеръ Мой написалъ нѣсколько словъ на листкѣ бумаги, и отдалъ ее Джофри.

— На ихъ квартирѣ, сказалъ онъ.—Вотъ адресъ.

Джофри взялъ адресъ и вышелъ изъ комнаты. Адвокатъ и кліентъ разстались, не сказавъ другъ другу ни одного прощальнаго слова.

Возвратившись къ каретѣ, Джофри нашелъ мальчика на его посту.

— Ну, что?

— Барыня не пошевельнулась даже, сударь, съ тѣхъ поръ какъ вы ее оставили.

— Перри у себя въ трактирѣ?

— Нѣтъ, сударь.

— Мнѣ нуженъ адвокатъ. Ты знаешь кто адвокатъ Перри?

— Знаю, сударь.

— И гдѣ его можно найти?

— Знаю, сударь.

— Такъ садись на козлы, и покажи извощику куда ѣхать.

Карета покатилась вдоль по Эстонской улицѣ, и остановилась у дома съ мѣдной доской на двери. Мальчикъ соскочилъ съ козелъ и подошелъ къ окну кареты.

— Здѣсь, сударь.

— Постучи и узнай дома ли онъ.

Онъ оказался дома. Джофри отправился къ нему, оставивъ опять своего адъютанта на-сторожѣ. Въ этотъ разъ мальчикъ видѣлъ что дама шевелилась. Она содрогнулась, какъ бы онъ холода, открыла на минуту усталые глаза, выглянула въ окно, вздрогнула, и скрылась опять въ уголъ кареты.

Послѣ болѣе чѣмъ получасоваго отсутствія, Джофри вернулся. Свиданіе съ адвокатомъ Перри освободило его, повидимому, отъ смутившей его мысли. Приказавъ извощику ѣхать въ Фульгамъ, онъ отворилъ дверь кареты, и хотѣлъ войти, но вдругъ остановился, какъ бы опомнившись, велѣлъ мальчику сѣсть въ карету, а самъ сѣлъ на козлы.

Когда карета тронулась, онъ обернулся и взглянулъ на Анну въ переднее окно. „Стóитъ попробовать“, подумалъ онъ. „Этимъ способомъ можно расквитаться съ ней, и освободиться отъ нея.“

Карета остановилась предъ домомъ Есэпри Дезриджъ. Отдыхъ ли подкрѣпилъ Анну, видъ ли мѣста пробудилъ въ ней наконецъ инстинктъ самосохраненія, но, къ удивленію Джофри, она вышла изъ кареты безъ постороннеи помощи. Когда онъ отперъ деревянную дверь сада, своимъ собственнымъ ключомъ, она отступила назадъ, и взглянула на него въ первый разъ.

Онъ указалъ ей на дверь.

— Входите, сказалъ онъ.

— На какихъ условіяхъ? спросила она не двигаясь.

Джофри отпустилъ извощика, и велѣлъ мальчику идти въ садъ и ждать тамъ дальнѣйшихъ приказаній. Оставшись наединѣ съ Анной, онъ отвѣчалъ угрожающимъ тономъ на ея вопросъ:

— На какихъ условіяхъ? На какихъ я хочу.

— Ничто не заставитъ меня, отвѣчала она твердо, — быть вамъ женой.—Вы можете убить меня, но къ этому вы меня не принудите.

Онъ сдѣлалъ къ ней шагъ, открылъ ротъ, но вдругъ опомнился. Онъ молчалъ съ минуту, обдумывая что-то. Слѣдующія

слова онъ произнесъ съ разчитанною сдержанностью, какъ бы повторяя чужія, или заранѣе приготовленныя слова.

— Мнѣ надо сказать вамъ нѣсколько словъ при свидѣтеляхъ, сказалъ онъ.—Я не прошу, и не желаю видѣться съ вами наединѣ.

Она содрогнулась при этой перемѣнѣ въ его обращеніи. Его внезапное спокойствіе и его внезапная вѣжливость были болѣе тяжелымъ испытаніемъ для ея мужества, чѣмъ грубость его, за минуту предъ тѣмъ.

Онъ ждалъ ея рѣшенія, указывая на отворенную дверь. Она дрожала, но собралась съ духомъ и вошла. Мальчикъ, дожидавшійся въ саду, послѣдовалъ за ними въ домъ.

Джофри отворилъ дверь гостиной по лѣвую сторону коридора. Анна вошла. Явилась служанка. „Позовите мистрисъ Дезриджъ, и сами приходите съ ней“, сказалъ Джофри. Онъ вошелъ въ гостиную. Мальчикъ по его приказанію вошелъ тоже. Дверь была оставлена отворенной.

Есѳирь вышла изъ кухни въ сопровожденіи служанки. Когда она увидала Анну, ея каменное лицо оживилось на минуту. Тусклый блескъ засвѣтился въ ея глазахъ. Она едва замѣтно наклонила голову. Изъ груди ея вырвался нѣмой звукъ похожій на звукъ радости или торжества.

Джофри заговорилъ, опять съ разчитанной сдержанностью, опять какъ бы произнося заранѣе приготовленную рѣчь. Онъ указалъ на Анну.

— Эта женщина моя жена, сказалъ онъ.—Въ присутствіи васъ троихъ, какъ свидѣтелей, я объявляю ей что не прощаю ее. Я привезъ ее сюда, потому что у меня нѣтъ другаго мѣста гдѣ я могъ бы держать ее въ ожиданіи окончанія дѣла, которое я предпринялъ въ защиту моей чести и моего добраго имени. Здѣсь она будетъ жить отдѣльно отъ меня, въ особой комнатѣ. Если же мнѣ понадобится видѣться съ ней, при нашемъ свиданіи будетъ присутствовать третье лицо. Всѣ ли вы поняли меня?

Есѳирь наклонила голову. Двое другихъ отвѣчали „да“, и хотѣли выйти изъ комнаты. Анна встала. По знаку Джофри, служанка и мальчикъ остались въ комнатѣ, чтобы выслушать то что намѣревалась сказать Анна.

— Я не знаю за собой ничего такого, сказала она обращаясь къ Джофри, — что могло бы дать вамъ право сказать мнѣ при этихъ людяхъ что вы не прощаете меня. Эти слова

отъ васъ я считаю оскорбленіемъ. Я не понимаю также что̀ вы подразумѣваете говоря о защитѣ вашего добраго имени. Я поняла изъ вашихъ словъ только то что мы будемъ жить въ этомъ домѣ врозь. За это я вамъ благодарна, каковы бы ни были ваши причины. Скажите чтобы которая-нибудь изъ этихъ женщинъ проводила меня въ мою комнату.

Джофри обратился къ Есѳири.

— Проводите ее на верхъ, сказалъ онъ. — Пусть она выберетъ себѣ какую хочетъ комнату. Дайте ей что̀ она хочетъ пить или ѣсть. Возьмите у нея адресъ дома гдѣ находится ея багажъ. Этотъ мальчикъ съѣздитъ за нимъ по желѣзной дорогѣ. Я кончилъ. Можете идти.

Есѳирь вышла. Анна послѣдовала за ней на верхъ. Въ коридорѣ верхняго этажа Есѳирь остановилась. Тусклый блескъ оживилъ опять на минуту ея глаза. Написавъ на доскѣ нѣсколько словъ, она протянула ее Аннѣ. „Я знала что̀ вы вернетесь. Вы еще не отдѣлались отъ него.“ Анна не отвѣчала. Есѳирь начала опять писать, съ чѣмъ-то похожимъ на улыбку на своихъ тонкихъ безцвѣтныхъ губахъ. „Я знаю что значитъ дурной мужъ. А хуже вашего трудно найти. Онъ еще помучаетъ васъ.“ Анна попробовала остановить ее. — Развѣ вы не видите какъ я утомлена, сказала она громко. Есѳирь опустила доску, взглянула въ лицо Анны съ холоднымъ вниманіемъ какъ бы говоря „теперь вижу“, и отворила дверь одной изъ пустыхъ комнатъ.

Это была спальня, въ передней части дома, надъ столовой. Она отличалась безукоризненной чистотой, и прочнымъ, некрасивымъ убранствомъ. Безобразные обои на стѣнахъ и безобразный коверъ на полу были лучшей доброты. Большая, тяжелая кровать простаго дерева, съ занавѣсомъ спускавшимся съ крючка, вбитаго въ потолокъ, представляла непріятную картину французскаго образца, искаженнаго англійскимъ исполненіемъ. Но болѣе всего бросилась въ глаза въ комнатѣ дверь. Кромѣ обыкновеннаго замка, она была снабжена съ внутренней стороны двумя толстыми задвижками. Въ числѣ многочисленныхъ странностей Лимбрика былъ постоянный страхъ что воры вломятся къ нему ночью. Наружныя двери и всѣ оконныя ставни были обиты желѣзомъ, и снабжены звонками, устроенными по усовершенствованному способу. Къ довершенію всего, на крышѣ дома была маленькая колокольня съ колоколомъ такой величины что звонъ его былъ слышенъ

въ Фульгамскомъ полицейскомъ домѣ. Во времена Лимбрика, веревка отъ колокола была проведена въ его спальню. Теперь она спускалась въ корридоръ.

Оглядывая комнату, Анна обратила вниманіе на внутреннюю стѣну, отдѣлявшую эту спальню отъ сосѣдней комнаты. Въ стѣнѣ не было двери. Возлѣ нея стоялъ умывальникъ и два стула.

— Кто занимаетъ сосѣднюю комнату? спросила она.

Есѳирь указала пальцемъ въ полъ. Сосѣднюю комнату занималъ Джофри.

Анна вышла въ корридоръ.

— Покажите мнѣ другую комнату, сказала она.

Другая пустая комната была тоже въ передней половинѣ дома. Такое же безобразіе (первостепенной прочности) на стѣнахъ и на полу. Такая же тяжелая кровать краснаго дерева, съ тою только разницей что на этой былъ балдахинъ для занавѣса. Предупреждая вопросъ Анны, Есѳирь указала на внутреннюю стѣну, потомъ на себя. Анна рѣшилась остаться въ этой комнатѣ, самой дальней отъ комнаты Джофри. Есѳирь подождала пока Анна написала адресъ гдѣ взять ея багажъ (въ домѣ музыкальнаго агентства), потомъ освѣдомилась объ ужинѣ, и получивъ отвѣтъ, вышла изъ комнаты.

Оставшись одна, Анна заперла дверь и легла на кровать. Всѐ еще слишкомъ утомленная чтобы думать, все еще физически неспособная понять безпомощность и опасность своего положенія, она открыла медальйонъ, висѣвшій у нея на шеѣ, поцѣловала портретъ своей матери, и портретъ Бланки, вставленные одинъ противъ другаго, и скоро заснула глубокимъ сномъ.

Между тѣмъ Джофри повторялъ у выходной двери свои наставленія мальчику.

— Когда возьмешь багажъ, поѣзжай къ адвокату. Если онъ можетъ пріѣхать сюда сегодня, ты привезешь его съ собой. Если же онъ не можетъ пріѣхать, ты привезешь мнѣ отъ него письмо. Бѣда тебѣ будетъ если ты перелутаешь. Убирайся поскорѣе чтобы не опоздать на поѣздъ.

Мальчикъ убѣжалъ. Глядя ему вслѣдъ, Джофри припомнилъ всѣ свои послѣднія дѣйствія.

— До сихъ поръ все шло какъ слѣдуетъ, сказалъ онъ про себя. — Я не ѣхалъ съ ней въ каретѣ. Я сказалъ ей въ присутствіи свидѣтелей что не прощаю ее, и объяснилъ почему

я привезъ ее на свою квартиру. Я помѣстилъ ее въ отдѣльную комнату, и если мнѣ понадобится видѣть ее, при нашемъ свиданіи будетъ присутствовать Есѳирь Дезриджъ. Я сдѣлалъ все что̀ зависитъ отъ меня, пусть адвокатъ сдѣлаетъ остальное.

Онъ вышелъ въ садъ и закурилъ трубку. Немного времени спустя, когда сдѣлалось совсѣмъ темно, онъ увидалъ свѣтъ въ нижней комнатѣ Есѳири Дезриджъ, и подошелъ къ окну. Есфирь и горничная сидѣли за работой.

— Ну, спросилъ онъ,—что̀ дѣлаетъ она на верху?

Доска Есѳири, съ помощью языка служанки, разказала ему объ Аннѣ все что̀ можно было разказать. Онѣ снесли ей на верхъ чаю и яичницу. Имъ пришлось разбудить ее. Она съѣла немного яичницы и съ жадностью выпила чай. Когда онѣ вошли въ другой разъ, чтобы взять подносъ, она лежала опять на постели. Она не спала, но казалась очень печальною и утомленною. Не сказала ни одного слова. Онѣ зажгли ей свѣчку и оставили ее въ покоѣ. Таковъ былъ отчетъ. Выслушавъ его молча, Джофри набилъ трубку и пошелъ опять ходить по саду. На дворѣ становилось холодно. Вѣтеръ шумѣлъ надъ открытыми полями окружавшими садъ; звѣзды погасли; надъ головой лежала непроглядная ночь. Пошелъ дождь. Джофри вернулся домой.

Въ столовой на столѣ лежала вечерняя газета. Свѣчи были зажжены. Онъ сѣлъ и попробовалъ читать. Нѣтъ! Въ газетѣ не было ничего интереснаго для него. Чтеніе не помогало. Неподвижное положеніе было невыносимо. Онъ всталъ, вышелъ изъ дома, подошелъ къ двери сада и устремилъ разсѣянный взглядъ на дорогу.

На дорогѣ, при свѣтѣ лампы висѣвшей надъ дверью, онъ увидалъ живое существо. Существо подошло ближе и оказалось почтальйономъ разносившимъ послѣднюю почту. Онъ подошелъ къ двери съ письмомъ въ рукахъ.

— Досточтимому Джофри Деламену.

— Давай.

Джофри взялъ письмо и вернулся въ столовую. Взглянувъ при свѣчахъ на адресъ, онъ узналъ почеркъ мистрисъ Гленармъ. „Поздравленіе съ женитьбой,“ подумалъ онъ съ горечью, и распечаталъ письмо.

Поздравленіе мистрисъ Гленармъ заключалось въ слѣдующихъ словахъ:

„Мой обожаемый Джофри, я знаю все. Возлюбленный мой! Дорогой мой! Ты принесенъ въ жертву презрѣннѣйшему существу, и я лишилась тебя! Какъ могу я жить послѣ этого? Какъ могу я думать и писать, когда голова моя въ огнѣ, сердце разбито? О, ангелъ мой! меня поддерживаетъ идея, — идея чистая, прекрасная, достойная насъ обоихъ. Я живу, Джофри, посвятивъ себя твоему обожаемому образу. Ты мой герой! Моя первая и послѣдняя любовь. Я буду жить и умру,—клянусь торжественно, преклонивъ колѣна,—я буду жить и умру не измѣнивъ тебѣ. Я твоя духовная жена. Мой возлюбленный Джофри! Въ этомъ она не можетъ стать между нами, она не можетъ отнять у тебя неизмѣнную вѣрность моего сердца, неземную преданность души моей. Я твоя духовная жена. О, какое наслажденіе писать эти слова! Отвѣть мнѣ, мой возлюбленный, и скажи что ты чувствуешь то же самое. Поклянись въ этомъ, божество моего сердца, какъ поклялась я. Неизмѣнная вѣрность! Неземная преданность! Никогда, никогда не буду я женой другаго! Никогда, никогда не прощу я женщину которая стала между нами! Твоя на вѣки, и только твоя; твоя съ безпорочною страстью горящею на алтарѣ моего сердца; твоя, твоя, твоя.... Е. Г.“

Этотъ взрывъ истерическихъ безсмыслицъ, самъ по себѣ только смѣшной, имѣлъ большое значеніе по своему вліянію на Джофри. Къ наслажденію которое доставило бы ему отмщеніе Аннѣ присоединилось бы прямое достиженіе его корыстныхъ цѣлей. Десять тысячъ годоваго дохода посвящены ему, и стоило бы только протянуть руку чтобы взять ихъ, еслибы не женщина опутавшая его своими сѣтями, женщина привязавшаяся къ нему на всю жизнь.

Онъ положилъ письмо въ карманъ.

— Посмотримъ что̀ скажетъ адвокатъ, сказалъ онъ про себя.—Это самый легкій способъ отдѣлаться отъ нея, и притомъ законный.

Онъ взглянулъ съ нетерпѣніемъ на часы. Въ эту минуту раздался звонокъ. Должно-быть мальчикъ съ багажемъ. Да. И съ письмомъ отъ адвоката? Лучше: съ самимъ адвокатомъ.

— Идите, идите, сказалъ Дфофри выходя навстрѣчу посѣтителю.

Адвокатъ вошелъ въ столовую. Это былъ человѣкъ широкоплечій, съ толстыми губами, съ блестящими глазами, съ оттѣнкомъ негритянской крови въ желтомъ лицѣ и съ несомнѣнными признаками во взглядѣ и манерахъ обыкновенія вращаться по грязнѣйшимъ окольнымъ путямъ юридической профессіи.

— У меня есть свое маленькое помѣстье въ вашемъ сосѣдствѣ, сказалъ онъ. — Я и счелъ за лучшее заѣхать къ вамъ по пути, чтобъ объясниться съ вами лично, мистеръ Деламенъ.

— Видѣли вы свидѣтелей?

— Я допросилъ обоихъ. Сначала мистрисъ Инчбаръ и Бишопригса вмѣстѣ. Потомъ мистрисъ Инчбаръ и Бишопригса порознь.

— Ну, что же?

— Къ моему сожалѣнію, результатъ неблагопріятенъ.

— Что это значитъ?

— Свидѣтели не могутъ дать такихъ показаній какія намъ нужны. Я въ этомъ убѣдился.

— Убѣдилась? Это чортъ знаетъ что такое! Вы не поняли въ чемъ дѣло!

Мулатъ-адвокатъ улыбнулся. Грубость кліента, повидимому, только забавляла его.

— Не понялъ, повторилъ онъ. — Такъ потрудитесь же сказать мнѣ въ чемъ я ошибся. Вотъ вамъ вашъ планъ вкратцѣ: Четырнадцатаго числа прошлаго августа, ваша жена была въ одной гостинницѣ въ Шотландіи. Къ ней присоединился нѣкто Арнольдъ Бриквортъ. Онъ выдалъ себя за ея мужа и ночевалъ съ ней въ гостинницѣ. Основываясь на этихъ фактахъ, вы имѣете въ виду требовать развода съ вашею женой. Вы хотите выдать мистера Арнольда Брикворта за ея любовника и привести въ свидѣтели хозяйку и слугу гостинницы. Есть тутъ какая-нибудь ошибка?

— Никакой.

Однимъ злодѣйскимъ ударомъ опозорить Анну, и освободить себя отъ нея, таковъ былъ планъ зародившійся въ его головѣ, когда онъ вернулся назадъ съ дороги въ Фульгамъ чтобы заѣхать посовѣтоваться къ мистеру Мою.

— Таковъ вашъ планъ, продолжалъ адвокатъ. — Теперь о томъ что я сдѣлалъ, получивъ ваши инструкціи. Я допросилъ свидѣтелей, и имѣлъ свиданіе (не совсѣмъ пріятное) съ мистеромъ Моемъ. Результатъ этихъ двухъ дѣйствій вкратцѣ слѣдующій. Первое открытіе: назвавшись ея мужемъ, мистеръ Бриквортъ сдѣлалъ это по вашему совѣту, что лишаетъ ваше обвиненіе всякаго значенія. Второе открытіе: ни малѣйшаго неприличія въ поведеніи, ни малѣйшей фамильярности въ обращеніи не было замѣчено ни однимъ изъ свидѣтелей, во время пребыванія мистера Брикворта съ вашею женой

въ гостиницѣ. Противъ нихъ нѣтъ рѣшительно никакого доказательства, кромѣ того что они были вмѣстѣ въ двухъ комнатахъ. Какъ вы докажете преступное намѣреніе, когда вы не можете доказать ни одного предосудительнаго поступка. Выиграть такое дѣло въ судѣ столько же вѣроятности какъ перепрыгнуть черезъ крышу этого дома.

Онъ глядѣлъ смѣло на своего кліента, ожидая рѣзкаго возраженія. Но къ его удивленію, кліентъ обманулъ его ожиданія. Странное впечатлѣніе произвела, повидимому, неудача на этого апатичнаго, тупоумаго человѣка. Онъ принялъ ее совершенно спокойно, и слѣдующія слова произнесъ съ полнымъ самообладаніемъ въ лицѣ и манерахъ.

— Такъ вы отказываетесь отъ этого дѣла?

— При настоящемъ положеніи вещей, мистеръ Деламенъ, не можетъ быть никакого дѣла.

— И нѣтъ никакой надежды развестись съ ней?

— Позвольте. Не имѣла ли ваша жена свиданія съ мистеромъ Бринквортомъ еще гдѣ-нибудь, до встрѣчи въ гостиницѣ?

— Нигдѣ.

— За будущее нельзя, конечно, ручаться. Что же касается до прошлаго, оно не даетъ надежды на разводъ.

— Благодарю васъ. Прощайте.

— Прощайте, мистеръ Деламенъ.

Связанъ съ ней на всю жизнь, и законъ не можетъ развязать узла.

Онъ обдумывалъ этотъ выводъ пока не усвоилъ его вполнѣ. Тогда онъ вынулъ письмо мистрисъ Гленармъ и перечелъ его опять внимательно съ начала до конца.

Ничто не можетъ поколебать ея преданности. Ничто не заставитъ ее выйти за другаго. Она, по ея собственнымъ словамъ, посвятила себя ему и ждетъ со своимъ состояніемъ чтобъ онъ женился на ней. И отецъ его согласенъ (насколько ему было извѣстно, за неимѣніемъ новѣйшихъ извѣстій) привѣтствовать мистрисъ Гленармъ какъ невѣстку и дать мужу мистрисъ Гленармъ приличное состояніе. Перспектива во всѣхъ отношеніяхъ такая блестящая какой только можетъ пожелать человѣкъ. И все это осуществилось бы, еслибы не женщина опутавшая его своими сѣтями,—женщина на верху, привязавшаяся къ нему на всю жизнь.

Онъ вышелъ въ темный садъ и сталъ ходить вокругъ дома,

то появляясь въ лучахъ свѣта выходившаго изъ окна, то скрываясь опять въ темнотѣ. Вѣтеръ освѣжалъ его непокрытую голову. Наконецъ онъ остановился противъ фасада дома, медленно поднялъ голову и взглянулъ на слабо освѣщенное окно комнаты Анны.

— Какъ? сказалъ онъ про себя. — Въ этомъ весь вопросъ. Какъ?

Онъ вошелъ въ домъ. Служанка, явившаяся на его зовъ, попятилась назадъ, взглянувъ на него. Онъ былъ блѣденъ. Глаза его глядѣли на нее, повидимому, не видя ее. Капли пота стояли на его лбу.

— Вы нездоровы, сударь? спросила она.

Онъ сказалъ ей, сопровождая слова свои проклятіемъ, чтобъ она не смѣла дѣлать замѣчаній и принесла водки. Когда она вошла въ комнату во второй разъ, онъ стоялъ спиной къ ней, устремивъ взглядъ въ темное окно. Онъ не пошевельнулся, когда она поставила бутылку на столъ. Онъ шепталъ что-то, точно разговаривалъ съ самимъ собой.

Тотъ же вопросъ который былъ въ его умѣ подъ окномъ Анны занималъ его и теперь.

Какъ? Въ этомъ состояла вся задача. Какъ?

Онъ обратился за совѣтомъ къ водкѣ.

ГЛАВА L.

Утро.

Когда мучаетъ сильнѣе тщетное сожалѣніе? Когда сомнительное будущее кажется мрачнѣе, жизнь ничтожнѣе и чаще приходитъ мысль о смерти? Въ ужасные часы утра, когда солнце встаетъ во всемъ своемъ великолѣпіи и птицы поютъ въ тишинѣ новорожденнаго дня.

Анна проснулась на незнакомой постели, и взглянула при утреннемъ свѣтѣ на незнакомую комнату.

Дождь вылился весь за ночь. Солнце царило на ясномъ небѣ. Анна встала и открыла окно. Утренній воздухъ, свѣжій и душистый, наполнилъ комнату. Вдали и вблизи все было свѣтло и тихо. Она осталась у окна. Ея умъ былъ опять ясенъ; она могла думать, могла чувствовать; она могла взглянуть прямо на ужасный вопросъ который задало ей безжалостное утро: чѣмъ это кончится?

Есть ли какая-нибудь надежда? Надежда, напримѣръ, хоть на то что̀ она сама можетъ сдѣлать для себя. Что̀ можетъ сдѣлать для себя замужняя женщина? Она можетъ обнародовать свое несчастіе, если это несчастіе извѣстнаго рода, и потомъ разчитываться съ обществомъ въ качествѣ одинокой женщины. И только.

Есть ли надежда на то что̀ могутъ сдѣлать для нея другіе? Бланка можетъ написать ей, можетъ даже повидаться съ ней, если мужъ Анны позволитъ, и ничего болѣе. Сэръ-Патрикъ при прощаніи ложалъ ея руку и сказалъ ей чтобъ она положилась на него. Но что̀ же можетъ онъ сдѣлать? Есть оскорбленія на которыя бракъ даетъ право ея мужу,—такія оскорбленія при одной мысли о которыхъ кровь леденѣла въ ея жилахъ. Развѣ сэръ-Патрикъ можетъ защитить ее? Конечно, нѣтъ. Законъ и общество вооружили ея мужа его брачными правами. Законъ и общество дали бы ей одинъ отвѣтъ, еслибы она обратилась къ нимъ: вы его жена.

Никакой надежды на себя; никакой надежды на другихъ; никакой надежды ни на что̀ земное. Остается только ждать конца, съ вѣрой въ милосердіе Божіе, съ надеждой на лучшій міръ.

Она вынула изъ чемодана молитвенникъ, обветшалый отъ частаго употребленія, принадлежавшій когда-то ея матери, сѣла къ окну и начала читать. По временамъ она поднимала задумчиво голову. Сходство между ея положеніемъ и положеніемъ ея матери было теперь полное. У обѣихъ были мужья ненавидѣвшіе ихъ, мужья которые изъ корыстныхъ разчетовъ добивались возможности жениться на другихъ женщинахъ, мужья которыхъ главнымъ желаніемъ и главною цѣлью было освободиться отъ своихъ женъ. Странно, какими различными путями мать и дочь дошли до одинаковой участи. Продолжится ли сходство до конца? „Можетъ-быть и я,“ думала она, вспоминая послѣднія минуты своей матери, „умру въ объятіяхъ Бланки.“

Время прошло незамѣтно. Она не слыхала утренняго движенія въ домѣ, пока мысли ея не были прерваны голосомъ служанки за дверью.

— Баринъ проситъ васъ сойти внизъ, сударыня.

Она тотчасъ же встала и отложила книгу въ сторону.

— Это все что̀ онъ велѣлъ сказать? спросила она, отворяя дверь.

— Все, сударыня.

Она послѣдовала за служанкой внизъ, припоминая странныя слова которыя сказалъ ей наканунѣ Джофри въ присутствіи слугъ. Можетъ-быть теперь объяснится смыслъ его словъ. „Каково бы ни было испытаніе," подумала она, „я перенесу его какъ перенесла бы моя мать."

Служанка отворила дверь столовой. Завтракъ былъ уже поданъ. Джофри стоялъ у окна. Есѳирь Дезриджъ ждала у двери. Онъ обернулся, подошелъ къ Аннѣ съ притворною улыбкой на лицѣ и протянулъ ей руку.

Она вошла въ комнату, приготовившись (какъ ей казалось) ко всему что̀ бы ни случилось. Но къ этому она не была готова. Она стояла неподвижно и смотрѣла на него.

Взглянувъ на Анну, когда она вошла, Есѳирь Дезриджъ обернулась къ Джофри, и съ этой минуты не спускала съ него глазъ, все время пока Анна была въ комнатѣ.

Онъ прервалъ молчаніе голосомъ непохожимъ на его голосъ, съ робкою сдержанностью въ манерахъ, которой она до сихъ поръ никогда не замѣчала въ немъ.

— Вы не хотите протянуть руку вашему мужу, сказалъ онъ, — когда мужъ протягиваетъ вамъ свою.

Она протянула ему машинально руку. Прикоснувшись къ ея рукѣ, онъ выпустилъ ее, вздрогнувъ.

— Боже мой, какая холодная! воскликнулъ онъ.

Его рука, напротивъ, горѣла и дрожала.

Онъ указалъ ей на стулъ возлѣ стола.

— Не разольете ли вы чай? спросилъ онъ.

Она сдѣлала шагъ къ столу, опять совершенно машинально, и остановилась.

— Вы можетъ-быть предпочтете завтракать у себя? спросилъ онъ.

— Если позволите, отвѣчала она чуть слышно.

— Подождите одну минуту. Я хочу сказать вамъ нѣсколько словъ, прежде чѣмъ вы уйдете.

Она остановилась. Онъ подумалъ, очевидно припоминая что-то.

— Я думалъ объ этомъ всю ночь, сказалъ онъ.—Ночь сдѣлала изъ меня другаго человѣка. Я прошу у васъ прощенія за то что̀ сказалъ вамъ вчера. Я былъ не въ своемъ умѣ и сказалъ глупость. Прошу васъ забыть это и простить. Я хочу начать сызнова и искупить мое прошлое поведеніе. Я поста-

раюсь быть вамъ хорошимъ мужемъ. Въ присутствіи мистрисъ Дезриджъ, я прошу васъ испытать меня. Я не хочу насиловать вашихъ чувствъ. Мы женаты, теперь поздно сожалѣть объ этомъ. Живите здѣсь на тѣхъ условіяхъ которыя вы предложили вчера. Я хочу помириться съ вами. Въ присутствіи мистрисъ Дезриджъ, я говорю вамъ что хочу помириться съ вами. Я не удерживаю васъ, но прошу васъ подумать о томъ что̀ я сказалъ. Прощайте.

Онъ произнесъ эти необыкновенныя слова какъ мальчикъ отвѣчающій трудный урокъ, опустивъ глаза въ землю, застегивая и растегивая луговицу сюртука.

Анна вышла изъ комнаты. Въ корридорѣ она принуждена была остановиться и прислониться къ стѣнѣ. Его неестественная вѣжливость была ужасна. Его настойчиво заявленное раскаяніе привело ее въ трепетъ. Въ минуты когда онъ доходилъ до бѣшенства и грубыхъ ругательствъ, она не боялась его такъ какъ боялась теперь.

Есѳирь Дезриджъ вышла въ корридоръ, и затворила за собой дверь. Она посмотрѣла внимательно на Анну, потомъ написала на доскѣ, и протянула ее Аннѣ съ слѣдующими словами:

„Вѣрите вы ему?“

Анна оттолкнула доску, убѣжала на верхъ и заперлась въ своей комнатѣ.

— Онъ замышляетъ что-то противъ меня, сказала она.— Что̀?

Болѣзненное, физическое чувство страха, совершенно новое для нея, побуждало ее постараться забыть этотъ вопросъ. Біеніе сердца довело ее до дурноты. Она подошла къ отворенному окну.

Въ эту минуту, у садовой двери раздался звонокъ. Подозрѣвая всѣхъ и все, она испугалась при мысли что ее увидятъ, и спряталась за занавѣску.

Вошелъ слуга въ ливреѣ, съ письмомъ въ рукахъ. Проходя подъ окномъ Анны, онъ сказалъ служанкѣ:

— Я отъ леди Гольчестеръ. Мнѣ надо видѣть мистера Деламена немедленно.

Слуга вошелъ въ домъ. Пробывъ тамъ нѣсколько минутъ, онъ удалился. Еще черезъ нѣсколько минутъ раздался стукъ въ дверь комнаты Анны. Пока Анна колебалась, не рѣшаясь отворить, стукъ повторился, сопровождаемый нѣмымъ бормотаніемъ Есѳири Дезриджъ. Анна отворила дверь.

Есфирь внесла завтракъ и указала на письмо, лежавшее между другими вещами на столѣ. Оно было адресовано Аннѣ, рукой Джофри, и заключалось въ слѣдующихъ словахъ:

„Мой отецъ умеръ вчера. Закажите себѣ трауръ письменно. Я пошлю вашу записку съ мальчикомъ. Вамъ не надо ѣхать въ Лондонъ. Кто-нибудь придетъ сюда изъ магазина.“

Анна опустила письмо на колѣни, не поднимая съ него глазъ. Въ ту же минуту предъ ея глазами очутилась доска Есфири Дезриджъ съ слѣдующими словами:

„Сегодня пріѣдетъ сюда его мать. Его брату телеграфировали въ Шотландію. Вчера вечеромъ онъ былъ пьянъ. Теперь опять пьетъ. Я знаю къ чему это ведетъ. Берегитесь, сударыня, берегитесь!“

Анна сдѣлала ей знакъ выйти изъ комнаты. Есфирь вышла, но не затворила за собой дверь.

У садовой двери раздался опять звонокъ. Анна подошла къ окну. Въ этотъ разъ вошелъ мальчикъ, явившійся за дневными приказаніями. Вслѣдъ за нимъ вошелъ почтальйонъ. Минуту спустя, Анна услыхала голосъ Джофри и его тяжелые шаги на лѣстницѣ. Она подбѣжала къ двери чтобы запереть ее, но было уже поздно.

— Письмо къ вамъ, сказалъ онъ, не переступая за порогъ комнаты.—Я не хочу насиловать вашихъ чувствъ, но желалъ бы знать отъ кого оно.

— Отъ Бланки, отвѣчала она, взглянувъ на адресъ.

Онъ загородилъ дверь ногой и ждалъ пока она читала письмо Бланки.

— Можно мнѣ взглянуть? спросилъ онъ, протягивая руку за письмомъ, когда она кончила.

Въ прежнее время самолюбіе Анны возстало бы противъ такого требованія, но теперь оно замерло. Она отдала ему письмо.

Письмо было очень коротко. Исключая нѣсколькихъ краткихъ изъявленій любви, въ немъ передавалась только цѣль для которой оно было написано. Бланка писала что намѣреваясь пріѣхать къ Аннѣ въ этотъ день послѣ полудня, въ сопровожденіи дяди, она сочла нужнымъ предупредить ее объ этомъ, чтобы застать дома. Въ этомъ состояло все письмо, написанное очевидно подъ руководствомъ сэръ-Патрика.

Джофри отдалъ письмо и, подумавъ немного, сказалъ:

— Вчера умеръ мой отецъ. Жена моя не должна принимать

гостей до похоронъ. Я не хочу насиловать вашихъ чувствъ, но не допущу сюда никакихъ посѣтителей, исключая моего семейства, до похоронъ. Пришлите внизъ записку. Мальчикъ отнесетъ ее вашей подругѣ, когда пойдетъ въ Лондонъ.

Съ этими словами онъ ушелъ.

Слова о жизненныхъ приличіяхъ, въ устахъ Джофри Деламена, могли означать одно изъ двухъ: они были или грубой насмѣшкой, или были сказаны съ какой-нибудь посторонней цѣлью. Не хочетъ ли онъ воспользоваться смертью своего отца какъ предлогомъ лишить свою жену всякихъ сообщеній съ внѣшнимъ міромъ? Нѣтъ ли у него причинъ еще не обнаружившихся, по которымъ онъ боится позволить женѣ повидаться съ друзьями?

Черезъ часъ вошла опять Есѳирь Дезриджъ чтобы сказать что мальчикъ ждетъ распоряженія Анны о траурѣ и отвѣта къ мистрисъ Бринквортъ.

Анна написала и то и другое. Когда она кончила, предъ ея глазами появилась опять ужасная доска, со словами безучастнаго предостереженія. Анна прочла:

„Онъ заперъ дверь сада. Когда кто-нибудь позвонитъ, надо идти къ нему за ключомъ. Онъ писалъ къ женщинѣ. На адресѣ было написано: „мистрисъ Гленармъ“. Опять пьетъ водку. Точь-въ-точь мой мужъ. Берегитесь.“

Единственный выходъ изъ высокихъ стѣнъ запертъ. Запрещено видѣться съ друзьями. Одинокое заключеніе съ мужемъ тюремщикомъ. И все это началось въ первые сутки ея пріѣзда къ нему. Что же будетъ дальше?

Она подошла машинально къ окну. Видъ внѣшняго міра и проѣхавшаго по дорогѣ экипажа ободрилъ ее немного.

Мальчикъ вышелъ въ передній садъ, отправлялясь съ порученіями въ Лондонъ. Джофри шелъ за нимъ чтобъ отпереть ему дверь. Выпустивъ его, онъ крикнулъ ему вслѣдъ:

— Не забудь о книгахъ!

О книгахъ? О какихъ книгахъ? Для кого? Все необъяснимое лугало теперь Анну. Книги не выходили у нея изъ ума въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ.

Онъ заперъ дверь и вернулся назадъ. Подъ окномъ Анны онъ остановился и позвалъ ее. Она показалась.

— Если хотите погулять, сказалъ онъ,—задній садъ къ вашимъ услугамъ.

Онъ положилъ ключъ въ карманъ и вошелъ въ домъ.

Послѣ нѣкотораго колебанія, Анна рѣшилась воспользоваться его предложеніемъ. Сидѣть въ четырехъ стѣнахъ спальни, при ея тревожномъ душевномъ состояніи, было рѣшительно невыносимо. Если подъ любезнымъ предложеніемъ Джофри скрывается какая-нибудь хитрость, лучше прямо узнать въ чемъ она состоитъ, чѣмъ ломать голову, отгадывая. Она надѣла шляпку и вышла въ садъ.

Не случилось ничего особеннаго. Гдѣ бы онъ ни былъ, онъ не показывался. Анна ходила взадъ и впередъ по самой отдаленной отъ окна столовой части сада. Женщина не могла и думать бѣжать изъ этого мѣста. Не говоря уже о высотѣ стѣны, вершина ея была покрыта густымъ слоемъ битаго стекла. Маленькая задняя дверь въ углу (сдѣланная вѣроятно для садовника) была заперта и ключъ вынутъ. Садъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ огородами, вблизи не было ни одного дома. Въ девятнадцатомъ столѣтіи, близь большой столицы, Анна была такъ разобщена съ человѣчествомъ какъ еслибы лежала въ могилѣ.

Черезъ полчаса окружающая тишина была прервана стукомъ экипажа на дорогѣ и звонкомъ у садовой двери. Анна подошла къ задней стѣнѣ дома, рѣшившись поговорить съ посѣтителемъ, кто бы ни былъ посѣтитель, если представится возможность.

Она услыхала голоса въ столовой, чрезъ отворенное окно, голосъ Джофри и голосъ незнакомой женщины. Кто она? Конечно не мистрисъ Гленармъ. Нѣсколько минутъ спустя, голосъ посѣтительницы возвысился. „Гдѣ она? Я хочу ее видѣть.“ Услыхавъ эти слова, Анна подошла къ задней двери дома, и увидала предъ собой незнакомую даму.

— Вы жена моего сына? спросила она.

— Я плѣнница вашего сына, отвѣчала Анна.

Блѣдное лицо леди Гольчестеръ поблѣднѣло еще болѣе. Отвѣтъ Анны подтвердилъ подозрѣніе возникшее въ умѣ матери во время свиданія съ сыномъ.

— Что вы хотите сказать? спросила она шепотомъ.

Въ столовой послышались тяжелые шаги Джофри. Объяснять не было времени.

— Передайте моимъ друзьямъ то что я сейчасъ сказала вамъ, шепнула она.

Джофри вышелъ изъ столовой.

— Назовите кого-нибудь изъ вашихъ друзей, сказала леди Гольчестеръ.

— Сэръ-Патрикъ Лунди.

Джофри услыхалъ отвѣтъ.

— Что такое сэръ-Патрикъ Лунди? спросилъ онъ.

— Мнѣ надо повидаться съ сэръ-Патрикомъ Лунди, отвѣчала мать.—Я спрашиваю у вашей жены его адресъ.

Анна поняла что леди Гольчестеръ намѣрена посовѣтоваться съ сэръ-Патрикомъ Лунди, и сказала ей его лондонскій адресъ. Леди Гольчестеръ повернулась и хотѣла выйти, но Джофри остановилъ ее.

— Позвольте мнѣ объясниться, сказалъ онъ,—прежде чѣмъ вы уѣдете. — Матушка, продолжалъ онъ обратившись къ Аннѣ, — думаетъ что мы съ вами не можемъ жить мирно. Не угодно ли вамъ засвидѣтельствовать правду. Что сказалъ я вамъ сегодня предъ завтракомъ? Сказалъ я что постараюсь быть хорошимъ мужемъ? Сказалъ я, въ присутствіи хозяйки, что хочу помириться съ вами?

Онъ ждалъ пока Анна отвѣтила утвердительно, и обратился потомъ къ матери:

— Слышите? Что вы на это скажете?

Леди Гольчестеръ не сказала ему ничего.

— Вы увидите меня или получите отъ меня какое-нибудь извѣстіе сегодня вечеромъ, сказала она Аннѣ.

Джофри повторилъ свой вопросъ. Мать взглянула на него. Онъ опустилъ глаза предъ ея взглядомъ. Она кивнула величественно Аннѣ, и опустила вуаль. Сынъ проводилъ ее до садовой двери.

Анна вернулась въ свою комнату, ободренная первою надеждой. „Мать его встревожилась,“ подумала она. „Это поведетъ къ какой-нибудь перемѣнѣ.“

Перемѣна произошла вечеромъ.

ГЛАВА LI.

Предложеніе.

На закатѣ солнца, предъ садовою дверью остановилась карета леди Гольчестеръ.

Въ каретѣ сидѣли трое: леди Гольчестеръ, ея старшій сынъ (теперь лордъ Гольчестеръ) и сэръ-Патрикъ Лунди.

— Вы останетесь въ каретѣ, сэръ-Патрикъ, или войдете? спросилъ Юлій.

— Я останусь. Если вы найдете что мое вмѣшательство можетъ принесть ей хоть малѣйшую пользу, пришлите за мной немедленно. Предложите условіе о которомъ я говорилъ вамъ. Это единственное средство вывѣдать намѣренія вашего брата.

На первый звонокъ слуги не послѣдовало никакого отвѣта. Онъ позвонилъ опять. Леди Гольчестеръ обратилась съ вопросомъ къ сэръ-Патрику:

— Не поручите ли вы мнѣ передать что-нибудь отъ васъ женѣ моего сына, если мнѣ удастся переговорить съ нею наединѣ? спросила она.

Сэръ-Патрикъ вынулъ записочку.

— Если вы такъ добры, передайте ей это.

Въ эту минуту служанка отворила дверь. Леди Гольчестеръ взяла записочку.

— Если я могу принесть ей хоть малѣйшую пользу, прибавилъ сэръ-Патрикъ съ жаромъ,—пришлите за мной немедленно. Не думайте о томъ какъ приметъ меня мистеръ Деламенъ.

Юлія и мать его ввели въ гостиную. Служанка сказала имъ что баринъ отправился на верхъ отдохнуть, но что онъ сойдетъ къ нимъ немедленно.

Какъ мать, такъ и сынъ были слишкомъ взволнованы чтобы говорить. Юлій ходилъ тревожно по комнатѣ. Вниманіе его остановилось на грязныхъ, истрепанныхъ книгахъ, лежавшихъ на столѣ, въ углу. Въ одной изъ нихъ былъ вложенъ листокъ, съ надписью: „Отъ мистера Перри, съ глубокимъ почтеніемъ“. Юлій открылъ книгу. Это былъ ужасный народный сборникъ англійскихъ уголовныхъ процессовъ, извѣстный подъ названіемъ *Ньюгетскаго Календаря*. Юлій показалъ его матери.

— Литературный вкусъ Джофри, сказалъ онъ съ улыбкой.

Леди Гольчестеръ отвернулась отъ книги.

— Ты, кажется, видѣлъ жену Джофри? спросила она.

Въ ея тонѣ, когда она говорила объ Аннѣ, не было уже презрѣнія. Впечатлѣніе вынесенное ею изъ утренняго визита къ сыну заставило ее смотрѣть на отношенія Джофри къ его женѣ какъ на очень серіозное семейное затрудненіе. Анна была еще въ ея глазахъ женщиной которую слѣдовало не любить (за мистрисъ Гленармъ), но къ которой нельзя уже было относиться съ презрѣніемъ.

— Я видѣлъ ее когда она пріѣзжала въ Свангавенъ, отвѣчалъ Юлій,—и согласенъ съ сэръ-Патрикомъ что она очень симпатичная особа.

— Что говорилъ тебѣ сэръ-Патрикъ о Джофри, когда меня не было въ комнатѣ?

— То же самое что онъ говорилъ вамъ. По его мнѣнію, ихъ положеніе относительно другъ друга очень плачевно. Онъ думаетъ что мы имѣемъ серіозныя причины вмѣшаться немедленно.

— Мнѣніе сэръ-Патрика заходитъ далѣе, Юлій.

— Такъ онъ не высказалъ его.

— Развѣ онъ можетъ высказать его намъ?

Дверь отворилась, и въ комнату вошелъ Джофри.

Протянувъ ему руку, Юлій взглянулъ на него пристально. Глаза Джофри были налиты кровью, лицо горѣло, дыханіе было тяжело. Видно было что онъ выпилъ лишнее.

— Что это значитъ? обратился онъ къ матери.—Зачѣмъ вы пріѣхали опять?

— Юлій хочетъ сдѣлать тебѣ предложеніе, отвѣчала мать,—которое я одобряю. Я пріѣхала узнать какъ ты примешь его.

Джофри обратился къ брату:

— Что можетъ быть общаго между такимъ богачомъ какъ ты и такимъ нищимъ какъ я? спросилъ онъ.

— Я хочу отдать тебѣ должное, Джофри, если ты согласенъ принять мое условіе. Матушка говорила тебѣ о завѣщаніи?

— Мнѣ не отказано ни копѣйки. Я этого ожидалъ. Продолжай.

— Ты ошибаешься, въ прибавленіи къ завѣщанію тебѣ отказано хорошее состояніе. Къ несчастію, отецъ умеръ не подписавъ этого прибавленія. Тѣмъ не менѣе я считаю его обязательнымъ для себя. Я готовъ сдѣлать для тебя то же самое что сдѣлалъ бы отецъ, и прошу тебя согласиться взамѣнъ только на одну уступку.

— На какую?

— Твоя жизнь съ женой, Джофри, очень печальная жизнь.

— Кто это тебѣ сказалъ? Я съ этимъ не согласенъ.

Юлій положилъ съ участіемъ руку на плечо брата.

— Такими вещами нельзя шутить, Джофри, сказалъ онъ.— Твой бракъ несчастіе, въ полномъ значеніи этого слова, какъ для тебя, такъ и для твоей жены. Я пріѣхалъ предложить тебѣ разойтись съ ней. Согласись, и состояніе, отка-

званное тебѣ въ неподписанномъ прибавленіи, твое. Что ты на это скажешь?

Джофри сбросилъ съ своего плеча руку брата.

— Я говорю—нѣтъ! отвѣчалъ онъ.

Леди Гольчестеръ вступилась въ первый разъ.

— Великодушное предложеніе твоего брата заслуживаетъ лучшаго отвѣта, сказала она.

— А я говорю: нѣтъ, повторилъ Джофри.

Онъ сидѣлъ между ними, опершись руками въ колѣни, непреклонный ни на какіе совѣты.

— Въ твоемъ положеніи, отказъ просто безуміе, сказалъ Юлій.—Я не принимаю его.

— Какъ хочешь. Я не согласенъ. Я не позволю разлучить меня съ женой. Она останется у меня.

Грубый тонъ его отвѣта привелъ въ негодованіе леди Гольчестеръ.

— Совѣтую тебѣ подумать, сказала она. — Твой отказъ не только страшная неблагодарность относительно твоего брата, онъ внушаетъ подозрѣніе твоей матери. У тебя есть какая-то причина, которую ты скрываешь отъ насъ.

Онъ повернулся къ матери съ такою яростью что Юлій вскочилъ съ мѣста. Въ слѣдующую минуту онъ опомнился и опустилъ глаза въ землю.

— Причина которую я скрываю отъ васъ, повторилъ онъ съ опущенною головой и прерываемымъ дыханіемъ.—Я готовъ провозгласить мою причину на весь Лондонъ. Я люблю ее.

При послѣднихъ словахъ, онъ поднялъ голову. Леди Гольчестеръ отвернулась отъ роднаго сына съ отвращеніемъ. Его поведеніе такъ поражало ее что ея твердо вкоренившееся, подъ вліяніемъ мистрисъ Гленармъ, предубѣжденіе противъ Анны поколебалось. Въ эту минуту она положительно жалѣла ее.

— Бѣдная! сказала она.

Джофри принялъ эти слова за обиду.

— Я не допущу чтобы мою жену считали несчастной. Сказавъ это, онъ вышелъ въ корридоръ. — Анна, сойдите сюда, крикнулъ онъ.

Ея легкіе шаги послышались на лѣстницѣ. Она вошла въ комнату. Юлій подошелъ къ ней, взялъ ее руку и удержалъ въ своей.

— У насъ здѣсь семейное совѣщаніе, сказалъ онъ, стараясь ободрить ее. — Джофри по обыкновенію горячился.

Джофри обратился къ матери.

— Взгляните на нее, сказалъ онъ.—Развѣ она изморена голодомъ? Развѣ она въ лохмотьяхъ? Развѣ она покрыта синяками? Онъ обратился къ Аннѣ: — Они пріѣхали сюда предложить мнѣ разойтись съ вами. Они думаютъ что я ненавижу васъ! Развѣ я ненавижу васъ? Я христіанинъ. Я обязанъ вамъ тѣмъ что исключенъ изъ завѣщанія моего отца. Я прощаю вамъ это. Я обязанъ вамъ что не могу жениться на женщинѣ съ десятью тысячами годоваго дохода. Я вамъ и это прощаю. Я не такой человѣкъ чтобы дѣлать что-нибудь въ половину. Я сказалъ что постараюсь быть вамъ хорошимъ мужемъ. Я сказалъ что хочу помириться съ вами. Я держусь моего слова. И чѣмъ же мнѣ платятъ за это? Меня оскорбляютъ. Мать моя и братъ мой пріѣхали сюда и предлагаютъ мнѣ деньги за то чтобъ я оставилъ васъ. Къ чорту деньги! Я не хочу одолжаться. Я сумѣю найти себѣ средства къ существованію. Стыдъ людямъ которые хотятъ разлучить мужа и жену. Стыдъ! Я говорю—стыдъ!

Анна отвернулась отъ своего мужа, и взглянула вопросительно на его мать.

— Развѣ вы предлагали ему разойтись со мной? спросила она.

— Да, на условіяхъ очень выгодныхъ для него. Мы позаботились бы и о васъ. Имѣете вы противъ этого что-нибудь?

— О, леди Гольчестеръ! Развѣ объ этомъ можно спрашивзть? Что́ же онъ?

— Онъ отказался.

— Отказался!

— Да, сказалъ Джофри.—Я не отступаюсь отъ своего слова. Я намѣренъ сдержать обѣщаніе которое далъ вамъ сегодня утромъ. Я постараюсь быть для васъ хорошимъ мужемъ. Я хочу помириться съ вами. Онъ остановился, и потомъ прибавилъ свою новоизобрѣтенную причину:—я люблю васъ.

Глаза ихъ встрѣтились, когда онъ произнесъ эти слова. Анна сжала руку Юліи. Отчаянное ложатіе ея слабыхъ, холодныхъ пальцевъ, умоляющій взглядъ ея блѣднаго, выразительнаго лица сказали ему какъ бы словами: не оставляйте меня беззащитную на ночь.

— Если вы будете сидѣть здѣсь до разсвѣта, сказалъ Джо-

фри,—вамъ не добиться отъ меня другаго отвѣта. Вы слышали мой отвѣтъ.

Съ этими словами, онъ усѣлся угрюмо въ уголъ комнаты, ожидая съ торжествующимъ видомъ отъѣзда матери и брата.

Положеніе было очень серіозно. Разсуждать съ нимъ въ этотъ вечеръ было, очевидно, безполезно. Вмѣшательство сэръ-Патрика не принесло бы также никакой пользы, напротивъ, раздражило бы еще болѣе всю дикую натуру Джофри, и вызвало бы его къ новой вспышкѣ. Съ другой стороны, оставить несчастную женщину, не сдѣлавъ еще попытки защитить ее, было бы безчеловѣчно. Благородный, великодушный Юлій могъ придумать только одинъ выходъ изъ труднаго положенія.

— Сегодня мы не будемъ болѣе говорить объ этомъ, Джофри, сказалъ онъ.—Тѣмъ не менѣе я намѣренъ завтра утромъ возобновить предложеніе. Я былъ бы избавленъ отъ потери времени на вторичную поѣздку сюда завтра утромъ, еслибы могъ переночевать здѣсь. Не можешь ли ты дать мнѣ постель?

Анна однимъ взглядомъ отблагодарила его такъ какъ не могла бы отблагодарить никакими словами.

— Дать тебѣ постель? повторилъ Джофри.

Онъ хотѣлъ отказать, но не рѣшился. Мать смотрѣла на него, и жена смотрѣла на него, а жена знала что на верху есть свободная комната.

— Хорошо, сказалъ онъ другимъ тономъ, взглянувъ на мать.—На верху есть пустая комната. Ночуй въ ней если хочешь. Завтра ты увидишь что мое рѣшеніе непоколебимо. Оставайся здѣсь, если тебѣ пришла такая фантазія. Мнѣ все равно.

— Вы не боитесь оставить его свѣтлость подъ моею кровлей? обратился онъ къ матери. — Вѣдь у меня можетъ-быть есть причина которую я скрываю отъ васъ.

Не дождавшись отвѣта, онъ обратился къ Аннѣ.

— Скажите нѣмой старухѣ чтобъ она приготовила постель. Скажите что у насъ почуетъ живой лордъ, чтобъ она прислала къ ужину чего-нибудь чертовски хорошаго.

Онъ разразился неестественнымъ хохотомъ. Леди Гольчестеръ встала, когда Анна повернулась чтобы выйти изъ комнаты.

— Меня не будетъ здѣсь когда вы вернетесь, сказала она.— Позвольте мнѣ проститься съ вами.

Она пожала Аннѣ руку, и передала ей незамѣтно записоч-

ку сэръ-Патрика. Анна ушла. Не сказавъ ни слова младшему сыну, леди Гольчестеръ взяла подъ руку Юлія.

— Ты дѣйствовалъ благородно, сказала она ему. — Ты мое единственное утѣшеніе, и моя единственная надежда, Юлій.

Они вышли вмѣстѣ въ садъ; Джофри слѣдовалъ за ними съ ключомъ.

— Не безпокойтесь очень, шепнулъ Юлій матери. — Я не дамъ ему пить сегодня, и привезу вамъ завтра утѣшительное извѣстіе. Разкажите все сэръ-Патрику.

Онъ посадилъ леди Гольчестеръ въ карету и вернулся въ садъ. Джофри заперъ дверь.

Братья возвратились молча въ домъ. Юлій скрывалъ это отъ матери, но въ душѣ онъ былъ очень встревоженъ. Склонный отъ природы видѣть вещи съ лучшей стороны, онъ не могъ найти никакой уважительной причины въ оправданіе поведенія Джофри. Юлій пришелъ къ убѣжденію что братъ въ своихъ отношеніяхъ съ женой играетъ обдуманную роль съ какою-нибудь ужасною цѣлью. Въ первый разъ онъ видѣлъ что деньги не стоятъ на первомъ планѣ у Джофри.

Они вошли опять въ гостиную.

— Что ты будешь пить? спросилъ Джофри.

— Ничего.

— Ты не выпьешь со мной для компаніи стакана водки?

— Нѣтъ. Ты выпилъ уже слишкомъ достаточно.

Посмотрѣвъ на себя внимательно въ зеркало, Джофри неожиданно согласился съ братомъ.

— Ты правъ, сказалъ онъ. — Это скоро пройдетъ.

Онъ вышелъ, и вернулся съ мокрымъ полотенцемъ на головѣ.

— Что ты будешь дѣлать пока тебѣ будутъ готовить постель? Что касается до меня, я началъ развивать свой умъ. Я, какъ тебѣ извѣстно, очень измѣнился съ тѣхъ поръ какъ сталъ женатымъ человѣкомъ.

Онъ повернулся къ боковому столу и, взявъ съ него томы *Ньюгетскаго Календаря*, протянулъ одинъ изъ нихъ Юлію. Юлій взглянулъ и отдалъ его назадъ.

— Такими книгами ты не разовьешь своего ума, сказалъ онъ. — Дурные постулки, переданные дурнымъ языкомъ, дурное чтеніе, Джофри, въ полномъ значеніи этого слова.

— Для меня и это хорошо. Я не могу отличить хорошаго языка отъ дурнаго.

Съ этимъ откровеннымъ признаніемъ, подъ которымъ могло

бы подписаться значительное большинство его школьныхъ и университетскихъ товарищей, не оказавъ ни малѣйшей несправедливости современному англійскому воспитанію, Джофри придвинулъ стулъ къ столу и открылъ одинъ изъ томовъ сборника преступленій.

На диванѣ лежала вечерняя газета. Юлій взялъ ее и сѣлъ противъ брата. Онъ замѣтилъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ что книга имѣла, очевидно, для Джофри особый интересъ. Вмѣсто того чтобы начать читать, онъ перелистывалъ ее, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ загибалъ страницы. Еслибъ Юлій смотрѣлъ черезъ плечо брата, онъ увидалъ бы что Джофри пропускалъ незначительныя преступленія, а отмѣчалъ для своего чтенія исключительно случаи убійства.

ГЛАВА LII.

Видѣніе.

Около двѣнадцати часовъ ночи Анна услыхала голосъ служанки, просившей позволенія войти къ ней.

— Что такое?

— Джентльменъ желаетъ поговорить съ вами, сударыня.

— Братъ мистера Деламена?

— Да.

— А мистеръ Деламенъ гдѣ?

— Въ саду, сударыня.

Анна сошла внизъ. Юлій былъ одинъ въ гостиной.

— Извините что я безпокою васъ, сказалъ онъ.—Джофри кажется боленъ. Хозяйка легла, а я не знаю гдѣ здѣсь можно найти доктора. Не знаете ли вы какого-нибудь доктора въ сосѣдствѣ?

Анна, какъ и Юлій, не знала никакого въ сосѣдствѣ. Она предложила спросить у служанки. Оказалось что служанка знаетъ доктора который живетъ въ десяти минутахъ ходьбы отъ ихъ дома. Она разсказала какъ найти его, но сама отказалась сходить за нимъ въ такую позднюю пору и въ такомъ уединенномъ мѣстѣ.

— Онъ серіозно боленъ? спросила Анна.

— Онъ находится въ состояніи такого нервнаго раздраженія, отвѣчалъ Юлій,—что не можетъ побыть спокойно двухъ

минутъ сряду на одномъ мѣстѣ. Это началось когда онъ читалъ здѣсь. Я уговорилъ его лечь въ постель. Онъ не могъ пролежать спокойно ни минуты, и сошелъ опять внизъ въ лихорадочномъ волненіи. Какъ я его ни удерживалъ, онъ ушелъ въ садъ, „пробѣгаться“, какъ онъ говоритъ. По моему мнѣнію, это очень серіозно. Пойдемте, судите сами.

Онъ провелъ Анну въ другую комнату и отворилъ ставень.

Облака разсѣялись; была свѣтлая ночь. При свѣтѣ звѣздъ они увидали Джофри бѣгавшаго, въ одномъ бѣльѣ, вокругъ сада. Онъ, повидимому, воображалъ себя состязающимся на фульгамскомъ бѣгѣ. „Ура Югу!“, восклицалъ онъ по временамъ. Его замедляющіеся шаги, дыханіе становившееся все прерывистѣе и прерывистѣе, показывали, когда онъ пробѣгалъ мимо окна, что сила его начинаетъ истощаться. Истощеніе заставитъ его вернуться домой, если не поведетъ къ худшимъ послѣдствіямъ. Но кто знаетъ къ какимъ это поведетъ послѣдствіямъ безъ медицинской помощи?

— Я схожу за докторомъ, сказалъ Юлій,—если вы позволите мнѣ оставить васъ.

Анна не могла возражать противъ очевидной необходимости. Они нашли ключъ отъ садовой двери въ карманѣ сюртука Джофри. Анна вышла проводить Юлія и запереть дверь.

— Какъ мнѣ благодарить васъ, сказала она.—Что было бы со мною безъ васъ?

— Я постараюсь вернуться какъ можно скорѣе, отвѣчалъ онъ.

Анна заперла дверь и вернулась въ домъ. Служанка встрѣтила ее у входа и предложила разбудить хозяйку.

— Почемъ знать что можетъ придти въ голову барину, пока его брата нѣтъ, сказала дѣвушка.—Чѣмъ больше, тѣмъ лучше, когда въ домѣ одинъ женщины.

— Вы правы, сказала Анна.—Разбудите хозяйку.

Взойдя на верхъ, она посмотрѣла въ садъ чрезъ окно въ концѣ корридора. Джофри все еще бѣгалъ вокругъ сада, но уже гораздо медленнѣе, почти шагомъ.

Анна вошла въ свою комнату, и остановилась у отворенной двери, готовая затворить ее при первомъ намекѣ на опасность. „Какъ я измѣнилась, подумала она.—Я всего боюсь теперь“.

Заключеніе очень естественное, но несправедливое. Не она измѣнилась, а ея положеніе. Во время слѣдствія въ домѣ леди Лунди, ея положеніе было испытаніемъ для ея нравственнаго мужества. Оно требовало отъ нея одного изъ тѣхъ подвиговъ самоложертвованія на которые такъ способны женщины. Ея положеніе у мужа было испытаніемъ для ея физическаго мужества: оно заставило ее подняться выше страха физической опасности угрожавшей ей. Этого испытанія не выдержала женская природа; тутъ ее не поддерживала сила любви; тутъ заговорилъ инстинктъ самосохраненія. Ей недоставало твердости мущины.

Есѳирь Дезриджъ отворила свою дверь и прошла прямо въ комнату Анны.

На ея желтомъ, безцвѣтномъ лицѣ появился слабый румянецъ; сквозь его мертвое спокойствіе проглядывала жизнь. Каменные глаза, неподвижные какъ всегда, сіяли страннымъ внутреннимъ блескомъ. Ея сѣдые волосы, всегда такъ тщательно приглаженные, лежали въ безпорядкѣ подъ чепчикомъ. Всѣ ея движенія сдѣлались живѣе. Что-то пробудило дремавшую жизненность этой женщины, дѣйствовало на ея умъ, проглядывало въ ея лицѣ. Въ былое время, виндигетская прислуга, замѣчая эти признаки, принимала ихъ за предостереженіе, и отдалялась отъ Есѳири.

Анна спросила ее слышала ли она что̀ случилось.

Она кивнула головой.

— Надѣюсь, вы не сердитесь что васъ разбудили?

Она написала на доскѣ: „Я рада что меня разбудили. Я видѣла непріятный сонъ. Мнѣ полезно просыпаться когда я возвращаюсь во снѣ къ моей прошлой жизни. Что̀ съ вами? Боитесь?“

— Да.

Она написала еще вопросъ и указала рукой на садъ, протягивая Аннѣ доску.

„Боитесь его?“

— Ужасно боюсь.

Она написала еще нѣсколько строкъ и показала ихъ Аннѣ съ ужасною улыбкой.

„Я все это пережила сама. Я знаю. Вы еще только при началѣ. Онъ покроетъ лицо ваше морщинами и голову сѣдиной. Придетъ время, когда вы будете желать смерти. Тѣмъ не менѣе вы все это переживете. Посмотрите на меня.“

Читая послѣднія три слова, Анна услыхала стукъ двери внизу. Она схватила руку Есѳири Дезриджъ и начала прислушиваться. Внизу послышались тяжелые шаги Джофри, приближавшіеся къ лѣстницѣ. Онъ говорилъ самъ съ собой, все еще воображая себя на бѣгѣ: „Пять противъ четырехъ за Деламена. Деламенъ выигралъ. Троектратное ура Югу, и опять ура! Чертовски длинный бѣгъ. Ужь ночь! Перри! Гдѣ же Перри?“

Онъ шелъ, шатаясь, по корридору. Нижнія ступени лѣстницы затрещали подъ его ногами. Есѳирь отняла свою руку у Анны, вышла со свѣчей въ корридоръ, отворила дверь спальни Джофри, вернулась назадъ и остановилась твердая какъ утесъ на верху лѣстницы, дожидаясь его. Увидавъ ее, онъ мгновенно остановился. „Колдунья! Вѣдьма! Дьяволъ!“ крикнулъ онъ. „Не смотри на меня своими глазами!“ Онъ погрозилъ ей съ яростью кулакомъ, сбѣжалъ съ лѣстницы и спрятался отъ нея въ столовую. Паническій страхъ который онъ испыталъ уже разъ въ виндзетскомъ огородѣ, подъ взглядомъ нѣмой кухарки, овладѣлъ имъ опять. Онъ боялся, буквально боялся Есѳири Дезриджъ.

Раздался звонокъ у садовой двери. Юлій вернулся съ докторомъ.

Анна отдала служанкѣ ключъ отъ садовой двери. Есѳирь написала на доскѣ съ такимъ спокойнымъ видомъ, будто ничего не случилось: „они найдутъ меня въ кухнѣ, если я понадоблюсь имъ. Я не вернусь въ мою спальню. Моя спальня полна ужасными снами“, и сошла внизъ. Анна ждала на верху лѣстницы, смотря въ нижній корридоръ.

— Вашъ братъ въ столовой, сказала она Юлію. — Хозяйку вы найдете въ кухнѣ, если она понадобится вамъ.

Она вернулась въ свою комнату и ждала что̀ будетъ дальше.

Послѣ краткаго промежутка, она услыхала стукъ двери и голоса мущинъ внизу. Они уговаривали Джофри взойти на верхъ. Онъ не соглашался, говоря что Есѳирь Дезриджъ ждетъ его на верху лѣстницы. Они увѣрили его что Есѳирь Дезриджъ ушла. Анна слышала какъ они поднялись на лѣстницу и затворили за собой дверь спальни Джофри.

Прошелъ другой, болѣе длинный промежутокъ, прежде чѣмъ дверь спальни отворилась опять. Докторъ уходилъ. Въ корридорѣ онъ сказалъ Юлію:

— Наблюдайте за нимъ въ продолженіе ночи, и дайте ему

второй пріемъ успокоительной микстуры если онъ проснется. Его безпокойство и лихорадочное состояніе сами по себѣ не опасны, но они признакъ очень серіознаго внутренняго разстройства. Пригласите доктора который лѣчилъ его въ послѣдній разъ. Знакомство съ организмомъ больнаго очень важно въ настоящемъ случаѣ.

Когда Юлій вернулся, проводивъ доктора, Анна встрѣтила его въ коррридорѣ. Она была поражена его измученнымъ лицомъ и усталостью выражавшеюся въ его движеніяхъ.

— Вамъ надо отдохнуть, сказала она.—Идите въ вашу комнату. Я слышала что̀ сказалъ вамъ докторъ. Предоставьте хозяйкѣ и мнѣ наблюдать за нимъ.

Юлій признался что не спалъ прошлую ночь, находясь въ дорогѣ, но не согласился сложить съ себя обязанность ухаживать за братомъ.

— Вы слишкомъ слабы чтобы занять мое мѣсто, сказалъ онъ съ участіемъ. — А хозяйка приводитъ Джофри въ какой-то безотчетный ужасъ, и я боюсь за послѣдствія, если онъ увидитъ ее въ его теперешнемъ состояніи. Я полежу немного въ моей комнатѣ. Если вы услышите что-нибудь, подойдите къ моей двери и позовите меня.

Прошелъ еще часъ.

Анна подошла къ двери Джофри и прислушалась. Онъ ворочался и говорилъ что-то. Она подошла къ двери сосѣдней комнаты, которую Юлій оставилъ полуотворенною. Усталость пересилила его. Анна услыхала ровное дыханіе крѣпко спящаго человѣка. Она отошла отъ двери, не рѣшившись разбудить его.

На верху лѣстницы она остановилась, не зная что̀ дѣлать. Одна мысль войти одной въ комнату Джофри наводила на нее непреодолимый ужасъ. Но кто же войдетъ? Причина по которой Юлій не хотѣлъ чтобъ Есѳирь входила въ комнату Джофри, была неоспорима. Она прислушалась опять у двери Джофри. Изъ комнаты въ коррридоръ не доносилось ни малѣйшаго звука. Не заглянуть, ли чтобъ убѣдиться что онъ заснулъ. Въ эту минуту, когда она колебалась, не рѣшаясь войти, Есѳирь вышла изъ кухни.

Она поднялась на лѣстницу, подошла къ Аннѣ, посмотрѣла на нее и написала на доскѣ:

„Боитесь войти? Предоставьте это мнѣ“.

Тишина въ комнатѣ оправдывала предположеніе что онъ

слитъ. Есѳирь не принесетъ ему никакого вреда если войдетъ, подумала Анна, и приняла предложеніе.

— Взгляните на него, и если найдете что надо сдѣлать что-нибудь, не безпокойте его брата. Позовите сначала меня.

Съ этимъ предостереженіемъ она ушла въ свою комнату. Было около двухъ часовъ. Она, какъ и Юлій, изнемогала отъ усталости. Подождавъ немного и не услыхавъ ничего, она легла на диванъ. Если что-нибудь случится, стукъ въ дверь разбудитъ ее мгновенно.

Между тѣмъ Есѳирь Дезриджъ отворила дверь спальни Джофри.

Когда Анна слышала что онъ ворочался и говорилъ, онъ ворочался и говорилъ во снѣ. Успокоительная микстура доктора произвела свое дѣйствіе на его мозгъ. Онъ спалъ крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ.

Есѳирь остановилась у двери и посмотрѣла на него. Она сдѣлала уже шагъ назадъ чтобы выйти, но вдругъ остановилась и устремила взглядъ въ уголъ комнаты.

Такая же страшная перемѣна какая произошла съ ней однажды въ присутствіи Джофри, когда она говорила съ нимъ въ первый разъ въ Виндигетсѣ, произошла въ ней и теперь. Губы ея раскрылись. Глаза медленно расширились, отвернулись понемногу отъ угла, слѣдя за чѣмъ-то вдоль пустой стѣны, остановились надъ изголовьемъ постели, прямо надъ головой спящаго Джофри, и смотрѣли неподвижнымъ, полнымъ ужаса взглядомъ, какъ будто бы видѣли какое-то страшное зрѣлище.

Онъ тихо вздохнулъ во снѣ. Какъ ни былъ слабъ звукъ, онъ вывелъ ее изъ забытья. Она медленно подняла руки, схватилась за голову, выбѣжала въ корридоръ, вбѣжала въ свою комнату и упала на колѣни у изголовья своей кровати.

Въ тишинѣ и во мракѣ ночи обнаружилась ужасная тайна.

Въ святилищѣ своей комнаты, когда всѣ окружавшіе ее обитатели дома спали, нѣмая женщина сбросила съ себя таинственное, ужасное притворство, которымъ она уединяла себя, среди своихъ ближнихъ въ часы дня. Есѳирь Дезриджъ заговорила. Она молилась, тихимъ, задыхающимся голосомъ, страстными словами. Она молила Бога избавить ее отъ нея самой, отъ власти дьявола, поразить ее слѣпотой, послать ей смерть, чтобы не видать больше безыменнаго ужаса. Рыданія потрясали тѣло каменной женщины, которую въ другое время не трогало ничто человѣческое. Слезы лились по ея холоднымъ

щекамъ. Она дрожала съ головы до ногъ. Вдругъ она вскочила во мракѣ. Свѣту! Свѣту! Свѣту! Безыменный ужасъ стоялъ позади ея въ его комнатѣ. Безыменный ужасъ смотрѣлъ на нее чрезъ отворенныя двери. Она нашла коробку со спичками, зажгла свѣчу на столѣ, зажгла двѣ свѣчи стоявшія на каминѣ для украшенія, и взглянула на ярко освѣщенную комнату. „Да“, сказала она, стирая холодный потъ съ лица. „Для другихъ свѣчи, а для меня Божій свѣтъ. Ничего невидать! Ничего невидать!“ Взявъ одну изъ свѣчей, она перешла, опустивъ голову, корридоръ, повернулась задомъ къ отворенной двери Джофри, быстро затворила ее протянутою назадъ рукой, вернулась въ свою комнату, и заперла дверь. Подумавъ съ минуту, она повѣсила носовой платокъ на замокъ двери и заложила старою шалью щель подъ дверью, для того чтобы кто-нибудь, проснувшись, не замѣтилъ огонь въ ея комнатѣ. Она взяла съ камина чернильницу и перо, разстегнула платье и вынула изъ секретнаго кармана, пришитаго къ изнанкѣ лифа, акуратно сложенную тетрадку почтовой бумаги. Вся тетрадь, кромѣ послѣдняго листа, была мелко исписана ея рукой.

Первая страница была озаглавлена надписью:

„Моя исповѣдь. Положить въ мой гробъ и зарыть со мною, когда я умру“.

Она положила предъ собой рукопись. На верху послѣдней, почти чистой страницы, было написано нѣсколько строкъ, помѣченныхъ годомъ, мѣсяцемъ и числомъ дня когда леди Луиди отказала ей отъ мѣста. Въ этихъ строкахъ говорилось:

„Сегодня я видѣла его опять. Въ первый разъ послѣ двухъ мѣсяцевъ. Въ огородѣ. Позади за молодымъ джентльменомъ по имени Деламенъ. Сопротивляйся дьяволу, и онъ оставитъ тебя. Я сопротивлялась молитвой; размышленіемъ въ уединеніи; чтеніемъ хорошихъ книгъ; отказалась отъ мѣста; удалилась отъ молодаго джентльмена. За кѣмъ оно появится, и на кого укажетъ въ слѣдующій разъ? Боже мой, помилуй меня! Христосъ, помилуй меня!“

Подъ этимъ она прибавила теперь слѣдующія строки, помѣтивъ ихъ числомъ:

„Сегодня ночью видѣла его опять. Замѣчаю ужасную новость. Оно явилось второй разъ за однимъ и тѣмъ же человѣкомъ. Этого никогда не случалось прежде. Это дѣлаетъ искушеніе ужаснѣе. Сегодня ночью я видѣла его опять за молодымъ мистеромъ Деламеномъ, въ его спальнѣ, между изго-

ловьемъ постели и стѣной. Голова прямо надъ его лицомъ, а пальцемъ указывалъ на его горло. Дважды за однимъ человѣкомъ. И никогда дважды до сихъ поръ ни за однимъ живымъ существомъ. Если я увижу за нимъ въ третій разъ, — Боже, избави меня! Христосъ, избави меня! Онъ завтра же уѣдетъ изъ моего дома. Я едва не отдала назадъ задатокъ, когда незнакомецъ напялъ мою квартиру для своего друга, и другъ этотъ оказался мистеромъ Деламеномъ. Мнѣ это и тогда не нравилось. Послѣ нынѣшняго предостереженія я рѣшилась. Онъ уѣдетъ. Пусть онъ беретъ назадъ свои деньги, если захочетъ. Онъ уѣдетъ. (Замѣтка: искушеніе было въ этотъ разъ такъ сильно, а ужасъ такъ невыносимъ, какъ никогда прежде. Сопротивлялась, какъ всегда, молитвой. Иду теперь внизъ размышлять въ уединеніи, и укрѣпиться хорошими книгами.)“

Этими словами она заключила замѣтку, и спрятала опять рукопись въ секретный карманъ.

Она сошла въ маленькую комнату которая была кабинетомъ ея брата, зажгла лампу и взяла съ полки висѣвшей на стѣнѣ нѣсколько книгъ. Книги были Библія, томъ методистскихъ проповѣдей и нѣсколько томовъ жизнеописаній методистскихъ святыхъ. Разложивъ вокругъ себя книги, въ извѣстномъ ей порядкѣ, и положивъ на колѣни раскрытую Библію, Есѳирь Дезриджъ приготовилась провести безсонную ночь.

ГЛАВА LIII.

Лунный свѣтъ на полу.

Что случилось въ часы ночи? было первою мыслью Анны, когда ее разбудили яркіе лучи солнца.

Съ этимъ вопросомъ она обратилась немедленно къ служанкѣ. Дѣвушка могла отвѣчать только за себя. Она не слыхала ничего послѣ того какъ ушла въ свою комнату. Она полагала что баринъ провелъ ночь спокойно въ своей комнатѣ. Мистрисъ Дезриджъ работаетъ въ кухнѣ.

Анна сошла въ кухню. Есѳирь, какъ всегда, въ эти часы дня готовила завтракъ. Признаки слабаго возбужденія, которые замѣтила въ ней Анна наканунѣ, когда видѣла ее въ послѣдній разъ, не проявлялись болѣе. Каменные глаза смотрѣли опять тупымъ взглядомъ, движенія были по обыкновенію безжизненны. На вопросъ не случилось ли чего-нибудь ночью,

она покачала медленно головой, и сдѣлала медленный знакъ рукой, означавшій „ничего“.

Анна вышла изъ кухни, и увидавъ въ передиемъ саду Юлія, подошла къ нему.

— Я обязанъ вамъ нѣсколькими часами отдыха, сказалъ онъ.—Надѣюсь что вы не имѣли причинъ сожалѣть что позволили мнѣ заснуть? Я проснулся въ пять, вошелъ въ комнату Джофри и нашелъ его опять въ безпокойномъ состояніи. Второй пріемъ микстуры успокоилъ его. Онъ блѣденъ и слабъ, но въ другихъ отношеніяхъ сдѣлался опять самимъ собою. Мы поговоримъ послѣ объ его здоровьѣ. Я хочу сказать вамъ о перемѣнѣ которая произойдетъ въ вашей жизни.

— Развѣ онъ согласился разойтись со мной?

— Нѣтъ, въ этомъ отношеніи онъ такъ же непоколебимъ какъ вчера. Я выставлялъ ему мое предложеніе со всѣхъ сторонъ. Онъ отказывается, положительно отказывается принять состояніе, которое обезпечивало бы его на всю жизнь.

— Это состояніе равняется, лордъ Гольчестеръ, тому которое онъ получилъ бы?

— Еслибы женился на мистрисъ Гленармъ? Нѣтъ. Мои обязанности относительно матери, и положеніе въ которое поставила меня смерть отца, не даютъ мнѣ возможности дать ему такое большое состояніе. Тѣмъ не менѣе то которое я предлагаю ему такъ значительно что надо быть сумасшедшимъ чтобы не принять его. Я буду настаивать чтобъ онъ согласился. Онъ долженъ согласиться, и непремѣнно согласится.

Послѣднія слова не воскресили погибшей надежды Анны. Она заговорила о другомъ.

— Вы хотѣли сказать мнѣ о какой-то перемѣнѣ въ моей жизни, начала она.

— Да. Здѣшняя хозяйка очень странная особа, и сдѣлала очень странный поступокъ. Она отказала Джофри отъ квартиры.

— Отказала! повторила Анна съ изумленіемъ.

— Да. Формальнымъ письмомъ, которое она вручила мнѣ лишь только я всталъ сегодня. Нѣтъ никакой возможности добиться отъ нея какого-нибудь объясненія. Она написала на доскѣ: „пусть онъ беретъ назадъ свои деньги, если хочетъ. Онъ долженъ уѣхать.“ Джофри, къ моему величайшему удивленію (потому что хозяйка внушила ему къ себѣ сильнѣйшую антипатію), объявилъ что не уѣдетъ отсюда пока не кончится

срокъ найма. Я помирилъ ихъ на нынѣшній день. Мистрисъ Дезриджъ позволила ему, хотя очень неохотно, пробыть здѣсь еще сутки. На этомъ дѣло пока остановилось.

— Какая у нея можетъ быть причина? сказала Анна.

— Непонятно. Она очевидно не въ полномъ разумѣ. Одно ясно — Джофри не можетъ держать васъ здѣсь долѣе. Наступающая перемѣна освободитъ васъ отъ этого печальнаго мѣста, и это уже шагъ впередъ. Новое мѣсто и новая обстановка, по всей вѣроятности, произведутъ въ Джофри перемѣну къ лучшему. Его поведеніе — необъяснимое иначе—есть можетъ-быть слѣдствіе продолжительнаго нервнаго раздраженія, которое пройдетъ при медицинской помощи. Я не скрываю ни отъ васъ, ни отъ себя что ваше положеніе здѣсь очень печально. Но прежде чѣмъ терять надежду на будущее, посмотримъ не объяснится ли поведеніе моего брата его болѣзненнымъ состояніемъ. Я думалъ о томъ что мнѣ сказалъ вчера докторъ. Прежде всего надо посовѣтоваться съ лучшимъ докторомъ. Какъ вы полагаете?

— Я не смѣю сказать вамъ, лордъ Гольчестеръ, что я думаю о моемъ положеніи. Я постараюсь, въ благодарность за ваше сочувствіе, смотрѣть на него вашими, а не моими глазами. Что же касается до медицинской помощи, вы не найдете для вашего брата доктора лучше мистера Слидвеля. Онъ первый замѣтилъ что здоровье вашего брата разстроено.

— Такого человѣка намъ и нужно. Я пришлю его сюда сегодня или завтра. Не могу ли я сдѣлать чего-нибудь для васъ? Я увижу сэръ-Патрика, какъ только пріѣду въ городъ. Не поручите ли вы передать ему что-нибудь?

Анна колебалась. Юлій замѣтилъ что она измѣнилась въ лицѣ, когда онъ заговорилъ о сэръ-Патрикѣ.

— Потрудитесь сказать ему что я благодарю его отъ всей души за письмо которое леди Гольчестеръ была такъ добра, передала мнѣ вчера, отвѣчала она. — И скажите ему что я прошу его не подвергаться изъ-за меня,—она замялась и кончила фразу опустивъ глаза въ землю, — тому что можетъ случиться если онъ пріѣдетъ сюда повидаться со мной.

— Развѣ онъ намѣренъ повидаться съ вами?

Она опять замялась. Нервное состояніе въ углу рта было замѣтнѣе чѣмъ когда-либо.

— Онъ пишетъ что его безпокойство обо мнѣ невыносимо, и что онъ рѣшился повидаться со мной, сказала она тихо.

— Онъ исполнитъ свое намѣреніе, сказалъ Юлій. — Вчера онъ говорилъ мнѣ о васъ съ восторженнымъ удивленіемъ.

Онъ остановился. На рѣсницахъ Анны блистали слезы. Она нервно мяла рукой что-то спрятанное въ карманѣ платья (можетъ быть письмо сэръ-Патрика).

— Я благодарна ему отъ всего сердца, сказала она тихимъ, прерывающимся голосомъ.—Но ему лучше не пріѣзжать сюда.

— Не напишите ли вы ему?

— Нѣтъ, лучше передайте ему все что я сказала вамъ.

Юлій догадался замолчать. Письмо сэръ-Патрика произвело на нее такое впечатлѣніе въ которомъ ея благородный характеръ не позволялъ ей сознаться даже самой себѣ. Они повернули къ дому. При входѣ они были удивлены неожиданностью. Есфирь Дезриджъ, въ шляпкѣ, очевидно намѣревалась уйти куда-то.

— Вы уже идете на рынокъ? спросила Анна.

Есфирь покачала головой.

— Когда вы воротитесь?

— Есфирь написала на доскѣ: „не ближе вечера".

И безъ дальнѣйшихъ объясненій, она опустила вуаль и вышла изъ дома. Юлій, выпустивъ ночью доктора, оставилъ ключъ въ столовой. Есфирь взяла его. Она отперла дверь, и затворила ее за собой, оставивъ ключъ въ замкѣ. Услышавъ стукъ двери, Джофри вышелъ въ корридоръ.

— Гдѣ ключъ? спросилъ онъ.—Кто вышелъ сейчасъ?

Братъ отвѣтилъ ему. Джофри посмотрѣлъ подозрительно на Юлія и на Анну.

— Зачѣмъ она ушла такъ рано? спросилъ онъ. — Не убѣгаетъ ли она меня?

Юлій объяснялъ тою же причиной ея поступокъ. Джофри отправился сердито къ двери, заперъ ее, и возвратился, положивъ ключъ въ карманъ.

— Необходимо запирать всегда дверь, сказалъ онъ.—Здѣсь пропасть нищихъ и бродягъ. Если вы намѣрены отправиться куда-нибудь, прибавилъ онъ насмѣшливо, обратившись къ Аннѣ,—я къ вашимъ услугамъ, какъ подобаетъ хорошему мужу.

Позавтракавъ наскоро, Юлій простился.

— Я не принимаю твоего отказа, сказалъ онъ брату въ присутствіи Анны. — Я пріѣду опять.

Джофри повторилъ настойчиво отказъ:

— Пріѣзжай сюда хоть каждый день въ продолженіи всей твоей жизни, тебѣ не услыхать отъ меня другаго отвѣта.

Дверь заперлась за Юліемъ. Анна вернулась въ свою уединенную комнату. Джофри вошелъ въ гостиную, разложилъ передъ собой на столѣ томы *Ньюгетскаго Календаря* и принялся за чтеніе къ которому былъ неспособенъ наканунѣ.

Часъ за часомъ онъ переходилъ угрюмо отъ одного случая убійства къ другому. Онъ прочелъ добрую половину ужасной хроники преступленій прежде чѣмъ вниманіе его утомилось. Тогда онъ закурилъ трубку и отправился въ садъ размышлять о прочитанномъ. Какъ ни разнились во всѣхъ отношеніяхъ преступленія о которыхъ онъ читалъ, всѣ они приводили къ одному ужасному результату: рано или поздно, мертвое тѣло всегда отыскивалось и всегда выдавало, слѣдами яда или насилія, совершенное преступленіе.

Онъ ходилъ медленно по саду, обдумывая вопросъ который задалъ себѣ въ первый разъ когда остановился во мракѣ ночи подъ окномъ Анны. „Какъ?“ Таковъ былъ единственный вопросъ возникшій предъ нимъ съ тѣхъ поръ какъ адвокатъ уничтожилъ его надежду на разводъ. Этотъ вопросъ обладалъ имъ и въ настоящую минуту. Всѣ обстоятельства благопріятствовали ему, еслибы только знать „какъ“. Онъ удержалъ у себя свою ненавидимую жену, благодаря отказу отъ денегъ которыя предлагалъ ему Юлій. Онъ жилъ въ мѣстѣ совершенно уединенномъ, благодаря рѣшенію остаться на квартирѣ хозяйка которой оскорбила его отказомъ. Все было приготовлено, всѣмъ пожертвовано чтобъ имѣть возможность исполнить одно намѣреніе, а какъ исполнить его—оставалось до сихъ поръ непроницаемою тайной.

Не принять ли предложеніе Юлія? Иными словами, не отказаться ли отъ мщенія Аннѣ и отъ блестящей будущности которая была еще возможна благодаря преданности мистрисъ Гленармъ?

Никогда! Надо вернуться къ книгамъ. Малѣйшій намекъ на страницахъ еще не прочитанныхъ можетъ направить неповоротливый умъ на настоящій путь. Еще есть надежда найти средство освободиться отъ нея не возбудивъ подозрѣнія ни въ одномъ живомъ существѣ.

Могъ ли человѣкъ съ его положеніемъ въ жизни разсуждать такъ грубо? Могъ ли онъ поступать такъ безчеловѣчно? Не можетъ быть чтобы въ этотъ разъ его не смущала совѣсть.

Остановитесь на минуту и оглянитесь на его прошлое.

Смущала ли его совѣсть когда онъ замышлялъ въ виндигетскомъ саду обмануть Арнольда? Онъ былъ неспособенъ чувствовать угрызенія совѣсти. Его образъ дѣйствій теперь есть непосредственное слѣдствіе его образа дѣйствій тогда. Преступленіе которое онъ замышляетъ теперь гораздо важнѣе того которое онъ замышлялъ тогда. Но и искушеніе совершить преступленіе теперь гораздо сильнѣе чѣмъ было тогда. Могутъ ли помочь ему (выражаясь словами сэръ-Патрика) его искусство въ греблѣ, быстрота бѣга, удивительная выносливость во всѣхъ другихъ физическихъ упражненіяхъ, могутъ ли помочь ему всѣ его физическія совершенства одержать чисто нравственную побѣду надъ своимъ эгоизмомъ и надъ своею жестокостью? Нѣтъ. Пренебреженіе своимъ нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ, — пренебреженіе къ которому молча поощряло его общество, оставило его безоружнымъ противъ худшихъ инстинктовъ человѣческой природы, противъ самыхъ низкихъ и опасныхъ наклонностей необработаннаго характера. Масса подобныхъ ему проживетъ не сдѣлавъ выходящаго изъ ряда вонъ зла, потому что не встрѣтитъ выходящаго изъ ряда вонъ искушенія. Но съ нимъ случилось иначе. Ему представилось въ жизни выходящее изъ ряда вонъ искушеніе. Какимъ же оно нашло его? Оно нашло его такимъ какимъ оставило его воспитаніе — безоружнымъ противъ всякаго искушенія.

Джофри вернулся въ домъ. Въ корридорѣ служанка остановила его вопросомъ въ какое время онъ намѣренъ обѣдать. Вмѣсто отвѣта онъ спросилъ сердито вернулась ли мистрисъ Дезриджъ. Оказалось что мистрисъ Дезриджъ еще не возвращалась.

Наступалъ уже вечеръ, а она ушла рано утромъ. Этого никогда не случалось прежде. Смутныя подозрѣнія, одно ужаснѣе другаго, начали возникать въ умѣ Джофри. Подъ вліяніемъ вина и лихорадки, онъ (по словамъ Юлія) бредилъ часть ночи. Не высказалъ ли онъ чего-нибудь въ бреду? Не услышала ли его словъ Есѳирь Дезриджъ? И не есть ли это причина ея продолжительнаго отсутствія и отказа отъ квартиры? Онъ рѣшилъ разъяснить свои подозрѣнія когда вернется хозяйка, не показывая ей что подозрѣваетъ ее.

Наступилъ вечеръ. Наконецъ въ десятомъ часу раздался звонокъ у садовой двери. Служанка пришла къ нему за ключемъ. Онъ всталъ и хотѣлъ самъ отпереть дверь, но разду-

малъ прежде чѣмъ вышелъ изъ комнаты. Есѳирь можетъ заподозрить что-нибудь если онъ самъ отворитъ дверь когда на это есть служанка. Онъ отдалъ ключъ и остался въ комнатѣ.

„Ужасно устала!“ подумала служанка, увидавъ свою хозяйку при свѣтѣ лампы висѣвшей надъ дверью.

„Ужасно устала!“ подумалъ Джофри, оглянувъ подозрительно Есѳирь, когда она проходила по корридору.

„Ужасно устала!“ подумала Анна, встрѣтивъ Есѳирь въ верхнемъ этажѣ и получивъ отъ нея письмо адресованное рукой Бланки, которое отдалъ хозяйкѣ дома у садовой двери почтальйонъ.

Отдавъ Аннѣ письмо, Есѳирь Дезриджъ ушла въ свою комнату.

Джофри затворилъ дверь освѣщенной гостиной, вошелъ въ темную столовую и оставилъ дверь отворенною настежь. Онъ намѣревался остановить хозяйку когда она пойдетъ въ кухню готовить ужинъ.

Есѳирь устало заперла дверь своей комнаты, устало зажгла свѣчи, устало поставила на столъ чернильницу. Послѣ этого она принуждена была сѣсть и отдохнуть чтобы собраться съ силами снять верхнее платье. Раздѣвшись, она достала изъ секретнаго кармана *Исповѣдь*, положила ее на столъ и написала на послѣднемъ листѣ новую замѣтку, подъ той которую написала наканунѣ:

„Я отказала ему сегодня утромъ отъ квартиры и предложила чтобъ онъ взялъ назадъ свои деньги, если хочетъ. Онъ уѣдетъ завтра, или я сожгу свой домъ. Весь день я не была дома, чтобы не видать его. Духъ мой не знаетъ покоя, глаза не смыкаются сномъ. Я несу покорно мой крестъ пока хватаетъ силъ нести его.“

Послѣ этихъ словъ, перо выпало изъ ея пальцевъ и голова опустилась на грудь. Она вздрогнула и встрепенулась. Сонъ былъ врагъ котораго она боялась: со сномъ приходили сновидѣнія.

Она отворила ставень. Спокойный лунный свѣтъ озарялъ садъ. Прозрачная глубина ночнаго неба дѣйствовала успокоительно на умъ. Какъ стемнѣло вдругъ! Туча? Мракъ? Нѣтъ, опять сонъ. Она вздрогнула и опомнилась. Все тотъ же лунный свѣтъ, и все тотъ же освѣщенный имъ садъ.

Какіе бы ни пришли сны, но бороться долѣе съ усталостью нѣтъ силъ. Она затворила ставень, подошла къ постели и положила *Исповѣдь* подъ подушку, куда всегда клала ее на ночь.

Она оглянула комнату и содрогнулась. Каждый уголъ былъ полонъ ужасными воспоминаніями прошлой ночи. Можно проснуться отъ пытки ужасныхъ сновъ и увидать возлѣ себя видѣніе. Неужели нѣтъ спасенія? Нѣтъ безопаснаго мѣста гдѣ можно рѣшиться заснуть? Новая мысль пришла ей въ голову. Святая книга—Библія. Если положить подъ подушку святую книгу, можно заснуть съ надеждой проспать спокойно.

Не стоило надѣвать платья которое она уже сняла. Можно закрыться платкомъ. Не къ чему также было брать свѣчу. Ставни въ нижнемъ этажѣ не затворены, а если и затворены, то Библію легко найти на полкѣ даже въ темнотѣ.

Она взяла *Исповѣдь* изъ-подъ подушки. Ни одну минуту не рѣшилась она оставить ее въ комнатѣ безъ себя. Сжавъ рукою сложенную рукопись, она сошла медленно съ лѣстницы. У нея дрожали ноги. Чтобы не упасть, она держалась свободною рукой за перила.

Джофри смотрѣлъ на нее когда она сходила съ лѣстницы. Ему хотѣлось узнать что она намѣрена дѣлать. Вмѣсто того чтобы войти въ кухню, она остановилась и повернула въ кабинетъ. Опять подозрительное обстоятельство. Что будетъ она дѣлать въ кабинетѣ безъ свѣчи въ такую позднюю пору?

Она подошла къ полкѣ. Ея темная фигура обозначалась ясно въ освѣщенной луною комнатѣ. Она пошатнулась и приложила руку ко лбу, изнемогая отъ страшной усталости. Собравшись съ силами, она взяла книгу съ полки и прислонилась къ стѣнѣ. Она была слишкомъ утомлена чтобы подняться на верхъ не отдохнувъ. Возлѣ нея стояло кресло. Не лучше ли отдохнуть минуты двѣ сидя чѣмъ стоя. Она сѣла на кресло, положивъ Библію на колѣни. Ея рука, крѣпко сжатая, перевѣсилась черезъ ручку кресла, голова опустилась на грудь, потомъ поднялась и тихо склонилась на спинку кресла. Заснула? Крѣпко заснула.

Менѣе чѣмъ черезъ минуту, мускулы сжатой руки ослабѣли. Что-то бѣлое упало на освѣщенный луннымъ свѣтомъ полъ.

Джофри снялъ свои тяжелые сапоги, вошелъ неслышными шагами въ комнату и поднялъ съ пола бѣлую вещь. Она оказалась тетрадкой изъ почтовой бумаги, мелко исписанною и аккуратно сложенною.

Что это такое? Когда она не спала, она прятала ее въ сжатой рукѣ. Для чего она прятала ее?

Не высказалъ ли онъ чего въ бреду, и не записала ли она его словъ чтобъ обвинить его? Подъ вліяніемъ преступной подозрительности, онъ не находилъ ничего невѣроятнаго въ такомъ странномъ предположеніи. Онъ вышелъ тихо изъ комнаты и заперся въ освѣщенной гостиной, рѣшившись прочесть рукопись.

Тщательно разгладивъ на столѣ измятые листы, онъ отвернулъ первую страницу и прочелъ слѣдующее:

ГЛАВА LIV.

Рукопись.

1.

„Моя исповѣдь. Положить въ мой гробъ и зарыть со мною когда я умру.

„Это разказъ о томъ что̀ я сдѣлала когда была замужемъ. Здѣсь я исповѣдую моему Творцу истину неизвѣстную ни одному смертному.

„Въ великій день воскресенія мертвыхъ, мы воплотимся въ тѣла, въ которыхъ жили. Когда меня позовутъ въ Судилищѣ Творца, я предстану съ этою исповѣдью въ рукахъ.

„О справедливый и милостивый Судья! Тебѣ извѣстно сколько я выстрадала. Я надѣюсь на Твое милосердіе.“

2.

„Я старшая изъ многочисленнаго семейства, рожденнаго набожными родителями. Мы принадлежали къ конгрегаціи первобытныхъ методистовъ.

„Всѣ мои сестры вышли замужъ раньше меня. Нѣсколько лѣтъ я оставалась одна въ родительскомъ домѣ. Подъ конецъ здоровье моей матери ослабѣло; я управляла домомъ вмѣсто нея. Нашъ духовный отецъ, добрый мистеръ Бенчайльдъ, приходилъ къ намъ обѣдать по воскресеньямъ, между службами. Онъ хвалилъ мое хозяйство и въ особенности мое умѣнье стряпать. Матери моей это было непріятно. Она питала ко мнѣ зависть за то что я заняла ея мѣсто въ домѣ. Съ этого началось мое несчастіе. Характеръ моей матери дѣлался хуже по мѣрѣ того какъ здоровье ея дѣлалось хуже. Отецъ бывалъ рѣдко дома, проводя жизнь въ разъѣздахъ по дѣламъ. Я выносила все одна. Въ это время я начала ду-

мать что мнѣ хорошо было бы выйти замужъ, какъ вышли мои сестры, и угощать обѣдами добраго мистера Бенчайльда между службами въ моемъ собственномъ домѣ.

„Въ такомъ настроеніи ума я познакомилась съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который ходилъ слушать богослуженіе въ нашу часовню.

„Его звали Джоель Дезриджъ. У него былъ прекрасный голосъ. Когда мы пѣли гимны, онъ пѣлъ по одной книгѣ со мной. По ремеслу онъ былъ обойщикъ. Мы много разсуждали о серіозныхъ предметахъ когда гуляли вдвоемъ по воскресеньямъ. Онъ былъ лѣтъ на десять моложе меня, и его положеніе въ обществѣ было ниже моего, такъ какъ онъ былъ только поденщикъ. Мать узнала о нашей возникающей привязанности и сказала о ней отцу, въ первый же разъ какъ онъ пріѣхалъ домой. Также моимъ братьямъ и сестрамъ. Всѣ они сговорились недопустить чтобы мои отношенія съ Дезриджемъ зашли далѣе. Тяжело мнѣ было тогда. Мистеръ Бенчайльдъ былъ очень огорченъ оборотомъ который принимали дѣла. Онъ сказалъ по этому поводу проповѣдь, и хотя не назвалъ меня по имени, я знала что онъ говоритъ обо мнѣ. Я, можетъ-быть, уступила бы, еслибъ они не сдѣлали одной низости. Они навели справки о моемъ мужѣ у его враговъ, и начали чернить его въ моихъ глазахъ за его спиной. Этого я не могла вынести послѣ того какъ мы пѣли гимны по одной книгѣ и гуляли вмѣстѣ, соглашались другъ съ другомъ разсуждая о религіозныхъ вопросахъ. Я была уже въ такихъ годахъ что могла судить сама. Я вышла замужъ за Джоеля Дезриджа.“

3.

„Всѣ родственники мои отвернулись отъ меня. Никто изъ нихъ не былъ у меня на свадьбѣ; они объявили мнѣ что не хотятъ больше знаться со мной. Мистеръ Бенчайльдъ былъ очень тронутъ; онъ проливалъ слезы и говорилъ что будетъ молиться за меня.

„Я была обвѣнчана въ Лондонѣ незнакомымъ священникомъ, и мы поселились въ Лондонѣ, полные надеждъ на будущее. У меня было маленькое состояніе,—моя доля изъ наслѣдства оставленнаго намъ, сестрамъ, теткою Есѳирью, въ честь которой мнѣ дано имя. У меня было триста фунтовъ. Половину изъ этихъ денегъ я истратила на покупку мебели

для маленькаго дома который мы наняли, и на домашнее обзаведеніе. Остальныя деньги я поручила мужу положить въ банкъ на тотъ случай если они понадобятся ему въ его ремеслѣ.

„Мѣсяца три мы жили очень дружно. Меня безпокоило только одно: мой мужъ не принимался за работу.

„Раза два онъ дулся на меня когда я говорила что жаль брать деньги на прожитіе изъ банка, вмѣсто того чтобы добывать ихъ трудомъ. Однажды добрый мистеръ Бенчайльдъ, находясь случайно въ Лондонѣ, пришелъ къ намъ обѣдать въ воскресенье, между службами. Онъ старался примирить моихъ родныхъ со мною, но безуспѣшно. По моей просьбѣ онъ началъ говорить моему мужу о необходимости трудиться. Мой мужъ разсердился. Я увидала его въ первый разъ въ сильномъ гнѣвѣ. Добрый мистеръ Бенчайльдъ не сказалъ болѣе ни слова. Онъ, казалось, очень опечалился случившимся и скоро ушелъ отъ насъ.

„Вскорѣ послѣ его ухода, мой мужъ ушелъ куда-то. Я приготовила ему чай, его все нѣтъ. Я приготовила ему ужинъ,— его все нѣтъ. Наконецъ въ половинѣ перваго онъ приходитъ. Я была поражена увидавъ его. Онъ былъ не похожъ на самого себя: не узналъ меня, какъ будто бредилъ, и повалился на постель. Я побѣжала за докторомъ.

„Докторъ приподнялъ его, повернулъ къ свѣту, посмотрѣлъ на него, понюхалъ его дыханіе и толкнулъ его опять на постель. „Что съ нимъ, сэръ?“ спрашиваю я. „Развѣ вы сами не видите“, говоритъ докторъ. — „Нѣтъ, сэръ“, говорю. „Вы кажется хотите увѣрить меня что никогда не видали пьяныхъ“, говоритъ докторъ. Съ этими словами онъ повернулся и ушелъ, а я осталась у постели дрожа съ головы до ногъ.

„Такъ я узнала что мужъ мой пьяница.“

4.

„Я еще не сказала ни слова о роднѣ моего мужа.

„Когда мы только что познакомились, онъ сказалъ мнѣ что онъ сирота, что у него нѣтъ родныхъ, кромѣ дяди и тетки въ Канадѣ и брата въ Шотландіи. Предъ свадьбой онъ далъ мнѣ однажды письмо отъ своего брата. Братъ писалъ мнѣ что очень сожалѣетъ что не можетъ пріѣхать въ Англію на мою свадьбу, пожелать мнѣ счастія, и все что говорится въ подобныхъ случаяхъ.

„Я написала о моемъ горѣ доброму мистеру Бенчайльду. Онъ отвѣтилъ мнѣ что надо подождать и посмотрѣть напьется ли мой мужъ опять.

„Ждать мнѣ пришлось не долго. На другой день онъ былъ опять пьянъ, на третій тоже. Узнавъ объ этомъ, добрый мистеръ Бенчайльдъ написалъ мнѣ чтобъ я прислала письмо брата моего мужа. Онъ напомнилъ мнѣ нѣкоторые разказы о моемъ мужѣ, которымъ я не хотѣла вѣрить до свадьбы, и писалъ что не мѣшаетъ навести справки.

„Результатъ справокъ былъ слѣдующій. Братъ моего мужа находился въ то время (по собственному желанію) у доктора, лѣчившаго его отъ запоя. „Въ ихъ семействѣ", писалъ докторъ, „врожденная страсть къ пьянству. Иногда они по мѣсяцамъ не пьютъ ничего крѣпче чая, но когда на нихъ находитъ приладокъ запоя, они пьютъ, пьютъ, пьютъ нѣсколько дней сряду."

„Таковъ былъ человѣкъ за котораго я вышла замужъ. Изъза него я оскорбила всѣхъ моихъ родныхъ и разошлась съ ними. Незавидная перспектива открылась предо мною послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ замужней жизни.

„Черезъ годъ отъ моихъ денегъ не осталось ничего, а у мужа не было работы. Онъ легко находилъ себѣ работу, когда былъ трезвъ, потому что былъ мастеръ своего дѣла, но всегда терялъ ее когда начиналъ пить. Мнѣ жаль было разстаться съ нашимъ маленькимъ домомъ и продать мою прекрасную мебель, и я предложила мужу что буду наниматься въ поденщицы (въ качествѣ кухарки) пока онъ не найдетъ себѣ работу. Онъ былъ въ это время трезвъ и смиренъ, и согласился на мое предложеніе. Мало того, онъ записался въ Общество трезвости, и объявилъ что начнетъ жизнь сызнова. Я начала опять надѣяться. Заботиться намъ было не о комъ кромѣ насъ самихъ. Дѣтей у меня не было и я не надѣялась имѣть ихъ. Вмѣсто того чтобы жалѣть объ этомъ, какъ другія женщины, я считала это счастіемъ. Я скоро убѣдилась что дѣти были бы тяжелымъ бременемъ въ моемъ горькомъ положеніи.

„Такая работа какой я искала находится не легко. Добрый мистеръ Бенчайльдъ далъ мнѣ аттестатъ, а хозяинъ нашего дома рекомендовалъ меня экономку одного клуба. Тѣмъ не менѣе люди не вдругъ повѣрили мнѣ что я дѣйствительно хорошая кухарка, какой я себя выдавала. Прошло около

двухъ недѣль прежде чѣмъ я нашла себѣ мѣсто. Я возвратилась домой въ веселомъ (для меня) расположеніи духа и хотѣла объявить мужу свою новость. Дома меня ожидалъ сюрпризъ. Незнакомые люди уносили мебель которую я купила на собственныя деньги, и хотѣли везти ее на аукціонъ. Я спросила ихъ какъ они смѣютъ прикасаться къ ней безъ моего позволенія. Они отвѣчали очень вѣжливо, надо отдать имъ справедливость, что дѣйствуютъ по приказанію моего мужа, и продолжали укладывать ее предъ моими глазами на тѣлегу. Я побѣжала наверхъ и встрѣтила мужа на площадкѣ лѣстницы. Онъ былъ пьянъ. Скажу одно: это былъ первый случай что онъ ударилъ меня."

5.

„Характеръ у меня былъ горячій и я рѣшила что не допущу этого. Я побѣжала тотчасъ же въ судъ.

„Мои деньги ушли не на одну мебель, я уплачивала подати для содержанія королевы и парламента. Посмотримъ, думала я, что сдѣлаютъ для меня въ вознагражденіе за подати королева и парламентъ.

„— Утверждена за вами ваша мебель? спрашиваетъ меня судья.

„Я не поняла о чемъ онъ меня спрашиваетъ. Онъ обратился къ какому-то господину, сидѣвшему рядомъ съ нимъ на скамьѣ: „Это жестокій законъ", говоритъ онъ. „Бѣдные люди низшаго класса не имѣютъ понятія о брачныхъ контрактахъ, а еслибъ и имѣли, они не въ состояніи платить за нихъ адвокатамъ". „Ваша жалоба не новость", обратился онъ потомъ ко мнѣ. „Съ нашимъ закономъ я не могу ничего сдѣлать для васъ."

„Этому нельзя было повѣрить сразу. Новость она или не новость, я изложила ему опять мою жалобу.

„— Я купила мебель на собственныя деньги, говорю. Она принадлежитъ мнѣ, я могу доказать это расписками. А они берутъ ее у меня и хотятъ продать противъ моей воли. Не говорите мнѣ что это законно. Мы живемъ въ христіанской странѣ. Развѣ это можетъ быть законно?

„— Милая моя, говоритъ онъ,—вы замужняя женщина. Законъ не дозволяетъ замужней женщинѣ называть что-нибудь своимъ, если только она не заключила предъ свадьбой, съ помощью адвоката, условія съ своимъ мужемъ. Вы не заключали условія. Мнѣ очень жаль васъ, но помочь вамъ я не могу.

„Я стояла на своемъ. „Позвольте мнѣ предложить вамъ вопросъ, сэръ“, говорю. „Умные люди сказывали мнѣ что всѣ мы должны платить подати чтобы содержать королеву и парламентъ, и что королева и парламентъ, взамѣнъ за подати, издаютъ для насъ законы, защищающіе насъ отъ произвола. Я платила подати. Почему же, позвольте узнать, нѣтъ закона чтобъ оградить меня отъ произвола моего мужа.

„— Разсуждать объ этомъ не наше дѣло, говоритъ онъ.—Я долженъ руководствоваться тѣмъ закономъ какой у насъ есть. Вотъ я вижу слѣдъ удара на вашемъ лицѣ. Если мужъ прибилъ васъ, вызовите его сюда. За это я могу наказать его.

„— Какъ же вы накажите его, сэръ, спрашиваю я.

„— Я могу оштрафовать его, говоритъ онъ. Или посадить его въ тюрьму.

„— Что касается до штрафа, отвѣтила я ему,—онъ заплатитъ вамъ его изъ тѣхъ денегъ которыя получитъ за мебель. Что же касается до тюрьмы, то позвольте спросить что̀ будетъ со мною безъ денегъ и безъ имущества, пока онъ будетъ сидѣть въ тюрьмѣ, и что̀ будетъ опять со мною когда ко мнѣ вернется мужъ, который будетъ знать что я была причиной его наказанія? Нѣтъ, сэръ, съ меня довольно и того что я терплю теперь. Страданія мои не ограничиваются тѣмъ что̀ показываетъ вамъ мое лицо. Прощайте сэръ.“

6.

„Когда я вернулась домой, мебели уже не было, и мужъ мой исчезъ. Въ пустомъ домѣ не было никого кромѣ хозяина. Онъ сказалъ все что̀ можно было сказать въ утѣшеніе мнѣ. Когда онъ ушелъ, я уложила свое платье въ сундукъ, дождалась пока стемнѣло, наняла извощика, и отыскала себѣ уголъ гдѣ могла преклонить голову. Въ эту ночь я была самымъ одинокимъ, самымъ несчастнымъ существомъ въ мірѣ.

„У меня было одно средство заработать себѣ кусокъ хлѣба, принять предложенное мнѣ мѣсто помощницы повара въ одномъ клубѣ, и одна надежда—не видать никогда моего мужа.

„Я принялась усердно работать, и заслужила первую четверть моего жалованья. Но женщинѣ не хорошо быть въ такомъ положеніи въ какомъ я была тогда одинокая, лишенная всего чѣмъ я дорожила, и безъ всякой цѣли впереди. Я посѣщала аккуратно часовню, но сердце мое начало ожесточать-

ся и въ голову приходили мрачныя мысли. Но меня ожидала перемѣна. Дня черезъ два или три послѣ того какъ я получила въ первый разъ жалованье, мужъ отыскалъ меня. У него уже не осталось ни копѣйки отъ тѣхъ денегъ которыя онъ получилъ за мебель. Онъ сдѣлалъ скандалъ въ клубѣ. Чтобъ успокоить его, я отдала ему все что могла отдать. Скандалъ дошелъ до комитета. Мнѣ сказали что если это повторится мнѣ принуждены будутъ отказать отъ мѣста. Черезъ двѣ недѣли это повторилось. Въ клубѣ всѣ очень жалѣли меня. Мнѣ отказали отъ мѣста. Мужъ пришелъ на мою квартиру. На слѣдующее утро онъ сломалъ замокъ моего сундука, и взялъ мой кошелекъ съ немногими шиллингами которые у меня оставались. Мы поссорились. Онъ опять ударилъ меня, въ этотъ разъ такъ сильно что я упала.

„Я пошла опять въ судъ, и принесла жалобу другому судьѣ. Я просила лишь о томъ чтобы моему мужу приказали оставить меня въ покоѣ. „Я не желаю никому зла“, сказала я. „Я прошу только справедливости. Я даже не жалуюсь на жестокое обращеніе со мною. Я желаю только имѣть возможность жить честнымъ трудомъ. Защититъ ли меня законъ отъ моего мужа, который не даетъ мнѣ жить честнымъ трудомъ?“

„Сущность отвѣта состояла въ томъ что законъ можетъ-быть защититъ меня, если у меня есть деньги чтобы хлопотать о разводѣ. Позволивъ моему мужу обобрать меня, законъ, когда я обратилась къ нему въ моемъ трудномъ положеніи, не хотѣлъ помочь мнѣ безъ того чтобъ я не заплатила ему. У меня не было ничего кромѣ нѣсколькихъ пенсовъ, а все что я могла заработать впредь, перешло бы къ моему мужу съ разрѣшенія закона. Было только одно средство выйти изъ такого положенія: освободиться отъ него хоть на время, чтобъ имѣть возможность скрыться отъ него опять. Я подала на него жалобу за побои. Судья (молодой и неопытный человѣкъ), вмѣсто того чтобъ оштрафовать, посадилъ его въ тюрьму. Это дало мнѣ время взять одобреніе изъ клуба, и аттестатъ отъ добраго мистера Бенчайльда, и найти мѣсто въ одномъ семействѣ, въ деревнѣ.

„Я очутилась въ тихомъ убѣжищѣ. Хозяева мои были добрые, великодушные люди, сочувствовали моему несчастію и обращались со мною какъ родные. Изъ всѣхъ моихъ несчастій я вынесла убѣжденіе что большинство людей горячо сочувствуетъ чужому горю. Также что большая часть людей

отлично видятъ всѣ дурныя стороны законодательства которымъ управляется ихъ страна. Но посовѣтуйте имъ выйти изъ неподвижнаго положенія и постараться поправить существующее положеніе дѣлъ, вмѣсто того чтобы только ворчать и осуждать. Какими окажутся они тогда? Столь же неспособными какъ стадо барановъ,—вотъ какими они окажутся.

„Прошло болѣе шести мѣсяцевъ, и я скопила немного денегъ.

„Однажды вечеромъ, когда мы уже ложились спать, раздался громкій звонокъ. Лакей отворилъ дверь, и я услыхала голосъ моего мужа. Онъ отыскалъ меня съ помощью знакомаго ему полицейскаго, и пришелъ предъявить свои права. Я предложила ему все что̀ успѣла скопить, чтобъ онъ только оставилъ меня въ покоѣ. Мой добрый хозяинъ уговаривалъ его. Все напрасно. Онъ былъ золъ и стоялъ на своемъ. Еслибы не я скрылась отъ него, а онъ отъ меня, законъ (какъ я поняла) оказалъ бы мнѣ помощь. Онъ требовалъ чтобъ я возвратилась къ нему. Пока я могла пріобрѣсть хоть копѣйку, онъ требовалъ чтобъ я жила съ нимъ. Такъ какъ онъ былъ мой мужъ, я не имѣла права покидать его, я обязана была возвратиться къ нему, и никто не могъ защитить меня. Я простилась съ добрыми людьми у которыхъ жила и никогда не забуду ихъ участія.“

7.

„Мужъ привезъ меня опять въ Лондонъ.

„Онъ пилъ пока не пропилъ всѣхъ моихъ денегъ. Когда денегъ не осталось, онъ прибилъ меня. Какъ могла я избавиться отъ него? Не иначе какъ скрывшись опять. Отчего я не посадила его опять въ тюрьму? Для чего же мнѣ было сажать его въ тюрьму? Черезъ нѣсколько недѣль онъ возвратился бы ко мнѣ опять, трезвый и смирный, и обѣщалъ бы исправиться, а потомъ запилъ бы опять и сдѣлался бы такимъ же свирѣпымъ животнымъ какимъ я его часто видала. Мое сердце ожесточалось отъ безнадежности моего положенія и мрачныя мысли смущали меня, въ особенности по ночамъ. Въ это время я сказала себѣ: „единственное избавленіе отъ этого положенія смерть,—его или моя“.

„Раза два я ходила по̀ ночамъ на мостъ и смотрѣла на рѣку. Нѣтъ. Я была не такого рода женщина чтобы положить конецъ моему несчастію этимъ способомъ. Надо чтобы кровь

кипѣла и голова была въ огнѣ—мнѣ по крайней мѣрѣ такъ кажется—надо дѣйствовать подъ вліяніемъ минутнаго побужденія, чтобы рѣшиться на самоубійство. Мои несчастія имѣли на меня совсѣмъ другое вліяніе. Моя кровь холодѣла отъ нихъ, а не разгорячалась. Во вредъ мнѣ самой, но своей натуры не измѣнишь. Развѣ можетъ Ѳіопъ измѣнить свою кожу и тигръ свою шерсть?

„Я скрылась отъ него опять, и опять нашла хорошее мѣсто. Не буду разказывать какъ и какое. Это все равно. Лучше приступлю къ концу.

„Надо однако сказать что въ этотъ разъ я жила не въ частномъ домѣ, и что мнѣ было позволено учить стряпать молодыхъ женщинъ, въ мои свободные часы. Частію вслѣдствіе этого, частію вслѣдствіе того что мужъ долго не находилъ меня, я начала опять жить такъ хорошо какъ только можно жить въ моемъ положеніи. Окончивъ дневную работу, я уходила ночевать въ свою квартиру. У меня была одна комната и я сама меблировала ее, отчасти изъ экономіи, потому что меблированныя комнаты дороги, отчасти изъ удовольствія. Какъ я ни была несчастна, я всегда любила чтобы вокругъ меня все было чисто и красиво.

„Понятно само собой чѣмъ это кончилось. Онъ опять отыскалъ меня, въ этотъ разъ случайно встрѣтивъ на улицѣ.

„Онъ былъ въ лохмотьяхъ, и худъ и безъ денегъ. Но когда онъ нашелъ меня, ему стоило только запустить руку въ мой карманъ, и взять все что̀ у меня было. Въ Англіи не положено предѣла тому что̀ можетъ сдѣлать дурной мужъ, пока не откажется отъ своей жены. Въ этотъ разъ онъ догадался что повредитъ самому себѣ лишивъ меня мѣста. Нѣкоторое время все шло довольно сносно. Я притворилась что работа стала труднѣе (признаюсь, я это сдѣлала для того чтобы не видать его), и получила позволеніе ночевать въ томъ домѣ гдѣ я служила. Но это продолжалось недолго. Онъ опять запилъ, пришелъ ко мнѣ и сдѣлалъ скандалъ. Какъ прежде, порядочные люди не вынесли этого; какъ прежде, имъ жаль было разстаться со мною, какъ прежде, мнѣ отказали отъ мѣста.

„Другая женщина сошла бы съ ума. Я едва не сошла.

„Когда я почью посмотрѣла на него, мертвецки пьянаго, я вспомнила Іоиль и Сисару. Тамъ сказано: „И взя Іоиль колъ кущный, и взя млатъ въ руку свою, и вниде къ нему тихо, и водрузи колъ во скраніи его, и пронзе до земли: и

сей утруждася спаше.“ Такъ она убила его. Она сдѣлала это чтобъ освободить народъ свой отъ Сисары. Еслибъ у меня въ ту ночь былъ колъ и молотокъ, я кажется сдѣлала бы то же самое,—съ тою разницей что я сдѣлала бы это чтобъ освободить себя.

„Утромъ это чувство прошло у меня, на время. Я пошла къ адвокату.

„Многіе на моемъ мѣстѣ потеряли бы уже давно надежду на законъ, но я изъ такихъ которыя льютъ чашу до дна. Вотъ сущность того что̀ я сказала адвокату: „Я пришла посовѣтоваться съ вами о сумашедшемъ. Сумашедшими я считаю такихъ людей которые потеряли власть надъ собою. Иногда это доводитъ ихъ до самообольщенія, а иногда до поступковъ вредящихъ имъ самимъ и другимъ. Мой мужъ, вслѣдствіе льянства, потерялъ совершенно власть надъ собою. Его надо лишить возможности пить, какъ сумашедшаго лишаютъ возможности вредить своей жизни и жизни другихъ. Для сумашедшихъ въ нашей странѣ есть убѣжище, куда ихъ можно помѣщать на извѣстныхъ условіяхъ. Защититъ ли меня законъ, если я исполню эти условія, отъ сумашедшаго, или что̀ то же самое отъ льяницы?“—„Нѣтъ, говоритъ адвокатъ.—Англійскій законъ не признаетъ неисправимаго льяницу заслуживающимъ лишенія свободы. Англійскій законъ предоставляетъ мужьямъ и женамъ льяницъ выносить свое несчастіе какъ сумѣютъ.“

„Я поблагодарила адвоката и ушла. Моя послѣдняя надежда оказалась тщетною.“

8.

„Мысль которая пришла мнѣ разъ въ голову возвратилась опять и съ этихъ поръ не покидала меня. Единственное избавленіе смерть — его или моя.

„Эта мысль не выходила у меня изъ головы ни днемъ, ни ночью, ни въ часовнѣ, ни дома. Я читала исторію Іоили и Сисара такъ часто что Библія начала сама открываться на этомъ мѣстѣ.

„Законъ моей страны, который долженъ бы былъ защитить меня, оставилъ меня беззащитною. У меня не было друга, которому я могла бы открыть свое сердце. Я была одинока и жена такого человѣка. Примите въ соображеніе что и я

человѣкъ, и скажите: не было ли это слишкомъ тяжелымъ испытаніемъ для человѣческаго терпѣнія?

„Я написала доброму мистеру Бенчайльду, не входя въ подробности, что меня смущаетъ искушеніе, и просила его пріѣхать и помочь мнѣ. Онъ написалъ мнѣ въ отвѣтъ что болѣзнь не позволяетъ ему встать съ постели, и далъ мнѣ много хорошихъ совѣтовъ. Чтобы воспользоваться хорошимъ совѣтомъ, человѣкъ долженъ имѣть хоть маленькую надежду на счастіе, которое вознаградитъ его за исполненіе хорошаго совѣта. Сама религія обѣщаетъ вознагражденіе и говоритъ намъ, бѣднымъ смертнымъ: будьте праведны и вы заслужите царство небесное. У меня не было надежды на счастіе. Я была благодарна доброму мистеру Бенчайльду, но совѣты его не принесли никакой пользы.

„Прошло время когда одно слово моего духовнаго отца направило бы меня опять на истинный путь. Я начала бояться самой себя. Мнѣ казалось что если я не буду другой женщиной въ то время когда Джоель Дезриджъ опять обидитъ меня, то легко можетъ случиться что я избавлю себя отъ него собственною рукой.

„Устрашенная этою мыслью, я въ первый разъ унизилась предъ моими родственниками. Я написала имъ письмо, въ которомъ признавалась что они правы въ своемъ мнѣніи о моемъ мужѣ, просила у нихъ прощенія, и умоляла ихъ позволить мнѣ навѣщать ихъ отъ времени до времени. Мнѣ казалось что сердце мое смягчится если я увижу опять родной домъ, родныя лица и услышу опять родной говоръ. Стыдно признаться, но кажется, еслибъ у меня было что-нибудь, я отдала бы все чтобы только вернуться въ кухню матери и приготовить ей опять воскресный обѣдъ.

„Но этому не суждено было случиться. Не задолго предъ тѣмъ какъ пришло мое письмо, матушка скончалась. Родные обвинили меня въ ея смерти. Она хворала уже нѣсколько лѣтъ, и доктора съ самаго начала сказали что она неизлѣчима, но они сложили всю вину на меня. Одна изъ моихъ сестеръ написала мнѣ въ немногихъ словахъ что я была причиной смерти матушки. Отецъ же совсѣмъ не отвѣтилъ мнѣ.“

9.

„Къ судьямъ и адвокатамъ, къ роднымъ и друзьямъ, къ покорности, терпѣнію, надеждѣ и честной работѣ, ко всему

этому я прибѣгала, и все напрасно. Куда бы я не повернулась, всѣ пути преграждались предо мною.

„Въ это время мужъ мой имѣлъ незначительную работу. Однажды вечеромъ онъ возвратился домой озлобленный. Я предостерегла его. „Не выводи меня изъ терпѣнія, Джоель, ради себя самого", сказала я ему. Онъ въ этотъ день былъ трезвъ, и я въ первый разъ увидала что слово съ моей стороны подѣйствовало на него. Онъ пристально поглядѣлъ на меня съ минуту, потомъ сѣлъ въ уголъ и усмирился.

„Это было во вторникъ. Въ слѣдующую субботу онъ получилъ деньги и запилъ опять.

„Въ пятницу, на слѣдующей недѣлѣ, я возвратилась домой поздно вечеромъ, потому что въ этотъ день стряпала большой публичный обѣдъ въ одной гостинницѣ, хозяинъ которой зналъ меня. Дома я не нашла ни мужа, ни мебели, которую я купила для своей спальни. Во второй разъ онъ отнялъ у меня мое имущество и обратилъ его въ деньги чтобъ имѣть возможность пьянствовать.

„Я не произнесла ни слова. Я стояла и смотрѣла на опустѣвшую комнату. Я сама не сознавала что происходило во мнѣ тогда. Помню только что постоявъ немного я вышла изъ комнаты. Я знала въ какихъ мѣстахъ проводитъ время мой мужъ, и дьяволъ подстрекнулъ меня пойти и отыскать его. Хозяйка дома, увидавъ меня въ корридорѣ, попробовала остановить меня, но я оттолкнула ее отъ себя какъ ребенка, хотя она была выше и сильнѣе меня. Когда я вспоминаю объ этомъ теперь, мнѣ кажется что она уступила мнѣ только потому что испугалась, увидавъ мое лицо.

„Я нашла его. Я сказала—словомъ я заговорила съ нимъ какъ говорятъ взбѣшенныя женщины. Понятно чѣмъ это кончилось. Онъ ударилъ меня.

„Послѣ этого въ моихъ воспоминаніяхъ слѣдуетъ пробѣлъ. Я очнулась только черезъ нѣсколько дней. Трехъ зубовъ у меня какъ не бывало, но это еще не худшее. Падая, я ударилась обо что-то головой и повредила себѣ какой-то нервъ, вслѣдствіе чего я лишилась способности говорить. Я не совсѣмъ онѣмѣла, я могла произносить слова, но съ большимъ трудомъ. Длинное слово было для меня такимъ же затрудненіемъ какъ для маленькаго ребенка. Меня отвезли въ больницу. Доктора окружили меня, когда узнали что со мною случилось. Они заинтересовались мною, какъ другіе интересуют-

ся занимательною книгой. Они рѣшили что я могу или совсѣмъ онѣмѣть, или совсѣмъ выздоровѣть, то и другое было вѣроятно въ равной степени. Два условія были необходимы для выздоровленія: первое — имѣть питательную пищу, второе—быть совершенно спокойной.

„Что касается до питательной пищи, я не знала буду ли я имѣть ее. Это зависѣло отъ того буду ли я имѣть возможность зарабатывать ее. Что же касается до душевнаго спокойствія, на этотъ счетъ я не сомнѣвалась. У меня было рѣшено убить моего мужа въ первый же разъ какъ онъ придетъ ко мнѣ.

„Ужасно! Я сама знаю что ужасно. Никто на моемъ мѣстѣ не кончилъ бы злодѣйствомъ. Другія женщины, выстрадавъ столько сколько я выстрадала, возвысились бы отъ страданія.“

10.

„Я говорила уже что люди (исключая моего мужа и моихъ родныхъ) всегда оказывали мнѣ участіе.

„Хозяинъ того дома гдѣ мы жили послѣ свадьбы, узнавъ о моемъ несчастіи, предложилъ мнѣ смотрѣть за однимъ изъ своихъ пустыхъ домовъ, за небольшое жалованье. Въ верхнемъ этажѣ была мебель, которую оставилъ за ненадобностью послѣдній жилецъ, разрѣшивъ продать ее будущему жильцу, если онъ пожелаетъ купить ее. Въ двухъ спальняхъ для прислуги (на антресоляхъ) было все необходимое. Такимъ образомъ я имѣла комнату, постель и деньги на пищу. Опять все какъ слѣдуетъ, но уже слишкомъ поздно. Что разказалъ бы обо мнѣ этотъ домъ, еслибъ онъ могъ говорить!

„Доктора сказали мнѣ чтобъ я старалась говорить какъ можно болѣе. Такъ какъ я жила одна, мнѣ говорить было не съ кѣмъ, исключая рѣдкихъ случаевъ когда заходилъ хозяинъ, или сосѣдняя служанка обращалась ко мнѣ со словами: „Прекрасный день, не правда ли?“ или „не скучно ли вамъ?“ Я подписалась на газету чтобы читать ее вслухъ. Однажды мнѣ попалась статья въ которой говорилось о женахъ мужей пьяницъ. Это было извлеченіе изъ рѣчи сказанной по этому поводу однимъ лондонскимъ слѣдователемъ, который осматривая мертвыя тѣла людей низшаго класса общества, имѣлъ много причинъ подозрѣвать женъ этихъ людей. Осмотръ мертвыхъ тѣлъ не подтверждалъ его подозрѣній, и свидѣтели не подтверждали, но ему казалось очень возможнымъ что иногда

жена, доведенная до крайности, беретъ мокрое полотенце, и дождавшись чтобы пьяный мужъ заснулъ, закрываетъ ему мокрымъ полотенцемъ носъ и ротъ, и такимъ образомъ лишаетъ его жизни. Прочитавъ это, я задумалась. Мой умъ былъ тогда въ пророческомъ настроеніи. Я сказала себѣ: это попалось мнѣ не даромъ. Это значитъ что я увижу опять мужа.

„Это случилось вскорѣ послѣ моего обѣда, въ два часа. Ночью, когда я только что потушила свѣчу и легла, раздался громкій стукъ въ дверь дома. Зажигая свѣчу я сказала себѣ: это онъ.

„Я одѣлась наскоро, взяла свѣчу и сошла внизъ. „Кто тамъ?“ спросила я.—„Впусти меня,“ отвѣчалъ мой мужъ.

„Я сѣла на стулъ у двери и затряслась какъ въ лихорадкѣ. Не потому чтобъ я боялась его, но потому что умъ мой былъ въ пророческомъ настроеніи. Я знала что буду принуждена сдѣлать это наконецъ, какъ бы я ни сопротивлялась. Я сидѣла и дрожала по одну сторону двери, онъ стоялъ по другую.

„Онъ постучалъ опять, и опять и опять. Я знала что сопротивляться безполезно, и все-таки сопротивлялась. Я рѣшилась не впускать его добровольно. Я рѣшилась дать ему встревожить сосѣдей, и посмотрѣть не вступятся ли сосѣди. Я ушла на верхъ и остановилась у отвореннаго окна надъ входной дверью.

„Полицейскій и сосѣди подошли къ нему. Сосѣди просили чтобъ его отвели въ тюрьму. Полицейскій хотѣлъ взять его, но ему стоило только указать на меня въ окно и сказать что я его жена. Сосѣди разошлись по своимъ домамъ. Полицейскій выпустилъ его руку. Оказалось что я виновата, а не онъ. Я обязана была впустить мужа. Я сошла внизъ и впустила его.

„Ночь прошла спокойно. Я отворила ему дверь другой спальни, которая была рядомъ съ моей, а сама заперлась у себя. Онъ былъ очень утомленъ, протаскавшись весь день по улицамъ безъ гроша денегъ. Ему не нужно было ничего кромѣ постели.

„На слѣдующее утро я попыталась опять свернуть съ пути по которому мнѣ суждено было идти, хотя знала что попытка безполезна. Я предложила мужу чтобъ онъ бралъ въ конторѣ хозяина три четверти моего еженедѣльнаго жалованья, съ условіемъ чтобъ онъ ушелъ и не приходилъ ко мнѣ никогда. Онъ захохоталъ мнѣ въ лицо. Мужъ имѣетъ полное право брать все что получаетъ жена. Что же касается до того что-

бы уйти отъ меня, онъ зналъ что могъ пользоваться у меня даровою квартирой, пока я жила въ пустомъ домѣ. Хозяинъ не имѣлъ права разлучать мужа и жену.

„Я не сказала болѣе ни слова. Немного позже, пришелъ хозяинъ. Онъ сказалъ что не имѣетъ ни права, ни желанія запретить моему мужу жить со мною, если мы будемъ жить смирно. Въ противномъ случаѣ онъ принужденъ будетъ отказать мнѣ. У меня не было въ виду другаго желанія и мнѣ некуда было идти. Еслибъ я, не посмотрѣвъ на это, надѣла шляпку и бѣжала изъ дома, мужъ пошелъ бы за мною, и всѣ порядочные люди потрепали бы его по спинѣ и сказали бы: „ты правъ, добрый человѣкъ, ты совершенно правъ.“

„Итакъ, онъ поселился въ одномъ домѣ со мною, по своему собственному желанію, и поступокъ его былъ одобренъ другими.

„Я не сказала ни слова ни ему, ни хозяину. Ничто уже не раздражало меня. Я знала что случится и ждала конца. Во мнѣ произошла какая-то перемѣна, замѣтная для другихъ, которая сначала удивила, потомъ испугала моего мужа. Когда пришла ночь, я слышала что онъ заперъ дверь своей комнаты. Для меня это было все равно. Я знала что когда придетъ время, десять тысячъ замковъ не помѣшаютъ тому чему суждено совершиться.

„Слѣдующій день, въ который я получила жалованье, подвинулъ меня на одинъ шагъ ближе къ концу. Взявъ у меня эти деньги, онъ могъ начать пить. Въ этотъ разъ онъ началъ пить благоразумно, понемногу. Хозяинъ (добрѣйшій человѣкъ, старавшійся помирить насъ) поручилъ ему сдѣлать незначительныя поправки въ домѣ. „Вы обязаны этимъ, говоритъ, моему участію къ вашей бѣдной женѣ. Я помогаю вамъ ради нея. Покажите себя, если можете, достойнымъ помощи.“

„Мужъ объявилъ по обыкновенію что намѣренъ начать жизнь сызнова. Поздно! Прошло время когда можно было начать жизнь сызнова. Надъ нимъ былъ произнесенъ приговоръ, и надо мной былъ произнесенъ приговоръ. Что бы онъ ни говорилъ теперь, какъ бы онъ ни запирался по ночамъ, судьба его была уже рѣшена.

„Слѣдующій день былъ воскресенье. Ничего не случилось. Я ходила въ часовню, единственно по привычкѣ. Богослуженіе не принесло мнѣ никакой пользы. Онъ пилъ, но немного. Я знала по опыту что это начало сильнаго и продолжительнаго припадка запоя.

„Въ понедѣльникъ онъ принялся за работу. Въ это утро онъ былъ настолько трезвъ что могъ работать, и настолько пьянъ что искалъ случая помучить свою жену. Онъ сходилъ за необходимыми рабочими принадлежностями, возвратился и позвалъ меня. Искусному работнику, говорилъ онъ, необходимъ помощникъ. Нѣкоторыя вещи искусному работнику унизительно дѣлать самому. Но не нанимать же помощника, когда можно имѣть его даромъ. На это есть жена. Такъ, говорилъ онъ полупьяный, раскладывая вокругъ себя рабочія принадлежности. Приготовивъ все, онъ выпрямился и сказалъ мнѣ что я должна дѣлать.

„Я слушалась его какъ только умѣла. Что бы онъ ни говорилъ, что бы онъ ни дѣлалъ, я знала что онъ идетъ по прямому пути къ своей смерти отъ моей руки.

„Въ домѣ было много крысъ и мышей, и они испортили стѣны. Ему слѣдовало бы начать съ подвальнаго этажа, но такъ какъ надъ нимъ былъ уже произнесенъ приговоръ, онъ началъ съ двухъ пустыхъ гостиныхъ въ среднемъ этажѣ.

„Эти двѣ гостиныя отдѣлялись одна отъ другой перегородкой изъ штукатурки. Крысы попортили ее. Въ одномъ мѣстѣ онѣ прогрызли стѣну насквозь и испортили обои. Хозяинъ просилъ беречь обои, потому что у него были остатки, которыми онъ хотѣлъ заклеить испорченныя мѣста. Подъ руководствомъ мужа, я приготовила—не скажу что. Съ помощью этого онъ откленлъ отъ стѣны полосу обоевъ, не испортивъ ее нисколько. Подъ этою полосой известь и деревянныя дранки штукатурки были мѣстами испорчены крысами. Мой мужъ, хотя обойщикъ по ремеслу, могъ быть и штукатуромъ, если хотѣлъ. Я видѣла какъ онъ вырѣзалъ испорченныя дранки и выпулъ известь. По его приказанію, я приготовила ему новую известь и подавала новыя дранки. Я видѣла какъ онъ вставлялъ ихъ. Не скажу ни слова о томъ какъ все это дѣлалось.

„У меня есть причина не открывать этой тайны,—ужасная причина. Мужъ мой въ этотъ день показывалъ мнѣ безсознательно средства убить его такимъ образомъ чтобъ объ этомъ не узнало ни одно живое существо.“

II.

„Къ вечеру мы кончили починку стѣны.

„Я напилась чаю, а онъ принялся за свою бутылку съ водкой.

„Я ушла на верхъ оправлять постель на ночь. Когда я вошла въ его комнату, мнѣ тотчасъ же бросилось въ глаза случайное обстоятельство, на которое я до сихъ поръ ни разу не обратила вниманія.

„Кровать его была прислонена изголовьемъ къ стѣнѣ, отдѣлявшей его комнату отъ моей. Посмотрѣвъ на кровать, я безсознательно перевела глаза на стѣну. Потомъ пожелала узнать, изъ чего она сдѣлана. Потомъ постучала по ней пальцами. По звуку я узнала что подъ обоями нѣтъ ничего кромѣ штукатурки. Стѣна была точно такая же какъ та которую онъ поправлялъ внизу. Поправляя ее, мы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вынимали штукатурку вплоть до обоевъ сосѣдней комнаты. При одномъ изъ этихъ случаевъ мужъ сдѣлалъ мнѣ предостереженіе: „смотри чтобы твои руки не очутились въ сосѣдней комнатѣ.“ Онъ сказалъ это внизу, въ гостиной. На верху, въ его спальнѣ, я внезапно вспомнила это и невольно повторяла мысленно, устремивъ глаза на ключъ, воткнутый во внутреннюю сторону двери, которую онъ запиралъ на ночь, повторяла до тѣхъ поръ пока истинное значеніе этихъ словъ не поразило меня подобно удару молніи. Я глядѣла на стѣну, на изголовье кровати, на свои руки, и дрожала какъ въ лихорадкѣ.

„Не знаю много ли времени я провела въ такомъ состояніи. Когда мужъ мой, выпивъ вино, пришелъ на верхъ, онъ засталъ меня въ своей комнатѣ.“

12.

„Я оставлю остальное не разсказаннымъ и перейду къ слѣдующему утру.

„Хотя этихъ страницъ не будетъ читать ни одинъ смертный, но есть вещи которыхъ женщина не можетъ написать, даже для самой себя. Я скажу только что я вытерпѣла послѣднее и худшее изъ всѣхъ оскорбленій моего мужа въ то время когда я ясно увидала предъ собой средство лишить его жизни.

„На слѣдующій день онъ ушелъ въ полдень, чтобы обойти всѣ свои знакомые трактиры, а я осталась дома одна, съ твердымъ намѣреніемъ освободиться отъ него во что бы то ни стало, когда онъ вернется вечеромъ.

„Онъ оставилъ свои рабочія принадлежности въ гостиной.

Я была одна въ домѣ, и ничто не мѣшало мнѣ примѣнить къ дѣлу урокъ который онъ далъ мнѣ накануѣ. Я оказалась способною ученицей. Прежде чѣмъ на улицахъ зажглись фонари, я сдѣлала все что̀ надо было сдѣлать чтобъ имѣть возможность наложить на него руки когда онъ запрется въ своей комнатѣ на ночь.

„Не помню чтобы въ это время я чувствовала страхъ или сомнѣніе. Я съѣла свой скудный ужинъ съ не бо́льшимъ и не меньшимъ аппетитомъ чѣмъ въ обыкновенные дни. Единственною перемѣной во мнѣ было странное желаніе имѣть возлѣ себя живое существо. Такъ какъ у меня не было друга, котораго я могла бы позвать къ себѣ, я вышла на улицу, остановилась у двери своего дома и стала смотрѣть на проходящихъ.

„Заблудившаяся собачка, пробѣгая по улицѣ, остановилась предо мной. Я не люблю собакъ и вообще животныхъ. Но эту собачку я позвала къ себѣ и накормила. Ее должно-быть учили просить ѣсть на заднихъ лапкахъ, такъ по крайней мѣрѣ она просила у меня. Я смѣялась, трудно вообразить какъ я могла смѣяться, но тѣмъ не менѣе помню что я смѣялась до слезъ, когда собачка стояла на заднихъ лапкахъ, навостривъ уши, склонивъ голову на бокъ, и смотрѣла облизываясь на кусокъ хлѣба. Желала бы я знать была ли я тогда въ полномъ разсудкѣ.

„Когда собака съѣла все что̀ я могла дать ей, она начала визжать и проситься на улицу.

„Отворивъ дверь чтобы выпустить ее, я увидала мужа, подходившаго къ дому. „Не входи“, сказала я ему. „Не входи ко мнѣ сегодня для твоего собственнаго блага.“ Слишкомъ пьяный чтобъ обратить вниманіе на мое предостереженіе, онъ прошелъ мимо меня и поднялся шатаясь на верхъ. Я слѣдовала за нимъ поодаль. Я слышала какъ онъ вошелъ въ свою комнату, затворилъ и заперъ дверь. Я слышала какъ онъ повалился на свою постель. Черезъ минуту онъ захрапѣлъ.

„Все случилось какъ мнѣ надо было чтобы случилось. Черезъ двѣ минуты, не сдѣлавъ ничего что̀ могло бы навлечь на меня подозрѣніе, я могла задушить его. Я вошла въ свою комнату, взяла въ руки полотенце, заранѣе приготовленное, и была уже на шагъ отъ конца, но вдругъ со мной случилось что-то странное. Не могу опредѣлить что̀ это было. Могу

только сказать что ужасъ овладѣлъ мною и выгналъ меня изъ дома.

„Я надѣла шляпку и ушла изъ дома, положивъ въ карманъ ключъ отъ наружной двери. Тогда было половина девятаго, или безъ четверти девять. У меня было одно опредѣленное желаніе: убѣжать подальше, чтобы никогда не видать ни дома, ни моего мужа.

„Я пошла въ одну сторону и вернулась назадъ. Пошла въ другую сторону и вернулась назадъ. Я не могла уйти. Я была какъ бы прикована къ дому. Еслибъ отъ этого зависѣла моя жизнь, я не могла бы уйти.

„Когда я рѣшалась уже вернуться домой, мимо меня прошло веселое общество молодыхъ мущинъ и женщинъ. Они очень спѣшили. „Поскорѣе“, сказалъ одинъ изъ нихъ. „Театръ близко. Мы поспѣемъ къ водевилю.“ Получивъ религіозное воспитаніе, я до сихъ поръ не была ни разу въ театрѣ. Мнѣ пришло въ голову что если я увижу и услышу что-нибудь совершенно новое для меня, то и мысли мои обратятся на что-нибудь новое.

„Они вошли въ театръ, и я вошла за ними.

„Началось то что̀ они называли водевилемъ, на сцену вышли мущины и женщины. Они двигались и говорили. Скоро всѣ вокругъ меня начали смѣяться и хлопать въ ладоши. Шумъ, который они производили, сердилъ меня. Не могу разказать въ какомъ состояніи я была тогда. Я видѣла и слышала совсѣмъ не то что̀ видѣли и слышали другіе. Можетъ-быть то что̀ было у меня на умѣ становилось между мною и тѣмъ что̀ происходило на сценѣ. Водевиль казался очень веселымъ, но я знала что подъ веселою внѣшностью скрываютъ опасность и смерть. Актеры разговаривали и смѣялись чтобъ обмануть людей, замышляя въ то же время убійство. И никто, кромѣ меня, не зналъ этого, а мой языкъ не шевелился когда я хотѣла сказать это другимъ. Я встала и ушла изъ театра.

„Выйдя на улицу, я пошла безсознательно по направленію къ дому. Я кликнула извощика и сказала чтобъ онъ везъ меня (за шиллингъ) въ противуположную сторону. Не знаю гдѣ онъ высадилъ меня. Я увидала на противуположной сторонѣ улицы огненныя буквы надъ отворенною дверью. Извощикъ сказалъ мнѣ что это танцовальная зала. Танцы были для меня такою же новостью какъ и театръ. У меня оставался одинъ шиллингъ. Я заплатила за входъ, чтобъ испытать какое впечатлѣ-

ніе произведутъ на меня танцы. Свѣтъ, лившійся на залу съ потолка, освѣщалъ ее такъ что она казалась вся въ огнѣ. Трескъ музыки былъ невыносимъ. Глядя на крутящихся мущинъ и женщинъ, можно было сойти съ ума. Не знаю что случилось со мной здѣсь. Комната освѣтилась вдругъ огнемъ кроваваго цвѣта. Мущина стоявшій предъ музыкантами, махая палочкой, сдѣлался вдругъ похожъ на сатану, какъ онъ изображенъ въ нашей семейной Библіи. Кружащіеся мущины и женщины превратились въ мертвецовъ, одѣтыхъ въ бѣлые саваны. Я вскрикнула отъ ужаса, и кто-то взялъ меня за руку и вытолкнулъ за дверь. Темнота подѣйствовала на меня какъ холодная рука положенная на горячую голову. Я шла въ темнотѣ, не зная куда иду и утѣшала себя надеждой что удаляюсь отъ своего дома и къ утру буду за нѣсколько миль отъ него. Черезъ нѣсколько времени я такъ устала что не могла идти далѣе и сѣла отдохнуть на ступеньку предъ дверью какого-то дома. Здѣсь я задремала, но скоро проснулась и хотѣла идти далѣе, но случайно обернулась и взглянула на дверь дома. На ней стоялъ нумеръ двери нашего дома. Я взглянула на ступеньку: ступенька была знакома мнѣ. Я стояла у двери своего дома.

„Всѣ мои сомнѣнія и колебанія исчезли при этомъ открытіи. Я поняла истинное значеніе всѣхъ моихъ возвращеній. Какъ бы я ни сопротивлялась, судьбы не минуешь.

„Я отперла дверь, вошла наверхъ и услышала его громкое храпѣніе. Я сѣла на свою кровать и сняла шляпку, совершенно спокойная, потому что знала что судьбы не минуешь. Намочивъ полотенце и сложивъ его, я прошлась по комнатѣ.

„Начинало свѣтать. Воробьи порхали по деревьямъ сада.

„Мое ослѣпленіе прошло. Слабый свѣтъ сказалъ мнѣ какъ бы словами: сдѣлай это теперь, пока я еще слабъ и не показываю чего не слѣдуетъ видѣть.

„Я прислушалась. Благодѣтельная тишина дала мнѣ тоже совѣтъ: сдѣлай это теперь. Я сохраню тайну.

„Я ждала до той минуты когда церковные часы заиграли предъ боемъ. При первомъ ударѣ часовъ, не дотронувшись до замка его двери, не поставивъ ноги въ его комнату, я положила полотенце на его лицо. Съ послѣднимъ ударомъ часовъ онъ пересталъ биться. Когда утихъ въ утренней тишинѣ гулъ колокола, утихъ на вѣки и мужъ мой.“

13.

„Остальная часть этой исторіи заключается въ четырехъ дняхъ: среда, четвергъ, пятница, суббота. Далѣе все какъ будто подернуто туманомъ; послѣдующіе годы были годами новой жизни.

„Окончу разказъ о прежней жизни.

„Что чувствовала я въ ужасной тишинѣ утра, послѣ моего поступка?

„Не знаю что я чувствовала, не могу припомнить и не могу разказать. Могу только записать что произошло въ четыре послѣдующіе дня.

Среда.—„Я подняла тревогу въ полдень. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ предъ тѣмъ я приводила все въ порядокъ. Въ полдень мнѣ осталось только позвать людей и предоставить имъ дѣлать что угодно. Сначала пришли сосѣди, потомъ полиція. Они постучались въ его дверь, потомъ выломали ее, и нашли его мертвымъ на постели.

„Ни малѣйшей тѣни подозрѣнія не пало на меня. Я могла не бояться суда человѣческаго, но я боялась невыносимо суда карающаго Провидѣнія. Ночью я спала только нѣсколько минутъ и повторила во снѣ убійство. Нѣкоторое время я даже думала пойти въ полицію и признаться въ своемъ преступленіи. Если-бы я не принадлежала къ честному семейству, я это сдѣлала бы. На нашемъ добромъ имени никогда не было пятна. Если-бы я призналась къ своемъ преступленіи, я убила бы отца и опозорила бы семейство. Я молилась чтобы Богъ указалъ мнѣ что я должна сдѣлать, и къ утру на меня сошло откровеніе.

„Я получила повелѣніе открыть Библію и поклясться надъ нею что съ этого дня буду жить между моими невинными ближними отдѣльною, безмолвною жизнью, посвятивъ мой языкъ исключительно молитвѣ, съ которою буду обращаться къ Богу въ уединеніи моей комнаты, когда ни одно человѣческое существо не будетъ слышать меня. Одна, въ тишинѣ утра, я видѣла явленіе и дала клятву. Ни одно человѣческое существо не слыхало меня до сихъ поръ. Ни одно человѣческое существо не услышитъ меня до дня моей смерти.“

Четвергъ.—„Заговоривъ со мною по обыкновенію, люди узнали что я онѣмѣла.“

Пятница.—„Было слѣдствіе. Его знали въ продолженіи многихъ лѣтъ за неисправимаго пьяницу; были свидѣтели видѣвшіе что онъ возвратился домой, въ послѣдній разъ, пьяный; его нашли въ комнатѣ съ запертыми изнутри дверью и окномъ: каминовъ на нашемъ чердакѣ не было; слѣдовъ никакихъ не осталось; никто не могъ войти въ запертую комнату. Доктора рѣшили что онъ умеръ отъ прилива крови къ легкимъ. Этимъ дѣло и кончилось.

Суббота—„отмѣчена навсегда въ моемъ календарѣ какъ достопамятный день въ который меня постигло наказаніе карающей судьбы. Часа въ три пополудни, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, подъ безоблачнымъ небомъ, я, Есфирь Дезриджъ, увидала въ первый разъ видѣніе, которому суждено преслѣдовать меня до конца моей жизни.

„Я провела ужасную ночь и была въ такомъ же состояніи какъ въ тотъ вечеръ когда ходила въ театръ. Я ушла изъ дома съ надеждой что свѣжій воздухъ, солнечный свѣтъ и свѣжая зелень успокоятъ меня хоть сколько-нибудь. Ближайшее мѣсто гдѣ я могла найти свѣжій воздухъ и зелень, былъ паркъ Регента. Я вошла въ одну изъ такихъ аллей въ центрѣ парка куда не пускаютъ лошадей, и гдѣ старики могутъ грѣться на солнцѣ, а дѣти играть безопасно.

„Я сѣла на лавочку. Между дѣтьми, окружавшими меня, былъ хорошенькій маленькій мальчикъ. Онъ игралъ въ новую игрушку, лошадку запряженную въ телѣжку. Когда я смотрѣла какъ онъ рвалъ съ озабоченнымъ видомъ траву и нагружалъ ею свою телѣжку, я почувствовала въ первый разъ то что повторилось съ тѣхъ поръ такъ много разъ—озноб, медленно пробѣгающій по всему тѣлу и подозрѣніе что возлѣ меня скрывается что-то, и что это что-то покажется мнѣ, если я обернусь въ его сторону.

„Недалеко отъ меня стояло толстое дерево. Я взглянула на дерево въ ожиданіи что изъ-за него выйдетъ то что скрывалось за нимъ.

„Оно вышло, темное и туманное при яркомъ солнечномъ свѣтѣ. Сначала я увидала неопредѣленную фигуру женщины. Потомъ она начала обозначаться яснѣе, яснѣе и яснѣе, пока я наконецъ не увидала, какъ въ зеркалѣ, самое себя, — мой двойникъ, глядѣвшій на меня моими глазами. Я видѣла какъ онъ шелъ по травѣ. Я видѣла какъ онъ остановился за прекраснымъ мальчикомъ. Я видѣла какъ онъ началъ прислуши-

ваться, какъ прислушивалась я въ тотъ ранній часъ утра когда я ждала перваго удара часовъ. Услыхавъ ударъ, онъ указалъ мнѣ моею рукой на прекраснаго ребенка и сказалъ мнѣ моимъ голосомъ: „убей его!“

„Прошло сколько-то времени—не знаю была ли то минута или часъ. Я не видала ни неба, ни земли. Я не видала ничего кромѣ двойника, указывавшаго мнѣ на ребенка и не чувствовала ничего кромѣ невыносимаго желанія убить ребенка.

„Потомъ небо и земля вдругъ бросились мнѣ въ глаза. Я увидала и людей, которые смотрѣли на меня съ недоумѣніемъ, подозрѣвая что я сумашедшая.

„Я встала съ величайшимъ усиліемъ съ лавки. Я отвернулась съ величайшимъ усиліемъ отъ прекраснаго ребенка. Я ушла съ величайшимъ усиліемъ отъ видѣнія.

„Не могу выразить какъ было сильно искушеніе, постигшее меня. Я какъ будто вырывала изъ себя жизнь, сопротивляясь искушенію убить ребенка. Иначе не могу объяснить это чувство. И какъ было сильно искушеніе въ первый разъ, такъ же сильно оно бываетъ каждый разъ когда мнѣ является видѣніе. Только страшно-мучительнымъ усиліемъ можно преодолѣть его. Только уединеніемъ и молитвой можно утолить тоску, которая всегда слѣдуетъ за нимъ.

„Предчувствіе грядущаго наказанія тяготѣло надо мною, и наказаніе постигло меня. Я ждала суда карающаго Провидѣнія, и карающее Провидѣніе произнесло свой приговоръ надо мною.“

Прочитавъ послѣднія слова, Джофри поднялъ голову. Ему послышался какой-то звукъ. Не въ корридорѣ ли это?

Онъ прислушался. Прошла минута глубокой тишины. Онъ обратился опять къ рукописи и сосчиталъ недочитанныя страницы.

Дальнѣйшій разказъ ограничивался передачей обстоятельствъ при которыхъ Есфирь Дезриджъ поступила опять въ услуженіе. Немногія остальныя страницы были заняты отрывочнымъ дневникомъ. Краткія записки всѣ относились къ случаямъ когда Есфирь Дезриджъ видѣла опять страшное видѣніе и опять боролась съ ужасною страстью, которую пробуждало въ ней страшное созданіе ея больнаго мозга.

Сосчитавъ страницы, Джофри возвратился къ тому мѣсту на которомъ остановился, намѣреваясь прочесть рукопись до

конца. Но не успѣлъ онъ прочесть одной строчки, какъ шумъ въ коррридорѣ, затихшій только на минуту, помѣшалъ ему опять.

Въ этотъ разъ не могло уже быть сомнѣнія въ значеніи звуковъ. Онъ слышалъ ея поспѣшныя шаги, онъ слышалъ ея страшный крикъ. Есфирь Дезриджъ проснулась, хватилась исповѣди и не нашла ея.

Онъ положилъ рукопись въ карманъ. Въ этотъ разъ чтеніе его было удачно. Не было уже надобности ломать голову надъ *Ньюгетскимъ Календаремъ*. Вопросъ былъ рѣшенъ. Когда онъ всталъ, его сумрачное лицо медленно прояснилось ужасною улыбкой. Пока исповѣдь несчастной женщины была въ его карманѣ, несчастная женщина была въ его власти. „Она получитъ назадъ свою исповѣдь не иначе какъ на моихъ условіяхъ.“ Съ этимъ рѣшеніемъ онъ отворилъ дверь и смѣло вышелъ навстрѣчу Есфири Дезриджъ.

ГЛАВА LV.

Признаки конца.

На слѣдующее утро, служанка, поставивъ передъ Анной подносъ съ завтракомъ, затворила съ таинственнымъ видомъ дверь и объявила что въ домѣ происходитъ что-то странное.

— Вы ничего не слыхали ночью, сударыня? спросила она.

— Мнѣ показалось что кто-то шепчется за стѣной моей комнаты, отвѣчала Анна.—Развѣ что-нибудь случилось.

Разказъ служанки, освобожденный отъ замѣшательства съ которымъ она передала его, въ сущности ограничивался слѣдующимъ. Поздно вечеромъ, наканунѣ, она была поражена внезапнымъ появленіемъ своей хозяйки въ коррридорѣ нижняго этажа. Мистрисъ Дезриджъ озиралась такимъ дикимъ взглядомъ что можно было подумать что она сошла съ ума. Почти въ ту же минуту „баринъ“ распахнулъ дверь гостиной, схватилъ за руку мистрисъ Дезриджъ, втащилъ ее въ гостиную и заперъ дверь. Болѣе получаса пробыли они вдвоемъ. Мистрисъ Дезриджъ вышла изъ гостиной блѣдная какъ смерть и поднялась на верхъ дрожа какъ бы отъ ужаса. Немного позже, когда служанка легла, но еще не спала, она увидала въ щель своей двери свѣтъ въ маленькомъ коррридорѣ, который велъ въ ея спальню и отдѣлялъ спальню Анны отъ

спальни хозяйки. Она встала, взглянула въ замочную скважину и увидала „барина“ съ мистрисъ Дезриджъ. Они стояли рядомъ и разсматривали стѣны корридора. „Баринъ“ положилъ руку на стѣну комнаты своей жены и взглянулъ на мистрисъ Дезриджъ. Мистрисъ Дезриджъ взглянула на него и покачала головой. „Здѣсь нельзя сдѣлать?“ спросилъ онъ ее шепотомъ. Мистрисъ Дезриджъ опять покачала головой. Онъ подумалъ съ минуту, и шепнулъ ей: „можетъ-быть другая комната годится?“ Мистрисъ Дезриджъ кивнула головой, и вслѣдъ за этимъ они разошлись. Таковы были ночныя происшествія. Утреннія происшествія были не менѣе странны. Баринъ уходилъ изъ дома съ большимъ пакетомъ запечатаннымъ многими печатями; самъ относилъ на почту свое письмо, вмѣсто того чтобъ отослать его, по обыкновенію, со служанкой. Когда онъ вернулся, мистрисъ Дезриджъ отправилась куда-то. Немного позже, приходилъ какой-то ремесленникъ. Онъ принесъ связку дранокъ и немного извести. Дранки и известь были спрятаны въ уголъ чулана. Послѣднимъ и самымъ замѣчательнымъ изъ домашнихъ событій было то что служанкѣ позволили съѣздить на родину, погостить у родныхъ, и сказали что она можетъ отправиться немедленно, несмотря на то что мистрисъ Дезриджъ наняла ее съ условіемъ что она не получитъ отпуска раньше Рождества. Чѣмъ объяснить всѣ странныя происшествія случившіяся съ прошлаго вечера?

Нѣкоторыя происшествія свидѣтельствовали повидимому что хозяйка намѣревается произвести въ своемъ домѣ какія-то передѣлки. Но какое дѣло до этихъ передѣлокъ Джофри (которому отказано отъ квартиры), и почему мистрисъ Дезриджъ была сильно взволнована ночью,—было загадками неразрѣшимыми.

Анна отпустила служанку съ небольшимъ подаркомъ и нѣсколькими ласковыми словами. При другихъ обстоятельствахъ необъяснимыя домашнія происшествія встревожили бы ее. Но теперь умъ ея былъ поглощенъ событіемъ котораго она ожидала. Во второмъ письмѣ (которое передала ей наканунѣ хозяйка) Бланка увѣдомляла ее что сэръ-Патрикъ настаиваетъ на своемъ намѣреніи повидаться съ ней, и что они пріѣдутъ къ ней въ этотъ день во что бы то ни стало.

Анна взяла письмо и перечла опять мѣсто относившееся къ сэръ-Патрику.

„Не думаю, милый другъ мой, чтобы вы имѣли понятіе о чувствахъ моего дяди къ вамъ. Хотя онъ не имѣетъ причинъ упрекать себя, какъ упрекаю себя я, за жертву которую вы принесли, но онъ безпокоится и тоскуетъ о васъ такъ же сильно какъ и я. Мы не говоримъ не о комъ кромѣ васъ. Онъ сказалъ вчера что по его мнѣнію въ мірѣ нѣтъ существа которое могло бы сравниться съ вами. Подумайте только что это сказалъ человѣкъ который смотритъ такъ строго на недостатки женскаго пола вообще и насмѣхается надъ нами такъ безпощадно. Я дала слово молчать, но должна разказать вамъ еще кое-что, по секрету. Когда лордъ Гольчестеръ объявилъ что братъ его не соглашается разойтись съ вами, дядя вышелъ изъ себя. Если въ вашей жизни нѣтъ перемѣны къ лучшему, то черезъ нѣсколько дней сэръ-Патрикъ найдетъ средство, — законное или незаконное, ему нѣтъ дѣла,—освободить васъ изъ ужаснаго положенія въ которомъ вы находитесь. Мы поняли что васъ держатъ, подъ различными предлогами, взаперти. Сэръ-Патрикъ уже нашелъ себѣ наблюдательный постъ возлѣ васъ. Онъ и Арнольдъ обошли ночью вокругъ вашего дома, нашли дверь въ задней стѣнѣ сада и подобрали къ ней ключъ съ помощью слесаря. Сэръ-Патрикъ вѣроятно самъ поговоритъ съ вами объ этомъ. Пожалуста не покажите что вы что-нибудь знаете. Я не посвящена въ его тайны, но Арнольдъ посвященъ, что одно и то же. Мы, я и дядя, пріѣдемъ къ вамъ завтра, вопреки негодяю который васъ держитъ взаперти. Арнольдъ не пріѣдетъ; онъ не ручается, что сумѣетъ сдержать свое негодованіе. Не унывайте, милая. На свѣтѣ есть два существа которымъ вы невыразимо дороги и которыя рѣшились спасти ваше счастіе. Одно изъ нихъ я, а другое сэръ-Патрикъ. Ради Бога чтобъ это осталось между нами.“

Углубившись въ письмо, волнуемая столкновеніемъ различныхъ чувствъ, которыя оно пробуждало въ ней, краснѣя и блѣднѣя, она не обращала никакого вниманія на то что̀ дѣлалось вокругъ нея, пока служанка, явившаяся съ порученіемъ, не прервала ея мыслей. Пріѣхалъ мистеръ Спидвель, видѣлся съ мистеромъ Деламеномъ и теперь желаетъ повидаться съ нею.

Анна сошла въ гостиную. Докторъ былъ одинъ. Онъ извинился что потревожилъ ее такъ рано.

— Вчера я никакъ не могъ побывать здѣсь, сказалъ онъ.— Днемъ я принимаю посѣтителей у себя, и иначе не могъ исполнить просьбу лорда Гольчестера, какъ пріѣхать такъ рано. Я видѣлъ мистера Деламена, и онъ разрѣшилъ мнѣ поговорить съ вами объ его здоровьѣ.

Анна взглянула въ окно и увидала Джофри, курившаго

трубку въ передней половинѣ сада, гдѣ онъ могъ видѣть выходную дверь.

— Онъ боленъ? спросила она.

— Онъ серіозно боленъ, отвѣчалъ мистеръ Спидвель.—Иначе я не сталъ бы безпокоить васъ. Я обязанъ предупредить васъ, какъ его жену, что ему угрожаетъ серіозная опасность. Ему постоянно грозитъ апоплексическій ударъ. Онъ долженъ немедленно измѣнить свой образъ жизни. Это единственный и, надо признаться, очень слабый шагъ къ спасенію.

— Въ одномъ отношеніи онъ принужденъ будетъ измѣнить свой образъ жизни, сказала Анна. — Хозяйка отказала ему отъ квартиры.

Мистеръ Спидвель взглянулъ на нее съ удивленіемъ.

— Хозяйка вѣроятно передумала, сказалъ онъ. — Когда я посовѣтовалъ мистеру Деламену перемѣнить климатъ, онъ объявилъ мнѣ очень рѣшительно что останется по собственнымъ причинамъ на этой квартирѣ.

Новое необъяснимое обстоятельство. Есфирь Дезриджъ, самая непоколебимая изъ женщинъ, измѣнила свое рѣшеніе.

— Есть еще два предохранительныхъ средства, на которыя я обязанъ указать вамъ, продолжалъ докторъ.—Причина страданія мистера Деламена очевидно причина нравственная, хотя онъ не хочетъ сознаться въ этомъ. Для спасенія его жизни эту причину необходимо отстранить. Не отъ васъ ли это зависитъ?

— Я даже не знаю, мистеръ Спидвель, что́ это за причина.

Докторъ поклонился и продолжалъ:

— Второе предохранительное средство состоитъ въ томъ чтобы заставить его отказаться отъ крѣпкихъ напитковъ. Онъ самъ сознался что третьяго дня выпилъ чрезмѣрно много. Вино для него буквально ядъ, въ его положеніи. Если онъ примется опять за бутылку—извините что я выражаюсь прямо, это дѣло слишкомъ серіозное для церемоній,—если онъ примется опять за бутылку, его ожидаетъ неминуемая смерть. Можете вы заставить его отказаться отъ вина?

Анна отвѣчала откровенно:

— Я не имѣю на него никакого вліянія, мистеръ Спидвель. Мы живемъ здѣсь на такихъ условіяхъ.

Мистеръ Спидвель вѣжливо остановилъ ее.

— Я понимаю, сказалъ онъ.—Я заѣду къ его брату на возвратномъ пути.

Онъ поглядѣлъ съ минуту на Анну.

— Сами-то вы совсѣмъ больны, сказалъ онъ.—Не могу ли я помочь вамъ?

— Пока я нахожусь въ моемъ положеніи, мистеръ Спидвель, ваше искусство не поможетъ мнѣ.

Докторъ простился. Анна ушла поспѣшно на верхъ. Увидѣть человѣка погубившаго ея жизнь, увидѣть затаенную ненависть, противъ его воли высказывавшуюся въ его глазахъ, и знать въ то же время что надъ нимъ уже произнесенъ смертный приговоръ, было такою пыткой, отъ которой отступала съ ужасомъ ея благородная натура.

Часъ за часомъ прошло утро. Джофри не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки увидать ее. Есѳирь не показывалась. Служанка приходила проститься и отправилась въ отпускъ. Вскорѣ послѣ ея отъѣзда, Анна услыхала стукъ молотка и передвиженіе тяжелой мебели въ пустой комнатѣ находившейся на противуположной сторонѣ корридора, противъ ея комнаты. Тамъ повидимому приступили къ таинственнымъ передѣлкамъ.

Анна подошла къ окну. Время обѣщаннаго свиданія приближалось. Она перечла опять письмо.

Въ этотъ разъ оно дало ей поводъ къ новымъ предположеніямъ. Не были ли таинственныя мѣры, втайнѣ принятыя сэръ-Патрикомъ, столько же слѣдствіемъ страха, какъ и участія? Не думаетъ ли онъ что ей угрожаетъ такая опасность отъ которой законъ не можетъ оградить ее? Дѣйствительно, еслибы она имѣла возможность обратиться въ судъ, и объявить что, по ея убѣжденію, ей грозитъ серіозная опасность,—какія доказательства представила бы она въ пользу своего мнѣнія? Всѣ доказательства были въ пользу ея мужа. Свидѣтели могли подтвердить примирительныя слова, которыя онъ сказалъ ей. Его братъ и его мать могли подтвердить что онъ пожертвовалъ денежными интересами чтобы не разставаться съ нею. Въ ея положеніи не было ничего такого что могло бы дать кому-нибудь право вмѣшаться между нею и ея мужемъ. Можетъ-быть сэръ-Патрикъ понимаетъ это? И можетъ быть поэтому-то онъ и рѣшился дѣйствовать помимо закона? Чѣмъ болѣе она объ этомъ думала, тѣмъ это казалось ей вѣроятнѣе.

Звонокъ у садовой двери прервалъ теченіе ея мыслей.

Шумъ въ пустой комнатѣ внезапно утихъ.

Анна выглянула въ окно, и увидѣла крышу кареты за садовой стѣной. Сэръ-Патрикъ и Бланка пріѣхали. Есѳирь

Дезриджъ показалась въ саду и подошла къ рѣшеткѣ садовой двери. Анна услыхала рѣзкій голосъ сэръ-Патрика.

— Потрудитесь передать мою карточку мистеру Деламену. Скажите что я пріѣхалъ отъ лорда Гольчестера съ такимъ порученіемъ которое я могу передать только лично.

Есѳирь Дезриджъ вернулась въ домъ. Прошелъ довольно долгій промежутокъ. Наконецъ въ саду показался самъ Джофри, съ ключомъ въ рукахъ. Сердце Анны сильно билось, когда онъ отпиралъ дверь. Она спрашивала себя что̀ будетъ дальше.

Къ ея невыразимому удивленію, Джофри впустилъ сэръ-Патрика безъ малѣйшаго препятствія, и самъ пригласилъ Бланку выйти изъ кареты и войти въ садъ.

— Не будемъ вспоминать о прошломъ, сказалъ онъ сэръ-Патрику.—Мое единственное желаніе теперь сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ. Если другіе считаютъ приличнымъ чтобъ я принималъ посѣтителей такъ скоро послѣ смерти отца, такъ я готовъ принять васъ. Я поручилъ передать вамъ что считаю это неприличнымъ. Но въ такихъ вещахъ я мало смыслю и предоставляю это вамъ.

— Вы обязаны, мистеръ Деламенъ, принять, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, посѣтителя который пріѣзжаетъ къ вамъ съ порученіемъ отъ вашей матери, и отъ вашего брата, отвѣчалъ сэръ-Патрикъ спокойно.

— Тѣмъ болѣе, отвѣчала Бланка что онъ пріѣзжаетъ въ сопровожденіи лучшаго друга вашей жены.

Джофри смотрѣлъ на нихъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ.

— Я уже сказалъ вамъ что мало смыслю въ такихъ вещахъ и предоставляю это вамъ.

Въ эту минуту они подошли подъ окно Анны. Она показалась. Сэръ-Патрикъ поклонился. Бланка вскрикнула отъ радости и подбѣжала къ двери дома. Джофри остановилъ ее и пригласилъ жену сойти внизъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнула Бланка. — Лучше я пойду къ ней въ ея комнату.

Она сдѣлала опять шагъ къ дому, но Джофри опять остановилъ ее.

— Не безпокойтесь, сказалъ онъ.—Она сейчасъ сойдетъ.

Анна вышла въ садъ. Бланка обняла ее и осыпала поцѣлуями. Сэръ-Патрикъ молча пожалъ ея руку. Въ первый разъ съ

тѣхъ поръ какъ она его знала, Анна замѣтила что веселый, насмѣшливый, самонадѣянный старикъ растерялся и не могъ сказать ни одного слова. Но глаза его, смотрѣвшіе на нее съ безмолвнымъ участіемъ, сказали ей ясно: въ присутствіи вашего мужа я не рѣшаюсь заговорить съ вами.

Джофри прервалъ молчаніе.

— Не хотите ли войти въ гостиную, сказалъ онъ, глядя съ пристальнымъ вниманіемъ на жену и на Бланку.

Голосъ Джофри возвратилъ самообладаніе сэръ-Патрику. Онъ поднялъ голову.

— Можно ли сидѣть въ комнатахъ въ такую прекрасную погоду, сказалъ онъ.—Походимъ лучше по саду.

Бланка пожала выразительно руку Анны. Такое предложеніе было, очевидно, сдѣлано съ цѣлью. Они завернули за уголъ дома и вошли въ обширный задній садъ,—двѣ дамы шли впереди а сэръ-Патрикъ и Джофри слѣдовали за ними. Бланка начала ускорять понемногу шаги.

— Мнѣ такъ предписано, сказала она.—Надо уйти подальше отъ нихъ.

Это легко было сказать, но не сдѣлать. Джофри не отставалъ отъ нихъ.

— Примите въ соображеніе мою хромоту, мистеръ Деламенъ, сказалъ сэръ-Патрикъ.—Не такъ скоро.

Планъ былъ хитро придуманъ, но Джофри понялъ хитрость. Вмѣсто того чтобы замедлить шаги, онъ сказалъ женѣ:

— Примите въ соображеніе хромоту сэръ-Патрика. — Не такъ скоро.

Сэръ-Патрикъ встрѣтилъ неудачу съ невозмутимымъ присутствіемъ духа. Когда Анна замедлила шаги, онъ вдругъ остановился на срединѣ дорожки.—Я хочу говорить съ вами, сказалъ онъ.—Двѣ дамы шли медленно впередъ. Джофри предстояло выбрать одно изъ двухъ—или остаться съ сэръ-Патрикомъ, и оставить дамъ вдвоемъ, или послѣдовать за дамами и оставить сэръ-Патрика одного. Онъ подумалъ, и послѣдовалъ за дамами.

Сэръ-Патрикъ позвалъ его назадъ.

— Я сказалъ вамъ что хочу поговорить съ вами, сказалъ онъ рѣзко.

Джофри, поставленный въ затруднительное положеніе, выдалъ свое намѣреніе не оставлять дамъ вдвоемъ. Онъ крикнулъ Аннѣ чтобъ она остановилась.

— У меня нѣтъ секретовъ отъ жены, сказалъ онъ.—И я хочу чтобъ у жены моей не было секретовъ отъ меня. Можете говорить при ней.

Глаза сэръ-Патрика засверкали негодованіемъ, но онъ овладѣлъ собой и взглянулъ выразительно на племянницу.

— Какъ вамъ угодно, сказалъ онъ.—Вашъ братъ просилъ меня передать вамъ что его новыя обязанности отнимаютъ у него такъ много времени что онъ не надѣется имѣть возможность пріѣхать на дняхъ въ Фульгамъ, какъ обѣщалъ вамъ. Леди Гольчестеръ, узнавъ что я увижу васъ, дала мнѣ другое порученіе. Она несовсѣмъ здорова и желаетъ чтобы вы пріѣхали къ ней завтра и привезли съ собою (это ея непремѣнное желаніе) вашу жену.

Передавая порученія, онъ постепенно возвышалъ голосъ. Пока онъ говорилъ, Бланка (поняв значеніе взгляда дяди) сказала шепотомъ Аннѣ:

— Онъ не согласится разойтись съ вами пока вы будете жить у него. Онъ торгуется съ братомъ. Если вы скроетесь отъ него, онъ долженъ будетъ согласиться. Поставьте свѣчу на окно, если найдете возможнымъ выйти въ садъ въ нынѣшнюю ночь. Если нѣтъ, то въ другую ночь. Подойдите къ задней двери сада. Сэръ-Патрикъ и Арнольдъ берутъ остальное на себя.

Послѣднія слова она сказала Аннѣ на ухо, небрежно махая зонтикомъ, какъ будто то что она говорила было самою невинною болтовней. Женщина всегда находчива, когда ей приходится содѣйствовать обману, который она сама одобрятъ. Но какъ ни ловко дѣйствовала Бланка, ей не удалось обмануть подозрительнаго Джофри. Она дошла до своей послѣдней фразы, прежде чѣмъ онъ могъ отвлечь свое вниманіе отъ того что говорилъ ему сэръ-Патрикъ и вслушаться въ ея слова. Онъ разслышалъ только первую половину послѣдней фразы.

— Что такое вы сказали о сэръ-Патрикѣ и Арнольдѣ? спросилъ онъ.

— Ничего интереснаго для васъ, отвѣчала Бланка, не смутившись.—Если хотите я повторю. Я разказывала Аннѣ о моей мачихѣ. Леди Лунди, послѣ случившагося въ Портлендѣ, объявила сэръ-Патрику и Арнольду что они могутъ впредь считать себя совершенно чужими ей. Вотъ и все.

— Такъ ли? спросилъ Джофри, устремивъ на нее пристальный взглядъ.—Все ли?

— Спросите у дяди если не вѣрите мнѣ, отвѣчала Бланка.— Она отказала намъ необыкновенно величественно, и тѣми самыми словами которыя я повторила вамъ. Не правда ли дядя?

Бланка сказала правду. Ея быстрое соображеніе указало ей на дѣйствительное происшествіе, относившееся къ сэръ-Патрику и Арнольду. Принужденный замолчать, съ одной стороны, Джофри былъ вызванъ на отвѣтъ съ другой.

— Какой же отвѣтъ передать отъ васъ леди Гольчестеръ? спросилъ сэръ-Патрикъ.

Джофри, не отвѣчая, устремилъ на него пристальный взглядъ.

Сэръ-Патрикъ повторилъ опять порученіе леди-Гольчестеръ, сдѣлавъ особое удареніе на словахъ объ Аннѣ. Удареніе разозлило Джофри.

— Вы сговорились съ моей матерью испытать меня, воскликнулъ онъ.—Чортъ бы побралъ ваши хитрости, вотъ что я вамъ скажу.

— Я жду вашего отвѣта, настаивалъ сэръ-Патрикъ, не обративъ вниманія на дерзость Джофри.

Джофри взглянулъ на Анну и внезапно овладѣлъ собой.

— Передайте мое почтеніе матушкѣ, сказалъ онъ.—Я пріѣду къ ней завтра и привезу съ собой жену съ величайшимъ удовольствіемъ. Слышите ли? Съ величайшимъ удовольствіемъ, повторилъ онъ и оглянулъ слушателей, желая знать какое впечатлѣніе произвелъ на нихъ его отвѣтъ.

Сэръ-Патрикъ ждалъ непроницаемо не скажетъ ли онъ еще чего-нибудь.

— Очень жаль что я погорячился, продолжалъ Джофри.— Меня оскорбляютъ, мнѣ не довѣряютъ безъ всякой причины. Я прошу васъ быть свидѣтелями, прибавилъ онъ, возвысивъ опять голосъ и взглядывая съ безпокойствомъ то на сэръ-Патрика, то на Анну,—я прошу васъ быть свидѣтелями что я обращаюсь съ моею женой какъ слѣдуетъ. Друзья пріѣзжаютъ навѣстить ее, и я не мѣшаю ей повидаться съ друзьями. Матушка желаетъ видѣть ее, и я обѣщаю свозить ее къ матушкѣ. Завтра въ два часа. За что же осуждаютъ меня? Вотъ вы глядите на меня и не говорите ни слова. Скажите въ чемъ я виноватъ.

— Если собственная совѣсть человѣка не упрекаетъ его, мистеръ Деламенъ, то мнѣніе другихъ имѣетъ для него мало значенія, сказалъ сэръ-Патрикъ.—Мое порученіе исполнено.

Когда онъ обернулся къ Аннѣ, чтобы проститься съ ней,

она поняла какое безпокойство онъ чувствовалъ покидая ее. Онъ поблѣднѣлъ. Рука его дрожала, когда онъ пожалъ крѣпко и нѣжно ея руку.

— Завтра увидимся у лорда Гольчестера, сказалъ онъ и взялъ подъ руку Бланку.

Онъ простился съ Джофри, не взглянувъ на него и не обративъ вниманія на его протянутую руку. Въ слѣдующую минуту они уѣхали.

Анна ждала въ нижнемъ корридорѣ пока Джофри запиралъ дверь. Послѣ его отвѣта матери, она не хотѣла показать что избѣгаетъ его. Онъ подошелъ медленно къ дому, но увидавъ ее въ отворенную дверь, прошелъ мимо и завернулъ за уголъ дома. Не трудно было понять что онъ самъ избѣгаетъ ее. Не солгалъ ли онъ сэръ-Патрику? Не найдетъ ли онъ завтра причины не взять ее съ собой?

Она вошла на верхъ. Есфирь Дезриджъ отворила дверь своей комнаты, но увидавъ Анну, поспѣшно скрылась опять. Опять не трудно было понять что Есфирь Дезриджъ имѣетъ свои причины избѣгать ее.

Что это значитъ? Что можетъ быть общаго между Джофри и хозяйкой?

Но такъ какъ вопросъ этотъ былъ неразрѣшимъ, то мысли Анны естественно обратились на то что сообщила ей Бланка. Женщина не можетъ быть равнодушной къ такой преданности какую выказывалъ ей сэръ-Патрикъ своими поступками. Какъ ни было ужасно ея положеніе, съ его постоянно возрастающей неизвѣстностью, съ его неразрѣшимыми сомнѣніями, она была счастлива когда думала съ гордостью и благодарностью о всѣхъ жертвахъ и опасностяхъ коимъ онъ подвергалъ себя единственно ради нея. Не обязана ли она, столько же относительно себя самой какъ и относительно сэръ-Патрика, сократить періодъ страданія? спрашивала она себя. Можно ли въ ея положеніи ждать что принесетъ съ собой завтра? Она рѣшила поставить въ эту же ночь свѣчу на окно, если представится возможность выйти въ садъ.

Подъ вечеръ раздались опять звуки означавшіе, по мнѣнію Анны, что въ домѣ производятся какія-нибудь передѣлки. Въ этотъ разъ звуки были слабые и раздавались не въ пустой комнатѣ, а въ спальнѣ Джофри.

Обѣдъ въ этотъ день былъ поданъ поздно. Есфирь Дезриджъ явилась съ подносомъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло. Анна

предложила ей вопросъ и получила въ отвѣтъ нѣмой звукъ. Рѣшившись взглянуть въ лицо Есѳири, она задала такой вопросъ на который можно было отвѣтить не иначе какъ письменно, и сказавъ ей подождать, подошла къ камину, чтобы зажечь свѣчу. Когда она обернулась съ зажженною свѣчей, Есѳирь ушла.

Наступила ночь. Анна позвонила, чтобы заставить унести подносъ. Въ корридорѣ послышались незнакомые шаги.

— Кто тамъ? спросила она.

Ей отвѣчалъ мальчикъ котораго Джофри употреблялъ для посылокъ.

— Зачѣмъ вы пришли сюда? спросила она, не отворяя двери.

— Меня прислалъ мистеръ Деламенъ, сударыня. Онъ проситъ васъ сойти къ нему сейчасъ же.

Анна сошла внизъ и нашла Джофри въ столовой. Цѣль съ которою онъ вызвалъ ее была повидимому самая пустая. Онъ спросилъ ее какъ она желаетъ ѣхать въ Лондонъ: по желѣзной дорогѣ или въ экипажѣ?—Если вы желаете ѣхать въ экипажѣ, мальчикъ наймetъ карету.

— Я желала бы ѣхать по желѣзной дорогѣ, отвѣчала Анна.

Но Джофри не удовлетворился отвѣтомъ. Онъ попросилъ ее обдумать хорошенько свое рѣшеніе и началъ просить ее, съ безпокойнымъ выраженіемъ въ глазахъ, не лишать себя комфорта ради экономіи. У него очевидно была какая-то причина удерживать ее въ комнатѣ.

— Сядьте пожалуста и подумайте хорошенько, прежде чѣмъ рѣшите, сказалъ онъ.

Заставивъ ее сѣсть, онъ высунулъ голову въ дверь и послалъ мальчика на верхъ за своею трубкой.

— Я хочу чтобы жена моя пользовалась всевозможнымъ комфортомъ, сказалъ онъ съ очевиднымъ волненіемъ.

Прежде чѣмъ Анна успѣла отвѣтить, на верху раздался испуганный голосъ мальчика. „Пожаръ“, кричалъ онъ.

Джофри побѣжалъ на верхъ. Анна послѣдовала за нимъ. Мальчикъ указалъ имъ на отворенную дверь комнаты Анны. Анна была вполнѣ увѣрена что уходя изъ комнаты оставила свѣчу на столѣ, далеко отъ занавѣса постели. Занавѣсъ тѣмъ не менѣе пылалъ.

Въ верхній этажъ дома была проведена вода. Тазы и рукомойники, которые обыкновенно приносились въ спальни въ началѣ вечера, на эту ночь были оставлены у резервуа-

ра. Тамъ же стояло пустое ведро. Приказавъ мальчику принести воды, Джофри сорвалъ занавѣсъ и бросилъ одну половину на постель, а другую на диванъ. Выливъ воду изъ ведра и изъ кувшина, принесенныхъ мальчикомъ, онъ залилъ огонь на постели и на диванѣ. Пожаръ былъ прекращенъ въ одну минуту, и домъ спасенъ. Но постель была залита водой, и комната сдѣлалась необитаема, по крайней мѣрѣ на эту ночь, а, можетъ-быть, и на нѣсколько ночей.

Джофри поставилъ на полъ пустое ведро и сказалъ, обратившись къ Аннѣ:

— Вамъ это не причинитъ большаго безпокойства. Стоитъ только перебраться въ другую комнату.

Съ помощью мальчика, онъ перетащилъ чемоданъ Анны и коммодъ въ другую комнату, сосѣднюю съ его комнатой, и посовѣтовавъ Аннѣ быть впредь осторожнѣе съ огнемъ, ушелъ внизъ, не выслушавъ ея отвѣта. Мальчикъ послѣдовалъ за нимъ и получилъ позволеніе идти домой.

Въ смятеніи, сопровождавшемъ тушеніе огня, Анна не могла не замѣтить оригинальнаго поведенія хозяйки дома.

Въ началѣ тревоги, Есѳирь вышла изъ своей комнаты, взглянула на пылавшій занавѣсъ и отошла въ уголъ, совершенно, повидимому, равнодушная къ опасности, угрожавшей ея дому. Когда пожаръ былъ прекращенъ, она не сдвинулась съ мѣста, пока не перенесли въ другую комнату имущество Анны. Тогда она вышла изъ комнаты, не бросивъ даже взгляда на обгорѣвшую постель и на закопченый потолокъ, заперла дверь, положила ключъ въ карманъ и ушла въ свою спальню.

До сихъ поръ Анна не раздѣляла убѣжденія къ которому приходили почти всѣ кому случалось имѣть сношенія съ Есѳирью. Но въ этотъ вечеръ она не могла не согласиться что умственныя способности Есѳири разстроены. Оставшись съ нею вдвоемъ, она хотѣла предложить ей вопросъ о причинѣ пожара, но, подумавъ, отложила до другаго раза. Она перешла корридоръ и вошла въ запасную комнату, въ ту комнату отъ которой она отказалась, когда видѣла ее въ первый разъ, и которую должна была занять теперь поневолѣ.

Она была мгновенно поражена перемѣной въ размѣщеніи мебели.

Кровать передвинули на другое мѣсто. Изголовье кровати, обращенное къ наружной стѣнѣ, когда Анна была въ первый

разъ въ комнатѣ, было теперь прислонено къ перегородкѣ отдѣлявшей эту комнату отъ спальни Джофри. Такая перемѣна была произведена, очевидно, съ какою-нибудь цѣлью. Крючокъ, поддерживавшій занавѣсъ, былъ вбитъ въ другое мѣсто потолка, сообразно съ перемѣщеніемъ кровати. Стулья и умывальникъ, стоявшіе сначала у перегородки, были перенесены къ наружной стѣнѣ. Остальная мебель стояла на прежнихъ мѣстахъ.

Въ положеніи Анны, всякое неожиданное и необъяснимое обстоятельство должно казаться страшнымъ и подозрительнымъ. Не передвинули ли постель съ какою-нибудь цѣлью? Не относится ли къ ней какимъ-нибудь образомъ эта цѣль?

Сомнѣніе, едва зародившись, обратилось въ страшное подозрѣніе. Не для тайной ли какой-нибудь цѣли понадобилось перемѣстить ее въ эту комнату? Не къ этому ли перемѣщенію относится вопросъ съ которымъ Джофри обратился въ прошлую ночь къ хозяйкѣ? Не нарочно ли подожгли занавѣсъ, чтобы заставить ее переселиться въ эту комнату?

Когда эти три вопроса мелькнули въ ея умѣ, она опустилась на ближайшій стулъ въ изнеможеніи отъ ужаса.

Успокоившись немного, она рѣшилась убѣдиться основательны ли ея подозрѣнія. Можетъ-быть, разстроенное воображеніе напугало ее призрачною опасностію. Можетъ-быть была какая-нибудь основательная причина передвинуть кровать. Она вышла и постучала въ дверь комнаты хозяйки.

— Мнѣ надо поговорить съ вами, сказала она.

Есѳирь отворила дверь. Анна позвала ее въ свою комнату.

— Для чего вы передвинули кровать отъ той стѣны къ этой? спросила Анна.

Есѳирь приняла вопросъ съ такою же невозмутимою покорностію съ какою смотрѣла на огонь, и написала на доскѣ отвѣтъ. Протягивая доску, она всегда смотрѣла прямо въ лицо человѣку который читалъ то что она написала ему. Теперь же она протянула доску Аннѣ, съ опущенными глазами. Немногія слова написанныя на доскѣ не были прямымъ отвѣтомъ. Она написала:

„Я передвинула ее нѣсколько дней тому назадъ.“

— Я спрашиваю васъ для чего вы передвинули ее?

Есѳирь написала на доскѣ только два слова:

„Стѣна сыра.“

Анна взглянула на стѣну. На обояхъ не было ни малѣй-

ихъ признаковъ сырости. Она пощупала стѣну рукой, и не почувствовала ни малѣйшей сырости.

— Не правда, сказала она.

Есѳирь стояла неподвижно.

— Стѣна не сыра, повторила Анна.

Есѳирь, не поднимая глазъ, указала настойчиво на два слова, подождала чтобъ Анна прочла ихъ, и вышла изъ комнаты.

Звать ее назадъ было, очевидно, безполезно. Оставшись одна, Анна поспѣшила затворить дверь. Она заперла ее ключомъ и задвинула обѣ задвижки. Замокъ былъ цѣлъ и задвижки держались крѣпко. Тайная опасность, гдѣ бы она не скрывалась, не грозила со стороны двери.

Она оглянула всю комнату, осмотрѣла каминъ, окно, ставни, внутренность шкафа, заглянула подъ кровать. Она не замѣтила нигдѣ ничего такого что могло бы оправдать опасенія самаго подозрительнаго существа.

Но это не успокоило ее. Предчувствіе тайной опасности, постепенно усиливаясь, обратилось въ убѣжденіе.

Она сѣла и начала припоминать всѣ происшествія дня, надѣясь разрѣшить такимъ образомъ свои сомнѣнія.

Попытка была безполезна: она не вознаградилась ничѣмъ опредѣленнымъ, ничѣмъ осязаемымъ. Хуже, она дала поводъ къ новому сомнѣнію,—къ сомнѣнію была ли причина, переданная Бланкой, настоящей причиной побудившею сэръ-Патрика предложить ей свою помощь.

Дѣйствительно ли онъ приписываетъ поведеніе Джофри корыстнымъ разчетамъ? И дѣйствительно ли онъ хочетъ увезти ее отъ мужа только потому что надѣется заставить этимъ Джофри согласиться на предложеніе Юлія? Дѣйствительно ли это единственная цѣль? Или онъ убѣжденъ (зная ея положеніе) что ей угрожаетъ физическая опасность въ домѣ мужа? И не скрылъ ли онъ это убѣжденіе изъ опасенія напугать ее? Она оглянула незнакомую комнату въ ночной тишинѣ и почувствовала что послѣднее предположеніе вѣроятнѣе перваго.

Стукъ запираемыхъ дверей и оконъ донесся до нея изъ нижняго этажа. Что было дѣлать?

Не было возможности дать условленный знакъ сэръ-Патрику и Арнольду. Они ожидали увидать свѣчу на окнѣ той комнаты которую заперла Есѳирь.

Не было также никакой надежды на ночнаго сторожа, еслибъ она, дождавшись когда онъ подойдетъ къ дому, позвала его

на помощь. Еслибы она могла заставить себя выразить такъ открыто недовѣріе къ мужу, и еслибы даже помощь была близка, какой основательной причиной оправдала бы она такой поступокъ? У нея не было ни малѣйшей основательной причины, которая могла бы дать ей право обратиться къ покровительству закона.

Какъ послѣднее средство разрѣшить безотчетныя подозрѣнія, которыя внушило ей перемѣщеніе кровати, она попробовала сдвинуть ее. Но какъ она не напрягала силъ, тяжелая кровать не сдвинулась ни на волосъ.

Осталось положиться на запертую дверь и бодрствовать всю ночь, съ надеждой что сэръ-Патрикъ и Арнольдъ бодрствуютъ тоже, въ близкомъ разстояніи отъ дома.

Она взяла работу и книги, и сѣла къ столу, поставивъ его посреди комнаты.

Послѣдніе звуки, свидѣтельствовавшіе о жизни и движеніи въ домѣ, смолкли. Вокругъ нея воцарилась гробовая тишина.

ГЛАВА LVI.

Средство.

Наступилъ новый день; солнце взошло; домъ проснулся. Въ запасной комнатѣ и внѣ запасной комнаты не случилось ничего особеннаго.

Въ часъ назначенный для отъѣзда къ лорду Гольчестестеру, Есѳирь Дезриджъ и Джофри были наединѣ въ спальнѣ, въ которой Анна провела ночь.

— Она одѣта и ждетъ меня внизу, сказалъ Джофри.—Вы звали меня сюда. Что вамъ нужно?

Есѳирь указала на кровать.

— Отодвинуть ее отъ стѣны?

Есѳирь кивнула головой.

Они отодвинули кровать на нѣсколько футовъ отъ внутренней тѣни. Подумавъ съ минуту, Джофри сказалъ:

— Это должно быть сдѣлано сегодня ночью. Ея друзья могутъ вмѣшаться. Горничная можетъ воротиться. Непремѣнно сегодня.

Есѳирь наклонила медленно голову.

— Сколько времени нужно вамъ быть одной въ домѣ?

Она показала три пальца.

— Три часа?

Она кивнула головой.

— Въ три часа это будетъ сдѣлано?

Она опять кивнула головой.

До сихъ поръ она никогда, говоря съ нимъ, не глядѣла на него. Въ ея манерѣ слушать его, въ каждомъ движеніи, которое она по необходимости дѣлала при немъ, выражалась безжизненная покорность, нѣмой ужасъ который онъ внушалъ ей. Онъ съ своей стороны до сихъ поръ молча выносилъ это. Но въ этотъ разъ, выходя изъ комнаты, онъ не выдержалъ.

— Почему, чортъ возьми, вы не можете глядѣть на меня?

Она какъ будто не слыхала вопроса. Онъ сердито повторилъ его. Она написала отвѣтъ на доскѣ и протянула ему, опять не поднимая глазъ.

— Вѣдь я знаю что вы можете говорить, сказалъ онъ.—Я обличилъ васъ. Для чего же вы продолжаете играть со мною эту комедію?

Она настойчиво держала предъ нимъ доску. Онъ прочелъ: „Я нѣма для васъ и слѣпа для васъ. Оставьте меня въ покоѣ."

— Оставить васъ въ покоѣ, повторилъ онъ.—Не поздно ли отступать послѣ того что вы уже сдѣлали? Хотите вы получить назадъ вашу *Исповѣдь*, или нѣтъ?

При намекѣ на *Исповѣдь*, она подняла голову. Слабый румянецъ вспыхнулъ на ея безжизненныхъ щекахъ; минутное страданіе возмутило ея мертвенное лицо. У этой женщины остался въ жизни только одинъ интересъ—овладѣть отнятою у нея рукописью. Только при воспоминаніи объ этомъ, пробуждалось ея слабое сознаніе.

— Такъ помните же ваше условіе, а я буду помнить свое, продолжалъ Джофри.—Вы знаете наши условія. Я прочелъ вашу *Исповѣдь*, но тамъ сказано не все. Я знаю что вы задушили его, но не знаю какъ вы это сдѣлали. Я хочу знать. Вы нѣмы и не можете разказать мнѣ. Вы должны сдѣлать съ этою стѣной то же самое что сдѣлали съ той. Вы ничѣмъ не рискуете. Никто не увидитъ васъ. Когда я вернусь, пусть эта стѣна будетъ въ такомъ же положеніи, въ какомъ была другая въ тотъ ранній часъ утра когда вы ждали съ лопотенцемъ въ рукахъ перваго удара часовъ. Сдѣлайте это, и завтра вы получите назадъ вашу *Исповѣдь*.

При послѣднихъ словахъ, угасшая энергія женщины вспыхнула опять. Она взяла въ руки доску и, быстро написавъ на

ней, протянула ее обѣими руками къ самому лицу Джофри. онъ прочелъ:

„Я не хочу ждать до завтра. Вы должны отдать мнѣ *Исповѣдь* сегодня ночью.“

— Вы думаете что я ношу вашу *Исповѣдь* при себѣ, сказалъ Джофри.—Ея нѣтъ даже въ этомъ домѣ.

Она отступила назадъ, и въ первый разъ взглянула на него.

— Не бойтесь, продолжалъ Джофри.—Она запечатана моею печатью и хранится въ конторѣ моего банкира. Я самъ отнесъ ее туда. У васъ рѣшительный характеръ, мистрисъ Дезриджъ. Еслибъ я заперъ ее въ своей комнатѣ, вы сломали бы замокъ, лишь только я отвернулся бы отъ васъ. Еслибъ я носилъ ее при себѣ, на моемъ лицѣ очутилось бы полотенце въ ранній часъ утра. Въ конторѣ вамъ отдадутъ вашу *Исповѣдь*, когда вы предъявите записку написанную моею рукой. Сдѣлайте то что̀ я сказалъ, и сегодня ночью вы получите записку.

Она провела фартукомъ по лицу и взглянула съ облегченіемъ. Джофри повернулся къ двери.

— Я вернусь въ шесть часовъ, сказалъ онъ.—Будетъ готово?

Она наклонила голову.

Первое условіе принято, онъ предложилъ второе.

— Въ удобную минуту я приду въ мою комнату, сказалъ онъ. — Предъ тѣмъ я позвоню въ колокольчикъ столовой. Услыхавъ звонокъ, вы взойдете на верхъ и покажете мнѣ то что̀ вы сдѣлаете въ мое отсутствіе.

Она опять наклонила голову.

Въ эту минуту, въ нижнемъ этажѣ отворилась дверь. Джофри поспѣшилъ внизъ. Анна могла забыть что-нибудь; надо было помѣшать ей войти въ ея комнату.

Они встрѣтились въ корридорѣ.

— Надоѣло ждать въ саду? спросилъ онъ отрывисто.

— Почтальйонъ сейчасъ подалъ мнѣ сквозь рѣшетку садовой двери письмо къ вамъ, сказала она.—Оно лежитъ въ столовой, на столѣ.

Онъ вошелъ въ столовую. Адресъ былъ написанъ рукою мистрисъ Гленармъ. Онъ положилъ нераспечатанное письмо въ карманъ и вернулся къ Аннѣ.

— Пойдемте скорѣе, сказалъ онъ. — Мы опоздаемъ на поѣздъ.

И они отправились къ лорду Гольчестеру.

ГЛАВА LVII.

Конецъ.

Въ шесть часовъ безъ нѣсколькихъ минутъ, карета лорда Гольчестера привезла Джофри и его жену на ихъ квартиру.

Джофри ломѣшалъ лакею позвонить у садовой двери. Уходя изъ дома, онъ взялъ ключъ съ собою. Впустивъ Анну и заперевъ за нею дверь, онъ подошелъ къ окну кухни и кликнулъ Есѳирь Дезриджъ.

— Принесите холодной воды въ гостиную, сказалъ онъ,—и наполните вазу на каминѣ. Чѣмъ скорѣе вы поставите цвѣты въ воду, прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ,—тѣмъ дольше они не завянутъ.

Онъ говорилъ о букетѣ который Юлій нарвалъ для Анны въ оранжереѣ своего дома. Оставивъ Анну въ гостиной устанавливать цвѣты, онъ послѣшилъ на верхъ. Минуту спустя, къ нему пришла Есѳирь.

— Готово? спросилъ онъ шепотомъ.

Есѳирь кивнула головой. Джофри снялъ сапоги и вошелъ въ комнату Анны. Они придвинули беззвучно кровать къ стѣнѣ и послѣшили уйти. Когда, нѣсколько минутъ спустя, Анна вошла въ свою комнату, она не замѣтила въ ней никакой перемѣны. Она сняла шляпку и пальто, и сѣла отдохнуть.

Все теченіе событій съ прошлой ночи шло къ тому чтобъ обмануть ее. Она не могла не поддаться убѣжденію что ея опасенія неосновательны, что подъ вліяніемъ вымышленныхъ подозрѣній она поддалась совершенно безпричинному страху. Въ твердомъ убѣжденіи что ей грозитъ опасность, она бодрствовала всю ночь, и ничего не случилось. Въ полной увѣренности что Джофри далъ обѣщаніе, не имѣя намѣренія исполнить его, она желала узнать подъ какимъ предлогомъ онъ оставитъ ее дома. Но когда пришло время ѣхать, оказалось что онъ готовъ исполнить свое обѣщаніе. Въ домѣ лорда Гольчестера онъ не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки стѣснить свободу ея дѣйствій и словъ. Рѣшившись увѣдомить сэръ-Патрика о томъ что она перемѣнила комнату, она разказала о пожарѣ со всѣми подробностями, и Джофри съ начала до конца разказа не остановилъ ее ни однимъ словомъ. Она говорила съ Бланкой наединѣ, и онъ не мѣшалъ ей. Гуляя по

оранжереѣ, она безпрепятственно отстала отъ другихъ, чтобы поблагодарить сэръ-Патрика и спросить его дѣйствительно ли онъ смотритъ на поведеніе Джофри съ такой точки зрѣнія какъ передала Бланка. Она говорила съ нимъ минутъ десять или болѣе. Сэръ-Патрикъ увѣрилъ ее что Бланка передала правильно его мнѣніе. Онъ сказалъ ей что, по его убѣжденію, она должна дѣйствовать рѣшительно и послѣшно, и что она хорошо сдѣлаетъ взявъ на себя (съ его помощію) инціативу разрыва. „Пока вы будете жить съ нимъ въ одномъ домѣ, говорилъ сэръ-Патрикъ, онъ будетъ спекулировать нашимъ нетерпѣніемъ освободить васъ отъ него и будетъ торговаться съ своимъ братомъ въ качествѣ кающагося мужа. Поставьте свѣчу на окно ночью и попробуйте уйти. Подойдите только къ садовой двери, и я ручаюсь что вы будете въ безопасности пока онъ не подпишетъ условія.“ Такъ онъ поощрялъ Анну къ послѣшному образу дѣйствій, и она обѣщала ему послѣдовать его совѣту. Потомъ она ушла въ гостиную, и Джофри не сдѣлалъ никакого замѣчанія объ ея отсутствіи. Она вернулась въ Фульгамъ вдвоемъ съ нимъ въ каретѣ его брата, и онъ дорогой ни о чемъ не распрашивалъ ее. Какое заключеніе должна она была вывести изъ всего этого? Развѣ она могла заглянуть въ душу сэръ-Патрика, и увидать что онъ умышленно скрылъ отъ нея свое мнѣніе объ ея положеніи, изъ опасенія что она лишится энергіи, узнавъ какъ онъ боится за ея безопасность? Нѣтъ. Она не могла не повѣрить признакамъ ложнаго спокойствія окружавшаго ея. Она не могла не согласиться искренно съ притворнымъ мнѣніемъ сэръ-Патрика и не повѣрить что сэръ-Патрикъ правъ.

Въ сумерки Анна начала чувствовать усталость, неизбѣжное слѣдствіе безсонной ночи. Она позвонила и попросила чаю.

Есѳирь, явившаяся на ея зовъ, вмѣсто того чтобъ отвѣтить по обыкновенію утвердительнымъ наклоненіемъ головы, подумала съ минуту, потомъ написала на доскѣ и показала Аннѣ слѣдующія слова:

„Безъ служанки вся работа лежитъ на мнѣ. Еслибы вы напились чаю въ гостиной, вы избавили бы меня отъ лишняго труда всходить на верхъ.“

Анна согласилась немедленно на ея предложеніе.

— Вы нездоровы? спросила она, замѣтивъ, какъ не было темно въ комнатѣ, что-то странное въ манерахъ Есѳири.

Не поднимая глазъ, Есѳирь покачала головой.

— Не разстроило ли васъ что-нибудь?

Есѳирь повторила отрицательный знакъ.

— Не обидѣла ли я васъ чѣмъ-нибудь?

Есѳирь внезапно сдѣлала шагъ впередъ, внезапно взглянула на Анну, сдѣлала надъ собой усиліе, и съ нѣмымъ звукомъ, подобнымъ стону, вышла изъ комнаты.

Заключивъ что какимъ-нибудь неумышленнымъ словомъ или поступкомъ она обидѣла Есѳирь, Анна рѣшилась возобновить разговоръ объ этомъ при первой возможности и сошла внизъ. Въ отворенную настежь дверь столовой, она увидала Джофри, писавшаго письмо, съ роковою бутылкой на столѣ.

Послѣ того что̀ сказалъ ей мистеръ Спидвель, она сочла долгомъ сдѣлать ему замѣчаніе и исполнила свой долгъ безъ малѣйшаго колебанія.

— Простите что я прерываю васъ, сказала она. — Вы кажется забыли что̀ говорилъ вамъ объ этомъ мистеръ Спидвель.

Она указала на бутылку. Джофри посмотрѣлъ на бутылку, потомъ на письмо, и покачалъ нетерпѣливо головой. Она сдѣлала вторую попытку образумить его, и опять безуспѣшно. „Ну, хорошо“, сказалъ онъ довольно мягкимъ тономъ. Идти на третью неудачу было безполезно. Анна удалилась въ гостиную.

Письмо, которое онъ писалъ, было отвѣтомъ на письмо мистрисъ Гленармъ, въ которомъ она объявила ему что намѣрена уѣхать изъ Лондона. Онъ дошелъ до двухъ заключительныхъ фразъ, когда Анна прервала его: „Я можетъ-быть скоро сообщу вамъ новость, которой вы не ожидаете. Подождите еще одинъ день.“

Запечатавъ письмо, и выпивъ стаканъ водки съ водой, онъ устремилъ глаза въ отворенную дверь. Когда Есѳирь, пройдя по корридору съ подносомъ въ рукахъ, вошла въ гостиную, онъ подалъ условленный знакъ, позвонивъ въ колокольчикъ. Есѳирь тотчасъ же вышла изъ гостиной и затворила за собою дверь.

— Усѣлась она за свой чай? спросилъ онъ, снимая тяжелые сапоги и надѣвая заранѣе приготовленныя туфли.

Есѳирь наклонила голову.

Онъ указалъ на лѣстницу.—Идите впередъ, шепнулъ онъ.— Безъ отговорокъ! и безъ шума!

Она поднялась на лѣстницу. Онъ медленно слѣдовалъ за ней. Хотя онъ выпилъ только одинъ стаканъ водки съ водой, шаги его были уже не тверды. Опираясь одною рукой въ стѣну, другой держась за перила, онъ поднялся на верхъ, остановился, прислушиваясь съ минуту, потомъ послѣдовалъ за Есѳирью въ свою комнату и тихо заперъ дверь.

— Ну! сказалъ онъ.

Она стояла неподвижно среди комнаты, похожая болѣе на машину, которую надо привести въ движеніе, чѣмъ на живое существо. Видя что съ ней словами ничего не сдѣлаешь, онъ дотронулся до нея (причемъ дрожь пробѣжала по его тѣлу) и указалъ ей на стѣну.

Прикосновеніе пробудило ее. Медленными шагами, съ разсѣяннымъ взглядомъ, двигаясь какъ во снѣ, она подошла къ стѣнѣ, опустилась на колѣни, и вынувъ изъ панели два тонкихъ, острыхъ гвоздя, подняла полосу обоевъ, отклеенную отъ штукатурки. Вставъ на стулъ, она откинула полосу наверхъ и приколола ее двумя гвоздями, которые держала въ рукахъ.

При послѣднемъ свѣтѣ сумерокъ, Джофри взглянулъ на стѣну.

Онъ увидалъ проломъ. На разстояніи трехъ футовъ отъ пола, переплетъ штукатурки былъ вырѣзанъ и гипсъ выпутъ, такъ что образовалось отверстіе достаточной величины чтобъ просунутыя чрезъ него мужскія руки могли дѣйствовать свободно по всѣмъ направленіямъ. Ничто кромѣ обоевъ не мѣшало глазамъ и рукамъ проникнуть въ сосѣднюю комнату.

Есѳирь слѣзла со стула и знакомъ потребовала огня.

Джофри вынулъ спичку изъ коробки. Та же странная неувѣренность, которая уже владѣла его ногами, теперь, казалось, овладѣла и его руками. Онъ провелъ спичкой по крышкѣ коробки такъ сильно что спичка переломилась. Досталъ другую и провелъ такъ слабо что она не зажглась. Есѳирь взяла изъ его рукъ коробку, зажгла свѣчу и указала на панель.

Подъ тѣмъ мѣстомъ стѣны съ котораго была снята полоса обоевъ, въ полъ были вбиты два костылька. Двѣ тонкія, крѣпкія веревочки были обернуты вокругъ костыльковъ. Нижніе концы веревочекъ лежали аккуратно смотанные у панели. Верхніе концы, туго натянутые уходили въ двѣ маленькія дырочки, провернутыя въ стѣнѣ на разстояніи фута отъ пола.

Снявъ веревочки съ костыльковъ, Есѳирь подняла свѣчу къ

отверстію. Здѣсь были еще два конца веревочекъ, свободно спускавшіеся съ нижняго края отверстія. Потянувъ верхніе концы, Есѳирь начала поднимать отклеенную полосу обоевъ сосѣдней комнаты. Нижніе концы веревочекъ, которые предъ тѣмъ поддерживали полосу обоевъ въ натянутомъ положеніи, двигались чрезъ дырочки и не мѣшали ей подниматься. Джофри замѣтилъ что на изнанкѣ бумаги были наклеены мѣстами тонкія полоски ваты, препятствовавшія ей царапаться о стѣну. Поднявъ полосу до конца, Есѳирь взяла ее въ отверстіе, откинула наверхъ, прикрѣпила какъ и первую, и отошла въ сторону, уступивъ свое мѣсто Джофри. Въ отверстіе виднѣлась комната Анны. Онъ тихо раздвинулъ легкій занавѣсъ надъ постелью и увидалъ у себя подъ руками подушку гдѣ будетъ лежать ея голова ночью.

Ужасъ овладѣлъ имъ. Его нервы не выдержали. Онъ отступилъ назадъ съ преступнымъ страхомъ и оглянулъ комнату. На столѣ, возлѣ его постели, стояла карманная фляжка съ водкой. Онъ выпилъ ее залпомъ и сдѣлался опять самимъ собою.

— Прежде чѣмъ идти далѣе, сказалъ онъ, — я хочу знать какъ привести все это въ прежнее положеніе. Если эту комнату будутъ осматривать, веревки все выдадутъ.

Есѳирь вынула изъ шкафа стклянку съ жидкостью похожею на клей. Частью знаками, частью съ помощью доски, Есѳирь объяснила какъ намазать клеемъ отклеенную полосу обоевъ сосѣдней комнаты, какъ приклеить ее къ нижней части стѣны, натянувъ веревочки, какъ веревочки, послуживъ этой цѣли, могутъ-быть безпрепятственно вынуты, какъ потомъ, заложивъ отверстіе вынутыми матеріалами, или не закладывая, если не хватитъ времени, приклеить обои въ комнатѣ Джофри. Во всякомъ случаѣ, обои скроютъ отверстіе и не выдадутъ ничего.

Джофри удовлетворился. Онъ указалъ на полотенца, висѣвшія въ комнатѣ.

— Возьмите одно изъ нихъ, сказалъ онъ,—и покажите мнѣ собственными руками какъ вы это сдѣлали.

Въ эту минуту до нихъ донесся голосъ Анны, звавшей внизу мистрисъ Дезриджъ.

Нельзя было ручаться ни за одну минуту. Она могла придти въ свою комнату, и все узнать.

— Закройте скорѣе, сказалъ Джофри, указывая на стѣну.— Скорѣе.

Отверстіе было закрыто очень скоро. Стоило только спустить двѣ полосы обоевъ, натянуть веревочками полосу въ комнатѣ Анны, и прикрѣпить гвоздями полосу въ комнатѣ Джофри. Въ одну минуту стѣна приняла свой обычный видъ.

Они вышли на цыпочкахъ изъ комнаты и начали смотрѣть въ нижній корридоръ. Не получивъ отвѣта на второй зовъ, Анна прошла по корридору въ кухню и вернувшись съ чайникомъ въ рукахъ, затворила за собою дверь гостиной.

Есѳирь ждала невозмутимо дальнѣйшихъ приказаній. Но дальнѣйшихъ приказаній не послѣдовало. Страшное драматическое представленіе преступленія Есѳири не было нужно ни въ какомъ отношеніи. Всѣ средства были готовы, а способъ воспользоваться имъ былъ очевиденъ. Чтобы достигнуть цѣли, надо было выждать удобнаго времени и дѣйствовать рѣшительно. Джофри сдѣлалъ Есѳири знакъ идти внизъ.

— Идите въ кухню, пока она не вышла, сказалъ онъ. — Я буду ждать въ саду. Когда она уйдетъ въ свою комнату, покажитесь у задней двери. Я пойму.

Есѳирь поставила ногу на первую ступеньку, остановилась, обернулась, оглянула медленно обѣ стѣны корридора, содрогнулась, покачала головой и сошла медленно внизъ.

— Что вы тамъ разсматривали? шепнулъ ей вслѣдъ Джофри.

Не отвѣтивъ и не оглянувшись, она ушла въ кухню.

Онъ подождалъ съ минуту и послѣдовалъ за ней.

Прежде чѣмъ выйти въ садъ, онъ зашелъ въ столовую. Луна взошла, и ставни не были затворены. Не трудно было найти водку и графинъ съ водою на столѣ. Онъ вылилъ водку въ кружку, разбавилъ водой и выпилъ залпомъ. „Голова кружится“, прошепталъ онъ, обтирая лицо платкомъ. „Какая адская жара сегодня.“ Онъ направился къ двери. Дверь была отворена и видно ясно, но онъ не попалъ въ нее. Два раза онъ наталкивался на стѣну, по обѣ стороны двери, прежде чѣмъ нашелъ ее. Онъ отправился въ садъ. Странное состояніе овладѣло имъ когда онъ ходилъ взадъ и впередъ по саду. Онъ пилъ слишкомъ мало чтобъ опьянѣть. Голова его была въ обыкновенномъ состояніи, но тѣломъ онъ былъ пьянъ.

Наступала ночь; церковные часы пробили десять.

Анна вышла изъ гостиной со спальной свѣчей въ рукахъ.

— Тушите свѣчи, сказала она, подойдя къ двери кухни. — Я ухожу на верхъ.

Она вошла въ свою комнату. Утомленіе которое она чувствовала послѣ безсонной ночи становилось невыносимо. Она заперла дверь ключомъ, но задвижекъ не задвинула. Ея страхъ уже прошелъ, и она не сочла нужнымъ задвинуть задвижки, тѣмъ болѣе что онѣ могли бы помѣшать ей выйти почью безъ шума изъ комнаты. Она разстегнула платье, откинула волосы съ висковъ и начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, думая. Джофри велъ жизнь неаккуратную; Есѳирь большею частью ложилась спать поздно. Надо было ждать часа два по крайней мѣрѣ, а по всей вѣроятности три, до того времени когда можно бы было рѣшиться дать въ окно условленный знакъ сэръ-Патрику. Ея сила замѣтно исчезала. Отказывая себѣ въ отдыхѣ еще часа три, она могла бы утомить себя до того что у нея не хватило бы рѣшимости рискнуть на побѣгъ. Сонъ одолѣвалъ ею, и она рѣшилась заснуть. Она не боялась что не проснется въ нужное время. Анна, какъ многіе нервные люди, засыпая съ сознаніемъ что надо проснуться въ извѣстный часъ, была увѣрена что проснется во время инстинктивно. Она поставила зажженную свѣчу въ безопасное мѣсто и легла на постель. Менѣе чѣмъ черезъ пять минутъ, она спала глубокимъ сномъ.

Церковные часы пробили четверть одиннадцатаго.

Есѳирь Дезриджъ показалась у задней двери. Джофри вошелъ въ домъ. Увидавъ въ корридорѣ, при свѣтѣ лампы, его лицо, Есѳирь попятилась отъ него.

— Что̀ съ вами? спросилъ онъ.

Она покачала головой и указала въ дверь столовой на бутылку стоявшую на столѣ.

— Сумасшедшая! Я такъ же трезвъ какъ и вы, сказалъ онъ.—Что̀ бы со мною ни дѣлалось, только я не пьянъ.

Есѳирь взглянула на него опять. Онъ былъ правъ. По его голосу и по глазамъ видно было что онъ не пьянъ.

— Ушла она въ свою комнату?

Есѳирь кивнула головой.

Джофри поднялся на лѣстницу, шатаясь изъ стороны въ сторону. На верху онъ остановился, сдѣлалъ знакъ Есѳири слѣдовать за нимъ, вошелъ въ свою комнату, подождалъ чтобъ она вошла и заперъ дверь.

Онъ взглянулъ на стѣну, не рѣшаясь подойти къ ней. Есирь стояла за нимъ.

— Спитъ ли она? спросилъ онъ.

Есирь подошла къ стѣнѣ, прислушалась и отвѣчала утвердительно.

Онъ сѣлъ.

— У меня болитъ голова, сказалъ онъ.—Дайте мнѣ стаканъ воды.

Онъ выпилъ немного воды и вылилъ остатокъ на голову. Есирь подошла къ двери, намѣревалась уйти изъ комнаты. Джофри послѣшно остановилъ ее.

— Я не справлюсь съ веревками, сказалъ онъ,—и не сумѣю поднять обои. Поднимайте.

Она сдѣлала движеніе рѣшительнаго отказа, и отворила дверь.

— Хотите вы или нѣтъ получить назадъ вашу *Исповѣдь*? спросилъ онъ.

Она затворила дверь, покорившись мгновенно, и подошла къ стѣнѣ.

Она подняла отклеенныя полосы обоевъ, указала на отверстіе и отошла на другую сторону комнаты.

Джофри всталъ, подошелъ нетвердыми шагами къ своей кровати, и подождалъ немного, держась за нее. Въ это время онъ почувствовалъ въ себѣ перемѣну. По правой сторонѣ его головы прошло такое ощущеніе будто на нее пахнулъ холодный вѣтеръ. Онъ почувствовалъ себя опять твердымъ, онъ былъ въ состояніи разчитывать разстоянія, онъ рѣшился просунуть руки въ отверстіе и раздвинуть легкій занавѣсъ кровати. Онъ рѣшился взглянуть на свою спящую жену.

Свѣтъ свѣчи стоявшей въ другой сторонѣ комнаты слабо освѣщалъ ее. Болѣзненное, утомленное выраженіе лица ея пропало. Глубокій сонъ возвратилъ ему все что̀ въ немъ было прекраснаго въ былыя времена. Она казалась молодою при слабомъ свѣтѣ; она была хороша въ ея тихомъ покоѣ. Голова ея лежала на подушкѣ навзничь. Въ такомъ положеніи она была въ полной власти человѣка подъ взглядомъ котораго спала, человѣка смотрѣвшаго на нее съ неумолимою рѣшимостью лишить ее жизни.

Посмотрѣвъ на нее съ минуту, онъ отступилъ назадъ.

— Она сегодня походитъ болѣе на ребенка чѣмъ на женщину, пробормоталъ онъ, и взглянулъ на Есирь.

Зажженная свѣча, которую она принесла съ собой на верхъ, стояла возлѣ нея.

— Задуйте свѣчу, шепнулъ онъ.

Она не двигалась.

— Задуйте свѣчу! повторилъ онъ.

Она не слышала его.

Что же она дѣлала? Она смотрѣла пристально въ уголъ комнаты.

Онъ опять повернулся къ отверстію. Онъ опять взглянулъ на спокойное лицо на подушкѣ. Онъ умышленно пробудилъ въ себѣ чувство мести къ ней.

— Еслибы не ты, прошепталъ онъ, — я выигралъ бы бѣгъ. Еслибы не ты, я былъ бы въ хорошихъ отношеніяхъ съ отцомъ. Еслибы не ты, я женился бы на мистрисъ Глепармъ.

Онъ оглянулся, пользуясь минутой сильнѣйшей злобы, схватилъ полотенце, подумалъ съ минуту, и бросилъ его.

Новая мысль пришла ему въ голову. Онъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ своей кровати. Онъ схватилъ одну изъ подушекъ и взглянулъ на Есѳирь.

— Это не пьяное животное, сказалъ онъ. — Это женщина которая будетъ бороться за свою жизнь. Подушка подѣйствуетъ лучше полотенца.

Она не отвѣтила ни слова и не взглянула на него. Онъ сдѣлалъ шагъ къ отверстію, остановился и бросилъ взглядъ назадъ.

Есѳирь Дезриджъ сошла наконецъ съ своего мѣста.

Въ комнатѣ не было третьяго лица, но она смотрѣла и двигалась какъ будто слѣдовала за кѣмъ-нибудь вдоль стѣны. Губы ея были полуоткрыты отъ ужаса, глаза, постепенно расширялись, смотрѣли пристально блестящимъ взглядомъ въ пустое пространство. Шагъ за шагомъ она подходила все ближе и ближе къ Джофри, слѣдуя за невидимымъ образомъ, который также подходилъ все ближе и ближе. Онъ спросилъ себя что это значитъ? Можетъ-быть разсудокъ женщины не выдержалъ ужаса поступка при которомъ она присутствовала? Можетъ-быть она закричитъ и разбудитъ его жену?

Онъ поспѣшилъ къ отверстію чтобы воспользоваться возможностью, пока была возможность.

Онъ крѣпко сжалъ въ рукахъ подушку.

Онъ просунулъ ее въ отверстіе.

Онъ расправилъ ее надъ головой спящей Анны.

Въ ту же минуту онъ почувствовалъ на своемъ плечѣ руку Есѳири. Ея прикосновеніе прошло по его тѣлу, съ головы до ногъ, какъ прикосновеніе льда. Онъ вздрогнулъ, отступилъ назадъ и обернулся къ ней. Она устремила глаза черезъ его плечо на что-то находившееся за нимъ, какъ въ виндзорскомъ саду. Въ третій разъ она увидала за нимъ призракъ. Кровожадное бѣшенство овладѣло ею. Она какъ дикій звѣрь вцѣпилась въ его горло. Слабая старуха напала на атлета.

Онъ выронилъ подушку и поднялъ свою могучую правую руку, чтобы сбросить ее, какъ сбросилъ бы насѣкомое.

Когда онъ поднялъ руку, страшная конвульсія исказила его лицо. Какая-то невидимая рука опустила внизъ его правую бровь и вѣку, опустила внизъ и правую сторону рта. Поднятая рука опустилась безсильно. Вся правая сторона тѣла отнялась. Онъ упалъ какъ подкошенный.

Есѳирь Дезриджъ наклонилась надъ его распростертымъ тѣломъ, уперлась колѣнками въ его широкую грудь и сдавила пальцами его горло.

Стукъ паденія пробудилъ Анну. Она вскочила, оглянулась, и увидала надъ своимъ изголовьемъ отверстіе въ стѣнѣ и свѣтъ свѣчи въ сосѣдней комнатѣ. Она отступила назадъ, ждала, прислушивалась, глядѣла. Она не видала ничего кромѣ мерцанія свѣчи въ сосѣдней комнатѣ, не слыхала ничего кромѣ хриплаго дыханія, словно кто-то задыхался. Скоро звукъ замолкъ. Прошла минута тишины. Голова Есѳири Дезриджъ поднялась къ отверстію, поднялась съ безумнымъ блескомъ въ глазахъ, и взглянула на нее.

Анна бросилась къ отворенному окну и позвала на помощь.

Голосъ сэръ-Патрика отозвался на ея зовъ, съ дороги за оградой сада.

— Подождите меня, ради Бога! крикнула она.

Она выбѣжала изъ комнаты, сбѣжала съ лѣстницы, отперла дверь, и черезъ минуту была въ саду.

Подбѣжавъ къ садовой двери, она услышала за ней голосъ незнакомаго человѣка. Сэръ-Патрикъ ободрилъ ее.

— Съ нами ночной сторожъ, сказалъ онъ. — У него есть ключъ отъ садовой двери.

Дверь отворилась снаружи. Она увидала сэръ-Патрика, Арнольда и полицейскаго. Когда они вошли, она успѣла только сказать: „на верхъ“, и лишилась чувствъ. Сэръ-Патрикъ под-

держалъ ее. Онъ посадилъ ее на скамейку и остался съ нею, между тѣмъ какъ Арнольдъ и полицейскій поспѣшили въ домъ.

— Куда же идти сначала? спросилъ Арнольдъ.

— Въ комнату изъ которой она звала на помощь, отвѣчалъ полицейскій.

Они взбѣжали на лѣстницу, вошли въ комнату Анны, тотчасъ же замѣтили отверстіе въ стѣнѣ и взглянули въ него.

На полу лежало мертвое тѣло Джофри Деламена. Есфирь Дезриджъ стояла на колѣняхъ возлѣ его головы и молилась.

ЭПИЛОГЪ.

Утренній визитъ.

I.

Въ газетахъ было объявлено о возвращеніи лорда и леди Гольчестеръ въ ихъ лондонскую резиденцію, послѣ болѣе чѣмъ шестимѣсячнаго путешествія по континенту.

Сезонъ во всемъ разгарѣ. Въ продолженіи пріемныхъ часовъ дня, двери дома лорда Гольчестера отворяются ежеминутно для пріема посѣтителей. Большинство оставляетъ карточки и уѣзжаетъ. Нѣкоторыя привилегированныя особы выходятъ изъ каретъ и входятъ въ домъ.

Въ числѣ послѣднихъ была знатная особа, пріѣхавшая раньше другихъ съ твердымъ намѣреніемъ увидать во что бы то ни стало хозяина или хозяйку дома, и не принимавшая никакихъ отговорокъ. Между тѣмъ какъ эта особа говоритъ съ главнымъ швейцаромъ, лордъ Гольчестеръ, переходя изъ одной комнаты въ другую, случайно проходитъ мимо двери швейцарской. Особа тотчасъ же накидывается на него съ возгласомъ: „дорогой лордъ Гольчестеръ!“ Юлій оборачивается и видитъ леди Лунди.

Онъ пойманъ и сдается съ самымъ любезнымъ видомъ. Отворяя предъ ея свѣтлостью дверь ближайшей комнаты, онъ взглядываетъ украдкой на часы и думаетъ: „Какъ мнѣ отдѣлаться отъ нея прежде чѣмъ они пріѣдутъ?“

Леди Лунди водворяется на диванѣ, окружившись облакомъ шелку и кружевъ, и со свойственнымъ ей величественнымъ видомъ дѣлается „пріятною во всѣхъ отношеніяхъ“. Она освѣдомляется съ величайшимъ участіемъ о леди Гольчестеръ,

о вдовствующей леди Гольчестеръ, о самомъ Юліи. Гдѣ они были? Что они видѣли? Помогло ли имъ время и перемѣна мѣстъ примириться съ ударомъ того страшнаго происшествія о которомъ леди Лунди не рѣшается выразиться яснѣе? Юлій отвѣчаетъ самоотверженно и нѣсколько разсѣянно. Онъ съ своей стороны освѣдомляется о планахъ и намѣреніяхъ ея свѣтлости, и думаетъ о неумолимомъ теченіи времени и о случайностяхъ къ которымъ оно ведетъ. О себѣ самой леди Лунди не можетъ сообщить ничего новаго. Она пріѣхала въ Лондонъ только на нѣсколько недѣль. Она ведетъ жизнь уединенную. „Мой скромный кругъ обязанностей ограничивается Виндзетсомъ, лордъ Гольчестеръ. Если умъ мой утомляется, онъ находитъ обновленіе въ случайныхъ посѣщеніяхъ немногихъ искреннихъ друзей, которыхъ убѣжденія согласуются съ моими убѣжденіями. Такъ проходитъ (не совсѣмъ безполезно, надѣюсь) мое скромное существованіе. У меня нѣтъ новостей; я ничего не видала, исключая развѣ очень печальнаго зрѣлища которое мнѣ представилось вчера.“ Она останавливается. Юлій видитъ что она ждетъ вопроса, и предлагаетъ вопросъ.

Леди Лунди колеблется; объявляетъ что ея новость касается очень грустнаго событія, на которое она уже намекала; признается что, находясь въ Лондонѣ, она сочла долгомъ освѣдомиться объ Есэири Дезриджъ; что она не только освѣдомилась, но навѣстила сама несчастную женщину, говорила съ ней, нашла что она не сознаетъ своего ужаснаго положенія, не помнитъ рѣшительно ничего и покорно переноситъ свое существованіе. По мнѣнію медиковъ, свидѣтельствовавшихъ ее, несчастная проживетъ еще нѣсколько лѣтъ. Перечисливъ эти факты, ея свѣтлость готовится сдѣлать нѣсколько „соотвѣтствующихъ случаю замѣчаній“, которыми она славится, какъ вдругъ дверь отворяется, и леди Гольчестеръ, отыскивая своего мужа, входитъ въ комнату.

II.

Новый взрывъ сочувствія со стороны леди Лунди встрѣчается хозяйкой вѣжливо, но холодно. Леди Гольчестеръ, какъ и Юлій, думаетъ о теченіи времени и старается угадать долго ли намѣрена сидѣть гостья.

Леди Лунди не обнаруживаетъ намѣренія покинуть диванъ.

Она, очевидно, пріѣхала чтобы сказать что-то такое чего она еще не сказала. Скажетъ ли она это наконецъ? Да, она идетъ къ своей цѣли окольными путями. Позволятъ ли ей возобновить разговоръ о путешествіи лорда и леди Гольчестеръ? Такъ они были въ Римѣ. Не подтвердятъ ли они дошедшаго до нея поразительнаго извѣстія о „вѣроотступничествѣ“ мистрисъ Гленармъ?

Леди Гольчестеръ подтверждаетъ извѣстіе. Мистрисъ Гленармъ, дѣйствительно, отказалась отъ свѣта и ищетъ успокоенія въ лонѣ католической церкви. Леди Гольчестеръ видѣла ее въ Римѣ, въ монастырѣ. Она выдерживаетъ періодъ послушничества и намѣрена постричься. Леди Лунди, какъ хорошая протестантка, поднимаетъ руки въ ужасѣ, объявляетъ что это слишкомъ тяжелый предметъ для разговора, и чтобы перемѣнить его, переходитъ прямо къ своей цѣли. Не встрѣчалась ли леди Гольчестеръ, во время своего путешествія по континенту, съ мистрисъ Арнольдъ Бринквортъ, или не слыхала ли о ней?

— Я, какъ вамъ извѣстно, прекратила всякія сношенія съ моими родственниками, объясняетъ леди Лунди.—Ихъ образъ дѣйствій въ періодъ нашего семейнаго испытанія, сочувствіе съ которымъ они относились къ особѣ имя которой я не рѣшаюсь произнести, отдалили меня отъ нихъ. Мнѣ очень грустно, но зла на нихъ я не питаю, и всегда услышу съ материнскимъ участіемъ о счастіи Бланки. До меня дошли слухи что она и мужъ ея путешествовали въ то же время когда путешествовали вы и лордъ Гольчестеръ. Не встрѣчались ли вы съ ними?

Юлій и жена его переглядываются. Юлій хранитъ молчаніе. Леди Гольчестеръ отвѣчаетъ:

— Мы видѣли мистера и мистрисъ Бринквортъ во Флоренціи, а потомъ въ Неаполѣ, леди Лунди. Они вернулись въ Англію недѣлю тому назадъ, въ ожиданіи счастливаго событія которое можетъ-быть увеличитъ число членовъ вашего семейства. Въ настоящее время они въ Лондонѣ. Я даже скажу вамъ что мы ожидаемъ ихъ сегодня къ завтраку.

Изложивъ такъ ясно положеніе дѣлъ, леди Гольчестеръ смотритъ на леди Лунди. (Неужели и это не заставитъ ее уѣхать?)

Тщетная попытка! Леди Лунди удерживаетъ свою позицію. Не слыхавъ въ продолженіи послѣднихъ шести мѣсяцевъ бук-

вально ничего о своихъ родственникахъ, она сгораетъ отъ любопытства узнать еще что-нибудь. Есть еще особа о которой она не освѣдомлялась.

— А что сэръ-Патрикъ? спрашиваетъ она съ кроткою меланхоліей, намекающею на прошлыя оскорбленія, прощенныя съ христіанскою незлобивостью. —Я знаю о немъ только то что было объявлено въ газетахъ. Не встрѣчали ли вы и сэръ-Патрика во Флоренціи и Неаполѣ?

Юлій и жена его переглянулись опять. Въ залѣ бьютъ часы. Юлій вздрагиваетъ, леди Гольчестеръ начинаетъ терять терпѣніе. Однако надо чтобы кто-нибудь отвѣтилъ. Отвѣчаетъ опять леди Гольчестеръ.

— Сэръ-Патрикъ былъ за границей, леди Лунди, съ своею племянницей и ея мужемъ, и вернулся съ ними.

— Здоровъ? вопрошаетъ ея свѣтлость.

— Моложе чѣмъ когда-либо, отвѣчаетъ леди Гольчестеръ.

Леди Лунди улыбается сатирически. Леди Гольчестеръ замѣчаетъ улыбку, рѣшаетъ что снисхожденіе оказываемое такой особѣ неумѣстно, и объявляетъ (къ ужасу своего мужа) что у нея есть новость о сэръ-Патрикѣ,—новость которая, можетъ-быть, удивитъ его свояченицу.

Леди Лунди горитъ нетерпѣніемъ услыхать новость.

— Это не секретъ, продолжаетъ леди Гольчестеръ,—хотя извѣстно еще только немногимъ близкимъ друзьямъ его. Сэръ-Патрикъ сдѣлалъ важную перемѣну въ своей жизни.

Обворожительная улыбка леди Лунди исчезаетъ.

— Сэръ-Патрикъ очень умный и очень милый человѣкъ, продолжаетъ леди Гольчестеръ лукаво, — и по всѣмъ своимъ привычкамъ и по понятіямъ, онъ, какъ вамъ извѣстно, гораздо моложе своихъ лѣтъ и обладаетъ многими качествами привлекательными въ глазахъ женщинъ.

Леди Лунди вскакиваетъ.

— Неужели, леди Гольчестеръ, вы хотите сказать что сэръ-Патрикъ женился?

— Да, онъ женился.

Леди Лунди упадаетъ въ изнеможеніи на диванъ, въ непритворномъ изнеможеніи отъ двойнаго удара нанесеннаго ей. Она не только лишена положенія главной особы въ семействѣ, но и въ обществѣ отодвинута на задній планъ, съ прозвищемъ вдовствующей леди Лунди, на всю остальную часть своей жизни (такъ какъ ей уже сорокъ лѣтъ).

— Въ его года! восклицаетъ она, опомнившись.

— Позвольте мнѣ напомнить вамъ, возражаетъ леди Гольчестеръ,—что многіе женятся въ его года. Что же касается до его женитьбы, она выше насмѣшекъ или упрековъ. Она—доброе дѣло, въ высшемъ значеніи этого слова, и дѣлаетъ честь ему и женщинѣ которая раздѣляетъ его положеніе и его имя.

— Молоденькая дѣвочка, конечно, замѣчаетъ леди Лунди.

— Нѣтъ. Женщина испытанная необычайными страданіями и вытерпѣвшая благородно свою горькую участь. Женщина заслужившая спокойную, счастливую жизнь, въ которую она вступила.

— Могу я узнать кто она?

Въ эту минуту раздается стукъ въ наружную дверь. Юлій и жена его переглядываются въ третій разъ. Юлій вступаетъ наконецъ.

— Моя жена уже говорила вамъ, леди Лунди, что мы ожидаемъ къ завтраку мистера и мистрисъ Бринквортъ. Съ ними пріѣдутъ сэръ-Патрикъ и новая леди Лунди. Если я ошибаюсь, полагая что вамъ будетъ несовсѣмъ пріятно встрѣтиться съ ними, я могу только попросить васъ извинить меня. Если же вамъ дѣйствительно непріятно встрѣтиться съ ними, я предоставляю женѣ принять ихъ, а самъ буду имѣть честь проводить васъ въ другую комнату.

Онъ направляется къ двери другой комнаты. Онъ предлагаетъ руку леди Лунди. Ея свѣтлость стоитъ неподвижно. Она хочетъ увидать женщину смѣстившую ее. Минуту спустя дверь отворяется, и слуга объявляетъ:

— Сэръ-Патрикъ и леди Лунди! Мистеръ Бринквортъ и мистрисъ Бринквортъ!

Леди Лунди смотритъ на женщину ставшую во главѣ семейства, и видитъ Анну Сильвестеръ.

КОНЕЦЪ.

МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ

ЗА ГРАНИЦЕЙ И НА КАВКАЗѢ *

I.

Минеральныя воды во всѣхъ государствахъ Европы разсматриваются правительствами съ двухъ сторонъ: 1) какъ предметъ важный для народнаго здоровья и 2) какъ естественный продуктъ земли который, при своей эксплуатаціи, можетъ служить къ развитію народнаго благосостоянія, привлекать иностранные капиталы и вообще быть источникомъ косвеннаго дохода. Нѣкоторыя небольшія государства Германіи, уклоняясь отъ этого воззрѣнія, сдѣлали для себя изъ минеральныхъ водъ, которыми владѣютъ, *прямой* источникъ дохода, допустивъ на нихъ азартныя игры и обложивъ содержателей игорныхъ домовъ высокою пошлиной. Пойдя такимъ путемъ въ ущербъ первому и главному назначенію минеральныхъ водъ — общественной пользѣ, они старались для успокоенія совѣсти включить въ число пошлинъ, налагаемыхъ на поддерживаемыя ими страстныя развлеченія публики, и пошлину въ пользу непосредственнаго развитія благоустройства и роскоши при самыхъ водахъ. Содержатели

* Читано въ Русскомъ бальнеологическомъ Обществѣ въ Пятигорскѣ.

банковъ обязывались дѣлать извѣстныя сооруженія при водахъ, выдавать ежегодно суммы для устройства и поддержанія благотворительныхъ заведеній въ краѣ, строить дороги и пр. Но воды въ этомъ случаѣ, очевидно, теряли уже свое прямое значеніе и становились только предлогомъ привлеченія играющей публики. Въ Германіи начали появляться и привлекать къ себѣ многочисленныхъ посѣтителей уже такія купанья при которыхъ совсѣмъ не было никакихъ минеральныхъ водъ и была лишь азартная игра. Около Гапау до сихъ поръ существуетъ и посѣщается подобный Вильгельмсбадъ, въ которомъ для приличія построено нѣсколько ваннъ наполняемыхъ простою рѣчною водой.

Но помимо этихъ исключеній, ни одно государство не разсматриваетъ минеральныя воды какъ источникъ *прямаго* дохода, но каждое видитъ въ нихъ источникъ весьма важнаго дохода косвеннаго. Безпрерывны примѣры наглядно свидѣтельствующіе о томъ какъ развитіе минеральныхъ водъ отражается на развитіи благосостоянія всего окружающаго ихъ края. Не прошло еще 20ти лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ глазъ путешественника, ѣхавшаго отъ Кёльна къ Миндену, не доѣзжая двѣ станціи до этого города, встрѣчалъ одинокій домъ вестфальскаго крестьянина со всѣми его нероскошными принадлежностями. Проѣзжая теперь, на томъ же самомъ мѣстѣ путешественникъ видитъ небольшой, но прекрасный городокъ съ роскошными зданіями, многочисленными гостиницами, дѣятельнымъ народонаселеніемъ. Единственная причина этого превращенія заключается въ томъ что на этомъ мѣстѣ былъ открытъ и разработанъ минеральный источникъ (Реме, Эйнгаузенъ). Небольшая деревушка, въ горахъ саксонскаго Фохтланда, Эльстеръ, давно извѣстная по своему минеральному источнику, привлекавшему къ себѣ по сотнѣ туземцевъ ежегодно, быстро, въ теченіи послѣднихъ 10ти лѣтъ, развивается въ городъ, удобно принимающій въ лѣто болѣе 3.000 посѣтителей, и начинаетъ соперничество съ своимъ давно уже прославленнымъ сосѣдомъ Франценсбадомъ. Подобныхъ примѣровъ такъ много что для перечисленія ихъ нужно бы было перечислить почти всѣ извѣстныя европейскія воды; въ исторіи почти каждыхъ изъ нихъ непремѣнно встрѣчается прямая связь развитія городовъ или общинъ съ развитіемъ находимыхъ въ нихъ минеральныхъ источниковъ. Основаніе и развитіе Пятигорска, неимѣющаго болѣе ни стра-

тегическаго, ни коммерческаго значенія, также видимо и исключительно связано съ существованіемъ и развитіемъ Кавказскихъ минеральныхъ водъ.

Сознавая связь эксплуатаціи этого естественнаго богатства страны съ развитіемъ самой страны, каждое государство, по мѣрѣ средствъ своихъ, охотно дѣлаетъ затраты на разработку и устройство водъ принадлежащихъ ему, или даже на пріобрѣтеніе въ свою собственность минеральныхъ источниковъ принадлежащихъ частнымъ людямъ. Затрата на устройство водъ считается вездѣ одною изъ самыхъ производительныхъ затратъ общественнаго капитала, и ни у одного, сколько-нибудь состоятельнаго правительства, несмотря на всю стоимость ему водъ, до сихъ поръ не родилось идеи—капитализировать ихъ, продавая въ частныя руки. Такое капитализированіе было бы сочтено за признакъ государственнаго банкротства и совершеннаго оскудѣнія государственнаго банка. Напротивъ, дѣлая подобныя затраты, ни одно правительство не считаетъ ихъ даже пожертвованіемъ съ своей стороны; каждое видитъ въ нихъ столь же мало самопожертвованія, какъ въ устройствѣ госпиталя, въ гарантіи желѣзной дороги, въ основаніи училища.

Покойный государь Николай Павловичъ показалъ что онъ вполнѣ раздѣлялъ этотъ взглядъ и на наши минеральныя воды. При своемъ посѣщеніи ихъ въ 1837 году, онъ приказалъ отпускать для ихъ устройства по 200.000 руб., сумму, по тогдашней стоимости денегъ, весьма значительную. Въ остальной Европѣ подобные примѣры встрѣчаются на каждомъ шагу. Въ *Эксѣ*, въ Савоіи, сравнительно небогатое Сардинское правительство въ 1855 году назначаетъ 900.000 фр. на устройство купаленнаго зданія; въ 1860, вскорѣ послѣ присоединенія Савоіи къ Франціи, Наполеонъ III прибавляетъ для того же зданія дополнительныхъ 700.000 и кромѣ того сумму для другихъ учрежденій при тѣхъ же водахъ: вся затрата простирается до 2хъ милліоновъ франковъ. Въ деревушкѣ *Эльстерѣ* вяло тянулось существованіе нѣсколькихъ цѣлебныхъ ключей, ведшихъ свою исторію съ XIIIго столѣтія; въ 1835 году составилось общество акціонеровъ съ цѣлью воздѣлать эти ключи и снабдить всѣмъ тѣмъ что относится къ благоустройству минеральныхъ водъ. Но средства частныхъ людей далеко не соотвѣтствовали ихъ патріотическому рвенію, и воды Эльстера не могли много выиграть при этомъ. Построеніе небольшаго купаленнаго зда

нія, обдѣлка источниковъ и ихъ разслѣдованіе скоро истощили средства компаніи; наступилъ снова моментъ когда Эльстеръ долженъ былъ впасть въ прежнее забвеніе. Тогда правительство сочло своимъ долгомъ оказать ему дѣятельное пособіе: вошло въ соглашеніе съ частными владѣльцами, пріобрѣло отъ нихъ источники въ свою собственность (за 90.000 талеровъ) и сдѣлало на нихъ цѣлый рядъ затратъ, простиравшихся до 1869 года уже до 218.691 талеровъ. При этомъ, разумѣется, все что выручалось отъ лѣченія больныхъ въ лѣтній сезонъ, обращалось также для устройства минеральныхъ водъ. Кромѣ того, правительство имѣетъ въ виду при первой возможности купить у частнаго владѣльца еще, остающіеся внѣ его владѣнія, два источника (за 200.000 талеровъ).

На устройство *Виши*, Франція употребила огромныя средства; щедрость Наполеона III, излившаяся на это любимое его лѣтнее мѣстопребываніе, замѣчательна. Отдавая воды на аренду за 100.000 франк. въ годъ, онъ въ 1861 году выдалъ декретъ, которымъ назначено построеніе новаго парка, путей сообщенія, зданій церкви, ратуши и пр., стоимостью всего до 3хъ милліоновъ франковъ. Очевидно что получаемая аренда могла оплачивать развѣ только проценты на затрачиваемый капиталъ, и милліоны тратились не для пріобрѣтенія сотни тысячъ. Но за то Виши сдѣлался значительнымъ городомъ, принимаетъ въ лѣто болѣе 30ти тысячъ посѣтителей, притягиваетъ къ Франціи соотвѣтственное количество иностранныхъ капиталовъ и пошлинами съ своей промышленности доплачиваетъ правительству хорошіе проценты на сдѣланныя имъ затраты.

Не меньшимъ вниманіемъ со стороны французскаго правительства постоянно пользовались минеральныя воды въ *Пломбьерѣ*. Это весьма древнія воды, представляющія до сихъ поръ достойныя удивленія гидравлическія сооруженія Римлянъ. Начиная съ Людовика XIV, французское правительство выразило свою заботу о нихъ обширнымъ рядомъ техническихъ работъ и построеній, потребовавшихъ, конечно, значительныхъ затратъ. При первомъ своемъ посѣщеніи Пломбьера (въ 1856) Наполеонъ III, замѣтя что многаго еще недоставало для окончательнаго устройства и обдѣлки источниковъ, предписалъ немедленно составить обширный планъ гидравлическихъ работъ и тотчасъ же приступить къ исполненію ихъ. Эти рабо-

ты, повлекли за собою издержку правительства до 250.000 франковъ. Въ то же самое время состоялся декретъ, которымъ воды Пломбьера и всѣ построенія относящіяся къ нимъ передавались на 80 лѣтъ въ аренду частной компаніи *безплатно*, но съ условіемъ построить въ теченіи извѣстнаго числа лѣтъ новое зданіе ваннъ и гостиницу и сдѣлать нѣкоторыя дополненія, относящіяся къ минеральнымъ источникамъ. Компанія горячо принялась за дѣло, но видимо перешла предѣлъ затраты могущей вознаграждаться существующею эксплуатаціей водъ. Окончаніе роскошныхъ построекъ вовлекло ее въ долги, и въ послѣднее время правительство готовилось оказать ей снова денежное пособіе.

Приведенные примѣры достаточно обрисовываютъ взглядъ европейскихъ *правительствъ* на минеральныя воды. Но такъ какъ воды не всегда составляютъ государственныя имущества, напротивъ, нерѣдко принадлежатъ общинамъ, городамъ, монастырямъ и частнымъ людямъ, то нахожу не лишнимъ сказать нѣсколько слевъ и объ отношеніи къ нимъ этого рода владѣльцевъ.

Чѣмъ бо́льшими средствами располагаетъ *община*, тѣмъ обыкновенно болѣе взглядъ ея на минеральныя воды, которыми она владѣетъ, приближается ко взгляду на нихъ правительства. На сколько достаетъ у нея средствъ, она охотно затрачиваетъ ихъ, и даже дѣлаетъ значительные займы. Укажемъ для примѣра на одну изъ Пиринейскихъ общинъ *Люшонъ* (въ департаментѣ Верхней Гаронны). Весьма не богатая сама по себѣ, она употребила всѣ свои средства для пріобрѣтенія въ общинное владѣніе минеральныхъ источниковъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, сдѣлала большую затрату на весьма обширныя гидравлическія работы и нѣсколько разъ дѣлала значительные займы (по 300 тыс. франк.) для довершенія новаго купальнаго зданія, обошедшагося ей въ милліонъ франковъ. Между тѣмъ прямой валовой доходъ, приносимый общинѣ продажею ваннъ и минеральной воды, простирается съ небольшимъ до 100 тыс. франк. Другія, бѣднѣйшія общины достигли развитія и благоустройства своихъ водъ только при щедромъ и непосредственномъ пособіи правительствъ. Такъ напримѣръ, въ *Eaux Bonnes* всѣ цѣнныя постройки, каковы: дорога въ Котере, паркъ, садъ и пр., сдѣланы на счетъ правительства и предоставлены общинѣ безвозмездно. Изъ общинъ владѣющихъ минеральны-

ми водами, въ благопріятныхъ, хотя исключительныхъ условіяхъ находится *Спа*, гдѣ допущена публичная игра, которая платитъ ежегодно въ пользу общины 20% съ чистаго выигрыша. Этихъ процентовъ въ 1868 было 325.000 франковъ. Получая такую значительную ежегодную субсидію, община употребила 1.547.631 франковъ на устройство одного купальнаго зданія съ принадлежностями, не говоря объ обдѣлкѣ источниковъ. Зданіе вышло дѣйствительно образцовое. Затѣмъ община искала возможности отдать его въ аренду, но арендаторы предлагали ей слишкомъ ограниченную плату, и потому она рѣшилась сама управлять ими (en regié), отдавъ на аренду лишь минеральные источники, преимущественно для разсылки воды (за 13 тысячъ франковъ). По отчету 1868 года, ванны, за исключеніемъ расхода на содержаніе ихъ, принесли чистаго дохода 15.956 франковъ. Послѣ такихъ огромныхъ затратъ, нельзя не понять что столь ничтожная цифра дохода не могла быть цѣлью для которой дѣлались затраты.

Маріенбадъ предоставляетъ примѣръ водъ находящихся во владѣніи монастырей. Водами завѣдуетъ инспекторъ, назначаемый отъ монастыря. Владѣя въ то же время обширными лѣсными дачами и различными угодьями, и вызывая прихожанъ на различныя пожертвованія въ свою пользу, монастырь ведетъ одно общее хозяйство. Правительство, совершенно не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла управленія, довольствуется тѣмъ что имѣетъ при немъ своего коммиссара, роль котораго ограничивается собираніемъ пошлинъ, установленныхъ въ пользу казны. Такова и вообще роль австрійскаго правительства по отношенію къ водамъ его: не владѣя непосредственно ни одними изъ нихъ, оно разсматриваетъ ихъ только какъ частную собственность, и въ послѣднее время, предполагая что каждый хозяинъ всего лучше можетъ самъ заняться благоустройствомъ своей собственности, значительно ограничило даже техническій надзоръ за ними, удержавъ однихъ своихъ коммиссаровъ. Это основаніе, совершенно вѣрное въ общемъ своемъ значеніи, оказывается не вполнѣ приложимымъ къ минеральнымъ водамъ. Средства частныхъ людей рѣдко, и то только при особенныхъ, исключительныхъ обстоятельствахъ, бываютъ въ состояніи довести воды до той степени развитія на которую можетъ возвести ихъ правительство. Односторонній взглядъ

австрійскаго правительства, вызванный, повидимому, недостаточностью государственныхъ средствъ, не могъ не отозваться и на благоустройствѣ австрійскихъ минеральныхъ водъ: эти воды по своему устройству справедливо ставятся въ ряду германскихъ водъ на *второмъ* планѣ и далеко не достигаютъ тѣхъ результатовъ которыхъ бы можно было ожидать отъ нихъ при болѣе обширной эксплуатаціи, судя по высокому натуральному достоинству многихъ изъ нихъ. Стóитъ только припомнить Теплицъ, Карлсбадъ, Гастейнъ и пр.

Въ *Теплицѣ* большая часть купальныхъ зданій и источниковъ принадлежитъ частнымъ людямъ; нѣкоторые составляютъ собственность города (Stadtbad). Нельзя не согласиться что всѣ они (за исключеніемъ можетъ-быть одного Neubad, принадлежащаго свѣтлѣйшему князю фонъ-Клари) весьма далеки не только отъ совершенства и столь привлекательнаго для больныхъ изящества, встрѣчаемаго при источникахъ въ другихъ странахъ, но и отъ того состоянія удовлетворительности которое было бы достаточно для врача. Частные владѣльцы стараются возвысить доходность своихъ источниковъ, присоединяя къ нимъ устройство гостиницъ, ресторановъ и кладя на улучшеніе самыхъ ваннъ и владѣемыхъ ими источниковъ лишь то чтò соотвѣтствуетъ доходамъ съ этихъ сложныхъ заведеній. При городскихъ ваннахъ даже и подобныя затраты, ограничиваемыя другими нуждами самого города и затрудняемыя извѣстными формами городскаго управленія, не существующими при распоряженіи частною собственностью,—дѣлаются труднѣе и скуднѣе. Результатомъ этого выходитъ то что городскія ванны удовлетворительны менѣе всѣхъ другихъ. Stadtbad не можетъ выдержать сравненія ни съ Neubad ни съ Steinbad, ни съ Gürtlerbad и пр.

Въ *Карлсбадѣ*, столько знаменитомъ своими источниками, всѣ воды принадлежатъ городу и до сихъ поръ представляютъ въ устройствѣ своемъ такъ много несовершенствъ что въ этомъ отношеніи могутъ сравниться только съ весьма немногими нѣмецкими и французскими водами. До 1866 года онѣ отдавались въ аренду. Шпрудель за 6.000 гульд. въ годъ и Мюльбадъ за 4.500 гульд. Получая эту аренду на затраченныя имъ предварительно для водъ до 50 тыс. гульд., городъ весьма долго довольствовался ею; разсылка воды развилась до 300.000 бутылокъ въ годъ, и цѣлебная слава Карлсбада держалась

высоко. При истеченіи срока аренды, городъ принялъ воды въ свое распоряженіе, надѣясь возвысить прямую доходность ихъ для себя. Между тѣмъ обветшаніе зданій и недостаточность технической обдѣлки источниковъ выражались съ каждымъ годомъ все явственнѣе, и потому городъ при самомъ пріемѣ ихъ въ свое распоряженіе принужденъ былъ сдѣлать заемъ въ 300.000 талеровъ для построенія новаго купаленнаго зданія, которымъ, при всей обширности его, все-таки далеко не исчерпываются современныя требованія отъ минеральныхъ водъ. При этомъ разсылка водъ въ бутылкахъ нѣсколько уменьшилась, значительно ослабя прямой доходъ отъ источниковъ, и городъ въ настоящее время снова готовъ отдать ихъ на аренду.

Въ *Франценсбадѣ*, близъ Эгера, мы также встрѣчаемъ соединеніе двухъ видовъ владѣнія: города и частныхъ лицъ, безъ всякаго участія со стороны правительства; и снова видимъ повтореніе того же что̀ видѣли въ предыдущихъ примѣрахъ. Всѣ постройки при источникахъ принадлежащихъ людямъ частнымъ (Карделіери, Алойманъ) безъ всякаго сравненія лучше построекъ городскихъ. Неудовлетворительность послѣднихъ заставила Карделіери пріобрѣсти два источника въ свою собственность, построить при нихъ зданіе, которое въ настоящее время составляетъ лучшее зданіе ваннъ во Франценсбадѣ. Вообще же нельзя не замѣтить что слава Франценсбада начала значительно ограничиваться, особенно въ виду счастливаго, возникшаго около него соперника, королевско-саксонскихъ водъ Эльстера.

Одна изъ главныхъ причинъ малой экономической успѣшности при эксплуатаціи минеральныхъ водъ городами и частными владѣльцами, заключается въ томъ что прямой доходъ отъ водъ становится пропорціоналенъ дѣлаемымъ на нихъ затратамъ только при извѣстной уже степени ихъ развитія и благоустройства. До тѣхъ же поръ прямой доходъ ихъ едва даетъ ничтожные проценты на затрачиваемый капиталъ. Мы видѣли примѣръ Спа, затратившаго 1½ милліона франковъ на свое купаленное зданіе и получающаго отъ него лишь 15.000 франк. дохода.

Чтобы представить осязательнѣе доказательство того что дѣйствительная доходность водъ начинается лишь тогда когда онѣ достигаютъ полнаго своего развитія, я войду въ нѣкоторыя подробности. Прежде всего надобно сказать что

главный самостоятельный доходъ при минеральныхъ водахъ почти никогда не заключается въ доходѣ отъ ваннъ. Причина этому весьма простая: каждая ванна имѣетъ свою ограниченную *цѣнность*, произвольно возвышать которую нельзя безъ стѣсненія лѣчащейся публики и вмѣстѣ безъ ограниченія самой употребительности ваннъ, иначе: чѣмъ дороже продается ванна тѣмъ она менѣе покупается. Назначеніе цѣны за ванну дѣлается смотря по мѣстнымъ условіямъ каждыхъ водъ, и малѣйшее неосторожное превышеніе ея почти всегда отзывается весьма ощутительнымъ ущербомъ въ итогахъ прихода. Въ Виши, въ 1868 году нѣсколько возвысили цѣну за ванны 1го класса (съ двухъ до трехъ франковъ) и въ отчетѣ за этотъ годъ мы уже видимъ уменьшеніе числа выданныхъ ваннъ этого класса, съ примѣчаніемъ что такое уменьшеніе надобно приписать возвышенію цѣны ихъ. * Одною изъ причинъ малой доходности отъ ваннъ въ Сла очевидно была слишкомъ высокая такса на нихъ (ванна съ раздѣвальнею 4¼ фр., безъ раздѣвальни 2 фр. 40 сант., ванна грязевая 8 фр.); гораздо успѣшнѣе результаты при нѣмецкихъ ваннахъ, гдѣ обыкновенная цѣна отъ ½ — ⅔ талера за ванну. Между тѣмъ, общее требованіе возможно бо́льшаго комфорта при ваннахъ и необходимость, чувствуемая каждымъ заведеніемъ, идти, по мѣрѣ силъ, въ уровень съ другими заведеніями, словомъ, соперничество ихъ, требуютъ отъ эксплуатаціи все бо́льшихъ и бо́льшихъ затратъ. Пропорціонально возвышенію комфорта и расширенію ваннъ возвышается и стоимость содержанія ихъ. Затраты на этотъ предметъ дѣлаютъ получаемый отъ ваннъ доходъ все меньшимъ и меньшимъ процентомъ на употребленный на нихъ капиталъ. Вотъ почему въ Виши, напримѣръ, находящемся въ возможно лучшихъ условіяхъ, можно отъ эксплуататоровъ услыхать что ванны даютъ имъ убытокъ (c'est notre ruine). И дѣйствительно, въ отчетахъ компаніи въ 1868 году можно видѣть слѣдующія цифры: въ *приходѣ* отъ ваннъ и душей 209.631 фр.; въ *расходѣ*: общихъ расходовъ (frais généraux), въ числѣ которыхъ болѣе половины относится къ содержанію ваннъ и водъ на мѣстѣ, 213.424 фр.; къ этому

* „Les bains de 1-ère classe ont été en 1868 moins nombreux qu'en 1867, d'où il parait resulter, que l'élévation des tarifs n'a point donné les avantages que nous étions en droit d'en attendre."

надобно прибавить расходъ на содержаніе казино (26.796), на уничтожающееся ежегодно бѣлье (amortissement du linge), 26.980 франковъ, и мебель (17.900 фр.), и наконецъ значительную часть суммы употребляющейся на ежегодныя публикаціи (73.221 фр.). Таковъ годовой оборотъ въ Виши, имѣющемъ болѣе 350 нумеровъ ваннъ и болѣе 30.000 посѣтителей. Арендаторы, конечно, давно отказались бы отъ своей аренды, если-бы въ томъ же отчетѣ не могли помѣстить въ приходѣ 838.000 фр., полученныхъ за продажу минеральной воды въ бутылкахъ, лепешекъ и солей.

Наконецъ есть даже случай въ которомъ расширеніе ваннъ не только не увеличиваетъ прямой доходности водъ, но служитъ прямою причиной уменьшенія ея. Это именно тамъ гдѣ число ваннъ становится не соотвѣтствующимъ числу потребителей ихъ. Тогда даваемый ими процентъ на затраченный капиталъ еще болѣе уменьшается. Предъ нами примѣръ Пломбьера, арендаторы котораго, построивъ ваннъ болѣе чѣмъ сколько было нужно, соотвѣтственно цифрѣ посѣщенія водъ, въ настоящее время находятся на пути къ банкротству.

Приведенный примѣръ Виши указываетъ ясно въ чемъ заключается главная прямая доходность водъ для ихъ владѣльцевъ. Дѣйствительно, годовой бюджетъ прихода всѣхъ употребительнѣйшихъ германскихъ и французскихъ водъ весь основывается главнымъ образомъ на продажѣ и разсылкѣ минеральной воды. Предъ нами бюджетъ Эльстера на 1770 годъ; въ немъ значится: при всемъ горячемъ содѣйствіи правительства и довольно высокой таксѣ съ посѣтителей *, чистой прибыли (verbleibender Bestand) 7 талеровъ 4 гроша. Такая скудость объясняется тѣмъ что Эльстеръ разсылаетъ свою воду еще въ весьма незначительномъ количествѣ бутылокъ. Маріенбадъ посылаетъ ея до 600.000 бутылокъ, Карлсбадъ до 300.000, Виши до $2^1/_2$ милліоновъ бутылокъ и столько же коробокъ лепешекъ; Крейцнахъ, Киссингенъ, Эмсъ около 350.000 и т. п. Словомъ обширная разсылка водъ вездѣ составляетъ главную основу хорошихъ экономическихъ результатовъ. Гдѣ ея нѣтъ, или не можетъ быть по самому свойству минеральной воды, напримѣръ въ Теплицѣ, Пломбьерѣ, Вильдбадѣ, Гастейнѣ и пр., тамъ благосостояніе водъ весьма умѣренно и обыкновенно поддерживается только средствами извнѣ, напримѣръ пря-

* Curtaxe—три талера съ каждой особы и каждаго члена семейства.

мыми субсидіями или присоединеніемъ различныхъ отраслей коммерціи (гостиницы, рестораны). Таксы съ посѣтителей за пребываніе ихъ на водахъ обыкновенно составляютъ незначительную поддержку для водъ, поступаютъ по большей части въ пользу мѣстнаго управленія, а мѣстами ихъ и совсѣмъ нѣтъ.

Взглянемъ ближе на самое свойство затратъ, требуемыхъ водами при ихъ развитіи. Что̀ нужно при первомъ открытіи минеральныхъ водъ? Обдѣлка источниковъ, гидравлическія работы. Какой же городъ, или какой частный человѣкъ въ состояніи затратить сотни тысячъ на гидравлическія работы при источникахъ, будущую производительность которыхъ еще не всегда можно опредѣлить заранѣе, какъ затратило французское правительство въ Виши, Пломбьерѣ, Эксѣ, Бурбонѣ, Пиринеяхъ и пр., или прусское въ Реме, саксонское—въ Эльстерѣ и т. п.? Далѣе нужны ученыя изслѣдованія, геологическія и химическія пособія при водахъ. Какой частный владѣлецъ въ состояніи употребить на нихъ то что̀ можетъ употребить правительство, имѣющее въ своемъ распоряженіи техниковъ, и ученыхъ химиковъ, и геологовъ? Между тѣмъ все это затраты полагающія истинное и прочное основаніе благоустройству водъ и широко вознаграждающіяся, но только въ будущемъ: въ настоящемъ же, будучи сдѣланы разъ (напримѣръ, устроена лабораторія, заведены метеорологическія наблюденія), онѣ становятся лишь источникомъ необходимаго, новаго и постояннаго расхода. Далѣе слѣдуетъ устройство самыхъ купаленныхъ зданій, галерей для литья и другихъ приспособленій къ медицинскому употребленію минеральной воды. Мы видѣли какія суммы затрачивались при европейскихъ водахъ на эти сооруженія правительствами и общинами; города и частные владѣльцы могли затрачивать подобныя средства только при помощи рулетки, средства вреднаго и недостойнаго. Мы видимъ далѣе что прямая производительность и этой затраты (на построенія при водахъ) не тотчасъ становится прямо пропорціональна самой затратѣ. Примѣры Пломбьера, Спа, даже Виши доказываютъ это. Наконецъ, для благосостоянія водъ и полнаго достиженія цѣли развитія ихъ нужно возможное облегченіе посѣщенія ихъ. Какой же частный владѣлецъ или городъ можетъ содѣйствовать ему такъ дѣятельно, какъ правительство: затрачивать капиталъ на устройство дорогъ, гарантировать желѣзные пути, дѣйствовать на возвышеніе удобствъ и спокойствія жизни въ краѣ? Всѣ самыя бла-

гоустроенныя воды: 1) принадлежатъ правительствамъ края; 2) суть тѣ, развитіе которыхъ совершилось подъ непосредственнымъ веденіемъ и при затратахъ со стороны правительства или общины.

Когда воды достигаютъ уже извѣстной степени своего благоустройства, когда онѣ снабжены всѣмъ что̀ необходимо для полной ихъ эксплуатаціи, тогда дѣло измѣняетъ свой видъ: онѣ перестаютъ требовать затратъ отъ государства и начинаютъ ему выплачивать прямо и косвенно свой процентъ на затраченный на нихъ капиталъ. Но тогда для полной успѣшности своей на этомъ пути онѣ уже требуютъ дѣятельности возможно самостоятельной, хозяйства, при которомъ ближайшій ихъ хозяинъ чувствовалъ бы себя наиболѣе отвѣтственнымъ, а слѣдовательно и свободнымъ въ дѣйствіи, потому что безъ свободы дѣйствія не можетъ существовать и отвѣтственности дѣйствующаго. На этомъ основаніи, пока воды не доведены до возможности существовать самостоятельно и приносить извѣстный доходъ, правительства занимаются ими сами: воды управляются en régie, то-есть лицами непосредственно назначенными правительствомъ и ведущими все внутреннее хозяйство ихъ по существующимъ образцамъ казенныхъ учрежденій. Таково настоящее положеніе Эльстера; таково, до 1853 года, было положеніе Виши и другихъ французскихъ водъ принадлежащихъ государству. Когда воды достигаютъ самостоятельнаго существованія, тогда правительства, сознавая что для внутренняго ихъ завѣдыванія лучшая форма есть та которая наиболѣе приближается къ формѣ частнаго владѣнія, стараются сдать свои воды на аренду (en ferme). Дѣйствительная аренда, то-есть аренда платящая, только и возможна въ этомъ случаѣ, то-есть когда воды уже приносятъ доходъ и слѣдовательно арендатору есть за что̀ платить. Когда французское правительство, въ 1853 году, назначило коммиссію изъ людей наиболѣе компетентныхъ и знакомыхъ съ дѣломъ водъ, для обсужденія проекта объ отдачѣ Виши на аренду, то эта коммиссія въ донесеніи своемъ (24го мая), не колеблясь высказала свое мнѣніе въ пользу системы арендной какъ наилучше удовлетворяющей интересамъ казны и общественнаго здоровья *, и даже присоединила къ этому свой

* „Elle n'a pas tardé à se convaincre que le système de la ferme est le meilleur pour l'exploitation des sources thermales appartenant à l'Etat, comme celui dans lequel peuvent le mieux se concilier les intérêts du Trésor et ceux de la santé publique."

совѣтъ приложить ту же систему къ водамъ Бурбона, Нериса и др. Правительство приняло совѣтъ коммиссіи и передало эти воды на такую аренду, на какую оказалось возможнымъ по мѣстнымъ обстоятельствамъ. Но передавая ихъ въ частное содержаніе, оно никакъ не отказалось отъ заботъ о своемъ имуществѣ и даже отъ новыхъ затратъ на него, въ виду государственной пользы приносимой имъ. Оно выразилось весьма ясно что, передавая воды Виши, смотритъ на нихъ не какъ на простую статью дохода, а какъ на предметъ близко касающійся интересовъ общественныхъ. И потому, назначая сравнительно ничтожную сумму за аренду ихъ, оно вмѣнило въ обязанность арендаторамъ дополнить, въ теченіи извѣстнаго срока, построенія при водахъ, и само, въ 1861 году, декретировало новую значительную затрату (до 3 милл.) на предметы относящіеся къ благоустройству водъ, назначая въ то же время чтобъ и сумма получаемая съ аренды водъ сливалась съ суммою декретированною. Опредѣливъ для Виши первоначальную арендную плату во 100.000 фр., оно поставило компаніи въ условіе сдѣлать въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ построеній при водахъ на одинъ милліонъ франковъ и назначило таксу на воды и ванны. При такомъ обширномъ оборотѣ какъ въ Виши, эти условія были весьма легки, и въ 1864 году сама компанія арендаторовъ предложила правительству сдѣлать построекъ еще на 1.340.000 фр. и прибавить 55.000 арендной платы, требуя въ вознагражденіе за это лишь позволенія увеличить таксу на воду продаваемую въ бутылкахъ (съ 35 сант. до 50) и на нѣкоторыя изъ ваннъ. Правительство согласилось на это.

Вновь развивающіяся государственныя саксонскія воды въ Эльстерѣ находятся въ такомъ же положеніи; правительство управляетъ ими само (en régie), дѣлаетъ на нихъ затраты, обращаетъ прямой доходъ съ нихъ также на улучшеніе ихъ и ждетъ времени въ которое будетъ возможно передать ихъ въ аренду.

Раціональность этого взгляда подтверждается неблагопріятными примѣрами другихъ водъ, которыя были поведены другою дорогой. Карлсбадъ, городъ владѣющій водами, поспѣшилъ отдать ихъ на аренду, не доведя до достаточной степени устройства. Что же вышло? Въ арендѣ онъ получалъ хорошіе проценты на небольшой капиталъ, затраченный имъ на воды, но въ то же самое время ежегодно терялъ самый капиталъ свой, свои построенія при водахъ. Принявъ ихъ

снова въ свое собственное завѣдываніе, онъ тотчасъ понялъ что для сохраненія этого капитала необходимы новыя затраты и сдѣлалъ для водъ значительный заемъ. Теперь снова, когда устройство ихъ ему кажется уже достаточнымъ, онъ имѣетъ въ виду отдать ихъ въ частное содержаніе, сознавая что при такомъ видѣ управленія эксплуатація ихъ будетъ всего успѣшнѣе.

II.

Обращаясь къ нашимъ кавказскимъ водамъ, постараемся примѣнить къ нимъ результаты выведенные изъ изученія европейскихъ водъ. Скажемъ сначала нѣсколько словъ о настоящемъ ихъ положеніи.

Въ настоящее время кавказскія минеральныя воды, нѣтъ сомнѣнія, находятся еще въ первомъ періодѣ своего развитія, то-есть, въ періодѣ въ которомъ для нихъ еще не наступила возможность существованія собственными средствами. Высокое натуральное ихъ достоинство, заботы о нихъ правительства и затраты сдѣланныя имъ на нихъ,—давно бы уже могли вывести ихъ изъ этого періода во второй, періодъ самостоятельнаго существованія, еслибы внѣшнія обстоятельства не были такъ неблагопріятны для нихъ. Отдаленность ихъ, положеніе внутри края который надобно было завоевывать и потомъ охранять войсками; весьма малое развитіе въ немъ жизни промышленной, затруднявшее пребываніе посѣтителей на водахъ; трудность доступа къ нимъ извнутри Россіи по недостатку дорогъ и средствъ для удобнаго путешествія и т. п.,—все это были условія въ высшей степени затруднявшія развитіе водъ. Подъ именемъ *развитія* ихъ надобно понимать не только внутреннее устройство, но и полную эксплуатацію ихъ, то-есть такую которая вполнѣ удовлетворяетъ обѣимъ цѣлямъ существованія водъ: требованіямъ общественнаго здоровья и государственной экономіи. То и другое обыкновенно находится въ тѣсной связи между собою; но одно не можетъ измѣряться другимъ и внутреннее устройство водъ далеко не всегда идетъ рядомъ съ ихъ эксплуатаціей. Обыкновенно, при нормальномъ развитіи водъ, приглядываются къ запросу на нихъ, и когда видятъ что этотъ запросъ увеличивается, тогда стараются увеличить и средства для удовлетво-

ренія ему, обращаясь къ соотвѣтственному развитію внутренняго устройства водъ. Тамъ гдѣ этотъ порядокъ былъ соблюденъ, развитіе водъ шло своимъ правильнымъ путемъ и достигало лучшихъ результатовъ. Гдѣ же это было понято не совсѣмъ ясно, тамъ или эксплуатація опережала устройство водъ, или наоборотъ, внутреннее благоустройство ихъ превышало потребности эксплуатаціи. Въ томъ и другомъ случаѣ воды всегда были въ потерѣ. Въ Карлсбадѣ эксплуатація опередила внутреннее устройство; въ Пломбьерѣ, напротивъ, внутреннее устройство превзошло требованія эксплуатаціи; и въ томъ и другомъ случаѣ результатъ былъ неблагопріятный.

Обращаясь съ этой точки зрѣнія къ нашимъ водамъ, мы не можемъ сказать чтобы развитіе ихъ до сихъ поръ много уклонялось отъ нормальнаго пути; эксплуатація вездѣ, исключая Ессентуковъ (по малому количеству воды) и по временамъ Желѣзноводска (по малому числу ваннъ) удовлетворяла запросамъ на нихъ. Но по сущности самаго дѣла, по безпримѣрному естественному разнообразію и достоинству нашихъ водъ, по ихъ уже утвердившейся репутаціи въ Россіи и за границей, мы находимся въ положеніи исключительномъ. Намъ нельзя, слѣдуя общему правилу, спокойно выжидать развитія требованій на наши воды для того чтобы усерднѣе приняться за расширеніе ихъ устройства. Эксплуатація наша сравнительно еще очень мала, но мы знаемъ что главное препятствіе ей до сихъ поръ было извнѣ, была трудность сообщенія и жизни на водахъ. Теперь, когда желѣзная дорога готовится разрушить это препятствіе, мы въ правѣ ожидать значительнаго усиленія запроса на наши воды. И потому въ настоящее время вниманіе наше должно быть обращено по преимуществу на внутреннее развитіе ихъ. Эксплуатація не замедлитъ расшириться вслѣдъ за нимъ.

Внутреннее устройство водъ, какъ мы видѣли, вездѣ начинается съ возможно основательной и соотвѣтствующей современнымъ средствамъ *обдѣлки* источниковъ, съ гидравлическихъ работъ. Въ этомъ полагается главная и прочная основа всѣмъ послѣдующимъ затѣмъ построеніямъ при водахъ и въ этомъ же заключается единственная гарантія того что при дальнѣйшемъ устройствѣ ихъ не будетъ сдѣлано затратъ излишнихъ, безполезныхъ или неправильныхъ. Въ этомъ отношеніи наши воды были менѣе счастливы: часть технической

обдѣлки нашихъ источниковъ всегда стояла на заднемъ планѣ и выполнялась домашнимъ образомъ, не-техниками. Мы не имѣемъ еще ни одной артезіанской работы; наши источники обдѣланы первобытно при своихъ натуральныхъ истокахъ и къ нимъ приспособлены купаленныя зданія и галереи; а такъ какъ натуральные истоки измѣняются отъ времени, то и зданіямъ построеннымъ на нихъ грозитъ опасность потерять современемъ свои отношенія къ источникамъ и, слѣдовательно, свое значеніе купаленныхъ зданій и галерей при источникахъ. Къ сожалѣнію, мы видимъ возможныя условія для этого при всѣхъ лучшихъ изъ нашихъ построеній, при Николаевскихъ, Теплосѣрныхъ, Елисаветинскихъ ваннахъ, при Нарзанѣ и т. д. Техническое искусство еще нигдѣ достаточно не обезпечило стойкости нашихъ источниковъ и въ этомъ-то собственно заключается наша слабая сторона. Прежде чѣмъ возобновлять и пристроивать подобныя сооруженія вновь, надобно подумать о томъ чтобы положить имъ прочное основаніе въ упроченіи самихъ источниковъ.

Далѣе, говоря собственно о построеніяхъ необходимыхъ при эксплуатаціи водъ, о *ваннахъ*, мы должны сказать что, если онѣ удовлетворяли до сихъ поръ существовавшимъ на нихъ требованіямъ (и то не вездѣ), то даже при нѣкоторомъ ожидаемомъ усиленіи запроса на нихъ, сейчасъ должна оказаться недостаточность ихъ. Бѣдность наша въ этомъ отношеніи очевидна: стоитъ припомнить что самое обширное наше купаленное зданіе (Николаевское) заключаетъ въ себѣ только 15 нумеровъ ваннъ. Что же значитъ это число въ сравненіи съ тѣми числами которыя мы находимъ при европейскихъ водахъ, гдѣ часто бываетъ отъ 100 до 300 нумеровъ въ одномъ купаленномъ зданіи? На всѣхъ нашихъ четырехъ группахъ водъ насчитываютъ 88 нумеровъ ваннъ, включая сюда даже и тѣ которыя уже признаны негодными къ употребленію (какъ напримѣръ, Варшавскія), или которыя уже такъ ветхи что видимо дослуживаютъ свой крайній срокъ (напримѣръ Ермоловскія, Калмыцкія). Если отсчитать изъ этого числа еще тѣ которыя, по несовершенству своего построенія, очевидно требуютъ перестройки (напримѣръ ванны Ессентукскія, Александро-Николаевскія, нѣкоторыя изъ Желѣзноводскихъ), то останется едва ли не половина названнаго числа, на которую будущая эксплуатація водъ можетъ твердо разчитывать. Такое положеніе построекъ есть, очевидно, послѣдствіе

того что онѣ не воздвигались по какому-либо опредѣленному плану, а возникали совершенно случайно, по мѣрѣ случайнаго открытія того или другаго источника, и притомъ строились иногда весьма бѣдными средствами (изъ плетня, турлука, въ видѣ калмыцкихъ кибитокъ), а иногда даже proprio motu простыхъ смотрителей. Это почти общій историческій законъ первоначальнаго развитія минеральныхъ водъ. Такъ бывало въ началѣ и вездѣ въ Европѣ. Но за то въ послѣдствіи, когда воды начинали организоваться, эти первоначальныя построенія сламывались и замѣнялись новыми. Я не думаю чтобы, вступая въ новый періодъ развитія нашихъ водъ, мы имѣли надобность скрывать отъ себя, или отъ кого-нибудь истинное положеніе нашихъ водяныхъ сооруженій и представлять ихъ себѣ въ лучшемъ видѣ, чѣмъ онѣ есть, именно теперь, когда должна быть сдѣлана полная программа ихъ разширенія, соотвѣтственно ихъ будущей роли. Если мы хотимъ чтобы наши воды играли такую же роль какъ воды европейскія (на что̀ имѣемъ полное естественное право), то должны желать чтобъ онѣ и внутреннимъ и внѣшнимъ устройствомъ своимъ стояли не ниже ихъ. Настоящее же положеніе нашихъ ваннъ не можетъ выдержать никакого сравненія съ подобными сооруженіями при иностранныхъ водахъ; сто́итъ только взглянуть на эти зданія, обширныя, изящныя, снабженныя всѣми дорогими техническими усовершенствованіями новѣйшаго времени и сто́ящія каждое отъ одного до двухъ милліоновъ франковъ, то-есть каждое дороже чѣмъ всѣ наши купаленныя зданія на четырехъ группахъ водъ, потому что самое лучшее изъ нихъ (Николаевское) стоило первоначально только 20 тыс. руб.

Но намъ говорятъ что правительство затратило уже до *милліона* рублей на кавказскія минеральныя воды. Мы готовы думать что оно затратило гораздо болѣе, потому что затраты его̀ начались уже съ начала нынѣшняго столѣтія и въ теченіи почти 70 лѣтъ, по всему вѣроятію, достигли цифры гораздо высшей милліона. Но для будущей эксплуатаціи водъ будетъ весьма важно различить то что̀ затрачено собственно на воды, въ тѣсномъ смыслѣ слова, то-есть на построенія при нихъ, и что̀ на содержаніе ихъ, то-есть на управленіе ими, на содержаніе необходимыхъ чиновниковъ при нихъ, на строительный комитетъ города Пятигорска, на продовольствіе необходимой военной стражи и рабочихъ ротъ и т. п. Въ на-

стоящее время все движимое и недвижимое имущество водъ, со всѣми галлереями и устройствами, цѣнится съ небольшимъ въ 300.000 рублей, и мнѣ кажется что будущіе эксплуататоры водъ должны прежде всего знать существенное достоинство этихъ построеній и понимать ихъ недостаточность для болѣе обширной эксплуатаціи. Представлять же имъ дѣло только съ выгодной коммерческой стороны, высчитывая, по валовому числу существующихъ ваннъ, сколько они могутъ продать ихъ въ годъ, значило бы вводить ихъ въ заблужденіе и ограничивать будущую программу развитія водъ. Считать возможною удовлетворительную эксплуатацію водъ при настоящихъ ея средствахъ, значитъ довольствоваться тѣмъ чтобъ эксплуатація совершалась въ предѣлахъ не болѣе обширныхъ чѣмъ теперь. Очевидно что отъ будущей эксплуатаціи не того должно ожидать. Первымъ условіемъ для нея должно быть пополненіе и расширеніе ея средствъ: построеніе новыхъ, болѣе обширныхъ и соотвѣтственныхъ современнымъ техническимъ средствамъ купаленъ. Нечего и говорить уже объ основаніи для всего: о технической разработкѣ источниковъ. Когда правительство въ состояніи будетъ отдать воды кому-нибудь въ арендное содержаніе, то условія этого содержанія только тогда могутъ быть прочны для обѣихъ сторонъ, когда они и той и другой предоставятъ *дѣйствительныя* выгоды, словомъ, когда контрактъ составится не на призрачной мысли объ обширномъ доходѣ отъ существующихъ ваннъ, но на ясно понятой оцѣнкѣ настоящихъ средствъ эксплуатаціи водъ и изученіи тѣхъ требованій которыя на первомъ же шагу представятся эксплуататору. Иначе, можетъ случиться подобное тому что случилось въ Пломбьерѣ. Французское правительство передало воды, со всѣми ихъ принадлежностями, частной компаніи, обязавъ ее, вмѣсто платы, сдѣлать дополнительныя построенія при водахъ. Эти обязательства были такъ значительны что не могли покрыться эксплуатаціей водъ; ожиданія компаніи не сбылись, и правительство теперь принуждено или увидать банкротство содержателей Пломбьера, или идти къ нимъ на встрѣчу съ значительнымъ денежнымъ пособіемъ. Тѣ же арендаторы передали отъ себя право на приготовленіе и продажу лепешекъ и разсола изъ минеральной воды аптекарю Жантильому, подъ условіемъ платить имъ 1.000 фр. въ годъ и дѣлать публикацій на 1.500 фр. Жантильомъ можетъ продавать своихъ произведеній лишь на 1.000

фр. въ годъ и потому ждетъ съ нетерпѣніемъ окончанія срока своей аренды, оказавшейся для него убыточною.

Если въ Пломбьерѣ и даже, какъ мы видѣли, въ Виши, обладающихъ такими средствами и находящихся въ такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, одна эксплуатація ваннъ не составляетъ выгодной операціи и едва даетъ ничтожный процентъ на затрачиваемый на нея капиталъ, то на какомъ основаніи могли бы мы при кавказскихъ водахъ предположить что здѣсь, въ недалекомъ уже будущемъ, этотъ предметъ сдѣлается источникомъ значительной прибыли? Недалекому будущему прежде всего предстоитъ еще поставить наши воды во внѣшнія столько же благопріятныя обстоятельства, какъ тѣ въ которыхъ находятся воды заграничныя. Желѣзная дорога, безъ сомнѣнія, будетъ могучимъ дѣятелемъ для этого, но дѣятелемъ не безусловнымъ; она дастъ сообщеніе, а на сколько воды будутъ въ состояніи воспользоваться имъ и во сколько времени, — это будетъ зависѣть отъ развитія всего края, его производительности, его цивилизаціи. Легкость пріѣзда на воды еще не все для посѣтителя ихъ, ему нужна еще легкая и пріятная жизнь на нихъ, не говоря уже о достоинствѣ самыхъ водъ и доступности ихъ употребленія.

Во всякомъ случаѣ, на той степени развитія на которой находятся наши воды, въ виду расширенія ихъ эксплуатаціи, прежде всего онѣ требуютъ новыхъ значительныхъ затратъ отъ своего эксплуататора. Кто же долженъ быть ихъ эксплуататоромъ и кому дѣлать эти затраты?

Изъ предшествовавшаго изученія иностранныхъ минеральныхъ водъ отвѣтъ на эти вопросы вытекалъ бы самъ собою. Наши воды составляютъ государственное имущество: онѣ не достигли еще періода возможности самостоятельнаго существованія своими средствами, слѣдовательно, должны эксплуатироваться государствомъ (en régie) и пользоваться его субсидіями. Еслибы новое обстоятельство, наканунѣ котораго мы теперь находимся, не должно было видоизмѣнить всей жизни края, то этотъ отвѣтъ еще надолго сохранилъ бы всю свою силу и значеніе. Воды долго бы еще не могли отвѣчать второму своему назначенію, прямо экономическому, требующему, на извѣстной степени развитія, возможнаго освобожденія государства отъ прямыхъ затратъ на нихъ. Хотя и нельзя предполагать что уже скоро наступитъ тотъ моментъ въ кото-

рый затраты государственнаго казначейства для водъ могутъ быть прекращены, но есть полное вѣроятіе думать что тѣ обширныя единовременныя затраты которыя необходимы для нашихъ водъ могутъ значительно облегчиться развитіемъ новой обширной отрасли промышленности, которую также гарантируетъ правительство, именно желѣзнодорожнаго дѣла.

Нѣтъ сомнѣнія что государство ни въ какомъ случаѣ не должно покидать ближайшаго надзора и участія въ эксплуатаціи своего имущества; но въ тоже время примѣры развитія всѣхъ государственныхъ минеральныхъ водъ за границей достаточно убѣждаютъ что въ этомъ развитіи, на извѣстной его степени, должна быть предоставлена возможная внутренняя свобода развивающемуся организму водъ. Вездѣ считается доказаннымъ что эксплуатація водъ въ формѣ казенныхъ учрежденій менѣе успѣшна, чѣмъ въ формѣ арендной. Но для этой формы, въ истинномъ значеніи слова, мы еще не готовы; арендатора, который бы взялъ воды, сдѣлалъ на нихъ требуемыя ими затраты и нашелъ для себя вознагражденіе въ эксплуатаціи ихъ, теперь, или очень скоро, — не найдется. Надобно искать слѣдовательно при нашихъ обстоятельствахъ термина средняго, который бы соотвѣтствовалъ переходному періоду существованія водъ, въ которомъ мы находимся, термина, который бы соединялъ въ себѣ и regie и ferme, до тѣхъ поръ пока мы будемъ въ состояніи совершенно перейти en ferme. Поэтому, въ ожиданіи возможности привлечь къ водамъ необходимый для нихъ капиталъ, я думаю что самая удобная форма завѣдыванія нашими водами будетъ: назначеніе самимъ правительствомъ управляющаго водами съ предоставленіемъ ему инціативы и полной свободы дѣйствія въ предѣлахъ извѣстнаго бюджета, утверждаемаго ежегодно правительствомъ и въ предѣлахъ извѣстной инструкціи, которая будетъ имъ дана. Этотъ бюджетъ, по мѣрѣ средствъ которыми правительство будетъ располагать, можетъ ежегодно расширяться или ограничиваться. Когда представится возможность передать эксплуатацію водъ въ руки частныя, тогда вся внутренняя экономическая сторона дѣла должна перейти въ полное распоряженіе эксплуататоровъ; на директорѣ водъ останется обязанность наблюденія за точнымъ исполненіемъ эксплуататорами видовъ правительства, по отношенію къ водамъ, — наблюденія, также не лишеннаго инціативы, — равно

какъ и за успѣшнымъ ходомъ при водахъ части медицинской и общенаучной.

Правительство не можетъ забыть своей главной, руководящей его идеи по отношенію къ водамъ, идеи доведенія ихъ до возможной степени совершенства и развитія. Оно не можетъ увлечься разчетомъ на какую-нибудь арендную плату, во всякомъ случаѣ ничтожную сравнительно съ государственнымъ интересомъ, представляемымъ водами. Обманчиво было бы даже увлеченіе мыслью что оно сейчасъ же можетъ навсегда отмѣнить всѣ субсидіи для водъ, въ томъ или другомъ видѣ. Мы видѣли уже примѣры того какъ дорого обходятся впослѣдствіи подобныя увлеченія. Еще обманчивѣе и опаснѣе была бы мысль что можно дѣлавшіяся до сихъ поръ субсидіи водамъ замѣнить возвышеніемъ таксы на нихъ съ потребителей. Въ этомъ случаѣ для правительства было бы невыгодно узаконить подобное возвышеніе, и весьма обманулся бы въ своихъ надеждахъ будущій эксплуататоръ водъ. Правительство нарушило бы главную цѣль существованія водъ и своихъ заботъ о нихъ—пользу общественную; оно стѣснило бы ихъ доступность. Эксплуататоръ ошибся бы въ своихъ разчетахъ потому что вслѣдъ затѣмъ вѣроятно надолго ограничилось бы и распространеніе употребительности водъ. Мы уже привели примѣръ Виши и результатъ который обнаружился бы и у насъ съ еще большею силой: публика пріѣзжающая къ намъ на воды обыкновенно такъ мало приготовлена къ расходамъ, сопряженнымъ съ лѣченіемъ водами и путешестіемъ на нихъ, что постоянно и безъ того уже слышится ропотъ на недостаточность средствъ, хотя въ сущности ванны у насъ дешевле многихъ заграничныхъ. Нѣсколько тысячъ ваннъ, выдаваемыхъ безплатно на каждый сезонъ, едва могутъ смягчать этотъ ропотъ, поддерживаемый дѣйствительнымъ недостаткомъ многихъ насущныхъ удобствъ въ жизни больнаго, удобствъ, которыя только и могутъ быть доставлены временемъ и промышленнымъ развитіемъ края. И потому, передавая воды въ частное завѣдываніе, на первый разъ правительство единственнымъ условіемъ можетъ поставить—обязательство построить при водахъ, въ теченіе извѣстнаго срока, извѣстныя сооруженія, на извѣстную сумму; другими словами: обязательство затратить на воды въ теченіе извѣстнаго времени извѣстный капиталъ. Передавать же въ другія руки завѣдываніе водами безъ этой цѣли, безъ

цѣли дальнѣйшаго развитія и возможнаго усовершенствованія ихъ, было бы непослѣдовательно. Да и кому же правительство могло бы сдѣлать эту передачу? Кто могъ бы, въ виду будущаго вознагражденія, затратить свой капиталъ на наши воды? Всего ближе это могла бы сдѣлать община, которая у насъ современемъ олицетворится въ земствѣ, но которой теперь еще нѣтъ. Городъ? Но при передачѣ городу, очевидно, не могло бы быть никакой подобной цѣли, потому что городъ не имѣетъ еще достаточно самостоятельныхъ средствъ не только для затраты на воды, но и для собственнаго благоустройства, и могъ бы прицять ихъ на себя по необходимости развѣ только въ видахъ обратныхъ правительственнымъ, именно: не въ видахъ развитія водъ, а въ видахъ усиленія своихъ собственныхъ доходовъ на счетъ водъ. Относительно же формы самаго управленія, до которой должно быть желательно довести воды (аренда), это былъ бы шагъ назадъ, и притомъ шагъ, которому примѣровъ мы не встрѣчаемъ въ исторіи европейскихъ водъ. Тамъ мы видимъ примѣры только обратные: правительства покупаютъ у городовъ воды, сознавая что городскихъ средствъ недостаточно для развитія ихъ; дѣлаютъ ихъ государственными, затрачиваютъ на нихъ капиталы и затѣмъ отдаютъ ихъ въ аренду; припомнимъ примѣръ Эльстера. Городское управленіе обыкновенно не успѣшно при эксплуатаціи водъ; припомнимъ Карлсбадъ. И потому эти управленія сами, если они располагаютъ водами, стараются передать ихъ на аренду.

Остается разчитывать на частныхъ капиталистовъ. Но изъ нихъ, безъ особенныхъ условій, безъ косвенной и совмѣстной поддержки другою отраслью промышленности, едва ли найдется такой который рѣшится сдѣлать большую затрату на воды, въ ожиданіи получить современемъ умѣренные проценты отъ нея. Самая обширная и счастливая эксплуатація водъ въ Европѣ, именно въ Виши, даетъ своимъ акціонерамъ только до 9% въ годъ. У насъ въ Россіи, гдѣ капиталы теперь находятъ для себя такое легкое и прибыльное помѣщеніе въ распространившихся дорожно-строительныхъ и банковыхъ предпріятіяхъ, конечно въ настоящее время трудно будетъ найти частный капиталъ который владѣльцы рѣшились бы затратить на такое предпріятіе обширность успѣха котораго не можетъ опредѣлить никто, потому что никто не можетъ сказать впередъ до какой степени раз-

витія можетъ быть доведена будущая эксплуатація водъ. Всякій знаетъ что она зависитъ отъ столькихъ внѣшнихъ обстоятельствъ что предвидѣть и исчислить ихъ впередъ невозможно. Сколько мнѣ извѣстно, попытки въ этомъ родѣ, сдѣланныя лѣтомъ прошлаго года, подтвердили это положеніе, они не увѣнчались успѣхомъ: охотниковъ не нашлось.

Къ счастію, представляется случай, при которомъ есть возможность соединить прямой интересъ нашихъ водъ съ достаточною производительностію частнаго капитала, могущаго быть на нихъ затраченнымъ. Этотъ случай — построеніе желѣзной дороги идущей чрезъ Пятигорскъ. Для компаніи строителей, при обширности ихъ предпріятія, единовременная затрата суммы нужной въ настоящее время для водъ уже не можетъ быть такъ обременительна, какъ для всякаго другаго частнаго арендатора водъ. Далѣе, затрачивая эту сумму, они будутъ имѣть въ своихъ рукахъ и одно изъ средствъ — сдѣлать ее производительною, именно: путь сообщенія. Въ развитіи водъ они будутъ имѣть пособіе для прямаго усиленія доходности ихъ главнаго предпріятія, именно: для усиленія пассажирскаго движенія по эксплуатируемой ими желѣзной дорогѣ. При такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, правительство можетъ имъ весьма раціонально предложить взять воды въ аренду, на тѣхъ условіяхъ которыя оно найдетъ необходимыми для успѣшности развитія водъ. Строители же желѣзной дороги могутъ принять это предложеніе безъ всякаго ущерба для своего прямаго интереса, тѣмъ болѣе что правительству легко будетъ гарантировать имъ ихъ будущія затраты на воды. Размѣры, въ которыхъ можетъ быть потомъ уменьшена, а въ послѣдствіи, по окончаніи при водахъ построекъ необходимыхъ для расширенія ихъ эксплуатаціи, и совсѣмъ отмѣнена выдаваемая правительствомъ субсидія, будутъ зависѣть отъ взаимнаго соглашенія съ строителями дороги, или, лучше сказать, отъ степени предполагаемой доходности сей послѣдней и отъ быстроты развитія эксплуатаціи водъ. Такимъ образомъ текущіе расходы правительства на воды не только не увеличатся, но и пойдутъ нормальнымъ путемъ къ совершенному своему уничтоженію; развитію же водъ даны будутъ тѣ средства которыя необходимы для полноты его

Каково бы ни было условіе заключенное съ правитель-

ствомъ, но для того чтобъ оно было прочно и дѣйствительно выгодно для истинной успѣшности развитія водъ, въ немъ должны быть подробно и точно высказаны, съ одной стороны, требованія и цѣль правительства; съ другой — поняты въ истинномъ видѣ тѣ наличныя средства на которыя можетъ разчитывать будущая эксплуатація, и напередъ оцѣнены затраты которыхъ она потребуетъ. Истинная выгода правительства не можетъ быть отдѣлена отъ выгоды контрагирующихъ съ нимъ. Стараться показать товаръ лицомъ чтобы выгоднѣе сбыть его,—и недостойно правительства и въ сущности невыгодно для него, потому что въ такомъ случаѣ черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ товаръ останется на его же рукахъ. Съ другой стороны, и обязательствъ существенно убыточныхъ для частныхъ людей не возметъ на себя ни одинъ разсудительный и надежный контрагентъ.

Поэому въ виду настоящаго положенія нашихъ водъ, я думаю что первая забота должна быть о томъ чтобы опредѣлить напередъ этотъ планъ и, соотвѣтственно ему, тѣ требованія къ исполненію которыхъ правительство должно будетъ стремиться само и которыя оно предложитъ при первой возможности—будущимъ арендаторамъ своимъ. Мы видѣли уже что первая и самая существенная нужда нашихъ водъ состоитъ въ гидравлическихъ работахъ, соотвѣтсвенныхъ современнымъ усовершенствованіямъ по этой части. Одно только удовлетвореніе этой нужды и можетъ дать прочную основу всѣмъ дальнѣйшимъ построеніямъ при водахъ. А потому его дѣйствительно можно назвать неотлагательнымъ. Въ настоящее время мы имѣемъ по этой части одного спеціальнаго, весьма опытнаго техника, Жюль-Франсуа, главнаго инженера французскихъ минеральныхъ водъ, которому около тридцати различныхъ водъ во Франціи и Бельгіи обязаны своимъ образцовымъ устройствомъ купаленъ и источниковъ. Приглашеніе подобнаго техника для обозрѣнія нашихъ источниковъ на мѣстѣ и для составленія спеціальныхъ плановъ для гидравлическихъ работъ при нихъ и построенія купаленъ можетъ быть сдѣлано всего удобнѣе правительствомъ, потому что для его приглашенія необходимо сношеніе съ французскимъ правительствомъ. Мы имѣемъ извѣстнаго своею ученостію геолога, академика Абиха, участіе котораго въ составленіи плана будущихъ гидравлическихъ работъ могло бы еще болѣе гарантировать самостоятельное достоинство этого плана. Что ка-

сается до издержки на это приглашеніе, то цѣль его такъ существенно важна и для правительства и для будущихъ арендаторовъ водъ, и сама издержка сравнительно такъ незначительна (по всему вѣроятію, можетъ простираться до 10—12 тысячъ руб.), что она едва ли можетъ составить существенное затрудненіе. Еслибы правительство затруднялось ею, то оно можетъ имѣть въ виду что въ послѣдствіи, при передачѣ водъ на аренду, каждый благоразумный арендаторъ согласится принять ее на себя и возвратить правительству сдѣланныя на этотъ предметъ затраты. Кому будетъ предстоять затратить сотни тысячъ, тому неразсудительно было бы не пожертвовать десятка для того чтобъ упрочить эту затрату и сдѣлать ее возможно производительнѣе. Пріобрѣтя общій планъ для будущихъ работъ, я думаю что всего удобнѣе было бы обратиться для исполненія ихъ къ Германіи, гдѣ гидравлическія сооруженія производятся и такъ дешево и такъ отчетливо. Оттуда можно имѣть хорошаго бормейстера за тысячу или полторы тысячи рублей въ годъ, и помощника ему за половинную цѣну; оттуда же можно получить и достаточный запасъ нужныхъ инструментовъ за 700—800 рублей.

Обезпечивъ такимъ образомъ правильность и слѣдовательно производительность всѣхъ будущихъ построеній при водахъ, необходимо будетъ за симъ обратиться къ самымъ построеніямъ. Весьма опасно если будущій содержатель водъ приметъ ихъ съ мыслью что существующихъ нынѣ построеній достаточно для расширенія эксплуатаціи. Онъ долженъ знать, *во-первыхъ*, что ихъ недостаточно, и первою обязанностію ему должно быть вмѣнено расширеніе ихъ; *во-вторыхъ*, что доходность эксплуатаціи должна будетъ основываться не на ваннахъ однѣхъ, но и на разсылкѣ минеральной воды и ея продуктовъ. При этомъ онъ долженъ знать что разсылка воды не только за границу, но и внутрь Россіи до сихъ поръ не могла совершаться въ сколько-нибудь обширныхъ размѣрахъ, не по трудности только сообщенія, а и по дороговизнѣ и неимѣнію на мѣстѣ необходимыхъ для нея принадлежностей. Вспомнимъ только что на сѣверномъ Кавказѣ нѣтъ ни одного стекляннаго завода, и что выписываемая извнутри Россіи пустая бутылка, доходя до Пятигорска, какъ напримѣръ въ нынѣшнемъ году, обходится болѣе 15 копѣекъ. Присоединяя къ этому цѣну доставки ея налитою (напримѣръ, въ Москву 20 коп. на бутылку), извѣстные проценты боя въ доро-

гѣ и плату за комиссію, ее нельзя было не продавать по цѣнѣ превышавшей цѣну всякой привозной заграничной воды; нельзя слѣдовательно было и разчитывать ни на какую конкурренцію съ заграничными водами. Этотъ примѣръ указываетъ ясно что не одна только легкость сообщенія, не одна желѣзная дорога нужна для успѣшной эксплуатаціи водъ, хотя мы и вѣримъ искренно что желѣзная дорога современемъ не останется безъ вліянія и на всѣ другія мѣстныя условія.

Рядомъ съ заботою о построеніяхъ при самыхъ водахъ должна идти забота о возможномъ доставленіи всѣхъ внѣшнихъ удобствъ для посѣтителей. Въ этомъ отношеніи представляется совершенная необходимость построенія обширныхъ гостиницъ, какъ въ Пятигорскѣ, такъ въ особенности въ Желѣзноводскѣ и Ессентукахъ. Самая большая казенная гостиница наша заключаетъ въ себѣ только 13 нумеровъ; необходимо имѣть гостиницы съ 50—100 нумерами. Извѣстно сколько затрудненій представляютъ посѣтителямъ недостатокъ и неудобство помѣщеній, особливо въ Желѣзноводскѣ и Ессентукахъ. Далѣе весьма важно построеніе шоссейныхъ дорогъ между группами водъ; въ дурную погоду онѣ не только затрудняютъ сообщеніе, но и становятся причиною затрудненій въ доставкѣ жизненныхъ припасовъ. Затѣмъ должно быть обращено вниманіе и на другія мелкія подробности относящіяся къ удобствамъ жизни и развлеченію посѣтителей на водахъ. Все это, предварительно соображенное, можетъ войти условіями въ контрактъ правительства съ арендаторами, но условіями вполнѣ обозначенными и точно опредѣленными. Заключая контрактъ, правительство должно будетъ прежде всего само знать въ подробности то чего оно должно требовать отъ контрагента. Только имѣя подъ рукою уже составленный общій планъ дѣйствія, можно будетъ безошибочно приводить его въ исполненіе по мѣрѣ представляющейся возможности.

Передавая такимъ образомъ воды въ частное завѣдываніе, по отношенію къ ихъ внутреннему хозяйству, правительство оставляетъ подъ непосредственнымъ своимъ наблюденіемъ техническую и медицинскую часть ихъ. Это наблюденіе выполняется назначаемымъ отъ правительства инспекторомъ водъ, который, на томъ основаніи что воды разсматриваются какъ врачебное заведеніе, долженъ быть непремѣнно врачъ. Выборъ техниковъ, безъ сомнѣнія, предоставляется контрагенту, какъ дѣйствительному хозяину и производителю работъ. Но такъ

какъ эти работы должны производиться по планамъ предварительно сообщеннымъ ему отъ правительства и такъ какъ непосредственная и главная цѣль ихъ относится къ врачебному употребленію водъ, то при исполненіи ихъ, ближайшее наблюденіе за точностью и соотвѣтственностью ихъ цѣли относится къ инспектору водъ. Ему должно быть предоставлено право, въ случаѣ надобности, испрашивать въ пособіе себѣ прикомандированіе тѣхъ изъ правительственныхъ техниковъ какіе по его усмотрѣнію окажутся нужными для повѣрки произведенныхъ работъ, для рѣшенія возникшихъ вопросовъ, составленія новыхъ предположеній и т. п.

Что касается до медицинской части, то сліяніе ея съ частью хозяйственною обыкновенно не представляетъ никакаго особеннаго удобства. Медицинская практика при водахъ должна быть свободна для всѣхъ врачей имѣющихъ на нее право и подчиняется общему закону существующему въ государствѣ. Правительству въ настоящее время уже не предстоитъ заботы о томъ чтобы на водахъ во время сезона были врачи; для *практики* недостатка во врачахъ въ Пятигорскѣ быть уже не можетъ. Но нельзя сказать того же о другихъ группахъ водъ. Живя обыкновенно въ Пятигорскѣ, какъ центральномъ пунктѣ водъ, врачи на другія группы водъ пріѣзжаютъ только повременамъ, смотря по надобности. Для правительства въ этомъ дѣлѣ есть еще другая сторона, представляющая не менѣе важный интересъ для водъ, именно: сторона спеціальнаго изученія ихъ. Для пріѣзжающей на воды публики важно не только то чтобы были врачи, но и врачи еще хорошо и научно знакомые съ водами. Отсюда естественно возникаетъ мысль: съ *одной* стороны, о доставленіи возможнаго пособія для научныхъ занятій врачамъ находящимся на водахъ, а съ *другой*—желаніе имѣть *постоянныхъ* врачей при каждой группѣ водъ, для того чтобы дать имъ возможность полнѣйшаго изученія ея. Въ первомъ отношеніи, устройство въ Пятигорскѣ химической лабораторіи (по мѣстнымъ обстоятельствамъ могущей служить и для цѣлаго края) и основаніе Бальнеологическаго Общества достаточно гарантируютъ правительство. Отъ будущаго содержателя водъ оно необходимо должно требовать полнаго содѣйствія къ поддержанію того и другаго. Относительно же врачей, установленіе отъ правительства постоянныхъ штатныхъ мѣстъ при каждой группѣ водъ достаточно обезпечитъ его виды. Но такъ какъ

состояніе медицинской части при водахъ будетъ имѣть весьма прямое отношеніе къ интересамъ будущаго содержателя водъ, то нельзя отказать и ему въ участіи при устройствѣ ея. Кромѣ обязательства имѣть, соотвѣтственно обнаруживающейся потребности, при каждой группѣ водъ аптеки, ему должно быть предоставлено право предлагать отъ себя и врачей на штатныя мѣста при водахъ; утвержденіе ихъ должно зависѣть отъ инспектора назначеннаго правительствомъ. Затѣмъ и содержаніе врачей при водахъ должно быть относимо на счетъ контрагента, по взаимному его соглашенію съ ними. Такимъ образомъ ему будетъ предоставлена возможность дѣлать приглашенія и такимъ врачамъ содержаніе которыхъ при водахъ, по положенію ихъ въ служебномъ или общественномъ отношеніи, было бы обременительно для правительства. Но инспекторъ водъ, назначаемый непосредственно правительствомъ, долженъ получать свое содержаніе отъ правительства. Такимъ образомъ, мнѣ кажется, будутъ достаточно обезпечены интересы правителаства и водъ съ одной стороны, и предоставлена полная свобода внутреннему хозяйству ихъ, съ другой.

Дѣлая общій выводъ изъ сказаннаго нами, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Кавказскія минеральныя воды, составляя государственное имущество, имѣютъ главною цѣлью своею пользу общественную и затѣмъ косвенный доходъ съ нихъ государству.

2. Соотвѣтственно этимъ двумъ цѣлямъ существованія минеральныхъ водъ, какое бы ни было управленіе ими, оно должно имѣть для себя главною и постоянною задачей: а) доведеніе водъ до возможной степени развитія и благоустройства, и затѣмъ б) до возможно обширной эксплуатаціи.

3. Въ настоящемъ періодѣ развитія кавказскихъ минеральныхъ водъ передача ихъ въ дѣйствительную аренду, на правильныхъ и соотвѣтствующихъ раціональнымъ видамъ правительства условіяхъ, кому-либо кромѣ концессіонера желѣзной дороги, едва ли возможна. И потому правительству всего удобнѣе удержать за собою непосредственное управленіе ими впредь до утвержденія концессіи желѣзной дороги, избравъ отъ себя управляющаго водами и предоставя ему въ предѣлахъ ежегодно утверждаемаго бюджета, возможно бо́льшую свободу дѣйствія.

4. При передачѣ водъ въ частное завѣдываніе концессіо-

нера, главнымъ и исключительнымъ условіемъ со стороны правительства должно быть обязательство произвести, въ теченіе извѣстнаго срока, наперед опредѣляемыя имъ сооруженія, какъ при источникахъ, такъ на группахъ и между группами водъ (дороги).

5. Затраты концессіонера для водъ могутъ быть гарантированы правительствомъ до опредѣленной цифры, на тѣхъ же основаніяхъ какъ оно гарантируетъ желѣзныя дороги.

6. Передача же водъ въ содержаніе кому бы то ни было, частному лицу или акціонерному обществу, на основаніи одного коммерческаго разчета, съ единственною цѣлью избавленія правительства отъ дѣлаемыхъ имъ субсидій, не можетъ быть выгодна для правительства, потому что не можетъ соотвѣтствовать ни его видамъ на воды, ни затратамъ уже сдѣланнымъ имъ на нихъ, ни, главное, государственному значенію водъ.

7. На основаніи тѣхъ же раціональныхъ видовъ правительства по отношенію къ минеральнымъ водамъ, однимъ изъ главныхъ условій при передачѣ ихъ завѣдыванія кому бы то ни было, должно быть возможное облегченіе доступности водъ для лѣчащихся (что, при исключительномъ положеніи самаго края, еще весьма важно) и потому всякое возвышеніе таксы и всякіе налоги на посѣтителей должны быть отстранены до извѣстнаго времени.

8. Прежде заключенія какого-либо контракта съ кѣмъ бы то ни было, правительству предстоитъ необходимость имѣть общій планъ для будущихъ сооруженій при водахъ. Только на основаніи его оно и можетъ выставить свои условія будущему концессіонеру точно и опредѣленно; только основываясь на немъ, оно можетъ и само въ ожиданіи концессіи приступить безошибочно и раціонально къ какимъ-нибудь построеніямъ при водахъ.

9. Гидравлическія работы при нашихъ источникахъ составляютъ самую существенную и неотлагательную потребность, и потому приглашеніе соотвѣтственныхъ спеціалистовъ для нихъ не должно быть отлагаемо.

10. Затрата на эти работы, столько же необходимая для правительства, владѣющаго водами, сколько и для будущихъ концессіонеровъ, по справедливости можетъ быть въ послѣдствіи раздѣлена между тѣмъ и другими, и включена въ будущій контрактъ правительства.

С. СМИРНОВЪ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

I.

Пѣсни собранныя И. В. Кирѣевскимъ, изд. Обществомъ Любителей Россійской Словесности, вып. VIII, Москва. 1870.

Нѣсколько недѣль тому назадъ мы говорили объ опасности строить исторію на основаніи народныхъ сказаній, думокъ и пѣсенъ. * Лежащій предъ нами выпускъ сборника издаваема-

* По поводу замѣтки нашей о книгѣ г. Мордовцева, *Гайдамачина*, мы получили отъ одного изъ уважаемыхъ членовъ Кіевской археографической коммиссіи нѣсколько любопытныхъ и важныхъ свѣдѣній подкрѣпляющихъ наши выводы. Въ распоряженіи Кіевской коммиссіи находится, пишутъ намъ, 1) около 200 актовъ относящихся къ исторіи *коліевщины*; 2) подлинные протоколы „кодненскихъ судовъ", то-есть той военно-слѣдственной коммиссіи которая, по распоряженію польскаго правительства, допрашивала и судила лицъ участвовавшихъ въ коліевщинѣ, всего болѣе 500 человѣкъ; 3) подлинныя дѣла такой же коммиссіи засѣдавшей въ Кіевѣ; 4) письма современниковъ и 5) офиціальная переписка Румянцева по этому дѣлу. Изъ всего этого важнаго историческаго матеріала, который вскорѣ будетъ изданъ, пишутъ намъ, „до очевидности яснымъ становится что приписываемое Поляками участіе русскаго правительства въ народномъ движеніи (коліевщинѣ), предполагаемое управленіе этимъ движеніемъ или подстрекательство къ нему со стороны Мельхиседе-

го Московскимъ Обществомъ Любителей Словесности побуждаетъ еще разъ возвратиться къ этому предмету. Изданіе о которомъ мы говоримъ отличается отъ другихъ подобныхъ тѣмъ между прочимъ что въ немъ собраны весьма многія, если не всѣ пѣсни сложенныя на извѣстныя темы и относящіяся къ извѣстной эпохѣ, такъ что оно представляетъ весьма полный сборникъ народныхъ пѣсенъ; замѣтимъ притомъ что число пѣсенъ извлеченныхъ изъ бумагъ покойнаго Кирѣевскаго значительно менѣе чѣмъ такихъ которыя заимствованы у другихъ собирателей. Въ этомъ отношеніи изданіе не оправдываетъ своего заглавія; за то оно представляетъ удобства для изученія нашей народной литературы, какихъ не представляютъ другія, подобныя. Благодаря стараніямъ редактора помянутаго сборника, г. Безсонова, мы получаемъ, напримѣръ, возможность слѣдить за причудливыми измѣненіями которымъ подвергается извѣстный мотивъ, переходя изъ устъ въ уста и изъ мѣстности въ мѣстность. Какой-нибудь безвѣстный стихотворъ, принадлежащій можетъ-быть къ дворнѣ, а можетъ-быть и ко двору царя Алексѣя, сложилъ стихи по случаю рожденія царевича Петра. Эти стихи *можетъ-быть* были слѣдующіе:

Что у насъ въ каменной Москвѣ пріунылы.
Въ большой колоколъ звонили:
Породила государыня царевича
Свѣтъ-Петра Алексѣевича.
Нянюшки-мамушки
Всеё ночь не спали,
Одѣяльце простегали
На чистыемъ сéребрѣ,

ка Яворскаго, а тѣмъ болѣе существованіе манифеста императрицы Екатерины, есть чистая выдумка, пущенная польскими агитаторами лѣтъ 20 спустя".... Польская коммиссія, судившая гайдамаковъ въ Коднѣ, не только не открываетъ помянутыхъ обстоятельствъ, но ни разу коммиссарамъ не приходило даже въ голову предложить подсудимымъ вопросъ о Мельхиседекѣ или манифестѣ Екатерины. При арестованіи большаго числа гайдамаковъ и крестьянъ „не найдено никакого слѣда этого манифеста", и легенда о немъ появляется въ первый разъ по поводу происходившихъ въ 1769—92 годахъ новыхъ волненій, къ которымъ примѣшали переяславскаго епископа Виктора. (Объ этомъ см. въ *Русск. Вѣстн.* 1863 статью г. Щебальскаго *Народныя движенія на Волыни и въ Подоліи*, гдѣ критически разсмотрѣнъ и пресловутый манифестъ.

На краснымъ золотѣ.
Плотнички-мастеры
Всеё ночку простукали,
Колыбельку продѣлали....

Стихотворъ пропѣлъ свою пѣсню одному-другому изъ числа своихъ пріятелей, и вотъ пошла пѣсня гулять по широкой Руси, гулять и измѣняться въ своихъ подробностяхъ. Пройдя сотню-другую верстъ, она является уже въ слѣдующей формѣ:

Что у насъ было на Святой Руси,
На Святой Руси, въ каменнòй Москвѣ,
Православный царь веселъ былъ,
Онъ и веселъ и радошенъ:
Породила сударыня
Ему сына царевича.
Тутъ и нянюшки и мамушки и пр.

Протекло нѣсколько десятковъ лѣтъ; пѣсня неизвѣстнаго стихотвора все живетъ да живетъ, а между тѣмъ и видоизмѣняется. Она гласитъ:

Ужъ какъ свѣтелъ-радошенъ на Москвѣ
Благовѣрный царь Алексѣй, царь Михайловичъ.
Народилъ Богъ ему сына царевича,
Царевича Петра Алексѣевича,
Перваго императора на землѣ.
Всѣ-то Русскіе какъ плотники-мастеры и пр.

Очевидно всѣ три варіанта разрабатываютъ одну тему,—тему данную первоначальнымъ стихотворомъ, но въ нихъ уже много новыхъ чертъ; пѣсня повторяется со слуха, съ памяти, и то здѣсь, то тамъ, повторяя ее, что-нибудь оторвутъ отъ нея или приставятъ къ ней. Въ послѣднемъ варіантѣ Петръ уже названъ императоромъ. Но бываютъ измѣненія и гораздо болѣе значительныя. Къ нѣкоторымъ изъ вышеприведенныхъ текстовъ приставленъ разказъ о томъ что нѣкій добрый молодецъ переправлялся черезъ рѣку Смородину,—рѣку быструю и глубокую, которая хотя и согласилась перепустить его черезъ себя, но потомъ потопила его, когда онъ сталъ издѣваться надъ нею.... Что тутъ общаго съ рожденіемъ и жизнію Петра I, — не знаемъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эпизодъ о рѣкѣ Смородинѣ непосредственно связанъ съ рожденіемъ „перваго императора на землѣ.“ Мало того: въ Сызрани, въ эпизодѣ о рѣкѣ Смородинѣ вставляютъ слѣдующіе стихи:

Возговоритъ рѣчушка
Человѣческимъ голосомъ,
Душой красной дѣвицей:
Охъ ты гой-еси добрый молодецъ,
Добрыня Никитьевичъ.....

Подобно тому какъ воспоминаніе о стародавнихъ временахъ извратило текстъ пѣсенъ о Петрѣ, точно также нѣкоторыя другія пѣсни о немъ измѣнились и извратились очевидно подъ вліяніемъ новѣйшихъ событій: такъ напримѣръ въ одной пѣсни заставляютъ Петра воевать не со Шведами, а съ Французами, и притомъ подъ Москвой:

Во матушкѣ каменной Москвѣ
Тутъ бѣжитъ рѣка быстрая;
По правой сторонкѣ войско царя Бѣлаго
Царя Бѣлаго, Петра Перваго,
По лѣву сторону все Французское.
. . . . . .
Запылалася сила-*армія* Французская....

Въ одной пѣснѣ, мотивъ которой напоминаетъ нѣсколько мотивы пѣсенъ о Петрѣ,—а именно его (никогда небывалое впрочемъ) плаваніе въ Стокгольмъ, вмѣсто Петра вдругъ очутился

.... благовѣрный царь Александро Павловичъ,
Со своей слугой со вѣрною, слугой безотмѣнною:
Посмотри Ильюшенька, * и пр.

Итакъ, Петръ Великій, небывалая рѣчка Смородина, Добрыня Никитичъ, Александръ I, Шведы и Французы,—все смѣшалось, все перепуталось въ народной фантазіи,—и эту-то своевольную народную фантазію иные новаторы желали бы положить въ основаніи историческихъ изслѣдованій!... Но въ приведенномъ случаѣ смѣшеніе именъ и эпохъ слишкомъ рѣзко, слишкомъ грубо; оно не дастъ возможности впасть въ обманъ человѣку наиболѣе довѣряющему непререкаемой правдивости народныхъ сказаній. Перекинемъ нѣсколько страницъ и посмотримъ, какъ „народъ“ разказываетъ о взятіи Азовской крѣпости.

Собирается православный царь
подъ крѣпкій Азовъ-городъ,
Собираетъ онъ телѣжинокъ
сорокъ тысячей;

* Илья—извѣстный лейбъ-кучеръ императора Александра I.

Въ каждую телѣжку сажалъ
по пяти молодчиковъ.
По шестому приставливалъ
по извощичку.
Укрывали суконами
багрецовыми,
Убивали гвоздочками
полуженными.

Подъѣзжали къ Азовскимъ крѣпкимъ
воротичкамъ;
Возговоритъ православный царь
таково слово:
„Охъ вы гой еси, Азовскіе
караульщички!
„Доложите во Азовѣ
своимъ начальничкамъ:
„Пріѣхалъ къ вамъ богатый гость
Ѳедоръ Ивановичъ,
„Съ тѣми ли товарами
со заморскими,
„Со куницами пріѣхалъ
и съ соболицами."

Отворили ему Азовски
крѣпки воротички:
Они ѣхали во Азовъ городъ
трои суточки,
На четвертые суточки уставились.
Тутъ возговоритъ православный царь
таково слово:
„Охъ вы гой еси, извольщички,
добры молодцы!
„Отдирайте суконцы
во единой махъ!"
Отдирали они суконцы
скоро-на-скоро.
Вылетали изъ каждой телѣжечки
по пяти молодчиковъ;
Они сабли востры
на голо держутъ.....

Какое же заключеніе должны мы вывести изъ этой пѣсни относительно взятія Азова? Такъ ли онъ былъ взятъ какъ видно изъ офиціальныхъ извѣстій, изъ писемъ царя, или такъ

какъ о томъ говоритъ „народъ“ въ славномъ селѣ Павловѣ, Нижегородской губерніи? Точно ли Русскіе вели траншеи и дѣлали подкопы, или же они употребили способъ довольно похожій на тотъ какой предложилъ нѣкогда хитроумный Улисъ вождямъ осаждавшимъ Трою?...

Не преувеличивая до смѣшнаго важности простонародныхъ пѣсенъ какъ историческаго матеріала, отдадимъ однако справедливость тому значенію какое онѣ въ самомъ дѣлѣ имѣютъ. Не любопытно ли напримѣръ узнать что весьма грубо ошибались тѣ мнимые знатоки русской народной литературы и толкователи „истинныхъ“ возрѣній русскаго народа, которые утверждали что въ „народной“ жизни и въ „народномъ“ сознаніи Петръ Великій прошелъ безслѣдно; что о немъ *сочинено* много книгъ, но что въ устной литературѣ (единственно—„народной“) о немъ почти не упоминается! Такъ говорилось очень утвердительно и весьма еще недавно,—а между тѣмъ оказывается что г. Безсоновъ наполнилъ 332 страницы пѣснями и стихами сложенными о Петрѣ „народомъ,“ то-есть тѣми почтенными людьми которые вообще предпочитаютъ носить рубаху сверхъ портовъ! Только времена Владиміра Краснаго-Солнышка, дѣйствительно обильныя поэзіей, такъ широко отразились въ народной фантазіи какъ Петрово время: станутъ ли послѣ этого увѣрять насъ что „первый императоръ“, которому спеціально присвоено, по свидѣтельству г. Безсонова, наименованіе Бѣлый царь,—что онъ есть лицо не народное, не изъ русской жизни вышедшее и не имѣющее съ нею ничего общаго?... Очень любопытно будетъ узнать какъ смотрѣли народныя массы на послѣдующія эпохи, на Бироновщину, на царствованія Елисаветы и Екатерины? какъ запечатлѣлся въ памяти крестьянства и мѣщанства Двѣнадцатый годъ, въ славныхъ событіяхъ коего эти сословія принимали такое широкое участіе? Любопытно бы узнать также какія пѣсни сложены по случаю освобожденія крестьянъ? Сложены ли они по поводу введенія новыхъ судовъ и земства, паденія Севастополя и другихъ крупныхъ современныхъ событій? Иные думаютъ что духъ творчества въ народныхъ массахъ оскудѣваетъ съ начала XVIII вѣка; но сборникъ Московскаго Общества Любителей Словесности доказываетъ противное, и мы съ своей стороны увѣрены что воззрѣнія народныхъ массъ на историческія событія нашего времени оставятъ не менѣе любопытные памятники какъ и тѣ которые остались отъ

Петровой эпохи. Мы думаемъ даже что эти массы сдѣлались нынѣ болѣе чуткими чѣмъ были въ прежнія времена; что между ними находится въ оборотѣ болѣе мыслей и болѣе представленій, а слѣдовательно и болѣе пищи для творчества. Видя съ какимъ участіемъ мелкіе торгаши и подгородные крестьяне слѣдятъ,—одни по газетамъ, другіе по разказамъ,—за событіями совершающимися на дальнемъ западѣ, мы не удивились бы еслибы какой-нибудь безграмотный стихотворъ разказалъ на свой ладъ сдачу Меца или Седана.... Но записываетъ ли кто-нибудь современныя пѣсни? Современность очень многими не почитается еще чѣмъ-либо серіознымъ, стоющимъ изученія, какъ будто и наше время не сдѣлается когда-нибудь старшой! Пусть лучше же дойдутъ до нашихъ потомковъ сказанія о современныхъ намъ дѣлахъ неискаженныя такими вставками какія мы видѣли выше и которыя неизбѣжны при изустномъ повтореніи.

Посмотримъ въ чемъ состоятъ главнѣйшіе мотивы простонародной поэзіи Петрова времени. Пѣсни собранныя г. Безсоновымъ о Петровой эпохѣ, касаются главнымъ образомъ слѣдующихъ предметовъ: рожденія царя, стрѣлецкихъ мятежей, Крымскихъ и Азовскихъ походовъ, мятежей на Дону, судьбы царицы Евдокіи и болѣе всего войны съ Карломъ XII, причемъ народное творчество удостоило особымъ вниманіемъ: взятіе Шлиссельбурга, битву съ Левенгауптомъ (при Лѣсномъ, безъ сомнѣнія), Полтавскій бой, измѣну Мазепы, * взятіе Риги и Ревеля, Прутскую катастрофу, сооруженіе Ладожскаго канала, наконецъ государеву кончину.... ** Замѣтимъ что въ сборникъ Общества московскихъ любителей словесности не вошли стихи болѣе или менѣе духовнаго содержанія и раскольничьи; если же принять во вниманіе и эти двѣ очень крупныя категоріи, то мы увидимъ что явленія наиболѣе поражавшія воображеніе народныхъ массъ въ эпохѣ преобразованія весьма близко совпадаютъ съ тѣми которые наиболѣе останавливаютъ и наше вниманіе, и что слѣдовательно

* Объ этомъ предметѣ г. Безсоновымъ приведено множество малорусскихъ пѣсенъ.

** Безъ сомнѣнія и многіе другіе мотивы были затронуты безграмотными, но чуткими стихотворами. Невѣроятно, напримѣръ, чтобы кончина царевича Алексѣя, до того сильно поразившая народное воображеніе что вызвала сотни легендъ, не дала пищи ни одному стихотворенію.

между воззрѣніями различныхъ общественныхъ сферъ въ Россіи далеко нѣтъ той несоизмѣримости, о которой въ недавнее еще время говорилось такъ много и съ такою увѣренностью. Неизвѣстные слагатели изучаемыхъ нами стихотвореній описываютъ разнаго рода пытки и истязанія, тюремное заключеніе, буйную гульбу приволжскихъ, донскихъ и иныхъ „добрыхъ молодцевъ разбойничковъ“, бродяжничество, пьянство, связи между гуляющими мущинами и такими же женщинами, а отчасти связи и болѣе благороднаго свойства, родственныя отношенія, тоску по родномъ краѣ,—мотивъ весьма часто звучащій въ эту эпоху дальнихъ походовъ. Эти неизвѣстные авторы упоминаютъ о какихъ-то невѣдомыхъ намъ дѣятеляхъ: о князѣ Стрѣлковскомъ, объ Иванѣ Заморянинѣ, о Скорлыгинѣ и пр., по рядомъ съ ними и о Б. П. Шереметевѣ, о Меншиковѣ, о Мазепѣ, объ атаманѣ Фролѣ Миняевѣ, объ Игнатьѣ Некрасовѣ, даже о Шлиппенбахѣ и Левенгауптѣ. Такимъ образомъ еще разъ оказывается что интересы и воззрѣнія просвѣщенныхъ и непросвѣщенныхъ классовъ въ Россіи совсѣмъ не такъ далеко расходятся между собою, какъ иные увѣряли, и что слѣдовательно мы, не находящіе удобнымъ носить рубашку сверхъ панталонъ, имѣемъ тоже нѣкоторое право считать себя членами Русскаго народа.

Но можетъ-быть настоящій „народъ“ совсѣмъ не такъ какъ мы относится къ историческимъ событіямъ и дѣятелямъ? Можетъ-быть онъ порицаетъ то чему мы сочувствуемъ и сочувствуетъ тому что̀ мы порицаемъ? Такого заключенія отнюдь нельзя вывесть изъ кучи стиховъ находящихся предъ нашими глазами. Правда, авторы нѣкоторыхъ изъ нихъ очень благосклонно распространяются о дѣлахъ „добрыхъ молодцевъ разбойничковъ“, но кто эти авторы? Можетъ-быть сами герои изображенныхъ ими подвиговъ. Нерѣдко слышатся жалобы на тяжелую службу царскую:

Ахъ вы бѣдныя головушки солдатскія,
Какъ ни днемъ, ни ночью вамъ покою нѣтъ ...

Во многихъ мѣстахъ изображаются тяжелыя минуты разставанья рекрутъ съ своими семействами:

Всѣ солдаты во слезахъ идутъ,
Во слезахъ идутъ возрыдаючи:
Что прощаются ль солдатушки

Какъ съ отцами и со матерьми,
Что съ женами и со дѣтками,
Съ родомъ-племенемъ, съ пріятельми.
Лишь одинъ изъ нихъ весёлъ идетъ.
Что весёлъ идетъ, не кручинится:
Оставляетъ онъ отца и мать,
Оставляетъ молоду жену,
Оставляетъ малыхъ дѣтушекъ,
Оставляетъ и весь родъ-племя....

Этотъ мотивъ повторяется часто и принимаетъ иногда очень поэтическія формы:

Не хотѣлось доброму молодцу въ походъ идти,
Хотѣлось мнѣ доброму молодцу въ Москвѣ пожить.
Въ Москвѣ пожить, при дворцѣ служить.
Не жаль-то мнѣ доброму молодцу свою сторону,
Не жаль мнѣ доброму молодцу зеленый садъ,
Только жаль мнѣ доброму молодцу
Во саду три деревца:
Первое деревце — кипарисное,
Другое деревце — сладкая яблонь,
Третье деревце — зелена груша,
Подъ грушицей подъ зеленой есть отросточки....
Кипарисъ дерево — родной батюшка,
Сладкая яблонь — родная матушка,
Зелена груша — молода жена,
И отросточки — малы дѣтушки.

Пѣсня правдива, говоря что русскій человѣкъ не безъ скорби покидалъ свой родной кровъ, чтобы стать подъ ружье; утверждать противное значило бы отрицать семейное начало въ русскомъ народѣ. Самъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, по словамъ пѣсни, „лилъ горючія слезы“, когда ему было указано идти противъ Шведа. Но мало-по-малу интересы другаго рода овладѣвали этими семьянистыми отъ природы людьми: мы находимъ множество пѣсенъ гдѣ съ видимымъ удовольствіемъ излагаются подробности взятія Азова и Орѣшка, сраженія у *Красной Мызы*, или при Полтавѣ. Весьма часто въ пѣсняхъ объ этихъ предметахъ разказывается что царь или воевода спрашиваетъ совѣта у солдатъ или казаковъ, и тѣ отвѣчаютъ ему:

Взять ли намъ, не взять ли—бѣлой грудью.

Не безъ удивленія находимъ мы одну пѣсню въ которой говорится о работахъ на Ладожскомъ каналѣ безъ непріязнен-

наго чувства и въ которой отцы и матери отправляющихся на эти тяжелыя работы говорятъ имъ:

Вы удалые добры молодцы,
Вы бурлаченьки понизовые,
Поработайте царю Бѣлому,
Государю-ста что Московскому:
Наградитъ васъ царь и пожалуетъ....

Много и другихъ неожиданностей находимъ мы въ лежащемъ предъ нами сборникѣ. Мы находимъ въ немъ воззрѣнія чрезвычайно разнообразныя и даже противуположныя на одинъ и тотъ же фактъ, на одно и то же явленіе, такъ что очень затруднительно сдѣлать заключеніе о тѣхъ понятіяхъ которыя господствовали между нашими предками. Но какъ ни мудрено придти путемъ народныхъ пѣсенъ къ уразумѣнію народнаго міросозерцанія, мы должны стремиться къ этому и даже можемъ, кажется, этого достигнуть, сопоставляя между собою сходные мотивы. Вотъ двѣ пѣсни сложенныя на одну тему,—на измѣну Некрасова, и которыя освѣщаютъ это событіе съ двухъ сторонъ. Одна изъ нихъ изображаетъ Некрасова среди преданныхъ ему казаковъ:

На стулѣ сидитъ ихъ молодой атаманъ,
Игнатьюшка Ивановичъ сынъ Некрасовъ;
Передъ нимъ стоятъ его сотники любимые.
Онъ же пишетъ на-скоро грамотку;
Не перомъ пишетъ, не чернилами,
А пишетъ онъ своими горючьми слезами,
Горючьми слезьми къ *графу* Долгорукому:
„Ты спасибо, нашъ батюшко,
Поилъ-кормилъ, берегъ и жаловалъ.
Ты въ одномъ же на насъ, батюшко, прогнѣвался:
Захотѣлъ старикамъ усы-бороды сбрить
И молодыхъ дѣтей во солдаты брать.“

Итакъ, причиной измѣны казаковъ былъ, по словамъ пѣсни, князь Долгоруковъ, который вздумалъ прикоснуться къ святынѣ бороды. Но отчего же это покушеніе приписывается князю Долгорукову, тогда какъ документально извѣстно что брадоненавистникомъ былъ лично Петръ? О его участіи въ этомъ святотатственномъ покушеніи пѣсня умалчиваетъ. Она прибавляетъ даже:

Ты пріѣхалъ къ намъ на Тихій Донъ,
Безъ указу-то насъ разорять сталъ.

Изъ приведенной выше выдержки видно что авторъ какъ бы оправдываетъ Некрасова и возлагаетъ отвѣтственность на Долгорукаго за то что казаки перекинулись къ султану. Но въ другой пѣснѣ на ту же тему, Некрасовъ прямо названъ измѣнникомъ. Въ ней какъ бы выгораживается отъ нареканій за измѣну Донское Войско, потому де что Некрасовъ

. . . . . казачковъ увелъ,
Не служилыхъ, старыхъ, а глупыхъ малолѣточковъ.

Чему приписать это различіе въ воззрѣніи на одно событіе? Тому что приведенныя пѣсни сложены людьми различнаго образа мыслей? Можетъ-быть; но можетъ-быть также и тому что въ первомъ случаѣ Некрасову противупоставляется князь Долгоруковъ, а во второмъ самъ царь. Вторая пѣсня оканчивается слѣдующимъ воззваніемъ:

Стойте, малые малолѣточки, не лужайтеся,
По темнымъ лѣсамъ не разбѣгайтеся!
Мы отрубимъ Игнаткѣ буйную голову,
Пойдемъ опять служить царю Петру Первому.

Въ самомъ дѣлѣ, пересматривая сборникъ Общества Любителей Словесности и принимая во вниманіе другія выраженія умопостиженія русскаго народа, мы убѣждаемся что царь ни въ какомъ случаѣ не ставится въ отвѣтственность, что онъ никогда не признается неправымъ, тогда какъ его воеводы, генералы и вообще начальные люди нерѣдко подвергаются злымъ насмѣшкамъ и ядовитымъ порицаніямъ. Мы возьмемъ для примѣра одну пѣсню изображающую возвращеніе князя В. В. Голицына изъ Крымскихъ походовъ:

Не куликъ по болотамъ куликаетъ,
Молодой князь Голицынъ по лугамъ гуляетъ;
Не одинъ князь гуляетъ,—съ разными со полками,
Со Донскими казаками, еще съ егерями.
И онъ думаетъ-гадаетъ:
„Гдѣ пройтить-проѣхать?“
Ему лѣсомъ ѣхать—очень тёмно,
Мнѣ лугами, князю, ѣхать—очень было мокро;
Чистымъ полемъ князю ѣхать—мужикамъ обидно;
А Москвой князю ѣхать—было стыдно.
Ужь поѣхалъ князь Голицынъ улицей Тверской,
Тверской-Ямской, Новой Слободою,
Новой Слободою, глухимъ переулкомъ....

Въ понятіи русскаго человѣка огромное, необъятное различіе существуетъ между царемъ и первѣйшими его сановниками; онъ безотвѣтственъ и неприкосновенъ, они — прямые отвѣтчики за все что̀ неисправно, неладно, неудовлетворительно; онъ — священная особа, они — такіе же де люди какъ и всѣ. Различіе этихъ двухъ понятій весьма рельефно изображено въ одной изъ пѣсенъ лежащаго предъ нами сборника. Воевода допрашиваетъ „добраго-молодца“, а тотъ ему въ отвѣтъ:

Не тебѣ собакѣ меня, молодца, спрашивать,
А не мнѣ-то было тебѣ отвѣтъ держать!
Распросилъ бы меня батюшка православный царь,
И сказалъ бы ему, батюшкѣ, правду-истину.

Въ *Сборникѣ* есть группа пѣсенъ описывающихъ заключеніе, и вѣроятно сложенныхъ самими узниками во время ихъ заключенія; это самыя горькія пѣсни изо всѣхъ собранныхъ г. Безсоновымъ; въ нихъ преобладаетъ лирическое настроеніе, хотя и нѣтъ ничего похожаго на нынѣшнія элегіи.

Какъ во славномъ во городѣ во Питерѣ,
Во крѣпости Петропавловской,
У воротъ было Канверскіихъ (Кронверкскихъ)
Тутъ стояла нова тёмница
Безъ дверей и безъ окошечекъ,
Безъ щелочекъ, безъ протесочекъ.
Тутъ сидѣлъ въ ней добрый молодецъ,
Добрый молодецъ Донской казакъ.
Онъ сидѣлъ въ ней ровно тридцать лѣтъ.
Отростилъ свою бородушку
Онъ по самый по шелковъ поясъ;
Отростилъ свои русы кудри
Онъ по самыя могучи плеча̀.

Но вотъ случалось проѣзжать царю мимо крѣпости; колодникъ взываетъ къ нему:

Эхъ батюшка, православный царь,
Прикажи меня поить-кормить;
Не прикажешь ты поить-кормить,
Прикажи на волю выпустить!

И православный царь, если вѣрить пѣснямъ, приказывалъ на волю выпускать колодниковъ, иногда даже не справляясь за что̀ они содержатся. Въ одной пѣснѣ говорится что точно такимъ образомъ одинъ заключенный воззвалъ къ милосер-

дію царя: „а за что ты сидишь?“ спросилъ царь. „За то, отвѣчалъ колодникъ, что зарѣзалъ отца, жену и брата рóднаго „изъ-за одного коня виноходнаго“. На это царь говоритъ ему:

Молись Богу за государыню:
Она просила за тебя у Бога и у меня царя,
Богъ проститъ тебя, молодецъ,
И я прощаю православный царь
Во всѣхъ винахъ.

Весьма требовательный въ отношеніи начальныхъ людей, какъ бы высоко ни были они поставлены, каковы бы ни были ихъ знатность и значеніе, русскій человѣкъ не только благоговѣетъ предъ особою царя, но не дерзаетъ судить о ней, отказывается прилагать къ ней обыкновенную нравственную мѣрку. Въ пѣсняхъ о царицѣ Евдокіи, гдѣ нравственное чувство рѣшительно не допускаетъ стать на сторону Петра, мы не находимъ однако ни одного слова порицанія противъ него. Вотъ одна изъ такихъ пѣсенъ:

Возлѣ садика млада хожу,
Возлѣ зелена млада гуляю,
Соловьевыхъ пѣсенъ слушаю.
Хорошо въ саду соловей поетъ,
Онъ поетъ-поетъ припѣваючи,
Къ моему горю примѣняючи,
Къ моему житью ко безсчастному.
Не пеняю я, молодешенька,
Ни на батюшку, ни на матушку,
Ни на братца—на яснаго сокола,
Ни на сестрицу—лебедь бѣлую:
Что пеняю я, младешенька,
На свою ли участь горькую,
На свои ли очи ясныя.
Ахъ вы очи, очи ясныя!
Вы глядѣли да оглядѣлися,
Вы смотрѣли да осмотрѣлися:
Не по мысли вы друга выбрали,
Не по моему обычаю!

Авторъ другой пѣсни идетъ еще далѣе. Онъ заставляетъ Петра раскаиваться и убѣждать царицу-инокиню покинуть монастырь, обѣщая ей и драгоцѣнности и новъ-высокъ теремъ. На эти предложенія Евдокія отвѣчаетъ:

Что не надо мнѣ твоей тысячи,
Ни всего твоего имѣньица

Мнѣ не надобенъ новъ-высокъ теремъ:
Я останусь въ этой келейкѣ,
Ужь я стану жить спасатися
За тебя Богу молитися.

Но если царь поставленъ такъ высоко въ понятіи народномъ что до него не только не досягаетъ порицаніе, но даже сѣтованіе, что устраняется даже нравственная оцѣнка его дѣйствій, то тѣмъ строже надлежитъ быть относительно людей поставленныхъ чтобы непосредственно орудовать дѣлами. На нихъ возлагается вся отвѣтственность. Мы видѣли что, по словамъ одной пѣсни, *графъ* Долгоруковъ „безъ указу“ вздумалъ брить бороды казакамъ; въ другой, тѣ же Донцы обращаются къ царю съ жалобой что „воръ Васька Голицынъ“ заложилъ имъ всѣ пути-дороги къ морю:

Ахъ ты свѣтъ нашъ надежда, благовѣрный царь,
А и грозенъ сударь Петръ Алексѣевичъ,
Прикажи намъ на Дону кормиться....

Мы уже видѣли какъ глумится народъ надъ воеводою возвращающимся изъ неудачнаго похода. Г. Безсоновъ приводитъ цѣлую группу другихъ пѣсенъ, гдѣ одинъ и тотъ же мотивъ,—жалоба на ихъ неправды,—съ небольшими варіаціями примѣняется къ князьямъ Меншикову, Репнину и Гагарину. Мы приведемъ одну изъ такихъ пѣсенъ:

Какъ по матушкѣ Москвѣ
Да пятьсотъ стружковъ плыло,
Что на каждомъ на стружкѣ
По пятисотъ человѣкъ;
Они ѣдутъ и гребутъ,
Сами пѣсенки поютъ,
Они пѣсенки поютъ,
Разговоры говорятъ,
Что про Гришку про Гришутку,
Про Гагарина съ дѣтьми:
Заѣдаетъ воръ Гагаринъ
Наше жалованье,
Домовое, трудовое,
Малоденежное,—
Что на всякаго человѣка
По пятнадцати рублей.
А на эти воръ на деньги
Онъ заводы заводилъ,
Палатушки становилъ.

За большимъ Мучнымъ рядомъ,
Онъ построилъ себѣ домъ,
Что на улицу окошечки,
Хрустальный потолокъ,
Москворѣцкая вода
По фонтанамъ взведена,
Жива рыба пущена,
Кровать нова смощена.
Какъ на той ли на кроваткѣ
Самъ Гагаринъ князь лежитъ;
Онъ лежитъ, лежитъ, лежитъ,
На живу рыбу глядитъ,
Таки рѣчи говоритъ:
„Кабы Богъ мнѣ далъ пожить,
Во Сибири послужить,—
Я построилъ бы полатушки
Не этакія,
Право лучше, право чище
Государева дворца,
Развѣ тѣмъ только похуже,—
Золотаго нѣтъ герба....“

Послѣ всего сказаннаго, читатель, конечно, угадываетъ какого рода заявленія вызвала въ народномъ сознаніи кончина Петра Великаго. Мы даже не стали бы приводить ихъ еслибъ эти заявленія не были отмѣчены особенно яркимъ характеромъ эпохи. Мотивъ всѣхъ этихъ заявленій одинъ и тотъ же, и даже ихъ форма имѣетъ много общаго: почти вездѣ сѣтованія о почившемъ государѣ вложены въ уста гвардейскому солдату. Въ одной изъ такихъ пѣсенъ этотъ солдатъ говоритъ:

Померъ, померъ нашъ батюшка, православный царь,
Померъ онъ, переставился!
На кого ты, батюшка, обузушки покинулъ:
Какъ и первую обузушку—мать Россеюшку,
Какъ другую-то обузушку—молодыхъ солдатъ,
Какъ и третью-то обузушку—бѣлокаменны палаты?

Въ другой пѣснѣ мы находимъ слѣдующее лирическое мѣсто:

Вы подуйте съ горъ, вѣтры буйные,
Разнесите съ небесъ снѣжки бѣлые,
Растолките, вѣтры, бѣлъ-горючъ камень,
Разтатайте-ка мать сыру землю
Вы на всѣ четыре стороны,
Расколите, вѣтры, гробову доску,

Разверните вы золоту парчу,
Распахните вы бѣлъ тонкóй саванъ!
Ужь ты встань-проснись, православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ!
Подыми ты свою головушку,
Посмотри на свою силушку:
Твоя силушка во строю стоитъ....

Нѣкоторыя изъ пѣсенъ собранныхъ г. Безсоновымъ подтверждаютъ фактъ добытый исторіей, что сѣтованія о смерти Петра усиливались по мѣрѣ того какъ шло время и обстоятельства измѣнялись. Въ одной изъ нихъ солдаты разсуждаютъ промежъ себя:

Что не стало-то нашего батюшки,
Нашего батюшки, царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго, Петра Перваго!
Безъ него все царство помутилось....

Наконецъ, въ одной изъ пѣсенъ отнесенныхъ г. Безсоновымъ къ событію 28го января 1725 года, но написанной гораздо послѣ, — можетъ-быть во время Семилѣтней войны, — все тотъ же гвардейскій солдатъ, *стоя на часахъ у Петровской гробницы* (анахронизмъ здѣсь ничего не значитъ), восклицаетъ:

Ты ударь въ набатъ, громкой колоколъ;
Простони кругомъ, мать сыра земля,
Распахнись-ка ты, золотой покровъ,
Ты откройся-ка, гробова доска,
Изъ гробницы встань, русской Бѣлой царь!
Ты взгляни-ка царь, радость гвардіи,
Какъ полки твои во строю стоятъ,
Опустивъ на грудь свои головы!
Что не царь нами теперь властвуетъ
И не русскій князь отдаетъ приказъ,
А командуетъ, потѣшается.
Злой тиранъ Биронъ изъ Нѣмечины....
Встань-проснись, царь наше солнышко,
Хоть одно слово полкамъ вымолви,
Прикажи весь соръ метлой вымести
Изъ престольнаго града Питера,
Поведи ты насъ въ Прусски области:
Мы научимъ ихъ уму-разуму....

II.

Сѣверъ Россіи, соч. М. Сидорова, Спб. 1870.

Книга содержаніе которой мы хотимъ вкратцѣ передать читателямъ *Русскаго Вѣстника* очень любопытна и замѣчательна. Ея авторъ одинъ изъ тѣхъ желѣзныхъ людей которые, задавшись разъ какою-нибудь мыслію, преслѣдуютъ ее съ несокрушимою энергіей, съ неотступнымъ постоянствомъ. Г. Сидоровъ вышелъ изъ рядовъ промышленнаго и торговаго сословія, изъ коихъ всего чаще выходятъ у насъ крѣпкіе люди; болѣе 25 лѣтъ тому назадъ онъ отправился въ восточную Сибирь „искать счастія"; онъ изъѣздилъ края Енисейскій, Туруханскій, Березовскій и Печорскій, сѣверное поморье азіятской и европейской Россіи; добывалъ золото, графитъ, былъ лѣсопромышленникомъ и судохозяиномъ, предпринималъ огромныя дѣла, и пришелъ къ твердому убѣжденію что наши сѣверныя пустыни, а еще болѣе омывающія ихъ моря заключаютъ въ нѣдрахъ своихъ необъятныя сокровища, которыми Россія не пользуется лишь по незнанію ихъ и по безпечности или злонамѣренности тѣхъ которые прямо призваны раскрыть предъ правительствомъ и обществомъ эти богатства. Отчасти въ интересахъ своихъ торговыхъ дѣлъ, а отчасти изъ желанія вникнуть во всѣ подробности занимавшей его мысли, г. Сидоровъ изслѣдовалъ смежную съ Архангельскою губерніей сѣверную Норвегію или Финмаркенъ, собиралъ статистическія, метеорологическія и вообще всякаго рода свѣдѣнія объ интересующемъ его краѣ, посылалъ образцики его естественныхъ богатствъ на Парижскую всемірную выставку и многимъ вліятельнымъ лицамъ въ Россіи, писалъ объ немъ въ газетахъ и журналахъ, возбуждалъ пренія въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ, наконецъ, по случаю голода свирѣпствовавшаго на сѣверѣ европейской Россіи въ 1866 году, имѣлъ честь бесѣдовать о сѣверномъ краѣ съ Государемъ Наслѣдникомъ.

Голодъ, которымъ сгрдалъ нашъ Сѣверный край три года тому назадъ, пробудилъ вниманіе къ этому краю, но не установилъ правильныхъ о немъ понятій. Въ правительственныхъ сферахъ составлено, какъ извѣстно, предположеніе о Вятско-

Двинской желѣзной дорогѣ, съ цѣлью снабжать Архангельскую и Вологодскую губерніи вятскимъ хлѣбомъ; но это предположеніе не разрѣшаетъ существеннаго вопроса, вопроса о возбужденіи и правильномъ направленіи собственныхъ производительныхъ силъ нашего Сѣвера; составлены также предположенія о распространеніи въ томъ краѣ хлѣбопашества; но эти предположенія, не обѣщая прямыхъ выгодъ, несомнѣнно повлекутъ за собой истребленіе лѣсовъ и можетъ-быть отклонятъ туземцевъ отъ мореплаванія и морскихъ промысловъ, отъ коихъ давно уже отклоняютъ ихъ неправильныя мѣропріятія. Съ цѣлью доставить жителямъ Сѣвернаго края заработки, предполагался рядъ мѣръ клонившихся къ развитію смольчужнаго промысла и усиленія сбыта лѣса за границу; но эти мѣры можно считать лишь паллятивными и притомъ онѣ истощаютъ природныя богатства страны. Лѣса составляютъ одно изъ главныхъ богатствъ края, и вмѣсто отправки за море строеваго лѣса сырьемъ, лучше было бы заботиться о томъ чтобъ изъ него дѣлались суда. Вообще морскіе промыслы и морская торговля, вмѣстѣ съ огородничествомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, и скотоводствомъ,—вотъ естественныя и наивыгоднѣйшія занятія нашихъ сѣверянъ и особенно поморянъ. Ложные и перемѣнчивые взгляды мѣстной администраціи, вмѣстѣ съ отсутствіемъ твердыхъ началъ со стороны центральнаго правительства, не только остановили его развитіе, но обезлюдили край и разрушили то относительное благосостояніе которое въ немъ существовало до исхода XVIII вѣка. Болѣе 30 торговыхъ домовъ Вологодской и Архангельской губерніи, производившіе обороты еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, нынѣ не существуютъ. Во времена Ломоносова, чрезъ Колу проходило на одинъ тресковый промыселъ до 10.000 человѣкъ, а въ 1868 году проходило чрезъ этотъ городъ лишь 800 человѣкъ. Подобно тресковому, и всѣ морскіе промыслы сильно упали и перешли въ руки Норвежцевъ; русское населеніе Сѣвернаго края уменьшилось, какъ будто систематически уступая мѣсто иностранной колонизаціи.

Вообще у насъ укоренились съ нѣкотораго времени неправильныя мнѣнія о суровости и безплодности нашего сѣвернаго поморья. Въ 1842 году нѣсколько торговцевъ Архангельской, Вологодской и Вятской губерній желали организовать компанію для рыболовства, главнымъ пунктомъ для которой они избрали устье р. Печенги, вблизи отъ норвеж-

ской границы; но тогдашній архангельскій генералъ-губернаторъ, маркизъ де-Траверсе, не разрѣшилъ этой просьбы, а замѣтилъ шутливо что на Печенгской губѣ „могутъ жить только два пѣтуха и три курицы.“ Гораздо позднѣе, а именно на преніяхъ возбужденныхъ г. Сидоровымъ въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ въ 1867 году, заявлялось что на нашемъ поморьѣ невозможно „водворить какой-нибудь живой элементъ“, что оно принадлежитъ „къ безнадежнымъ на будущность мѣстамъ“; что тамъ немыслимы ни колонизація, ни устройство путей; что если на Мурманскомъ берегу поселяются норвежскіе пришельцы, то надо радоваться „что есть еще люди которые тамъ охотно селятся“, „что точно также надо радоваться и прекращенію морскихъ промысловъ, такъ какъ они очень опасны и мало выгодны“.... Такъ выражались мѣстные администраторы и спеціалисты, кромѣ только судебнаго слѣдователя города Колы, который утверждалъ что холодъ въ этомъ городѣ рѣдко превышаетъ—15°, а въ самую суровую зиму доходитъ лишь до—23°,—да еще одного промышленника, который говорилъ что „и мѣстность, и климатъ (на Мурманскомъ берегу) готовы благопріятствовать населенію, и что промыселъ *круглый годъ* готовъ вознаграждать въ изобиліи трудъ человѣка“.

Всѣ приведенныя, діаметрально другъ другу противуположныя мнѣнія, относятся главнымъ образомъ къ одной и той же мѣстности, а именно къ прибрежью простирающемуся отъ Кандалальской губы вплоть до Норвежской границы; это обширное поморье подраздѣляется на три части, называемыя: Кандалальскимъ берегомъ, оканчивающимся губой того же имени; Терскимъ берегомъ, находящимся насупротивъ Архангельска, и Мурманскимъ, примыкающимъ къ Норвегіи. Какъ же объяснить себѣ эти противорѣчія? Недоумѣніе наше еще усилится, если мы сравнимъ съ большинствомъ русскихъ мнѣній мнѣнія Норвежцевъ о своемъ Финмаркенѣ, области граничащей съ Мурманскимъ берегомъ: „Земли тамъ плодородны“, свидѣтельствуетъ одинъ туземный естествоиспытатель; „на нихъ родится такой вкусный картофель какого нѣтъ во всей Норвегіи“, изъ *южныхъ частей* которой туда стали въ послѣднее время перебираться жители; средняя температура Нордкапа—0,1° по Реомюру. Финмаркская газета 1868 года извѣщала что зимой стужа была необыкновенная, и что морозы доходили до—15°, но что 7го февраля

(26го января) уже открылось пароходство.... Какъ же согласить эти столь противуположные отзывы о свойствахъ смежныхъ между собою мѣстностей? Русскіе администраторы и путешественники утверждаютъ что жизнь рѣшительно невозможна въ сосѣдствѣ Финмаркена, а Норвежцы живутъ тамъ; мало того, они переселяются въ наши владѣнія, на тотъ самый Мурманскій берегъ и въ окрестности Колы, гдѣ будто бы „немыслима колонизація". Не похоже ли это разногласіе на споръ тѣхъ двухъ философовъ изъ коихъ одинъ отрицалъ движеніе, а другой всталъ и началъ ходить?

Чтобы понять возможность благопріятныхъ для жизни условій въ странѣ находящейся за полярнымъ кругомъ, надо припомнить что морское теченіе (Гольфъ-Стримъ) стремится изъ Мексиканскаго залива къ Финмаркскому и Мурманскому берегамъ, гдѣ иногда море выбрасываетъ древесные обломки американскаго происхожденія. Вотъ почему на этихъ обоихъ берегахъ бухты и заливы, если они не очень глубоко вдаются въ материкъ, не замерзаютъ вовсе, или замерзаютъ на короткое время. Вотъ почему Норвежскіе порты открыты 9—10 мѣсяцевъ въ году; вотъ почему климатъ прибрежныхъ мѣстъ умѣренъ и почва на нихъ производительна, и вотъ почему заселеніе нашего Мурманскаго берега Русскими встрѣчаетъ не естественныя, а какія-то другія препятствія. Если, по свидѣтельству одного архангельскаго администратора, въ Колѣ существовали въ его время „одна дрожки и одна кобыла", то не администрація ли въ томъ виновна болѣе чѣмъ природа? На этотъ вопросъ намъ отвѣчаетъ положеніе русской и норвежской смежныхъ между собой провинцій. Въ то время какъ и народонаселеніе и промыслы у насъ ослабѣваютъ, а города обращаются въ села по ихъ ничтожности, въ Финмаркенѣ, гдѣ считалось въ 1815 году 7.000 жителей, нынѣ, за происшедшимъ въ 1866 году отдѣленіемъ половины этой провинціи, считается 21.000; въ послѣднія 20—30 лѣтъ тамъ возникло нѣсколько городовъ и проектируются новые, проведено нѣсколько шоссированныхъ дорогъ, и морскіе промыслы расширяются ежегодно: для этихъ промысловъ нынѣ выѣзжаетъ до 7.000 норвежскихъ судовъ, тогда какъ у русскихъ поморовъ ихъ насчитывается только 400, и то самыхъ жалкихъ; до 20.000 Норвежцевъ на 1.000 судахъ промышляютъ каждое лѣто близъ однихъ только нашихъ береговъ, не говоря объ ихъ собственныхъ, тогда какъ русскихъ промышленниковъ нынѣ насчиты-

ваютъ не болѣе 2.000, и если они пускаются иногда къ норвежскимъ берегамъ, то единственно для того чтобы добыть тамъ соли... Лѣтъ 35 тому назадъ, по соглашенію русскаго и норвежскаго правительствъ, производилось разграниченіе между ихъ владѣніями, причемъ съ русской стороны уступленъ нашимъ сосѣдямъ треугольникъ земли искони заселенной Русскими, гдѣ и до сего времени существуетъ старинная русская церковь, треугольникъ, коего основаніе, составляющее морской берегъ, имѣетъ 400 верстъ длинника...

Это куріозное, а можетъ-быть и преступное дѣло не обратило на себя никакого вниманія въ оное блаженное время полной безгласности, еще и теперь иные скажутъ пожалуй: стóитъ ли спорить изъ-за клочка ледяной пустыни! Но этотъ клочокъ есть именно тотъ на который преимущественно двинулась норвежская колонизація, гдѣ находятся три незамерзающіе залива съ великолѣпными бухтами, удобными для военнаго порта и гдѣ проектируется военный портъ и крѣпость. Поморье уступленное Норвегіи есть, правда, ничтожная часть всего нашего сѣвернаго берега, но это единственная часть его гдѣ море круглый годъ открыто для плаванія. Вотъ что̀ писалъ объ одномъ изъ этихъ заливовъ, именно Варангерскомъ, въ 1867 году г. Кемпбель, посланникъ Соединенныхъ Штатовъ при Шведскомъ дворѣ: „Заливъ этотъ содержитъ въ себѣ нѣсколько вмѣстительныхъ гаваней, способныхъ служить убѣжищемъ для большихъ флотовъ и можетъ быть такъ укрѣпленъ что доступъ къ нему съ моря былъ бы очень труденъ, если не вовсе невозможенъ. Тепловатыя воды Гольф-Стрима разливаются вдоль этого берега, и флоты могли бы отсюда выходить въ море во всякое время года.“ Г. Кемпбель выражаетъ въ своей депешѣ увѣренность что Россіи очень нужно было бы возвратить этотъ важный морской пунктъ, ибо, говоритъ онъ, „Россія крайне нуждается въ морскомъ портѣ, свободномъ круглый годъ отольда“, безъ такого порта она никогда не пріобрѣтетъ морскаго значенія,—а безъ этого „Россія не можетъ ни считать свое всемірное положеніе упроченнымъ, ни чувствовать себя въ обладаніи всѣми необходимыми условіями внутренняго развитія“. Такъ выражается представитель дружественной намъ державы; но, замѣчаетъ онъ, Англія и Франція, особенно первая, смотрятъ на такъ-называемые захваты Россіи съ крайнею ревностью... Швеція, прибавляетъ г. Кемпбель, несетъ по этому предмету особыя обязательства предъ Англіей.“

До сихъ поръ мы говорили главнымъ образомъ о той части нашего сѣвернаго поморья которая находится къ западу отъ Бѣлаго Моря; но русское поморье простирается на востокъ до Берингова пролива и далеко не на всемъ своемъ пространствѣ представляется безжизненною пустыней, а моря прилегающія къ этимъ берегамъ, равно какъ бухты и заливы, заключаютъ въ своихъ нѣдрахъ неисчислимыя сокровища. По свидѣтельству одного русскаго путешественника, около Новой Земли водится такое множество китовъ, правда мелкой породы, что „трудно и опасно было проходить между ними"; въ извѣстное время года устья нѣкоторыхъ сѣверныхъ рѣкъ и нѣкоторыя бухты бываютъ буквально запружены бѣлугами, дельфинами, акулами, сельдями и пр. Не менѣе изумительны лѣсныя богатства Печорскаго края Вологодской и Олонецкой губерній, но все это или гибнетъ безъ всякой пользы для кого бы то ни было, или же обогащаетъ только иностранныхъ промышленниковъ.

Такъ разказываетъ г. Сидоровъ. Между многими фактами служащими подтвержденіемъ его мрачнымъ воззрѣніямъ на положеніе нашего Сѣвера, онъ приводитъ исторію своихъ собственныхъ промышленныхъ предпріятій въ Сибири и въ Архангельской губерніи. Не будемъ слѣдить за этою цѣпью почти невѣроятныхъ дѣйствій административныхъ лицъ. Позволимъ себѣ только привести въ короткихъ словахъ извѣстіе объ одномъ обширномъ промышленномъ предпріятіи, въ которомъ авторъ не заинтересованъ лично и о коемъ онъ цитуетъ официальныя свидѣтельства. Въ 1863 году, пишетъ онъ, лѣсной департаментъ заключилъ съ англійскою промышленною компаніей условіе слѣдующаго содержанія: департаментъ обязывается отпустить компаніи изъ казенныхъ дачъ и *корабельныхъ* рощъ Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерній, всего 2 милл. сосновыхъ и 500.000 еловыхъ деревъ; рубка оныхъ производится компаніей, но за излишне-порубленныя деревья и за тѣ которыя длиннѣе условленной мѣры отвѣтствуетъ не компанія, а рубщики; отправка лѣса изъ Онежскаго порта предоставлена компаніи на 25 лѣтъ, и кромѣ ея никому другому не можетъ быть дозволена. Это право остается въ своей силѣ даже и въ томъ случаѣ еслибы правительство нашло нужнымъ вообще воспретить отпускъ лѣснаго товара за границу, но компанія вольна отказаться отъ условнаго количества лѣса и ограничиться половиной; для облегченія до-

ставки лѣса къ Онежскому порту, вѣдѣнію компаніи предоставлены не только всѣ водяные пути, но и сооруженія на нихъ. Что касается до лопенныхъ денегъ, то онѣ исчислены только на основаніи длины срубленныхъ деревъ, безъ вниманія къ ихъ толщинѣ.... Содержаніе этого удивительнаго условія заимствовано нами не со словъ г. Сидорова, а изъ приведеннаго имъ отзыва Олонецкой контрольной палаты, которая, указывая на его несообразности, находитъ что приведенный контрактъ долженствовалъ бы заключенъ быть не иначе какъ съ высочайшаго разрѣшенія, что онъ къ англійской компаніи гораздо снисходительнѣе чѣмъ тѣ которые были заключаемы съ русскими промышленниками. Палата замѣчаетъ между прочимъ что всѣ 11 тысячъ срубленныхъ компаніей по 1868 годъ сосновыхъ деревъ оплачены ею по таксѣ самыхъ короткихъ и слѣдовательно самыхъ дешевыхъ бревенъ, хотя ничто не ручается чтобы въ числѣ ихъ не было и мачтовыхъ; она заявляетъ кромѣ того что и помимо этихъ возможныхъ обмановъ, казна должна терять, по сравненію съ другими подобными контрактами, въ настоящемъ случаѣ по 20.000 руб. въ годъ, и что монополія предоставленная Англичанамъ наноситъ сильнѣйшій ущербъ русскимъ лѣсо-и судопромышленникамъ.... Таково мнѣніе одного правительственнаго учрежденія о дѣйствіяхъ другаго; а если съ правами предоставленными англійской Онежской компаніи сопоставить непостижимую уступку единственной бывшей у Россіи незамерзающей гавани на европейскомъ океанѣ и дать вѣру разказамъ г. Сидорова о поразительныхъ неудачахъ русскихъ промышленниковъ, о систематическомъ, по свидѣтельству нашего автора, противодѣйствіи со стороны различныхъ правительственныхъ учрежденій и лицъ развитію русскихъ промысловъ и мореходства на сѣверѣ, то невольно раждается вопросъ: что жь это дѣлается вокругъ насъ?...

П. Щ.

ПРИЗРАКЪ ВОСТОЧНАГО ВОПРОСА

Мы находимся можетъ-быть наканунѣ событій величайшей важности. Едва успѣла появиться въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* циркулярная депеша русскаго канцлера, какъ въ разныхъ концахъ Европы, а особенно въ Лондонѣ и Вѣнѣ, раздался, какъ набатъ, грозный лозунгъ *Восточный вопросъ*... Государь Императоръ, читаемъ мы въ этой депешѣ, усматривая что конвенція приложенная къ трактату 18го (30го) марта 1856 года, ограничивъ морскія силы Россіи на Черномъ Морѣ до самыхъ малыхъ размѣровъ, предоставила Турціи содержать военный флотъ у самаго входа въ это море; что конвенція *О Проливахъ* воспрещаетъ входъ въ это море военнымъ судамъ лишь въ мирное время и тѣмъ самымъ уничтожаетъ постановленную помянутымъ трактатомъ нейтрализацію Чернаго Моря; что этотъ трактатъ неоднократно и во многихъ частяхъ своихъ уже былъ нарушенъ, и притомъ къ невыгодѣ Россіи: объявляетъ что не считаетъ болѣе для себя обязательными трактатъ 18го (30го) марта 1856 года и приложенную къ нему конвенцію, поскольку они связываютъ верховныя права Его Величества на Черномъ Морѣ, возвращая вмѣстѣ съ тѣмъ султану всю полноту его правъ... Таково содержаніе акта который успѣлъ уже возбудить въ Европѣ шумъ покрывающій грохотъ тысячъ орудій громящихъ Францію. Европа встревожилась, Европа заговорила о новыхъ замыслахъ Россіи на Востокѣ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности не прибавилось еще ни одного военнаго корабля къ скудной нашей Черноморской флотиліи и наша армія находится на мирномъ положеніи.

Но, основательно или не основательно, Европа встревожи-

лась. Судя по телеграммамъ полученнымъ въ послѣдніе дни изъ Вѣны и Лондона, и правительство и печать принимаютъ тамъ положеніе напоминающее 1853 годъ. Въ Константинополѣ депеша 19го октября произвела повидимому менѣе тревоги, но турецкое правительство и теперь, какъ семнадцать лѣтъ тому назадъ, можетъ увлечься внушеніями своихъ друзей; мы не говоримъ о другихъ державахъ которыя тоже могутъ послѣдовать толчку сообщенному изъ Вѣны и Лондона. Поэтому и теперь весьма возможна коалиція противъ Россіи, также какъ семнадцать лѣтъ тому назадъ, хотя, надо признаться, это была бы война изъ-за отвлеченнаго принципа. Никакого факта нарушающаго миръ Европы не совершилось: по выраженію *Московскихъ Вѣдомостей* „совершился лишь фактъ откровенно сказаннаго слова“... Дѣйствительно, Государь Императоръ только возвѣщаетъ о намѣреніи Своемъ поставить наши силы на Черномъ Морѣ въ положеніе соотвѣтствующее силамъ Турціи; въ настоящее же время мы не имѣемъ на черноморскихъ водахъ ниже призрака монитора, и единственная сколько-нибудь серіозная морская наша сила заключается тамъ въ нѣсколькихъ канонеркахъ, которыя предназначены для защиты Керченскаго пролива, которыя не имѣютъ никакого наступательнаго значенія и которыя, сколько извѣстно... еще строятся. И вотъ тѣ призраки которые смущаютъ общественное мнѣніе въ Лондонѣ и Вѣнѣ!...

Бѣдствія войны могутъ тяжелѣе обрушиться на одну сторону чѣмъ на другую, но они никого не обходятъ, никому не даютъ пощады: пусть объ этомъ поразмыслятъ не тѣ, конечно, кто издали станутъ приводить въ движеніе нити политическихъ событій, а тѣ кто должны будутъ сами выдерживать удары. Депеша 19го октября свидѣтельствуетъ что Государь Императоръ не желаетъ возбуждать Восточнаго вопроса: пусть же не вызываютъ и другіе этого грознаго духа. Нѣсколько строкъ прочтенныхъ русскими дипломатическими агентами министрамъ тѣхъ дворовъ при коихъ они аккредитованы не разрушатъ Турецкой имперіи; но если раздастся хотя одинъ выстрѣлъ на востокѣ Европы, кто знаетъ каковы могутъ быть послѣдствія?

Вообще нежелательно чтобъ общественное мнѣніе Россіи искало опоры гдѣ-либо на сторонѣ. Россія должна найти въ самой себѣ всю силу, требуемую обстоятельствами, и, безъ сомнѣнія, она найдетъ ее. Провидѣніе ведетъ народы къ своимъ

таинственнымъ цѣлямъ разнообразными и ускользающими отъ человѣческаго изслѣдованія путями, и одинъ изъ нихъ есть путь грозныхъ испытаній, тяжелыхъ жертвъ и кровавыхъ усилій. Не разъ приходилось намъ давать отпоръ непріятельскимъ вторженіямъ; на нашей сторонѣ бывалъ успѣхъ, бывала и неудача; но подъ вліяніемъ какъ успѣховъ, такъ и неудачъ возвышался нашъ народный духъ, и въ результатѣ выигрывало дѣло нашего народнаго объединенія. Война въ предѣлахъ отечества всегда была какъ бы горниломъ въ которыхъ сплачивалось единство Россіи. Изъ каждой такой войны Россія, залечивъ исподоволь свои раны, выносила возвышающія душу воспоминанія: къ святынѣ Полтавы и Бородина, послѣдняя война прибавила святыню Севастополя. Лишившись Москвы, мы заняли Парижъ; неудачи Восточной войны открыли путь преобразованіямъ которыя дали новую жизнь Россіи и къ которымъ, въ ту минуту какъ пишутся эти строки, присоединяется еще одно, величайшей важности, — преобразованіе военной повинности. Чѣмъ бы слѣдовательно ни кончилась тревога произведенная дележей 19го октября, намъ не должно унывать, но слѣдуетъ готовиться къ событіямъ каковы бы они ни были. Силы Россіи велики; имъ недостаетъ только организаціи, а организація удесятеряетъ силы. Въ этомъ отношеніи да послужитъ намъ примѣромъ родственный намъ народъ Чешскій, этотъ удивительный и въ самомъ дѣлѣ заслуживающій подражанія народъ, который, не имѣя собственнаго правительства и окруженъ будучи сильными врагами, отражаетъ ихъ покушенія при помощи организаціи проникшей его по всѣмъ направленіямъ и во всѣхъ его общественныхъ слояхъ. Кольца всевозможныхъ ассоціацій, переплетаясь между собою, покрываютъ Чехію какъ живою сѣтью и дѣлаютъ ее несокрушимою, не взирая на ея ничтожное пространство и малочисленность ея населеніе. Какихъ бы интересовъ ни хотѣла коснуться въ этой странѣ непріязненная ей сила, вездѣ встрѣчаетъ она отпоръ не отдѣльныхъ лицъ, которыхъ легко сломить, но усилія совокупныя и организованныя; всякій ударъ нанесенный на одномъ какомъ-либо пунктѣ, мгновенно пробѣгаетъ по всей странѣ, какъ по нервамъ живаго организма и вызываетъ общій, единодушный отпоръ. Еслибы духъ ассоціацій получилъ у насъ такое же развитіе какъ въ Чехіи, Россія была бы положительно неуязвима. Къ несчастію, слиш-

комъ долго историческія причины не допускали развиться у насъ этому великому принципу новаго времени; онѣ поддерживали разъединеніе сословій, отдѣльность интересовъ въ различныхъ мѣстностяхъ, различіе мѣстныхъ нарѣчій. Вслѣдствіе вѣковыхъ заблужденій, власть, справедливо гордящаяся преданностію ей народа, смотрѣла недовѣрчиво на всякій зародышъ общественной организаціи и установила въ законодательствѣ странное сближеніе между понятіями *скопъ* и *заговоръ*.... Единственная существовавшая у насъ до послѣдняго времени организація была правительственная, административная; общественныя же силы Россіи можно было уподобить огромной кучѣ песка, который не представляетъ никакой плотности и разсыпается при малѣйшемъ прикосновеніи.... Но такъ не можетъ и не должно оставаться. Въ необходимости организаціи убѣдилось и правительство. Оно признало этотъ принципъ въ земскихъ учрежденіяхъ, въ общественныхъ банкахъ, въ различныхъ ученыхъ, благотворительныхъ и промышленныхъ обществахъ: дадимъ же этому принципу еще болѣе широкое развитіе, а правительство съ своей стороны допуститъ можетъ-быть облегченіе въ тѣхъ формальностяхъ съ которыми еще связано учрежденіе всякой частной ассоціаціи. Примемся учреждать общества гимнастическія и стрѣлковыя,* которымъ Пруссія такъ много обязана нынѣшними своими успѣхами; станемъ исподоволь запасаться оружіемъ; пусть владѣльцы механическихъ, литейныхъ и вообще металлическихъ заводовъ составляютъ соображенія о примѣненіи своихъ заведеній къ выработкѣ оружія, такъ какъ на пріобрѣтеніе его за границей мало надежды....

П. ЩЕБАЛЬСКІЙ.

6го ноября.

---

* Спѣшимъ заявить что въ Москвѣ уже образовалось подобное общество. Цѣль его—распространеніе въ Россіи искуства стрѣльбы, гимнастики и фехтованія. Оно слѣдитъ за ходомъ усовершенствованія оружія, пріобрѣтаетъ образцики всѣхъ системъ и родовъ оружія, открываетъ сначала въ Москвѣ, а потомъ и въ другихъ городахъ, стрѣльбища, гимнастическія и фехтовальныя залы, а также лекціи о всѣхъ этимъ предметахъ. Оно испрашиваетъ дозволенія числиться въ вѣдѣніи военнаго министерства и особыхъ льготъ при прохожденіи обязательной военной службы для тѣхъ кто, при знаніи грамоты и ариѳметики, получатъ отъ общества свидѣтельства объ успѣхѣ по части стрѣльбы, гимнастики и фехтованія и умѣніи читать военныя карты.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ.

СЕНТЯБРЬ.

Стр.

Московскіе вольнодумцы начала XVIII вѣка и Стефанъ Яворскій. Гл. I—II. *Н. С. Тихонравова*..... 5

Финансовые результаты государственнаго горнаго хозяйства въ Россіи. *В. П. Безобразова*..... 62

Два эпизода изъ царствованія Екатерины II. Эпизодъ второй. I—III. *Барона О. А. Бюлера*..... 91

Глава изъ современной исторіи. Окончаніе. *П. К. Щебальскаго*..... 120

Мужъ и жена. Романъ. Коллинза. Гл. XLII—XLVI.... 152

Паликаръ-Костаки. Разказъ. *К. Н. Леонтьева*..... 219

Очеркъ ученія о произвольномъ зарожденіи. Рѣчь профессора Гёкели..... 262

Семейство Гольцъ. Разказъ. *А. А. Фета*..... 281

Воображеніе какъ одно изъ орудій научнаго изслѣдованія. Лекція профессора Тиндаля..... 322

Библіографическія замѣтки. I. *Матеріалы для этнографіи Россіи*. Соч. А. Ф. Риттиха. *Положеніе рабочаго класса въ Россіи*. Соч. Н. Флеровскаго. II. *Политическія движенія Русскаго народа*. Соч. Д. Мордовцева. *П. Щ.*..... 336

Замѣтки. I. Въ чемъ заслуга Бёрне. II. Что̀ требуется отъ историка. III. Покойный Писаревъ и его читатели. IV. Горе отъ ума. *Л. И.*..... 350

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Двадцать тысячъ льё подъ водой. Разказъ Жюля Верна. Часть вторая, гл. XIII—XVI.

Тайна Эдвина Друда. Романъ Чарльза Диккенса. Послѣднія оставшіяся главы.

ОКТЯБРЬ.

	Стр.
Государственные доходы и расходы въ царствованіе Екатерины II. (1769—1780.) *А. Н. Куломзина*....	373
Сыщики. Историческая повѣсть изъ бироновскаго времени. Часть первая. Гл. I—XVII. *Булкина*.....	426
Два эпизода изъ царствованія Екатерины II. Эпизодъ второй. IV. *Барона Ѳ. А. Бюлера*.....	506
На ножахъ. Романъ. Часть первая. Гл. I—VII. *Н. С. Лѣскова (Стебницкаго)*.....	539
Бѣлая-Криница до пріѣзда Амвросія. I—III. *Н. И. Субботина*.....	601
Мужъ и жена. Романъ Вильки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. (Окончаніе.).....	648
Минеральныя воды за границей и на Кавказѣ. *С. А. Смирнова*.....	752
Русская литература. I. *Пѣсни собранныя И. В. Кирѣевскимъ*, изд. Обществомъ Любителей Россійской Словесности. II. *Съверъ Россіи*. Соч. М. Сидорова. *П. Щ.*	781
Призракъ Восточнаго вопроса. *П. К. Щебальскаго*.....	806

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Двадцать тысячъ льё подъ водой. Разказъ Жюля Верна. Окончаніе.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

„ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ

СЪ 1го ЯНВАРЯ 1871 ПО 1е ЯНВАРЯ 1872 ГОДА.

Выходитъ ежедневно, на листѣ большаго формата, безъ цензуры.

Подписная цѣна: безъ доставки: на годъ 7 р., на полгода 3 р. 50 к., на мѣсяцъ 60 к. Съ пересылкой по почтѣ и *доставкой* на домъ: на годъ 9 р., на полгода 4 р. 50 к., на мѣсяцъ 75 коп.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи, по Большой Садовой улицѣ, домъ № 39; а также во всѣхъ мѣстахъ гдѣ открыта подписка на періодическія изданія.

Желающимъ дѣлается разсрочка въ платежѣ, но только при выпискѣ изъ самой редакціи.

Новые подписчики желающіе начать полученіе *Дѣятельности* въ истекающемъ году, приплачиваютъ за каждый мѣсяцъ текущаго года по 50 к. съ пересылкою. 10.394.—3.

Немногое что̀ оставалось надо было поберечь для работавшихъ. Для *Кораблика* же нельзя было удѣлить ни одного атома.

Возвратившись на бортъ, я былъ почти задушенъ. Какая ужасная ночь! Я не сумѣю описать ее. Подобныя страданія неизобразимы. На другой день дыханіе мое было стѣснено еще болѣе. Къ головнымъ болямъ присоединилось страшное головокруженіе, я былъ какъ бы подъ вліяніемъ сильнаго опьяненія. Мои товарищи испытывали подобные же симптомы. Нѣкоторые изъ людей экипажа хрипѣли.

Въ этотъ день, шестой день нашего заточенія, капитанъ Немо, находя что работа заступомъ и киркой очень медленна, рѣшился раздавить ледяной слой, еще отдѣлявшій насъ отъ водяной поверхности. Этотъ человѣкъ не потерялъ хладнокровія и энергіи. Онъ подчинялъ физическую боль нравственной силѣ. Онъ думалъ, соображалъ и дѣйствовалъ.

По его приказанію судно было облегчено, и вслѣдствіе измѣненія въ удѣльномъ вѣсѣ, приподнялось съ ледянаго слоя. Когда оно поплыло, его направили къ пробитой нами огромной впадинѣ, имѣвшей форму его грузовой линіи. Потомъ резервуары наполнили водой, и *Кораблик*ъ опустился въ углубленіе. Тогда весь экипажъ вошелъ на бортъ, и двойная дверь заперлась. Итакъ, *Кораблик*ъ лежалъ на ледяномъ слоѣ въ метръ толщиной, пробитомъ въ тысячѣ мѣстахъ зондами.

Тогда совсѣмъ открыли краны резервуаровъ, и сто кубическихъ метровъ воды устремились туда, увеличивая вѣсъ *Кораблика* на сто тысячъ килограммовъ.

Мы ждали, слушали, забывая свои страданія и все еще надѣясь. Мы ставили жизнь на эту послѣднюю карту.

Несмотря на шумъ въ моей головѣ, я вскорѣ услыхалъ сотрясеніе подъ кузовомъ *Кораблика*. Преграда подавалась. Ледъ затрещалъ какъ-то особенно, съ шумомъ похожимъ на тотъ который происходитъ когда рвутъ бумагу, и *Кораблик*ъ сталъ опускаться.

— Мы проходимъ! прошепталъ мнѣ на ухо Консель.

Я не могъ ему отвѣчать. Я схватилъ его руку и сжалъ ее въ невольномъ порывѣ.

Вдругъ, увлекаемый своимъ ужаснымъ грузомъ, *Кораблик*ъ устремился въ воду, какъ пушечное ядро, упалъ, какъ будто въ пустомъ пространствѣ.

Тогда вся электрическая сила была направлена на насосы,

которые тотчасъ же начали выгонять воду изъ резервуаровъ. Черезъ нѣсколько минутъ наше паденіе было задержано. Скоро манометръ сталъ показывать восходящее движеніе. Винтъ, двигаясь со всею скоростью, приводилъ въ содроганіе желѣзный корпусъ до самыхъ его болтовъ, и увлекалъ насъ къ сѣверу.

Но долго ли будетъ продолжаться это плаваніе подъ сплошнымъ льдомъ, пока мы наконецъ достигнемъ открытаго моря? Еще день? Но я умру раньше!

Полулежа на диванѣ въ библіотекѣ, я задыхался. Лицо мое было фіолетоваго цвѣта, губы посинѣли, силы меня оставили. Я болѣе ничего не видалъ и не слыхалъ. Понятіе о времени исчезло изъ моей памяти. Мускулы мои не могли болѣе сокращаться.

Я не могъ сосчитать проведенные такимъ образомъ часы. Но я сознавалъ начинавшуюся со мной агонію. Я понималъ что умираю...

Вдругъ я пришелъ въ себя. Въ мои легкія проникло нѣсколько глотковъ воздуха. Не поднялись ли мы на поверхность волнъ? Не миновали ли мы сплошной ледъ?

Нѣтъ! Это Недъ и Консель, мои преданные друзья, жертвовали собой, чтобы спасти меня. Небольшое количество воздуха оставалось еще на днѣ одного аппарата. Вмѣсто того чтобы дышать имъ, они сохранили его для меня, и, задыхаясь сами, вливали въ меня жизнь капля по каплѣ. Я хотѣлъ оттолкнуть аппаратъ, но они удержали мои руки, и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ я дышалъ съ наслажденіемъ.

Я взглянулъ на часы. Было одиннадцать часовъ утра. Наступило уже 28е марта. *Кораблик*ъ шелъ съ ужасающею быстротой сорока миль въ часъ. Онъ кругился въ водахъ.

Гдѣ былъ капитанъ Немо? Не погибъ ли онъ? Не умерли ли съ нимъ его товарищи?

Въ эту минуту, манометръ показалъ что мы находились на разстояніи не болѣе двадцати футовъ отъ поверхности. Простое ледяное поле отдѣляло насъ отъ нея. Нельзя ли пробить его?

Можетъ-быть! Во всякомъ случаѣ, *Кораблик*ъ долженъ былъ испытать это средство. Въ самомъ дѣлѣ, я почувствовалъ что онъ принимаетъ наклонное положеніе, опуская корму и поднимая бивень. Достаточно было впустить нѣсколько воды въ резервуары чтобы нарушить его равновѣсіе. Потомъ, увлекаемый своимъ могучимъ винтомъ, онъ устремился на ледя-

ное поле снизу, какъ ужасный тараиъ. Онъ пробивалъ его мало-по-малу, удалялся, возвращался вновь со всею быстротой къ полю, которое прорывалось, и наконецъ, увлеченный сильнымъ порывомъ, онъ пробилъ его и вынырнулъ на ледяную поверхность.

Подъемныя двери были открыты, или вѣрнѣе сказать вырваны, и струи чистаго воздуха проникли во всѣ части *Кораблика*.

ГЛАВА XVII.

Отъ мыса Горна до Амазонки.

Какъ я очутился на платформѣ, не знаю. Можетъ-быть, Канадецъ перенесъ меня туда. Но я дышалъ, я глоталъ живительный морской воздухъ. Подлѣ меня оба мои товарища упивались его освѣжающими струями. Несчастные которые были долго лишены пищи не должны опрометчиво бросаться на первое попавшееся кушанье. Мы же, напротивъ, не имѣли надобности воздерживаться, и могли полной грудью вдыхать въ себя струи воздуха, которыя морской вѣтеръ приносилъ намъ, вливая въ насъ какое-то сладостное упоеніе!

— Ахъ! сказалъ Консель, какъ хорошъ кислородъ! — Пусть его милость дышетъ не стѣсняясь. Его здѣсь достанетъ на всѣхъ.

Что касается Недъ-Ланда, онъ не говорилъ, но такъ открывалъ свои челюсти что могъ бы испугать акулу. И съ какой силой онъ вдыхалъ воздухъ! Онъ тянулъ его, какъ жарко разгорѣвшаяся печка.

Наши силы быстро возвратились, и оглядѣвшись кругомъ, я увидалъ что мы были одни на платформѣ. Ни одного человѣка изъ экипажа. Не было даже капитана Немо. Странные люди *Кораблика* довольствовались воздухомъ распространявшимся внутри его. Никто изъ нихъ не пришелъ насладиться чистой атмосферой.

Первыя слова произнесенныя мной были изъявленіемъ горячей благодарности обоимъ моимъ товарищамъ. Недъ и Консель поддерживали мое существованіе въ продолженіи послѣднихъ часовъ этой долгой агоніи. Всей моей признательности было мало чтобы заплатить имъ за эту преданность.

— Хорошо! господинъ профессоръ, отвѣчалъ мнѣ Недъ-Ландъ, — объ этомъ не стóитъ и говорить! Въ чемъ наша за-

слуга? Ни въ чемъ. Это былъ просто математическій разчетъ. Ваша жизнь дороже нашей. Стало-быть, ее надо было беречь.

— Нѣтъ, Недъ, она не дороже вашей. Никто не можетъ быть выше великодушнаго и добраго человѣка, а вы таковы!

— Хорошо! Хорошо! повторялъ смущенный Канадецъ.

— А ты, мой честный Консель, ты много страдалъ?

— По правдѣ сказать, не слишкомъ много. Мнѣ правда не доставало нѣсколькихъ глотковъ воздуха, но я думаю что я могъ бы привыкнуть къ этому. Кромѣ того, я видѣлъ что вы лишились чувствъ и это отнимало у меня всякое желаніе дышать. У меня, какъ говорится, духъ занимал....

Консель, смущенный тѣмъ что впалъ въ банальность, недокончилъ.

— Друзья мои, отвѣчалъ я, сильно взволнованный, мы связаны другъ съ другомъ навсегда, и вы имѣете на меня права....

— Которыми я и воспользуюсь, возразилъ Канадецъ.

— Что? сказалъ Консель.

— Да, возразилъ Недъ-Ландъ,—правомъ увлечь васъ за собой, когда покину этотъ адскій *Кораблик*.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Консель,—но идемъ ли мы куда слѣдуетъ?

— Да, отвѣчалъ я, — потому что мы идемъ къ солнцу, а здѣсь солнце на сѣверѣ.

— Безъ сомнѣнія, возразилъ Недъ-Ландъ,—остается узнать гдѣ мы находимся: въ Тихомъ океанѣ, или въ Атлантическомъ, то-есть въ посѣщаемыхъ или въ пустынныхъ моряхъ.

Я не могъ рѣшить этого, и опасался что капитанъ Немо скорѣе поведетъ насъ въ обширный океанъ омывающій берега Азіи и Америки. Онъ закончилъ бы такимъ образомъ свое кругосвѣтное подводное путешествіе, и возвратился бы въ моря гдѣ *Кораблик* можетъ почитать себя внѣ опасности. Но къ чему послужатъ проекты Недъ-Ланда, если мы вернемся въ Тихій океанъ, лежащій далеко отъ всякой обитаемой земли?

Чрезъ нѣсколько времени мы могли рѣшить этотъ важный вопросъ. *Кораблик* шелъ быстро. Мы скоро миновали полярный кругъ, и направились къ мысу Горну. 31го марта, въ семь часовъ вечера, мы находились противъ южной оконечности Америки.

Тогда всѣ наши прежнія страданія были забыты. Воспоминаніе о нашемъ заточеніи въ льдахъ постепенно изглажива-

лось въ нашей памяти. Мы думали только о будущемъ. Капитанъ Немо не показывался болѣе, ни въ залѣ, ни на платформѣ. Подшкиперъ каждый день отмѣчалъ мѣсто судна на картѣ, что̀ и позволяло мнѣ съ точностью опредѣлять направленіе *Кораблика*. Въ этотъ вечеръ, къ моему величайшему удовольствію, мнѣ стало ясно что мы возвращаемся къ сѣверу чрезъ Атлантическій океанъ.

Я сообщилъ Канадцу и Конселю о результатѣ моихъ наблюденій.

— Хорошая новость, отвѣчалъ Канадецъ, — но куда идетъ *Корабликъ*?

— Не знаю, Недъ.

— Не хочетъ ли капитанъ, побывавъ у южнаго полюса, идти къ сѣверному, и возвратиться въ Тихій океанъ знаменитымъ сѣверо-западнымъ проходомъ?

— Нельзя поручиться что это не придетъ ему въ голову, отвѣчалъ Консель.

— Ну что̀ же, сказалъ Канадецъ, — только мы сначала уйдемъ изъ его общества.

— Во всякомъ случаѣ, прибавилъ Консель,—капитанъ Немо молодецъ, и мы не будемъ жалѣть что узнали его.

— Особенно когда съ нимъ разстанемся! возразилъ Недъ-Ландъ.

На другой день, 1го апрѣля, когда, за нѣсколько минутъ до полудня, *Корабликъ* возвратился на поверхность, мы увидали на западѣ берегъ. Это была Огненная Земля, которую первые мореплаватели назвали этимъ именемъ, замѣтивъ многочисленные столбы дыма выходившіе изъ хижинъ туземцевъ. Эта Огненная Земля состоитъ изъ большаго скопленія острововъ, простирающихся на тридцать миль въ длину и на восемьдесятъ миль въ ширину, между 53° и 56° южной широты, и 67°50′ и 77°15′ западной долготы. Берегъ показался мнѣ низменнымъ, но вдали поднимались высокія горы. Мнѣ даже казалось что я могу различить гору Сарміенто, возвышающуюся на двѣ тысячи семьдесятъ метровъ надъ уровнемъ моря, пирамидальную сланцевую массу, съ очень острой вершиной, которая, судя потому, покрыта ли она облаками, или нѣтъ, „предвѣщаетъ хорошую или дурную погоду,“ сказалъ мнѣ Недъ-Ландъ.

— Славный барометръ, мой другъ.

— Да, господинъ профессоръ, барометръ который устроенъ

самой природой и который никогда меня не обманывалъ, когда мнѣ случалось проходить въ проходахъ Магелланова пролива.

Въ эту минуту мы увидали эту вершину, отчетливо выступившую на небесномъ сводѣ. Это предвѣщало хорошую погоду, и предвѣщаніе оправдалось на самомъ дѣлѣ.

*Кораблик*ъ, погрузившись въ воду, приблизился къ берегу, но держался его только въ продолженіи нѣсколькихъ миль. Въ окна залы я видѣлъ длинныя ліаны и гигантскія водоросли, тѣ самыя грушевидныя водоросли нѣсколько экземпляровъ которыхъ находилось въ свободномъ морѣ полюса; съ своими гладкими и липкими волокнами они имѣли до трехсотъ метровъ длины; настоящіе канаты, толще дюйма и очень прочные, они часто употребляются вмѣсто кабельтововъ для кораблей. Другая трава, извѣстная подъ названіемъ velp, съ листьями длиной въ четыре фута, залѣпленными коралловыми осадками, покрывала дно. Она служитъ убѣжищемъ и пищей миріадамъ ракообразныхъ животныхъ и моллюсковъ, крабамъ и каракатицамъ. Тутъ тюлени и выдры пользуются роскошнымъ столомъ, соединяя, по англійскому обычаю, рыбъ съ морскими овощами.

*Кораблик*ъ промчался съ чрезвычайною быстротой надъ этимъ плодоноснымъ и кипящимъ жизнью днемъ. Къ вечеру онъ приблизился къ архипелагу Малуинскихъ острововъ, суровыя вершины которыхъ я могъ разсмотрѣть на другой день. Глубина моря была посредственная. Я думалъ, и не безъ основанія, что эти два острова, окруженные множествомъ маленькихъ острововъ, составляли прежде часть Магелланової земли. Вѣроятно Малуинскіе острова были открыты знаменитымъ Джономъ Девисомъ, который назвалъ ихъ южными Девисовыми островами. Позднѣе Ричардъ Гоукинсъ назвалъ ихъ Maiden-Islands, Дѣвичьими островами. Потомъ, въ началѣ восьмнадцатаго вѣка, рыбаки изъ Сенъ-Мало назвали ихъ Малуинскими, и наконецъ Англичане, которымъ они принадлежатъ и въ настоящее время, назвали ихъ Фолькландскими островами.

Здѣсь мы вытащили сѣтями нѣсколько прекрасныхъ экземпляровъ водорослей и въ особенности одинъ видъ фукуса, въ корняхъ котораго находились самыя вкусныя ракушки. Гуси и утки падали дюжинами на платформу *Кораблика*, и вскорѣ заняли приличное мѣсто на нашей кухнѣ. Изъ рыбъ, я въ особенности наблюдалъ костистыхъ, принадлежащихъ къ роду

gobius длиной въ два дециметра, усѣянныхъ бѣловатыми и желтоватыми пятнами.

Я любовался также многочисленными медузами, и самыми красивыми изъ нихъ хризаорами, которыя водятся преимущественно въ этихъ моряхъ. То онѣ представлялись полу-сферическимъ очень гладкимъ зонтикомъ, съ темнокрасными полосами, кончавшимися двѣнадцатью правильными фестонами; то являлись въ видѣ корзинки изъ которой граціозно выходили широкіе листья и длинныя красныя вѣтки. Онѣ плавали передвигая своими четырьмя листовидными лопастями, причемъ пышныя пряди ихъ щупальцевъ развѣвались по волѣ теченія. Мнѣ хотѣлось сохранить нѣсколько экземпляровъ этихъ нѣжныхъ зоофитовъ, но это только облака, тѣни, призраки, которые исчезаютъ и испаряются, если ихъ вынуть изъ родной стихіи.

Когда послѣднія высоты Фолькландскихъ острововъ скрылись за горизонтомъ, *Кораблик*ъ погрузился въ воду, и держался на глубинѣ отъ двадцати до двадцати пяти метровъ, идя вдоль американскаго берега. Капитанъ Немо не показывался.

До 3го апрѣля мы не удалялись отъ Патагоніи, то плавая въ волнахъ Океана, то на его поверхности. *Кораблик*ъ миновалъ широкій лиманъ образуемый устьемъ Ла-Платы, и 4го апрѣля находился на траверсѣ отъ Урагвая, но въ пятидесяти миляхъ отъ него въ открытомъ морѣ. Онъ направлялся къ сѣверу и огибалъ длинныя извилины берега Южной Америки. Мы уже сдѣлали шестнадцать тысячъ льё со дня нашего отплытія изъ Японскихъ морей.

Къ одинадцати часамъ утра мы пересѣкли тропикъ Козерога, на тридцать седьмомъ меридіанѣ, и прошли широту мыса Фріо. Капитанъ Немо, къ великому неудовольствію Недъ-Ланда, очевидно избѣгалъ сосѣдства населенныхъ береговъ Бразиліи, потому что онъ шелъ съ невѣроятною скоростью. Ни одна рыба, ни одна птица, какъ бы онѣ ни были быстры, не могли слѣдовать за нами, и естественныя примѣчательности этихъ морей ускользали отъ всякаго наблюденія.

Съ такою быстротой мы шли въ продолженіи нѣсколькихъ дней, и вечеромъ 9го апрѣля увидѣли самую восточную оконечность Южной Америки, образуемую мысомъ Санъ-Рокъ. Но тутъ *Кораблик*ъ снова удалился отъ берега, и достигнувъ болѣе значительной глубины, пошелъ подводною долиной, которая находится между этимъ мысомъ и Сіерро-Леоне на африканскомъ берегу. Долина эта раздваивается на высотѣ Антиль-

скихъ острововъ и оканчивается къ сѣверу огромнымъ углубленіемъ въ девять тысячъ метровъ. Въ этомъ мѣстѣ, геологическій разрѣзъ Океана представляетъ утесъ до малыхъ Антильскихъ острововъ, въ шесть километровъ вышины, расположенный отвѣсно, а на высотѣ острововъ Зеленаго мыса, другую не менѣе значительную стѣну, которыя такимъ образомъ ограничиваютъ весь погруженный въ воду материкъ Атлантиды. Дно этой огромной долины разнообразится нѣсколькими горами, придающими живописный видъ этимъ морскимъ глубинамъ. Я заключилъ это по рукописнымъ картамъ которыя находились въ библіотекѣ *Кораблика* и очевидно были исполнены рукой капитана Немо, и составлены по его собственнымъ наблюденіямъ.

Въ продолженіи двухъ дней, *Кораблик*ъ, погрузившійся съ помощью своихъ наклонныхъ плоскостей, посѣщалъ эти пустынныя и глубокія воды. 11го апрѣля онъ вдругъ поднялся, и предъ нами снова появилась земля, при впаденіи Амазонки, образующей большой лиманъ; количество воды вливаемой ею въ Океанъ такъ велико что морская вода становится прѣсною на протяженіи нѣсколькихъ миль.

Мы пересѣкли экваторъ. Въ двадцати миляхъ къ западу лежала Гвіана, французская земля, гдѣ мы могли легко найти убѣжище. Но вѣтеръ дулъ съ большою силой, и бѣшеныя волны не позволяли отваживаться въ море въ простой лодкѣ. Безъ сомнѣнія Недъ-Ландъ понималъ это, потому что онъ ничего мнѣ не говорилъ. Я же, съ своей стороны, не намекалъ ему о его намѣреніи бѣжать, потому что не хотѣлъ натолкнуть ею на попытку, которая, безъ сомнѣнія, не могла бы имѣть успѣха.

Я былъ вознагражденъ за это замедленіе интересными изслѣдованіями.

Въ продолженіи двухъ дней, 11го и 12 апрѣля, *Кораблик*ъ не покидалъ поверхности моря, и его сѣти доставили ему чудесную добычу, состоящую изъ зоофитовъ, рыбъ и пресмыкающихся.

Нѣкоторые зоофиты были оторваны цѣлью сѣти. Это были большею частью прекрасныя фикталліи, принадлежащія къ семейству актиній, и между прочими видами phictalis protexta, обыкновенный въ этой части Океана, маленькій цилиндрическій стволъ, украшенный вертикальными линіями, испещренный красными точками и увѣнчанный чудесно распускаю-

щимися щупальцами. Что касается моллюсковъ, то они состояли изъ видовъ которые я уже наблюдалъ прежде: turritella; oliva purpuria, съ правильно пересѣкающимися линіями, рыжеватыя пятна которыхъ рѣзко выступали на фонѣ тѣлеснаго цвѣта; pterocera похожія на окаменѣлыхъ скорпіоновъ; hualea translucida, argonauta, каракатицы, превосходныя на вкусъ, и нѣсколько видовъ кальмаровъ, которыхъ древніе натуралисты причисляли къ летучимъ рыбамъ, и которые служатъ главнымъ образомъ приманкой для ловли трески.

Я замѣтилъ различные виды рыбъ свойственныхъ этой мѣстности, которыхъ прежде не имѣлъ случая изучать. Между хрящеватыми: petromizon pricka, родъ угрей въ пятнадцать дюймовъ длиной, съ зеленоватой головой, фіолетовыми плавниками, сѣро-голубоватою спиной, темно-серебристымъ животомъ, усѣяннымъ яркими пятнами, съ окаймленною золотомъ радужною оболочкой глаза; эти любопытныя животныя были вѣроятно занесены въ море теченіемъ Амазонки, потому что они живутъ въ прѣсныхъ водахъ; raja tuberculata, съ острою мордой, съ тонкимъ и длиннымъ хвостомъ, вооруженные длиннымъ зазубреннымъ шиломъ; маленькія акулы въ одинъ метръ, съ сѣрою и бѣловатою кожей, зубы которыхъ, расположенные въ нѣсколько рядовъ, загибаются назадъ; lophius vespertilio, красноватые равнобедренные треугольники, длиной въ полметра, грудные плавники которыхъ держатся на мясистыхъ удлиненіяхъ, что̀ и придаетъ имъ видъ нетопырей, но роговидный нарость, находящійся около ноздрей, заставилъ назвать ихъ морскими единорогами; наконецъ нѣсколько видовъ balistes и такъ далѣе.

Это „и такъ далѣе“ не помѣшаетъ мнѣ, однако, упомянуть еще объ одной рыбѣ, которую Консель долго и не безъ основанія будетъ помнить.

Въ сѣти наши попался одинъ экземпляръ ската, очень плоскій, который, еслибы у него отрѣзать хвостъ, представлялъ бы совершенный дискъ, и который вѣсилъ двадцать килограммовъ. Онъ былъ снизу бѣлый, сверху красноватый, съ большими круглыми темно-голубыми пятнами, окруженными черною каймой, съ очень гладкою кожей и оканчивался двулопастнымъ плавникомъ. Лежа на платформѣ, онъ бился, съ конвульсивными движеніями, старался перевернуться и дѣлалъ столько усилій что едва не успѣлъ соскочить въ море. Но Консель, не хотѣвшій потерять эту рыбу, бросился на

нее, и прежде чѣмъ я могъ остановить его, схватилъ ее обѣими руками.

Но онъ тотчасъ же былъ опрокинутъ кверху ногами, половина его тѣла была парализована, и онъ закричалъ:

— Ахъ! сударь, сударь! Помогите!

Въ первый разъ еще добрый малый обращался ко мнѣ не въ третьемъ лицѣ.

Мы съ Канадцемъ подняли его и начали растирать изо всѣхъ силъ. Придя въ себя, этотъ вѣчный классификаторъ прошепталъ прерывающимся голосомъ:

— Классъ хрящеватыхъ, порядокъ chondropterygea съ неподвижными жабрами, разрядъ clachia, семейство скатовъ, видъ гнюсъ!

— Да, мой другъ, отвѣчалъ я, — это гнюсъ или электрическій скатъ который причинилъ тебѣ эти страданія.

— Ахъ! Его милость можетъ повѣрить, возразилъ Консель,— что я отомщу этому животному.

— Какимъ образомъ?

— Съѣвши его.

Вечеромъ же онъ исполнилъ это, но единственно изъ мщенія, потому что, говоря откровенно, мясо было очень жестко.

Несчастный Консель наткнулся на самый опасный видъ электрическаго ската. Это страшное животное, въ средѣ служащей такимъ хорошимъ проводникомъ какъ вода, поражаетъ рыбъ на разстояніи нѣсколькихъ метровъ: такъ велика сила его электрическаго органа, котораго двѣ главныя поверхности имѣютъ двадцать семь квадратныхъ футовъ.

На другой день, 12го апрѣля, *Кораблик*ъ въ продолженіе дня приблизился къ голландскому берегу, около устья Марони. Тамъ жило цѣлымъ семействомъ нѣсколько группъ ламантиновъ. Эти прекрасныя животныя, кроткія и безвредныя, длиной отъ шести до семи метровъ, должны были вѣсить по крайней мѣрѣ четыре тысячи килограммовъ. Я сообщилъ Недъ-Ланду и Конселю что предусмотрительная природа назначила этимъ млекопитающимъ важную роль. Дѣйствительно, они, какъ тюлени, должны пастись на подводныхъ лугахъ, и такимъ образомъ уничтожать скопленіе травъ, которыя могутъ засорить устья тропическихъ рѣкъ.

— А знаете ли вы, прибавилъ я,—что̀ произошло съ тѣхъ поръ какъ человѣкъ почти совсѣмъ уничтожилъ этихъ полезныхъ животныхъ? То что гнилыя травы заразили воздухъ,

а зараженный воздухъ—источникъ желтой лихорадки, которая опустошаетъ эти чудныя страны. Ядовитыя растенія размножились въ моряхъ жаркаго пояса, и зло непреодолимо распространилось отъ устья Рio де-ла-Платы до Флориды!

— И, если вѣрить Туссенелю, бичъ этотъ ничто въ сравненіи съ тѣмъ несчастіемъ которое поразитъ нашихъ потомковъ, когда въ моряхъ будутъ истреблены всѣ киты и тюлени. Тогда, загроможденные осьминогами, медузами, кальмарами, моря сдѣлаются огромными источниками зараженія, потому что ихъ воды не будутъ болѣе служить убѣжищемъ „огромнымъ желудкамъ, которымъ Создатель предназначилъ собирать дань на поверхности морей“.

Однакоже *Кораблик*ъ, хотя и не пренебрегавшій этими теоріями, овладѣлъ полдюжиной ламантиновъ. Въ самомъ дѣлѣ, предстояло запастись хорошимъ мясомъ, которое лучше говядины и телятины. Эта охота не была интересна. Ламантины давали себя убивать не защищаясь. Нѣсколько тысячъ килограммовъ мяса, назначеннаго для сушки, было сложено на бортъ.

Въ этотъ день была рѣдкая ловля, которая еще болѣе увеличила запасы *Кораблика*: такъ эти моря изобиловали дичью. Въ неводъ попало нѣсколько рыбъ, голова которыхъ оканчивалась овальными щитами съ мясистыми краями. Это были прилипалы, принадлежащія къ третьему семейству мягкоперыхъ рыбъ. Ихъ плоскій щитъ состоитъ изъ хрящеватыхъ поперечныхъ, подвижныхъ пластинокъ, между которыми животное можетъ образовать пустое пространство, вытягивая воздухъ, что̀ и даетъ ему возможность прилипать къ предметамъ подобно банкамъ.

Окончивъ ловлю, *Кораблик*ъ приблизился къ берегу. Здѣсь нѣсколько морскихъ черепахъ спали на поверхности волнъ. Было бы очень трудно овладѣть этими драгоцѣнными пресмыкающимися, потому что малѣйшій шумъ будитъ ихъ, а ихъ твердый верхній черепъ непроницаемъ для остроги. Но прилипалы должны были помочь намъ пріобрѣсть эту добычу съ необыкновенною ловкостію и точностію. И дѣйствительно, это животное настоящій крючокъ, который составилъ бы счастье и богатство простодушнаго рыбалова, пробавляющагося удочкой.

Матросы *Кораблика* надѣли на хвосты этимъ животнымъ по кольцу, довольно широкому, чтобы не стѣснять ихъ дви-

женій, а къ этимъ кольцамъ привязали длинныя веревки, прикрѣпивъ ихъ другимъ кольцомъ къ борту корабля.

Прилипалы, брошенныя въ море, сейчасъ же принялись за свое дѣло и устремились на черепахъ. Они были такъ цѣпки что скорѣе дали бы себя растерзать, чѣмъ выпустить добычу. Ихъ вытащили на бортъ, а вмѣстѣ съ ними и черепахъ, къ которымъ они пристали.

Такимъ же образомъ поймали нѣсколько какуанъ, шириною въ одинъ метръ, которыя вѣсили двѣсти килограммовъ. Ихъ верхній черепъ, покрытый большими роговыми пластинками, тонкими, прозрачными, каштановаго цвѣта, съ бѣлыми и желтыми пятнами, дѣлалъ ихъ очень цѣнными. Кромѣ того, онѣ были превосходны съ кулинарной точки зрѣнія, такъ же какъ и каретта зеленая, которая очень вкусна.

Этою ловлей закончилось наше пребываніе вблизи Амазонки, и съ наступленіемъ ночи *Кораблик*ъ опять возвратился въ открытое море.

ГЛАВА XVIII.

Осьминоги.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней *Кораблик*ъ постоянно удалялся отъ американскаго берега. Онъ избѣгалъ очевидно Мексиканскаго залива и моря омывающаго Антильскіе острова. Однако причиной этого не могло быть мелководье, потому что средняя глубина этихъ морей равняется тысячи восьмистамъ метрамъ; но, по всей вѣроятности, эта часть океана, усѣянная островами и оживляемая движеніемъ пароходовъ, не нравилась капитану Немо.

16го апрѣля, на разстояніи почти тридцати миль, мы увидали Мартинику и Гваделупу. Я одно мгновеніе различалъ поднимавшіяся вершины ихъ горъ.

Канадецъ надѣявшійся въ заливѣ привести въ исполненіе свои плаы, или достигнувъ земли, или причаливъ къ одному изъ многочисленныхъ судовъ переплывающихъ отъ одного острова къ другому, былъ очень недоволенъ. Мы могли бы легко убѣжать, еслибы Канадцу удалось безъ вѣдома капитана овладѣть шлюпкой. Но въ открытомъ Океанѣ объ этомъ нечего было и думать.

Канадецъ, Консель и я, мы имѣли по этому поводу очень продолжительный разговоръ. Уже цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ мы были плѣнниками на бортѣ *Кораблика*. Мы уже сдѣлали семнадцать тысячъ льё и, какъ говорилъ Недъ-Ландъ, не было основанія предполагать что плаваніе наше когда-либо кончится. Потому онъ рѣшился сдѣлать мнѣ предложеніе котораго я никакъ не могъ ожидать. Онъ посовѣтовалъ мнѣ спросить безъ обиняковъ капитана Немо разчитываетъ ли онъ держать насъ вѣчно на своемъ кораблѣ.

Подобная попытка мнѣ не нравилась. По моему мнѣнію, она не могла имѣть успѣха. Мы должны были разчитывать не на капитана *Кораблика*, а только на самихъ себя. Притомъ же съ нѣкотораго времени человѣкъ этотъ сдѣлался мрачнѣе, сосредоточеннѣе и становился все менѣе сообщительнымъ. Онъ, казалось, избѣгалъ меня. Я встрѣчалъ его весьма рѣдко. Прежде онъ охотно объяснялъ мнѣ подводныя чудеса, теперь же предоставлялъ меня моимъ занятіямъ и болѣе не появлялся въ залѣ.

Какая перемѣна произошла въ немъ? Почему? Можетъ-быть наше присутствіе на кораблѣ тяготило его? Однакоже я не могъ повѣрить чтобы подобный человѣкъ вдругъ вздумалъ возвратить намъ свободу. Я просилъ Неда дать мнѣ подумать, прежде нежели я примусь за дѣло. Если эта попытка не произведетъ благопріятнаго результата, то пожалуй только возбудитъ его подозрѣнія, усложнитъ наше положеніе и повредитъ планамъ Канадца. Прибавлю что я не имѣлъ никакой возможности сослаться на плохое состояніе здоровья. За исключеніемъ тяжелаго испытанія которому мы подвергались будучи окружены сплошнымъ льдомъ южнаго полюса, мы никогда въ жизни не чувствовали себя лучше, ни я, ни Консель, ни Недъ. Здоровая пища, благотворная атмосфера, правильная жизнь, равномѣрность температуры, все это не могло подать ни малѣйшаго повода къ болѣзни, и я понималъ что подобное существованіе возможно для человѣка въ которомъ воспоминаніе земли не оставило ни одного сожалѣнія, который идетъ куда хочетъ, и всюду у себя дома, который таинственными для другихъ и извѣстными только ему путями стремится къ своей цѣли. Но мы вовсе не разорвали нашихъ связей съ человѣчествомъ. Что касается до меня, то я вовсе не хотѣлъ похоронить съ собой мои наблюденія, столь новыя и любопытныя. Теперь я имѣлъ право написать сочи-

неніе о морѣ, и хотѣлъ чтобъ это сочиненіе появилось въ свѣтъ скорѣй раньше, чѣмъ позже.

И теперь, проходя водами омывающими Антильскіе острова, въ десяти метрахъ ниже поверхности океана, сколько я видѣлъ въ открытыя окна интереснымъ экземпляровъ, о которыхъ могъ упомянуть въ своихъ ежедневныхъ замѣткахъ. Между прочими животнорастеніями тутъ встрѣчались галереи, извѣстныя подъ именемъ physalia pelagica; это большіе продолговатые пузыри съ перламутровымъ отливомъ, распускающіе по вѣтру свою перепонку, и спускающіе въ воду свои голубоватые щупальцы, какъ *шелковыя* нити. Медузы, красивыя съ виду, но которыя жгутся какъ крапива если до нихъ дотронуться, и выдѣляютъ ѣдкую жидкость. Между членистыми тутъ были анелиды, длиной въ полтора метра, вооруженныя розовымъ хоботомъ и снабженныя тысячью семью стами двигательными органами. Они извивались въ волнахъ какъ змѣи и, проходя, сіяли всѣми цвѣтами солнечнаго спектра. Въ отдѣлѣ рыбъ тутъ были огромные скаты, длиной въ десять футовъ, вѣсящіе шестьсотъ фунтовъ, съ треугольнымъ грудным плавникомъ, съ нѣсколько выпуклою посрединѣ спиной, съ глазами находящимися на оконечностяхъ передней стороны головы. Они плавали какъ остатки разрушеннаго корабля, и повременамъ приставали къ нашему стеклу, какъ плотныя ставни.

Тутъ были balistes americanus, которыхъ природа одѣла только двумя цвѣтами бѣлымъ и чернымъ, gobius длинные и мясистые, съ желтыми плавниками съ выдавшеюся челюстью, корифены въ шестнадцать дециметровъ, съ короткими и острыми зубами, покрытыя маленькими чешуйками. Потомъ цѣлыми стаями появлялись краснобородки (mullus surmuletus) перетянутыя золотыми полосками отъ головы до хвоста, колеблющія своими сіяющими плавниками; это настоящія художественно исполненныя драгоцѣнныя бездѣлушки; онѣ были нѣкогда посвящены Діанѣ и считались изысканнымъ блюдомъ у богатыхъ Римлянъ, и пословица говорила о нихъ: „Не тотъ ихъ ѣстъ кто ловитъ!“ Наконецъ pomacanthus auratus, украшенные изумрудными полосками, одѣтые бархатомъ и шелкомъ проходили предъ нашими глазами, какъ вельможи Веронеза; красные сиги, казалось, разсѣкали поверхность моря своимъ острымъ грудным плавникомъ, и серебристыя селе-

ны, достойныя своего имени, поднимались на горизонтѣ водъ, какъ мѣсяцы сіяющіе въ бѣловатыхъ лучахъ.

Сколько бы еще новыхъ и удивительныхъ экземпляровъ мнѣ удалось увидать, еслибы *Кораблик*ъ не погрузился малопо-малу въ глубокіе слои! Его наклонныя плоскости увлекали его на глубину двухъ тысячъ и трехъ тысячъ пятисотъ метровъ. Здѣсь представителями животной жизни являлись только морскія звѣзды, хорошенькія pentacrinus caput medusae, прямой стебель которыхъ поддерживаетъ маленькую чашечку, и нѣсколько моллюсковъ довольно большихъ размѣровъ.

20го апрѣля мы поднялись среднимъ числомъ на полторы тысячи метровъ. Ближайшая земля была архипелагъ Лукайскихъ острововъ, словно намощенный на поверхности водъ. Тамъ поднимались высокія подводныя скалы, отвѣсныя стѣны, состоящія изъ вытершихся обломковъ, расположенныхъ широкими основаніями, между которыми вдавались черныя разселины, до дна коихъ не могли проникнуть наши электрическіе лучи.

Эти скалы были одѣты большими растеніями, огромными ламинаріями, гигантскими фукусами и представляли настоящій шпалерникъ водорослей, достойный міра титановъ. Разговаривая объ этихъ колоссальныхъ растеніяхъ, намъ всѣмъ троимъ, мнѣ, Конселю и Неду, естественно пришлось упомянуть о гигантскихъ животныхъ населяющихъ море. Одни очевидно предназначены въ пищу другимъ. Однако въ окна *Кораблика*, почти не двигавшагося съ мѣста, я могъ различить на этихъ длинныхъ волокнахъ только главныхъ членистыхъ изъ отдѣла brachyura, длинноногихъ ламбръ, лиловатыхъ крабовъ, кліоновъ свойственныхъ морямъ Антильскихъ острововъ.

Было около одиннадцати часовъ, когда Недъ-Ландъ обратилъ мое вниманіе на значительное движеніе, происходившее между большими водорослями.

— Да, сказалъ я,—это настоящія пещеры осьминоговъ, и я не удивился бы увидавъ здѣсь нѣсколько этихъ чудовищъ.

— Какъ, сказалъ Консель,—кальмаровъ, простыхъ кальмаровъ, изъ класса головоногихъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я,—осьминоговъ большихъ размѣровъ. Но кажется, другъ Ландъ ошибается; я больше ничего не вижу.

— Очень жаль, возразилъ Консель.—Я желалъ бы встрѣтить лицомъ къ лицу одного изъ тѣхъ осьминоговъ, о которыхъ

такъ много наслышался и которые могутъ увлекать на дно моря цѣлые корабли. Эти животныя называются krake....

— Кракъ, и довольно, отвѣчалъ насмѣшливо Канадецъ.

— Кракенами, возразилъ Консель, договаривая слово и не обращая вниманія на шутку своего товарища.

— Никогда я не повѣрю, сказалъ Недъ-Ландъ,—что подобныя животныя существуютъ.

— Отчего же нѣтъ, отвѣчалъ Консель.—Вѣдь вѣрили же мы нарвалу его милости.

— Мы ошибались, Консель.

— Безъ сомнѣнія, но другіе вѣрятъ въ него и до сихъ поръ.

— Очень возможно, Консель, но я, съ своей стороны, твердо рѣшился не вѣрить въ существованіе этихъ чудовищъ, пока мнѣ не удастся собственноручно анатомировать хоть одного изъ нихъ.

— Слѣдовательно, спросилъ у меня Консель, — его милость не вѣритъ что существуютъ огромные осьминоги?

— Да, кто же, чортъ возьми, когда-нибудь вѣрилъ этому! закричалъ Канадецъ.

— Очень многіе, другъ Недъ.

— Только не рыболовы. Быть-можетъ ученые.

— Извините, Недъ, и рыболовы и ученые.

— Но я, я самъ, сказалъ Консель съ самымъ серіознымъ видомъ,—я отлично помню что самъ своими глазами видѣлъ большое судно, увлеченное въ волны такимъ головоногимъ.

— Вы это видѣли? спросилъ Канадецъ.

— Да, Недъ.

— Собственными глазами?

— Собственными.

— Гдѣ, скажите пожалуста?

— Въ Санъ-Мало, продолжалъ невозмутимый Консель.

— Въ гавани? сказалъ насмѣшливо Недъ-Ландъ.

— Нѣтъ, въ церкви, отвѣчалъ Консель.

— Въ церкви? воскликнулъ Канадецъ.

— Да, другъ Недъ. Это была картина представлявшая осьминога.

— Хорошо! замѣтилъ Недъ, разразившись смѣхомъ.—Консель дурачитъ меня.

— Дѣйствительно онъ правъ, сказалъ я. — Я слыхалъ объ этой картинѣ; но содержаніе ея заимствовано изъ одной легенды, а вы знаете какое значеніе имѣютъ онѣ въ естествен-

ной исторіи. Къ тому же, воображеніе охотно разыгрывается, когда дѣло идетъ о чудовищахъ. Не только утверждали что осьминоги могутъ увлекать на дно моря корабли, но нѣкто Олаусъ Магнусъ разказываетъ объ одномъ головоногомъ, длиной въ милю, которое походило скорѣе на островъ, чѣмъ на животное. Разказываютъ также будто однажды епископъ Нидроса поставилъ алтарь на огромной скалѣ. Когда обѣдня отошла, скала сдвинулась съ мѣста и скрылась въ морѣ, скала была осьминогъ.

— И только? спросилъ Канадецъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я.—Другой епископъ, Понтоппидамъ изъ Бергема, точно также говоритъ объ одномъ осьминогѣ, на которомъ могъ маневрировать цѣлый кавалерійскій полкъ.

— Они не теряли даромъ словъ, епископы стараго времени, сказалъ Недъ-Ландъ.

— Наконецъ натуралисты древности упоминаютъ о чудовищахъ пасть которыхъ походила на заливъ и которыя были слишкомъ толсты чтобы пройти Гибралтарскій проливъ.

— Прекрасно! замѣтилъ Канадецъ.

— Но что же справедливо во всѣхъ этихъ разказахъ? спросилъ Консель.

— Ничего, друзья мои, ничего, по крайней мѣрѣ изъ того что переходитъ за предѣлы вѣроятнаго становится басней, или легендой. Тѣмъ не менѣе воображенію разказчиковъ необходима если не причина, то, по меньшей мѣрѣ, предлогъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ что существуютъ осьминоги и кальмары очень большихъ размѣровъ, хотя однако и меньше китовъ. Аристотель утверждаетъ что бываютъ кальмары въ пять локтей, то-есть три метра, десять центиметровъ. Наши рыболовы часто видятъ такихъ размѣры которыхъ превышаютъ одинъ метръ восемь десятыхъ. Въ музеумахъ Тріеста и Монпелье хранятся скелеты осьминоговъ, въ два метра длиной. Притомъ же по вычисленію натуралистовъ подобное животное, имѣющее только шесть футовъ, должно быть снабжено щупальцами длиной въ двадцать семь футовъ. А этого достаточно чтобъ оно было ужаснымъ чудовищемъ.

— А ловятъ ихъ теперь? спросилъ Канадецъ.

— Если моряки не ловятъ, то по крайней мѣрѣ видятъ ихъ. Одинъ изъ моихъ друзей, капитанъ Павелъ Босъ изъ Гавра, часто увѣрялъ меня что онъ встрѣтилъ въ индѣйскихъ моряхъ одно изъ этихъ огромныхъ чудовищъ. Но самый уди-

вительный фактъ, послѣ котораго нельзя болѣе сомнѣваться въ существованіи этихъ громадныхъ животныхъ, случился нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ 1861 году.

— Что же это? спросилъ Недъ-Ландъ.

— Вотъ что. Въ 1861 году, къ сѣверо-востоку отъ Тенерифа, почти на той широтѣ гдѣ мы теперь находимся, экипажъ судна *Алеатонъ* увидѣлъ плывшее недалеко отъ него чудовище. Командиръ судна г. Буге приблизился къ животному и напалъ на него, атакуя острогами и выстрѣлами, что однако не имѣло успѣха, потому что и пули и остроги проникали въ эту мягкую массу, какъ въ простое желе. Послѣ многихъ безплодныхъ попытокъ, экипажу удалось накинуть петлю на тѣло животнаго. Узелъ петли съѣхалъ до хвостоваго плавника и остановился на немъ. Пытались втащить чудовище на бортъ, но тяжесть его была такъ значительна что отъ напряженія веревки хвостъ его оторвался и, лишенный этого украшенія, онъ исчезъ въ волнахъ.

— Вотъ это фактъ, сказалъ Недъ.

— Фактъ не подлежащій сомнѣнію, мой храбрый Недъ. И поэтому предложили назвать этого осьминогаго кальмаромъ Буге.

— А какъ онъ былъ великъ? спросилъ Канадецъ.

— Не имѣлъ ли онъ около шести метровъ? сказалъ Консель, который, помѣстившись у окна, снова разсматривалъ неровности и углубленія въ скатахъ.

— Именно, отвѣчалъ я.

— Голова его, продолжалъ Консель, была увѣнчана восемью щупалами, колебавшимися въ водѣ, какъ гнѣздо змѣй.

— Именно.

— Глаза его, находившіеся на верху головы, отличались значительнымъ развитіемъ?

— Да, Консель.

— А пасть его напоминала настоящій клювъ попугая, но клювъ ужасный?

— Въ самомъ дѣлѣ, Консель.

— Ну, такъ съ позволенія его милости, спокойно отвѣчалъ Консель,—если это не самъ кальмаръ Буге, то по крайней мѣрѣ одинъ изъ его братьевъ.

Я смотрѣлъ на Конселя. Недъ-Ландъ бросился къ окну.

— Ужасное животное! вскричалъ онъ.

Я взглянулъ въ свою очередь, и не могъ подавить чувства

отвращенія. Предъ моими глазами двигалось страшное чудовище. Это былъ кальмаръ колоссальныхъ размѣровъ, имѣвшій восемь метровъ въ длину. Онъ съ необыкновенною быстротой подвигался задомъ по направленію къ *Кораблику*. Онъ смотрѣлъ своими огромными неподвижными сѣрозелеными глазами. Его восемь рукъ, или скорѣе ногъ, начинавшихся на головѣ, что и заставило назвать этихъ животныхъ головоногими, были вдвое длиннѣе всего его тѣла и корчились, какъ волосы фурій. Ясно были видны всѣ двѣсти шестьдесятъ присосковъ, расположенныхъ на внутренней сторонѣ щупальцевъ въ видѣ полусферическихъ мѣшечковъ. Повременамъ эти присоски приставали къ стеклу окна, вытягивая воздухъ. Пасть этого чудовища,—роговой клювъ, устроенный какъ клювъ попугая, — открывался и закрывался вертикально. Его языкъ, тоже изъ роговаго вещества, и тоже вооруженный нѣсколькими рядами острыхъ зубовъ, высовывался, изъ этихъ клещей. Какой капризъ природы! Птичій клювъ у моллюска! Его тѣло, веретенообразное и вздувшееся въ средней части, составляло мясистую массу, которая должна была вѣсить отъ двадцати до двадцати пяти тысячъ килограммовъ. Цвѣтъ его измѣнялся и переходилъ, смотря по раздраженію животнаго, чрезвычайно быстро чрезъ всѣ оттѣнки, начиная отъ синевато-сѣраго до коричнево-краснова́таго.

Что раздражало этого моллюска? Безъ сомнѣнія присутствіе *Кораблика*, который былъ больше его и которому не могли причинить вреда его сосущія руки и его челюсти. И однако что за чудовища эти спруты, какою живучестью одарилъ ихъ Творецъ, сколько силы въ ихъ движеніяхъ, такъ какъ они имѣютъ три сердца!

Случай доставилъ намъ возможность увидать этого кальмара, и я не хотѣлъ упустить его, не изучивъ тщательно этотъ экземпляръ головоногихъ. Я предолѣлъ отвращеніе, которое онъ внушалъ мнѣ, и, взявши карандашъ, принялся рисовать его.

— Это быть-можетъ тотъ же самый котораго видѣлъ *Алектонъ*, замѣтилъ Консель.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Канадецъ, — этотъ цѣлый, а у того нѣтъ хвоста!

— Это еще ничего не доказываетъ отвѣчалъ я. — Ноги и хвостъ этого животнаго снова возстановляются, и въ семь лѣтъ, хвостъ кальмара Буге безъ сомнѣнія имѣлъ время вырости.

— Впрочемъ, возразилъ Недъ, если кальмаръ Буге не этотъ самый, то, можетъ быть, который нибудь изъ тѣхъ! И въ самомъ дѣлѣ, у стекла съ правой стороны показались другіе спруты. Я насчиталъ ихъ семь. Они сопровождали *Кораблика*, и я слышалъ какъ ихъ клювы скрипѣли, по желѣзной обшивкѣ. Судьба баловала насъ.

Я продолжалъ свое занятіе. Чудовища держались возлѣ насъ съ такимъ упорствомъ, что казались неподвижными, и я могъ бы скалькировать его въ меньшемъ размѣрѣ на стеклѣ. Впрочемъ мы шли не очень скоро.

Вдругъ *Кораблика* остановился. Ударъ заставилъ его содрогнуться всѣмъ корпусомъ.

— Мы сѣли на мель? спросилъ я.

— Во всякомъ случаѣ мы уже снялись съ нея, отвѣчалъ Канадецъ,—потому что мы движемся.

Безъ сомнѣнія, *Кораблика* двигался, но онъ не шелъ. Лопасти его винта не разсѣкали болѣе волнъ. Прошла минута. Капитанъ Немо, сопровождаемый своимъ помощникомъ, вошелъ въ залу.

Я не видалъ его нѣсколько времени. Мнѣ показалось что онъ мраченъ. Не говоря намъ ни слова, быть-можетъ даже не замѣчая насъ, онъ подошелъ къ окнамъ, взглянулъ на спрутовъ и сказалъ нѣсколько словъ своему помощнику. Послѣдній вышелъ. Скоро ставни задвинулись. Потолокъ освѣтился.

Я подошелъ къ капитану.

— Любопытная коллекція спрутовъ, началъ я развязнымъ тономъ, какимъ говорилъ бы любитель предъ прозрачнымъ стекломъ акваріума.

— Да, господинъ натуралистъ, отвѣчалъ онъ,—и мы вступимъ съ ними въ рукопашный бой.

Я смотрѣлъ на капитана. Я думалъ что не хорошо разслышалъ.

— Въ рукопашный бой? спросилъ я.

— Да. Винтъ остановленъ. Я думаю что роговая челюсть одного изъ этихъ кальмаровъ попала между его лопастями. Это мешаетъ намъ идти.

— Что же вы сдѣлаете?

— Поднимусь на поверхность и перебью всѣхъ этихъ гадинъ.

— Это трудно.

— Правда. Электрическія пули безсильны противъ этихъ

рыхлыхъ массъ, въ которыхъ онѣ не находятъ достаточно сопротивленія чтобы разорваться. Но мы нападемъ на нихъ съ топорами.

— И съ острогами, капитанъ, сказалъ Канадецъ,—если вы не откажетесь отъ моей помощи.

— Я принимаю ее, господинъ Ландъ.

— Мы пойдемъ съ вами, сказалъ я, и слѣдуя за капитаномъ Немо, мы направились къ средней лѣстницѣ.

Тамъ человѣкъ десять людей, вооруженныхъ абордажными топорами, стояли готовые къ нападенію. Мы съ Конселемъ взяли по топору. Недъ-Ландъ схватилъ острогу. *Кораблик*ъ возвратился на поверхность волнъ. Одинъ изъ моряковъ, стоявшій на верхней ступенькѣ, отвинчивалъ болты подъёмной двери. Но едва гайки освободились, какъ дверь поднялась съ поразительною силой, очевидно отворенная присоскомъ ноги спрута.

Тотчасъ одна изъ этихъ длинныхъ ногъ проскользнула какъ змѣя въ отверстіе, и двадцать другихъ заколебались надъ нею. Ударомъ топора капитанъ Немо отрубилъ это страшное щупало, и оно, корчась, скатилось по ступенямъ.

Въ то время какъ мы тѣснились одни за другими, чтобы взобраться на платформу, двѣ другія ноги, свистнувъ въ воздухѣ, упали на матроса, стоявшаго предъ капитаномъ Немо, и подняли его съ неудержимою силой.

Капитанъ Немо вскрикнулъ и бросился впередъ. Мы устремились за нимъ.

Какое зрѣлище! Несчастный обхваченный щупальцемъ и удерживаемый присосками, качался въ воздухѣ, кричалъ задыхаясь: ко мнѣ! ко мнѣ! Слова эти, *произнесенныя по французски*, повергли меня въ глубочайшее изумленіе. Такъ на бортѣ былъ мой соотечественникъ, быть-можетъ нѣсколько! Этотъ раздирающій душу призывъ! Я буду слышать его всю жизнь!

Несчастный погибалъ. Кто могъ освободить его изъ этихъ страшныхъ объятій? Однако капитанъ Немо устремился на спрута и ударомъ топора отрубилъ ему еще одну ногу. Помощникъ его яростно боролся съ другими чудовищами вползавшими по бокамъ корабля. Экипажъ дрался топорами. Канадецъ, Консель и я погружали топоры въ эти мясистыя тѣла. Сильный запахъ мускуса распространился въ атмосферѣ. Ужасно!

Одну минуту я думалъ что несчастный обхваченный спрутомъ будетъ избавленъ отъ страшныхъ присосковъ. Изъ восьми ногъ семь были отрублены. Только одна, поднимавшая жертву и потрясавшая ею какъ перышкомъ, корчилась въ воздухѣ. Но въ то мгновенье какъ капитанъ Немо и его помощникъ бросились къ нему, животное выпустило столбъ черноватой жидкости, выдѣляемой мѣшкомъ находящимся у него въ брюхѣ. Насъ ослѣпило. Когда это облако разсѣялось, кальмаръ уже исчезъ и съ нимъ вмѣстѣ мой несчастный соотечественникъ.

Съ какимъ бѣшенствомъ бросились мы тотда на этихъ чудовищъ! Мы не владѣли больше собой.

Десять или двѣнадцать спрутовъ взобрались на платформу и на бока *Кораблика*. Мы въ безпорядкѣ двигались посреди этихъ обрубковъ змѣй, которыя содрагались на платформѣ въ потокахъ крови и чернилъ. Казалось что эти скользкія щупалы возрождались какъ головы гидры. При каждомъ ударѣ, острога Недъ-Ланда погружалась въ сѣро-зеленые глаза чудовищъ и прокалывала ихъ. Но мой смѣлый товарищъ былъ неожиданно опрокинутъ щупальцами одного чудовища, отъ котораго онъ не успѣлъ увернуться.

О какъ мое сердце не разбилось отъ волненія и ужаса! Ужасная пасть кальмара раскрылась надъ Недъ-Ландомъ. Несчастный былъ бы разрѣзанъ пополамъ. Я устремился къ нему на помощь, но капитанъ Немо опередилъ меня. Его топоръ исчезъ между огромными челюстями спрута и, спасенный чудеснымъ образомъ, Канадецъ поднялся и вонзилъ всю свою острогу до самаго сердца осьминога.

— Я былъ въ долгу предъ самимъ собою! сказалъ капитанъ Немо Канадцу.

Недъ поклонился молча.

Бой этотъ длился четверь часа. Чудовища, побѣжденныя, изувѣченныя, избитыя, оставили поле битвы и исчезли подъ волнами.

Покрытый кровью, капитанъ Немо стоялъ неподвижно возлѣ маяка; онъ смотрѣлъ на море, поглотившее одного изъ его спутниковъ, и крупныя слезы струились изъ его глазъ.

ГЛАВА XIX.

Гольфъ-Стримъ.

Никто изъ насъ не забудетъ никогда ужасной сцены 20го апрѣля. Я описалъ ее подъ впечатлѣніемъ сильнаго волненія. Послѣ я перечиталъ мой разказъ, я прочелъ его Конселю и Канадцу. Они нашли его точнымъ относительно фактовъ, но лишеннымъ надлежащаго эффекта. Чтобъ описывать подобныя картины, надо владѣть перомъ знаменитѣйшаго изъ нашихъ поэтовъ, автора *Работниковъ моря*.

Я сказалъ что капитанъ Немо смотрѣлъ на море и плакалъ. Его печаль была безпредѣльна. Со дня нашего прибытія на корабль, онъ терялъ уже втораго товарища. И какая смерть! Этотъ другъ, раздавленный, задушенный, уничтоженный страшными объятіями осьминога, растертый его желѣзными челюстями, не будетъ вмѣстѣ со своими товарищами покоиться въ тихихъ водахъ коралловаго кладбища! Что до меня касается, то посреди этой борьбы я слышалъ крикъ отчаянія, вырвавшійся изъ груди несчастнаго, и этотъ крикъ раздиралъ мое сердце. Бѣдный Французъ, забывъ условное парѣчіе, произнесъ свою послѣднюю мольбу на языкѣ своей родины и своей матери! Итакъ, между людьми *Кораблика*, которые связаны тѣломъ и душой съ капитаномъ Немо, и подобно ему избѣгаютъ сообщества людей, находился одинъ изъ моихъ соотечественниковъ! Одинъ ли онъ только былъ представителемъ Франціи въ этомъ таинственномъ товариществѣ, очевидно состоявшемъ изъ людей различныхъ національностей? Это еще одна изъ тѣхъ неразрѣшимыхъ загадокъ которыя постоянно представлялись моему уму.

Капитанъ Немо ушелъ въ свою комнату, и я нѣсколько времени не видѣлъ его. Но какъ была велика его печаль, его отчаяніе и нерѣшимость, можно судить по его кораблю, душой котораго онъ былъ и на которомъ отражались всѣ его впечатлѣнія. *Корабликъ* не держался болѣе опредѣленнаго направленія. Онъ какъ трупъ носился взадъ и впередъ, по произволу волнъ. Винтъ его былъ свободенъ, и однако онъ почти не служилъ ему. Онъ плылъ наудачу. Онъ не могъ оставить мѣста послѣдней борьбы, не могъ разстаться съ моремъ которое поглотило одного изъ его обитателей. Такъ прошло

десять дней. И только 1го мая *Кораблик*ъ опять смѣло направился къ сѣверу, пройдя близъ Лукайскихъ острововъ, мимо Багамскаго канала. Теперь мы плыли по теченію одной изъ самыхъ большихъ рѣкъ моря, которая имѣетъ свои берега, рыбъ и свою собственную температуру. Я говорю о Гольфъ-Стримѣ.

Это дѣйствительно рѣка, свободно протекающая посреди Атлантическаго океана, и воды которой не смѣшиваются съ водами океана. Вода этой рѣки соленая, гораздо солонѣе окружающаго ея моря. Средняя глубина ея три тысячи футовъ, а средняя ея ширина шестьдесятъ миль. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, она течетъ со скоростью четырехъ километровъ въ часъ. Неизмѣняемая масса ея водъ гораздо значительнѣе водяной массы всѣхъ рѣкъ земнаго шара.

Настоящій источникъ Гольфъ-Стрима, указанный капитаномъ Мори, или, лучше сказать, мѣсто гдѣ онъ беретъ свое начало, находится въ Бискайскомъ заливѣ. Тамъ начинаютъ сбираться его воды, температура и цвѣтъ которыхъ еще не вполнѣ установились. Онъ спускается къ югу, проходитъ вдоль экваторіальной Африки, согрѣваетъ въ жаркомъ поясѣ свои воды, пересѣкаетъ Атлантическій океанъ, достигаетъ мыса Санъ-Рокъ на бразильскомъ берегу, и раздѣляется на два рукава; одинъ изъ нихъ идетъ къ сѣверу и еще насыщается горячими водами Антильскаго моря. Тогда Гольфъ-Стримъ, назначеніе котораго возстановить равновѣсіе между температурами и смѣшать южныя воды съ сѣверными, начинаетъ свое уравновѣшивающее дѣйствіе. Нагрѣтый въ Мексиканскомъ заливѣ, онъ поднимается къ сѣверу, омывая Американскіе берега, доходитъ до Новой-Земли, и гонимый холоднымъ потокомъ Девисова пролива, уклоняется съ своего пути, опять проходитъ Океаномъ, слѣдуя локсодромическою линіей, и раздѣляется на два рукава подъ сорокъ третьимъ градусомъ; одинъ изъ этихъ рукавовъ, при помощи сѣверо-восточнаго пассатнаго вѣтра, возвращается къ Бискайскому заливу и Асорскимъ островамъ, другой же, согрѣвъ берега Ирландіи и Норвегіи, проходитъ дальше Шпицбергена, гдѣ его температура понижается до четырехъ градусовъ и образуетъ свободное море полюса.

По этой-то рѣкѣ Океана плылъ *Кораблик*ъ. По выходѣ изъ Багамскаго канала, на протяженіи четырнадцати миль ширины и трехсотъ пятидесяти метровъ глубины, Гольфъ-

Стримъ течетъ по восьми километровъ въ часъ. По мѣрѣ того какъ онъ приближается къ сѣверу, быстрота эта постепенно и равномѣрно уменьшается, и надо желать чтобъ эта правильность была постоянна, потому что, какъ уже было замѣчено нѣкоторыми, если его быстрота и направленіе измѣнятся, то европейскій климатъ подвергнется такимъ пертурбаціямъ, послѣдствія которыхъ невозможно исчислить.

Въ полдень мы съ Конселемъ были на платформѣ. Я сообщалъ ему нѣкоторыя подробности о Гольфъ-Стримѣ. Окончивъ свое объясненіе, я предложилъ ему опустить руку въ потокъ.

Консель послушался, и былъ очень удивленъ не испытывая никакого ощущенія, ни тепла, ни холода.

— Это происходитъ оттого, сказалъ я ему, — что температура водъ Гольфъ-Стрима, по его выходѣ изъ Мексиканскаго залива, мало отличается отъ температуры крови. Гольфъ-Стримъ—огромный источникъ теплоты, отъ дѣйствія котораго берега Европы покрыты вѣчною зеленью. И, если вѣрить Мори, теплота этого теченія, употребленная вся сполна, доставила бы достаточно теплорода чтобы держать въ расплавленномъ состояніи цѣлую рѣку изъ желѣза, величиной съ Амазонку или Миссури.

Въ это время быстрота Гольфъ-Стрима дошла до двухъ метровъ двадцати пяти центиметровъ въ секунду. Его теченіе такъ отличается отъ окружающаго его моря что его сжатыя воды выступаютъ надъ уровнемъ Океана и поднимаются надъ его холодными водами. Темныя и очень богатыя солеными частицами, онѣ рѣзко отдѣляются своимъ чистымъ синимъ цвѣтомъ отъ окружающихъ ихъ зеленыхъ волнъ. Ихъ демаркаціонная линія видна такъ ясно, что близъ Каролинскихъ острововъ можно было замѣтить какъ носъ *Кораблика* разсѣкалъ уже воды Гольфъ-Стрима, тогда какъ его винтъ находился еще въ водахъ Океана.

Это теченіе увлекало за собой цѣлый міръ живыхъ существъ. Аргонавты свойственные Средиземному морю, плавали тутъ многочисленными стаями. Между хрящеватыми рыбами, самыя замѣчательныя были скаты, очень тонкіе хвосты которыхъ составляли почти треть всего тѣла, и напоминали огромные косоугольники, въ двадцать пять футовъ длиной; потомъ маленькія акулы, длиной въ одинъ метръ, съ большою головой, съ короткою и круглою мордой, съ острыми зубами располо-

женными въ нѣсколько рядовъ, тѣло которыхъ, казалось, было покрыто чешуей.

Между костистыми рыбами, я замѣтилъ губановъ свойственныхъ этимъ морямъ; спаровъ-отшельниковъ которые блестѣли какъ огонь; сціенъ въ метръ длиной, съ широкою пастью наполненною маленькими зубами, онѣ издавали легкіе крики; centronatus niger о которыхъ я уже говорилъ; корифенъ голубыхъ, украшенныхъ золотомъ и серебромъ; настоящія радуги Океана, которые могутъ соперничать своими цвѣтами съ самыми лучшими тропическими птицами; блѣдные колбни, съ треугольною головой; кособоки, голубоватые (родъ камбалы), лишенные чешуи; batrachoïdei, съ желтою поперечною полосой, изображающею греческое т; цѣлые стада gobius bos, усѣянныхъ темными пятнами; перозубы съ серебристою головой и желтымъ хвостомъ; различные экземпляры семги, mugilomorus, тонкіе и длинные, блестѣвшіе нѣжнымъ свѣтомъ, и которыхъ Ласепедъ посвятилъ любимой подругѣ своей жизни; наконецъ прекрасная рыба, chaetodon, украшенная всѣми орденами и всевозможными лентами, часто посѣщаетъ берега этой великой націи, которая такъ мало уважаетъ ленты и ордена.

Я прибавлю еще что ночью фосфорическія воды Гольфъ-Стрима соперничали своимъ блескомъ съ электрическимъ свѣтомъ нашего маяка, особенно во время грозы, которая повторялась довольно часто.

8го мая, мы еще находились наискось отъ мыса Готтерасъ, близь Сѣверной Каролины. Здѣсь ширина Гольфъ-Стрима семидесять пять миль, а глубина двѣсти десять метровъ, *Кораблик*ъ попрежнему плылъ наудачу. Казалось что всякій надзоръ былъ изгнанъ съ корабля. Я долженъ былъ согласиться что при подобныхъ условіяхъ попытка бѣжать могла увѣнчаться успѣхомъ. Въ самомъ дѣлѣ, населенные берега представляли повсюду удобное убѣжище. Многочисленные пароходы, которые ходятъ между Нью-Іоркомъ или Бостономъ и Мексиканскимъ заливомъ, постоянно бороздили море, и день и ночь его пересѣкали маленькія, нагруженныя шкуны, плававшія въ различныхъ пунктахъ, вдоль Американскаго берега. Мы могли надѣяться что насъ примутъ на нихъ. Итакъ, намъ представлялся удобный случай, несмотря на тридцать миль, отдѣлявшихъ *Кораблик*ъ отъ береговъ Союза.

Но одно непріятное обстоятельство совершенно разстраивало планы Канадца. Погода была очень дурна. Мы прибли-

зились къ тѣмъ мѣстамъ гдѣ бури бываютъ очень часто, къ области смерчей и циклоновъ, пораждаемыхъ теченіемъ Гольфъ-Стрима. Пуститься въ море часто волнуемое бурями въ лодкѣ, значитъ идти на вѣрную гибель. Самъ Недъ-Ландъ соглашался съ этимъ. Онъ скрывалъ свою досаду, но имъ овладѣла страшная тоска по родинѣ, отъ которой только одно бѣгство могло излѣчить его.

— Господинъ профессоръ, сказалъ онъ мнѣ въ этотъ день,— пора кончить это. Я хочу выяснить дѣло. Вашъ Немо удаляется отъ земли и возвращается къ сѣверу. Но я вамъ объявлю что съ меня довольно и южнаго полюса, и я не хочу слѣдовать за нимъ къ сѣверному.

— Что̀ дѣлать, Недъ, въ настоящее время бѣгство невозможно.

— Я возвращусь къ моей прежней мысли. Надо поговорить съ капитаномъ. Вы ничего не говорили ему, когда мы были въ моряхъ вашей родины. Теперь же мы находимся въ моряхъ моей родины, и я буду говорить. Когда я думаю что черезъ нѣсколько дней *Кораблик*ъ будетъ близъ Новой-Шотландіи, и что тамъ, около Новой-Земли, открывается большой заливъ, а въ этотъ заливъ впадаетъ рѣка Святаго Лаврентія, моя собственная рѣка, рѣка протекающая въ Квебекѣ, моемъ родномъ городѣ, когда я думаю объ этомъ, кровь бросается мнѣ въ лицо, волоса поднимаются на головѣ. Мной овладѣваетъ бѣшенство. Слушайте, господинъ профессоръ, я скорѣе брошусь въ море! Я не останусь здѣсь! Я здѣсь задыхаюсь!

Терпѣніе Канадца очевидно истощалось. Его сильная натура не могла освоиться съ такимъ продолжительнымъ заточеніемъ Лицо его становилось день ото дня тревожнѣе. Характеръ его дѣлался все мрачнѣе. Я понималъ какъ онъ долженъ былъ страдать, потому что и мной также овладѣвала тоска по родинѣ. Прошло почти семь мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ какъ мы не имѣли никакихъ сообщеній съ землей. Сверхъ того, одиночество капитана Немо, перемѣна въ его характерѣ, которая сдѣлалась особенно замѣтна послѣ битвы съ осьминогами, его молчаливость, все представляло мнѣ вещи совсѣмъ въ другомъ видѣ. Я уже не испытывалъ такого энтузіазма какъ въ первое время. Надо было быть Фламанцемъ, какъ Консель, чтобы мириться съ этимъ положеніемъ, въ средѣ населенной китами и прочими обитателями моря.

И въ самомъ дѣлѣ, еслибъ этотъ честный малый имѣлъ вмѣсто легкихъ жабры, онъ, я думаю, былъ бы отличною рыбой.

— Ну что же, господинъ профессоръ? возразилъ Недъ-Ландъ, видя что я не отвѣчаю.

— Итакъ, Недъ, вы хотите чтобъ я спросилъ капитана Немо какія у него намѣренія относительно насъ?

— Да, господинъ профессоръ.

— Хотя онъ уже и высказалъ намъ это?

— Да. Я хочу въ послѣдній разъ слышать что-нибудь опредѣленное. Если хотите, говорите только обо мнѣ одномъ, отъ моего имени.

— Но я его рѣдко встрѣчаю. Онъ даже избѣгаетъ меня.

— Тѣмъ болѣе причинъ идти къ нему.

— Я его спрошу, Недъ.

— Когда? спросилъ настойчиво Канадецъ.

— Когда встрѣчусь съ нимъ.

— Господинъ Аронnаксъ, хотите ли вы чтобъ я шелъ къ нему самъ?

— Нѣтъ, предоставьте мнѣ. Завтра.....

— Сегодня, сказалъ Недъ-Ландъ.

— Пусть будетъ такъ. Сегодня я его увижу, отвѣчалъ я Канадцу, который вѣроятно испортилъ бы дѣло, еслибы сталъ дѣйствовать самъ.

Я остался одинъ. Вопросъ былъ рѣшенъ, и мнѣ хотѣлось тотчасъ же покончить съ нимъ. Лучше что-нибудь сдѣлать тотчасъ же нежели откладывать на будущее время.

Я вошелъ въ свою комнату. Оттуда я слышалъ шаги въ каютѣ капитана Немо. Не надо было упускать этого случая видѣться съ нимъ. Я постучалъ въ его дверь, но не получилъ отвѣта. Я опять постучалъ, и повернулъ ручку. Дверь отворилась.

Я вошелъ. Капитанъ былъ тамъ. Нагнувшись надъ своимъ рабочимъ столомъ, онъ не слыхалъ какъ я вошелъ. Рѣшившись не уходить не поговоривъ съ нимъ, я приблизился къ нему. Онъ быстро поднялъ голову, нахмурилъ брови, и сказалъ мнѣ довольно грубо:

— Вы здѣсь! Что вамъ нужно?

— Я хотѣлъ поговорить съ вами, капитанъ.

— Но я занятъ, господинъ профессоръ, я работаю. Я предоставляю вамъ свободу уединяться, но развѣ я, съ своей стороны, не могу ею пользоваться!

Пріемъ былъ не ободрительный. Но я рѣшился все выслушать, чтобы на все отвѣчать.

— Капитанъ, сказалъ я холодно,—мнѣ надо говорить съ вами о дѣлѣ которое не терпитъ отсрочки.

— О какомъ, господинъ профессоръ? насмѣшливо отвѣчалъ онъ.—Не сдѣлали ли вы какого-нибудь открытія, которое ускользнуло отъ моего вниманія? Не открыло ли вамъ море новыя тайны?

Мы далеко не понимали другъ друга. Но, прежде чѣмъ я успѣлъ отвѣтить, онъ сказалъ мнѣ болѣе серіознымъ тономъ, показывая на рукопись лежавшую на столѣ.

— Вотъ, господинъ Аронпаксъ, рукопись, написанная на нѣсколькихъ языкахъ. Она заключаетъ въ себѣ перечень моихъ изслѣдованій моря, и, если Богу будетъ угодно, она не погибнетъ вмѣстѣ со мною. Эта рукопись, подписанная моимъ именемъ, дополненная исторіей моей жизни, будетъ заключена въ маленькій нетонущій аппаратъ. Послѣдній изъ насъ оставшійся на бортѣ *Кораблика* броситъ этотъ аппаратъ въ море, и онъ поплыветъ туда куда унесутъ его волны.

Имя этого человѣка! Его жизнь, описанная имъ самимъ! Стало-быть его тайна будетъ когда-нибудь открыта? Но, въ эту минуту, я видѣлъ въ этомъ сообщеніи только поводъ начать разговоръ.

— Капитанъ, отвѣчалъ я,—мнѣ остается только одобрить мысль заставляющую васъ дѣйствовать такимъ образомъ. Плоды вашихъ изслѣдованій не должны погибнуть. Но вы, мнѣ кажется, прибѣгаете къ средству черезчуръ первобытному. Кто знаетъ куда вѣтеръ унесетъ этотъ аппаратъ, въ чьи руки онъ попадетъ? Не найдется ли способа болѣе вѣрнаго? Вы, или кто-нибудь изъ вашихъ не можетъ ли?...

— Никогда, господинъ профессоръ, быстро сказалъ капитанъ, прерывая меня.

— Но я и мои товарищи, мы готовы хранить эту рукопись, и если вы возвратите намъ свободу....

— Свободу! сказалъ капитанъ Немо, вставая.

— Да, капитанъ, и именно по поводу этого предмета я хотѣлъ говорить съ вами. Вотъ уже семь мѣсяцевъ какъ мы находимся на вашемъ кораблѣ, и я васъ спрашиваю сегодня, отъ имени моихъ товарищей, а также и отъ моего, намѣрены ли вы держать насъ здѣсь вѣчно?

— Господинъ Аронпаксъ, сказалъ капитанъ Немо,—сегодня

я вамъ отвѣчаю то же что̀ я отвѣчалъ семь мѣсяцевъ тому назадъ: Кто разъ ступилъ на *Кораблик*ъ, тотъ никогда не покинетъ его.

— Но вѣдь вы налагаете на насъ рабство!

— Называйте это какимъ вамъ угодно именемъ.

— Но вездѣ рабъ сохраняетъ за собой право возвратить себѣ свободу! Какіе бы ни представились ему средства, онъ можетъ считать ихъ хорошими!

— Да кто же вамъ отказываетъ въ этомъ правѣ, отвѣчалъ капитанъ Немо, — развѣ я думалъ когда-нибудь связать васъ клятвой?

Капитанъ смотрѣлъ на меня, скрестивъ руки на груди.

— Капитанъ, сказалъ я ему, — ни вы, ни я не пожелаемъ возвратиться еще разъ къ этому разговору. Но такъ какъ мы его уже начали, исчерпаемъ его до конца. Я вамъ повторяю что тутъ дѣло идетъ не обо мнѣ одномъ. Наука для меня опора, могущественное развлеченіе, наслажденіе, страсть которая можетъ заставить меня все забыть. Какъ вы, я могу жить въ полной неизвѣстности, съ неясною надеждой завѣщать когда-нибудь будущему, посредствомъ гипотетическаго аппарата пущеннаго на волю волнъ и вѣтра, результаты моихъ трудовъ. Однимъ словомъ, я могу вамъ удивляться, слѣдовать за вами, не досадуя на ту роль которую до нѣкоторой степени понимаю; но есть еще другія стороны вашей жизни; она представляется мнѣ окруженною усложненіями и тайнами, въ которыхъ только я и мои товарищи не принимаемъ никакого участія. И даже когда наши сердца бились въ вашу пользу, тронутыя вашими огорченіями, или пораженныя вашимъ геніемъ и мужествомъ, мы должны были подавить въ себѣ малѣйшіе признаки той симпатіи которая зарождается при видѣ красоты и добра, не разбирая откуда онѣ идутъ, отъ друга или врага. Итакъ, это сознаніе того что мы чужды всему васъ касающемуся дѣлаетъ наше положеніе невыносимымъ, невозможнымъ, даже для меня, и въ особенности невозможнымъ для Недъ-Ланда. Каждый человѣкъ, потому только что онъ человѣкъ, стóитъ того чтобъ о немъ думали. Спрашивали ли вы себя какіе планы мщенія могутъ породить любовь къ свободѣ и ненависть къ рабству въ такой натурѣ какъ натура Канадца, что̀ онъ можетъ думать, пробовать, на что̀ покушаться?...

Я замолчалъ. Капитанъ Немо всталъ.

— Пусть Недъ-Ландъ думаетъ, пробуетъ, покушается на все что̀ ему угодно, что̀ мнѣ за дѣло? Не я его искалъ! Не для своего удовольствія я держу его на кораблѣ! Что касается васъ, господинъ Ароннаксъ, то вы изъ тѣхъ которые могутъ понимать все, даже молчаніе. Мнѣ нечего болѣе отвѣчать вамъ. Пусть этотъ первый нашъ разговоръ объ этомъ предметѣ будетъ также и послѣднимъ, потому что въ другой разъ я даже не буду въ состояніи выслушать васъ.

Я удалился. Съ этого дня положеніе наше стало очень натянуто. Я передалъ этотъ разговоръ моимъ товарищамъ.

— Мы знаемъ теперь, сказалъ Недъ,—что намъ нечего ожидать отъ этого человѣка. *Кораблик*ъ приближается къ Лонгъ-Эйланду. Мы бѣжимъ, какова бы ни была погода.

Но небо становилось все мрачнѣе. Появились признаки урагана. Атмосфера принимала бѣловатый и молочный цвѣтъ. Вслѣдъ за cyrrhus съ разбросанными снопами, слѣдовали на горизонтѣ ряды nimbocumulus. Другія низко спустившіяся облака быстро неслись. Море шумѣло и вздувалось большими волнами. Птицы скрылись, за исключеніемъ буревѣстника, друга бурь. Барометръ значительно понизился и показывалъ чрезмѣрное сгущеніе паровъ въ воздухѣ. Борьба стихій была близка.

Буря разразилась днемъ 18го мая, въ то самое время когда *Кораблик*ъ несся близь Лонгъ-Эйланда, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Нью-Йоркскихъ проходовъ. Я могу описать эту борьбу стихій, потому что капитанъ Немо, вмѣсто того чтобы скрыться въ глубинахъ моря, по какому-то необъяснимому капризу, предпочелъ остаться на его поверхности.

Вѣтеръ дулъ съ юго-запада, сначала довольно сильно, то-есть со скоростью пятнадцати метровъ въ секунду, но къ тремъ часамъ вечера, скорость эта дошла до двадцати пяти метровъ. Это скорость бури.

Непоколебимый при этомъ шквалѣ, капитанъ Немо занялъ мѣсто на платформѣ. Онъ привязалъ себя канатомъ за поясъ, чтобы противиться ужаснымъ валамъ разбивавшимся о бортъ *Кораблика*. Я тоже вскарабкался туда и привязалъ себя, одинаково удивляясь и бурѣ и этому несравненному человѣку, который встрѣчалъ ее лицомъ къ лицу.

Большіе клочья облаковъ касались взволнованной поверхности моря. Я не видѣлъ болѣе ни одной изъ тѣхъ маленькихъ промежуточныхъ волнъ которыя образуются въ глуби-

нѣ, между большими валами. Ничего кромѣ долгихъ черныхъ какъ сажа валовъ, гребни которыхъ не разбивались: такъ они были плотны. Вышина ихъ все увеличивалась. Онѣ раждались одна отъ другой. *Кораблик*ъ то лежалъ на боку, то выпрямлялся какъ мачта, страшно качаясь и ныряя носомъ.

Къ пяти часамъ полилъ проливной дождь, но онъ не ослабилъ ни вѣтра ни дождя. Буря разразилась со скоростью сорока пяти метровъ въ секунду, то-есть почти сорока миль въ часъ. При подобныхъ условіяхъ она опрокидываетъ дома, разноситъ черепичныя кровли, разламываетъ желѣзныя рѣшетки, передвигаетъ двадцатичетырехъ-фунтовыя пушки. Однакоже посреди этого шторма, *Кораблик*ъ оправдывалъ слова одного ученаго инженера. „Хорошо выстроенный корабль всегда можетъ бороться съ моремъ“! Это не была неподвижная скала, которую волны могли бы разбить; это было стальное веретено, послушное и подвижное, безъ такелажа и рангоута, безнаказанно боровшееся съ ихъ яростью.

Между тѣмъ я внимательно разсматривалъ эти бѣшеныя волны. Онѣ доходили до пятнадцати метровъ вышины при длинѣ отъ ста пятидесяти до ста семидесяти пяти метровъ, а быстрота ихъ распространенія равнялась половинѣ быстроты вѣтра, то-есть пятнадцати метрамъ въ секунду. Ихъ объемъ и могущество увеличивались съ глубиной водъ. Я понялъ тогда роль этихъ волнъ, которыя набираютъ въ себя воздухъ и несутъ его въ глубину моря, куда онѣ вмѣстѣ съ кислородомъ доставляютъ жизнь. Крайняя сила ихъ давленія,—ее уже вычислили, — можетъ дойти до трехъ тысячъ килограммовъ, на квадратный футъ поверхности, которую они разбиваютъ. Подобныя волны сдвинули съ мѣста на Гебридскихъ островахъ скалу вѣсившую восемьдесятъ четыре тысячи фунтовъ; а въ бурю 23 сентября 1864 года, разрушивъ часть города Эддо въ Японіи, и дѣлая семьсотъ километровъ въ часъ, разбились въ тотъ же день у береговъ Америки.

Къ ночи буря усилилась. Барометръ, какъ во время извѣстнаго циклона въ 1860 году, спустился до семисотъ десяти милиметровъ. При наступленіи ночи, я увидѣлъ на горизонтѣ большой корабль, который съ большимъ трудомъ боролся съ бурей. Онъ лежалъ въ дрейфѣ поддерживая небольшіе пары, чтобъ твердо держаться на волнахъ. Должно-быть это былъ линейный пароходъ шедшій изъ Нью-Йорка въ Ливерпуль или въ Гавръ. Онъ скоро исчезъ во мракѣ.

Въ десять часовъ вечера, небо было все въ огнѣ. Сильныя молніи полосами разсѣкали атмосферу. Я не могъ выносить ихъ блеска, тогда какъ капитанъ Немо смотрѣлъ прямо, и казалось вдыхалъ въ себя самую душу бури. Страшный шумъ наполнялъ воздухъ, смѣшанный гулъ, состоящій изъ шума разбивающихся волнъ, воя вѣтра и раскатовъ грома. Вѣтеръ пробѣгалъ по всѣмъ сторонамъ горизонта, а циклонъ, выходя съ востока, возвращался туда же, пройдя сѣверомъ, западомъ и югомъ, въ противуположность кружащимся бурямъ южнаго полушарія.

Ахъ! этотъ Гольфъ-Стримъ! Онъ оправдывалъ свое названіе царя бурь! Онъ создаетъ эти ужасные циклоны, различіемъ температуры въ слояхъ воздуха, разстилающихся надъ его теченіемъ. За дождемъ слѣдовали потоки огня. Дождевыя капли превратились въ горящія искры. Можно было подумать что капитанъ Немо, желая достойной себя смерти, искалъ случая быть убитымъ громомъ. Во время страшной килевой качки, *Кораблика* поднялъ кверху свой стальной бивень, какъ громовой отводъ, и я видѣлъ какъ изъ него летѣло множество искръ.

Разбитый, измученный, я приползъ къ подъемной двери. Я поднялъ ее и сошелъ въ залу. Невозможно было держаться на ногахъ внутри *Кораблика*.

Капитанъ Немо пришелъ въ полночь. Я слышалъ какъ резервуары мало-по-малу наполнялись, и *Кораблика* тихо погружался въ глубину моря.

Сквозь открытыя ставни залы, я видѣлъ испуганныхъ большихъ рыбъ, которыя проходили какъ привидѣнія въ огненныхъ водахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были убиты громомъ на моихъ глазахъ!

Кораблика все погружался. Я думалъ что онъ найдетъ спокойствіе на глубинѣ пятнадцати метровъ. Нѣтъ. Верхніе слои были слишкомъ сильно взволнованы. И чтобы достигнуть тишины, пришлось спуститься на глубину пятидесяти метровъ въ нѣдра моря.

Но тамъ, какое спокойствіе, какое безмолвіе, какая тихая среда! Кто бы сказалъ что страшный ураганъ свирѣпствовалъ въ это время на поверхности Океана?

ГЛАВА XX.

Подъ 47° 24′ широты и 17° 28′ долготы.

Эта буря отбросила насъ на востокъ. Всякая надежда убѣжать вблизи Нью-Йорка или Святаго Лаврентія исчезла. Бѣдный Недъ, доведенный до отчанія, уединялся также какъ и капитанъ Немо. Мы съ Конселемъ не разставались болѣе.

Я сказалъ что *Кораблик*ъ отнесло къ востоку. Я долженъ былъ выразиться точнѣе и сказать къ сѣверо-востоку. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней, онъ блуждалъ то на поверхности волнъ, то подъ ними, окруженный морскими туманами, столь опасными для мореплавателей. Они происходятъ главнымъ образомъ отъ таянія льдовъ, которымъ поддерживается чрезвычайная влажность атмосферы. Сколько кораблей погибло въ этихъ мѣстахъ, когда они уже готовы были различать неопредѣленные огни берега! Сколько несчастныхъ случаевъ происходило отъ этого тумана! Сколько ударовъ о подводные камни, шумъ прибоя которыхъ заглушался шумомъ вѣтра! Сколько столкновеній между кораблями, несмотря на ихъ позиціонные огни, несмотря на предостереженія ихъ свистковъ и вѣстовыхъ колоколовъ!

Дно этихъ морей имѣло видъ поля сраженія, гдѣ лежали всѣ побѣжденные Океаномъ: старые были покрыты иломъ; другіе еще молодые, отражали на своихъ желѣзныхъ и мѣдныхъ частяхъ блескъ нашего маяка. Сколько между ними кораблей погибшихъ со всѣмъ своимъ грузомъ и экипажемъ, съ цѣлымъ населеніемъ эмигрантовъ, на этихъ опасныхъ пунктахъ, отмѣченныхъ въ статистикахъ, на мысѣ Расъ, островѣ Святаго Павла, въ проливѣ Бель-Ильскомъ, въ заливѣ Святаго Лаврентія! И въ продолженіи всего только нѣсколькихъ лѣтъ, сколько жертвъ, доставили этимъ ежегоднымъ погребальнымъ спискамъ компаніи, на пути къ Рояль-Моль, Инмана, Монреаля; тутъ сѣли на мель: *Сольвей*, *Изида*, *Паромать*ъ, *Венгерец*ъ, *Канадец*ъ, *Англо-Саксонец*ъ, *Гумбольдт*ъ, *Соединенные Штаты*; *Артик*ъ и *Ліонец*ъ пошли ко дну вслѣдствіе столкновенія; *Президент*ъ, *Тихій Океан*ъ, *Город*ъ *Глазго* погибли по неизвѣстнымъ причинамъ; *Кораблик*ъ плавалъ посреди этихъ мрачныхъ развалинъ, какъ будто дѣлалъ смотръ мертвецамъ!

15го мая мы находились на южной оконечности мели Новой Земли. Мель эта образовалась изъ морской наносной земли; это значительное скопленіе органическихъ остатковъ, занесенныхъ сюда или отъ экватора, теченіемъ Гольфъ-Стрима, или отъ сѣвернаго полюса, тѣмъ противуположнымъ теченіемъ холодной воды которое идетъ вдоль Американскаго берега. Тамъ скопляются также плавающія глыбы, унесенныя при вскрытіи льда. Тутъ образовалась огромная груда костей и остатковъ рыбъ, моллюсковъ или зоофитовъ, которые погибаютъ здѣсь милліардами.

Глубина моря близь Новой Земли незначительна. Не болѣе нѣсколькихъ сотъ саженъ. Но къ югу вдругъ образуется глубокая впадина, въ три тысячи метровъ. Тутъ Гольфъ-Стримъ расширяется. Его воды разливаются. Быстрота его и температура понижаются; онъ становится моремъ.

Между рыбами, встревоженными появленіемъ *Кораблика*, я назову липагора, въ метръ величиной, съ черноватою спиной и оранжевымъ животомъ, который подаетъ своимъ родичамъ примѣръ супружеской вѣрности, но находитъ мало послѣдователей; зубатокъ, съ большими глазами и головой имѣющею нѣкоторое сходство съ головой собаки; слизы; черныхъ колбней-воронокъ, въ два дециметра длиной; длинохвостовъ, съ длинными хвостами, блестящимъ серебристымъ блескомъ, быстрыхъ рыбъ, живущія вдали отъ сѣверныхъ морей.

Въ сѣти попалась также смѣлая, отважная, сильная рыба съ крѣпкими мускулами, вооруженная шипами на головѣ, и колючками на плавникахъ, настоящій скорпіонъ отъ двухъ до трехъ метровъ величины, жестокій врагъ трески и семги, это рамша сѣверныхъ морей, съ шишковатымъ тѣломъ темнаго цвѣта, съ красными плавниками. Рыболовы *Кораблика* съ трудомъ овладѣли этимъ животнымъ, которое, благодаря устройству своихъ жаберныхъ крышекъ, предохраняетъ свои дыхательные органы отъ изсушающаго дѣйствія атмосферы, и можетъ жить нѣкоторое время внѣ воды.

Назову,—для памяти,—колбней, маленькихъ рыбъ, которыя долго слѣдуютъ за кораблями въ сѣверныхъ моряхъ; остроносыхъ ряпушекъ, свойственныхъ сѣверному Антлантическому океану, и дохожу до трески, которую главнымъ образомъ я видѣлъ въ этихъ моряхъ, на мели Новой Земли.

Можно сказать что треска горная рыба, потому что Новая Земля подводная гора. Когда *Кораблик*ъ прокладывалъ себѣ

путь посреди ихъ тѣсно сомкнувшейся фаланги, Консель не могъ удержаться отъ слѣдующаго замѣчанія:

— Это треска! сказалъ онъ; — а я думалъ, что треска плоская какъ камбала?

— Какая наивность! вскричалъ я.—Плоская треска бываетъ только у бакалейныхъ торговцевъ, гдѣ ее приходится видѣть разрѣзанной и растянутой. Но въ водѣ это веретенообразныя рыбы, и превосходно приспособленныя для плаванія.

— Не смѣю не вѣрить ихъ милости, отвѣчалъ Консель. — Какое множество! какая ихъ пропасть!

— Э! мой другъ, ихъ было бы еще больше, еслибъ они не имѣли враговъ, рыбъ и людей! Знаешь ли ты по скольку яицъ насчитываютъ въ одной только самкѣ?

— Скажемъ самое большое, отвѣчалъ Консель. — Пятьсотъ тысячъ.

— Одиннадцать милліоновъ, мой другъ.

— Одиннадцать милліоновъ! Ну, я никогда не ловѣрю этому, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ пока самъ не сосчитаю.

— Сосчитай ихъ, Консель. Но ты потеряешь меньше времени если повѣришь мнѣ на слово. Сверхъ того, Французы, Англичане, Американцы, Датчане, Норвержцы, ловятъ треску тысячами. Ее потребляютъ въ громадномъ количествѣ, и безъ удивительной плодовитости этихъ рыбъ, онѣ скоро были бы истреблены во всѣхъ моряхъ. Такъ въ одной Англіи и Америкѣ, пять тысячъ кораблей, съ семьюдесятью пятью тысячами матросовъ, отправляются на ловлю трески. Каждый корабль привозитъ среднимъ числомъ сорокъ тысячъ штукъ, что составляетъ двадцать пять милліоновъ. На берегахъ Норвегіи ловля производится въ такихъ же размѣрахъ.

— Хорошо, отвѣчалъ Консель,—я соглашаюсь съ ихъ милостью. Я не стану считать ихъ.

— Что такое?

— Одиннадцать милліоновъ яицъ. Но я сдѣлаю одно замѣчаніе.

— Какое?

— То, что еслибы всѣ яйца вылуплялись, то четыре трески было бы достаточно чтобы снабдить этою рыбой Англію, Америку и Норвегію.

Въ то время когда мы скользили вдоль мели Новой Земли, я хорошо видѣлъ длинныя тонкія веревки, съ двумя стами

рыболовныхъ крючковъ, которыя привязываются дюжинами къ каждой лодкѣ. Каждая веревка, увлекаемая внизъ посредствомъ маленькаго дрека, держалась на поверхности на конскомъ волосѣ, прикрѣпленномъ къ пробочному бакану. *Кораблику* долженъ былъ маневрировать съ большою ловкостью посреди этой подводной сѣти.

Сверхъ того, онъ недолго оставался въ этихъ многолюдныхъ мѣстахъ. Онъ поднялся до сорокъ втораго градуса широты; до высоты Святаго Іоанна на Новой Землѣ и Heart's Content (Радость Сердца), гдѣ оканчивается канатъ транзатлантическаго телеграфа.

Вмѣсто того чтобы продолжать свой путь къ сѣверу, *Кораблику* направился къ востоку, какъ будто онъ хотѣлъ слѣдовать по этому плоскогорью на которомъ лежитъ телеграфный канатъ и котораго рельефъ изслѣдованъ съ необыкновенною точностью, благодаря многократному зондированью.

17го мая, въ пяти стахъ миляхъ отъ Heart's-Content, на глубинѣ двухъ тысячъ восьмисотъ метровъ, я увидалъ канатъ лежащій на днѣ. Консель, котораго я не предупредилъ, принялъ его сначала за гигантскую морскую змѣю, и по своему обыкновенію, приготовился ее классификовать. Но я вывелъ изъ заблужденія добраго малаго, и чтобъ утѣшить его послѣ промаха, разказалъ ему о разныхъ подробностяхъ устройства этого каната.

Первый канатъ былъ положенъ въ 1857 и 1858 годамъ; но передавъ около четырехсотъ телеграммъ, онъ пересталъ дѣйствовать. Въ 1863 году инженеры устроили новый канатъ, равнявшійся тремъ тысячамъ четыремстамъ километрамъ и вѣсившій четыре тысячи пятьсотъ тоннъ, которымъ нагрузили *Гретъ-Истернъ*. Но и эта попытка не удалась.

Но 25го мая, *Кораблику*, погрузившись на глубину трехъ тысячъ восьмисотъ тридцати шести метровъ, находился на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ произошелъ разрывъ помѣшавшій выполненію этого предпріятія. Это было въ шестистахъ тридцати восьми миляхъ отъ берега Ирландіи. Въ два часа пополудни, замѣтили что сообщеніе съ Европой прекратилось. Инженеры, бывшіе на кораблѣ, рѣшились обрѣзать поврежденную часть. Къ одиннадцати часамъ, операція была исполнена, канатъ былъ снова погруженъ въ воду. Но черезъ нѣсколько дней, онъ оборвался, и на этотъ разъ его уже не могли вытащить изъ водъ Океана.

Американцы не отчаивались. Отважный Cirus-Field, главный двигатель этого предпріятія, рисковавшій для него всѣмъ своимъ имуществомъ, устроилъ новую подписку. Она была тотчасъ же покрыта. Другой канатъ былъ устроенъ при лучшихъ условіяхъ. Пучекъ проводящихъ проволокъ, изолированныхъ слоемъ гуттаперчи, заключался въ канатѣ съ металлическою обкладкой. *Гретъ-Истернъ* вышелъ въ море 13го іюля 1866 года.

Предпріятіе шло хорошо. Однако же случилось препятствіе. Нѣсколько разъ развертывая канатъ, инженеры замѣчали что въ него недавно были воткнуты гвозди съ цѣлью испортить его внутреннюю часть. Капитанъ Андерсонъ, его офицеры и инженеры собрались для совѣщанія и велѣли объявить что если найдутъ виновнаго на кораблѣ, то выбросятъ его въ море безъ всякаго суда. Съ этихъ поръ преступная попытка не возобновлялась болѣе.

23го іюля *Гретъ-Истернъ* находился только въ восьмистахъ километрахъ отъ Новой Земли, когда ему телеграфировали изъ Ирландіи извѣстіе о перемиріи заключенномъ между Пруссіей и Австріей послѣ битвы при Садовой. 27го числа, посреди густаго тумана онъ увидѣлъ гавань Heart's-Content. Предпріятіе счастливо кончилось, и въ первой своей депешѣ молодая Америка обратилась къ старой Европѣ съ мудрыми, но рѣдко понимаемыми словами: „Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ людямъ".

Я не ожидалъ что найду электрическій канатъ въ его первоначальномъ видѣ, такимъ какимъ онъ вышелъ изъ мастерской. Длинная змѣя, усаженная остатками раковинъ, была покрыта корой изъ каменистыхъ отложеній, которая предохраняла ее отъ просверливающихъ моллюсковъ. Она тихо покоилась, защищенная отъ морскаго волненія, и подъ давленіемъ благопріятнымъ для передачи электрической искры, которая проходитъ отъ Америки до Европы въ тридцать двѣ сотыхъ секунды. Прочность этого каната несомнѣнна, такъ какъ по наблюденіямъ оказалось что гуттаперчевая обертка улучшается отъ пребыванія въ морской водѣ.

Сверхъ того, на этомъ такъ счастливо выбранномъ плоскогорьѣ, канатъ никогда не погружается такъ глубоко чтобъ оборваться. *Кораблик*ъ слѣдовалъ за нимъ до самой значительной его глубины, находящейся на четырехъ тысячахъ четыреста тридцати одномъ метрѣ, и тамъ онъ лежалъ не

испытывая никакого натяженія. Потомъ мы приблизись къ тому мѣсту гдѣ произошло несчастіе въ 1863 году.

Тутъ дно океана образовало широкую равнину во сто двадцать километровъ, на которой можно бы было помѣстить Монъ-Бланъ, и его вершина не выступила бы на поверхность волнъ. Эта равнина заперта съ восточной стороны отвѣсною стѣной въ двѣ тысячи метровъ. Мы прибыли туда 28го мая, и *Кораблик*ъ находился только въ ста пятидесяти километрахъ отъ Ирландіи.

Неужели капитанъ Немо думалъ опять подняться чтобы подойти къ берегамъ Британскихъ острововъ? Нѣтъ. Къ моему величайшему удивленію, онъ опять спустился къ югу и возвратился къ европейскимъ морямъ. Обходя Изумрудный островъ, я на одно мгновеніе видѣлъ мысъ Клеръ и огонь Фастепе, освѣщающій тысячи кораблей, выходящихъ изъ Глазго или Ливерпуля.

Тогда важный вопросъ возникъ въ моемъ умѣ. Осмѣлится ли *Кораблик*ъ взойти въ Британскій каналъ? Недъ-Ландъ, появившійся въ то время какъ мы подходили къ землѣ, нѣсколько разъ спрашивалъ меня объ этомъ. Что̀ ему отвѣчать? Капитанъ Немо не показывался. Показавъ Канаду берега Америки, не думаетъ ли онъ показать и мнѣ берега Франціи?

Между тѣмъ *Кораблик*ъ шелъ къ югу. 30го мая онъ прошелъ близъ крайней оконечности Англіи. Еслибъ онъ хотѣлъ войти въ Британскій каналъ, то ему слѣдовало идти прямо на востокъ. Но онъ этого не сдѣлалъ.

Въ продолженіе всего дня 31го мая *Кораблик*ъ описывалъ на морѣ рядъ круговъ что̀ меня сильно интересовало. Казалось онъ отыскивалъ мѣсто которое ему трудно было найти. Въ полдень капитанъ Немо пришелъ самъ опредѣлить мѣсто корабля. Онъ не сказалъ мнѣ ни слова. Онъ показался мнѣ мрачнѣе обыкновеннаго. Что̀ могло такъ его огорчить? Происходило ли это отъ близости европейскихъ береговъ? Не возвращались ли къ нему воспоминанія объ его покинутой родинѣ? Что̀ испытывалъ онъ въ это время? Раскаяніе или сожалѣніе? Долго эта мысль занимала меня, и у меня было какое-то предчувствіе что случай скоро откроетъ намъ тайну капитана.

На другой день, 31го мая, *Кораблик*ъ продолжалъ тѣ же самые маневры. Очевидно онъ искалъ опредѣленнаго пункта въ Океанѣ. Капитанъ Немо пришелъ также какъ и наканунѣ

опредѣлять высоту солнца. Море было прекрасно, небо чисто. Въ восьми миляхъ на востокъ, большой пароходъ обрисовывался на горизонтѣ. На немъ не было никакого флага, и я не могъ узнать какой націи онъ принадлежалъ.

За нѣсколько минутъ до того какъ солнце должно было пройти черезъ меридіанъ, капитанъ Немо взялъ свой секстантъ и наблюдалъ съ необыкновенною точностью. Совершенная тишина волнъ способствовала его наблюденію. Неподвижный *Кораблик*ъ не испытывалъ ни боковой, ни килевой качки.

Я былъ въ это время на платформѣ. Окончивъ наблюденіе, капитанъ Немо произнесъ только два слова:

— Это здѣсь!

Онъ опять сошелъ въ подъемную дверь. Увидалъ ли онъ корабль который измѣнялъ свой ходъ и, казалось, приближался къ намъ? Я не умѣю сказать этого.

Я возвратился въ залу. Подъемныя двери закрылись, и я слышалъ шумъ воды входящей въ резервуары. *Кораблик*ъ началъ погружаться по вертикальной линіи, потому что его остановившійся винтъ не сообщалъ ему никакого движенія.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ остановился на глубинѣ восьмисотъ тридцати трехъ метровъ и коснулся дна.

Тогда свѣтъ на потолкѣ залы погасъ, ставни открылись, и сквозь стекла я увидѣлъ море, ярко освѣщенное лучами маяка на полмили въ окружности.

Я посмотрѣлъ въ окно; съ лѣвой стороны судна ничего не было кромѣ безпредѣльныхъ и тихихъ водъ.

Съ правой же стороны судна виднѣлось на днѣ значительное возвышеніе, которое и привлекло мое вниманіе. Казалось что это развалины, погребенныя подъ слоемъ бѣловатыхъ раковинъ, какъ подъ снѣговою одеждой. Разсматривая внимательно эту массу, я сталъ отличать формы корабля, лишеннаго мачтъ, очевидно пошедшаго ко дну носомъ. Конечно, несчастіе это произошло давно. Этотъ корпусъ долженъ былъ пробыть много лѣтъ на днѣ Океана чтобы такъ обрасти известковыми отложеніями морскихъ водъ.

Что это былъ за корабль? Для чего *Кораблик*ъ посѣтилъ его могилу? Развѣ онъ пошелъ ко дну не вслѣдствіе кораблекрушенія?

Я не зналъ что подумать, когда услыхалъ капитана Немо, медленно говорившаго возлѣ меня:

— Прежде этотъ корабль назывался *Марсельцемъ*. Онъ имѣлъ семьдесятъ четыре пушки и былъ спущенъ въ 1762 году. Въ 1778 году, 13го августа, подъ начальствомъ Ла-Пойпъ-Вертріе, онъ смѣло боролся съ *Престономъ*. Въ 1779 году, 4го іюля, онъ вмѣстѣ съ эскадрой адмирала д'Этенъ участвовалъ при взятіи Гранады. Въ 1781, 5го сентября, онъ принималъ участіе въ сраженіи графа де-Грасо въ бухтѣ Чезапикъ. Въ 1794, французская республика перемѣнила его имя. 16го апрѣля того же года, онъ присоединился въ Брестѣ къ эскадрѣ Виляре-Жойезъ, которой было поручено конвоировать транспортъ съ хлѣбомъ, плывшій изъ Америки подъ начальствомъ адмирала Ванъ-Стабель. 11го и 12го преріала IIго года, эта эскадра встрѣтилась съ англійскими кораблями. Господинъ профессоръ, сегодня 13й прріалъ, 1е іюня 1868 года. Ровно семьдесятъ четыре года тому назадъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, подъ 47° 24′ широты и 17° 28′ долготы, этотъ корабль, послѣ геройскаго сраженія, потерявъ свои три мачты, съ каютами полными водой, потерявъ третью часть своего экипажа, лишенный возможности сражаться, онъ предпочелъ утопуть со своими тремястами пятидесятью шестью моряками, но не сдался, и прибивъ гвоздями свой флагъ къ кормѣ, онъ исчезъ подъ волнами съ крикомъ: „Да здравствуетъ республика!“

— *Мститель!* вскричалъ я.

— Да, господинъ профессоръ, *Мститель!* Прекрасное имя! прошепталъ капитанъ Немо, скрестивъ руки.

ГЛАВА XXI.

Гекатомба.

Эта рѣчь, неожиданность сцены, разказъ о патріотическомъ кораблѣ, начатый съ такимъ хладнокровіемъ, но послѣднія слова котораго этотъ странный человѣкъ произнесъ съ глубокимъ волненіемъ, имя *Мститель*, смыслъ котораго не могъ ускользнуть отъ меня, все вмѣстѣ глубоко потрясло мой умъ. Глаза мои не покидали болѣе капитана. Протянувъ къ морю руки, онъ смотрѣлъ пылающимъ взоромъ на эти славные останки. Можетъ-быть, я никогда не узнаю кто онъ, откуда и куда идетъ; но я видѣлъ какъ человѣкъ все болѣе и болѣе отдѣлялся отъ ученаго. Не простая мизантропія заключила капитана Немо и его товарищей въ стѣнахъ *Кораблика*, но

ненависть, чудовищная или возвышенная, которую время не могло ослабить.

Искала ли эта ненависть мщенія? Будущее должно было скоро показать мнѣ это.

Между тѣмъ *Кораблика* медленно поднимался на поверхность моря, и я видѣлъ какъ мало-по-малу исчезали неясныя очертанія *Мстителя*. Вскорѣ я узналъ, по легкой боковой качкѣ, что мы плывемъ по поверхности.

Въ эту минуту послышался глухой раскатъ. Я посмотрѣлъ на капитана. Капитанъ не двигался.

— Капитанъ? сказалъ я.

Онъ не отвѣчалъ.

Я оставилъ его и вышелъ на платформу. Консель и Канадецъ были уже тамъ.

— Что это за звукъ? спросилъ я.

Я увидалъ корабль и смотрѣлъ по его направленію. Онъ приблизился къ *Кораблику*, и видно было что онъ еще усиливаетъ пары. Шесть миль отдѣляли его отъ насъ.

— Пушечный выстрѣлъ, отвѣчалъ Недъ Ландъ.

— Какой это корабль, Недъ?

— Судя по его такелажу и по высотѣ нижнихъ мачтъ, отвѣчалъ Канадецъ,—я держу пари что это военный корабль. Пусть бы онъ шелъ на насъ и потопилъ этотъ проклятый *Кораблика!*

— Другъ Недъ, отвѣчалъ Консель, — что можетъ онъ сдѣлать *Кораблику?* Развѣ онъ можетъ напасть на него подъ волнами? Или стрѣлять по немъ въ глубинѣ моря?

— Скажите мнѣ, Недъ, спросилъ я,—можете ли вы узнать какой націи принадлежитъ этотъ корабль?

Канадецъ сдвинулъ брови, опустилъ рѣсницы, прищурилъ глаза и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ сосредоточивалъ на кораблѣ всю силу своего взгляда.

— Нѣтъ, господинъ профессоръ, отвѣчалъ онъ,—я не могу узнать какой націи онъ принадлежитъ. Его флагъ не поднятъ. Но я могу утверждать что это военный корабль, потому что длинный вымпелъ развертывается на верху его большой мачты.

Въ продолженіе четверти часа мы продолжали смотрѣть на корабль, который направлялся къ намъ. Однако же я не могъ допустить чтобъ онъ узналъ *Кораблика* на такомъ разстоя-

ніи, и еще менѣе чтобъ ему было извѣстно что это за подводная машина.

Вскорѣ Канадецъ сказалъ мнѣ что это большой броненосный фрегатъ, съ бивнемъ на носу и двумя палубами. Черный густой дымъ выходилъ изъ двухъ его трубъ, убранные паруса сливались съ реями. На гафелѣ не было никакого флага. Разстояніе мѣшало еще разглядѣть цвѣта его вымпела, который вился какъ тонкая лента.

Онъ быстро приближался. Если капитанъ Немо дастъ ему подойти ближе, то намъ можетъ представиться еще случай къ спасенію.

— Господинъ профессоръ, сказалъ мнѣ Недъ-Ландъ,—если этотъ корабль подойдетъ къ намъ на разстояніе одной мили, то я брошусь въ море, и совѣтую вамъ сдѣлать то же самое.

Я не отвѣчалъ на предложеніе Канадца и продолжалъ смотрѣть на корабль, который становился все больше и больше. Какой бы онъ ни былъ, англійскій, французскій, американскій или русскій, онъ во всякомъ случаѣ приметъ насъ, если намъ удастся до него добраться.

— Ихъ милость, я думаю, хорошо помнитъ, сказалъ тогда Консель,—что у насъ есть нѣкоторая опытность въ искусствѣ плаванія. Они могутъ положиться на меня, я уже буду вести ихъ милость на буксирѣ до самаго корабля, если имъ будетъ угодно слѣдовать за другомъ Недомъ.

Я хотѣлъ отвѣчать, какъ вдругъ бѣлый паръ показался на носу военнаго корабля. Потомъ, черезъ нѣсколько секундъ, вода, взволнованная паденіемъ тяжелаго тѣла, обдала корму *Кораблика*. Немного спустя внезапный раскатъ поразилъ мой слухъ.

— Какъ? они стрѣляютъ въ насъ! вскричалъ я.

— Молодцы! прошепталъ Канадецъ.

— Стало-быть они не принимаютъ насъ за потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, спасающихся на обломкахъ корабля!

— Съ позволенія ихъ милости.... Ба! сказалъ Консаль, стряхивая воду, которою вновь упавшее ядро обдало его.—Съ позволенія ихъ милости, они узнали парвала и стрѣляютъ по немъ.

— Но вѣдь они должны видѣть, вскричалъ я,—что имѣютъ дѣло съ людьми.

— Можетъ-быть поэтому-то они и стрѣляютъ, отвѣчалъ Недъ-Ландъ, посмотрѣвъ на меня.

Внезапное откровеніе озарило мой умъ. Безъ сомнѣнія, мнимое чудовище теперь уже не было загадкой. Безъ сомнѣнія, при абордажѣ *Авраама Линкольна*, когда Канадецъ ударилъ своей острогой о *Кораблик*ъ, капитанъ Фаррагутъ узналъ что нарвалъ подводная лодка, которая гораздо опаснѣе сверхъестественнаго кита?

Да, конечно, это было такъ, и безъ сомнѣнія, теперь во всѣхъ моряхъ преслѣдовали эту ужасную, разрушительную машину.

Дѣйствительно ужасную, если, какъ можно было предположить, *Кораблик*ъ служилъ капитану Немо орудіемъ мщенія! Въ ту ночь, когда въ Индѣйскомъ океанѣ онъ насъ заперъ въ каюту, не нападалъ ли онъ также на какой-нибудь корабль? Не былъ ли тотъ человѣкъ который теперь погребенъ на коралловомъ кладбищѣ, жертвой столкновенія, вызваннаго *Кораблик*омъ? Да, это непремѣнно было такъ. Одна сторона таинственнаго существованія капитана Немо разоблачилась. И если его еще не узнали вполнѣ, то тѣмъ не менѣе соединившіяся націи преслѣдовали теперь не фантастическое существо, но человѣка который питаетъ къ нимъ непримиримую ненависть!

Все это грозное прошедшее предстало предъ моими глазами. Вмѣсто друзей, мы должны были встрѣтить на приближавшемся кораблѣ безжалостныхъ враговъ.

Между тѣмъ пушечныя ядра падали чаще и чаще вокругъ насъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, встрѣчая жидкую поверхность, отскакивали рикашетомъ въ сторону и терялись на значительномъ разстояніи. Но ни одно изъ нихъ не достигало до *Кораблика*.

Броненосный корабль находился только на разстояніи трехъ миль. Несмотря на сильную канонаду, капитанъ Немо не показывался на платформѣ. Между тѣмъ, еслибы хотя одно изъ этихъ коническихъ ядеръ ударилось перпендикулярно въ корпусъ *Кораблика*, оно могло бы причинить ему большой вредъ. Канадецъ сказалъ мнѣ тогда:

— Господинъ профессоръ, мы должны на все отважиться чтобы выйти изъ этого гадкаго положенія. Подадимъ сигналъ! Тысячу чертей! Можетъ быть, они и поймутъ что мы честные люди!

Недъ-Лендъ взялъ свой носовой платокъ чтобы помахать имъ въ воздухѣ. Но лишь только Недъ развернулъ платокъ,

какъ желѣзная рука схватила его, и несмотря на свою удивительную силу, онъ упалъ на палубу.

— Бездѣльникъ! вскричалъ капитанъ, — развѣ ты хочешь чтобъ я пронзилъ тебя бивнемъ *Кораблика*, прежде чѣмъ онъ устремится на этотъ фрегатъ!

Страшно было слушать капитана Немо, но еще страшнѣе смотрѣть на него. Лицо его поблѣднѣло отъ спазмы сердца, прекратившаго на мгновеніе свои біенія. Зрачки его страшно сжались. Онъ уже не говорилъ, а рычалъ. Наклонившись впередъ, всѣмъ тѣломъ, онъ сжималъ рукой плечо Канадца.

Потомъ, оставивъ его, онъ обернулся къ военному кораблю, ядра котораго сыпались вокругъ него.

— А! ты знаешь кто я, корабль проклятой власти! вскричалъ онъ своимъ могучимъ голосомъ. — Мнѣ не нужны твои цвѣта чтобъ узнать тебя! Смотри! Я покажу тебѣ свои!

И капитанъ Немо развернулъ на бакѣ платформы черный флагъ, такой же какъ тотъ который онъ водрузилъ на южномъ полюсѣ.

Въ эту минуту, ядро ударилось вкось о корпусъ *Кораблика*, но не повредило ему и, проскользнувъ рикошетомъ около капитана, упало въ море.

Капитанъ Немо пожалъ плечами. Потомъ обернулся ко мнѣ.

— Уходите, сказалъ онъ мнѣ отрывистымъ тономъ,—уходите вы и ваши товарищи.

— Капитанъ, вскричалъ я, — развѣ вы хотите напасть на этотъ корабль?

— Я его потоплю.

— Вы не сдѣлаете этого!

— Я это сдѣлаю, холодно отвѣчалъ капитанъ Немо. — Не судите меня. Судьба показываетъ вамъ то чего вы бы не должны были видѣть. На меня нападаютъ. Отпоръ будетъ ужасенъ. Ступайте.

— Какой это корабль?

— Вы не знаете? Ну, тѣмъ лучше! По крайней мѣрѣ его національность останется для васъ тайной. Ступайте.

Мы съ Канадцемъ и Конселемъ немогли ослушаться. Человѣкъ пятнадцать матросовъ *Кораблика*, окружали капитана и смотрѣли на приближавшійся корабль съ неумолимымъ чувствомъ ненависти. Ясно было что тотъ же духъ мести воодушевлялъ всѣ эти сердца.

Я сошелъ въ ту минуту когда новая бомба ударилась о корпусъ *Кораблика*, и слышалъ какъ капитанъ закричалъ:

— Стрѣляй, безумный корабль! Расточай свои безполезныя ядра! Ты не избѣгнешь бивня *Кораблика*. Но не на этомъ мѣстѣ долженъ ты погибнуть! Я не хочу чтобы твои развалины смѣшались съ славными развалинами *Мстителя!*

Я ушелъ въ свою комнату. Капитанъ и его подшкиперъ остались на платформѣ. Винтъ былъ приведенъ въ движеніе. *Кораблик*ъ, быстро удаляясь, находился внѣ опасности отъ ядеръ корабля. Но преслѣдованіе продолжалось, и капитанъ Немо довольствовался тѣмъ что держался на извѣстномъ разстояніи.

Въ четыре часа вечера, не въ силахъ болѣе сдерживать пожиравшія меня нетерпѣніе и безпокойство, я подошелъ къ центральной лѣстницѣ. Подъемная дверь была открыта. Я отважился выйти на платформу. Капитанъ еще ходилъ по ней неровными шагами. Онъ смотрѣлъ на корабль, который находился въ пяти или шести миляхъ подъ вѣтромъ. Онъ вертѣлся около него какъ звѣрь преслѣдуемый охотникомъ и, позволяя себя преслѣдовать, увлекалъ его къ востоку. Однако нападеніе не начиналось. Можетъ-быть, онъ еще колебался.

Я хотѣлъ вступиться въ послѣдній разъ. Но едва я обратился къ капитану Немо, какъ онъ заставилъ меня замолчать:

— Я справедливость, я судъ! сказалъ онъ мнѣ. — Я угнетенный, а вотъ притѣснитель! Чрезъ него все что я любилъ, что боготворилъ и уважалъ: отечество, жена, дѣти, отецъ и мать, все погибло! Все что я ненавижу находится тамъ! Замолчите же!

Я бросилъ послѣдній взглядъ на военный корабль, который усиливалъ пары. Потомъ я присоединился къ Неду и Конселю.

— Мы убѣжимъ! вскричалъ я.

— Хорошо, сказалъ Недъ. — Какой это корабль?

— Я не знаю, но какой бы онъ ни былъ, его потопятъ еще до ночи. Во всякомъ случаѣ, лучше погибнуть вмѣстѣ съ нимъ, чѣмъ быть соучастниками мщенія, въ справедливости котораго нѣтъ возможности убѣдиться.

— Это и мое мнѣніе, холодно отвѣчалъ Недъ-Ландъ. — Подождемъ ночи.

Наступила ночь. Глубокое безмолвіе царствовало на кораблѣ. Компасъ показывалъ что *Кораблик*ъ не измѣнилъ своего направленія. Я слышалъ удары винта, разсѣкавшаго волны съ

равномѣрною скоростью. *Кораблик*ъ держался на поверхности воды, и легкая боковая качка наклоняла его то на одну сторону, то на другую.

Я и мои товарищи рѣшились бѣжать въ то время, когда корабль настолько приблизится къ намъ что будетъ въ состояніи или услышать насъ, или увидѣть, потому что луна свѣтила ярко, такъ какъ черезъ три дня должно было наступить полнолуніе. Достигнувъ корабля, мы, еслибы намъ и не удалось отвратить угрожавшей ему опасности, по крайней мѣрѣ сдѣлали бы все что̀ обстоятельства позволили бы намъ предпринять. Нѣсколько разъ я думалъ что *Кораблик*ъ готовился къ нападенію. Но онъ только допускалъ своего противника приблизиться, и немного времени спустя, опять шелъ своимъ быстрымъ ходомъ.

Часть ночи прошла безъ приключеній. Мы выжидали удобнаго случая дѣйствовать. Мы говорили мало, потому что были очень взволнованы. Недъ-Ландъ хотѣлъ броситься въ море. Я просилъ его подождать. По моему мнѣнію, *Кораблик*ъ долженъ былъ нападать на фрегатъ на поверхности волнъ, и тогда было бы не только возможно, но даже легко убѣжать.

Въ три часа утра, я вышелъ на платформу, сильно встревоженный. Капитанъ Немо не покидалъ ея. Онъ стоялъ на носу корабля, около своего флага, который развѣвался надъ его головой отъ легкаго вѣтерка. Онъ не спускалъ глазъ съ корабля. Его чрезвычайно напряженный взглядъ, казалось, притягивалъ, околдовывалъ, увлекалъ его гораздо сильнѣе, чѣмъ еслибъ онъ тащилъ его за собой на буксирѣ!

Въ это время луна проходила черезъ меридіанъ. Юпитеръ поднимался на востокѣ. Посреди общей тишины природы, небо и Океанъ соперничали между собой въ спокойствіи, а море представляло ночному свѣтилу самое прекрасное зеркало, которое когда-либо отражало его изображеніе.

И когда я думалъ объ этомъ глубокомъ спокойствіи стихій, и сравнивалъ его съ гнѣвомъ кипѣвшимъ въ стѣнахъ ненавистнаго *Кораблика*, я чувствовалъ какъ дрожь пробѣгала по всему моему тѣлу.

Корабль держался въ двухъ миляхъ разстоянія отъ насъ. Онъ все приближался, плывя по направленію къ фосфорическому блеску, обозначавшему мѣстонахожденія *Кораблика*. Я видѣлъ его позиціонные огни, зеленый и красный, и бѣлый фонарь висѣвшій на его большомъ фокъ-штагѣ. Легкое отра-

женіе лучей освѣщало его оснастку и показывало что паръ разведенъ во всей силѣ.

Снопы искръ, куски пылавшаго угля, вылетая изъ его трубъ, разсыпались въ атмосферѣ какъ звѣзды. Я оставался тутъ до шести часовъ утра, и капитанъ Немо, повидиму, не замѣчалъ меня. Корабль находился на разстояніи полуторы мили отъ насъ, и съ наступленіемъ дня, онъ опять началъ свою канонаду. Не далека была та минута когда *Кораблика* нападетъ на своего противника, и тогда я и мои товарищи навсегда покинемъ этого человѣка, котораго я не смѣлъ судить.

Я хотѣлъ сойти чтобы предупредить ихъ, когда подшкиперъ вошелъ на платформу. Нѣсколько моряковъ сопровождали его. Капитанъ Немо не видѣлъ ихъ, или не хотѣлъ видѣть. Были сдѣланы нѣкоторыя приготовленія, которыя можно было назвать приготовленіями *Кораблика* къ бою. Они были очень просты. Перила платформы были опущены. Точно также помѣщенія маяка и рулеваго опустились въ корпусъ, не выдаваясь болѣе надъ нимъ. Поверхность длинной сигары изъ листоваго желѣза не представляла болѣе ни одной выпуклости, которая могла бы стѣснять ея маневры.

Я возвратился въ залу. *Кораблик*ъ все оставался на поверхности. Лучи утренняго свѣта проникали чрезъ жидкій слой. При легкомъ колебаніи волнъ, стекла освѣщались краснымъ свѣтомъ восходящаго солнца. Наступалъ ужасный день 2го іюня.

Въ пять часовъ, лагъ показалъ мнѣ что быстрота *Кораблика* убавилась. Я понялъ что онъ допускаетъ фрегатъ подойти ближе. Къ тому же пушечные выстрѣлы становились гораздо слышнѣе. Ядра взрывали окружающую воду и пронизывали ее со страннымъ свистомъ.

— Друзья мои, сказалъ я, — минута наступила. Пожмемъ другъ другу руки, и да сохранитъ насъ Богъ!

Недъ-Ландъ былъ смѣлъ, Консель покоенъ, я находился въ сильномъ раздраженіи и едва могъ владѣть собой.

Мы прошли въ библіотеку. Въ ту минуту когда я отворилъ дверь которая вела къ центральной лѣстницѣ, я услыхалъ что верхняя подъемная дверь быстро захлопнулась.

Канадецъ бросился на ступеньки; но я остановилъ его. Хорошо знакомый шумъ далъ мнѣ понять что вода проникаетъ въ резервуары корабля. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько

минутъ, *Кораблекъ* погрузился на нѣсколько метровъ ниже поверхности волнъ.

Я понялъ его маневръ. Было слишкомъ поздно дѣйствовать. *Кораблекъ* не думалъ нападать на фрегатъ сверху, гдѣ онъ защищенъ непроницаемыми латами, но хотѣлъ поразить его ниже ватерлиніи, тамъ гдѣ металлическая броня не защищаетъ обшивку.

Мы были снова заключены, и дѣлались невольными свидѣтелями готовившейся несчастной драмы. Сверхъ того, мы почти не имѣли времени разсуждать. Скрывшись въ моей комнатѣ, мы смотрѣли другъ на друга не говоря ни слова. Глубокое оцѣпенѣніе овладѣло моимъ умомъ. Мысли замерли. Я находился въ томъ тяжёломъ состояніи которое предшествуетъ ожиданію ужаснаго взрыва. Я ждалъ, слушалъ, я весь превратился въ слухъ.

Между тѣмъ быстрота *Кораблика* значительно увеличилась. Это онъ хотѣлъ разойтись чтобы придать больше силы своему натиску. Весь его корпусъ содрогался.

Вдругъ я вскрикнулъ. Произошло столкновеніе, но относительно легкое. Я чувствовалъ съ какою силой проникалъ стальной бивень. Я слышалъ скрипъ и трескъ. Но *Кораблекъ*, увлекаемый силой своего движенія, проходилъ сквозь массу корабля, какъ игла парусника сквозь холстъ!

Я не могъ болѣе тутъ оставаться. Обезумѣвши, внѣ себя, я бросился вонъ изъ комнаты и вбѣжалъ въ залу.

Капитанъ Немо былъ тамъ. Безмолвный, мрачный, неумолимый, онъ смотрѣлъ въ открытыя ставни бакборда.

Огромная масса тонула подъ водой, и чтобы ничего не потерять изъ ея агоніи, *Кораблекъ* опускался въ бездну вмѣстѣ съ ней. Въ десяти метрахъ отъ меня, я видѣлъ этотъ расколотый корпусъ, куда вода устремлялась съ грознымъ ропотомъ, потомъ двойной рядъ пушекъ и сѣти по бортамъ судна. Палуба была покрыта черными, двигавшимися тѣнями.

Вода прибывала. Несчастные бросались на вахты, цѣплялись за мачты, ломали руки подъ водой. Это былъ людской муравейникъ, застигнутый морскимъ приливомъ!

Въ оцѣпенѣніи, пораженный ужасомъ, съ поднявшимися волосами, съ широко раскрытыми глазами, безъ дыханія, безъ голоса, я также смотрѣлъ! Непреодолимая сила приковывала меня къ окну.

Огромный корабль медленно погружался. *Кораблекъ*, слѣдуя

за нимъ, слѣдилъ за всѣми его движеніями. Вдругъ произошелъ взрывъ. Сжатый воздухъ разорвалъ палубу корабля, какъ будто въ каютахъ былъ пожаръ. Давленіе водъ было таково что *Кораблика* отнесло.

Тогда несчастный корабль сталъ погружаться быстрѣе. Показались его марсы, покрытые жертвами, его румпель, сгибавшійся подъ тяжестью людей, наконецъ верхушка его большой мачты. Потомъ темная масса исчезла, а съ ней и экипажъ мертвецовъ, увлекаемый ужаснымъ водоворотомъ....

Я обернулся къ капитану Немо. Этотъ страшный судья, настоящій архангелъ мести, все еще смотрѣлъ. Когда все было кончено, капитанъ Немо направился къ двери своей комнаты, отворилъ ее и вошелъ. Я слѣдилъ за нимъ глазами.

На задней стѣнѣ, подъ портретами его героевъ, я увидѣлъ портретъ еще молодой женщины и двоихъ маленькихъ дѣтей. Капитанъ Немо смотрѣлъ на нихъ нѣсколько минутъ, потомъ протянулъ къ нимъ руки, и опустившись на колѣни, зарыдалъ.

ГЛАВА XXII.

Послѣднія слова капитана Немо.

Послѣ этого страшнаго зрѣлища, ставни закрылись, но зала не освѣтилась. Внутри *Кораблика* царствовали мракъ и безмолвіе. Онъ съ страшною быстротой покидалъ мѣсто отчаянія, лежавшее въ ста футахъ подъ водой. Куда онъ шелъ? На сѣверъ или на югъ? Куда бѣжалъ этотъ человѣкъ послѣ такого ужаснаго мщенія?

Я ушелъ въ свою комнату, гдѣ Недъ и Консель сидѣли молча. Я чувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ капитану Немо. Сколько бы люди ни причиняли ему страданій, онъ все-таки не имѣлъ права наказывать ихъ такимъ образомъ. Онъ сдѣлалъ меня если не соучастникомъ, то по крайней мѣрѣ свидѣтелемъ своей мести! Это было уже слишкомъ.

Въ одиннадцать часовъ электрическій свѣтъ опять показался. Я прошелъ въ залу. Она была пуста. Я посмотрѣлъ на разные инструменты: *Кораблика* шелъ къ сѣверу, со скоростью двадцати пяти миль въ часъ, то на поверхности моря, то на тридцать футовъ ниже ея.

Опредѣливъ мѣсто на картѣ, я увидалъ что мы проходимъ вблизи входа въ Британскій каналъ и направляемся къ сѣвер-

нымъ морямъ съ изумительною быстротой. Я едва могъ разглядѣть, при быстротѣ плаванія, акулъ съ длинными носами, акулъ-молотковъ; морскихъ собакъ, посѣщающихъ эти моря; множество коньковъ, похожихъ на копей въ шахматной игрѣ; угрей носившихся точно швермеры въ фейерверкѣ; цѣлыя массы крабовъ которые плыли вкось, скрещивая свои клешни на верхней части черепа; наконецъ морскихъ свинокъ, которыя соперничали своею быстротой съ *Кораблико́мъ*. Но въ ту пору нельзя было и думать о томъ чтобъ изучать и классифировать.

Къ вчеру мы прошли двѣсти миль въ Атлантическомъ океанѣ. Стемнѣло, и море покрылось мракомъ до восхода луны.

Я ушелъ въ свою комнату. Я не могъ спать. Меня давилъ кошмаръ. Ужасная сцена разрушенія повторялась въ моемъ умѣ.

Кто могъ сказать какъ далеко увлекъ насъ *Кораблико́ъ*, съ этого дня, въ бассейнѣ сѣвернаго Атлантическаго океана, посреди сѣверныхъ тумановъ, плывя все съ тою же невѣроятною быстротой! Приближался ли онъ къ оконечностямъ Шпицбергена, и къ крутымъ берегамъ Новой-Земли? Проходилъ ли онъ по мало-извѣстнымъ морямъ, Бѣлому, Карскому, Обской губѣ, архипелагу Лярова, и близъ незнакомыхъ сѣверныхъ береговъ Азіи? Я не знаю. Я не могъ болѣе вычислять проходившее время. Часы на кораблѣ стояли. Казалось что ночь и день, какъ въ полярныхъ странахъ, не шли болѣе своимъ обычнымъ чередомъ. Я чувствовалъ что какъ будто увлеченъ въ ту область чудеснаго, гдѣ такъ свободно дѣйствуетъ сильно возбужденное воображеніе Эдгара Поэ. Каждую минуту я ждалъ что, подобно баснословному Гордому Пиму, увижу „одѣтую покрываломъ человѣческую фигуру, размѣрами своими значительно превышающую всѣхъ обитателей земли, лежащую поперегъ водопада, загораждающаго доступъ къ полюсу!“

Я думаю, — можетъ-быть и ошибаюсь, — что это смѣлое плаваніе *Кораблика* продолжалось пятнадцать или двадцать дней, и не знаю сколько бы времени оно еще продлилось, еслибы не случилась катастрофа, прекратившая это путешествіе. О капитанѣ Немо не было и рѣчи. Объ его подшкиперѣ также. Никто изъ экипажа не показывался ни на одну минуту. *Кораблико́ъ* почти постоянно плавалъ подъ водой. Когда онъ поднимался на поверхность для возобновленія запаса воздуха, подъемныя двери машинально отворялись

и закрывались. Мѣсто судна не отмѣчалось болѣе на картѣ. Я не зналъ гдѣ мы находились.

Скажу также что Канадецъ, истощивъ почти всѣ силы и все терпѣніе, не показывался болѣе. Консель не могъ добиться отъ него ни одного слова и боялся чтобы въ припадкѣ бѣшенства и подъ вліяніемъ страшной тоски по родинѣ онъ не лишилъ себя жизни. Онъ слѣдилъ за нимъ каждую минуту.

Понятно что при подобныхъ условіяхъ жить было невыносимо.

Однажды утромъ, не знаю котораго числа, я забылся на разсвѣтѣ тяжелымъ и болѣзненнымъ сномъ. Когда я проснулся, то увидалъ что Недъ-Ландъ стоитъ наклонившись надо мной, и говоритъ мнѣ тихимъ голосомъ:

— Мы бѣжимъ!

Я выпрямился.

— Когда мы бѣжимъ? спросилъ я.

— Въ слѣдующую ночь. Теперь кажется нѣтъ никакого надзора. Можно сказать что кораблемъ овладѣло оцѣпенѣніе. Будете ли вы готовы, господинъ профессоръ?

— Да. Гдѣ мы теперь?

— Въ виду земли, которую я увидалъ сегодня утромъ, посреди густаго тумана, въ двадцати миляхъ на востокъ.

— Какая это земля?

— Не знаю, но какая бы она ни была, мы найдемъ тамъ убѣжище.

— Да! Недъ. Да, мы бѣжимъ въ эту ночь, хотя бы море и поглотило насъ!

— Море бурно, вѣтеръ силенъ, но я не боюсь проплыть двадцать миль въ такомъ легкомъ гребномъ суднѣ какъ шлюпка *Кораблика*. Я успѣлъ перенести туда, безъ вѣдома экипажа, немного провизіи и нѣсколько бутылокъ воды.

— Я слѣдую за вами.

— Сверхъ того, если меня поймаютъ, я стану защищаться и драться на смерть.

— Мы умремъ вмѣстѣ, другъ Недъ.

Я рѣшился на все. Канадецъ оставилъ меня. Я вышелъ на платформу, гдѣ я едва держался на ногахъ отъ ударовъ волнъ. Небо было грозное; но такъ какъ за этимъ густымъ туманомъ лежала земля, то слѣдовало бѣжать. Мы не должны были терять ни одного дня, ни одного часа.

Я возвратился въ залу, опасаясь и въ то же время желая

увидать еще разъ капитана Немо. Что бы я сказалъ ему? Въ состояніи ли я былъ скрыть невольный ужасъ, который онъ мнѣ внушалъ? Нѣтъ! лучше было не встрѣчаться съ нимъ лицомъ къ лицу! Лучше было забыть его! И однако!...

Какъ дологъ былъ этотъ день, послѣдній проведенный мной на бортѣ *Кораблика*! Я оставался одинъ. Недъ-Лендъ и Консель избѣгали говорить со мной, чтобы не измѣнить себѣ.

Въ шесть часовъ я обѣдалъ, но я не былъ голоденъ. Я старался ѣсть, несмотря на отвращеніе, изъ боязни ослабѣть. Въ половинѣ седьмаго, Недъ-Лендъ вошелъ въ комнату. Онъ сказалъ мнѣ:

— Мы не увидимся болѣе до отъѣзда. Въ десять часовъ луна еще не взойдетъ. Мы воспользуемся темнотой. Приходите въ лодку. Мы съ Конселемъ будемъ тамъ васъ дожидаться.

Потомъ Канадецъ вышелъ, не давъ мнѣ времени отвѣчать ему. Я захотѣлъ узнать направленіе *Кораблика*. Я вышелъ въ залу. Мы шли къ сѣверо-сѣверо-востоку съ ужасающею быстротой, на глубинѣ пятидесяти метровъ.

Я бросилъ послѣдній взглядъ на всѣ чудеса природы, на сокровища искусства собранныя въ этомъ музеѣ, на эти неподражаемыя коллекціи, которымъ суждено было когда-нибудь погибнуть въ морскихъ глубинахъ вмѣстѣ съ тѣмъ кто ихъ собралъ. Я хотѣлъ запечатлѣть въ своемъ умѣ послѣднія воспоминанія. Я оставался тутъ цѣлый часъ, обливаемый потокомъ свѣта льющагося съ потолка, и пересматривалъ сокровища, блиставшія подъ стеклами. Потомъ я возвратился въ свою комнату.

Тамъ я надѣлъ свою прочную морскую одежду. Я собралъ свои замѣтки, и тщательно спряталъ ихъ подъ платье. Сердце мое сильно билось. Я не могъ сдерживать его біенія. Конечно, мое смущеніе и волненіе выдали бы меня, еслибъ я встрѣтился съ капитаномъ Немо.

Что дѣлалъ онъ въ эту минуту? Я послушалъ у дверей его комнаты. Я слышалъ шумъ шаговъ. Капитанъ Немо былъ тамъ. Онъ еще не ложился. Каждую минуту мнѣ казалось что онъ явится предо мной и спроситъ зачѣмъ я хочу бѣжать? Я безпрестанно лукавилъ. Мое воображеніе еще усиливало этотъ страхъ. Наконецъ ощущеніе это сдѣлалось до того мучительно что я спрашивалъ себя не лучше ли войти въ комнату капи-

тана, встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу, вызвать его на объясненіе.

Это была безумная мысль. Къ счастью, я удержался, и легъ на кровать, чтобъ укротить свое волненіе. Нервы мои немного успокоились, но въ моемъ возбужденномъ мозгу быстро проходили воспоминанія всей моей жизни на бортѣ *Кораблика*, всѣ счастливыя и несчастныя событія происходившія со времени моего исчезновенія съ *Авраама Линкольна*: подводная охота, Торресовъ проливъ, дикари Папуазіи, остановка на мели, коралловое кладбище, Суэзскій проходъ, островъ Санторинъ, Критскій водолазъ, заливъ Виго, Атлантида, сплошной ледъ, южный полюсъ, заключеніе во льдахъ, сраженіе съ осьминогами, буря Гольфъ-Стрима, *Мститель*, и ужасная сцена потопленнаго со всѣмъ экипажемъ корабля!... Всѣ эти происшествія проносились предъ моими глазами, какъ картины открывающіяся на заднемъ планѣ сцены. Капитанъ Немо страшно выросталъ въ этой странной средѣ. Его образъ выяснялся и принималъ сверхъестественные размѣры. Это уже не былъ мнѣ подобный, это былъ обитатель водъ, геній Океана.

Была половина десятаго. Я сжималъ голову обѣими руками, чтобъ она не лопнула. Я закрылъ глаза. Я не хотѣлъ болѣе думать. Еще полчаса ожиданія! Полчаса кошмара, который могъ довести меня до сумашествія!

Въ эту минуту, я услыхалъ неясные звуки органа, грустную гармонію пѣсни, какъ бы жалобы души, которая хочетъ разбить свои земныя оковы. Я слушалъ всѣмъ своимъ существомъ, едва дыша, погружаясь, какъ и самъ капитанъ Немо, въ музыкальный восторгъ, увлекавшій его за предѣлы міра. Потомъ, внезапная мысль поразила меня. Капитанъ Немо вышелъ изъ своей комнаты. Онъ былъ въ залѣ, по которой мнѣ нужно было проходить, чтобы бѣжать. Тѣмъ я его встрѣчу въ послѣдній разъ. Можетъ-быть, онъ меня увидитъ, будетъ говорить со мной! Одинъ его жестъ можетъ уничтожить меня, одно его слово можетъ приковать меня къ его кораблю!

Однако было уже десять часовъ. Наступила минута когда я долженъ былъ оставить комнату и присоединиться къ товарищамъ.

Нельзя было колебаться, хотя бы капитанъ Немо предсталъ предо мной. Я осторожно отворилъ дверь, а между тѣмъ, мнѣ казалось что, повернувшись на своихъ петляхъ,

она страшно застучала. Можетъ-быть, этотъ шумъ происходилъ только въ моемъ воображеніи!

Я подвигался ползкомъ въ узкихъ и темныхъ проходахъ *Кораблика*, останавливаясь на каждомъ шагу чтобы сдерживать біеніе своего сердца. Я подошелъ къ угловой двери залы. Я тихо отворилъ ее. Въ залѣ царствовала глубокая темнота. Тихо звучали акорды органа. Капитанъ Немо былъ тамъ. Онъ меня не видалъ. Я думаю что даже при дневномъ свѣтѣ онъ не замѣтилъ бы меня, такъ всецѣло отдавался онъ своему восторгу.

Я подкрадывался ползкомъ ло ковру, избѣгая малѣйшаго шума, который выдалъ бы мое присутствіе. Мнѣ нужно было пять минутъ чтобъ достигнуть задней двери, выходившей въ библіотеку.

Я хотѣлъ отворить ее, когда вздохъ капитана Немо приковалъ меня къ мѣсту. Я понялъ что онъ встаетъ. Я даже видѣлъ его мелькомъ, потому что нѣсколько лучей изъ освѣщенной библіотеки проникало въ залу. Онъ шелъ ко мнѣ со скрещенными руками, молча; онъ скорѣе скользилъ какъ привидѣніе. Его стѣсненная грудь вздымалась отъ рыданій. И я слышалъ какъ онъ прошепталъ эти слова,—послѣднія которыя мнѣ довелось слышать:

— Всемогущій Боже! довольно! довольно!

Были ли эти слова слѣдствіемъ угрызенія совѣсти, вырывавшимися такимъ образомъ изъ души этого человѣка?...

Внѣ себя, я бросился въ библіотеку. Я вышелъ на центральную лѣстницу и, слѣдуя по верхнему узкому проходу, достигъ лодки. Я прошелъ тѣмъ отверстіемъ которое уже послужило выходомъ моимъ обоимъ товарищамъ.

— Бѣжимъ! бѣжимъ! вскричалъ я.

— Сейчасъ! отвѣчалъ Канадецъ.

Отверстіе сдѣланное въ листовомъ желѣзѣ *Кораблика*, было закрыто и заперто болтомъ, посредствомъ англійскаго ключа, которымъ запасся Недъ-Ландъ. Отверстіе лодки также закрылось, и Канадецъ началъ отвинчивать гайки, которыя насъ удерживали на поверхности подводнаго судна.

Вдругъ внутри корабля послышался шумъ. Голоса съ живостью переговаривались. Что случилось? Не замѣтили ли нашего бѣгства? Я почувствовалъ какъ Недъ-Ландъ всунулъ мнѣ въ руку кинжалъ.

— Да! прошепталъ я,—мы сумѣемъ умереть!

Канадецъ прервалъ свою работу. Но одно слово, повторенное двадцать разъ,—ужасное слово, объяснило мнѣ причину волненія, распространившагося на бортѣ *Кораблика*. Тревога его экипажа относилась не къ намъ!

— Мальштромъ! Мальштромъ! кричали они.

Мальштромъ! Могло ли болѣе ужасное слово раздаться въ нашихъ ушахъ, при болѣе ужасномъ положеніи? Неужели мы находились въ этихъ опасныхъ мѣстахъ, близь Норвежскаго берега? Неужели *Кораблика* былъ увлеченъ въ эту пучину въ ту минуту когда наша лодка готовилась отдѣлиться отъ него?

Извѣстно что во время прилива, воды стѣсненныя между островами Фэроерскими и Лоффоденскими извергаются съ непреодолимою силой. Онѣ образуютъ водоворотъ, изъ котораго еще никогда не выходилъ ни одинъ корабль. Со всѣхъ сторонъ горизонта устремляются сюда чудовищные валы. Они образуютъ пучину, центростремительная сила которой простирается на разстояніи пятнадцати километровъ. Здѣсь водоворотъ поглощаетъ не только корабли, но даже китовъ, и бѣлыхъ медвѣдей арктическихъ странъ.

Сюда-то *Кораблика*, случайно, или можетъ-быть и умышленно, былъ вовлеченъ своимъ капитаномъ; онъ описывалъ спиральную линію, радіусъ которой все болѣе и болѣе уменьшался. Лодка, еще привязанная къ его боку, уносилась вмѣстѣ съ нимъ съ ужасною быстротой. Я это чувствовалъ. Я испытывалъ болѣзненное головокруженіе, обыкновенно слѣдующее за очень продолжительнымъ вращательнымъ движеніемъ. Мы были въ страхѣ, въ ужасѣ, достигшемъ послѣднихъ предѣловъ; кровообращеніе остановилось, первная дѣятельность прекратилась, холодный потъ обдавалъ васъ, какъ будто потъ послѣдней агоніи! И какой шумъ вокругъ нашей хрупкой лодки! Какой ревъ повторяемый эхомъ на разстояніи нѣсколькихъ миль! Какой грохотъ отъ этихъ водъ, дробящихся объ острыя скалы на днѣ, тамъ гдѣ самыя твердыя тѣла разбиваются, гдѣ стволы деревьевъ обращаются въ щепы.

Какое положеніе! Насъ бросало изъ стороны въ сторону. *Кораблика* защищался какъ человѣческое существо. Его стальные мускулы трещали. Иногда онъ выпрямлялся, а вмѣстѣ съ нимъ и мы!

— Надо держаться крѣпче, сказалъ Недъ,—и снова завинтить гайки! Оставаясь привинченными къ *Кораблику*, мы еще можемъ спастись!...

Не успѣлъ онъ еще окончить фразу, какъ раздался трескъ. Гайки оборвались и лодка, выдвинутая изъ своего углубленія, была выброшена какъ камень изъ пращи въ вихрь водоворота.

Я ударился обо что-то головой и, отъ сильнаго толчка, потерялъ сознаніе.

ГЛАВА XXIII.

Заключеніе.

Вотъ заключеніе нашего подводнаго путешествія. Что произошло въ эту ночь, какъ вынесло лодку изъ страшнаго водоворота, какъ Недъ-Ландъ, Консель и я вышли изъ бездны,—я не сумѣю разказать. Но когда я пришелъ въ себя, то лежалъ въ хижинѣ одного рыболова, на одномъ изъ Лоффоденскихъ острововъ. Оба мои товарища, цѣлые и невредимые, стояли возлѣ меня и пожимали мои руки. Мы обнялись съ восторгомъ. Въ это время намъ нечего и думать о возвращеніи во Францію. Сообщенія между сѣверною и южною Норвегіей очень рѣдки. Я вынужденъ дожидаться прибытія парохода который совертаетъ переѣздъ къ Нордкапу въ два мѣсяца разъ.

Здѣсь, посреди пріютившихъ насъ честныхъ людей, я пересматриваю разказъ объ этихъ приключеніяхъ. Онъ точенъ. Ни одного факта не пропущено, ни одно обстоятельство не преувеличено. Это вѣрное описаніе невѣроятной экспедиціи, въ недоступной для человѣка сгихіи, гдѣ со временемъ успѣхи науки проложатъ свободные пути.

Повѣрятъ ли мнѣ? Не знаю. Да и что за дѣло. Утверждаю одно: что имѣю право говорить о моряхъ, въ глубинѣ которыхъ менѣе чѣмъ въ десять мѣсяцевъ сдѣлалъ двадцать тысячъ льё; подводномъ, кругосвѣтномъ путешествіи, которое открыло мнѣ столько чудесъ въ Тихомъ и Индійскомъ океанахъ, въ Чермномъ и Средиземномъ моряхъ, въ Атлантическомъ океанѣ, въ моряхъ южныхъ и сѣверныхъ!

Но что сдѣлалось съ *Кораблико*мъ? Выдержалъ ли онъ напоръ водоворота? Живъ ли еще капитанъ Немо? Продолжаетъ ли онъ подъ водами Океана свое ужасное мщеніе или остановился предъ этою послѣднею гекатомбой? Принесутъ

ли когда-нибудь волны рукопись въ которой заключается вся исторія его жизни? Узнаю ли я наконецъ имя этого человѣка? Узнаемъ ли мы, по національности исчезнувшаго корабля, національность капитана Немо?

Я надѣюсь на это. Я также надѣюсь что его сильный аппаратъ преодолѣлъ море въ самой ужасной его пучинѣ, и что *Кораблик*ъ остался цѣлъ тамъ гдѣ погибло столько кораблей! Если это такъ, если капитанъ Немо все еще живетъ въ Океанѣ, своемъ избранномъ отечествѣ, то пусть утихнетъ ненависть въ его суровомъ сердцѣ! Пусть созерцаніе столькихъ чудесъ изгладитъ въ немъ чувство мести! Пускай исчезнетъ карающій судья, и останется ученый, занимающійся мирнымъ изслѣдованіемъ морей. Если участь его странна, то она также и возвышенна. Развѣ я самъ не испытывалъ этого? Не прожилъ ли я десять мѣсяцевъ этою неестественною жизнію? И теперь на вопросъ, предложенный Екклезіастомъ, шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ: „кто могъ когда-нибудь измѣрить глубины бездны?“ изъ всѣхъ людей имѣютъ право отвѣтить только два человѣка: капитанъ Немо и я.

КОНЕЦЪ.

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1871 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ въ 1871 году стоить въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, **тринадцать рублей пятьдесятъ коп.**, съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **пятнадцать рублей.**

Желающіе могутъ подписываться также на полгода, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 7 р., съ доставкой на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 8 р., и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, 3 р. 40 к., съ доставкой и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 4 р.

Заграничные высылаютъ за доставку въ государства Германскаго Почтоваго Союза—16 р.; въ Бельгію, Нидерланды и Швейцарію — 17 р.; въ Данію—18 р. 50 к.; въ Англію, Францію, Испанію, Португалію и Швецію—20 р.; въ Италію—24 руб. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи на Страстномъ бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1871 году

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1871 годъ, съ казенными объявленіями и воскресными прибавленіями: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, **двѣнадцать рублей сер.**; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой въ другіе города **пятнадцать рублей сер.**

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°.),
на Страстномъ бульварѣ.